

75(0)3

КСЕНОФОНТ

ГРЕЧЕСКАЯ

ИСТОРИЯ

СОЦЭКГИЗ

1 9 3 5

Ленинградский государственный университет им. А. С. Нубнова
Исторический факультет

КСЕНОФОНТ
ГРЕЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ

Перевод,
вступительная статья и комментарий С. Лурье

О Г И З
Соцэкгиз — Ленинградское отделение
1935

Книга содержит перевод „Греческой истории“ Ксенофонта, охватывающей интереснейший период греческой истории — переход от эллинизма к эллинизму (411—362 гг.). Автор — современник описываемых событий, активный политический деятель; поэтому книга дает не только фактическую историю событий, но и живую картину политической идеологии. Книга рассчитана на широкие круги рабочей интеллигенции, имеющей подготовку в объеме средней школы; но особенная ее цель — обслуживание студентов общественных вузов — она может лечь в основу занятий в историческом семинаре.

ГЛАВНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ

Страница:	Строка:	Напечатано:	Следует читать:
16	Подстрочн. прим. 3, строка 2 сверху	τῆ γῆ ἀριστοποιοῦμενοι	τῆ γῆ ἀριστοποιοῦμενοι.
"	"		
"	Там же, строки 4—5 сверху	τας τε	τάς τε
35	4 снизу	ἀπ' ἀμφοτέρων	ἀπ' ἀμφοτέρων
42	12 сверху	им	нам
124	14 сверху	Филлид	Филипп
136	6 снизу	Полидам	Полидамант
146	Подстр. прим. 3-е	считать прим. 1-м, прим. 2-е — прим. 3-м.	1-е — прим. 2-м и
175	Приведенная в прим. 1	фраза должна быть включена в текст взамен выноски 1-й на строке 1 сверху.	
216	19 снизу	С пятьдесят	Се пятьдесят
224	20 сверху	1-й, 93-й	1-ый 93-ей
259	4 снизу	в среде	в их среде
264	21 снизу	на надлежащем	на ненадлежащем
283	6 снизу	это письмо	его письмо
287	18 сверху	Халкиды	Халкидики
302	5 сверху	Прибыл Гиерак	1 ₂ <i>Прибыл Гиерак</i>
307	18—19 сверху	(„Отрывок“, 11, 12 и комментарий к этому месту).	(„Отрывок“, 11, 12).
"	29 сверху	(„Отрывок“, гл. 11 с коммент.)	(„Отрывок“, гл. 11).
309	1 сверху	влияния».	влияния.
"	6 сверху	санкционировали.	санкционировали».
314	17 снизу	„Отрывок“, коммент. к гл. 11),	„Отрывок“, гл. 11),
315	1 снизу (прим.)	См. прим. 2	См. прим. 1
327	19 сверху	«превратил	превратил
333	9 снизу	завдвигались	а двигались
336	7 снизу	в роде	вроде
338	1 снизу (прим. 2)	см. ниже в тексте	см. ниже. В тексте
356	12 сверху	III, 4, 3.	III, 4, 3; VII, 1, 35.
377	18 снизу	Киферы	Киферона

На карте Беотийского союза в нижней половине напечатано: 1) Эрифры (Ἐθεον) и 2) Эрифры. Во 2-м случае вместо „Эрифры“ читать „Ἐλευφеры“.

КСЕНОФОНТ И ЕГО «ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ».

Происхождение Афинского государства и развитие его демократического строя через революции Солона и Клисфена отчетливо обрисовано в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Однако, не все античные государства развивались одинаково, и к V веку в политическом строе греческих городов-государств существовало довольно много различных оттенков. Два направления, однако, можно выделить как основные: демократию и аристократию.

Первое, выросшее в связи с ростом обмена, признает, что правом на потребление производимых продуктов пользуются все коренные жители общины. Как правило, эта группа не требует равномерного распределения имущества между всеми гражданами общины, но она требует, чтобы в принципе государство обеспечивало каждому его коренному жителю известный прожиточный минимум и не облагало немущих никакими налогами или поборами. Она не считает, подобно ее противникам, всякую физическую работу унижительной для свободного человека, а только наиболее тяжелую. Она не возражает против института рабства, несмотря на конкуренцию рабского труда со свободным: наиболее тяжелая работа, и по ее мнению, удел раба; и она, как и ее противники, видит в рабе главного производителя. Всякий коренной гражданин в принципе должен получать средства к существованию от государства, даже если он не работает и не имеет своего имущества. Эти средства должны получаться путем эксплуатации рабов и иностранцев (поселившихся в городе — метэков — и жителей подвластных городов). Народному собранию, составленному из всех свободных граждан, принадлежит суверенная власть в государстве. Эта группа носила название демократии.

Другая, более реакционная группа исходила из взгляда, что бедность и всякого рода физическая работа позорны и унижительны, так как они лишают человека экономической, а вместе с ней и правовой независимости. Право на продукт труда и на власть не принадлежит всем гражданам поровну; оно должно распределяться между ними в геометрической пропорции, в зависимости от знатности и богатства, причем львиную долю получает правящая замкнутая группа богатых аристократов. Неимущие и бедняки не имеют никакого права на экономическую поддержку со стороны государства; равным образом они не должны иметь никаких политических прав, никакой власти в государстве. Разбогатевшие представители простонародья получают при известных условиях те или иные права, но хозяевами государства остается замкнутый круг людей, принадлежащих к знати или владеющих богат-

ствами уже в ряде поколений. В принципе эта партия не видела большой разницы между людьми, занимающимися физическим трудом, бедняками и рабами. Ее скрытой целью было превращение этих людей фактически в рабов; средством было долговое закабаление. Это произошло бы и в Афинах, если бы революция Солона не избавила Афины от этой участи; это произошло, может быть, в действительности в Фессалии и Спарте. Эта группа носила название аристократической.

Обе эти «партии» имеют предпосылкой полис — небольшое замкнутое государство-город, для которого каждый приезжий житель соседнего полиса является уже бесправным поселенцем, объектом эксплоатации, стоящим вне кадров государства. При появлении широкого международного обмена, при появлении ряда государств, ввозивших основные предметы потребления, например хлеб, из-за границы (так было в Афинах), наличие массы мелких полисов и таможенных рогаток не могло не ощущаться как тормоз для дальнейшего экономического развития. Невозможно должен был появиться социальный слой нового типа, не связанный с отдельным полисом. Такая правящая верхушка и появляется с IV века, знаменуя начало новой эпохи эллинизма, в отличие от предыдущей, называемой эллинизмом. Попытки образования союзов государств (наиболее типичные — Афинский морской союз, Пелопоннесский союз и, наконец, Беотийский союз, настоящее федеративное государство) оказались неудачными: поскольку каждый свободный грек рассматривал греков из других полисов как нечто неполноценное, здесь всегда наблюдалась тенденция полного подчинения более слабых членов союза наиболее сильным. Исторической необходимостью оказалось появление неограниченных властителей: тот, кто был аристократом в своем родном государстве, иногда оказывался самым жалким простолудином за его границей; поэтому новые властители, желавшие иметь авторитет в ряде подчиненных им государств, не могли обосновывать свое право на власть принадлежностью к родовой аристократии; они искали других обоснований (напр., в божественности их власти и т. п.). Вводя того или иного человека в круг своих приближенных, они тем самым делали его и аристократом и участником во власти, хотя бы он и происходил из рабов. Если по учению теоретиков эллинской эпохи каждый гражданин в большей или меньшей мере частица государства и основной целью его жизни является благополучие всей общины, то новая эллинистическая доктрина учит, что политика — дело правителей-специалистов, а от рядового гражданина требуется только, чтобы он повиновался законам, аккуратно вносил налоги, исполнял повинности и добросовестно занимался своими личными делами.

Борьба между аристократией и демократией приняла к концу V в. крайне ожесточенные формы. Борьба между Спартой, где у власти стояла аристократия, и Афинами, где у власти стояла демократия, постепенно превращалась из борьбы между государствами в борьбу между классами, вернее — группировками: аристократы в демократических государствах были, как правило, государственными изменниками и не только сочувствовали, но и активно содействовали Спарте; так же поступали демократы в аристократических государствах. Эта борьба не кончилась победой ни одной из группировок, приведя обе концепции к полному банкротству, так как обанкротилась самая идея суверенного полиса; она привела к крушению всего эллинского уклада и к

замене его укладом эллинистическим. Этот кризис резко обозначился уже в конце V века.

Ксенофонт — интересный и типичный продукт этой борьбы, достигшей своего кульминационного пункта в 404 г. Вряд ли можно сомневаться в том, что события 410 г. Ксенофонт («Греческая история», кн. I, гл. 2) описывает по личным воспоминаниям; поэтому можно быть уверенным, что он родился во всяком случае ранее 430 г. и, следовательно, в эпоху наибольшего ожесточения этой борьбы в Афинах он был уже взрослым человеком. Самое его происхождение — Ксенофонт происходил, как свидетельствуют Страбон и Диоген Лаэртский, из почтенного и богатого рода — должно было толкнуть его в аристократический лагерь.

Молодость Ксенофонта протекала в эпоху Пелопоннесских войн, носивших, может быть, характер не столько междуполисной, сколько междупартийной борьбы. Действительно, стоило спартамцам приблизиться к какому-нибудь городу, как местная аристократия начинала всячески содействовать им, а где удавалось, — и открыто переходить на их сторону. Если аристократия поступала иначе, то причиной этого был исключительно страх пред мщением демократов. Правда, по учению этих аристократов высшей добродетелью гражданина было безусловное подчинение государственным установлениям; однако, при этом имелось в виду только такое государство, которое соответствовало их аристократическим идеалам; в противном случае настоящий реакционер не только имел право, но и был обязан сделать все возможное для водворения «справедливого» строя и уничтожения «злых демократов». В Афинах все аристократическое общество было настроено не только лаконофильски, но страдало настоящей лакономанией: спартанские порядки считались верхом совершенства, детей сплошь и рядом посылали на воспитание в Спарту. В такой обстановке жил и воспитывался молодой Ксенофонт. Он был для своего времени образованным человеком, но такое воспитание считалось тогда необходимым для блестящего светского юноши; остроумная характеристика Платона — «прежде всего светская безупречность, а затем уже истина» — относится прежде всего к нему.

Правда, в самые последние годы V века Ксенофонт был — в течение очень короткого времени — учеником Сократа. Но он пошел к Сократу не потому, что хотел найти цель и смысл жизни, и не из любви к отвлеченному философствованию. Ставшее в то время модным «высшее образование» можно было получить только у софистов, вроде Протагора, представителя демократического и материалистического течения. Наоборот, Сократ подвергал уничтожающей критике демократические установления, считал, что во главе государства должны стоять люди, с детства готовившиеся к делу управления государством, т. е., практически, аристократы; он открыто отдавал предпочтение аристократической Спарте перед демократическими Афинами, где правят «горшечники и кожевники», и охотно цитировал содержащийся в «Илиаде» эпизод с Ферситом, преисполненный презрения к черни. Разумеется, более глубокий анализ учения Сократа показывает, что его нельзя без дальнейших околичностей причислить к аристократическому лагерю, но до этого не было дела рядовому афинянину; неудивительно поэтому что Аристофан в своих «Птицах» употребляет слова «лакономан» и «сократовец» как синонимы и что это

же лаконофильство и враждебность к демократии послужили впоследствии причиной осуждения Сократа.

Сказанного достаточно, чтобы понять, почему аристократическая золотая молодежь предпочла Сократа радикальным софистам. К нему валом повалили юноши из лучших аристократических семей. Многие из этих юношей пришли к Сократу с уже готовыми и вполне сложившимися предвзятыми взглядами и воспользовались его уроками для того, чтобы округлить эти взгляды.

Одним из этих молодых людей был Ксенофонт. Выросший, как мы видели, «в умственно-ограниченной среде лаконофильского аттического юнкерства» (W. Schmid u. Christ, Griechische Literaturgeschichte, I, изд. 6, стр. 494), в которой интересовались только гимнастикой, охотой, верховой ездой и амурными приключениями («Греческая история», кн. V. гл. 3, § 20), он не мог и не стремился понять сущность учения Сократа. Его философские произведения («Воспоминания о Сократе», «Апология Сократа», «Пир», «Домострой») показывают, что он лишь чисто внешне использовал отдельные положения сократовской этики и новую введенную им диалектическую форму для пропаганды скучной филистерской морали и для демонстрации своего красноречия. Однако, при всей своей теоретической беспомощности, этот Тартарэн от философии умел ловко вести защиту интересов своего класса. Пусть в его языке нет жесткой красоты и сурового величия¹ старой аттической речи; пусть и в манере письма, как и во всем прочем, он является провозвестником новой эллинистической эпохи; его ровный, спокойный и выдержанный стиль был тем идеалом, к которому стремился каждый хорошо воспитанный светский человек того времени; недаром Ксенофонт получил прозвание «аттической пчелы».

Не успел Ксенофонт сколько-нибудь основательно ознакомиться с учением Сократа, как обстоятельства направили его совсем в другую сторону. Его друг, беотиец Проксен, предложил ему в 401 г. принять участие в походе персидского царевича Кира против своего брата, царя Артаксеркса II, и Ксенофонту пришлось, не долго думая, бросить философию, променяв скучную науку на полную приключений жизнь наемника. Дело в том, что положение аристократов в Афинах после свержения 30 тираннов, несмотря на клятвенное обещание демоса «не быть злопамятным», становилось с каждым днем все более ненадежным; прямой же переход к спартамцам превратил бы Ксенофонта в государственного изменника. Поступление на службу к Киру, который, хотя и был другом и союзником Спарты, но не порвал и с Афинами, было сравнительно наилучшим выходом из положения. Вдобавок, служба в качестве наемника была весьма выгодной: хорошая гимнастическая и военная подготовка и аристократическое происхождение обеспечивали Ксенофонту быстрое продвижение по службе; в случае же ожидавшейся победы Кира и вступления его на престол положение Ксенофонта могло стать и совсем завидным.

Конечно, такой переход Ксенофонта к другу Спарты в тогдашней обстановке являлся не вполне лояльным шагом; Сократ посоветовал Ксенофонту обратиться к Дельфийскому оракулу, зная, что в этот момент оракул не был

¹ Отзыв У. Виламовица о стиле Ксенофонта («Die Kultur der Gegenwart», 1, 8², стр. 32), как и вообще о Ксенофонте, пожалуй, слишком суров: «Он приучил себя к умышленно наивному стилю, нередко переходящему в детский язык».

настроен крайне лаконофильски и что дельфийские жрецы были большими дипломатами и не хотели портить отношений ни с одним из греческих государств. Но Ксенофонт не остановился перед этим препятствием и ловко провел самого Аполлона. Желая получить во что бы то ни стало благоприятный ответ, он не спросил у оракула, принять ли ему участие в походе Кира, а задал вопрос в такой (впрочем, очень обычной тогда) форме: «Каким богам должен я принести жертву, чтобы благополучно возвратиться?»

Вопреки ожиданиям, поход этот кончился неудачей: в битве при Кунаксе погиб сам Кир, после чего персам удалось хитростью заманить и перебить греческих военачальников. Грекам не осталось ничего другого, как выбрать новых военачальников, в число которых попал и Ксенофонт, и начать на свой риск и страх трудное отступление к побережью Малой Азии. Этот поход и отступление были описаны одним из участников похода, Софенетом из Стимфала (к которому восходит рассказ об этих событиях в дошедшей до нас истории Диодора). При этом роль Ксенофонта, повидимому, вовсе не была отмечена; обиженный Ксенофонт долгое время спустя после этих событий, со своей стороны, описал этот поход в дошедшем до нас сочинении «Анабасис». Это сочинение было выпущено под псевдонимом — от имени Темистогена Сиракузского, что дало автору возможность выдвинуть на первый план заслуги «некоего Ксенофонта, находившегося в греческом войске». Эти заслуги, однако, несомненно сильно преувеличены.

При возвращении из похода Кира, где Ксенофонт действовал в интересах Спарты, ему и его войску пришлось встретиться с противодействием и недоброжелательностью тех самых спартанцев, которые были его кумиром: Ксенофонту с его товарищами не дали возможности вернуться в материковую Грецию; когда он приступил к основанию военной колонии для поселения своих воинов, спартанцы властно потребовали, чтобы приготовления к постройке ее были прекращены; из Византия бывшим наемникам Кира, возглавляемым Ксенофонтом, было предложено немедленно удалиться под угрозой продажи их в рабство. Однако, Ксенофонт продолжает настаивать на слепом повиновении спартанцам, говоря, что — лакедемоняне руководят всей Элладой «и каждый отдельный спартанец может сделать все, что ему вздумается, в любом греческом городе» («Анабасис», VI, 6, 12).

После долгих мытарств и унижений Ксенофонт поступает, несмотря ни на что, на службу в спартанскую армию; уцелевших воинов он передает в спартанское войско. Вслед за этим он был объявлен в Афинах предателем и государственным преступником и присужден к пожизненному изгнанию. Изгнание окончательно предопределило дальнейшую судьбу Ксенофонта, навсегда привязав его к Спарте. Когда в Малую Азию прибыл занявший незадолго перед тем престол спартанский царь Агесилай и перенял командование над войском, он дал Ксенофонту пост при своем штабе:¹ на Ксенофонта были возложены обязанности дипломатического характера.

С этих пор Ксенофонт стал близким другом и убежденным поклонником Агесилая. Он был посвящен во все секреты незуитской политики этого государства, в котором изумительная сила воли и властолюбие сочетались с полным отсутствием нравственных принципов, прикрывавшимся нравоучительным рефо-

¹ E. d. M e u e r. Theopomp's Hellenika, 107,

нерством и напускной религиозностью. Ксенофонт не мог не видеть всех недостатков своего патрона; но, исповедуя в глубине души тот же культ силы и успеха, как и Агесилай, и видя, что в этом отношении его патрон не имеет себе подобных, он принужден был умышленно закрывать глаза на те приемы, при помощи которых Агесилай добивался усиления спартанского могущества, и настолько проникся идеями этого государя, что, читая «Греческую историю», нередко кажется, что устами Ксенофонта говорит сам Агесилай. Под влиянием последнего Ксенофонт отправил своих сыновей в Спарту, чтобы они могли получить настоящее спартанское воспитание, пройдя всю ту муштру, которой подвергалась спартанская молодежь.¹

Вследствие всего этого Ксенофонт не мог испытывать угрызений совести при мысли, что ему придется поднять оружие против своего отечества. Действительно, когда разразилась война между Спартою и враждебной ей коалицией, в которую входили и Афины, и Агесилай со своим войском двинулся в материковую Грецию, Ксенофонт пошел вместе с ним и участвовал в Коронейской битве (394 г.), находясь в числе врагов своей родины. Во время последовавшей затем Коринфской войны Ксенофонт оставался в лагере Агесилая, вероятно, до самого Анталкидова мира (387 г.).

Немного времени спустя Ксенофонту, по неизвестным причинам, пришлось бросить военную и политическую карьеру и заняться сельским хозяйством. Взамен земель, конфискованных у него в Аттике, он приобрел имение в Элиде близ города Скиллунта, неподалеку от Олимпии, предаваясь мирным сельским занятиям и литературе. Покой этот был прерван в 370 г., когда Скиллунт оказался в полосе военных действий между Спартой и Фивами. Однако, в это время афиняне были уже на стороне Спарты; поэтому Ксенофонту удалось добиться амнистии. Сам он уже был слишком стар, но сыновья его сражались в афинском войске, причем один из них — Грилл — даже пал в битве при Мантинее (в 362 г.). Обстоятельства смерти Ксенофонта нам неизвестны.

Все эти факты: происхождение из крупноземлевладельческой среды, светское аристократическое воспитание, служба наемником у Кира, служба в свите спартанского царя Агесилая и вооруженное выступление против своей демократической родины, пожизненное изгнание из Афин, владение крупной усадьбой в Пелопоннесе, — вполне определяют духовный облик Ксенофонта: по справедливому замечанию Эд. Мейера, он был «типичным и убежденным представителем реакции в литературе того времени: его идеал — порядок и дисциплина, военное воспитание и субординация, т. е. строй, господствовавший в Спарте, которая прочно владела этими благами в противоположность «подлым демократиям». . . Но что представляла собою Спарта, современная Ксенофонту? Она не только совершенно не считалась с новыми веяниями и цеплялась за старый отживший уклад: самый этот уклад был совершенно извращен в своей основе. «Добрые» и «лучшие» граждане, которым она всюду уверяет бразды правления, теперь уже не представители старинных родов, связанные в своих действиях по рукам и по ногам традицией и общественным мнением: теперь это просто более богатые граждане, которые правят, открыто

¹ Спартанское государство охотно принимало к себе детей иностранцев и давало им такое же воспитание, как и молодым спартанцам. Эти юноши образовывали в Спарте особую группу, называвшуюся «трофимами», т. е. воспитанниками.

Ксенофонт и его «Греческая история»

и цинично преследуя интересы своего класса и своих близких. Не только Лисандр, но и кумир Ксенофонта Агесилай с его «партией» стремились к безграничному расширению спартанского могущества прежде всего потому, что в нем заключался источник их собственной власти, а для достижения этой цели они не брезговали никакими средствами. Эту политику, которую вполне сознательно проводил Агесилай, уже по самому своему воспитанию и общественному положению должен был считать верхом государственной мудрости и его панегирист Ксенофонт. Единственное искреннее чувство у этого человека — ненависть к демократии.

Этих справок из биографии Ксенофонта, я думаю, достаточно для того, чтобы понять, почему повествование Ксенофонта в его «Греческой истории» производит подчас впечатление спартанской официальной версии греческой истории. Как мы видели, Ксенофонт принимал без всяких оговорок и считал верхом совершенства строй и порядки, царившие в Спарте.¹ Далее, как мы видим, Агесилай был личным другом писателя, и Ксенофонт благоговел перед политикой этого царя. Поэтому и к историческому труду Ксенофонт предъявлял те же требования: воздействие на дух читателей при помощи изображения спартанского могущества и дисциплины, внушение любви к Спарте путем подчеркивания хороших на его взгляд сторон и умолчания дурных. Подобно тому как Агесилай ставил своей целью усиление могущества Спарты, не останавливаясь для достижения этой цели ни перед какими мерами, так и Ксенофонт поставил своей задачей апологию и восхваление этой могущественной Спарты во что бы то ни стало. Вот почему рассказ его носит определенный односторонний и тенденциозный характер.

Ксенофонт обладает исключительным умом и редким дипломатическим талантом и говорит правду только тогда, когда это выгодно для его дела; умолчание об одних фактах и неверное освещение других его никогда не останавливают. В большинстве случаев Ксенофонт не прибегает к простому искажению фактов: его любимые приемы — умолчание и отвлечение внимания читателя вставными второстепенными эпизодами с целью ослабить невыгодное впечатление, вызванное теми или иными поступками или неудачами спартацев. Далее, само собой разумеется, он постоянно недооценивает удачу врагов Спарты и преувеличивает важность и значение спартанских успехов; сплошь и рядом, несмотря на то, что он сообщает одну только правду, впечатление получается как раз противоположное действительности, благодаря тому, что он подолгу останавливается на несущественных для общего хода дела второстепенных событиях, а о главнейших фактах упоминает лишь мимоходом.

Попробуем расположить все умолчания Ксенофонта в хронологическом порядке, и мы увидим, что нарисованная им картина значительно отличается от исторической действительности.

Описав события 404 г., наш автор прямо переходит к походу 10 000 греков, совершенно опуская события 403 — 401 гг. Было бы наивно думать, что этот пропуск случаен: он дает Ксенофону возможность не останавливаться на

¹ Его трактат «О Лакедемонском государственном устройстве» — панегирик этому строю.

возмутительной деятельности Лисандра и декархий, учрежденных им в малоазиатских городах и вызывавших всеобщее возмущение в древности.¹

Важнейшим фактом дальнейшей истории было снаряжение персами сильного флота в Карии, имевшее результатом поражение спартанцев при Книде. Об этом снаряжении Ксенофонт вовсе не упоминает; по его словам, спартанцы узнали об этом случайно и только в 396 г. Между тем, скрыть такую вещь, как снаряжение флота, совершенно невозможно. Действительно, спартанское правительство неоднократно предписывало своим полководцам — Фиброну, Деркилиду, Агесилаю — двинуться на Карию,² чтобы помешать приготовлениям персов: в занятии Карии был залог успеха Спарты. Однако, ни Агесилай, ни его предшественники не отваживались на этот трудный поход и довольствовались операциями во Фригии и Пафлагонии, ничего не дававшими для общего хода дел. Ксенофонт умалчивает о морских приготовлениях персов, и поэтому он получает возможность изобразить эти экспедиции как верх военного гения Агесилая: простодушный Тиссаферн, говорит он, почему-то ждал, что Агесилай двинется в Карию... Но не тут-то было: Агесилай перехитрил его и пошел на север.

Точно так же Ксенофонт ничего не говорит о морских боях, предшествовавших битве при Книде и бывших неудачными для спартанцев, чтобы не ослабить впечатления от легких побед Агесилая; даже о великом поражении при Книде он упоминает лишь мимоходом. Вслед за этим Ксенофонт прямо переходит к удачной для спартанцев битве при Коронее, и таким образом, подобно тому как, опустив события 403—401 гг., он представил нам политику Спарты в мирное время в виде ряда мудрых и справедливых мероприятий, — так и здесь ему удается ценой опущения целой серии неудач представить современную военную историю Греции в виде сплошного триумфа Спарты.

Далее, самое существование тесных коалиций враждебных Спарте греческих государств могло свидетельствовать о ее непопулярности и дипломатической неумелости. Поэтому Ксенофонт совершенно умалчивает о них: так, он ни слова не говорит ни о возникновении и первых шагах Коринфского союза (394 г.), ни о втором Афинском морском союзе (378 г.); последний всплывает лишь впоследствии (V, 4, 34), причем речь здесь идет только о снаряжении флота.

На рыцарское благородство Спарты набрасывала самую густую тень ее близость к Персии. Ксенофонт понимал это, поэтому при описании мирных переговоров 374 и 371 гг. он ни словом не обмолвился о посредничестве Персии.³

Но, если при описании столкновений Спарты с Афинами Ксенофонт еще несколько щадит свою родину и соблюдает известную меру в стремлении обелить Спарту, то в рассказе об эпохе преобладания ненавистной ему Беотии его пристрастие проявляется еще резче. Если мы сопоставим рассказ нашего автора о событиях 374—373 гг. со свидетельством Диодора (XV, 45, 46),

¹ О «подвигах» Лисандра в Милете и Фасосе мы узнаем только из других источников.

² См. E. d. Meyer, *Theopomp's Hellenika*, passim.

³ Главным источником для восполнения умолчаний Ксенофонта служит Диодор.

то увидим, что о ряде подвигов беотийского оружия Ксенофонт умышленно умалчивает: он даже не упоминает о таких выдающихся событиях, как победа Исмения при Нариксе и Пелопида при Тегире. Вообще имена фиванских полководцев Пелопида и Эпаминонда почти вовсе не встречаются в его труде: они не упомянуты даже в рассказах об освобождении Фив и о Левктрской битве. Пелопид фигурирует в «Греческой истории» только один раз, и то в очень неблагоприятной роли: в роли посла при персидском дворе (VII, 1, 33). Имя Эпаминонда встречается только в самом конце труда, при описании третьего похода в Пелопоннес (V, 1, 41), и здесь, в виде уступки господствовавшему общему мнению, у нашего автора вырывается запоздалая дань удивления перед его военными талантами.

Особенно интересно в этом отношении ксенофонтово описание Левктрской битвы, представляющее собою, по справедливому замечанию Эд. Мейера,¹ самое слабое место во всей «Греческой истории». Несмотря на то, что Ксенофонт, по своим взглядам, не мог не придавать решающего значения в сражениях военной технике, он не упоминает ни словом о превосходстве тактики Эпаминонда, ни вообще о последнем, а пытается объяснить поражение стечением случайных обстоятельств, неблагоприятных для Спарты.

Если мы прибавим сюда еще то, что Ксенофонт совершенно умалчивает о таких значительных, но, само собой разумеется, щекотливых для него фактах, как возвращение беотийцами автономии Мессении и основание Мессены и Мегалополя, то вряд ли у нас может остаться сомнение, что умолчания Ксенофонта — не случайные пропуски, а вполне сознательный исторический прием.

Точно так же не случайность, что Ксенофонт часто при рассказе о неприятных ему событиях впадает в какой-то странный тон: о самой сущности события он рассказывает настолько кратко, что часто даже трудно понять, в чем дело; зато он подолгу останавливается на несущественных и неинтересных подробностях.² Таково, напр., описание событий 405 г. на Геллеспонте, или описание поражения спартанцев близ Фив в 377 г. или рассказ о занятии беотийцами Оропа в 366 г. (VII, 4, 1).

Кроме умолчаний, в рассказе Ксенофонта встречаются кое-где и заведомые извращения. Я не говорю уже об умышленно неправильной оценке событий;³ иногда Ксенофонт сознательно отступает от истины и при самом изложении фактов. Так, он рассказывает, что весной 396 г. Тиссаферн заключил клятвенный мир с Агесилаем (III, 4, 5—6) и уже осенью оказался клятвoprеступником, открыв военные действия. Между тем, из книги «Агесилай» нашего же автора мы узнаем (I, 10), что это перемирие было заключено только на три месяца. Ясно, что Тиссаферн поступил вполне правильно, открыв с наступлением осени военные действия; ни о каком клятвoprеступлении не может быть и речи.

Далее, в 392 г. коринфские аристократы, повидимому, дали знать Агеси-

¹ Gesch. d. Alt., V, 414.

² Прием, хорошо нам известный из официальных реляций времен Европейской войны, когда в случае поражения сообщалось только «о геройском подвиге казака №».

³ Так напр., разумные и осторожные мероприятия Павсания и его сына Агесиполида Ксенофонт объясняет завистью или даже предательством.

лаю, что если он подойдет к городу, то они дадут ему возможность прорваться в крепость. Агесилай последовал их совету, но либо им по той или иной причине не удалось исполнить своего обещания, либо предложенный ими способ проникнуть в город, по обследованию на месте, оказался слишком рискованным. Прождав короткое время, Агесилай удалился, и вскоре затем ему удалось захватить коринфское укрепление Пирей.

Ксенофонт в разных местах различно говорит об этом событии, и оба его рассказа одинаково курьезны. В «Греческой истории» (IV 5, 3; рассказ дословно повторяется в «Агесилае», II, 18—19) он описывает этот поход Агесилая как искусный маневр: он, мол, нарочно подошел к Коринфу, чтобы враги подумали, что аристократы стоворились с ним открыть ему ворота, ожидая, что в этом случае противники переведут свои пирейские войска в Коринф и Пирей останется незащищенным. Так, по словам Ксенофонта, и случилось.

Не будем уже говорить о внутренней несостоятельности этого рассказа: ни противники Агесилая не решились бы совершить такой переход на виду у подавляющего численностью врага, ни сам Агесилай, предвидевший этот переход, не стал бы ждать, пока они войдут в город, а разбил бы их во время марша. Ясно, что пирейский гарнизон, узнав о намерении городских аристократов предать Коринф, перешел в город раньше, чем Агесилай подошел к его стенам... Сам же Ксенофонт в другом месте («Агесилай», VII, 6) рассказывает об этом случае нечто совсем иное. Оказывается, что коринфские аристократы, действительно, предлагали ему предать город, если он поведет приступ на определенные, указанные ими места. Но «высокофилантропические» убеждения Агесилая не позволили ему сделать попытку поработить эллинский город и тем содействовать варварам, уменьшая число их врагов.

Итак, один и тот же неудачный маневр Агесилая оказывается в одном месте верхом военной мудрости, в другом — великодушной данью панэллинской идее.

Точно также из «Агесилая» (IV, 6) мы узнаем, что когда Тифравст предложил этому царю вознаграждение за удаление из его области, Агесилай гордо ответил ему: «У нас считается более достойным, чтобы обогащалось войско, чем полководец: мы охотнее захватываем у врагов добычу, чем получаем у них подарки».

Конечно, наивный читатель подумает, что Агесилай отказался удалиться из владений Тифравста... Ничего подобного! В таком виде Ксенофонт преподносит нам известие о том, что Агесилай потребовал с Тифравста за удаление из его области 30 талантов для раздачи своему войску («Греческая история», III, 4, 26).

Уже в «Анабасисе» Ксенофонт в целях личной защиты позволяет себе односторонний подбор и неправильное освещение фактов; так напр., он ничего не рассказывает о насилиях Клеарха. Такой же характер носит и его «Греческая история», только здесь цель автора — не собственная апология, а апология Спарты. К сожалению, мы имеем очень мало параллельных исторических рассказов, а имеющиеся (напр., труд Диодора) не настолько достоверны, чтобы на них можно было везде и всюду опираться при анализе известий нашего автора. Однако, для 396—395 гг. мы имеем такое параллельное свидетельство — папирусный отрывок из истории, найденный в Оксиринхе (он

дан нами в приложении). Сравнив рассказ оксиринхского историка с рассказом нашего автора о походе в Лидию и битве при Сардах, Эд. Мейер¹ пришел к неоспоримому заключению, что наш автор впадает здесь в заведомо тенденциозное извращение: его рассказ внутренне невозможен, если принять во внимание географические условия и фактическое положение дел.

В политическом смысле Ксенофонт был убежденным сторонником олигархии, далеким от стремления к каким бы то ни было социальным или политическим реформам для облегчения участи низших слоев населения. Поэтому, как мы видим из «Анабасиса» и других его произведений, он пытался достигнуть «охотного подчинения» масс мягкостью, лаской, простотой обращения и т. д., т. е., в сущности, обманом и демагогией. Однако между этой демагогией и демагогией лидеров античных демократий разница громадная. Ксенофонт никогда не опускается до народа, не равняется с ним: он смотрит на него свысока и хочет быть только «добрым барином». Так напр., как мы узнаем из «Анабасиса» (V, 8, 18), Ксенофонта обвинили в том, что он бьет воинов. Он с негодованием отбрасывает это обвинение: ему, правда, случилось ударять воинов, но «для их же пользы». К демагогам, ставящим себя на одну доску с демосом, он относится с глубочайшим презрением и самого видного из них, Клеофонта, умышленно ни разу не называет по имени. Эти взгляды и привели Ксенофонта к тому, что на старости лет он в своей «Киропедии» считает идеалом разумного правления могущественного и неограниченного, но в то же время доброго и справедливого царя.

Дж. Магаффи² справедливо назвал Ксенофонта «первым предтечей эллинизма». Характерная особенность эллинистической историографии — преклонение перед личностью — была основной чертой и миропонимания Ксенофонта. Всю эту эпоху характеризует культ личности; Ксенофонт, как дитя своего века, в большой мере страдает этим недостатком. Он не видит, что все его любимцы, включая и Агесилая, только орудия своего времени и своей среды, что они творят лишь то, к чему вынуждают их ход вещей. Он думает, что эти лица творят историю по своему произволу; это приводит его к логической необходимости закрывать глаза на их мелкие человеческие недостатки и превращать их в героев и титанов.

Все эти Лисандры, Агесилаи и Клеархи, предшественники эллинистических династий, были убеждены в своей сверхчеловеческой гениальности и нуждались в своих историографах; так же думали окружавшие их поклонники и люди следующего за ними поколения. Разумеется, для прославления их нужны были не первые попавшиеся историки, а достойные преемники великого Фукидида. За продолжение труда Фукидида, как известно, доведшего историю Пелопоннесской войны только до 411 г., взялся ряд историков, из которых наиболее известны, кроме Ксенофонта, его современник Кратипп и живший одним поколением позже Феопомп; одновременно с Феопомпом историю этого же периода с противоположной, афинофильской, точки зрения включил в свой труд и Эфор, написавший первую универсальную историю. Всех этих историков характеризует одна общая черта; они повествуют не о борьбе между собой отдельных общественных групп и государств, как это было у Фукидида, а исключительно

¹ Theopomp's Hellenika, 13.

² J. P. Mahaffy, The progress of Hellenism in Alexander's Empire, Chicago, 1905, гл. 1.

о борьбе между отдельными выдающимися личностями и группировками их приспешников. Вот почему, когда в Оксирихе (в Египте) был найден папирусный отрывок исторического произведения, посвященный той же эпохе, то трудно было решить, кому именно из перечисленных выше историков он может принадлежать: Феопомпу, Кратиппу или даже Эфору. К сожалению, ни афинофобских ни афинофильских мест в сохранившемся отрывке не нашлось; а вся разница между Феопомпом и Кратиппом, с одной стороны, и Эфором, с другой, состояла лишь в том, что, в то время как первые превозносили до небес Лисандра, Алкивиада и Агесилая, Эфор всячески поносил этих деятелей, а превозносил Конона и Эпаминонда. Общий же характер и стиль всех этих произведений был один и тот же, и неудивительно, что до сих пор одни приписывают новый отрывок Феопомпу, другие Кратиппу, третьи — Эфору.

Однако, поскольку мы можем судить по дошедшим до нас сообщениям, ни у одного из этих авторов замалчивание существеннейших фактов не шло так далеко, как у Ксенофонта. При этом надо принять во внимание, что в «Греческой истории» Ксенофонт все же больше считается с истиной, чем в других своих исторических произведениях — в «Анабасисе», в «Лакедемонской политике»,¹ в «Агесилае» (частично дословно совпадающем с «Греческой историей» и представляющем собой панегирик этому царю) и в «Воспитании Кира». В этом последнем произведении мы имеем уже дело с историческим романом; история для Ксенофонта только фон, которым автор распоряжается по собственному усмотрению.

Впрочем, несмотря на то, что непосредственной целью работы Ксенофонта является прежде всего прославление его высокопоставленных покровителей и других счастливых удачников, выплывших на поверхность общественной жизни, он пытается дать что-то вроде собственной философии истории. Причины этого философского самоуглубления вполне понятны и, к сожалению, слишком человеческие: Ксенофонт рассчитывал, что его усердная работа при сильных мира сего даст ему завидное положение, а в конце концов заслуженное довольство и спокойную старость. Но этого не случилось: ряд незаслуженных обид ему пришлось претерпеть от спартанцев уже в 400 году, а примерно в 385 г. он принужден был удалиться от дел и заняться сельским хозяйством; в 370 г. он принужден был, как мы видели, бросить свою усадьбу и оказался бездомным изгнанником. Ему пришлось, наконец, искать приют на своей старой родине, в стране «проклятых демократов». Разумеется, он не пошел бы по этому пути, если бы спартанцы наградили своего поклонника так, как он, по его мнению, этого заслуживал.

И вот, с точки зрения Ксенофонта оказывается, что, в противоположность блестящей эпохе справедливого господства Спарты и Агесилая до 382 г., с этого момента начинается целый ряд ошибочных и неудачных действий спартанцев. И все это, по Ксенофонту, — наказание за единственное преступление спартанцев против богов: «Можно было бы, — говорит Ксенофонт, — привести много событий как из жизни эллинов, так и из жизни варваров, из которых видно, что боги не оставляют безнаказанными творящих нечестивые и безбожные дела. Теперь же я скажу следующее. Лакедемоняне, доклявшись

¹ Трактат об афинской политике, дошедший до нас в собрании сочинений Ксенофонта, как доказано теперь исторической критикой, принадлежит ему не может: он написан гораздо раньше Ксенофонта, в начале Пелопоннесской войны.

оставить государства автономными, захватили, несмотря на это, Фиванский акрополь. Вот почему и вышло так, что они были наказаны, тогда как до тех пор их не мог победить никто из людей» (ниже, кн. V, гл. 4, § 1).

Разумеется, и до 382 г. Лисандр и Агесилай поступали так же на каждом шагу, и Ксенофонт не мог не знать этого. Но тогда Ксенофонт смотрел на это сквозь пальцы. Другое дело теперь, когда он испытал на себе несправедливость и неблагодарность спартанцев: теперь он убежден, что эти насилия могли произойти только потому, что с 385 г. бог помутил разум спартанцев.

Труд Ксенофонта является, в сущности, не историей, а историческими мемуарами, написанными одним из активнейших исторических деятелей эпохи. Вдобавок, это по существу единственная история этой эпохи, написанная современником: от Феопомпа, Кратиппа и Эфора до нас дошли, как мы видели, только жалкие обрывки, а Диодор, Трог Помпей и Плутарх, писавшие через несколько столетий после этих событий, хотя и восходят частично к этим утраченным источникам, но большого доверия не заслуживают, так как заимствуют материал из третьих рук и притом вовсе не обладают качествами, нужными для историка.

Но, кроме того, Ксенофонт как писатель имеет целый ряд достоинств. Это прекрасный знаток военного дела; с другой стороны, это весьма интеллигентный человек, к тому же стоявший в близких личных отношениях с вершителями судеб тогдашней Греции. Нелепостей или несуразностей, подобных тем, какие мы встречаем в комбинациях позднейших историков, он не напишет. Прямых извращений или искажений фактов у него очень мало. Правда, как мы уже говорили, нужного ему впечатления Ксенофонт достигает другими, не вполне добросовестными приемами: умалчением или очень кратким упоминанием о неприятных ему событиях, раздуванием нужных ему фактов и придаванием им того значения, которого они не имели, отвлечением внимания читателя в опасных для его идейных построений местах всевозможными моральными рассуждениями, диалогами, своеобразным освещением и т. д. Однако, все эти недостатки в известной мере уравниваются тем, что Ксенофонт — прекрасно осведомленный свидетель, точно и с пониманием дела сообщающий читателю те факты, очевидцем которых ему пришлось быть.

Прибавим еще к этому, что эпоха, описываемая Ксенофонтом, как мы видели, стоит как раз на рубеже двух периодов: с одной стороны, эллинизма с его маленькими самодовлеющими полисами, характеризующимися еще в значительной мере замкнутым хозяйством и соответственно замкнутой психологией, и со значительными элементами коллективизма как в экономической, так и в психологической области; с другой стороны, эллинизма с его огромными монархиями, широким денежным обменом и торговлей, насквозь индивидуалистической психологией, вынужденным аполитизмом обывателя и культом великой личности. Поэтому сочинение Ксенофонта приобретает особое значение как один из важнейших источников для решения трудного вопроса о генезисе эллинизма.

К Н И Г А П Е Р В А Я

Через несколько дней после этого прибыл из Афин Фимохар с несколькими кораблями, и тотчас по его прибытии снова вступили в бой лакедемонская и афинская эскадры, причем победили лакедемоняне, предводительствуемые Агесандридом. Короткое время спустя, в начале зимы, прибыл на рассвете из Родоса в Геллеспонт с флотом из четырнадцати кораблей Дориэй, сын Диагора. Заметив его, афинский караульный оповестил об этом стратегов,¹ и они вышли против него с двадцатью кораблями. Чтобы избежать встречи с ними, Дориэй втащил на берег свои триэры² около Регия.

Когда афиняне приблизились, начался бой с кораблей и с берега; эта битва продолжалась до тех пор, пока афиняне не отплыли в Мадит к остальному войску, не добившись никаких успехов. Миндар из Илия, где он приносил жертву Афине, заметил, как идет эта битва, и решил оказать помощь с моря. Стащив свои триэры в море, он отплыл на соединение с флотом Дориэя.

Но и афиняне со своей стороны выплыли ему навстречу в море и, выстроившись вдоль берега, вступили около Абидоса в бой, продолжавшийся до сумерек. В одних местах побеждали афиняне, а в других сами терпели поражение, когда вдруг приплыл Алкивиад с восемнадцатью кораблями. Тогда пелопоннесцы устремились в бегство к Абидосу; Фарнабаз оказывал им всяческую помощь: и сам он сражался, пока только это было возможно, въехав на лошади в море, и другим своим всадникам и пехотинцам приказывал поступить так же. Пелопоннесцы составили сплошную стену из кораблей и, выстроившись на берегу, под их защитой продолжали бой. Вскоре афиняне уплыли назад в Сест, захватив тридцать вражеских кораблей без экипажа и вернув себе те корабли, которые они сами потеряли в сражении. В Сесте осталось только сорок афинских кораблей; прочие разошлись из Геллеспонта в разные стороны для сбора контрибуции, а один из стратегов, Фрасилл, поплыл в Афины, чтобы оповестить афинян о случившемся и попросить войска и кораблей. После этого Тиссаферн прибыл

¹ Фрасилла и Фрасибула. См. ниже, §§ 7 и 12.

² В этом месте подлинника прибавлено еще *ὡς τριούρε*. Смысл этого выражения темен.

в Геллеспонт, взял в плен Алкивиада, прибывшего к нему на одной только триэре с дарами гостеприимства,¹ и заключил его в темницу в Сардах, говоря, что персидский царь повелевает воевать с афинянами. Спустя тридцать дней Алкивиад, вместе с взятым в плен в Карию Мантифеем, раздобыв лошадей, бежал ночью в Клазомены. В это время находившиеся в Сесте афиняне, узнав, что Миндар собирается напасть на них с флотом из шестидесяти кораблей, бежали ночью в Кардию. Туда же прибыл из Клазомен и Алкивиад с пятью триэрами и эпактридой. Здесь он узнал, что корабли пелопоннесцев уплыли из Абидоса в Кизик, и отправился сам в Сест в главе отряда пехотинцев, приказав кораблям обогнуть полуостров и прибыть туда же. Когда же они прибыли и Алкивиад уже собирался сняться с якоря и выйти в бой, приплывает Ферамен с двадцатью кораблями из Македонии и Фрасибул также с двадцатью из-под² Фасоса; оба в это время уже взыскали контрибуцию. Тогда Алкивиад отплыл в Парий, приказав и им следовать за собой, убрав большие паруса. Затем все корабли, собравшись в Парии в числе восьмидесяти шести,³ с наступлением ночи снялись с якоря и на следующий день во время завтрака прибыли в Проконнес. Там афиняне узнали, что Миндар находится в Кизике и что там же и Фарнабаз с пехотой. Этот день они провели в Проконнесе, а на следующий Алкивиад, созвав общее собрание войска, выступил с увещательной речью, говоря, что необходимо сражаться и на море и на суше, равно как и вести осаду. «Ведь у нас, — говорил он, — денег нет, а враг получает их в изобилии от персидского царя». Еще накануне, как только они причалили,⁴ Алкивиад собрал в кучу вокруг своего судна все корабли, даже самые маленькие, чтобы никто не мог сообщить врагу о числе их,⁵ и объявил, что тот, кто будет застигнут переплывающим на материк, будет наказан смертной казнью. Распустив собрание, он сделал все приготовления для битвы и отчалил в Кизик под проливным дождем. Когда же он был уже близ Кизика, погода прояснилась, засияло солнце, и он увидел, что шестьдесят кораблей Миндара, маневрирующие вдали от бухты, отрезаны им от гавани. Пелопоннесцы, со своей стороны, увидя афинские триэры в гораздо большем числе, чем прежде,⁶ и находящимися у гавани, обратились в бегство, устремляясь к суше; они пригнали к берегу корабли и, выстроив их вплотную друг к другу, под защитой их отражали наступающего врага. Алкивиад же обогнув место сражения с двадцатью кораблями из своей эскадры, вышел на берег; увидя это, и Миндар вышел на сушу, где и по-

¹ См. коммент. к гл. 2, § 10.

² Перевозу так вместе с Эд. Мейером G. d. A. IV, 607.

³ Сорок упомянутых в § 11, шесть — Алкивиада и сорок Ферамена и Фрасибула.

⁴ В Проконнескую гавань.

⁵ Для того, чтобы враг думал, что афинский флот менее многочисленен, и решился завязать с ним сражение.

⁶ Т. е. чем в предыдущей битве.

гиб в сражении, а войско его обратилось в бегство. После этого афиняне уплыли в Проконнес, захватив все корабли, кроме флота сиракузян (последние сожгли свои корабли). Оттуда афиняне на следующий день поплыли на Кизик. Жители его, после того как пелопоннесцы и Фарнабаз ушли отсюда, впустили в город афинян. Алкивиад пробыл здесь двадцать дней и взыскал с кизикян крупную контрибуцию; затем он отплыл назад в Проконнес, не причинив городу никакого другого ущерба. Отсюда он отплыл в Перинф и Селимбрию, причем перинфияне открыли войску ворота, а селимбрийцы в город войска не впустили, но уплатили контрибуцию. Отсюда они отправились в Хрисополь, расположенный в Калхедонской области, и, обнеся его стеною, учредили здесь таможену, где взымался десятипроцентный сбор с кораблей, приплывающих из Понта. Для охраны были оставлены тридцать кораблей под командой двух стратегов, Ферамена и Евмаха, которые должны были наблюдать за крепостью и выплывающими кораблями и вообще всячески вредить врагу. Прочие же стратеги ушли в Геллеспонт. В это же время было захвачено и доставлено в Афины письмо, посланное в Лакедемон Гиппократом, эпистолеем Миндара. Письмо было такого содержания:¹ «Корыта² погибли. Миндар преставился. Экипаж голодает. Как быть, не знаем». Фарнабаз увещевал все пелопоннесское войско и союзников не отчаиваться из-за каких-то корыт,³ говоря, что их у царя сколько угодно, были бы только воины здоровы и невредимы, и дал каждому платье и паек на два месяца. Вооружив матросов, Фарнабаз назначил их на гарнизонную службу в прибрежной полосе, находившейся под его властью. Затем, собрав командиров отдельных союзных контингентов и начальников триэр, поручил им выстроить в Антандре триэры в таком числе, какое каждый потерял в бою; он дал им деньги и обещал доставлять лес с Иды. Сиракузяне, принимая участие в этих работах по сооружению кораблей, в то же время помогли жителям Антандре выстроить часть городской стены и, исполняя гарнизонную службу, были с горожанами в лучших отношениях, чем все прочие воины. По этой причине сиракузяне носят в Антандре почетный титул евергетов⁴ и пользуются правами гражданства. Устроив это, Фарнабаз тотчас же отправился на помощь в Калхедон.

В это время сиракузские военачальники получили с родины весть, что народное собрание объявило их изгнанниками. Было созвано собрание сиракузских воинов, и Гермократ, выступив от имени всех военачальников, горько жаловался на судьбу, говоря, что они все несправедливо и противозаконно были объявлены из-

¹ Письмо передано у Ксенофонта на дорийском диалекте.

² Корыта (точнее — «дрова, дерево», *κῆλα*, — лаконское слово, соответствующее аттическому *ξύλα*) — презрительное название флота в устах лакедемонян, традиционным войском которых были тяжеловооруженные пехотинцы.

³ *Εὐλα*, см. предыдущее примечание.

⁴ См. коммент. к гл. 2, § 10.

гнанниками, и увещевал воинов и впредь быть такими же храбрыми и повиноваться приказам, как прежде. «Вспомните, — говорил он: сколько битв вы одержали и сколько кораблей вы захватили одни, без посторонней помощи. . . А сколько раз вы, под нашей командой, оказались непобедимыми, сражаясь вместе с другими, имея наилучшую военную выpravку благодаря как нашему умению, так и вашей храбрости, проявленной вами и на суше и на море».¹ Затем он предложил войску выбрать временных начальников, пока не придут с родины выбранные вместо них заместители. Но войско с громким криком настаивало, чтобы они оставались у власти, — особенно же настаивали начальники триэр, морские воины и кормчие. Стратеги в ответ на это сказали, что нехорошо устраивать мятеж против своего государства и что они просят только, чтобы выступили имеющие против них обвинения, а они со своей стороны сочтут своим долгом оправдаться. Но никто и ни в чем не обвинял военачальников, и они по общей просьбе остались на занимаемых ими должностях до прибытия заместителей: Демарха, сына Эпикида, Мискона, сына Менекрата, и Потамия, сына Гносия. Большинство начальников триэр поклялось, что они, вернувшись на родину, добьются отмены декрета об изгнании; затем их отпустили на все четыре стороны, осыпая похвалами; больше всего горевали при этом приближенные Гермократа, вспоминая о его заботливости, великодушии и общительности: так например, он два раза в день — рано утром и с наступлением вечера — собирал в свою палатку тех из начальников триэр, кормчих и морских воинов, которых считал наиболее даровитыми, и сообщал им содержание своих будущих речей и что он намерен совершать; он занимался также их военным образованием, заставляя их высказывать свои мнения как экспромтом, так и по здоровом размышлении. Поэтому-то Гермократ пользовался большим успехом на собраниях, имея репутацию наилучшего оратора и тактика.

Гермократ, после того как он выступил в Лакедемоне с обвинением против Тиссаферна (причем свидетелем был и Астиох) и ему поверили, что он говорит правду, прибыл к Фарнабазу. Он получил деньги прежде, чем он их попросил, и стал готовить наемников и триэры для возвращения в Сиракузы. В это время пришли в Милет преемники сиракузских военачальников и переняли корабли и войско.

В это же время в Фасосе произошел мятеж, и была изгнана лаконофильская партия, а также и гармост лаконец Этеоник. Пасиппид, обвиненный в том, что он вместе с Тиссаферном устроил этот мятеж, был вынужден бежать из Спарты. Для начальствования же над флотом, который тот собрал у союзников, был вызван Кратесиппид и он перенял флот в Хиосе. Приблизительно тогда

¹ Взятые в кавычки слова поставлены на это место Диндорфом; в рукописях они помещены в конце § 28, что не дает удовлетворительного смысла.

же — в то время, как Фрасилл находился в Афинах, — Агис, устроив вылазку из Декелеи для фуражировки, подошел к самым афинским стенам. Фрасилл, выведя афинян и всех прочих, находившихся в городе, выстроил их около Ликейского гимнасия, готовых сразиться в случае приближения неприятеля. Агис же, увидя это, быстро увел войско, причем некоторые из воинов его арриергарда — в небольшом, однако, числе — были убиты легковооруженными. Вследствие этого афиняне отнеслись с еще большим энтузиазмом к тому делу, ради которого прибыл Фрасибул, и декретировали ему набор в тысячу гоплитов, сто всадников и пятьдесят триарх. Агис же, видя из Декелеи, что в Пирей прибывает много кораблей с хлебом, объявил, что нет никакой пользы в том, что его войско столько времени подряд не дает афинянам собирать хлеб с полей, если только не удастся завладеть и тем пунктом, из которого к ним приходит хлеб по морю; лучше всего было бы, по его мнению, послать в Калхедон и Византий Клеарха, сына Рамфия, византийского проксена.¹ Когда это решение было принято, Клеарх экипировал пятнадцать кораблей из Мегар и от прочих союзников — скорее транспортных, чем боевых, — и отправился в путь. Но из его эскадры три корабля были уничтожены в Геллеспонте теми девятью аттическими кораблями, которые там все время наблюдали за проходящими судами,² а остальные бежали в Сест, а оттуда добрались невредимыми в Византий. Так закончился тот год, в который карфагеняне, отправившись под предводительством Ганнибала походом на Сицилию со ста тысячами войска, в три месяца захватили два греческих города — Селинунт и Гимеру.

На следующий год [в который состоялась 93-я Олимпиада, где в дополнительном состязании двуконных колесниц победил Евагор элеец, а в бегах — Евбот киренец, при эфоре Евархиппе в Спарте, при архонте Евктемоне в Афинах] афиняне обнесли стеной Фोरик, а Фрасилл, получив суда, которые ему были декретированы,³ и обратив 500 из моряков в пельтастов [чтобы иметь возможность пользоваться также и пельтастами], уплыл в начале лета в Самос. Пробыв там три дня, он поплыл в Пигелы и там опустошал местность и атаковал городские стены. В это время пришел на помощь пигелейцам отряд милетцев и стал преследовать рассеянных по равнине афинских легковооруженных. Пельтасты и два лоха гоплитов бросились на помощь своим легковооруженным, перебили, за исключением нескольких человек, почти всех прибывших из Милета и, захватив около двухсот щитов, поставили трофей. На следующий день афиняне отплыли в Нотий, а оттуда после необходимых приготовлений отправились в Колофон. Колофонцы присоединились к ним и с наступлением ночи они вторг-

¹ См. коммент. к гл. 2, § 10.

² См. выше, § 22.

³ См. выше, главу 1, § 34.

лись в Лидию. Это произошло в такое время года, когда хлеб на полях уже созрел. Здесь афиняне сожгли много деревень и захватили деньги, рабов и другую добычу в большом числе. Перс Стаг, находившийся в этих местах со своей конницей, в то время как афиняне рассеялись из лагеря, каждый за добычей для себя, захватил одного из них живым и семерых убил. После этого Фрасилл отвел войско обратно к морскому берегу, чтобы уплыть в Эфес. Узнав об этом замысле, Тиссаферн собрал многочисленное войско и разослал всадников с извещением, чтобы шли в Эфес, на помощь Артемиде. Фрасилл же на восемнадцатый день после вторжения в Лидию приплыл в Эфес; он высадил гоплитов около Коресса, а всадников, пельтастов, матросов и прочее войско близ болота, расположенного по другую сторону города, и с наступлением дня подвел к городу оба войска. Против них выступили граждане, а вместе с ними¹ те союзники, которых привел Тиссаферн и сиракузяне как с прежних двадцати кораблей, так и еще с пяти, прибывших только недавно под командой Евкла, сына Гиппона, и Гераклида, сына Аристогена [и, наконец, два селинунтских²]. Все они сперва обратились против гоплитов, находившихся в Корессе; обратив их в бегство и убив около ста человек из них, преследовали их до морского берега, после чего обратились против расположившихся у болота. И здесь афиняне бежали, потеряв около трехсот человек. Эфесцы же поставили два трофея: здесь и у Коресса. В этих сражениях сиракузцы и селинунтцы отличились больше всех; за это были розданы награды за храбрость как их государствам,³ так и отдельным храбрецам из их числа, и каждый желающий получил вечное право жить в Эфесе, не уплачивая податей. Селинунтцам же, так как их город погиб,⁴ они дали и право гражданства. Затем афиняне, заключив перемирие для уборки трупов, уплыли в Нотий; похоронив там убитых, они поплыли к Лесбосу и Геллеспонту. Причалив к Метимне на Лесбосе, они увидели двадцать пять сиракузских кораблей, плывущих мимо из Эфеса; выйдя в море против них, они захватили четыре корабля вместе с экипажем, а остальных отогнали назад в Эфес. Всех пленных Фрасилл отослал в Афины, исключая афинянина Алкивиада, племянника знаменитого Алкивиада, с которым тот вместе бежал. Его Фрасилл приказал побить камнями.⁵ Оттуда Фрасилл поплыл в Сест к остальному войску, из Сеста же все войско переправилось в Лампсак.

Затем наступила та самая зима, в которую военнопленные сира-

¹ Рукописное чтение (σφίσιν) смысла не дает. Перевожу по конъектуре Simon'a: σὺν δὲ σφίσιν.

² Несомненно, позднейшая вставка, на основании указания Фукидида, VIII, 26.

³ Относительно перевода этой фразы — см. коммент.

⁴ См. выше, § 1, 37.

⁵ Невероятно, чтобы он поступил так, если принять во внимание ту роль, которую в это время играл в войске Алкивиад. Может быть, прав Ф. А. Вольф, который вместо рукописного κατέλευσε предлагает читать ἀπέλευσε, «освободил».

кузцы, заключенные в камнеломне в Пирее, прорыв скалу, бежали ночью в Декелею; некоторые бежали также в Мегары.

Когда Алкивиад выстраивал вместе все войско в Лампсаке, старые воины не захотели находиться в одном строю с воинами Фрасилла, так как они сами никогда еще не были поражены, а те пришли к ним после перенесенного поражения. Здесь все они перезимовали, укрепляя Лампсак. Затем пошли походом на Абидос; Фарнабаз выступил против них с многочисленной конницей, но, побежденный в бою, бежал. Алкивиад с конницей и ста двадцатью из числа гоплитов под командой Менандра преследовал его, пока не помешала наступившая ночь. После этой битвы воины по собственному почину сошлись друг с другом и ласково приветствовали прибывших с Фрасиллом. В эту зиму они совершили еще несколько вылазок на материк и опустошали царские¹ владения. В это время лакедемоняне, согласно заключенному перемирию, дали свободный выход гелотам, устроившим мятеж и бежавшим из Малей в Корифасий. Тогда же ахейцы в Гераклее Трахинской предали поселенных с ними в Гераклее колонистов в то время, как они все стояли в боевом порядке против своих врагов этейцев, так что их погибло около семисот вместе с присланным из Лакедемона гармостом Лаботом. Так закончился тот год, в который мидяне отложились от персидского царя Дария и затем снова подчинились ему.

В следующем году был сожжен молнией храм Афины в Фокее. Когда же кончилась зима [при эфоре Пантакле, при архонте Антигене], с наступлением весны [когда с начала войны прошло уже двадцать два года], афиняне уплыли со всем войском. Отправившись оттуда походом на Калхедон и Византий, они расположились лагерем у Калхедона. Заметив приближение афинян, калхедонцы заложили все свое имущество у соседей, вифинских фракийцев. Тогда Алкивиад, взяв небольшое количество гоплитов и всадников и приказав кораблям плыть с ним рядом, прибыл в Вифинию и потребовал выдачи имущества калхедонян, угрожая в противном случае войной. Вифинцы отдали просимое, и Алкивиад, заключив с ними мирный договор, вернулся в лагерь с богатой добычей. Затем он огородил деревянной стеной весь город от моря до моря с перерывом в том месте, где протекала река, причем этот перерыв был сделан настолько узким, насколько это только было возможно; работало при этом все войско. Лакедемонский гармост Гиппократ вывел на бой из города воинов; афиняне выстроились против него, а Фарнабаз, находясь вне ограды, оказывал поддержку пехотой и многочисленной конницей. Долгое время в войсках Гиппократа и Фрасилла сражались только гоплиты, пока не пришел на помощь Алкивиад с небольшим количеством гоплитов и конницей. В этом бою Гиппократ погиб, а его войско бежало в город. Фарнабаз так-

¹ Т. е. персидские. Персидский царь обыкновенно назывался у греков просто «царь».

же не имел возможности присоединиться к Гиппократу, так как ограда настолько близко примыкала к реке, что оставалась лишь узкая дорожка, негодная для войска; он удалился к храму Геракла в Калхедонской области, где был расположен его лагерь.

В то же время и Алкивиад отправился в Геллеспонт и на Херсоннес для взыскания денег. Прочие же стратеги заключили с Фарнабазом договор, причем он обязался дать афинянам двадцать талантов выкупа за то, чтобы они пощадили Калхедон, и согласился сопровождать их посольство к царю; затем они обменялись с Фарнабазом взаимными клятвами в том, что калхедонцы повинны платить афинянам ту же подать, какую они прежде обыкновенно платили, и обязуются вернуть денежный долг за прежнее время, и что афиняне, со своей стороны, не будут воевать с калхедонянами, пока не вернутся послы от царя. Алкивиад не присутствовал при заключении этого договора, — он был близ Селимбрии. Когда же он взял этот город, он пошел в Византий, ведя с собою все херсонесское ополчение, фракийских солдат и более трехсот всадников.

Фарнабаз, считая справедливым, чтобы и Алкивиад дал клятву, ждал в Калхедоне, пока тот не прибудет в Византий. Алкивиад же, прибыв туда, сказал, что он не поклянется, пока и Фарнабаз также не даст ему клятвы. После этого Алкивиад дал клятву в Хрисополе послам Фарнабаза Митробату и Арнапу, а Фарнабаз — в Калхедоне, алкивиадовым послам Евриптолему и Диотиму. Они произнесли клятвы на верность договору как представители государств, а кроме того обменялись клятвами и как частные люди. Тогда Фарнабаз тотчас же удалился и приказал отправленным к царю послам встретиться с ним в Кизике. Послами же были афиняне Дорофей, Филодик, Феоген, Евриптолем и Мантифей; с ними отправились аргивяне Клеострат и Пирролох; к ним примыкали еще лакедемонские послы Пасиппид и другие, Гермократ, тогда уже изгнанный из Сиракуз,¹ и брат его Проксен; Фарнабаз дал им провожатых. В это же время афиняне осаждали Византий, обнеся его стеной и завязывая перестрелки и атаки. В Византии в это время начальствовал лакедемонский гармост Клеарх, а с ним было некоторое количество перизеков² и немного неодамодов,³ мегарцы под командой Геликса и беотийцы под командой Кератада.⁴ Афиняне, не будучи в состоянии добиться чего-либо силой, убедили каких-то византийцев предать город. Гармост Клеарх, будучи уверенным, что никто не решится на предательство, устроив все наилучшим образом и передав команду в городе Кератаду и Геликсу, перешел на другой берег к Фарнабазу. Это было сделано с целью получить у него жалованье для солдат и собрать корабли — как те, которые были в одиночку оставлены Пасиппидом в геллеспонтских гаванях и в Антандре для сторожевой служ-

¹ См. выше, гл. I, § 27.

² См. коммент. к книге III, гл. 3, § 6.

³ См. коммент. к гл. 2, § 18.

⁴ См. коммент. к книге III, гл. 5, § 1.

бы, так и те, которые имел во Фракии Агесандрид, морской офицер Миндара, — а также с тою целью, чтобы в Антандре были выстроены новые корабли. Все эти корабли, собравшись вместе, должны были всячески вредить союзникам афинян, чтобы отвлечь их войско от Византия. Когда же Клеарх уплыл, условившиеся предать город приступили к делу. Это были следующие лица: Кидон, Аристон, Анаксикрат, Ликург и Анаксилай. Последний был некоторое время спустя привлечен к суду в Лакедемоне за это предательство, и ему угрожала смертная казнь, но он добился оправдания, указав, что он не предал города, но спас его, видя, как гибнут от голода женщины и дети... Ведь он византиец, а не лакедемонянин. А весь хлеб, бывший в городе, Клеарх на его глазах отдавал лакедемонским солдатам. Вот почему, говорил Анаксилай, он впустил в город врага, а никак не вследствие подкупа и не из ненависти к лакедемонянам.

Когда были сделаны необходимые приготовления, заговорщики, открыв ночью ворота, выходящие на так называемое Фракийское поле, впустили в город войско и Алквиада. Геликс и Кератад, не зная ничего о происшедшем, бросились на помощь со всем войском к агоре. Но так как враг занял весь город, они оказались в безвыходном положении и принуждены были сдаться. Оба стратега были отосланы в Афины, но Кератад, когда они сходили с корабля в Пирее, скрылся в толпе и бежал в Декелею.

Фарнабаз и послы, находясь зимой во Фригийском Гордии, слышали о том, что произошло в Византии. В начале весны на пути к царю с ними встретились возвращающиеся оттуда же лакедемонские послы Беотий (по имени) со своей свитой и другие, и рассказали, что лакедемоняне добились у царя всего того, чего они желали, а Кир, которому поручалась власть над всей приморской областью и который должен был быть союзником лакедемонян, нес с собою письмо с царской печатью, обращенное ко всем жителям приморской полосы, в котором было написано между прочим следующее: «Шлю Кира караном всех собирающихся¹ в Кастольскую равнину». А «каран» означает «владыка». Афийские послы, услыша это и увидя Кира, захотели либо отправиться к царю, либо, в противном случае, вернуться домой. Кир же велел Фарнабазу или выдать ему послов или вообще под тем или иным предлогом не отпускать домой, не желая, чтобы афиняне узнали о происшедшем. Фарнабаз долгое время удерживал послов, то обещая отвести их к царю, то отослать домой, чтобы не заслужить никакого упрека от Кира. Когда же прошли три года, он упросил Кира отпустить их, говоря, что он поклялся отвезти их к морю, раз уж не к царю. Отослав послов к Ариобарзану, он просил дать им провожатых. Провожатые Ариобарзана отвели послов в мисийский город Кий, откуда последние отплыли к остальному войску.

Алквиад, желая отправиться на родину со своим войском, тот-

¹ На военный смотр.

час же отплыл в Самос, а оттуда с двадцатью кораблями в Керамический залив, находящийся в Карию; здесь он взымал сто талантов контрибуции и затем вернулся назад в Самос. Фрасибул же с тридцатью кораблями отправился во Фракию и там покорил целый ряд селений, отправших к Лакедемону, а в их числе и Фасос, находившийся в тяжелом положении из-за войн, мятежей и голода. В это же самое время Фрасилл с остальным войском отплыл назад в Афины. Еще до его прибытия афиняне произвели выборы стратегов, и выбранными оказались изгнанный Алкивиад, отсутствующий Фрасибул и только третий — Конон — был выбран из находившихся на родине афинян. Что же касается Алкивиада, то он отплыл с деньгами из Самоса в Парос на двадцати кораблях, а оттуда направился прямо в Гифий, чтобы наблюдать за триэрами, которые по слухам лакедемоняне там снаряжали в числе тридцати, и разведать относительно возможности возвращения на родину — как относятся к нему в Афинах. Когда же он убедился, что афиняне к нему благосклонны, выбрали его стратегом и что его близкие частным образом усиленно рекомендуют ему вернуться, он поплыл на родину и прибыл в Пирей в тот день, когда город spravлял Плинтерии, причем изваяние Афины было окутано, что многие считали дурным предзнаменованием и для самого Алкивиада и для города, так как никто из афинян никогда не решается предпринять в такой день какое-либо серьезное дело. Когда же он приплыл, чернь из Пирея и города собралась к кораблям, горя любопытством увидеть Алкивиада. Одни называли его наилучшим из граждан, говорили, что он единственный человек, который [был оправдан, так как] был несправедливо изгнан, что он пал жертвой злого умысла со стороны людей, уступавших ему во влиянии и в ораторском красноречии, занимавшихся государственными делами лишь в целях собственной выгоды, тогда как он всегда содействовал общественному благу, напрягая для этой цели все силы — как свои личные, так и общественные; Алкивиад, мол, хотел, чтобы возведенное незадолго до того против него обвинение в кощунственном преступлении относительно мистерий разбиралось немедленно; но враги его, несмотря на справедливость его требования, отложили процесс и заочно лишили Алкивиада отечества. В это время он, оказавшись в безвыходном положении, был вынужден сделаться рабом своих злейших врагов, ежедневно рискуя погибнуть; и хотя он видел, что его самые близкие сограждане и сородичи и весь город пошли по ложному пути, он был не в силах помочь ему, так как изгнание отрезало его от Афин. Такие люди, как Алкивиад, говорили они, выше того, чтобы жаждать переворотов или мятежей; ведь, и без того народ оказывал ему больший почет, чем его ровесникам, и не меньший, чем гражданам, которые были старше его. О противниках же Алкивиада, по их словам, господствовало такое мнение: прежде они выжидали,¹ а когда им удалось погубить тех,

¹ Рукописная традиция не дает смысла. Перевожу по коньектуре Zurborg'a: <περιμένειν μὲν> πρότερον.

которые были лучше их, остались у дел они одни, и это было единственной причиной, почему народ терпел их: он не имел никого другого, более достойного, кому можно было бы верить кормило правления. Другие же говорили, что он единственный виновник всех происшедших до тех пор несчастий и что следует ожидать, что он же и только он окажется виновником тех ужасов, которые ожидают город впереди.¹

Алкивиад, пристав к берегу, не сошел тотчас с корабля, опасаясь врагов, но, взобравшись на палубу, высматривал, не пришли ли его близкие. И только тогда, когда он заметил своего двоюродного брата Евриптолема, сына Писиапакта, а вместе с ним и прочих родственников и друзей, он, наконец, сошел с корабля и поднялся в город, причем сопровождавшие его приготовились к защите на случай нападения. Он выступил в совете и народном собрании с оправдательной речью, в которой доказывал, что он не кощунствовал и пострадал невинно. Затем было произнесено еще несколько речей в том же духе; говорить во враждебном ему тоне никто не решался, так как народ не допустил бы этого. Как человек, который в силах восстановить былую афинскую мощь, он был провозглашен главноначальствующим всех войск с неограниченными полномочиями. Первым делом он дал афинянам возможность совершать по суше торжественную процессию мистерий, которую афиняне из страха пред врагом отправляли тогда по морю, выведя для защиты паломников всех солдат. Затем он произвел набор войска — 1500 гоплитов, 150 всадников и 100 кораблей. На третий месяц после своего возвращения на родину он выступил против отпавшего от Афин острова Андроса, а вместе с ним были посланы избранные стратегами сухопутных сил Аристократ и Адимант, сын Левколофида. Алкивиад высадил свое войско в Гаврии, на территории Андроса. Когда же андросцы выступили из стен для защиты своего города, афиняне прогнали их назад и заперли в городе, причем небольшое количество было убито; в числе павших были и лаконцы, находившиеся в городе. Алкивиад поставил трофей и, пробыв там несколько дней, отплыл в Самос, а затем продолжал войну, пользуясь этим пунктом как исходной базой для своих операций.

За короткое время до этого лакедемоняне, по истечении срока навархии Кратесиппида, послали навархом Лисандра. Прибыв в Родос и взяв оттуда корабли, он отплыл в Кос и Милет, а оттуда в Эфес и остался там с семьюдесятью кораблями до прибытия Кира в Сарды. Когда же тот прибыл, Лисандр отправился к нему с послами из Лакедемона. Там они рассказали о поведении Тиссаферна и просили самого Кира оказать какую только возможно поддержку в этой войне. Кир ответил, что всякое содействие лакедемонянам было предписано ему его отцом и вполне соответствует его собствен-

¹ Я принимаю конъектуру Liebhold'a (μελλόντων, иначе не получается удовлетворительного смысла.

ным убеждениям, что он привез с собой пятьсот талантов, но если
 этого не хватит, то он готов тратить свое личное имущество, полу-
 ченное от отца; если же и этого не хватит, то он готов разбить
 трон, на котором он сидит (а трон этот был весь из золота и серебра).
 4 Лакедемоняне одобрили это и посоветовали ему установить каждому
 моряку жалованье в размере аттической драхмы, поясняя, что если
 5 жалование будет таково, то афинские моряки покинут свои корабли,
 так что в общем результате это будет экономнее. Кир согласился
 с этим, но сказал, что не может поступить иначе, чем поручил ему
 царь. Ведь, существовал договор, по которому он должен был
 6 давать каждому кораблю, сколько их ни будет у лакедемонян,
 тридцать мин в месяц. На этот момент Лисандр промолчал; когда
 же после ужина Кир, провозгласив тост за здоровье Лисандра,
 спросил, какому подарку он был бы более всего рад, Лисандр от-
 7 ветил: «Если ты каждому моряку прибавишь к жалованию по
 оболу». С этих пор жалованье стало четыре обода вместо трех. Кир
 8 заплатил все жалованье, которое он задолжал за прежнее время, и
 еще за месяц вперед, так что войско стало много бодрее. Афиняне
 же, услыша об этом, впали в уныние и послали к Киру послов через
 9 Тиссаферна. Но Кир не принял послов, несмотря на то, что Тис-
 саферн просил его об этом и убеждал поступать так же, как держал
 себя он сам по наущению Алкивиада, а именно — тщательно на-
 блюдать, чтобы ни одно эллинское государство не стало могуще-
 ственным, но чтобы все были бессильными из-за междоусобиц.
 10 Лисандр, когда его флот был собран к бою, вытаскивая на берег
 девяносто кораблей, находившихся в Эфесе, пребывал в бездей-
 11 ствии, пока корабли конопатились и просушивались. Алкивиад же,
 услышав, что Фрасибул вышел из Геллеспонта, чтобы окружить
 осадными сооружениями Фокею, переправился к нему, оставив во
 главе флота своего кормчего Антиоха, причем запретил ему на-
 12 падать на корабли Лисандра. Антиох же выплыл из Нотия в Эфес-
 скую гавань лишь с двумя кораблями — с тем, на котором он был
 кормчим, и еще одним — и продефилировал мимо самых носов кора-
 13 блей Лисандра. Лисандр сначала преследовал его, стащив в воду
 лишь несколько кораблей из своей эскадры; когда же афиняне
 пришли на помощь Антиоху с большим количеством кораблей,
 тогда и он выстроил все свои корабли в боевой порядок и поплыл
 против афинян. После этого и афиняне выплыли из Нотия, стащив
 14 в воду¹ остальные триэры. Затем началось сражение, причем
 лакедемоняне стояли в боевом порядке, а афинские суда были бес-
 порядочно рассеяны; бой продолжался до тех пор, пока афиняне
 не обратились в бегство, потеряв пятнадцать триэр. Из экипажа
 же большинство бежало, но некоторые были взяты в плен. Лисандр,
 15 взяв на бордаж вражеские корабли и поставив трофей в Нотии,
 переправился в Эфес, а афиняне ушли в Самос. После этого
 Алкивиад, прибыв в Самос, выплыл в море со всей эскадрой,

¹ Непонятное выражение *ὡς ἤνοιθεν* я оставляю без перевода.

выстроил ее у выхода из Эфесской гавани и ждал, не вступят ли лакедемоняне в бой. Но так как Лисандр не вышел навстречу, зная, что его эскадра была значительно малочисленнее афинской, Алкивиад отплыл назад в Самос. Лакедемоняне же, некоторое время спустя, взяли Дельфиний и Эйон. Когда известие об этой морской битве дошло до афинян, находившихся на родине, они вознегодовали на Алкивиада, думая, что афинские корабли погибли из-за его небрежности и распушенности, и выбрали других десять стратегов: Конона, Диомедонта, Леонта, Перикла, Эрасинида, Аристократа, Архестрата, Протомаха, Фрасилла и Аристогена. Алкивиад же, к которому плохо относились в войске, на одной триэре отплыл в Херсонес, в принадлежащий ему замок. После этого Конон с теми двадцатью кораблями, которые он имел в своем распоряжении, по постановлению афинского народного собрания отплыл из Андроса к флоту в Самос, а вместо Конона афиняне послали в Андрос Фаносфена с четырьмя кораблями. Последний, встретившись случайно с двумя фурийскими триэрами, захватил их в плен вместе с экипажем. Афиняне заключили в тюрьму всех попавших в плен, исключая начальника их, получившего право гражданства в Фуриях, Доризя, родосца по рождению, задолго до того изгнанного афинянами из Афин и Родоса, причем он был со всеми своими сородичами присужден к смертной казни. Сжалившись над ним, афиняне отпустили его на волю, даже не взяв за него выкупа.¹

Конон прибыл на Самос и застал экипаж в тяжелом настроении духа. Ему удалось экипировать только восемьдесят² триэр вместо прежних, которых было более ста, и, выйдя на них в море вместе с прочими стратегами, он, высаживаясь от времени до времени на берег, опустошал вражескую землю. Так закончился год, в который карфагеняне, отправившись походом в Сицилию на ста двадцати триэрах и со ста двадцатью тысячами пешего войска, взяли измором Акрагант; в бою они были побеждаемы, но добились сдачи семимесячной осадой.

На следующий год, когда было лунное затмение³ и сгорел древний храм Афины в Афинах [при эфоре Питии и афинском архонте Каллии], лакедемоняне, в виду истечения срока службы Лисандра (на двадцать пятый год войны), послали во флот заместителем Калликратида. Передавая же корабли, Лисандр указывал, что он передает Калликратида командование как владыка моря и победитель в морском бою. Последний же предложил ему, проплыв из Эфеса влево от Самоса, где были афинские корабли, передать ему корабли в Милете, и тогда он, мол, признает, что Лисандр действительно владыка моря. Когда же Лисандр сказал, что он не хочет возиться, раз начальствует другой, Калликратид взялся сам за дело, и к тем кораблям, которые он взял у Лисандра, присоединил еще пятьдесят экипированных им из Хиоса, Родоса и других

¹ См. также коммент. к книге IV, гл. 8, § 20.

² См. коммент. к § 7.

³ Дословно: «когда луна скрылась вечером...»

4 союзных городов. Собрав все корабли вместе, причем их оказалось всего сто сорок, он стал приготовляться к встрече с врагом. Но вскоре он узнал, что друзья Лисандра строят козни против него и не только не оказывают должного содействия, но и разглашают по городам, что лакедемоняне совершают крупную ошибку, постоянно меняя навархов, причем часто на эту должность попадают люди, непригодные к этому, лишь недавно познакомившиеся с морским делом и не умеющие обращаться с экипажем; посылая новичков в морском деле, чуждых всему во флоте, они подвергаются опасности претерпеть из-за этого несчастье. Узнав об этом, Калликратид созвал присутствующих там лакедемонян и сказал им следующее:

5 «Поскольку дело зависит от меня, я бы с удовольствием остался дома; пусть Лисандр или кто-либо другой претендуют на большую опытность в морском деле, — я не стал бы спорить. Но я послан ко флоту государством. Что же мне в таком случае делать, как не исполнять веления своего государства по мере сил моих? Что же касается того, что я считаю для себя величайшей честью и из-за чего возведен навет на наше государство (о чем я говорю — вы знаете не хуже моего),¹ посоветуйте, что вам кажется наилучшим в моем положении: остаться мне здесь или отплыть на родину и рассказать все, что здесь делается».

6 Все присутствующие высказали мнение, что он должен повиноваться велениям своего отечества и делать то, за чем он прислан; выступить с противоположным мнением не осмелился никто. Тогда Калликратид отправился к Киру и стал просить жалованье экипажу. Кир же сказал ему, чтобы он подождал два дня. Эта проволочка и обивание порогов вывели из себя Калликратида. «Длины — несчастнейшие люди — вскричал он, — если им приходится лстать варварам из-за денег». Затем отплыл в Милет, говоря, что, если он вернется на родину цел и невредим, то он приложит все усилия, чтобы примирить лакедемонян с афинянами. Из Милета он послал триэры за деньгами в Лакедемон, а сам, собрав народное собрание милетян, сказал следующее:

7 «Милетяне! Мой долг — повиноваться властям своей родины. Что же касается вас, то вы, кажется мне, должны с наибольшим рвением относиться к этой войне, так как, живя среди варваров, вы претерпели от них больше всего несчастий. Вы должны служить примером всем прочим союзникам, дабы мы могли как можно скорее и чувствительнее вредить врагу — прежде чем придут послы из Лакедемона, которых я послал за деньгами. Ведь Лисандр ушел отсюда, возвратив Киру, как что-то ненужное, все бывшие при нем деньги. Кир же, когда я явился к нему, все откладывал аудиенцию, а я никак не мог заставить себя обивать его порог. Обещаю, по прибытии денег из Лакедемона, достойным образом отблагодарить вас за те пожертвования, которые получу от вас. Итак с божьей

¹ Речь идет, конечно, о подкупе при избрании Калликратида навархом.

помощью покажем варварам, что и без низкого угождения им мы в силах отмстить врагу».

После него выступил ряд ораторов, главным образом те, которые прежде его обвиняли¹ и которые поэтому боялись противоречить; они предлагали декретировать ассигновку Калликратиду, а также объявили частную подписку. Последний, взяв эти деньги, а также полученные им из Хиоса, выдал каждому моряку по пять драхм путевых денег и отправился в Мефимну на Лесбосе, которая была в это время враждебна лакедемонянам. Жители этого города не пожелали добровольно подчиниться, так как здесь находился афинский гарнизон и партия, стоявшая у власти, была афинофильской; поэтому Калликратид стал атаковать город и взял его приступом. Все имущество было разграблено воинами, а рабов Калликратид велел собрать на агору.² Союзники настаивали, чтобы и свободные мефимняне были проданы с публичного торга, но Калликратид заявил, что, пока он у власти, никто из эллинов, поскольку это зависит от него, не будет поработщен. На следующий день всех свободных граждан он отпустил на волю, а афинский гарнизон и тех, которые и раньше были рабами, продал с молотка; Конону же велел передать, что тот завладел морем коварно, как овладевают чужой женой, но он положит конец этой преступной связи. Заметив, что Конон на рассвете выплыл в море, Калликратид погнался за ним, отрезав ему путь в Самос, дабы лишить его возможности бежать туда. Конон обратился в бегство; его корабли были очень быстры на ходу, так как из целого ряда гребных команд он выбрал наилучших гребцов и составил из них несколько команд. Он спасся в Митилену на Лесбосе, а с ним из числа десяти стратегов Леонт и Эрасинид. Но Калликратид вплыл в бухту вслед за ними, преследуя их на ста семидесяти кораблях. Калликратид успел во-время помешать Конону,³ и последний был принужден сразиться у входа в гавань, причем потерял тридцать кораблей; экипаж бежал с этих кораблей на сушу. Что же касается остальных кораблей, которых оставалось еще сорок, то Конон вытащил их на берег, под защиту крепости. Калликратид со своей стороны ввел корабли в гавань, бросил якоря и вел правильную осаду, имея свободный выход для кораблей. С суши он приказал явиться всем мефимнянам поголовно, а по морю перевез войско из Хиоса. В это же время он получил деньги от Кира.

Конон был осажден и с суши и с моря; неоткуда было достать хлеба, в городе была масса народу, а афиняне подмоги не присылали, так как не знали о происходящем. Поэтому Конон, спустив пред рассветом два наиболее быстроходных корабля, экипировал их, выбрав со всех кораблей наилучших гребцов, посадил в трюм мор-

¹ См. выше, § 4.

² Для продажи с публичного торга.

³ Достигнуть внутренней части бухты, где они стали бы под защиту городских укреплений.

20 ских воинов, и покрыл эти корабли завесами.¹ Весь день эти суда стояли таким образом, под вечер же, когда становилось темно, экипаж выходил на берег так, чтобы враги не могли этого заметить. На пятый день в полдень, когда караульные врагов небрежно следили за осажденными, а некоторые из них даже спали, афиняне выплыли из бухты, взяв с собою умеренное количество хлеба, причем одна триэра направилась в Геллеспонт, а другая поплыла в открытое море.² Караульные, собравшись, в замешательстве бросились к кораблям, так как они в это время завтракали на суше.

21 Взойдя на корабли и снявшись с якорей,³ они преследовали триэру, ушедшую в открытое море, догнали ее на закате и, победив в бою и взяв на буксир, отвели в лагерь вместе с экипажем. Но другому кораблю, убежавшему к Геллеспонту, удалось спастись; он прибыл в Афины и принес весть об осаде. Диомедонт отправился на помощь осажденному Конону с двенадцатью кораблями и причалил к берегу в Митиленском проливе. Однако, Калликратид внезапно

22 напал на него и ему удалось захватить десять кораблей из эскадры Диомедонта; последний бежал с двумя кораблями, считая в том числе тот, на котором он плыл сам. Афиняне, услышав о происшедшем и об осаде, постановили послать на помощь сто десять кораблей, составив экипаж из всех взрослых жителей Афин — как свободных, так и рабов. В тридцать дней сто десять кораблей были экипированы и отправились в путь. На этих кораблях было перевезено также большое количество всадников. После этого они поплыли в Самос и взяли там десять самосских кораблей. Кроме того, они собрали еще более тридцати кораблей от разных союзников, заставляя всех сесть на корабли, даже в том случае, если флот был в отсутствии. Всего же оказалось кораблей более полутора ста.

24 Услыша, что афинская подмога уже в Самосе, Калликратид оставил на месте пятьдесят кораблей под предводительством Этеоника, а сам отплыл со ста двадцатью. Он устроил роздых для ужина близ Малейского мыса на Лесбосе [против Митилены]; а афиняне ужинали в этот день на Аргинусских островах, расположенных [против Лесбоса, на Малейском мысе] против Митилены. Калликратид заметил ночью огни; узнав от кого-то, что эти огни — из афинского лагеря, он выплыл в море в полночь, чтобы произвести внезапное нападение; но гроза и значительное поднятие уровня воды в море помешали отплытию. Только на рассвете, когда прояснилось, он поплыл к Аргинусам. Афиняне выплыли навстречу ему, причем левый фланг был обращен к открытому морю. Выстроились они в

29

¹ Дабы враг не мог видеть, что делается на этих кораблях.

² Следовательно, на запад.

³ Я принимаю в этом месте текст в такой редакции: τῶν δ' ἐφορμούντων, ὡς ἕκαστοι ἤνοιγον ἀγερόμενοι ἐξοίθουσαν τεταραγμένοι, τυχόντες ἐν τῇ ἁριστοποιούμενοι εἰσβάντες; δὲ τὰς τε ἀχίρας ἀποκόπτουτες и т. д. Выражение ὡς ἕκαστοι ἤνοιγον я оставляю без перевода; ἀγερόμενοι — коньектура Гофмана вместо рукописного ἐγερόμενοι; τὰς τε ἀχίρας ἀποκόπτουτες в тексте после ὡς ἕκαστοι ἤνοιγον; я перенес эти слова в следующую фразу, чтобы получить удовлетворительный смысл. Вообще место очень темное.

таким порядке: Аристократ предводительствовал левым флангом, имея под своей командой пятнадцать кораблей; рядом с ним Диомедонт — также во главе пятнадцати кораблей; позади Аристократа выстроился Перикл, позади Диомедонта — Эрасинид. Рядом с Диомедонтом находились десять самосских кораблей, выстроенных в одну линию; над ними начальствовал самосец Гиппей. Рядом с ними стояли десять кораблей, управляемых таксиархами, также выстроенные в одну линию. Позади их три корабля, управляемых навархами, и все прочие союзнические корабли, какие только были. Правый фланг занимал Протомах во главе пятнадцати кораблей; рядом с ним Фрасилл, тоже с пятнадцатью; позади Протомаха выстроился Лисий, имея равное с ним количество кораблей, позади Фрасилла — Аристоген. Целью такого расположения было помешать врагу про- 30
 рвать особым маневром *διέπλους* линию кораблей, так как афинские суда были хуже на ходу. Лакедемонские же суда были все выстроены в одну линию, чтобы удобно было выполнить указанный выше маневр, а также маневр обхода, так как они были на ходу лучше. Калликратид занимал правый фланг. Мегарец Гермон, кормчий 31
 Калликратида, сказал ему, что следовало бы обратиться по-добру по-здорову, так как афинские триэры были гораздо многочисленнее спартанских, но Калликратид возразил Гермону, что Спарта будет благоденствовать не хуже прежнего, если он умрет, а бежать позорно. 32

После этого начался бой и продолжался долгое время, причем сражались сперва сплоченной массой, а потом в одиночку. Когда же Калликратид от удара неприятельского корабля упал с борта и скрылся в пучине, а Протомах со своим отрядом на правом афинском фланге победил левый фланг лакедемонян, — лакедемоняне обратились в бегство и устремились в Хиос, а очень многие также и в Фокею. Тогда афиняне отплыли обратно на Аргинусы. У афинян в этом бою погибло 25 кораблей вместе с экипажем, исключая лишь немногих воинов, которых волны вынесли на сушу; у пелопоннесцев 33
 погибло девять лаконских кораблей, которых всего то было десять, да у прочих союзников погибло более шестидесяти. Афинские стра- 34
 теги решили также, чтобы триэархи Ферамен и Фрасибул и несколько таксиархов поплыли на сорока семи триэрах за тонувшими кораблями и находившимся на них экипажем и чтобы прочие ко- 35
 рабли направились против флота Этеоника, осаждавшего Митилену. Но исполнению этого приказа воспрепятствовали поднявшиеся в это время сильный ветер и буря; поэтому афиняне ограничились тем, что поставили трофей и расположились на ночлег на Аргинусах. Прибывшая к Этеонику скоростная лодка принесла ему по- 36
 дробное известие о происшедшей морской битве. Этеоник приказал, чтобы лодка немедленно же вышла назад из гавани, соблюдая полную тишину и не вступая ни с кем в разговоры, а затем, чтобы она тотчас же вернулась назад в лагерь; при этом пусть экипаж уберет себя венками, громко провозглашая, что Калликратид победил в морском бою и что афинские корабли по-

37 гибли — все до одного. Прибывшие поступили так, как он им приказал; по их прибытии Этеоник совершил благодарственные жертвоприношения за добрую весть и приказал воинам пообедать; маркитантам он велел, тихонько убрав на корабли свои товары, плыть в Хиос (в это время в ту сторону дул попутный ветер).

38 Триэрам он велел уплыть как можно скорее туда же, а сам ушел во главе пехоты в Мефимну, сжегши предварительно лагерь. Конон, воспользовавшись тем, что враги бежали и что дул благоприятный ветер, стащил корабли в море и, выплыв, встретился с афинянами, которые в это время также вышли уже из Аргинус; встретившись, Конон сообщил афинянам, что произошло с Этеоником. Афиняне отплыли назад в Митилену, оттуда отправились в Хиос и, не достигнув никакого результата, поплыли в Самос.

На родине¹ все стратеги, кроме Конона, были устранены (народным собранием) от занимаемых ими должностей, а в сотоварищи Конону избрали стратегами Адиманта и Филокла. Из участвовавших в сражении стратегов Протомах и Аристоклен вовсе не вернулись в Афины. Когда же прочие шесть стратегов — Перикл, Демедонт, Лисий, Аристократ, Фрасилл и Эрасинид приплыли на родину, Архедем, бывший тогда народным вождем и заведывавший диобелией, наложил предварительный штраф на Эрасинида и выступил с обвинением перед судом, утверждая, что он увез из Геллеспонта и присвоил себе деньги, принадлежащие государству. Он возбудил против Эрасинида также обвинение в преступлении по должности стратега. Суд постановил подвергнуть Эрасинида тюремному заключению. После этого стратеги сделали доклад в совете о морской битве и о том, как сильна была буря. Тогда Тимократ внес предложение, чтобы и прочих стратегов арестовать и представить на суд народного собрания, и совет подверг их аресту. После этого состоялось народное собрание, в котором стратегов обвинял целый ряд лиц, а в особенности же Ферамен. Говорили, что справедливо было бы, чтобы они подверглись ответственности за то, что не подобрали пострадавших в морском бою. Доказательством того, что они никого другого не обвиняли в этом, кроме самих себя, Ферамен выставил письмо, адресованное стратегами в афинские советы и народное собрание, где они указывали на бурю, как на единственную причину. После этого каждый из стратегов произнес краткую защитительную речь (так как им не было позволено говорить столько, сколько полагается вообще по закону); они рассказали о том, что произошло: что они плыли на врагов, а подобрать пострадавших в морском бою поручили нескольким из триэрахов, людям, подходящим для этого дела и занимавшим уже должность стратега, — Ферамену, Фрасибулу и другим такого же рода людям.

6 И если уж хотеть во что бы то ни стало кого-нибудь обвинить за то, что жертвы морского боя не были подобраны, то в качестве обвиняемых могут предстать только те, кому это было поручено

¹ В Афинах.

сделать. «Но, — добавили стратеги, — хотя они и обвиняют нас, мы не солжем и не скажем, что с их стороны есть в этом какая-либо вина: ужасная буря была единственной причиной того, что пострадавших в бою не удалось подобрать». Свидетелями сказанного они выставили кормчих и многих других из числа плавших с ними. Такими словами они склоняли народное собрание к снисхождению; кроме того, многие частные лица поднялись и заявили, что готовы взять их на поруки. Было решено отложить разбор до следующего собрания, так как было уже поздно, и, в случае голосования, нельзя было бы заметить числа поднятых рук.¹ Совету же было предложено внести по предварительному обсуждению предложение в народное собрание по вопросу о том, каким способом произвести суд над обвиняемыми. Затем наступил праздник Апатурий, в который отцы и сородичи семейств сходятся вместе. На этом празднике пособники Ферамена убедили большую массу людей, одетых в черную траурную одежду и остриженных в знак траура наголо, чтобы они предстали пред народным собранием как сородичи убитых, а также склонили Калликсена к тому, чтобы он выступил в совете с обвинением против стратегов. Затем было созвано народное собрание, в котором совет представил на обсуждение следующее предложение, внесенное Калликсеном:

«Выслушав на предыдущем собрании выставленные против стратегов обвинения и их защитительные речи, народ постановил: произвести голосование между всеми афинянами по филам; поставить в присутственном месте каждой филы две урны для голосования; пусть глашатай в каждом из сих присутственных мест громогласно приглашает тех, кто полагает, что стратеги виновны в том, что не подобрали победителей в морском бою, бросать свои камешки в первую урну, а тех, кто держится обратного мнения, — во вторую. Если стратеги будут признаны виновными, то тем самым они будут считаться присужденными к смертной казни; они будут переданы в распоряжение коллегии одиннадцати, а имущество их будет конфисковано в казну, причем десятая часть будет отчислена в казну Афины.» Затем выступил перед народным собранием человек, заявивший, что он спасся на барже с хлебом; по его словам, погибшие поручили ему, если он спасется, передать народному собранию, что стратеги не приняли мер к спасению тех, кто совершил блестящие подвиги во славу отечества. Евриптолем, Писианакт и несколько других лиц выступили против Калликсена с обвинением во внесении противозаконного предложения. Но их выступление встретило в народном собрании одобрение лишь немногих; толпа же кричала и возмущалась тем, что суверенному народу не дают возможности поступать, как ему угодно. Вслед затем Ликиск предложил, чтобы приговор относительно стратегов распространялся и на тех, которые подняли вопрос о законности предложения Калликсена, если они не примут назад своих протестов; толпа подняла

¹ Голосование должно было производиться поднятием рук (хиротонией).

14 сочувственный шум, и протестовавшие должны были отказаться от
 15 своих возражений. Когда же и некоторые из пританов заявили, что
 они не могут предлагать народу противозаконное голосование, Кал-
 ликсен, взойдя на кафедру, предложил включить и их в число
 16 обвиняемых. Народ громко закричал, чтобы отказывающиеся ста-
 вить на голосование были тоже привлечены к суду, и тогда все при-
 таны, уstraшенные этим, согласились поставить предложение на
 голосование, — все, кроме Сократа, сына Софронискова. Последний
 заявил, что он во всем будет поступать только по закону. После этого
 Евриптолем взошел на кафедру и сказал в защиту стратегов сле-
 дующее:

«Афиняне! Я взошел на эту кафедру с троякою целью. Прежде всего я явился сюда в роли обвинителя, несмотря на то, что Перикл — мой близкий родственник, а Диомедонт — мой друг. По другим пунктам я хочу выступить как защитник и, наконец, я считаю своим долгом подать совет относительно того, что мне
 17 кажется наивысшим благом для всего государства. Обвинять я хочу
 стратегов в том, что они переубедили некоторых членов своей кол-
 легии, предлагавших послать письмо совету и вам, в котором было
 бы указано, что на Ферамена и Фрасибула было возложено пору-
 чение отправиться с сорока семью триэрами на спасение погибавших,
 18 а они этого не исполнили. И вот стратеги, всей коллегией, отвечают
 за преступление отдельных триэрархов, а последние, в благодар-
 ность за то, что стратеги тогда были сострадательны к ним,¹
 теперь вместе с некоторыми другими злоумышляют против них и
 19 привели их на край гибели. . . Но нет! Этого не может быть и не
 будет, если только вы, вняв мне, не нарушите ни человеческого, ни
 божеского закона; если вы будете вести процесс таким путем, чтобы
 узнать всю истину, поскольку только это возможно, дабы впослед-
 ствии вам не пришлось раскаяться и слишком поздно понять, какой
 страшный грех вы совершили против богов и созданных вашими
 же руками законов. Я вам дам такой совет, что, последовав ему,
 вы не сможете быть обманутыми ни мной, ни кем-либо другим.
 Послушав меня, вы разыщете действительных преступников и на-
 ложите на них какое хотите наказание; вы сможете обвинить как
 всех вместе, так и каждого в отдельности. Только предоставьте им,
 если уж не больше, то хоть один день, чтобы они сами могли
 выступить в свою защиту, и не доверяйтесь другим больше, чем
 20 самим себе. Афиняне! Всем вам известно, что есть в наших зако-
 нах суровое постановление Канноново, в силу которого каждого
 оскорбившего величество афинского народа надлежит арестовать и
 он должен представить объяснения народному собранию; если он
 будет признан виновным, он подвергается смертной казни через
 21 ввержение в Барафр; имущество его конфискуется в казну, причем
 десятая часть поступает в сокровищницу храма Афины. На основа-
 нии этого-то постановления я и предлагаю вам судить стратегов

¹ Скрыв от народа их преступление.

и, клянусь, ни слова не возражу, если первым окажется привлеченным по такому обвинению мой близкий родственник Перикл. Ведь не правда ли, было бы позорно, если б он был мне дороже, чем благо всего государства. Или, если вам так угодно, судите их по закону о святотатцах и предателях, а закон этот таков: «Лица, предавшие город или похитившие посвященные богам предметы, подлежат суду присяжных. Если они будут осуждены, то запрещается хоронить их в Аттике, а имущество их конфискуется в казну.» Пусть же обвиняемые будут привлечены по одному из этих законов, по какому, вы сами решите — и пусть дело каждого обвиняемого разбирается отдельно. Что же касается судебной процедуры, то я предлагаю разделить день на три части. В первую часть дня вы соберетесь и произведете голосование по вопросу о том, виновны ли стратеги в происшедшем или не виновны;¹ во вторую часть дня вы заслушаете обвинительные речи, а третья будет посвящена защите. При таком порядке судопроизводства виновные подвергнутся самой тяжелой каре, а невинных вы оправдаете, и они не погибнут напрасно. Судите же их на основании законов, не кощунствуя и не нарушая данной вами, как гражданами, клятвы; не будьте невольными союзниками лакедемонян, противозаконно и без суда губя тех, которые победили их и уничтожили семьдесят их кораблей. Скажите же, из страха перед чем вы так спешите? Неужели вы думаете, что не в вашей власти будет казнить или миловать кого вам будет угодно, если вы поведете дело установленным в законе порядком, а не незаконно, как добывается Калликсен, убедивший совет предложить вам одним голосованием осудить всех? А, ведь, при таком порядке вы можете казнить и невинного, вы вспомните о раскаянии только спустя много времени, когда это будет уже бесполезно; и тяжело вам будет, и пятном будет лежать на вашей совести грех смертоубийства. Какое ужасное дело вы творите: ведь даже Аристарху вы дали, согласно его желанию, день времени для оправдания каким угодно способом и предоставили ему все прочие льготы, положенные в законе, — тому самому Аристарху, который сперва содействовал гибели демократии, а затем стал предателем, выдав Эною нашим врагам-фиванцам. А ваших стратегов, которые во всем творили лишь волю избравшего их народа, которые одержали блестящую победу над врагом, — их вы лишаете всего этого! Нет, афиняне, пусть так не случится. Свято блюдите созданные вашими же руками законы — залог вашего величия — и ни в чем от них не отступайте.

Мы пришли теперь к вопросу о том, в чем же состоит преступление, вменяемое в вину стратегам. Когда наш флот, одержав верх в морской битве, причалил к суше,² Диомедонт предложил, выстроившись гуськом, выйти в море и подобрать обломки кораблей и пострадавших; Эрасинид же считал наиболее целесообраз-

¹ Т. е. надлежит ли вообще судить их (?). Текст испорчен.

² К Аргинусам.

30 ным, чтобы все с величайшей поспешностью плыли на врага, находящегося в Митилене. Тогда Фрасилл внес предложение, благодаря которому достигалось и то и другое: именно — чтобы часть кораблей осталась на месте, а остальные поплыли против врага; в случае принятия этого плана Фрасилл предложил, чтобы каждый из восьми стратегов оставил на месте по три корабля из находящейся под его командой части флота; кроме того он предложил оставить на месте десять кораблей, управляемых таксиархами,¹ десять самосских и, наконец, три корабля, находящихся под командой навархов; всего это выходит сорок семь, — по четыре на каждый из погибших двенадцати кораблей. В числе оставленных триархов 31 были также между прочим Фрасибул и Ферамен, выступавший на предыдущем собрании с обвинением против стратегов. Прочие же корабли вышли против вражеского флота.

В чем же из всех описанных мною фактов стратеги поступили неправильно с точки зрения пользы или справедливости? Разве те, которым была поручена борьба с врагом, не должны быть привлекаемы к суду только за преступления в бою с неприятелем? А за неказание помощи пострадавшим в морском бою разве не следует 32 привлекать к суду лишь тех, кому это было приказано, но которые не исполнили приказания стратегов? Но нельзя в оправдание как тех, так и других не упомянуть о том, что из всего того, что стратеги собирались предпринять, не удалось выполнить ничего вследствие страшной бури. Свидетелями этого могут быть те из пострадавших в этом бою, которым удалось случайно спастись. Такая участь постигла, например, и одного из стратегов, спасшегося на обломке затонувшего корабля, которому, по требованию обвинителей, предстоит быть осужденным тем же злополучным голосованием, как и тем, которые не исполнили возложенных на них поручений, хотя он сам нуждался в том, чтобы его спасли из пучины. 33 Счастливые победители, — вы хотите поступить, как несчастные пораженные... Столкнувшись с ниспосланным богом неизбежным роком, вы готовы осудить, как изменников, людей, которые не в силах были поступить иначе, чем они поступали, не будучи в состоянии из-за бури исполнить приказанное... Не делайте же этого: ведь, гораздо справедливее увенчать победителей венками, чем подвергнуть их смертной казни, послушавшись совета дурных людей.»

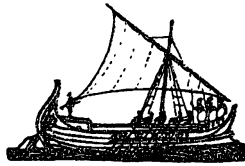
34 Произнеся эту речь, Евриптолем внес письменное предложение судить обвиняемых на основании постановления Каннонова, каждого порознь; по предложению же, одобренному советом, всем им предстояло быть осужденными одним голосованием. Сперва большинство поднятых рук было за предложение Евриптолема; когда же Менекл принес установленную клятву,² было произведено новое голосование, и верх взяло предложение совета. Затем (про-

¹ О таксиархах и навархах см. в коммент. к гл. 6, § 29.

² Вероятно в том, что в голосовании были процессуальные неправильности.

изошло голосование по существу дела); все восемь сражавшихся стратегов были осуждены и шестеро из них, находившиеся в Афинах, подверглись смертной казни.

Прошло немного времени, и афиняне раскаялись. Было принято предложение, что те, которые обманули народ, должны быть привлечены к ответственности и предстать пред народным собранием, а до явки на суд они должны представить поручителей. В числе привлеченных к ответственности пяти лиц был и Калликсен. Все они были заарестованы своими поручителями. Им удалось еще до суда бежать из Афин во время того мятежа, в котором был убит Клеофонт;¹ Калликсен впоследствии получил возможность вернуться в Афины вместе с афинянами, запершимися в Пирее,² но он умер от голода, ненавидимый всеми.

¹ См. коммент. к кн. II, гл. 2, § 11.

² См. ниже, кн. II, гл. 4, § 39.

КНИГА ВТОРАЯ

1 Войско, находившееся на Хиосе под командой Этеоника,¹ пока было лето — кормилось плодами земли, в изобилии произрастающими в это время года, а также нанималось за плату на полевые работы. Но наступила зима, и солдаты лишились всего этого. Голодные, неодетые и необутые, они устроили заговор и условились совершить нападение на Хиос.²

2 Решено было, что примкнувшие к этому заговору будут носить тростниковую палочку, чтобы заговорщики могли узнать друг друга. Проведав об этом заговоре, Этеоник оказался в крайне затруднительном положении вследствие многочисленности заговорщиков. Он считал неуместным открыто выступить против заговорщиков, опасаясь, что они окажут вооруженное сопротивление, захватят город и, став врагами командованию, сведут на нет все одержанные успехи. Но даже и своевременное усмирение мятежа связано было с невыгодными последствиями: Этеонику казалось ужасным погубить большое количество лакедемонских союзников, так как это могло послужить причиной распространения по Греции дурных слухов о лакедемонянах и вызвать недовольство в
3 остальных частях войска. При таком положении дел Этеоник, взяв с собой отряд из пятидесяти человек, вооруженных короткими кинжалами, отправился к городу и, встретив выходящего из лечебницы человека, страдающего глазами и опиравшегося на тростниковую палочку, убил его. Это вызвало смятение и многие спрашивали, за что погиб этот человек. Этеоник велел объявить, что он погиб за то, что носил тростниковую палочку. Вследствие этого все, носившие такие палочки, выбросили их, так как каждый, услышав о происшедшем, боялся, чтобы не заметили, что и он носит тростинку. После этого Этеоник, созвав хиосцев, приказал им собрать деньги, для того, чтобы моряки получили жалованье и не замыслили мятежа. Деньги были собраны. Вместе с тем он дал сигнал морякам занять свои места на кораблях и, обойдя по
4 очереди все корабли, в длинных речах ободрял и увещевал матросов, как будто ничего не зная о происшедшем, и дал каждому жалованье за месяц. После этого хиосцы и прочие союзники, собравшись
5

¹ О предшествующих событиях см. выше, кн. I, гл. 7, § 36.

² Бывший в союзе с Лакедемоном.

в Хиссе на совещание о текущих делах, решили отправить в Лакедемон послов, которые рассказали бы о происшедшем и попросили бы прислать для управления флотом Лисандра, которому его прежнее управление флотом доставило блестящую репутацию у союзников после того, как он победил в морской битве при Нотии.¹

Послы отправились в Лакедемон вместе с послами от Кира, имевшими инструкции такого же содержания. Но лакедемоняне послали к ним Лисандра в качестве эпистолея,² а навархом послали Арака, так как по их закону одно и то же лицо не может занимать дважды должности наварха. Однако, (действительная) команда над кораблями была вверена Лисандру. [Прошло уже двадцать пять лет с начала войны].

[В том же году Кир убил Автобесака и Митрея, сыновей сестры Дариея, дочери Ксеркса, сына Дариева, за то, что они, встретив его, не выставили рук наружу из кор. Корой называется по персидски очень длинный рукав, совершенно лишаящий человека возможности действовать руками. Однако, так полагается встречать только царя. Иерамен и его жена³ жаловались Дариею и говорили, что будет невыносимым, если царь оставит безнаказанным такое высокомерие; царь послал вестников и позвал Кира к себе, ссылаясь на свою болезнь].

На следующий⁴ год [при эфоре⁵ Архите, при архонте в Афинах Алексии] Лисандр, прибыв в Эфес, призвал к себе из Хиоса Этеоника с кораблями, собрал все остальные корабли, рассеянные по различным пунктам, привел их в порядок и выстроил новые корабли в Антандре. Затем он пришел к Киру и стал просить денег; но тот ему ответил, что не только все полученные им от царя деньги истрачены, но и еще очень много его собственных, указав точно, сколько он выдал каждому наварху, но все же дал ему деньги. Лисандр, взяв эти деньги, назначил на триеры триэархов и выдал морякам следуемое жалованье. Афинские стратеги на Самосе⁶ со своей стороны тоже стали притоговляться к морской войне.

После этого Кир призвал к себе Лисандра, так как к нему прибыл вестник от отца, который сообщил ему, что царь лежит больной в Фамнернях, в Мидии, близ отпавших от него Кадусий, на которые он шел походом. Когда же Лисандр явился, Кир сказал ему, чтобы он не вступал в морской бой с афинянами, пока его флот не станет значительно более многочисленным; у царя и у него много денег, так что с денежной стороны не будет препятствий к тому, чтобы экипировать много новых кораблей. Кир передал в распоряжение Лисандра всю ту дань с городов, которая шла в его личную пользу, и отдал ему весь наличный остаток казны. Затем

¹ См. выше, кн. I, гл. 5, § 12 и след.

² См. коммент. к I кн., гл. I, § 23

³ Повидимому, родители убитых.

⁴ 405/404 г.

⁵ См. коммент. к кн. I, гл. 2, § 1.

⁶ Конон, Адимант и Филока; см. выше, кн. I, гл. 7, § 1.

Кир напомнил ему о той дружбе, которую он питал к лакедемонянам вообще и к Лисандру в частности, и отправился к отцу.

45 Лисандр, после того как Кир, передав ему все свои доходы, отправился на зов своего больного отца, раздал жалованье войску и отплыл в Карию, в Керамический залив. Он пошел приступом на союзный с Афинами город Кедрии и на следующий день овладел им приступом, а жителей обратил в рабство, — жители этого города были полуварвары.¹ Оттуда лакедемоняне отплыли в Родос.

36 Афиняне, выступив из Самоса, жестоко опустошали владения царя, собирались итти походом на Хиос и Эфес и готовились к морскому бою. Они выбрали стратегами в дополнение к прежним Менандра,

47 Тидея и Кефисодота. Лисандр поплыл из Родоса вдоль берегов Ионии к Геллеспонту для надзора за подплывающими грузовыми судами,² а также для борьбы с отложившимися городами. Афиняне также выплыли из Хиоса напрямик через открытое море, так как все побережье Малой Азии было в руках врага.

Лисандр в это же время поплыл из Абидоса вдоль берега в союзный с Афинами Лампсак.³ С ним вместе прибыли по суше абидосцы и прочие союзники под командой лакедемонянина Форака.

19 Лампсак был взят приступом и разграблен солдатами. Это был город, богатый вином, хлебом и прочими припасами. Все свободное население Лисандр отпустил на волю. Афиняне, следуя за ним по пятам, причалили на ста восьмидесяти кораблях к Элеунту на Херсонесе. Здесь во время завтрака к ним приходит известие о гибели Лампсака. Афиняне тотчас же отплыли в Сест. Оттуда, запасшись хлебом, немедленно поплыли в Эгоспотамы, против Лампсака: Геллеспонт имеет в этом месте около пятнадцати стадий ширины.

22 Там афиняне ужинали. На следующую ночь, на заре, Лисандр дал сигнал солдатам, чтобы они, позавтракав, заняли свои места на кораблях, подготовил все необходимое для морской битвы и, развесив щиты, предохраняющие от неприятельских стрел, приказал,

23 чтобы никто не выходил из строя и не снимался с якоря. Афиняне же с восходом солнца выстроились у гавани в одну линию для морского боя, но, так как Лисандр не вышел им навстречу и был уже поздний час дня, отплыли обратно к Эгоспотамам. Лисандр приказал быстроходнейшим из своих кораблей следовать за афинянами и, заметив, что они будут делать по выходе на берег, отплыть назад и сообщить ему. В то же время он запретил экипажу покидать свои места на судах прежде, чем возвратятся эти корабли. Так он поступал ежедневно в течение четырех дней; афиняне точно

25 так же ежедневно выходили в море в боевом порядке. Алкивиад заметил из своего замка,⁴ что афинская стоянка находится на

¹ Ксенофонт прибавляет это для того, чтобы оправдать жестокость Лисандра (как справедливо указал К. Вернике).

² Т. е. для охраны подплывающих лакедемонских судов, конфискации афинских и для воспрепятствования снабжению провиантом вражеского побережья.

³ См. выше, кн. I, гл. 3, § 14 и след.

⁴ См. выше, кн. I, гл. 5, § 17 с коммент.

пустынном морском берегу, вдали от городского поселения, и что за припасами им приходится отправляться за пятнадцать стадий от кораблей в Сест, тогда как вражеский флот стоит в гавани, у самого города, и снабжен всем необходимым. Он явился к афинским стратегам и сказал им: «Вы выбрали крайне неудачное место для стоянки флота. Настоятельно советую вам переправить флот в Сест, где вы будете в гавани и близ города. Там вступайте себе в бой, когда захотите». Но стратеги (главным образом Тидей и Менандр) велели ему убираться прочь. «Пока еще, — говорили они, — стратеги мы, а не ты». После этого Алкивиад удалился. Лисандр же, на пятый день после прибытия афинян, приказал разведчикам на посланных им в этот день кораблях, чтобы они, как только заметят, что афиняне вышли из гавани и рассеялись по Херсонесу, возвращались назад и, пройдя полпути, подняли щит. Такие экспедиции афиняне совершали регулярно каждый день для покупки хлеба в весьма отдаленных от стоянок местах; они не боялись флота Лисандра, презирая его за то, что он не принимал их вызова на бой. Заметив, что на дозорных кораблях щит поднят, Лисандр тотчас же дал сигнал флоту плыть полным ходом. Рядом шел Форак во главе пехотного войска. Увидев, что лакедемоняне наступают, Конон дал сигнал экипажу занять места на кораблях и оказать врагу сильное сопротивление. Но матросы разбрелись кто куда; на некоторых кораблях из трех ярусов весел гребцы остались только на двух, на иных на одном, а на иных и вовсе не было гребцов. Лишь триэра Конона и еще семь, бывших под его командой, да «Паралия» вышли в бой с полным числом гребцов; остальные корабли даже не отчалили от берега и были захвачены Лисандром на якорях. Из экипажа большинство он захватил в плен в то время, как они были рассеяны по берегу; лишь немногим удалось бежать в крепости. Узнав, что афинское дело безвозвратно проиграно, Конон обратился в бегство на девяти кораблях. Он причалил к Абарнидскому мысу в Лампсакской области и захватил там большие паруса, оставленные Лисандром. После этого сам он отправился с восемью кораблями к Евагору в Кипр, а Паралийская триэра поплыла в Афины, чтобы известить о происшедшем. Лисандр переправил корабли, пленников и добычу в Лампсак. В числе пленных были и стратеги: Филокл, Адимант и другие. В тот же день он послал милетского пирата Феопомпа в Лакедемон с вестью о происшедшем; Феопомп на третий день пути прибыл в Лакедемон и принес известие. После этого Лисандр собрал союзников на совещание о судьбе пленных. На этом совещании против афинян выдвигался ряд обвинений как по поводу тех преступлений, которые они уже совершили, так и по поводу тех, которые они имели в виду совершить в силу решения народного собрания, постановившего, чтобы у всех пленных была отрублена правая рука. Вспоминали и о том, что афиняне, захватив две триэры, коринфскую и андросскую, сбросили в пропасть весь находившийся на них экипаж; эта смерть была делом рук афинского стратега Филокла. Было произнесено еще много подобных

речей, и, в конце концов, было постановлено казнить из числа пленных всех афинян, кроме Адиманта; он был помилован потому, что он один возражал в народном собрании против постановления об отсечении рук; но некоторые считали действительной причиной этого помилования то, что он именно предал афинские корабли лакедемонянам. Когда Филокла, сбросившего в пропасть андросцев и коринфян, вели на казнь, Лисандр спросил его, какого наказания достоин он, положивший начало преступлениям против соплеменников-эллинов. После этого Филокл был казнен.

2 1 Лисандр, приведя все в порядок в Лампсаке, поплыл на Византий и Калхедон. Эти города открыли ему ворота, с афинским гарнизоном он заключил мирный договор на условиях, чтобы гарнизон удалился из города. Лица же, предавшие¹ Алкивиаду Византий, бежали сперва в Понт, а затем в Афины и получили право афинского гражданства. Лисандр отослал афинский гарнизон в Афины, дав им гарантию безопасности только для следования в этот город, а не в какой-либо другой; при этом он рассчитывал на то, что, чем больше соберется народу в самом городе и Пирее, тем скорее наступит недостаток в съестных припасах; так же он поступал и со всякими другими афинянами, попадавшимися в его руки. Оставив гарместом Византий и Калхедона лаконца Сфенелая, он сам отплыл в Лампсак и приводил там в боевую готовность свои корабли.

3 «Паралия» прибыла ночью в Пирей и оповестила афинян о постигшем их несчастьи. Ужасная весть переходила из уст в уста, и громкий вопль отчаяния распространился через Длинные стены из Пирея в город. Никто не спал в ту ночь; оплакивали не только погибших, но и самих себя; ждали, что от спартанцев придется претерпеть то же, чему подвергли афиняне лакедемонских колонистов мелийцев, когда после осады их город был взят, гистиэйцев, скионейцев, торонейцев, эгинян и многих других греков. На 4 следующую день было созвано народное собрание, на котором было решено запрудить все гавани Аттики, кроме одной, заново отремонтировать городские стены, расставить гарнизоны и сделать все прочие необходимые приготовления для обороны города во время осады.

5 В то время как афиняне были заняты этими приготовлениями, Лисандр прибыл с двадцатью кораблями из Геллеспонта в Лесбос и привел в порядок государственные дела² в ряде городов, в том числе в Митилене. В города Фракийского побережья он послал Этеоника с десятью триерами, который принудил всю эту область перейти на сторону лакедемонян. И вся остальная Греция тотчас же 6 после морского поражения отпала от афинян, исключая лишь Самос: здесь было устроено кровавое избиение знати, и городом овладела народная партия. После этого Лисандр послал гонцов к 7 Агису в Декелею и в Лакедемон с извещением, что он возвращается назад с флотом в 200 кораблей. По зову второго лакедемонского

¹ См. выше, кн. I, гл. 3, § 14 и след.

² Т. е. ввел олигархический строй и поставил у власти лаконсфильские партии.

царя Павсания вышли в поход лакедемоняне — все поголовно — и прочие пелопоннесцы, кроме аргивян. Когда все были в сборе, Павсаний отправился с ними к Афинам и расположился близ города, з Академии.¹ В то же время Лисандр, прибыв в Эгину, возвратил город его изгнанным жителям, собрав их отовсюду, сколько только он мог.² Так же он поступил с мелійцами и другими греками, изгнанными из отечества афинянами. После этого, опустошив Саламин, он причалил к Пирею на 150 кораблях и преградил доступ приплывающим коммерческим судам.³

Осаждаемые и с суши и с моря афиняне оказались в безвыходном положении. У них не было уже ни флота, ни союзников, ни провианта, неоткуда было ждать спасения; приходилось, повидимому, подвергнуться всем тем ужасам, которым они прежде подвергали других греков. Разница была лишь та, что лакедемоняне теперь готовились отомстить афинянам за их прежние преступления, а афиняне обижали жителей мелких городов не отомщения ради, а только из высокомерия: они даже не выставляли никакого другого предлога, кроме того, что те были союзниками лакедемонян. Поэтому они даровали полную амнистию всем лишенным прав состояния, но крепались и, несмотря на то, что в городе множество народа умирало от голода, не вступали в переговоры о мире. Но когда запас продуктов совершенно истощился, они послали к Агису послов, предлагая ему мир на условии, что они будут союзниками лакедемонян, а за то получают право сохранить невредимыми Длинные стены и Пирей. Но Агис сказал, чтобы они отправились в Лакедемон, так как он не имеет полномочий на заключение мира. Послы вернулись в город и известили афинян об ответе царя: тогда афиняне послали их в Лакедемон. В Селласии, городе [вблизи] Лаконии, их встретили эфоры и, узнав, с какими предложениями они пришли — это были те же условия мира, которые были предложены Агису, — велели им уходить тотчас же назад и, если им нужен мир, то возвращаться не прежде, чем они не обдумают получше положение вещей. Когда послы вернулись и доложили об этом ответе, афинян охватило отчаяние; если не сдаться, всех ожидает порабощение; если же вступить в новые переговоры, то, пока придет новый ответ из Лакедемона, множество народа помрет от голода. Но никому и в голову не приходило согласиться на то, чтобы стены были скрыты. Так, Архестрат был заключен в темницу за то, что он предложил в совете заключить с лакедемонянами мир, уступив им во всех их требованиях, называя этот выход наилучшим; а требовали лакедемоняне, чтобы была скрыта часть Длинных стен — на десять стадий с каждой стороны. Было принято постановление, воспрещавшее вносить предложения такого рода. При таких обстоятельствах Ферамен предложил в народном собрании, чтобы его отправили послом к Лисандру; там, мол, он разузнает, должно ли

¹ Название гимнасии.

² См. коммент. к § 3.

³ Которые подвозили хлеб.

служить лакедемонянам снесение стен только средством для обращения афинян в рабство, или это им нужно для обеспечения их верности лакедемонянам. Его послали, и он пробыл у Лисандра три месяца с лишним, выжидая, пока афиняне из-за недостатка хлеба не дойдут до такого состояния, что готовы будут согласиться на какие угодно условия. Лишь на четвертый месяц он вернулся и доложил в народном собрании, что Лисандр долго медлил с ответом и удерживал его при себе; в конце концов же он сказал, чтобы Ферамен отправился в Лакедемон, так как сам он, якобы, не уполномочен дать ему ответ: это право эфоров. После этого он был выбран, вместе с еще девятью лицами, полномочным послом в Лакедемон. Лисандр, со своей стороны, послал в Лакедемон афинского изгнанника Аристотеля вместе с несколькими лакедемонянами и поручил им передать эфорам, что при переговорах с Фераменом он заявил, что одни лишь эфоры полномочны в вопросах мира и войны. По прибытии Ферамена и прочих послов в Селласию им был задан вопрос, по какому делу они пришли. Когда послы ответили, что они прибыли полномочными послами по вопросу о мире, эфоры велели позвать их в город. Затем было созвано народное собрание, на котором особенно горячо возражали против заключения мира коринфяне и фиванцы, а также и многие другие эллины; они требовали совершенного разрушения Афин. Но лакедемоняне категорически отказались стать виновниками порабощения жителей греческого города, столь много потрудившегося в эпоху тяжких бедствий, когда великая опасность угрожала Греции. Они выразили согласие на мир при условии снесения Длинных стен и укреплений Пирея, выдачи всех кораблей кроме двенадцати, возвращения изгнанников и вступления в число союзников лакедемонян с подчинением их гегемонии, с обязательством следовать за ними повсюду — на суше и на море, — куда они ни поведут, и иметь одни и те же государства союзниками и врагами. Ферамен и сопроводившие его послы принесли этот ответ в Афины. Когда они вошли в город, их окружила многочисленная толпа; все боялись, что они вернулись с пустыми руками, а ждать больше нельзя было, так как очень уж много народу погибло от голода. На следующий день послы доложили об условиях, поставленных лакедемонянами для заключения мира. Говорил от их имени Ферамен; он убеждал повиноваться лакедемонянам и согласиться срыть стены. Кое-кто возражал ему, но огромное большинство ораторов одобряло его мысль и, наконец, было постановлено принять мирные условия лакедемонян. После этого и Лисандр вернулся в Пирей. Изгнанники были возвращены; стены были срыты при общем ликовании под звуки исполняемого флейтистами марша: этот день считали началом свободной жизни для греков. Так закончился год, в середине которого Дионисий, сын Гермократа, стал сиракузским тиранном, причем карфагеняне сперва потерпели от сиракузян поражение, но затем взяли измором Акрагант, покинутый населявшими его сикелиотами.

В следующем году [в котором были олимпийские игры, причем в беге победил фессалиец Крокин, при эфоре Эндии в Спарте, при афинском архонте Пифодоре, которого афиняне не упоминают в списке архонтов потому, что он был избран при олигархическом строе, но называют этот год годом анархии; начался этот олигархический строй таким образом] народ постановил избрать тридцать человек для составления свода законов в духе старины;¹ эти законы должны были лечь в основу нового государственного строя. Выбранными оказались следующие лица: Полихар, Критий, Мелобий, Гишлох, Евклид, Гиерон, Мнесилох, Хремон, Ферамен, Аресий, Диокл, Федрий, Херелей, Анетий, Писон, Софокл, Эратосфен, Харикл, Ономакл, Феогнид, Эсхин, Феоген, Клеомед, Эрасистрат, Фидон, Драконтид, Евмаф, Аристотель, Гиппомах и Мнесифид. После этого Лисандр поплыл в Самос, а Агис, выведя пехоту из Декелеи, распустил контингенты по домам.

В это же время [приблизительно тогда же, когда случилось солнечное затмение] Ликофрон Ферский победил в кровопролитном бою лариссейцев и других фессалийцев, противодействовавших его стремлению властвовать над всей Фессалией.

В то же время и сиракузский тиран Дионисий был разбит карфагенянами и принужден уступить им Гелу и Камарину. Короткое время спустя и леонтинцы, поселенные в Сиракузах, отпали от Дионисия и Сиракуз и вернулись в свой город. Дионисий тотчас же отправил также и сиракузских всадников в Катану.

Самосцы, хотя и были заперты со всех сторон Лисандром, тем не менее сперва не хотели вступать с ним в соглашение, и только тогда, когда Лисандр решил уже пойти на город приступом, они согласились сдать под условием, чтобы каждый свободный житель мог уйти из города, взяв с собой одну смену платья; все же прочее должно было быть выдано лакедемонянам. На этих условиях Лисандр позволил им уйти. Затем он передал город и все находившееся в нем имущество прежним его жителям и, поручив управление города десяти архонтам² с гарнизоном,³ распустил союзнический флот по городам. Сам же он во главе лаконских кораблей поплыл в Лакедемон и повез туда акротерии взятых в плен кораблей, выданный афинянами пирейский флот, за исключением двенадцати триэр, венки, которыми награждали его лично союзные государства, 470 талантов серебра, которые остались у него не употребленными из податей, переданных ему Киром для расходов по войне, и всю оставшую военную добычу. Все это он передал лакедемонянам в конце лета [того самого, в которое исполнилось 28 лет с начала войны, в течение которой эфорами-эпонимами были следующие лица: первым был Энесий, при котором началась война, на пятнадцатом году после заключения тридцатилетнего перемирия,

¹ Дословно: для составления отцовских законов.

² См. коммент. к кн. III, гл. 4, § 2.

³ Гарнизонот этим командовал гармоет спартиат Форак. Диодор, XIV, 3, 5.

10 последовавшего за взятием Евбеи. Преемниками Энесия были следующие эфоры: Брасид, Исанор, Состратид, Эксарх, Агесистрат, Ангенид, Ономакл, Зевксипп, Питий, Плистол, Клиномах, Иларх, Леонт, Херил, Патесиад, Клеосфен, Ликарий, Эперат, Ономантий, Алексиппид, Мисголайд, Исий, Арак, Евархипп, Пантакл, Питий, Архит и Эндий, при котором Лисандр, выполнив то, о чем мы только что говорили, вернулся на родину].

11 Тридцать правителей были избраны тотчас же по срытии Длинных стен и укреплений Пирея. Но, будучи избранными только для составления законов, которыми государство должно было руководствоваться, они все откладывали составление и опубликование свода законов, а пока что назначили членов совета и прочих магистратов по своему усмотрению. Затем они, первым делом, арестовали и казнили тех, о которых при демократическом строе всем было известно, что они сикофанты,¹ и тягостны добрым гражданам.² Совет осудил их на смерть с чувством удовлетворения, да и все прочие граждане ничего не имели против их осуждения, поскольку они сами не были повинны в том же грехе. Но вскоре правители стали думать лишь о том, чтоб им можно было распоряжаться всеми государственными делами по своему усмотрению. Для этого они прежде всего послали в Лакедемон к Лисандру Эсхина и Аристотеля с просьбой, чтобы он посодействовал присылке в Афины лакедемонского гарнизона, который должен был оставаться в Афинах, пока правители не устранят дурных элементов населения³ и не приведут в порядок государственного устройства; они обещали содержать гарнизон на свой счет. Лисандр исполнил их просьбу и исходатайствовал для Афин гарнизон и гармоста Каллибия. Получив гарнизон, правители стали всячески уболаговорять Каллибия, чтобы и он, со своей стороны, одобрял все их действия, и так как в их распоряжении была часть прибывших с Каллибием солдат, то они стали арестовывать кого угодно: не только дурных и безнравственных людей, но вообще тех, про которых они полагали, что они наименее склонны терпеливо переносить надругательства и что, в случае если бы они попытались противодействовать правителям, к ним бы примкнуло наибольшее число приверженцев. Первое время Критий был единомышленником и другом Ферамена. Когда же первый стал склоняться к тому, чтобы казнить направо и налево, не считаясь с количеством жертв, так как сам он пострадал от афинской демократии, будучи изгнанным, Ферамен стал противиться: «Нехорошо, — говорил он, — казнить людей, вся вина которых в том, что они пользовались популярностью в массе, если от них не было никакого вреда добрым гражданам.⁴ Ведь и я и ты сам многое говорили и делали только лишь для того, чтобы угодить афинянам». Критий, который был тогда еще другом Ферамена, возражал ему

¹ Т. е. промышляют политическими до: осами.

² Т. е. аристократам.

³ Т. е. демократов.

⁴ См. примечание на стр. 2.

на это: «Честолюбивые люди должны стараться во что бы то ни стало устранить тех, которые в состоянии им воспрепятствовать. Ты очень наивен, если полагаешь, что для сохранения власти за нами надо меньше предосторожностей, чем для охранения всякой иной тираннии: то, что нас тридцать, а не один, нисколько не меняет дела». Некоторое время спустя, после того как было казнено много людей, часто совершенно невинных, и повсюду можно было заметить, как сходятся граждане и с ужасом спрашивают друг у друга, какие новые порядки их ожидают, — Ферамен снова выступил с речью, говоря, что без достаточного количества политических единомышленников никакая олигархия не может долго держаться. При таком положении вещей страх охватил Крития и прочих правителей; особенно же они боялись, чтобы оппозиция не сгруппировалась вокруг Ферамена. Они сочли себя вынужденными допустить к правлению три тысячи граждан, по составленному ими списку. Но и на это Ферамен возразил, что, прежде всего, ему представляется нелепостью то, что они, желая иметь единомышленниками благонамереннейших из граждан, отсчитали ровно три тысячи, как будто есть какая-то внутренняя причина, в силу которой добрых граждан должно быть как раз столько, и будто вне списка не может оказаться порядочных людей, а в списке — негодяев. Далее, по его мнению, правители в своих действиях самим себе противоречат: они решили править, опираясь исключительно на силу, а между тем они — слабее тех, кем им придется управлять. Таковы были доводы Ферамена. Между тем правители устроили смотр граждан. Трем тысячам¹ было приказано собраться на агоре, а прочим в другом месте. Затем им была дана команда выступить в полном вооружении. Когда они расходились по домам, правители послали лакедемонских солдат и своих приверженцев из числа граждан отобрать оружие у всех афинян, кроме трех тысяч, попавших в список, снести его на Акрополь и сложить в храм.² После этого правители получили возможность делать все, что им угодно, и много афинян пало жертвой их личной вражды; многие также были казнены ради денег. Чтобы раздобыть необходимые средства для уплаты жалованья гарнизону, они постановили, что каждый из правителей может арестовать одного метэка, убить его и конфисковать его имущество в казну. Они предлагали и Ферамену воспользоваться этим правом, но он возразил им на это: «Не подобает тем, которые именуют себя лучшими гражданами, поступать еще более несправедливо, чем сикофанты. И в самом деле, сикофанты, ведь, не лишали жизни тех, кого им удавалось обобрать, тогда как мы убиваем людей, ни в чем перед нами не провинившихся, только для того, чтобы воспользоваться их имуществом. Конечно, это во много раз несправедливее, чем все то, что творили сикофанты». Тогда прочие соправители, видя, что он является по-

¹ Попавшим в список.

² Афины.

мехой во всех их предприятиях и не дает им управлять по своему произволу, стали злоумышлять против Ферамена, всячески клеветали на него и говорили, что он поносит существующий государственный строй. Был созван совет; на это собрание было приказано явиться¹ с кинжалами за пазухой юношам, имевшим репутацию наиболее отважных. По прибытии Ферамена Критий, взойдя на кафедру, произнес следующую речь: «Члены совета! У многих из вас, вероятно, появилась мысль, что слишком много гибнет народу, — больше, чем это необходимо.² Но примите во внимание то, что так бывает при государственных переворотах всегда и везде. Наибольшее же число врагов сторонники олигархического переворота, само собой разумеется, должны иметь здесь, в Афинах: ведь наш город многолюднейший в Элладе, и народ здесь наиболее продолжительное время рос и воспитывался на гражданской свободе. Для таких людей, как мы с вами, демократический строй, конечно, крайне тягостен и невыносим; вдобавок лакедемонянам, даровавшим нам жизнь и свободу, сторонники народовластия спокон века были врагами, тогда как благонадежные слои населения были всегда им преданы. Поэтому-то, с одобрения лакедемонян, мы и установили этот государственный строй; поэтому-то, если до нашего сведения доходит, что кто-либо враждебно относится к олигархическому правлению, мы принимаем все возможные меры для устранения таких лиц. А если в рядах носящих новый государственный строй окажется кто-либо из нашей среды, мы должны его преследовать еще более энергично. Такой случай, граждане, ныне налично: оказывается, что находящийся здесь Ферамен всячески добивается гибели — как нашей, так и вашей. В истинности моих слов вы убедитесь, если обратите внимание на то, что никто еще не выступал с таким резким порицанием существующих порядков, как присутствующий здесь Ферамен; точно так же каждый раз, как мы хотим устранить с нашего пути кого-либо из демагогов, мы наталкиваемся на сопротивление с его стороны. Пусть бы он был с самого начала такого образа мыслей, — мы бы его считали, конечно, нашим врагом, но у нас не было бы никакого основания обвинять его в непорядочности. Но нет! Именно он положил начало союзу и дружбе с лакедемонянами, именно он первый организовал уничтожение народовластия; наконец, именно он-то и побуждал вас наказывать тех, которые первыми предстали перед вами как обвиняемые. А теперь, когда мы с вами открыто выступили врагами народовластия, он почему-то возмущается происходящим. Цель его ясна: он хочет оградить себя от возможной опасности, взвалив на нас всю вину за то, что творится теперь. Вот почему нам и вам следует наказывать его не только как врага, но и как предателя. Ведь предательство тем ужаснее открытой войны, что от тайных козней труднее уберечься, чем от открытого нападения. И к предателю следует отно-

¹ Они стали, конечно, за оградой собрания.

² Для поддержания порядка в государстве.

ситься суровее, чем к врагу; с врагом возможно ведь примирение и обмен дружественными клятвами, тогда как никто и никогда не станет заключать договоров или вообще в чем-либо доверять человеку, удиченному в предательстве. Теперь я напомню вам обо всех делах Ферамена, чтобы вы убедились, что он меняет свои убеждения не впервые, что предательство впитано им с молоком матери. Он начал свою деятельность с того, что вступил в число вожаков демократии. И он же, по примеру своего отца Агнона, стал ревностным сторонником переворота, поставившего на место народовластия правление четырехсот, и даже играл руководящую роль в этом правительстве. Но затем тот же Ферамен, проведая, что против господствующей олигархии растет сильная оппозиция, оказался в числе первых вождей народного движения против правителей. За это-то и прозвали его котурном. Ведь и котурн как будто приходится впору на обе ноги, но плохо сидит как на правой, так и на левой.¹ Да, Ферамен: не тот человек имеет право на жизнь,² который ловко заводит своих товарищей на опасный путь, а сам меняет фронт при первом же препятствии, а тот, который подобно отважному мореплавателю борется со стихиями, пока не подует попутный ветер. Если же при каждой буре мы будем менять направление пути и плыть по ветру, мы никак не сможем когда-либо приплыть к намеченной цели. Ты обвиняешь нас в том, что мы казнили слишком много народу, но никто из нас не повинен в таком количестве смертей, как ты сам: действительно, всякий политический переворот приносит с собой ряд смертных казней; без тебя же не обходится ни один переворот, и потому ты повинен как в смерти олигархов, погибших от рук демократии, так и в смерти демократов, погибших от рук знати. Ты, а не кто другой получил приказание стратегов подобрать жертвы кораблекрушения в морской битве близ Лесбоса.³ Ты не исполнил этого приказа и тем не менее решился выступить с обвинением против стратегов и добился их смертной казни, дабы остаться самому безнаказанным. Можно ли щадить человека, который явно во всем ищет лишь своей выгоды, нимало не заботясь ни об общем благе, ни о своих друзьях? Зная о его политических метаморфозах, можем ли мы не принимать предосторожностей, чтобы он не мог поступить и с нами так же, как поступил с другими? По всем этим причинам мы его и привлекли к суду по обвинению в злоумышлении и предательстве против нас и вас. Правильность нашего поведения видна еще и из следующего. Несомненно, наилучший государственный строй — это лакедемонский. А у них если кто-нибудь из эфоров не подчинится безусловно

¹ Я не считаю этого места позднейшей интерполяцией (как поступают почти все ученые), так как указание Плутарха (Praes. geip. ger. 32) по моему мнению — парафраз этого места, если принять конъектуру Laves'a. Действительно, здесь — καὶ γὰρ ὁ κότῦρνος ἀρμόττειν μὲν τοῖς ποσὶν ἀμφοτέρους δοκεῖ, ἀπολείπει δ' αὐτ' ἀμφοτέρων. Плутарх: ἀλλ' ἐγκαθ' ἑ δὲ μάλιστα τὸν Ἰθραμένους κότῦρνον ὑποδοῦμενον ἀμφοτέρους ὀμλεῖν καὶ μηδετέροις προστίθεσθαι.

² Т. е. ты достоин смертной казни.

³ При Аргинусах. См. кн. I, гл. 7, § 4 и след.

постановлению большинства и станет выказывать дерзостное неуважение к власти и противиться ее решениям, он, разумеется, будет подвергнут эфорами и народным собранием тягчайшему наказанию. Если вы действительно мудры, то будьте же более сострадательны к себе самим, чем к нему. Ведь, если он избежит казни, это даст повод поднять голову многим нашим политическим противникам, а его гибель отнимет последнюю надежду у всех мятежников как скрывающихся в нашем городе, так и бежавших за границу».

35 Этими словами Критий закончил свою речь и удалился на свое место.

Его сменил Ферамен. «Я начну, о мужи, — заявил он, — с того обвинения против меня, которым закончил свою речь предыдущий оратор. Он сказал, что, выставив обвинение против стратегов, я был виной их смерти. Но не я первый выступил с обвинением, а они, обвинив меня в том, что я не исполнил их приказания и не подобрал несчастных жертв морского боя при Лесбосе. Тогда я в свою защиту сослался на бурю, которая была так сильна, что нельзя было даже выплыть в море, а не то что подбирать затонувших. Народное собрание удовлетворилось моими объяснениями и признало, что выставленное стратегами против меня обвинение должно быть обращено на них же самих: ведь они, будучи убеждены, что спасение погибших возможно, тем не менее уплыли, оставив несчастных погибать. Впрочем, меня несколько не удивляет, что рассказ Крития не соответствует действительности:¹ ведь, когда все описанное происходило, его не было в нашем городе, он находился в Фессалии и был занят тем, что помогал Прометею устраивать демократический переворот и вооружал пенестов для борьбы со своими господами. Вот чего он там добивался, — да не случится того же и у нас! Только в одном я согласен с Критием: если кто либо злоумышляет лишить вас власти и содействует усилению злоумышляющих против вас, он должен по справедливости подвергнуться высшей мере наказания. Но кто из нас так поступает, вы прекрасно рассудите, я в этом не сомневаюсь, если сравните все мое поведение — в прошлом и в настоящем — с поведением того же Крития. Разве между всеми нами не было полного единодушия, пока деятельность наша была направлена на привлечение к суду заведомых сикофантов, в ту эпоху, когда мы призвали вас в члены совета и назначали новых магистратов. Но с тех пор как правители стали арестовывать добрых граждан, я разошелся с ними во взглядах. Когда был казнен Леонт Саламинец, который не только считался, но и действительно был вполне добропорядочным человеком и решительно ни в чем не был повинен, я понял, что эта казнь не может не привести в ужас всех подобных ему добрых граждан и что эти граждане силою вещей должны будут стать врагами существующему государственному порядку. Точно так же арест богача Ни-

36
37
38
39

¹ Текст здесь испорчен. Перевожу по смыслу

жерата, сына Никия, по моему глубокому убеждению, не мог не создать враждебного настроения к правительству в кругах богатых и благонамеренных граждан: ведь ни сам Никерат, ни отец его никогда и ни в чем не проявляли симпатий к демократии. Но когда от наших рук погиб тот самый Антифонт, который снарядил на свой счет во время войны две быстроходные триеры, я окончательно понял, что с этих пор все те, которые прежде сочувственно относились к новоорганизованному государству, станут смотреть на нас с подозрением. В другой раз я выступил с возражением, когда правители издали постановление, что каждый из них может собственной властью арестовать одного метэка: ведь было совершенно ясно, что с гибелью этих метэков весь этот слой станет врагом господствующего строя. Далее, когда правители отняли у народа оружие, я снова выступил с возражением, считая вредным ослабление мощи нашего народа. Я прекрасно понимал, что лакедемоняне вовсе не для того сохранили нам жизнь и свободу, чтобы мы, будучи бессильными, не в состоянии были оказать им помощи. Ведь, если такова их цель, они могли бы никого из нас не оставить в живых, помучив нас еще короткое время голодом. Не понравилось мне и приглашение наемного гарнизона, — ведь, нетрудно было набрать из среды самих граждан столько стражей, чтобы правительство могло беспрепятственно управлять подчиненным ему народом. Далее, когда я увидел, что в государстве появилось много противников этого правительства и что много народу удалено в изгнание, мне показалось нецелесообразным присуждать к изгнанию Фрасибула, Анита или Алкивиада. Я считал, что это наилучший способ для усиления противников: народ получал таким образом надежных вождей, а люди с жадной ко власти — множество союзников. После всего сказанного — как вы думаете, следует ли по справедливости считать человека, открыто подающего такие советы, благожелательным или же предателем? Критий! Не те люди, которые препятствуют увеличению числа врагов и дают способ приобрести как можно больше союзников, играют на руку врагу, а, наоборот, те, которые несправедливо отнимают деньги у сограждан и убивают ни в чем не повинных людей, безусловно содействуют увеличению числа противников и своим низким корыстолюбием предадут не только своих друзей, но и самих себя. Если вы еще не убедились в правильности моих слов, то обратите внимание хотя бы на следующее: неужели вы думаете, что Фрасибул, Анит и прочие изгнанники больше хотели бы, чтобы здесь царили те порядки, которых я добиваюсь, чем то положение дел, до которого мой соправитель довели государство? Нет, я думаю, что при нынешнем положении вещей они убеждены, что они всюду встречают скрытое сочувствие; но если бы нам удалось привлечь на свою сторону лучшие элементы населения, — они считали бы самую мысль вернуться когда-либо на родину почти несбыточной. Еще было выдвинуто им против меня обвинение, что я постоянно готов менять свои убеждения. Рассмотрим же, насколько оно осно-

вательно. Заметьте, что правление четырехсот было установлено голосованием самого народного собрания, которому удалось вну-
 46 шить, что лакедемоняне охотнее заключат мир и вступят в союз при каком угодно другом строе, только не при демократическом. Но расчет этот оказался ошибочным, лакедемоняне ничуть не стали снисходительнее в выставляемых ими мирных условиях, а стратеги с Аристотелем, Меланфием и Аристархом во главе были уличены в том, что соорудили на городском рву укрепление и рассчитывали, впус-
 47 тив сюда врагов, при их помощи заполучить власть в свои руки и в руки своих единомышленников. Узнав об этом, я действительно всячески противодействовал их затее, — но разве это называется предать друзей? Критий называет меня «котурном», так как я стараюсь угодить и нашим и вашим. Но скажите, бога ради, как же назвать того, который не нравится ни тем ни другим? Ведь ты в демократическом государстве был злейшим врагом демократии, а в аристократическом — злейшим врагом добрых граждан.
 48 Я же, Критий, все время неустанно борюсь с крайними течениями: я борюсь с теми демократами, которые считают, что настоящая демократия — только тогда, когда в правлении участвуют рабы и нищие, которые, нуждаясь в драхме, готовы за драхму продать государство; борюсь и с теми олигархами, которые считают, что настоящая олигархия — только тогда, когда государством управляют по своему произволу несколько неограниченных владык. Я всегда — и прежде и теперь — был сторонником такого строя, при котором власть принадлежала бы тем, которые в состоянии защитить государство от врага, сражаясь на коне или в тяжелом вооружении.
 49 Ну же, Критий, укажи мне случай, когда бы я пытался устранить от участия в государственных делах добрых граждан, став на сторону крайних демократов или неограниченных тиранов. Если тебе удастся уличить меня в том, что я поступал когда-либо или теперь поступаю так, я согласен, претерпев самые ужасные муки, подвергнуться справедливой смертной казни».

50 Этими словами Ферамен окончил речь. Раздался одобрительный гул и стало ясно, что сочувствие большинства на его стороне. Критий понял, что если он позволит совету голосовать вопрос о Ферамене, то тот избежит наказания, а с таким решением он никак примириться не мог. Поэтому он после предварительного совещания с соправителями вышел из помещения совета и приказал юношам, вооруженным кинжалами,¹ занять места на ограде, так, чтобы они были видны членам совета. Затем он вернулся к совету и сказал: «Члены совета! Я полагаю, что только тот достойным образом защищает своих друзей, кто, видя, что они вовлечены в обман, приходит им на помощь и не позволяет, чтобы этот обман продолжался. Я хочу в настоящем случае поступить таким же образом; ведь, стоящие там люди² говорят, что они не позволят».

¹ См. выше, § 23.

² Юноши, вооруженные кинжалами. См. §§ 23 и 50.

чтобы я выпустил из рук человека, явно носящего олигархию. По новым законам правительство не имеет права казнить никого из среды трех тысяч, если вы не примете большинством голосов соответствующего постановления. Зато лиц, не включенных в список, правители могут казнить по собственному усмотрению. Поэтому я, согласно желанию всех тридцати правителей, вычеркиваю из списка вышеуказанного Ферамена, и мы предадим его казни собственной властью». Ферамен, услышав это, вскочил на алтарь Гестии и воскликнул: «Граждане, умоляю вас оказать мне законнейшую услугу: да не будет Критию предоставлено право вычеркивать из списка по своему усмотрению ни меня, ни кого-либо другого из числа вас. Пусть они судят и меня и вас по тому закону, который они сами составили относительно судопроизводства над лицами, попавшими в список. Я прекрасно знаю, клянусь богами, что и этот священный алтарь мне не принесет никакого спасения; я припал к нему только для того, чтобы показать, что наши правители не только бессовестнейшие нарушители человеческих установлений, но и величайшие безбожники. Я буду крайне поражен, почтеннейшие граждане, если вы в этом деле не придете мне на помощь. Ведь этим вы защитите ваши собственные интересы, так как правители с таким же легким сердцем, как меня, могут вычеркнуть каждого из вас». После этого глашатай тридцати правителей приказал коллегии одиннадцати арестовать Ферамена. Последние явились в сопровождении служителей, начальником их был Сатир, самый наглый и храбрый во всей компании. Тогда Критий сказал: «Вот мы передаем вам Ферамена, осужденного по закону. Схватите этого человека, отведите его куда следует, и поступите с ним так, как полагается вслед за приговором».¹ После этого Сатир и служители оторвали его от алтаря. При этом Ферамен, как обычно бывает в таких случаях, призывал и богов и людей в свидетели происходящего. Но члены совета не нарушили спокойствия, так как они видели, что на ораде стоят молодцы, вроде Сатира, что все пространство перед помещением совета полно гарнизонными войнами, и хорошо знали, что все они вооружены кинжалами. Ферамен, пока его вели через агору, громким голосом жаловался на учиненную над ним несправедливость. Передают такую, будто бы сказанную им, остроту. Сатир велел ему замолчать, говоря, что в противном случае ему будет худо. На это Ферамен возразил: «А если я замолчу, разве мне не будет худо?» Когда же Ферамена, осужденного на смерть, заставили выпить кубок цикуты, он выплеснул оставшееся на дне и проговорил при этом, как это делается при игре в коттаб: «Дарю это моему ненаглядному Критию». Я хорошо знаю, что эти изречения вряд ли достойны упоминания; однако, в человеке достойно уважения то, что, стоя лицом к лицу со смертью, он не теряет ни ясности ума, ни весело-игривого настроения духа.

¹ Т. е. казните его (евфемизм).

41 Так погиб Ферамен. Теперь правители могли уже властвовать и распоряжаться, ничего не опасаясь. Они закрыли для лиц, вошедших в список,¹ доступ в город; кроме того они арестовывали и сгоняли этих людей с усадеб вне города, желая завладеть их землею, а также раздать ее своим друзьям. Изгнанники бежали в Пирей, но и там они подвергались той же участи; поэтому Мегара и Фивы наполнились беглецами.

2 Сейчас вслед за этими событиями Фрасибул,² совершив из Фив вылазку с отрядом приблизительно из семидесяти человек, захватил укрепленный пункт Филу. Тридцать правителей вышли ему навстречу из города с отрядом из трех тысяч вошедших в список граждан и всадников.³ Была чудная ясная погода. Тотчас же по прибытии этого отряда группа самонадеянной молодежи пошла приступом на крепость; но они получили лишь поранения и, не достигнув никакого результата, вынуждены были отступить. Тогда 3 тридцать правителей решили обнести крепость со всех сторон стеною, чтобы повести правильную осаду и отрезать подвоз съестных припасов. Но ночью выпал густой снег и шел весь следующий день. Окоченевшие от снега, они вернулись в Афины, причем обоз потерпел жестокий урон от стрел защитников Филы. Тогда правители поняли, что если не будет надлежащей охраны, неприятель 4 примется грабить поля Аттики, и отправили к границе почти весь лакедемонский гарнизон и две филы всадников. Этот караул был размещен стадиях в пятнадцати от Филы. Здесь он расположился лагерем в кустах и был на-стороже.

5 После того как собравшийся в Филе отряд достиг почти семисот человек, Фрасибул с этим отрядом ночью спустился в равнину, занял пост приблизительно в трех или четырех стадиях от вражеского гарнизона и выжидал. На рассвете, когда гарнизонные солдаты разошлись из лагеря по своим надобностям и конюхи с громким шумом чистили скребницей лошадей, солдаты Фрасибулова 6 отряда, вооружившись, бегом устремились на гарнизон. Кое-кто был убит на месте, остальных Фрасибул обратил в бегство и преследовал на расстоянии шести-семи стадий, убив более ста двадцати человек гоплитов, а из всадников — Никострата, известного под прозвищем Красавца, и еще двух. Они были захвачены врасплох и 7 убиты на своих постелях. После этого отряд Фрасибула вернулся к месту стоянки. Поставили трофей, запаковали отнятые у неприятеля оружие и утварь и затем удалились в Филу. Пришли на подмогу всадники из города, но они уже не застали никого из врагов и прождали лишь, пока прибывшие родственники убитых подобрали 8 трупы, а затем вернулись в город. После всех этих событий тридцать правителей поняли, что их положение стало далеко не безопасным, и поэтому остановились на мысли завладеть Элевсином, чтобы иметь, в случае нужды, убежище. Дав приказ коннице сопровож-

¹ В список трех тысяч.

² См. выше, гл. 3, § 42.

³ См. ниже, кн. 3, гл. 1, § 4.

дать их, правители, с Критием во главе, отправились в Элевсин. Здесь они устроили перепись местных жителей в присутствии всадников под тем предлогом, что якобы желают выяснить число этих жителей и в какой вооруженной охране они нуждаются. Они приказали всем по очереди подходить и записываться, а записавшиеся должны были по-одиночке через калитку проходить к морю. На берегу же моря были расставлены справа и слева всадники, и каждого выходящего прислужники хватали и вязали. Когда все были связаны, правители приказали гиппарху Лисимаху отвести их в город и передать одиннадцати. На следующий день правители созвали в Одеон вошедших в список гоплитов и всех всадников. Ораторскую трибуну занял Критий и сказал следующее: «Введенный нами, правителями, государственный строй преследует не в меньшей мере ваши интересы, чем наши собственные. Вы пользуетесь преимуществами, которые вам предоставляет этот строй, а потому должны подвергаться и сопряженным с новым устройством опасностям. Мы с вами должны решаться на одни и те же рискованные шаги и нести одинаковую ответственность; поэтому вы должны подать голос за то, чтобы арестованные элевсинцы были казнены». Затем он указал место, в которое каждый должен был открыто класть свой камешек. Посреди же Одеона стоял вооруженный лаконский гарнизон; все это было по душе не только правителям, но и тем из граждан, которыми руководила только жажда власти и наживы.

Вскоре после этих событий Фрасибул во главе собравшихся в Филе, число которых достигло уже тысячи, прибыл ночью в Пирей. Узнав об этом, правители тотчас же вышли ему навстречу, ведя с собой всадников, гоплитов и лаконский гарнизон, и направились по большой дороге, ведущей в Пирей. Прибывшие из Филы сперва пытались не пропустить их; но, так как окружность, по которой надлежало расставить гарнизон, оказалась слишком велика и требовала очень большого количества солдат, а отряд их был весьма малочисленен, то они стянули все свое войско в один пункт, в Мунихию. Войско же, пришедшее из города, прибыв на Гипподамов рынок, первым делом выстроилось так, что заполнило всю дорогу, ведущую к святилищу Артемиды Мунихии и к Бендидию. В глубину это войско имело не меньше чем 50 щитов. Выстроившись таким образом, войско двинулось вверх. Пришедший из Филы отряд вышел им навстречу по той же дороге, имея в глубину не более десяти гоплитов, за этими гоплитами выстроились пельтофоры и легковооруженные метатели дротиков, за ними отряд, вооруженный камнями для метания. Этих последних было много, так как сюда прибывало порядочно и местного народа. Пока неприятель приближался, Фрасибул приказал солдатам оставаться под оружием, сняв только щиты, и, сделав то же и сам, вышел на середину войска и сказал следующее: «Граждане! То, что я хочу вам сказать, одни из вас узнают впервые; другим это уже известно и послужит только напоминанием. В наступающем на нас войске правый фланг занимают те, кого вы четыре дня тому назад обратили в бегство

и преследовали бегущими. Что же касается тех, которых вы видите 3
 3 краю на левом фланге, — это те самые тридцать правителей, кото-
 рые лишили нас безо всякой вины отечества, выгнали из насижен-
 ных мест и лишили нас самых дорогих и близких людей. Но теперь
 дело в таком положении, какого они никогда не предвидели, но
 которое было всегда нашей заветной целью: мы противостоям на-
 14 шим противникам с оружием¹ в руках. Много пришлось нам пере-
 нести несправедливостей: одни из нас были захвачены во время
 обеда, другие во время сна, третьи на рынке; некоторые не только
 не совершили никакого преступления, но даже в то время, как
 были объявлены изгнанниками, были вдали от родины. За все это
 боги теперь явно выступили нам на помощь: когда им это полезно,
 они ниспосылают грозу при ясном небе;² благодаря их помощи нам
 15 удастся, будучи малочисленными, побеждать в бою огромные пол-
 чища врагов и ставить трофеи.³ И теперь они привели нас в такое
 место, что враги не могут пускать стрел и дротиков, так как они
 выстроились вверх по косоугору, благодаря чему передние ряды
 мешают задним; мы же, бросая вниз по склону копья, дротики и
 16 камни, легко попадаем в них и многих раним. Не думайте, что пер-
 вым рядам придется сражаться на равных условиях: если вы те-
 перь, как и следует ожидать, храбро пустите во врага град стрел,
 то ни одна стрела не пропадет даром, — все попадут в цель, так как
 на всей дороге нет ни местечка, которое не было бы занято враже-
 жим солдатом. Защищаясь от стрел, им придется прятаться за
 щиты, так что можно будет как слепым наносить им удары куда
 17 вздумается и, нападая, обращать их в бегство. Граждане! Вы дол-
 жны вести себя так, чтобы каждый из вас был в глубине души
 убежден, что он главный виновник победы. С божьей помощью эта
 победа вернет нам родину, домашний очаг, свободу, почет, детей —
 тем, у кого они есть, — и жен. Блаженны те из нас, которым суж-
 дено победить и увидеть этот радостнейший день. Счастливы и те,
 кому суждено пасть в бою: ни один богач в мире не воздвигнет
 себе такого чудного памятника. Когда наступит подходящий момент,
 я первый запою пэан; при словах песни, призывающих Эниалия,
 мы единодушно бросимся на врага и отомстим тем, которые оскор-
 били нас».

18 Сказав это и обратив фронт к неприятелю, Фрасибул спокойно
 ждал неприятельского нападения. Дело в том, что прорицатель
 изрек ему, что он может нападать на врага не прежде, чем кто-либо
 из его войска будет ранен или убит. «Случится же это, — сказал
 прорицатель, — так, что я буду итти впереди, а вы пойдете вслед
 за мной, и вы победите, а меня, мнится мне, ожидает смерть». Он
 19 не ошибся в своем предсказании: как только воюющие выступили в
 бой, сам он, как будто руководимый каким-то тайным роком, пер-
 вый выскочил из строя и, ворвавшись в ряды неприятеля, нашел

¹ Несмотря на то, что оружие у них было отобрано. См. гл. 3, § 20.

² См. выше, §§ 2 и 3.

³ См. выше, § 6.

там смерть. Похоронен он в Кефисе, в том месте, где его переходят вброд. Но его товарищи по оружию действительно победили и преследовали неприятеля до самой равнины. Из тридцати правителей в этом бою погибли Критий и Гиппомах, из Пирейской коллегии десяти¹ — Хармид,² сын Главконсов, кроме того в этом бою пало около семидесяти человек. Солдаты Фрасибула сняли оружие с побежденных, но ни с кого из граждан не сняли хитонов. После этого было заключено перемирие для уборки трупов. Многие солдаты воюющих сторон подходили друг к другу и дружелюбно разговаривали. Глашатай мистов Клеокрит, обладавший звучным голосом, дав знак, чтобы водворилась тишина, сказал следующее: «Граждане, за что вы нас изгоняете? За что хотите нашей смерти? Ведь, мы никогда не причинили вам никакого зла, мы были вашими соучастниками в самых священнейших богослужениях и жертвоприношениях, в самых пышных празднествах; мы вместе плясали, вместе ходили в школу, вместе сражались, вместе неоднократно мы обрекали себя на крайнюю опасность и на суше и на море за общее наше спасение и свободу. Во имя богов — покровителей наших отцов и матерей, во имя родственников, свойственников и друзей — все это, ведь, у многих из нас общее — постыдитесь богов и людей и положите конец творимому вами преступлению против отечества, перестаньте повиноваться безбожнейшим тридцати правителям, которые ради собственной прибыли убили за восемь месяцев чуть ли не больше афинян, чем все пелопоннесское войско за десять лет войны. И тогда, когда ничто нам не препятствует наслаждаться бла- 20
гами мира и пользоваться хорошим государственным устройством, они заставляют нас сражаться друг с другом в самой позорной, тягостной, безбожной, враждебной и богам и людям войне. Вы, ведь, и сами хорошо знаете, что по многим из тех, которые теперь погибли от наших рук, горюете не только вы, но и мы плачем горючими слезами».

Такую речь произнес Клеокрит. Оставшиеся же в живых из правителей, принужденные в дополнение к поражению еще выслушать такую речь, увели своих воинов в город. На следующий день правители сидели в заседании совета, всеми покинутые и глубоко удрученные. Что же касается трех тысяч граждан, то они на своих постах вели между собою оживленные споры. Те, которые имели на своей совести какое-нибудь насилие и потому опасались, упорно повторяли, что не следует уступать занявшим Пирей;³ те же, кото- 23
рые не знали за собой никакого преступления, прекрасно понимали и других убеждали, что нет никакой необходимости оставаться дальше в беде, говоря, что не надо повиноваться правителям и позволять им губить народ. В конце концов они приняли постановление отнять власть у правителей и выбрать на их место других. Было выбрано десять человек, по одному от каждой филы.

¹ См. коммент. к гл. 3, § 54.

² Дядя философа Платона.

³ Т. е. соратникам Фрасибула.

24 После этого тридцать правителей бежали в Элевсин, а власть над горожанами, крайне испуганными и не доверяющими друг другу, перешла в руки избранных десяти лиц и гиппархов. По ночам в Одеоне дежурил гарнизон всадников, имея наготове и коней и щиты; вследствие тревожного состояния эти всадники ходили дозором по городской стене вечером со щитами, а утром верхом, постоянно опасаясь, чтобы на горожан не напал кто-нибудь из засевших в

25 Пирее. Последние, вследствие стечения разнообразного народа, стали уже очень многочисленными; они сделали себе щиты — одни из массивного дерева, другие из ивовых прутьев — и выкрасили их в белую краску. Ранее чем прошло десять дней с захвата Пирея, они дали клятву, что чужеземцы которые будут воевать вместе с ними, будут уравнены в податях¹ с гражданами, и стали совершать вылазки из стен. В их войске было очень много гоплитов и множество легковооруженных; были у них и всадники в числе около семидесяти. Они производили фуражировку и, захватывая дрова и

26 плоды, к ночи возвращались назад в Пирей. Что же касается городских войск, то из пехотинцев никто не решался выйти, но всадникам удавалось от времени до времени уводить в плен отдельных грабителей из числа пирейских солдат и наносить им урон, когда они выходили сплоченным строем. Встретились они также с несколькими эксонейцами, отправившимися за припасами на свои поля. Гиппарх Лисимах казнил их, несмотря на их мольбы и негодование многих всадников. Засевшие в Пирее, со своей стороны, убили из числа всадников Каллистрата из филы Леонтиды, захваченного на поле. Они стали настолько уверены в себе, что стали атаковать городскую стену. Позволю себе еще рассказать следующее о городском военном механике. Узнав, что неприятель собирается подвести стенобитные машины к городской стене и расставить их на пространстве между нею и Ликеем, он приказал, чтобы на каждую телегу был положен огромный камень, чтобы пара лошадей отвезла каждый такой камень к стене и чтобы эти камни были сброшены в различных местах указанного пространства. Когда это было исполнено, каждый из камней причинил массу хлопот неприятелю.

27 Затем были отправлены послы в Лакедемон; тридцать правителей послали своих послов из Элевсина, а граждане, попавшие в список, — своих, из города. Послы просили их прислать помощь, заявляя, что афинский народ отложился от лакедемонян. Лисандр полагал, что засевших в Пирее можно будет скоро взять осадой, если запретить их с суши и с моря и лишить подвоза съестных припасов; он исходатайствовал афинянам ссуду в сто талантов и добился того, что сам он был послан гармоном в главе сухопутного войска,² а брат его Либий — навархом. Направившись в Элевсин,

28 он присоединил к себе по пути много пелопоннесских гоплитов; наварх же сторожил на море, чтобы к засевшим в Пирее не было

¹ См. коммент. к кн. I, гл. 2, § 10.

² Это было не гражданское ополчение, а наемное войско. См. коммент.

никакого подвоза съестных припасов. Таким образом последние скоро оказались в самом затруднительном положении, а городское войско в виду поддержки Лисандра стало снова верить в свой успех. Вследствие такого блестящего положения дел царь Павсаний стал завидовать Лисандру: он боялся, что тот, выполнив свое предприятие, прославится и сделает Афины своим владением. Поэтому он, склонив на свою сторону троих¹ из числа эфоров, снаряжает экспедицию в Афины. За ним последовали все союзники, кроме беотийцев и коринфян. Последние заявили, что они считают клятвопреступничеством идти на афинян, ничем не нарушивших союзного договора. Они знали, что лакедемоняне имеют в виду покорить афинян и сделать их своими верноподданными, и это было действительной причиной их отказа. Павсаний расположился лагерем в так называемом Галипеде, около Пирея, занимая правый фланг; Лисандр же с наемниками занял левый. Затем Павсаний послал послов к засевшим в Пирее с предложением прекратить войну и вернуться к мирному труду, получив назад свое прежнее имущество; когда же они отказались, он стал атаковать их только для вида, чтобы не выдать своего расположения к ним. Этот приступ был безрезультатным и он вынужден был отступить, но на следующий день, взяв с собой две моры лакедемонских и три филы афинских всадников, он прибыл в Тихую Гавань, чтобы высмотреть, с какой стороны Пирея удобнее всего возвести осадные укрепления. На обратном пути на него напал отряд врагов и причинил ему много беспокойства; он рассердился и приказал всадникам погнаться во весь опор за ними, а вместе с ними и пехоте призыва последних десяти лет; вслед за ними двинулся он сам с остальными солдатами. Они убили около тридцати легковооруженных, а остальных преследовали до Пирейского театра. Там стояли под оружием все пирейские пельтасты и гоплиты. Легковооруженные тотчас же выбежали и стали бросать дротики, крупные камни, стрелы и камешки из пращей. Лакедемоняне, после того как многие из них были ранены, оказались в трудном положении и стали шаг за шагом отступать, не поворачивая фронта; но враги, заметя это, стали наступать еще ожесточеннее. Тогда в лакедемонском войске оказались даже и убитые: Херон и Фибрах, оба полемарха, победитель на олимпийских играх Лакрат и много других; это те самые лакедемоняне, могилы которых можно видеть перед воротами в Керамике. Увидя это, Фрасибул и прочие гоплиты бросились на подмогу и тотчас же выстроились по восемь человек в ряд перед легковооруженными. Павсаний оказался в крайне затруднительном положении; он отступил приблизительно на четыре или пять стадий к какому-то холму и известил лакедемонян и прочих союзников, чтобы они шли к нему. Там он выстроился в очень глубокую фалангу и двинулся на афинян. Противник не уклонился от рукопашного боя, но вскоре

¹ Т. е. большинство, так как всего эфоров было пять. См. коммент. к кн. I, гл. 2, § 1.

часть афинян была оттеснена в расположенное в Галийском деме¹ топкое место, а часть была обращена в бегство; из них погибло при этом около полутораста человек. После этого Павсаний поставил трофей и удалился. Он не только не думал гневаться на противников, но даже втайне подослал к ним людей, которые вразумили засевших в Пирее, с какими предложениями они должны послать послов к нему и к бывшим с ним эфорам. Те послушались его совета. Павсанию удалось также расколоть и находившихся в городе афинян на две партии; сторонникам одной из них² он предложил, чтобы они, собравшись в как можно большем числе, явились к нему и к эфорам и заявили, что им нет никакого смысла воевать с занявшими Пирей, но что они хотят примириться и сообща быть друзьями лакедемонян. Навклюд, один из эфоров, с удовольствием выслушал такие речи афинян. У лакедемонян полагается, что царя сопровождают в поход двое из числа эфоров; поэтому в лагере и присутствовал Навклюд и другой эфор; оба они больше склонялись к образу мыслей Павсания, нежели Лисандра. Поэтому они охотно препроводили в Лакедемон послов от засевших в Пирее, шедших с предложениями мира, а также и представителей партии меньшинства в городе — Кефисофонта и Мелета. После того как они ушли в Лакедемон, туда отправились послы от афинского правительства с заявлением, что они предают самих себя и все свои укрепления на волю лакедемонян. «Пусть же, — сказали они, — и засевшие в Пирее, если они действительно, как они утверждают, друзья лакедемонянам, сдадут им Пирей и Мунихию». Услышав обо всем этом, эфоры и экклеты послали в Афины пятнадцать человек и поручили им вместе с Павсанием постараться изыскать наилучшие условия для примирения враждующих партий. Им удалось помирить афинян на следующих условиях: 1) обе партии должны отныне не враждовать между собой; 2) каждый получает свое прежнее имущество, кроме тридцати правителей, коллегии одиннадцати и десяти бывших начальников Пирея; 3) кто из владевших городом боится народного мщения, может поселиться в Элевсине. Добившись примирения на таких условиях, Павсаний распустил свое войско, а засевшие в Пирее взошли с оружием в руках на Акрополь и совершили жертвоприношение Афине. Когда они спустились с Акрополя, стратеги созвали народное собрание,³ и Фрасибул сказал следующее: «Я очень рекомендовал бы вам, занимавшим прежде город, дать себе отчет в вашем образе действий. Для этого прежде всего рассудите, пожалуйста: какие такие заслуги дали вам право быть настолько самонадеянными, чтобы претендовать на власть над нами? Не считаете ли вы себя более справедливыми, нежели мы? Но, ведь, народ, будучи беднее вас, никогда не причинял вам обид с целью выгоды, вы же, будучи самой богатой частью населения города, учинили целый ряд гнусностей корысти

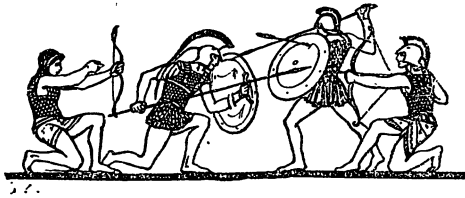
¹ Дем Галы Эксонидские находился на Галипедe (см. выше).

² Бывшей в меньшинстве. См. § 36.

³ Текст испорчен. Перевожу по смыслу.

ради. Итак, вы нас нисколько не превосходите в справедливости. Теперь рассмотрим, не может ли, чего доброго, ваше сомнение основываться на храбрости. Но разве мог быть лучший случай убедиться в том, кто из нас храбрее, чем та борьба, которую мы вели друг с другом? Или, может быть, вы скажете, что вы превосходите нас разумом? Но, ведь, вы имели в своих руках и крепость, и оружие, и деньги, и союзников-пелопоннесцев, — и тем не менее вашей власти положили конец люди, лишённые всего этого! Или ваше сомнение основано на расположении к вам лакедемонян, — тех самых лакедемонян, которые теперь спокойно ушли, выдав вас обиженному вами народу, как выдают пострадавшему укусившую его собаку, предварительно посадив ее на цепь? Вы же, занимавшие Пирей, несомненно не только никогда не нарушали своих клятв, но, в дополнение к прочим душевным качествам, доказали, что вы верны слову и благочестивы». Он говорил еще много подобных вещей и закончил тем, что не следует устраивать никаких переворотов, но надо исполнять старые афинские законы. Затем он распустил народное собрание. С этих пор, выбрав должностных лиц, они стали жить под сенью старых законов. Через некоторое время, однако, пришло известие, что засевшие в Элевсине приглашают к себе на службу наемников. Тогда составилось всенародное ополчение, отправившееся против них. Стратеги элевсинцев, вышедшие для переговоров, были убиты, а к остальным были подсланы друзья и родственники, которые убедили их заключить мир с афинянами. Обе стороны дали клятвы, что не будут помнить прошлого зла; засевшие в Элевсине по сию пору пользуются гражданскими правами, и народ не нарушает своих клятв.

КНИГА ТРЕТЬЯ

- 1 1 Так окончился мятеж в Афинах. Через короткое время после этого Кир, отправив послов в Лакедемон, просил, чтобы лакедемоняне приняли в нем такое же участие, какое он сам принял в них во время их войны с афинянами.¹ Эфоры сочли его просьбу справедливой и поручили Самию, занимавшему тогда пост наварха, оказать потребную помощь Киру. Последний охотно исполнил просьбу Кира: во главе своего флота и флота Кира он поплыл вдоль берега в Киликию и добился того, что властитель Киликии Свеннесий потерял возможность оказывать на суше противодействие
- 2 Киру, идущему походом на персидского царя. Как Кир собрал войско, как он с этим войском отправился вглубь страны против брата, при каких обстоятельствах произошла битва,² как Кир погиб и как после этого грекам удалось благополучно добраться к берегу моря,³ — обо всем этом написано уже в книге сиракузца Фемистогена.
- 3 Тиссаферн, оказавший неоценимые услуги царю в его войне с братом, был назначен сатрапом не только тех областей, в которых он начальствовал прежде, но и тех, где начальником был прежде Кир. Прибыв в свою сатрапию, он тотчас же решил подчинить себе все ионийские города. Эти города, с одной стороны, желали сохранить свободу, а с другой, опасались мщения Тиссаферна за то, что они при жизни Кира отпали от Тиссаферна и стали на сторону Кира; поэтому они не открыли городских ворот Тиссаферну, а отправили послов в Лакедемон. Эти послы просили их, как защитников всей Греции, позаботиться и о них, азиатских греках, спасти их страну от опустошения и выступить на защиту их свободы.
- 4 Лакедемоняне же послали к ним гармостом Фиброна, давши им и войско — около тысячи неодамодов⁴ и около четырех тысяч прочих пелопоннесцев. Фиброн попросил и у афинян триста всадников, обещая дать им жалованье. Афиняне же послали тех, которые служили в коннице в правление тридцати, полагая, что
- 5 для демократии будет благом, если они будут вдали от родины и

¹ См. кн. I, гл. 5, § 2 и след.

² При Кунаксе, близ Вавилона. Произошла она осенью 401 года. «Анабасис», I, 8.

³ Черного.

⁴ О неодамодах см. коммент. к кн. I, гл. 2, § 18.

погибнут. Когда они прибыли в Азию, Фиброн присоединил к ним ополчения из греческих городов, расположенных на материке, так как тогда все греческие города беспрекословно повиновались приказам каждого лакедемонянина. Но даже и с таким войском Фиброн из страха перед неприятельской конницей¹ не решался спуститься в долину; с него довольно было и того, что те позиции, которые он занимал, давали ему возможность предохранить страну от вражеского опустошения. Когда же греческое войско, участвовавшее в походе Кира, благополучно спасшись, присоединилось к нему, он стал уже спускаться в долину и открыто выступать против Тиссаферна; ему удалось взять добровольно сдавшийся город Пергам, а также Тевфранию и Алисарну, над которыми начальствовали Еврисфен и Прокл, потомки лакедемонянина Демарата. Последний получил эту область в дар от царя за то, что он участвовал в походе на Грецию. На его сторону перешли также братья Горгион и Гонгил, владевшие: первый — Гамбрием и Палегамбрием, а второй — Мириной и Гринием. И эти города были царским даром Гонгилу² за то, что он — единственный из эретрийцев — был изгнан за персофильство. Были и такие слабо укрепленные города, которые Фиброн взял вооруженной силой; что же касается Ларисы, так называемой Египетской, то, так как она не подчинилась его требованиям, он ее обнес осадными укреплениями и осаждал. Так как ему никак не удалось взять город, он стал копать колодезь, отведя в него воду из городского подземного водопровода, чтобы лишить город воды. Тогда осажденные стали совершать частые вылазки из стен и бросать в вырытую яму бревна и камни;³ чтобы избежать этого, Фиброн сделал над колодезем деревянный предохранительный щит. Но ларисцы сделали ночью вылазку и сожгли этот щит. После этого эфоры, решив, что он попусту тратит время, отправили к нему послов с приказанием, оставив Ларису, отправиться в Карию.

Когда он по пути в Карию прибыл уже в Эфес, его настиг здесь Деркилид, пришедший сменить его на посту. Это был, по общему мнению, очень ловкий и изобретательный человек, почему он и носил прозвище Сисифа. Фиброн вернулся на родину, был осужден и принужден отправиться в изгнание; союзники его обвинили в том, что он позволял своему войску грабить дружественные города. Вступив в командование войском, Деркилид, зная что Тиссаферн и Фарнабаз относятся друг к другу недоверчиво и подозрительно, вступив в соглашение с Тиссаферном, повел войско на территорию Фарнабаза, предпочитая вести войну с одним, чем с обоими сразу. Деркилид был и до того времени врагом Фарнабаза: будучи гармостом в Абидосе в навархию Лисандра,⁴ он был

¹ Другое толкование этого места: «сознавая слабость своей конницы».

² Повидимому, деду этих братьев.

³ Целью их было завалить колодезь; тогда стекавшая в него из водопроводной трубы вода вернулась бы обратно в нее и потекла бы в город.

⁴ В 407 г. См. выше, кн. I, гл. 5, § 1.

оклеветан Фарнабазом и приговорен к стоянию на карауле со щитом в руках, что считается позором у добропорядочных лакедемонян: это принятое у них наказание за недостаток дисциплины. Поэтому-то он с гораздо большей охотой пошел воевать с Фарнабазом. И тотчас же обнаружилось, какая большая разница между его начальствованием и Фиброновым: он провел войско через дружественную страну до Фарнабазовой Эолиды, не причинив никакого вреда союзникам.¹

Эта Эолида находилась под верховной командой Фарнабаза; должность же сатрапа этой области занимал у него до самой смерти дарданец Зений. Когда последний заболел и умер, и Фарнабаз собирался уже передать сатрапию другому, жена Зения Мания, тоже дарданка, снарядила пышный кортеж ко двору с богатыми дарами как для самого Фарнабаза, так и для расположения к себе наложниц и влиятельных лиц при его дворе. Получив у него аудиенцию, она сказала: «Фарнабаз, мой покойный муж всегда вносил тебе положенные подати и во всем прочем был тебе другом, так что ты его всегда хвалил и уважал. Если я буду тебе служить ничуть не хуже его, зачем тебе нужно назначать другого сатрапа? Если же я тебе в чем-нибудь не угрожу, от тебя будет зависеть отнять у меня власть и отдать ее другому». Выслушав все это, Фарнабаз признал справедливым, чтобы Мания занимала должность сатрапа. Она же, став владыкой страны, ничуть не хуже мужа собирала и передавала подати, и к тому же каждый раз, когда прибывала ко двору Фарнабаза, привозила ему подарки и всякий раз, как он прибывал в ее страну, принимала его много лучше и любезнее всех прочих подчиненных ему властителей; она удержала под своей властью все полученные ею в удел города и, кроме того, присоединила к своим владениям приморские города Ларису, Гамаксит и Колоны, прежде ей не подчиненные. Она атаковала стены этих городов во главе отряда греческих наемников; сама же она наблюдала за ходом сражения, сидя в коляске. Кого она считала достойным похвалы, тот получал щедрые дары; таким образом она сформировала прекрасное наемническое войско. Она участвовала также и в походах Фарнабаза, каждый раз как он совершал набеги на мисийцев или псидов за то, что они грабили царские владения. Фарнабаз со своей стороны оказывал ей всяческое уважение и иногда спрашивал у нее совета в государственных делах. Когда ей было уже более сорока лет, Мидий, муж ее дочери, подстрекаемый окружающими, говорившими ему, что позорно, чтобы он стоял в стороне от дел, а правила женщина, задушил ее, как рассказывают, в ее покоях. Вообще она тщательно оберегала себя от посторонних людей, как всегда поступают тираны, но ему она доверяла и любила его, как своего зятя. Он убил также и ее сына, красавца лицом, имевшего около семнадцати лет от роду. Сделав это, он овладел укрепленными городами Скепсием и Гергифом, где

¹ Ср. § 8.

преимущественно хранились сокровища Мании. Прочие города не открыли ему ворот, но бывший в них гарнизон удержал их для Фарнабаза. После этого Мидий послал Фарнабазу дары и просил его, чтобы он остался властителем этой области, как владела ею Мания. Фарнабаз же, возвратив ему дары, велел ему повременить с поднесением, пока он не придет к Мидию и не возьмет эти подарки вместе с его головой: он говорил, что он не хочет больше жить, если не отомстит за Манию. В это время прибывает сюда Деркилид и тотчас же берет в один день без сопротивления приморские города Ларису, Гамаксит и Колоны. Затем он послал послов в города Эолиды с предложением стать свободными,¹ открыть ему ворота и вступить с ним в союз. Это предложение было принято жителями Неандрии, Илия и Кокилии, так как стоявшие в них греческие гарнизоны после смерти Мании подверглись очень скверному обращению. Зато начальник гарнизона в неприступной крепости Кебрене не открыл ворот Деркилиду, надеясь получить награду от Фарнабаза за то, что он сохранил ему город. Деркилид был раздражен этим и собирался атаковать Кебрен. Он совершил жертвоприношение, но не получил благоприятных предзнаменований. На следующий день он тоже принес жертву, и также не получил хороших результатов; то же было и на третий день. До четвертого дня он крепился и приносил жертвы, сдерживая досаду. Досадовал он потому, что спешил овладеть всей Эолидой прежде, чем Фарнабаз придет к ней на помощь. Какой-то сикионский лохаг Афинад, находя, что Деркилид попусту тратит время, решил, что он сможет собственными силами лишить кебренцев воды. Он бросился со своим отрядом к источнику и стал его засыпать. Тогда сидевшие в крепости сделали вылазку, ранили его самого, убили двоих из его отряда, а остальных прогнали, нанося им удары и бросая в них снаряды. Это привело в негодование Деркилида, который полагал, что вследствие этого и атака будет вестись с меньшим воодушевлением. Но как раз в это время пришли из крепости послы от греков и сказали, что им не нравится образ действий начальника и что они предпочитают союз с греками союзу с варварами.

Не успели окончиться эти переговоры, как пришел посланный от начальника гарнизона и сообщил, что последний присоединяется ко всем заявлениям горожан. В этот же день Деркилид получил, наконец, хорошие предзнаменования; поэтому он приказал войску немедленно стать под оружие и повел его к городским воротам. Горожане открыли ворота и впустили их в город. Поставив и здесь гарнизон, Деркилид тотчас же пошел на Скепсий и Гергиф. Мидий же ждал прибытия Фарнабаза, но из страха перед гражданами послал посла к Деркилиду с предложением вступить в переговоры, если тот пришлет заложников. Деркилид послал ему по одному гражданину из каждого союзного города и предложил взять из

¹ См. коммент. к § 3.

них в заложники кого он хочет и в каком угодно числе. Тот, взяв десятиерых, вышел из крепости¹ и, вступив в переговоры с Деркилидом, спросил его, на каких условиях он согласен вступить с ним в союз. Тот отвечал, что он ставит условием предоставление свободы и независимости гражданам. Еще до окончания этих переговоров Деркилид двинулся к Скепсию. Мидий понял, что он не сможет ему воспрепятствовать против воли граждан, и позволил ему войти в город. По принесении жертв Афине в Скепсийском акрополе Деркилид вывел из города гарнизон Мидия, передал город гражданам и, указав им в торжественной речи, что они могут учредить у себя такой строй, какой подобает свободным эллинам, вышел из города и направился к Гергифу. С ним вместе двинулись и многие из скепсийцев; они ликовали и воздавали ему почести за содеянное. Мидий, последовав за ним, просил отдать ему в управление город Гергиф; Деркилид ответил ему, что он получит все то, чего заслуживает. Затем он подошел вместе с Мидием к воротам Гергифа; за ним шло войско, выстроенное по два в ряд, как в мирное время. Караульные, стоявшие на городских башнях, имевших громадную высоту, не стреляли, так как видели, что войско сопровождает Мидий. Деркилид сказал Мидию: «Прикажи открыть ворота; мы вступим под твоим предводительством в город; я войду вместе с тобой в святилище и принесу жертву Афине». Мидий боялся открыть ворота, но, испугавшись, чтобы его не лишили свободы, приказал все же открыть. Войдя в город, Деркилид отправился вместе с Мидием в акрополь, затем он со своими телохранителями вошел в храм Афины для принесения жертв; прочим же воинам он приказал занять посты вокруг стен. Принеся жертву, он приказал телохранителям Мидия занять посты во фронте его войска, так как он принимает их к себе на службу: ведь Мидию уже нечего было бояться.² Мидий пришел в замешательство и сказал: «Ну, я уйду, чтобы приготовить тебе дары гостеприимства». Деркилид возразил на это: «Нет, клянусь Зевсом, не делай этого, не подобает, чтобы я, приносивший жертву, получал дары от тебя; наоборот, я должен угощать тебя. Остаюсь же с нами, пока будет готов обед; мы с тобой все обсудим между собой и поступим по справедливости». Когда они расселись, Деркилид задал вопрос: «Скажи мне, Мидий, отец твой оставил тебя домовладкой, неправда ли?» — «Конечно», — ответил тот. «Сколько у тебя было домов, сколько пахотных участков, сколько лугов?» Когда он все это записал, присутствовавшие там скепсийцы сказали: «Он тебя обманывает, Деркилид». «А вы не слишком придирайтесь к мелочам», — сказал Деркилид и, записав все отцовское имение, прибавил: «Чьей была Мания?» Все присутствующие сказали, что Фарнабаза. «В таком случае не должно ли и ее имущество принадлежать Фарнабазу?» — «Конечно».

¹ Т. е. из Скепсия, куда он удалился после того, как убил свою тещу.

² Так как он становился частным человеком.

ответили окружающие. «Но, ведь, Фарнабаз нам враг; и поэтому, раз мы победили его, то его владения становятся нашими. Так пусть же кто-нибудь поведет нас туда, где хранятся сокровища Мани и Фарнабаза». Его повели ко дворцу Мани, которым завладел Мидий; последний шел вместе с ними. Войдя внутрь, Деркилид позвал казначеев; он приказал прислужникам арестовать их и заявил им, что если они будут уличены в утайке чего-либо из сокровищ Мани с целью присвоения, то немедленно будут перебиты. Тогда они показали ему все сокровища. Осмотрев их, он запер все на замок, опечатав и приставил караульных. Выйдя из дворца, он сказал тем из лохагов и таксиархов, которых он застал у ворот: «Здесь хватит жалованья для войска приблизительно на год при восьми тысячах воинов. Если же мы еще что-нибудь раздобудем, то и это будет расходоваться на уплату жалованья». Он сказал это, зная, что, услышав об этом, они станут гораздо более послушными и услужливыми. После этого Мидий спросил: «А где мне прикажешь жить, Деркилид?» Последний ответил: «Там, мой милый Мидий, где это будет справедливее всего: в твоём родном городе Скепсии, в твоём отцовском доме».

Совершив все это и взяв в восемь дней девять городов, Деркилид стал думать, как бы ему устроить так, чтобы не ложиться тяжким бременем на союзников, оставаясь на зимовку в дружественной стране (как было с Фиброном), и чтобы Фарнабаз, надеясь на превосходство своей конницы, не разорял греческих городов. Он шлет послов к Фарнабазу с вопросом, что тот предпочитает, — войну или мир? Фарнабаз, зная, что Эолида сильно укреплена и что это угрожает его резиденции Фригии, предпочел перемирие.

После этого Деркилид, придя в Вифинскую Фракию, расположился там на зимовку. Это не вызвало неудовольствия Фарнабаза, так как вифинцы часто совершали на него набеги. Деркилид все время имел возможность безопасно и беспрепятственно грабить Вифинию и имел съестные припасы в изобилии; единственной неудачей была следующая. К нему пришли с другого берега Гелеспонта, от Севфа, союзники-одрисы, в числе около двухсот всадников и около трехсот пельтастов. Они расположились лагерем и окружили себя тыном приблизительно в двенадцати стадиях от греческого лагеря. Попросив у Деркилида караульных для лагеря из числа тяжеловооруженных, они отправились за добычей и захватили много рабов и сокровищ. Когда весь их лагерь наполнился многочисленными пленными, вифинские пельтасты и всадники, узнав, сколько человек вышло за добычей и скольких греческих караульных они оставили в лагере, собравшись в очень большом числе, на заре напали на тяжеловооруженных, которых было около двухсот. Приблизившись к лагерю, вифинцы стали бросать камни и дротики в греков. Последние, несмотря на то, что получали поранения, часто даже смертельные, не могли ничего сделать

4 внутри ограды, имеющей приблизительно человеческий рост. Тогда они сорвали ограду и унесли ее в лагерь. Та часть вифинцев, на которую было непосредственно направлено нападение, каждый раз отступала, им не трудно было отступить от тяжеловооруженных, так как они были в легком вооружении, но в то же время остальные вифинцы справа и слева осыпали греков дротиками и при каждой вылазке многих из них убивали. Наконец они, как скотина в загородке, были перебиты дротиками. Из них только приблизительно пятнадцать человекам удалось спастись и бежать в греческий лагерь, да и то только потому, что они обратились в бегство как только узнали, в чем дело, и ускользнули во время битвы по недосмотру вифинцев. Быстро выполнив это и перебив сторожей шатров одрисских фракийцев, они ушли, захватив всех пленных. Та-
5 ким образом, когда греки узнали об этом и пришли на помощь, они не нашли в лагере ничего, кроме обнаженных трупов. Когда одрисы вернулись с набега, они похоронили своих погибших соотечественников, почтили их память обильной выпивкой и конными ристаниями, присоединились к греческому лагерю и с этих пор сообща грабили и опустошали Вифинию.

С наступлением весны Деркилид отправился из Вифинии в Лампсак. Во время его пребывания в этом городе к нему пришли послы от лакедемонского правительства: Арак, Навбат и Антисфен. Они прибыли для наблюдения за ходом дел в Азии и в частности для того, чтобы передать Деркилиду, что он остается во главе
7 войска еще на год и что эфоры уполномочили их, создав воинов, передать им, что они порицают войско за его прежнее поведение, но хвалят его за то, что оно теперь ни в чем не нарушает законов. И на будущее время, говорили эфоры, они не допустят нарушения законов; если же воины проявят справедливое отношение к союзникам, то они и впредь будут их удостаивать похвалы. Когда, собрав солдат, послы передали им это, вождь наемников Кира отвечал: «Лакедемоняне, мы-то одни и те же и теперь и в прошлом году, но начальник у нас не тот, что в прошлом году. Вам легко
8 поэтому понять причину, почему мы теперь не нарушаем законов, а тогда нарушали». Когда Деркилид пригласил к своему столу послов с родины, кто-то из свиты Арака упомянул, что они оставили в Лакедемонне послов от херсоннесцев. Последние, как рассказывали послы, заявили, что уже нет никакой возможности обрабатывать поля на Херсоннесе, так как эта местность подвергается постоянным грабежам фракийцев. Но, если бы была построена стена через весь перешеек, от моря до моря, то могли бы обрабатывать огромные пространства плодородной земли как они сами, так и лакедемонские колонисты, сколько бы ни пожелали. Таким образом, заявили они, они были бы очень довольны, если бы был послан по поручению государства кто-нибудь из лакедемонян с войском для исполнения этого предприятия. Деркилид,
9 услышав это, не сказал им, какого он мнения по этому поводу, но послал их в Эфес через греческие города, радуясь, что им предстоит

увидеть города, наслаждающиеся благами мира. Послы отправились, а Деркилид, узнав, что он оставлен еще на год военачальником, снова отправил послов к Фарнабазу и спросил его, хочет ли он, чтобы продолжалось перемирие, заключенное на зимнее время, или предпочитает войну. Когда Фарнабаз предпочел и на этот раз перемирие, Деркилид, оставив дружественные ему пограничные города наслаждающимися благами мира, переправляется со своим войском через Геллеспонт в Европу; затем он прошел через дружественную Фракию, получив дары гостеприимства от Севфа, и прибыл в Херсоннес. Здесь он узнал, что на этом полуострове расположено одиннадцать или двенадцать городов, что земля здесь очень плодородна и приносит богатый урожай, но только, как уже было сказано, подвергается постоянным грабежам фракийцев. Он произвел измерения, и оказалось, что перешеек имеет в ширину семь стадий. Тогда он решил не медлить и, совершив жертвоприношения, стал строить стену, разделив предназначенную для постройки полосу земли на участки для отдельных отрядов воинов. Он обещал дать награду тем из воинов, которые первые соорудят стену, а остальным — по мере их заслуг. Постройка стены началась весной и окончилась до наступления осени; внутри стены оказалось одиннадцать городов, много гаваней, большое пространство плодородной и удобной для посева земли, много земли уже занятой нивами и многочисленные прекрасные пастбища для всякого рода скота. Выполнив это, он вернулся назад в Азию.

Произведя осмотр подчиненных ему городов, он нашел все в порядке, исключая лишь того, что беглецы с Хиоса заняли укрепление Атарней и, пользуясь этой крепостью как базой, подвергали опустошительным грабежам Ионию, снискивая себе таким образом средства к пропитанию. Узнав, что у них в крепости большие запасы хлеба, Деркилид окружил ее укреплениями и стал осаждать. На восьмой месяц он заставил осажденных сдаться и, назначив здесь начальником пелленца Драконта, устроил в этом месте склад всевозможных съестных припасов, чтобы Атарней мог служить ему стоянкой, когда он сюда прибудет. Затем он ушел в Эфес, от которого до Сард три дня пути.

До этого времени Тиссаферн, Деркилид и живущие в этих местах эллины и варвары были между собой в мире. Но вскоре после описываемых событий пришли в Лакедемон послы от ионийских городов, которые заявили, что от Тиссаферна зависит дать автономию греческим городам, если бы только он пожелал этого. Поэтому, если бы Кария, где находится дворец и усадьба Тиссаферна, оказалась в критическом положении, то, заявили они, по их мнению, он скорее всего согласился бы дать им автономию. Услышав это, эфоры послали Деркилиду приказание совершить поход в Карию. Туда же приказали они плыть наварху Фараку во главе флота. Они повиновались. В это же время на помощь к Тиссаферну пришел Фарнабаз, во-первых, потому, что Тиссаферн был

назначен главноначальствующим всех боевых сил,¹ а во-вторых, чтобы засвидетельствовать, что он готов сражаться вместе с ним, быть его союзником и сообща изгнать греков из владений царя. (Вообще же, Фарнабаз завидовал тому, что Тиссаферн был главным начальником; особенно его удручала потеря Эолиды). Услыша дружественные предложения Фарнабаза, Тиссаферн сказал ему: «Первым делом пойдем со мной походом в Карию, а затем подумаем и об этом». По прибытии туда они решили поставить здесь надежные гарнизоны в крепостях, а затем перейти назад в Ионию. Деркилид, услышав, что они перешли снова через Меандр, заметил Фараку, что он боится, что Тиссаферн и Фарнабаз станут совершать набеги на незащищенную страну и подвергать ее разграблению. Поэтому и он стал переправляться через Меандр. Во время переправы войска, не выстроенного в боевой порядок (так как Деркилид думал, что враги достигли уже Эфесской области), лакедемоняне внезапно увидели перед собой стоящих на надгробных памятниках разведчиков. Возбравшись на находившиеся перед ними памятники и башни, они увидели впереди, на дороге, по которой им предстояло идти, выстроенных против них в боевом порядке карийцев с белыми щитами, все персидское войско, все греческое войско, которое имели оба персидских полководца, и очень многочисленную конницу: Тиссафернову — на правом фланге, а Фарнабазову — на левом. Заметив это, Деркилид приказал таксиархам и лохагам как можно скорее построить войско по восемь в ряд, пельтастам стать на обоих флангах; туда же он поместил всадников, всех, каких он только имел, а сам стал совершать жертвоприношение. Все пелопоннесское войско соблюдало полное спокойствие и готовилось к сражению. Что же касается воинов из Приены, Ахиллея, островов и ионических городов, то часть их бежала, оставивши оружие между колосьями нив (рожь в долине Меандра очень высока); оставшая же часть хотя и осталась, но ясно было, что и она собирается бежать. Вскоре пришло известие, что Фарнабаз дал приказ вступить в бой; Тиссаферн же еще не забыл наемников Кира, с которыми ему пришлось сражаться, и, полагая, что все эллины похожи на них, желал избежать сражения. Послав вестников к Деркилиду, он приказал ему передать, что желает вступить с ним в переговоры. Деркилид, взяв с собой из своей свиты всадников и пехотинцев с самой величественной осанкой, вышел к вестникам и сказал им: «А я, как видите, совсем уже приготовился сражаться. Но раз он хочет вступить со мной в переговоры, я ничего не имею против этого. В таком случае необходимо обменяться клятвами и заложниками». Когда представители Тиссаферна согласились на эти условия, и они были выполнены, оба войска вернулись на свои квартиры: варварское — в карийские Траллы, а греческое — в Левкофрий, где было очень почитаемое святилище Артемиды и озеро, величиной больше стади, с песчаным дном, наполненное про-

¹ См. выше, гл. 1, § 3 (ср. также кн. I, гл. 4, § 3).

точной, теплой, годной для питья водой. Таковы были события этого дня; на следующий же день они сошлись в условленное место и решили расспросить друг друга об условиях мира. Деркилид поставил условием, чтобы царь даровал автономию греческим городам, а Тиссаферн и Фарнабаз — чтобы греческое войско покинуло страну, а лакедемонские гармосты ушли из городов. После этих взаимных заявлений было заключено перемирие, действительное до тех пор, пока заявления Деркилида не будут утверждены в Лакедедоне, а условия Тиссаферна — царем.

В то же время, когда Деркилид совершал в Азии описанное выше, в Лакедедоне происходило следующее: лакедемоняне давно негодовали на элейцев за то, что они заключили союз с афинянами, аргивянами и мантинейцами, и за то, что они, утверждая, что лакедемоняне не уплатили наложенного на них штрафа, не позволили им участвовать в конном и гимнастическом состязаниях; вдобавок же, элейцы не удовлетворялись и этим, но после того как Лихас передал свою колесницу фиванцам, когда последние были объявлены победителями, и Лихас вышел, чтобы венчать возницу, они прогнали его, человека преклонных лет, ударами бича. Некоторое время спустя, когда Агис, в силу какого-то предсказания, был послан своим государством принести жертву Зевсу,¹ элейцы воспрепятствовали ему совершить молебствие о даровании победы на войне, указывая ему; что было древнее постановление, что греки не могут обращаться к оракулу, идя на войну с греками же. Таким образом ему пришлось вернуться, не совершив жертвоприношения. Гневаясь за все это, эфоры и эkkлесия постановили дать хороший урок элейцам. Отправив послов в Элиду, они сказали, что лакедемонское правительство считает справедливым, чтобы они даровали автономию подчиненным городам. Когда же элейцы ответили, что они этого не сделают, так как добыли эти города как военную добычу, эфоры объявили сбор войска. Агис во главе войска вторгся через Ахею в Элею близ Ларисы. Через самое короткое время после того, как войско вторглось во вражескую страну и стало вырубать деревья, произошло землетрясение. Агис счел это божественным предзнаменованием, удалился из страны и распустил войско. После этого элейцы стали гораздо более уверенными в себе и отправили послов в государства, которые, по их сведениям, были враждебны лакедемонянам. В том же году эфоры объявляют новый поход на Элиду; союзниками Агиса в этом походе были афиняне и все союзники, кроме беотийцев и коринфян. Когда Агис вторгся в Элиду через Авлон, тотчас же к нему присоединились отложившиеся от элейцев лепреаты, затем макистийцы, а вместе с ними эпиталийцы. Когда же он перешел через реку,² к нему присоединились еще летринцы, амфидольцы и марганейцы. После этого он прибыл в Олимпию и стал совершать жертвоприношения Зевсу

¹ Олимпийскому.

² Алфей.

Олимпийскому, причем никто уже не пытался ему препятствовать. Совершив жертвоприношения, он отправился к городу, сжигая и вырубая все вокруг себя, и захватил в этой области очень много скота и рабов. Услышав это, также и многие не участвовавшие в походе аркадяне и ахейцы по собственной воле вторглись в Элиду и приняли участие в разграблении страны. Таким образом этот поход был как бы фуражировкой для Пелопоннеса. Подойдя к городу, он разрушил предместья и гимнасии, отличавшиеся своей красотой, самого же города он не взял, хотя он не был укреплен. Полагали, что скорее он не хотел его взять, чем не мог. В то время как он опустошал страну и войско было близ Киллены, приверженцы Ксения, про которого говорили, что ему приходилось измерять медимном серебро, полученное в наследство от отца, желая против воли своих сограждан присоединиться к лакедемонянам, собрались в каком-то доме и, устремившись оттуда с обнаженными мечами, устроили побоище. В числе прочих они убили кого-то, похожего на народного вождя Фрасидея, думая, что убили самого Фрасидея. При вести о его смерти народ впал в глубокое уныние и не пытался бунтовать, а убийцы думали, что все уже сделано, и их единомышленники вынесли оружие на площадь. В действительности же Фрасидей еще спал там, где он свалился пьяный. Когда же народ узнал, что Фрасидей не умер, весь дом его наполнился посетителями, они обступили также его дом со всех сторон, как рой вокруг пчелиной матки. Когда же народ вышел на бой с Фрасидеем во главе, он победил в произошедшей схватке, а учинившие побоище бежали к лакедемонянам. Агис, вернувшись, снова перешел Алфей, оставил в Эпиталии, вблизи Алфея, гарнизон с гармостом Лисиппом во главе и бегледов из Элиды, распустил войско и сам вернулся на родину. Остальную часть лета и наступившую зиму Элида подвергалась грабежам Лисиппа и его отряда. На следующее лето Фрасидей отправил в Лакедемон послов, передавших, что он соглашается срыть стены Феи и Киллены, даровать автономию трифилидским городам Фриксе и Эпиталию, Летринам, Амфидолам и Марганеям и кроме того всей Акрорее, в том числе и Ласиону, оспариваемому аркадянами. Зато элейцы считали справедливым удержать за собой город Эпей, расположенный между Гереей и Макистом, так как они, по их словам, купили всю эту область у владевших прежде городом за тридцать талантов и уплатили им наличные деньги. Но лакедемоняне, полагая, что ничуть не более справедливо насильно купить, чем насильно отобрать у слабейшего, заставили элейцев дать автономию и этому городу. Заведывать же святилищем Зевса Олимпийского лакедемоняне не помешали элейцам, хотя это право искони и не принадлежало им, так как оспаривавшие эту честь у элейцев были крестьянами и им, по мнению лакедемонян, совсем не подобало заведывать святилищем. На таких условиях был заключен мир и союз элейцев с лакедемонянами. Так окончилась война между этими государствами.

3 1 После этого Агис прибыл в Дельфы и принес в жертву деся-

тину добычи. На пути из Дельф, в Герее, Агис, бывший уже глубоким стариком, занемог и был перенесен еще живым в Лакедемон, где вскоре скончался. При погребении ему были оказаны большие почести, чем воздаются смертным. Когда же дни публичного траура прошли и надлежало решить, кому быть царем, возникло соревнование за царскую власть между Леотихидом, утверждавшим, что он сын Агиса, и Агесилаем, братом последнего. Леотихид сказал: «Агесилай, по закону царствовать надлежит не брату, а сыну царя; только если нет сына, престол занимает брат». — «Так значит, — ответил тот, — мне следует быть царем». — «Каким образом? Я же существую!» — «Потому что тот, кого ты называешь отцом, сказал, что ты не его сын». «Но мать, которая гораздо лучше его должна знать об этом, и по сию пору утверждает обратное». — «Но, ведь, Посейдон дал знамение, что твое утверждение совершенно ложно, изгнав при помощи землетрясения твоего настоящего отца из спальни твоей матери на улицу, где его увидели все. Другим свидетелем этого является и время, про которое недаром говорят, что оно всегда обнаруживает истину: ты родился как раз на десятый месяц после того времени, как он проник в спальню твоей матери и зачал тебя». На этом кончился их разговор. Диопиф, известный как хороший прорицатель, будучи сторонником Леотихида, заявил, что есть предсказание от Аполлона, предписывающее остерегаться хромого царствования. Лисандр же, будучи сторонником Агесилая, возразил ему, что, по его мнению, божество не имеет здесь в виду хромоту как физический недостаток, но скорее предписывает остерегаться, чтобы престола не занял человек, не принадлежащий к царскому роду. «Ведь очень уж хромым будет у нас царствование, если во главе города будет стоять не принадлежащий к потомству Геракла». Выслушав эти заявления обоих, город избрал царем Агесилая.

Агесилай не процарствовал еще года, как однажды, в то время как он приносил одно из установленных жертвоприношений от имени города, прорицатель заявил, что боги указывают на какой-то ужаснейший заговор. Он принес еще раз жертву, и она свидетельствовала о еще более ужасных событиях. Царь принес жертву в третий раз, и прорицатель воскликнул: «Знамения обнаруживают, что мы со всех сторон окружены врагами». После этого они принесли жертву богам спасителям и отвратителям несчастий и, с трудом добившись хороших знамений, окончили жертвоприношение. Не прошло и пяти дней после этого жертвоприношения, как кто-то возбудил пред эфорами обвинение в заговоре, причем был указан и руководитель его — Кинадон; это был юноша сильный телом и духом, но не принадлежавший к сословию гомеев. Когда эфоры спросили, каков был план заговора, доносчик сказал, что дело произошло таким образом: Кинадон отвел его в отдельную часть агоры и приказал ему сосчитать, сколько спартиатов на агоре. Тот насчитал, кроме царя, эфоров и геронтов, еще около сорока спартиатов. «С какой целью, Кинадон, ты приказал мне их сосчитать?»

Тот ответил: «Вот этих считай своими врагами, а всех прочих, находящихся на агоре в числе более четырех тысяч, своими союзниками». Далее он указывал ему, встречаясь на дороге с людьми, одного-двух врагов, а всех прочих называл союзниками. Далее он говорил, что во всех загородных усадьбах спартиатов есть только один враг — хозяин, а союзников в каждой усадьбе много. На вопрос эфоров, сколько было, по его мнению, соучастников в заговоре, тот ответил, что и об этом сообщил ему Кинадон: руководители заговора посвятили в свои планы лишь немногих, и притом лишь самых надежных людей, но они хорошо знают, что их замыслы совпадают со стремлениями всех гелотов, неодамов, гипомейонов и перизков: ведь, когда среди них заходит разговор о спартиатах, то никто не может скрыть, что он с удовольствием съел бы их живьем. На следующий вопрос — откуда предполагалось достать оружие — он заявил, что, как сказал ему Кинадон, те из заговорщиков, которые были в рядах войска, имели собственное оружие. Что же касается вооружения народа, то Кинадон, вместо ответа на этот вопрос, повел его в железный ряд, где показал ему много ножей, мечей, вертелов, секир, топоров и серпов. Кинадон сказал ему при этом: «Оружие такого сорта имеется у всех тех людей, которые занимаются обработкой земли, дерева или камня; да и в большей части всяких других ремесел употребляется достаточно инструментов, которые могут служить оружием для людей, не имеющих никакого другого оружия». На следующий вопрос — на какой срок было назначено восстание — он ответил, что ему запрещено было отлучаться из города. Услышав это, эфоры сочли его известие вполне достоверным и пришли в ужас. Они не созвали даже так называемой малой экклесии,¹ но лишь некоторые геронты собрались группами в различных местах и вынесли решение послать Кинадона в Авлон в сопровождении еще нескольких граждан младших призывных категорий и приказать ему привести из Авлона нескольких авлонитов и гелотов, имена которых были написаны на скитале. Ему приказали также привести одну женщину, которая считалась в Авлоне первой красавицей и обвинялась в том, что поносила прибывавших в город лакедемонян — молодых и стариков. Кинадон уже не раз исполнял такого рода поручения эфоров. Одновременно ему была вручена скитала, в которой были написаны имена тех, кого следовало арестовать. На вопрос его, кто же пойдет с ним из граждан младших призывных возрастов, ему ответили: «Иди и скажи старшему из гиппагретов, чтобы он послал с тобой шестерых или семерых из тех, которые окажутся налицо». Они уже заранее позаботились о том, чтобы гиппагрет послал подходящих людей, а посланные знали, что им надлежит арестовать Кинадона. Эфоры сказали также Кинадону, что они пошлют с ними три телеги, дабы не пришлось вести арестованных пешком; это было сделано для того, чтобы как можно

¹ См. коммент. к кн. II, гл. 4, § 38.

лучше скрыть от него, что все это предприятие направлено только против него одного. Арестовать его в самом городе они не решались, так как не знали, насколько уже успел разрастись заговор; вдобавок они хотели узнать от него имена соучастников прежде, чем те узнают, что на них донесли, чтобы они не успели убежать. Имелось в виду, что его арестуют, узнают от него имена соучастников и, записав их, немедленно отошлют в письме эфорам. Эфоры придавали такое большое значение этому делу, что отрядили для экспедиции в Авлон также взвод всадников. Когда Кинадон был арестован и конный гонец принес протокол допроса с именами выданных Кинадоном соучастников, эфоры тотчас же арестовали прощателя Тисамена и других наиболее влиятельных из заговорщиков. Затем Кинадон был приведен в Лакедемон и изобличен. Он сознался во всем и назвал имена соучастников. Когда все это было выяснено, ему задали вопрос, с какой целью он это делал. Он отвечал, что затеял заговор из желания быть не ниже всякого другого в Лакедемонии. После этого ему надели на шею железное кольцо, к которому железными цепями были прикованы руки. Затем его вели по всему городу и били бичом и стрекалом. Такая же судьба постигла его соучастников. И так они понесли заслуженное наказание.

После этого какой-то сиракузец Герод, прибывший в Финикию на борту купеческого судна, увидел там финикийские триеры: одни приплывали из других мест, другие экипировались на месте, третьи еще только строились. Всего их, как он слышал, должно было собраться триста. Герод сел на первое отплывающее в Элладу судно и сообщил лакедемонянам про этот флот, снаряжаемый царем и Тиссаферном для похода неизвестно против кого. Лакедемоняне были очень обеспокоены этим, созвали союзников и стали думать, что им делать. Лисандр, считая, что греки и флотом будут значительно превосходить персов, а также принимая во внимание пехотное войско,¹ участвовавшее в походе Кира и благополучно вернувшееся, убеждает Агесилая взять на себя поход в Азию при условии, что ему будет дано тридцать человек спартиатов, до двух тысяч неодамодов и до шести тысяч человек союзнических континентов. Кроме соображения о превосходстве греческой армии им руководило еще желание самому участвовать в этом походе, чтобы при помощи Агесилая снова восстановить учрежденные им в городах декархии, уничтоженные эфорами, которые ввели здесь прежнее управление. Когда Агесилай сделал заявление о предпринимаемом им походе, лакедемоняне дали ему все, что он просил, да еще на шесть месяцев хлеба в зерне. Совершив установленные на этот случай жертвоприношения, в том числе диабатерии, он отправился в путь, разослав гонцов по городам с указанием, сколько воинов должно послать каждое государство и куда эти отряды должны прибыть. Сам же он решил отправиться в Авлиду и принести

¹ См. коммент. к гл. 2, § 17.

жертву на том же месте, где Агамемнон совершил жертвоприношение перед отплытием в Трою. Но когда он туда прибыл, беотархи, узнав, что он хочет совершить жертвоприношения, послали всадников с запрещением продолжать жертвоприношения; всадники эти сбросили с алтаря лежавшие на нем части жертвенных животных. Агесилай пришел в страшный гнев и, призывая в свидетели богов, сел на корабль и отплыл. Он прибыл в Гераст, собрал там как можно больше войска и двинулся на Эфес.

Как только он прибыл туда, Тиссаферн послал к нему гонца, которому было приказано спросить у Агесилая, чего ради он прибыл. Тот отвечал, что он требует такой же автономии для азиатских городов, какую имеют города метрополии. Тиссаферн ответил ему на это: «Если ты согласен заключить со мной перемирие до тех пор, пока я не пошлю гонца к царю, то я думаю, что ты достигнешь этого результата и, если хочешь, можешь отплыть назад». — «Я бы на это согласился, если бы не боялся быть обманутым тобою». — «Но ведь ты можешь взять с меня клятву (что я тебя не обману». — «Тогда и я, — ответил Агесилай, — дам тебе клятву), что¹ если ты будешь поступать бесхитростно, и я не буду разорять твоих владений во время перемирия». На этих условиях Тиссаферн поклялся перед послами Агесилая Гериппидом, Деркилидом и Мегиллом, что он будет бесхитростно соблюдать условия мира, а они поклялись Тиссаферну от имени Агесилая в том, что если он будет верен условиям мира, то и Агесилай не нарушит клятвы. Тиссаферн тотчас же оказался клятвopеступником: вместо того, чтобы ходатайствовать перед царем о мире, он истребовал от него большое войско в дополнение к тому, которое он имел. Агесилай же остался верен клятвам, хотя и знал о нарушении договора противником.

Агесилай находился в Эфесе в полном спокойствии и бездействии. В виду того, что государственнй строй в городах представлял собой настоящий хаос — уже не было ни демократического строя, как было под афинской властью, ни декархий, как было под властью Лисандра, — заинтересованные лица осаждали Лисандра различными ходатайствами, прося его заступничества перед Агесилаем в их нуждах, так как все они были уже знакомы с Лисандром. Поэтому его всегда угодливо сопровождала многочисленная толпа, так что Агесилай казался частным человеком, а Лисандр царем. Впоследствии обнаружилось, что это злило и самого Агесилая, но уже тогда остальным членам коллегии тридцати естественная зависть не позволяла молчать, и они заявляли Агесилаю, что Лисандр совершает беззаконие, окружив себя большей пышностью, чем подобает даже царю. Когда же Лисандр начал представлять некоторых лиц Агесилаю, последний стал оставлять неудовлетворенными просьбы всех тех, которым по его сведениям в чем-либо содействовал Лисандр. Последний, видя, что все происходит на-

¹ Дополнение Кобета взято в скобки; без него не получается смысла.

перекор ему, понял, наконец, в чем дело. Он запретил толпе сопровождать его и прямо заявил всем тем, которые просили его содействия, что его помощь только ухудшит дело. Будучи глубоко оскорблен нанесенным ему бесчестьем, он сказал Агесилаю: «Агесилай, ты, однако, умеешь унижать своих друзей». — «Клянусь Зевсом, — ответил тот, — я унижаю тех, которые хотят быть выше меня. Если же бы я не умел отвечать благодарностью на благодарность тем, которые хотят меня возвысить, это было бы действительно позором». На это Лисандр сказал: «Что-ж, может быть, ты действительно поступаешь со мной справедливее, чем я держал себя по отношению к тебе. Но окажи мне хотя бы одну только услугу: чтобы я не срамился, служа тебе помехой и лишившись у тебя всякого влияния, отошли меня куда-нибудь от двора. Где бы я ни оказался, я постараюсь быть тебе полезным». Агесилай согласился с его доводами и послал его на побережье Геллеспонта. Там Лисандр узнал, что перс Спифридат был оскорблен Фарнабазом. Он вступил с ним в переговоры и убедил его отложиться от царя к Агесилаю вместе со своими детьми, двумястами всадников и бывшей в его распоряжении казной. После этого Лисандр повез его вместе с сыном на корабле к Агесилаю, свиту же и имущество оставил в Кизике. Увидев его, Агесилай обрадовался совершившемуся и стал расспрашивать Спифридата о стране и управлении Фарнабаза.

Тиссаферн, будучи уверен в успехе благодаря пришедшему от царя войску, объявил Агесилаю войну, если тот не уйдет из Азии. Присутствовавшие лакедемоняне и все союзники приняли это известие с нескрываемым огорчением, считая, что войско, находившееся в распоряжении Агесилая, было меньше снаряженного царем. Агесилай же с сияющим лицом приказал послам передать Тиссаферну глубокую благодарность за то, что он, совершив клятвopепступление, сделал богов себе врагами, а грекам — союзниками. После этого он тотчас же приказал воинам снаряжаться в поход, а городам, которые находились на пути из Эфеса в Карию, приказал устроить у себя рынки. Он послал также гонцов к ионийцам, эолийцам и жителям побережья Геллеспонта с просьбой прислать к нему в Эфес союзные контингенты. Тиссаферн ждал, что Агесилай действительно исполнит свою угрозу и нападет на его исконное владение и резиденцию — Карию, во-первых, потому, что Агесилай не имел конницы, а Кария была неудобна для действий конницы, во-вторых, потому, что, как полагал Тиссаферн, Агесилай гневался на него за обман. Поэтому Тиссаферн перевел сюда всю пехоту, а конницу повел кружным путем в долину Меандра, рассчитывая, что у него хватит сил, чтобы уничтожить греков конницей прежде, чем они придут в места, где деятельность его конницы будет парализована природными условиями. Но Агесилай вместо того, чтобы итти на Карию, тотчас же, повернув в обратную сторону, отправился на Фригию. Попадавшиеся на пути города он подчинял и, вторгаясь в них неожиданно, захватывал очень большое количество

- денег. Все время он совершал поход в полной безопасности, исключая один только случай. Недалеко от Даскилия конница его, уйдя вперед, взобралась на какой-то холм, чтобы посмотреть, не было ли чего-либо перед ними. По случайному стечению обстоятельств и всадники Фарнабаза, предводительствуемые Рафином и Багеем, его незаконнорожденным братом, будучи приблизительно в том же числе, что и греки, по поручению Фарнабаза въехали как раз на тот же холм. Увидевши друг друга на расстоянии менее четырех плэфров, сначала и те и другие стояли в недоумении. Греческие всадники были выстроены длинной линией в четыре ряда, варварское же войско имело большую глубину, причем во фронте было не больше двенадцати воинов. Затем варвары перешли в наступление. Когда же дело дошло до рукопашной, все те греки, которые пытались поражать персов копьями, обломали себе наконечники, персы же, будучи вооружены дерновыми дротиками, скоро убили двенадцать всадников и двух лошадей, после чего греческие всадники были обращены в бегство. Но тут пришел на помощь Агесилай с тяжеловооруженными, и варвары снова отступили, причем один из них погиб. На следующий день после этой битвы Агесилай совершал жертвоприношения о благополучном продолжении пути вперед, но печень животного животного оказалась без одной дольки. Вследствие такого предзнаменования он повернул фронт и пошел к морю. Понявши, что без достаточного количества конницы он не сможет продолжать похода по равнине, он решил непременно обзавестись ею, чтобы ему не приходилось больше бороться с врагом, отступая шаг за шагом. Он приказал некоторым богатейшим жителям всех расположенных там городов кормить и возвращать лошадей для конницы. Он обещал, что тот, кто представит лошадь, тяжелое вооружение и всадника, годных для военной службы, будет сам освобожден от военной службы. Благодаря этой мере подготовка конницы пошла с большой быстротой, так как, разумеется, каждый готов сделать какие угодно усилия, чтобы найти человека, готового умереть вместо него.
- После этого, с наступлением весны, он собрал все войско в Эфес. Желая приучить его к военным упражнениям, он назначил награды тем из тяжеловооруженных отрядов, у которых окажется наилучшая военная выправка, и тем из конных, которые лучше всех владеют конем. Он назначил награды также тем из пельтастов и стрелков, которые исполняли лучше других свое назначение. Поэтому гимнасии наполнились упражняющимися, гипподром — обучающимися верховой езде, а метатели дротиков и стрелки целый день упражнялись в своем деле. Итак, благодаря ему, в городе, где он находился, было на что полюбоваться: рынок был полон всяких товаров, потребных для конницы и гоплитов; все кузнецы, медных дел мастера, плотники, кожевники и живописцы занимались изготовлением оружия, так что весь город представлял собой настоящую военную мастерскую. Видя, как Агесилай, а вслед за ним и остальные воины выходили в венках из гимнасией, а затем по-

свящали эти венки Артемиде, все окрылялись надеждой. И действительно, как можно не преисполниться веры в будущее там, где люди и богов чтут, и регулярно совершают военные упражнения, и охотно повинуются начальству? Полагая также, что презрение к силе врага побудит воинов охотнее и храбрее бросаться в бой, он приказал глашатаям на публичных аукционах продавать пойманных при набегах на вражескую территорию варваров голыми. Воины увидели, что кожа их бела, так как они никогда не раздевались, что они изнежены и не привыкли к тяжелой работе, так как они всегда совершали передвижение на повозках. Заметивши это, они решили, что война, которую им предстоит вести, ничем не отличается от войны с бабами.

В это время как раз окончился год с тех пор, как Агесилай отплыл из Лакедемона. Поэтому прикомандированные к Агесилаю тридцать человек с Лисандром во главе отплыли на родину, на смену им явились другие тридцать во главе с Гериппидом. Из них Агесилай назначил Ксенокла и еще одного начальниками конницы, Скифа—начальником тяжеловооруженных неодамодов, Гериппида—начальником наемников Кира, а Мигдона—начальником выставленных союзными городами контингентов. Он им заявил, что намерен сейчас же повести их кратчайшим путем в плодороднейшие места страны; поэтому пусть они сейчас же подготовят тела и дух воинов к бою. Тиссаферн решил, что он это говорит нарочно, желая его снова обмануть, и что в действительности теперь он вторгнется уже в Карию. Поэтому он, как и прежде, перевел свою пехоту в Карию, а конницу поместил в долине Меандра. Но Агесилай не солгал, а вторгся, как он и сказал, в область Сард. Три дня он двигался по этой стране, совершенно не защищаемой вражескими войсками, причем он успел захватить в большом количестве провиант для войска, и только на четвертый прибыла конница врагов. Командующий персидской конницей приказал начальнику обоза, перейдя реку Пактол, расположиться лагерем. Увидя греческих обозных, рассеявшихся в беспорядке за добычей, персы убили очень многих из них. Агесилай заметил это и приказал коннице притти к ним на помощь. Персы, увидя эту подмогу, собрались вместе и выстроили против него весьма многочисленные взводы своей конницы. Это время Агесилай счел самым подходящим для того, чтобы, если только это возможно, начать сражение, так как он знал, что пехота врагов еще не прибыла, а у него все было в полном порядке. Совершив жертвоприношения, он тотчас же повел свое войско на выстроенную против него конницу, сверх того он приказал призывным последних десяти лет из числа тяжеловооруженных бежать туда же, а пельтастам сопровождать их бегом. Он приказал всадникам храбро броситься на врага, так как он сам со всем войском следует за ними. Персы выдержали натиск всадников, но когда, к их ужасу, им пришлось иметь дело со всем греческим войском, они дрогнули; одни из них тотчас попадали в реку, а другие бежали. Греки бросились вслед за ними и захватили весь их лагерь. Пель-

тасты, как это обыкновенно бывает, занялись грабежом; тогда Агесилай, соединив бывшее у него имущество с захваченным во вражеском лагере, поместил его внутрь расположения своего войска. Он захватил много вещей, за которые выручил при продаже более семидесяти талантов; были захвачены также верблюды, которые были отправлены в Элладу.

25 Во время этой битвы Тиссаферн находился в Сардах, почему персы и обвиняли его в том, что он их предал. Сам царь персов признал, что Тиссаферн повинен в его неудачах, и послал Тифравста с приказанием отрубить голову Тиссаферну. Выполнив это поручение, Тифравст посылает к Агесилаю послов со следующим заявлением: «Агесилай, виновник и нашего и вашего беспокойства получил достойное наказание. Царь же считает правильным, чтобы ты отплыл домой, а азиатские города получают автономиию, с тем, чтобы они платили прежнюю подать царю». Агесилай
26 ответил, что он не может этого сделать без разрешения лакедемонских властей. На это Тифравст ответил: «Хорошо, так хоть пока, в ожидании ответа от своего государства, перейди во владения Фарнабаза, так как и я горю мщением к твоему врагу». — «Так дай же, — сказал Агесилай, — моему войску необходимые припасы для этого похода». Тифравст дал ему тридцать талантов, после чего
27 он отправился на Фарнабазову Фригию. Когда он находился на равнине за Кимой, случилось распоряжение от лакедемонского правительства о разрешении Агесилаю управлять также и флотом по собственному усмотрению, с правом назначать наварха по своему выбору. Лакедемоняне сделали это с таким расчетом, что при одном и том же начальнике, вследствие согласованности морских и сухопутных сил, усилятся не только сухопутное войско, но и флот, так как армия в любой момент сможет в случае нужды притти к нему
28 на помощь. Узнав об этом, Агесилай прежде всего приказал каждому из городов как островных, так и сухопутных, лежащих на море, снарядить триеры в таком числе, в каком им будет угодно. На средства городов и частных лиц, желавших угодить
29 Агесилаю, было снаряжено сто двадцать новых судов. Навархом Агесилай назначил Писандра, брата своей жены, человека честолюбивого и храброго, но мало знакомого с военными снаряжениями. Последний отправился снаряжать флот, а Агесилай продолжал свой поход во Фригию.

5 1 Тифравст, считая несомненным, что Агесилай ничуть не заботится о благе царя и не думает уходить из Азии, но, наоборот, питает большие надежды одержать окончательную победу над царем, оказался в крайне затруднительном положении. Он шлет в Грецию родосца Тимократа, дает ему с собой деньги золотой монетой, равноценной приблизительно пятидесяти талантам серебра, и поручает ему попытаться вручить эти деньги виднейшим политическим деятелям в греческих государствах, взяв с них клятвенные заверения, что они возбудят войну против лакедемонян. Тимократ отправился в Грецию и подкупил: в Фивах — Андро-

клида, Исменния и Галаксидора, в Коринфе — Тимолая и Полианфа, в Аргосе — Килона и его единомышленников. Что же касается афинян, то они и без подкупа жаждали этой войны, считая (несправедливым), чтобы над ними властвовали (другие).¹ Принявшие подкуп всячески старались опорочить лакедемонян в глазах своих сограждан. Когда же им удалось возбудить ненависть к лакедемонянам, крупнейшие греческие государства стали объединяться друг с другом в союзы.

Руководители фиванцев прекрасно понимали, что если кто-либо из союзников не начнет войны, лакедемоняне не захотят нарушить мирного договора. Поэтому они убеждают опунтских локрийцев взыскать подати с жителей области, бывшей спорной между фокейцами и локрийцами. Предполагалось, что фокейцы в ответ на это вторгнутся в Локриду. Расчет этот оказался верным: фокейцы немедленно же вторглись в Локриду и захватили всякого добра во много раз больше, нежели локрийцы. Тогда Андроклид и его единомышленники без труда убедили фиванцев притти на помощь локрийцам, так как не могло уже быть сомнения, что фокейцы вторглись не в спорную область, а в самую Локриду, бывшую дружественной и союзной фиванцам. Итак, фиванцы ответили вторжением в Фокиду и опустошением этой страны. Фокейцы тотчас же послали послов в Лакедемон с просьбой притти им на помощь, указывая, что они не были зачинщиками войны, но, защищаясь, выступили против локрийцев. Лакедемоняне с радостью ухватились за предлог вступить в войну с фиванцами, гневаясь на них уже с давних пор за то, что они после Декелейской войны предъявили притязания на десятую часть добычи, посвящавшуюся Аполлону, и за то, что они не хотели сопровождать их в походе на Пирей. Фиванцы обвинялись в том, что они убедили также коринфян не участвовать в этом походе. Не забыли лакедемоняне и того, что фиванцы не позволили Агесилаю совершить жертвоприношения в Авлиде и сбросили части жертвенных животных с алтаря, и что они не сопровождали Агесилая в его азиатском походе. К тому же они считали момент крайне подходящим для того, чтобы совершить поход на Фивы и положить конец наглости фиванцев в отношениях к Спарте: в Азии благодаря победам Агесилая положение было, по их мнению, блестящим, и в Греции не было никакой войны, которая бы отвлекала их силы. При таком настроении умов в Лакедедоне эфоры объявили сбор войскам и отправили Лисандра в Фокею с поручением: присоединив к себе ополчения фокейцев, этейцев, гераклейцев и мелейцев, двинуться на Галиарт. Туда же должен был прибыть в условленный день и Павсаний, которому поручалось верховное начальствование, во главе лакедемонян и прочих пелопоннесцев. Лисандр исполнил все, что ему было приказано, и сверх того склонил орхоменцев к отложению от фиванцев. Павсаний же, после того как диабатерии дали хорошие предзнаменова-

¹ Перевод довольно гадательный; место испорченное.

ния, засел в Тегее; здесь он ожидал воинов из подчиненных городов, послав за ними ксенагов. Фиванцы же, когда для них стало очевидно, что лакедемоняне вторгаются в их область, послали в Афины послов, которые произнесли следующую речь:

- 8 «Афиняне, если вы гневаетесь на нас за то, что мы при окончании войны подали голос за то, чтобы поступить с вами сурово,¹ то вы несправедливо на нас гневаетесь: ведь не все наше государство вынесло такое решение, а один наш гражданин, случайно тогда заседавший в собрании союзников. Но заметьте, что, когда лакедемоняне приглашали нас идти на Пирей, тогда уже не отдельные граждане, а все государство постановило не участвовать в этом походе. Из-за вас, ведь, больше всего и гnevаются на нас лакедемоняне; поэтому-то мы считаем справедливым, чтобы вы помогли
- 9 нашему государству. Еще более мы считаем справедливым, чтобы отважно устремились в бой с лакедемонянами все те из вас, которые во время борьбы партий занимали город.² Ведь, лакедемоняне сперва учредили у вас олигархический строй, сделав вас тем самым врагами демократии, а затем, придя к вам как союзники с большим войском, выдали вас народу. Таким образом они совершенно спокойно предали вас верной гибели, спасла же вас вот эта демократия. Далее всем нам очень хорошо известно, что вам хотелось бы снова иметь прежнюю власть. А какой лучший способ достичь этого, как не помочь обиженным лакедемонянами? Вас не должно пугать то, что они теперь властвуют над столькими людьми; наоборот, это должно придавать вам храбрости. Вспомните, что и вы имели больше всего врагов тогда, когда властвовали над наибольшим количеством людей. Но, пока не к кому было отпасть, ваши подданные скрывали свою вражду к вам. Когда же лакедемоняне выступили против вас, тогда они обнаружили настоящее свое отношение к вам. И теперь, как только мы с вами выступим открыто, как соратники, против лакедемонян, можете быть уверены, обнаружится, что очень многие ненавидят их. Вдумайтесь, и вы тотчас поймете, что мы говорим правду. Кто еще остался к ним благо-
- 10 склонен? Разве аргивяне не были спокон века их постоянными врагами? Что же касается элейцев, то они, лишившись большого пространства земли и городов,³ также стали в ряды их противников. Что и говорить уже о коринфянах, аркадянах и ахейцах, которые во время войны с вами, вняв их настоятельным просьбам, участвовали во всех трудах, опасностях и расходах, а когда исполнили то, чего хотели от них лакедемоняне, не получили никакой доли ни во власти, ни в почестях, ни в военной добыче! Они не стесняются назначать гармостами своих гелотов, а над свободными союзниками сами, добившись успеха в войне, распоряжаются, как
- 11 хозяева. Они явно обманули и тех, которых освободили из-под вашей власти; вместо свободы они наложили на них ярмо двойного
- 12
- 13

¹ См. кн. II, гл. 2, § 19.

² См. кн. II, гл. 4, § 7.

³ См. гл. 2, § 30.

рабства: над ними владычествуют и гармосты и те десятеро,¹ которых Лисандр поставил во главе каждого государства. И сам царь Азии, прежде всячески помогавший им одержать победу над вами, теперь в сущности принужден вести себя как раз так, как если бы он в союзе с вами воевал с лакедемонянами. Если вы теперь можете нам, столь явно терпящим обиду от лакедемонян, несомненно, вы теперь станете самыми великими из всех великих людей, которые только когда-либо существовали. Когда вы властвовали, вам подчинены были только приморские народы, теперь же вы будете властвовать и над теми, которые и прежде были под вашей властью, и над нами, и над пелопоннесцами, и над самим царем, имеющим величайшую власть в мире. Мы оказались, как вам хорошо известно, весьма достойными союзниками даже для лакедемонян. Вполне естественно, что мы еще с гораздо большим рвением выступим теперь как ваши союзники, чем прежде как союзники лакедемонян: мы теперь заступимся не за островитян или сиракузцев и вообще не за чужих людей, как тогда, а за самих себя, обиженных лакедемонянами. К тому же надо принять в расчет, что лакедемонской заносчивости гораздо легче положить конец, чем вашей прежней власти: ведь вы, имея флот, властвовали над не имеющими его, они же, будучи малочисленными, надменно распоряжаются судьбой людей, во много раз превосходящих их численностью и вооруженных ничуть не хуже их самих. Вот все, что мы хотели вам сказать. Знайте, афиняне, что по нашему глубокому убеждению эта война сулит гораздо больше благ вашему государству, чем нашему».

Этим закончил фиванский посол свою речь. Многочисленные афинские ораторы говорили в том же духе, как и он, и народное собрание приняло постановление помочь фиванцам. Фрасибул в ответном постановлении народного собрания указал, между прочим, на то, что афиняне окажут своей помощью большую услугу фиванцам, чем получили от них, если принять в соображение, что Пирей не укреплен: ведь вся услуга фиванцев заключалась в том, что они не участвовали в походе против афинян, афиняне же при вести о наступлении лакедемонян готовы вместе с фиванцами сразиться с последними. После возвращения послов фиванцы стали подготавливаться к обороне, а афиняне к тому, чтобы помочь им. Лакедемоняне также не медлили: царь Павсаний отправился в Беотию во главе лакедемонского и пелопоннесского войска; одни лишь коринфяне не сопровождали его. Лисандр же с ополчением из Фокеи, Орхомена и других прилежащих мест пришел в Галиарт раньше Павсания. Прибыв, он не ожидал спокойно лакедемонского войска, но пошел к Галиартской крепости с тем войском, которое было у него под руками. Сперва он стал было убеждать галиартян отложиться от фиванцев и стать автономными, но так как этим

¹ Об этих декархиях см. гл. 4, § 2, и коммент. к этому месту. Во время произнесения этой речи декархии были уже упразднены.

19 переговоров воспрепятствовали какие-то фиванцы, находившиеся в крепости, он пошел приступом на городские стены. Услышавши об этом, фиванцы, гоплиты и всадники, бегом бросились на помощь Галиарту. Мне не удалось выяснить, напали ли они на Лисандра неожиданно, или же он знал об их приближении, но не отступил, рассчитывая победить. Во всяком случае несомненно, что битва произошла под городскими стенами и что трофей был поставлен у самых ворот Галиарта. Когда Лисандр погиб и воины его побежали к горе,¹

20 фиванцы изо всех сил преследовали их. Когда же они, преследуя, взобрались на верх горы, где продолжению пути мешало бездорожье и узость теснин, лакедемонские гоплиты повернули фронт к неприятелю и стали метать дротики и стрелы. После того, как двое или трое из передовых фиванских воинов пало, а на остальных лакедемоняне скатывали по спуску камни и нападали с большим ожесточением, фиванцы стали отступать по спуску, и из них погибло

21 больше двухсот. В этот день фиванцы были в угнетенном состоянии духа, считая, что они сами претерпели не меньше бедствий, чем причинили лакедемонянам, но на следующий день они узнали, что фокейские и другие контингенты разошлись ночью каждый к себе на родину. Узнав об этом, они стали лучшего мнения о своих успехах накануне. Когда же появился Павсаний с лакедемонским войском, они снова сочли положение весьма опасным и, как передавали, в их войске царило глубокое молчание и малодушие. Когда же на следующий день прибыли афиняне и выстроились вместе с фиванцами, а Павсаний все не вступал в бой, настроение духа фиванцев опять поднялось. Павсаний, созвав полемархов и пентеконтеров, устроил совещание по вопросу о том, сражаться ли или, заключив перемирие, под защитой его предать погребению Лисандра и других, павших вместе с ним. Павсаний и другие лакедемонские начальники обращали внимание на то, что Лисандр погиб, что сопровождавшее его войско побеждено и отступило, что коринфяне вовсе не приняли участия в походе и что наличное войско не имеет охоты сражаться; указывалось и на то, что вражеская конница в противоположность лакедемонской очень многочисленна и, что важнее всего, трупы лежат под стенами города, так что даже при превосходстве в силах их не легко будет предать погребению в то время, как враги будут стрелять с башен. В виду всего этого и решено было заключить перемирие, чтобы получить возможность предать

23 трупы погребению. Фиванцы же ответили, что они согласны выдать трупы только на том условии, чтобы лакедемоняне удалились из Беотии. Лакедемоняне с радостью выслушали этот ответ и, предав земле трупы, двинулись из Беотии. При этом лакедемоняне были в унынии, фиванцы же относились к ним крайне заносчиво, и, если кто-нибудь сворачивал хоть на шаг с пути на чью-нибудь землю, заставляли его ударами снова вступать на дорогу. Так кончился

25 этот поход лакедемонян. По прибытии Павсания на родину он был

¹ Либетрию, отрогу Геликона.

привлечен к суду и ему угрожала смертная казнь. Он обвинялся и в том, что опоздал в Галнарт, куда он условился прибыть в один день с Лисандром, и в том, что он предал земле трупы, заключив для этого перемирие, не попытавшись овладеть ими с бою, и в том, что, овладев афинскими демократами в Пирее, он отпустил их, и — вдобавок ко всему этому — в том, что он не явился на суд. Ему был вынесен смертный приговор, но он бежал в Тегею, где и скончался от болезни. Вот какие события произошли в Греции.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1 1 Агесилай, прибыв с наступлением осени в Фарнабазову Фри-
гию, предал эту область сожжению и опустошению и присоединил
2 к себе находящиеся в ней города — частью силой, частью добро-
вольно. Затем Спифридат пообещал ему, в случае если он отпра-
вится с ним к границам Пафлагонии, привести к нему для пере-
говоров и склонить к заключению союза пафлагонского царя.
Агесилай с большой охотой отправился туда, так как он уже давно
желал склонить какое-либо племя к отпадению от царя.

3 По прибытии Агесилая в Пафлагонию в его лагерь пришел
Отий и заключил с ним союз (в это время он отпал уже от
Персии и не явился в Верхнюю Азию по зову царя). Спифридат
4 склонил его также оставить Агесилаю тысячу всадников и две
тысячи пельтастов. Желая отблагодарить за это Спифридата, Агеси-
лай обратился к нему с такими словами: «Скажи мне, Спифридат,
согласился ли бы ты выдать за Отию свою дочь?» — «Еще бы, —
ответил тот: — с гораздо большей охотой, чем он бы согласился
жениться на дочери бездомного беглеца, будучи владыкой обшир-
ной страны и большого войска». В тот раз разговор о браке на
этом и окончился.

5 Перед отправлением Отий пришел прощаться с Агесилаем.
Сказав Спифридату удалиться, Агесилай в присутствии кол-
6 легии тридцати¹ обратился к Отию с такими словами: «Скажи
мне, Отий, какого происхождения Спифридат?» Тот ответил, что
он не уступает никому из персов. «А видел ли ты его сына и
заметил ли, как он красив?» — «А как же иначе. Ведь я вчера
вечером ужинал вместе с ним». — «А говорят, что его дочь еще
красивее сына». — «Клянусь Зевсом, — ответил Отий, — она дей-
ствительно красива». — «Так как ты отныне мне друг, то я бы
7 тебе посоветовал взять эту девушку себе в жены; ведь, она —
красавица, а что приятнее этого для мужчины? Что же касается ее
отца, то он родовит и настолько могуществен, что, будучи обижен
Фарнабазом, отмстил ему тем, что изгнал его и лишил, как ви-
дишь, всей прежней территории. Будь уверен, что он в силах в
такой же степени, как отмстил врагу, облагодетельствовать друга.
8 И знай, что если это свершится, ты вступишь в свойство не только

¹ См. коммент. к кн. III, гл. 4, § 1.

с ним, но и со мной, а равно и с прочими лакедемонянами, а так как мы главенствуем в Греции, то и со всей Грецией. Вряд ли кто-либо заключал когда-нибудь более блестящий брак, чем ты, если послушаешься моего совета! Какую новобрачную сопровождало когда-нибудь столько всадников, пельстастов и гоплитов, как твою будущую жену в ее чертоги?» Отий ответил на это: «Говоришь ли ты, Агесилай, об этом с ведома Спифридата?» — «Клянусь богами, — возразил Агесилай, — я говорю это не по его наущению; но у меня такой характер, что, хотя я и очень рад, когда мне удастся отомстить врагу, но еще большее удовольствие мне доставляет придумать что-либо, чем я мог бы угодить другу». — «В таком случае, — возразил тот, — узнай же у него, угодно ли ему это». Тогда Агесилай сказал Гериппиду и другим присутствующим: «Ступайте и вразумите Спифридата, чтобы он согласился на то, чего желаем мы». Они пошли для переговоров с Спифридатом. Так как они долго не возвращались, Агесилай сказал: «Не хочешь ли, Отий, чтоб и я пошел за Спифридатом и позвал его сюда?» — «Да, я думаю, что он скорее послушается тебя, чем всех остальных». После этих слов Агесилай позвал Спифридата и посланных за ним приближенных. Как только они подошли, Гериппид сейчас же заявил: «Агесилай, я не вижу нужды излагать тебе в подробностях наши переговоры; знай лишь, что в конце концов Спифридат заявил, что он с удовольствием сделает все то, что угодно тебе». Тогда Агесилай сказал: «Ну, так мне угодно, чтобы ты, Спифридат, в добрый час выдал свою дочь за Отия, и чтобы ты, Отий, взял ее себе в жены. Но только до наступления весны мы не сможем привезти сюда невесту сухопутным путем». — «Но, клянусь Зевсом, возразил Отий, — если соизволишь, она может быть отправлена сейчас же морским путем». После этого они пожалы друг другу правую руку в знак верности договору, и Отий отбыл.

Агесилай, заметив, что Отий торопится, тотчас же отдал приказание лакедемонянину Каллию отправиться с триэрами за девушкой, а сам отправился в Даскилий. Здесь был дворец Фарнабаза, а вокруг него много больших деревень, имевших в изобилии всякие продукты; там были также чудные места для охоты как в загороженных парках, так и на открытом пространстве. Мимо этого дворца протекала также река, полная всякой рыбы. Для умеющих охотиться за дичью тут было также много птицы. Здесь-то Агесилай и расположился на зимовку, добывая припасы для войска как из этих мест, так и путем фуражировок. Однажды, когда его воины, рассеянные по равнине, беззаботно и без всяких мер предосторожности забирали припасы, так как до этого случая они не подвергались ни разу опасности, они внезапно столкнулись с Фарнабазом, имевшим с собой около четырехсот всадников и две боевых колесницы, вооруженные серпами. Увидя, что войска Фарнабаза быстро приближаются к ним, греки сбежались вместе, числом около семисот. Фарнабаз не мешкал: выставив вперед колесницы и расположившись со своей конницей за ними, он приказал наступать.

Вслед за колесницами, врезавшимися в греческие войска и расстроившими их ряды, устремились и всадники и уложили на месте до ста человек; остальные бежали к Агесилаю, находившемуся неподалеку с тяжеловооруженными. На третий или четвертый день после этого Спифридат, узнав, что Фарнабаз расположился лагерем в большой деревне Каве, отстоящей приблизительно на сто шестьдесят стадий, тотчас же передает об этом Гериппиду. Гериппид же воспыал желанием совершить какой-нибудь подвиг и просит у Агесилая до двух тысяч гоплитов, столько же пельтастов, всадников, бывших со Спифридатом, и пафлагонцев и тех из греков, кого удастся убедить принять участие в этом предприятии. Когда эта войско 20 было обещано ему Агесилаем, он приступил к жертвоприношению, которое закончил с наступлением сумерек, когда получились хорошие предзнаменования. Тогда он дал приказ, чтобы все назначенные в поход по окончании ужина собрались перед лагерем, но в виду наступления темноты из каждой группы не явилось и половины. Тем не менее он отправился в поход с теми воинами, которые яви- 21 лись, чтобы остальные члены коллегии тридцати не подняли его на смех, если он откажется от своего предприятия. На рассвете он напал на лагерь Фарнабаза. Из передовой стражи, состоявшей из мисийцев, большинство было убито, бывшие в лагере 22 воины бежали, а весь лагерь попал в руки греков. В числе добычи было много драгоценных кубков и других вещей, которые, естественно, должны были находиться в ставке такого человека, как Фарнабаз; сверх того много всякой утвари и вьючные животные. Фарнабаз не сооружал постоянного лагеря, так как боялся быть окруженным и осажденным: он все время двигался, как кочевники, с места на место и строил как можно менее заметные лагерные сооруже- 23 ния. Пафлагонцы и Спифридат унесли захваченную добычу, но Гериппид приказал таксархам и лохагам преградить им дорогу и отобрать у них все это, чтобы представить лафирополам как можно больше захваченной добычи. Спифридат и пафлагонцы не 24 перенесли этого, но, чувствуя себя оскорбленными и обесщеченными, ночью собрались в путь и отправились в Сарды к Ариену; ему они могли смело доверять, так как и он когда-то отложился от царя и воевал с ним. Во всем этом походе Агесилая ничто так не огорчило, как отпадение Спифридата, Мегабата и пафлагонцев.

25 Был некто Аполлофан из Кизика, давнишний гостеприимец Фарнабаза; в это время он вступил в союз гостеприимства и с Агесилаем.

Он сказал Агесилаю, что имеет в виду привести Фарнабаза для переговоров о дружественном союзе. После того как его предложение было благосклонно выслушано, Аполлофан, заручившись 30 клятвой¹ Агесилая в форме возлияний и рукопожатия, отправился и прибыл с Фарнабазом в условленное место. Здесь их ждали,

¹ Гарантировавшей Фарнабазу неприкосновенность, когда он придет для переговоров.

сидя на траве лужайки, Агесилай и тридцать его приближенных. Фарнабаз прибыл в одежде, стоящей много золота; но когда слуги хотели подостлать ковры, на которых обыкновенно небрежно восседают персы, он устыдился такой роскоши, видя простоту нравов Агесилая, и сел также попросту на землю. Сперва они приветствовали друг друга словами, а затем Фарнабаз протянул Агесилаю правую руку, и то же сделал Агесилай. После этого первым стал говорить Фарнабаз, так как он был старшим. «Агесилай и все присутствующие здесь лакедемоняне, — сказал он, — когда вы воевали с афинянами, я был вам другом и союзником, — я дал вам денег на усиление вашего флота, а на суше сам сражался верхом на коне и вместе с вами загнал врагов в море. К тому же никто не мог бы меня обвинить, что я когда-либо говорил или поступал в чем-либо двусмысленно, как Тиссаферн.¹ И вот за все эти мои заслуги я терплю от вас такое отношение, что, находясь на своей собственной земле, не имею уже чем пообедать и мне приходится только подбирать ваши остатки, как какому-нибудь животному. Все те красивые дворцы и парки, полные деревьев и диких зверей, которые оставил мне мой отец и которые доставляли мне столько удовольствия, я вижу теперь либо вырубленными, либо сожженными. Может быть, я не знаю, что справедливо по отношению к богам и людям и что несправедливо, и в этом причина вашей вражды; тогда разъясните мне, пожалуйста, вы, — неужели же людям, знающим, что такое благодарность, следует поступать так?» Все члены коллегии тридцати устыдились этих слов и хранили молчание; Агесилай же, помолчав немного, сказал: «Фарнабаз, я полагаю, что тебе хорошо известно, что и между жителями различных греческих городов часто заключаются союзы гостеприимства. Однако, когда эти города вступают между собой в войну, приходится воевать со всеми подданными враждебного города, хотя бы они были твоими гостеприимцами. При этом случается даже, что гостеприимцы убивают друг друга. И вот теперь мы воюем с вашим царем, и потому принуждены все, принадлежащее ему, считать вражеским; с тобой же лично мы хотели бы больше всего на свете стать друзьями. Конечно, если бы тебе предстояло получить во владыки вместо царя нас, я первый не посоветовал бы тебе этого; но теперь ты можешь, вступив с нами в союз, не быть ничьим рабом² и не иметь никакого владыки, а жить плодами своей земли. А свобода, кажется мне, стоит любой другой вещи в мире. И, ведь, не то я тебе советую, чтобы ты был свободным нищим, но чтобы ты, опираясь на наш союз, расширял не царскую власть, а свою собственную, подчиняя себе тех, которые ныне такие же рабы царя, как и ты, а будут служить тебе. Ну, а если ты будешь и свободен и богат, чего тебе еще нужно будет для полного счастья?» — «Не хочешь ли, — сказал Фарнабаз, — чтобы я тебе искренно ответил,

¹ См. кн. I, гл. 1, § 31.

² Ср. коммент. к кн. III, гл. 1, § 26.

что собираюсь делать?»—«Это будет достойно тебя».—«Так знай, что я соглашусь стать вашим другом и союзником, если царь назначит командующим другого, а меня поставит под его начальство; если же я получу верховное командование (что значит честолюбие!), то можешь не сомневаться, что я буду бороться с вами изо всех моих сил». Услышав это, Агесилай взял его за руку и сказал ему: «О, благороднейший человек! Пусть бы случилось так, чтобы ты стал нашим другом! Будь же уверен, по крайней мере, хоть в том, что и теперь я как можно скорее удалюсь из твоей страны и на будущее время в случае войны, пока будет возможность итти походом на кого-нибудь другого, не трону ни тебя, ни твоей области!»

После этих слов собрание было распущено. Фарнабаз сел на коня и уехал, а сын его от Парапиты, еще блиставший красотой юности, остался и, подбегав к Агесилаю, сказал: «Я тебя нарекаю своим гостеприимцем». — «Я принимаю эту честь». — «Так помни же», сказал тот и тотчас же подал ему свое копые дивной красоты. Агесилай принял дар и дал ему взамен две роскошные бляхи, сняв их со сбруи коня своего секретаря Идея. Тогда юноша, вскочив на коня, пустился за отцом. Впоследствии, когда, в отсутствии Фарнабаза, сына Парапиты лишил власти его брат и отправил в изгнание, Агесилай принял в нем живейшее участие. Так, узнав, что он влюблен в сына афинянина Евалка, он ради гостеприимца приложил все старания, чтобы тот был допущен к участию в олимпийском беге; этот Евалк был крупнее всех прочих детей.

Верный своему слову, данному Фарнабазу, Агесилай тотчас же удалился из его области. Это было как раз перед наступлением весны. Отсюда он прибыл в Фивскую долину и расположился лагерем близ храма астирской Артемиды. Кроме того войска, которое он имел с собой, он стал здесь собирать со всех сторон еще очень много воинов. Он собирался итти походом как можно более вглубь страны, считая, что все те племена, которые останутся позади его, будут тем самым отторгнуты от царя, и делал надлежащие приготовления к этому походу.

Таковыми приготовлениями был занят Агесилай. Лакедемоняне же,¹ узнав с достоверностью, что персидский царь послал в Грецию деньги² и что все наиболее значительные государства соединились для войны со Спартой, пришли к убеждению, что отечество в опасности и что необходим поход. Они делали сами надлежащие приготовления, а кроме того немедленно послали Эпикидида за Агесилаем. Эпикидид прибыл к нему и, рассказав ему, как обстоят дела, передал ему от имени государства приказание как можно скорее спешить на помощь отечеству.

Агесилай, услышав это, был очень огорчен при мысли о том, сколько его честолюбивых надежд должно остаться неудовлетво-

¹ Здесь продолжается рассказ, прерванный в конце третьей книги.

² См. кн. III, гл. 5, § 1.

ренными. Однако же он созвал союзников,¹ передал им о полученном с родины приказании и сказал, что считает необходимым идти на помощь отечеству. «Если же там я добьюсь успеха, то будьте уверены, союзники, — сказал он, — что я вас не забуду, но, наоборот, прибуду снова сюда, дабы совершить то, в чем вы нуждаетесь». При этих словах многие заплакали и единогласно было вынесено решение идти вместе с Агесилаем на помощь Лакедемону; если там они будут иметь успех, то они вернуться вместе с Агесилаем в Азию. После этого они стали приготовляться к походу, чтобы сопровождать Агесилая. Последний оставил в Азии гармоном Евксена и с ним гарнизон по крайней мере из четырех тысяч человек, чтобы он мог защищать города. Видя, что большинство воинов² не желало идти походом на греков и предпочло бы остаться, и желая взять с собой воинов в возможно большем числе и наиболее искусных, он назначил награды тем из городов, которые пошлют наилучшее войско, тому из лохагов наемников, который явится с наилучшим по вооружению отрядом гоплитов, стрелков или пельтастов. Он обещал также дать никетерии тем из гиппархов, отряды которых будут выделяться по коням и вооружению. Он заявил, что распределение наград произойдет по переходе из Азии в Европу, на Херсоннесе, чтобы им было вполне очевидно, что только принявшие участие в походе будут допущены к участию в розыгрыше наград.³ Большинство этих наград было оружие прекрасной работы, — гоплитское и всадническое. Кроме того в числе наград были и золотые венки; все же эти награды стоили не меньше четырех талантов. Правда, было затрачено много денег; но Агесилай достиг этим того, что в погоне за наградами все приобрели себе оружие, стоящее во много раз больше этой суммы. По переходе через Геллеспонт были назначены судьями из лакедемонян Менаск, Гериппид и Орсипп, а от союзников по одному от каждого города. По распределении наград Агесилай с войском отправился по тому же пути, по которому персидский царь⁴ шел походом на Грецию.

В это время эфоры объявили сбор в поход. Было издано народное постановление, по которому предводительство войском вручалось, за малолетством царя Агесиполида, его родственнику и опекуну Аристодему. В то время как лакедемоняне уже вышли в поход, противники их собрались и обсуждали, при каких условиях им выгоднее всего принять сражение. На этом собрании коринфянин Тимолай сказал следующее: «Я бы сравнил, союзники, лакедемонское могущество с рекой. Действительно, реки у своих источников невелики и легко могут быть переходимы вброд. Но чем дальше мы спустимся вниз по течению, тем шире и глубже их

¹ Малоазийских греков.

² Речь идет, разумеется, только об азиатских греках и наемниках; см. дальнейший рассказ.

³ В высшей степени гадательный перевод; место темное.

⁴ Ксеркс в 480 г.

- 12 русло, так как они принимают в себя другие реки. Точно также и лакедемоняне отправляются с родины одни, но, пройдя вперед и присоединив к себе контингенты союзных городов, становятся более многочисленными и победить их уже представляет более трудную задачу. Заметьте также, что те, которые хотят уничтожить осиное гнездо, подвергнутся многим укусам, если попытаются ловить вылетающих ос; если же они поднесут огонь к гнезду, пока осы внутри, то, не получив никакого повреждения, совладают с осами. По этим-то соображениям я и считаю выгодным заставить их принять бой лучше всего в самом Лакедемене, если же это не удастся, то как можно ближе к их городу». Прочие присутствующие одобрили это предложение и приняли его голосованием. В то время как они спорили о гегемонии и договаривались о том, какой глубины должно быть войско, чтобы из-за слишком глубокой фаланги враг не получил возможности обойти войско с флангов, — лакедемоняне, присоединив к себе тегейцев и мантинейцев, подошли уже к Истму.¹ Коринфяне и их союзники также вышли в поход, и приблизительно в то же время, как они были в Немейской области, лакедемоняне со своими союзниками были уже в области Сикиона. Когда последние вторглись (в Коринфскую область) около Эпийкии, им на первых порах причиняли большой ущерб легковооруженные противники, бросая в них камни и стрелы с возвышенных мест. Когда же лакедемоняне спустились к морю,² они стали подвигаться вперед, вырубая и сжигая все вокруг. Противники их приблизились к ним и расположились лагерем, имея перед собой русло реки.³ Лакедемоняне двинулись по направлению к врагу и, расположившись лагерем на расстоянии менее 10 стадий, спокойно выжидали.
- 16 Теперь я скажу о численности тех и других. Лакедемонских гоплитов собралось до 6000, элейских, трифилийских, акрорейских и ласионских — около 3000, сикионских 1500; эпидаврских, трезенских, гермионских и галийских было не меньше 3000; далее было еще около 600 всадников из Лакедемона; сверх того в походе принимало участие около 300 критских стрелков и не менее 400 марганейских, летринских и амфидольских пращников. Только флиунты не пошли с ними, так как им в это время, по их словам, нельзя было вести войну по религиозным соображениям. Таково было войско лакедемонян и их союзников. У противников же их собралось такое число гоплитов: афинских до 6000, аргосских, как передавали, около 7000, беотийских около 5000, так как орхоменцы не явились, коринфских до 3000 и, наконец, из всей Евбеи не меньше 3000. Столько было гоплитов; всадников же беотийских было до 800, так как орхоменцы не явились, афинских до 600, из Халкиды на Евбее до 100, из Опунтской Локриды до 50. Числом легковооруженных коринфяне и их союзники также превосходили лаке-

¹ Место темное. Перевожу по смыслу.

² К Коринфскому заливу; чтобы не подвергаться обстрелу с гор.

³ Немей, см. Д и о д о р, XIV; Э с х и н, О фальшивом посольстве, 163.

демонян: с ними были локрийцы озольские, мелийцы и акарнанцы.

Такова была численность обеих войск. Беотийцы, пока они занимали левый фланг, нисколько не рвались в бой. Когда же афиняне выстроились против лакедемонян, а беотийцы заняли правый фланг против ахейцев, они тотчас же объявили, что жертвы дают хорошие предзнаменования, и дали сигнал приготовляться к битве. Но они допустили две ошибки: во-первых, они выстроили фалангу чрезмерно глубокой, не считаясь с решением¹ строиться в одиннадцать рядов; кроме того они отвели ее направо, чтобы выступить дальше вражеского фланга. Тогда афиняне, чтобы не оставалось промежутка между ними и беотийцами, последовали за ними,² хотя и знали, что при этом возникает опасность быть обойденными с фланга.³ Сперва лакедемоняне не заметили, что враг приближается, так как место было покрыто кустами; они поняли это только тогда, когда раздалось пение пэана,⁴ и тотчас же отдали приказание, чтобы все готовились в бой. Когда войско выстроилось так, как его поставили ксенаги,⁵ и воины передали друг другу из уст в уста приказ следовать за руководящим флангом, войско двинулось направо⁶ с лакедемонянами во главе. Последние так растянули свое крыло, что только шесть афинских фил пришлось против лакедемонян, остальные же четыре — против тегейцев.⁷ Когда между армиями осталось меньше стадии расстояния, лакедемоняне принесли, как у них водится, в жертву Сельской Артемиде козу и пошли против врага, приготовившись обогнуть выступающей частью войска левый фланг врага. Когда войска сошлись, пелленцы, оказавшиеся против феспийцев, упорно сражались, причем и те и другие, несмотря на страшный урон, удержались на своих местах; все прочие союзники лакедемонян были побеждены противниками. Сами же лакедемоняне одержали верх над той частью афинян, которая приходилась против них, и, обходя их выступавшей частью, перебили очень многих из них, причем сами не потерпели никакого ущерба; затем они снова выстроились в боевой порядок и двинулись (на остальных противников).⁸ Они прошли мимо того места, где стояли остальные четыре афинские филы, прежде чем те, оставив преследование врага, вернулись на свои места; таким образом из этих афинян, кроме тех, которые пали в стычке с тегейцами, не было убито никого. Затем лакедемоняне столкнулись с аргивянами, возвращавшимися на свои места (по окончании преследования пелопоннесцев). Передовой поле-

¹ См. § 13.

² Вправо.

³ Конечно, с левого.

⁴ См. коммент. к кн. II, гл. 4, § 17.

⁵ См. коммент. к кн. III, гл. 5, § 7.

⁶ Для обхода афинян с левого фланга.

⁷ Бывших, очевидно, соседями лакедемонян слева.

⁸ Двинулись они, очевидно, влево, вдоль первоначального фронта союзников. См. схему в коммент.

марх хотел было напасть на них с фронта, но ему был дан приказ дать пройти мимо первому ряду врагов. Когда первый ряд прошел, лакедемоняне устремились на невооруженный фланг врагов и, осыпая его градом ударов, перебили много людей. Им удалось напасть также и на возвращавшихся коринфян, а также и на разрозненные отряды фиванцев, окончивших преследование противника, и перебить очень многих из них. После этого побежденные сперва побежали к коринфским стенам; но коринфяне не впустили их в город, и они принуждены были разместиться в прежнем лагере. Лакедемоняне же отошли к тому месту, где они впервые столкнулись с врагом, и поставили там трофей. Таков был ход этой битвы.

3 1 В это же время Агесилай спешил на помощь из Азии.¹ В Амфиполе с ним встретился Деркилид, посланный к нему с известием, что лакедемоняне победили и что из них погибло лишь восьмеро, тогда как со стороны врагов пало бесчисленное множество. Рассказал он ему также, что немало погибло и союзников. Тогда Агесилай спросил у него: «А не находишь ли ты, Деркилид, подходящим, чтобы города,² контингенты которых участвуют в моем походе, как можно скорее узнали об этой победе?» Деркилид ответил на это: «Конечно, эта весть подымет в них бодрость духа». — «Так не лучше ли всего, чтобы ты, который принес эту весть, передал ее и союзникам». Тот с удовольствием услышал это, так как любил путешествовать, и сказал: «Я исполню, что ты прикажешь». — «Так я приказываю тебе это, — ответил тот, — и еще велю тебе объявить им, что если и наш поход будет удачным, то мы вернемся в Азию, как мы обещали».³ Деркилид направился прежде всего на побережье Геллеспонта, Агесилай же прошел через Македонию и прибыл в Фессалию. Лариссы, краннонцы, скотуссы и фарсалийцы, как союзники беотийцев, и все прочие фессалийцы, кроме тех, которые были тогда изгнаны из своих городов, наносили всякий ущерб Агесилаю, следуя за ним. Агесилай на первых порах двигался, выстроив войско в каре, причем половина конницы была выстроена перед войском, а половина позади. Когда фессалийские всадники стали мешать движению, нападая на задние ряды, он послал в арриергард и конницу, бывшую в авангарде, кроме лишь всадников, составлявших его личную гвардию. Оба войска выстроились друг против друга; фессалийцы, считая невыгодным сражаться на конях против тяжеловооруженных, стали медленно отступать, лакедемоняне же следовали за ними с большой осторожностью. Агесилай понял ошибку и тех и других и послал на помощь коннице самых лучших всадников, принадлежащих к его свите, с тем, чтобы они и сами преследовали с наибольшей быстротой фессалийцев и другим всадникам приказали бы поступать таким же образом, чтобы не дать фессалийцам возможности повернуться. Когда фессалийцы увидели сверх ожидания, что их

¹ Продолжается рассказ, прерванный в § 8 предыдущей главы.

² Малоазиатские.

³ См. выше, гл. 2, § 3.

преследуют, часть их даже не сделала попытки повернуться лицом к врагу, те же, которые пытались это сделать, были захвачены в тот момент, когда поворачивали коней. Только фарсалийский гиппарх Полихарм со своим отрядом успел повернуться лицом к врагу и погиб, сражаясь. После этого фессалийцы обратились в паническое бегство, так что частью были перебиты, частью взяты в плен. Они остановились только тогда, когда достигли горы Нарфакия. Агесилай же поставил трофей между Прантом и Нарфакием и остановился здесь, преисполненный радости по поводу удачного предприятия: ему удалось при помощи конницы, составленной из случайных контингентов, победить фессалийцев, столь гордящихся своей конницей. На следующий день он перевалил через Ахейские горы в области Фтии и вплоть до самых границ Беотии шел уже по дружественной стране.

Когда он находился в ущелье,¹ солнце показалось в форме лунного серпа и в то же время получилось известие, что лакедемоняне побеждены в морской битве и что наварх Писандр погиб. Были переданы также и обстоятельства этой битвы. Встреча произошла около Книда, причем навархом противников был Фарнабаз с финикийскими судами;² первую линию занимал Конон во главе греческого флота. Писандр выстроил свой флот против врага, и тогда стало ясно, что у него гораздо меньше кораблей, чем в греческом флоте Конона. Союзники Писандра, выстроившиеся на левом фланге, тотчас же бежали, сам же он вступил в бой с врагами, но триэра его, получив пробоины, была выкинута на берег. Весь экипаж, выкинутый на берег, оставил корабль и спасся в Книд, напрягши для этого все силы. Сам же он погиб, сражаясь, на корабле. Агесилай, узнав об этом, был очень огорчен; но затем он подумал о том, что большая часть его войска³ при счастливых обстоятельствах охотно будет участвовать в его походе; если же они узнают о какой-либо неудаче, то ничто не вынудит их больше быть его соратниками. Поэтому он, исказив истину, объявил, будто получено известие, что Писандр пал победителем в морской битве. Передавая эту весть, он принес в жертву быка за доброе известие и разослал многим части жертвенных животных. Ободренные ложным известием о победе лакедемонян в морской битве, войска Агесилая одержали верх над противниками в происшедшем затем бою.

Против Агесилая были выставлены войска следующих племен: беотийцы, афиняне, аргиевляне, коринфяне, евбейцы, энианцы, те и другие локрийцы; в войске Агесилая сражались: мора лакедемонян, переправившихся⁴ из Коринфа, и еще пол-моря стоявших в Орхомене; кроме того в войско входили неодамоды, прибывшие из Лаке-

¹ Ведущем через горы из Фокиды в Беотию, в Херонейскую область. Плутарх, Агесилай, 17.

² См. кн. III, гл. 4, § 1.

³ А именно — контингенты азиатских городов.

⁴ Через Коринфский залив.

демона, далее наемники, под предводительством Герипшида,¹ затем контингенты от греческих городов в Азии и от европейских городов, которых Агесилай присоединил к себе по пути. Уже на самом месте битвы к нему присоединились орхоменские² и фокейские голиты. Пельтастов было гораздо больше у Агесилая, число же всадников в обоих войсках было приблизительно одинаковое. Таковы были силы обоих; а теперь я расскажу, как произошла эта величайшая из всех бывших на нашей памяти битв. Войска сошлись на равнине под Коронеей, куда воины Агесилая вступили со стороны Кефиса, а фиванцы и их союзники — со стороны Геликона. Агесилай занимал правый фланг в своем войске, а на левом фланге с краем у него стояли орхоменцы. Фиванцы занимали в своем войске правый фланг, а на левом у них стояли аргивяне. Когда войска сошлись, на первых порах царило глубокое молчание с обеих сторон. Когда же они оказались друг от друга на расстоянии приблизительно стадии, фиванцы с военным криком бегом устремились на врага. Им осталось пробежать еще около трех плефров, когда из строя войска Агесилая выбежали наемники под начальством Герипшида,³ а вместе с ними ионийцы, эолийцы и жители Геллеспонта. Все эти контингенты приняли участие в нападении и в штыковом бою обратили стоявших против них противников в бегство: аргивяне не выдержали нападения агесилаевых войск и бежали к Геликону. Некоторые из наемников уже собирались увенчать Агесилая венком, как вдруг пришло известие, что фиванцы перерубили орхоменцев и находятся уже среди лакедемонского обоза. Агесилай тотчас же, сделав маневр поворота, двинулся на них, фиванцы же, увидев, что их союзники⁴ бежали к Геликону, желая прорваться к остальной части своего войска, сомкнули ряды⁵ и мужественно двинулись по направлению к ним. В этом положении Агесилай бесспорно проявил себя очень мужественным, но избранный им способ не был самым безопасным. Имея возможность предоставить врагу прорваться, а затем погнаться за ним и напасть на задние ряды, он не поступил так, а встретился лицом к лицу с фиванцами. Произошла рукопашная схватка, очень жаркая и кровопролитная. Кончилась она тем, что лишь некоторым из фиванцев удалось прорваться в Геликон, а большинство отступило и пало. После того как эта победа была одержана, и раненый Агесилай был пронесен перед строем, к нему приблизилось несколько всадников и, передав, что около восьмидесяти вооруженных врагов скрылись в храме,⁶ спросили, как с ними поступить. Агесилай, несмотря на полученные им многочисленные раны, не забыл долга перед бо-

¹ См. ниже, коммент. к § 17.

² См. кн. III, гл. 5, § 6.

³ Не навстречу фиванцам, против которых (на левом фланге Агесилая) стояли орхоменцы: они устремились на стоявших против них аргивян, занимавших левый фланг в войске фиванцев.

⁴ Аргивяне.

⁵ Т. е. расставили воинов плотнее друг к другу.

⁶ Афины Итонию. П л у т а р х, Агесилай, 19; П а в с а н и й, III, 9, 13.

гами и приказал позволить скрывшимся в храме уйти, куда им будет угодно, строго запретив обижать их. В этот день (так как было уже поздно) они ограничились тем, что поужинали и легли спать. На следующий же день, на заре, Агесилай приказал полемарху Гилиду выстроить войско в боевой порядок, поставить трофей, одеть всем венки во славу бога и всем флейтистам играть. Все эти приказания были исполнены. Затем пришли послы от фиванцев с просьбой, заключив перемирие, выдать трупы для погребения. Перемирие было заключено, а Агесилай отправился в Дельфы и принес богу в жертву десятую часть денег, вырученных от продажи добычи, что составило не менее ста талантов. Полемарх Гилид с войском направился в Фокиду, а оттуда вторгся в Локриду. Вплоть до вечера войны грабили по деревням разную утварь и хлеб; с наступлением же вечера, когда войско стало удаляться из страны, локрийцы следовали за ними, бросая в задние ряды, состоявшие из лакедемонян, стрелы и дротики. Когда же лакедемоняне, повернув назад и устремившись на них, убили нескольких локрийцев, последние перестали преследовать войско сзади, а стали осыпая их стрелами с возвышенных мест. Лакедемоняне пытались гнаться за ними по склонам гор, но, в виду наступления сумерек, стали отступать вниз; при этом одни гибли из-за бездорожья, другие из-за того, что не видели ничего перед собой, третьи от стрел. Здесь погибли полемарх Гилид, один из его приближенных Пеллей, а всего около восемнадцати спартиатов, частью побитые камнями, частью от ран. Если бы им не помогли войны из лагеря, прервав ужин, то они могли бы погибнуть все до одного.

После этого Агесилай отплыл на родину, а войско было распущено по городам. Начиная с этого времени воевали с одной стороны афиняне, беотийцы, аргивяне и их союзники, имея отправной базой Коринф, а с другой лакедемоняне со своими союзниками, с базой в Сикионе. Коринфяне видели, что земля их опустошается, а (граждане) гибнут, так как враг все время находится близ их города, тогда как в союзных с ними государствах и граждане пользуются благами мира и земля возделывается; поэтому большинство их, и в том числе самые знатные,¹ желало во что бы то ни стало мира; сходясь, они беседовали об этом друг с другом. Аргивяне же, афиняне, беотийцы и те из коринфян, которые были подкуплены персидским царем и были главными виновниками этой войны, прекрасно знали, что если им не удастся устранить сторонников мира, то их государствам угрожает опасность снова подпасть под лаконское влияние. Поэтому они организовали погром в Коринфе. Прежде всего, задуманное ими дело было крайне безбожным: ведь прочие греки, даже если кто-либо приговорен к смертной казни в силу закона, не приводят приговора в исполнение в праздничные дни, а они выбрали для осуществления своего замысла последний день

¹ Дословно: лучшие. У авторов того направления, к которому принадлежал Ксенофонт, это — синонимы.

² См. кн. III, гл. 5, § 1.

Евклеийских празднеств, так как они надеялись, что в этот день сой-
 3 дется на агоре больше всего людей из числа намеченных для убий-
 ства. После того как убийцам, заранее осведомленным об именах
 тех, кого надлежало убить, был дан условный знак, они обнажили
 кинжалы и стали наносить удары направо и налево. Один погиб
 стоя, во время дружеской беседы, другой сидя, третий в театре,
 а иные даже при исполнении обязанностей арбитра на состязаниях.
 Когда стало ясно, в чем дело, знатные граждане бросились искать
 убежища — одни к подножьям статуй богов, стоявших на агоре,
 другие к алтарям. Но и дававшие приказания и исполнявшие их
 были безбожнейшими людьми, и вообще им была совершенно чуж-
 да справедливость: они убивали и прильнувших к алтарям. По-
 4 этому многие из добропорядочных граждан, даже не вошедшие в
 число жертв, терзались душой, видя это кощунство. В этот день
 погибло очень много людей старшего возраста, так как ими-то
 преимущественно и была наполнена агора, молодые же выжидали
 событий в Кранею, так как Пасимел¹ подозревал, что должно про-
 изойти. Когда же они услышали крик и некоторые из зрителей
 кровавого дела прибежали к ним, они заняли Акрокоринф и от-
 5 ражали атаковавших их аргивян с союзниками. В то время как они
 обдумывали, как быть дальше, с колонны падает капитель, несмотр-
 я на то, что не было ни землетрясения, ни ветра. Они принесли
 жертву; результаты ее были истолкованы предсказателями в том
 смысле, что им лучше оставить крепость и спуститься в равнину.
 Сперва они ушли из Коринфской области, решившись оказаться
 на положении беглецов, но к ним явились с увещаниями друзья,
 матери и братья, а также некоторые из захвативших власть в горо-
 де,² клятвенно обещая им, что они не претерпят никакой кары.
 6 Тогда некоторые из них вернулись на родину и увидели, что город
 находится под властью тиранов, что бывшая государственная неза-
 висимость их города исчезла вместе с удалением пограничных кам-
 ней, что их отечество уже называется не Коринфом, а Аргосом,
 что они принуждены участвовать в аргосских государственных учре-
 ждениях, чего они вовсе не желали, что они в своем государстве
 имеют меньше влияния, чем метэки. И некоторые из них решили,
 что так дальше жить нельзя; что их долг сделать попытку, восста-
 новив исконное устройство, превратить отечество снова в Коринф,
 вернуть ему свободу, очистить от осквернителей,³ установить за-
 конный порядок.⁴ Они полагали, что их замысел достоин похвалы;
 если им удастся достичь своей цели, то они окажутся спасителями
 отечества; если же их сил не хватит для этого, они умрут славной
 смертью в борьбе за самые дорогие и высшие блага. Так, два
 гражданина, Пасимел и Алкимен, нырнув в поток и переплыв на

¹ См. ниже, § 7.

² Т. е. из сторонников демократии.

³ Т. е. изгнать повинных в кощунственном осквернении алтарей убийством и совершить очистительные возлияния.

⁴ Т. е. аристократический строй. Для Ксенофонта это — синонимы.

другую его сторону, сделали попытку вступить в переговоры с лакедонским полемархом Пракситом, который как раз находился тогда со своей морой¹ караульных солдат в Сикионе. Они сказали Пракситу, что могут ему предоставить свободный вход внутрь стен, которые тянутся к Лехейской гавани. Праксит поверил им, так как они и прежде были ему известны как люди, достойные доверия. Он добился, чтобы и та мора, которая собиралась уже выступить из Сикиона, была задержана, и стал готовиться к вторжению внутрь стен. Отчасти вследствие благоприятного стечения обстоятельств, а отчасти благодаря их стараниям, упомянутые два гражданина оказались стражами их ворот, где был поставлен победный трофей.² При таком положении дел Праксит подходит к стенам с отрядом сикионцев и находившимися в Сикионе коринфскими беглецами. Подойдя к воротам, он не решился сразу войти и решил прежде послать одного из преданных ему людей, который бы посмотрел, что делается внутри. Караульные ввели его внутрь и так простодушно все ему показали, что он вернувшись доложил, что в их предложении не заключалось никакой хитрости. После этого он вошел внутрь, но так как стены отстояли далеко друг от друга, то, когда вошедшие выстроились, обнаружилось, что их слишком мало,³ поэтому они соорудили перед собой частокол и ров (какой можно было в такое короткое время) для того, чтобы обороняться до прибытия на помощь союзников, так как и позади их, в гавани, стоял беотийский гарнизон. День, последовавший за той ночью, в которую они вторглись, прошел без боя. На следующий же день пришли аргивяне со всем войском и увидели, что против них выстроены на правом фланге своей армии лакедемоняне, рядом с ними сикионцы, а у восточной стены коринфские изгнанники в числе около ста пятидесяти; тогда они выстраиваются против лакедемонян и их союзников так, что к восточной стене примыкали наемники под начальством Ификрата, рядом с ними стояли аргивяне, а левый фланг занимали коринфяне, оставшиеся в городе. Увидя малочисленность врага, они преисполнились самоуверенности, тотчас же перешли в нападение, одержали верх над сикионцами и, разрушив часть частокола, погнали врагов по направлению к морю, причем многих из них уничтожили. Гиппармост⁴ Пасимах, имевший небольшое количество всадников, когда увидел, что сикионцы терпят поражение, отобрал у них щиты и, приказав привязать лошадей к деревьям, пошел против аргивян с добровольцами из своего отряда. Аргивяне же, увидев на щитах букву Σ,⁵ решили, что это сикионяне, и вступили в бой без страха. Тогда Пасимах, как говорят,

¹ См. ниже, коммент. к кн. VI, гл. 4, § 12.

² См. выше гл. 2, § 23.

³ Т. е. что, вследствие слишком большой длины фронта, строй получается недостаточно глубоким.

⁴ То же, что гиппарх, начальник эскадрона лакедемонской конницы.

⁵ Очевидно, на щитах была начертана первая буква названия города: на фиванских — Θ, на лакедемонских — Λ, на сикионских — Σ.

сказал: «Клянусь двумя богами,¹ аргивяне, обманет вас эта буква». Затем он бросился в рукопашную и, сражаясь с небольшим отрядом против многочисленного врага, погиб вместе со всем своим войском. Зато коринфским изгнанникам удалось победить стоявших против них² и, прорвавшись вверх, приблизиться к стенам, окружавшим самый город, Лакедемоняне, заметив, что та часть войск, где находились сикионяне, потерпела поражение, бросились на помощь, выйдя за частокол и примыкая к нему левым флангом. Аргивяне,³ услышав, что позади их лакедемоняне, повернули фронт и бегом устремились сюда из-за частокола.⁴ Воины, стоявшие на самом краю на правом фланге, после натиска лакедемонян на невооруженный фланг были перебиты. Остальная часть аргосского войска, примыкавшая к стене, всей массой отступила к городу в большом замешательстве, но здесь она встретила с коринфскими изгнанниками⁵ и, увидев, что и против нее враги, снова устремилась назад. Тогда часть аргивян стала восходить по лестницам на стены, причем одни погибли, взобравшись по лестницам и прыгая со стен, другие пали под натиском и ударами врагов у самых лестниц; некоторые были растоптаны и удушены своими же. Лакедемоняне же имели возможность убивать направо и налево, ибо божество предоставило им случай, на который они никогда не могли надеяться. Как же не считать делом богов то, что запутанная и приведенная в ужас масса врагов сама отдавалась им в руки, подставляя им невооруженные части, причем никто и не пытался сражаться, а всякий как бы делал все, что нужно было для гибели? Тогда на маленьком пространстве погибло так много народу, что можно было там увидеть людей, лежавших огромными кучами, как лежат кучи зерна, дерева, камней. Перебит был также беотийский гарнизон,⁶ находившийся в гавани; воины из этого гарнизона искали спасения частью на стенах, частью на крышах доков. После этого коринфяне и аргивяне убрали трупы, испросив для этого перемирие. В то же время пришли на помощь союзники лакедемонян.⁷ Когда они собрались, Праксит решил прежде всего срыть часть стен, так, чтобы получился достаточный проход для войска,⁸ а затем, взяв с собой войско, пошел по направлению к Мегарам и взял приступом прежде всего Сидунт, а потом и Кроммион. Поставив в этих крепостях гарнизон, он отправился назад. Вслед затем он укрепил Эпиккию, так как больше доверял гарнизону, чем дружбе союзников, после чего распустил войско, а сам отправился назад к Лакедемону.

¹ Кастором и Поллуксом.

² Ификрата со своими наемниками. См. схему II.

³ Повидимому, коринфяне были вместе с ними.

⁴ Став в положение, отмеченное на схеме II пунктиром.

⁵ Возвращавшимися после того, как им удалось загнать Ификрата с его наемниками в город.

⁶ См. § 9.

⁷ Которых лакедемоняне давно уже ждали (см. § 9).

⁸ Проходящего из Сикиона на Истм.

После этого большие всенародные походы обеих воюющих сторон прекратились, но все эти государства довольствовались тем, что охраняли свои крепости, посылая гарнизоны — одни — в Коринф, другие — в Сикион. Тем не менее обе стороны продолжали ожесточенную войну, но только при помощи наемников.

В то же время Ификрат вторгся в Флиунтскую область и засел со всем своим войском в засаду, выслав небольшой отряд грабить страну. Когда горожане вышли на помощь сельчанам, ничего не подозревая, он напал на них из засады и перебил огромное число их, наведя на них такую панику, что они решились призвать к себе лакедемонян и поручили им охранять город и крепость, несмотря на то, что они прежде ни за что не хотели впустить лакедемонян в крепость, боясь, чтобы они не возвратили в город изгнанников, которые скажут им, что они изгнаны за приверженность к лакедемонянам. Лакедемоняне же, хотя и отнеслись сочувственно к изгнанникам, тем не менее за все время своего пребывания в городе даже не упомянули ни разу о возвращении их, а когда город почувствовал себя вне опасности, удалились, оставив здесь такой же строй и такие же законы, какие были в момент их прибытия. Отряд Ификрата вторгался также во многие места Аркадии, где он грабил страну и атаковал городские укрепления. В открытый бой из городских стен аркадские гоплиты никогда не выходили: до такой степени они боялись пельтастов. Пельтасты же, со своей стороны, боялись лакедемонян до такой степени, что они никогда не подходили к гоплитам так близко, чтобы попасть в сферу действия дротиков. Случалось, что и со столь большого расстояния лакедемонские воины младших призывных возрастов бросались их преследовать, настигали своими дротиками и кое-кого убивали. Но если лакедемоняне относились с пренебрежением к пельтастам, то еще с большим пренебрежением они относились к своим союзникам: действительно, когда однажды мантинейцы выбежали навстречу пельтастам, сделавшим вылазку из пространства между стенами, ведущими к Лехею, они принуждены были отступить под градом дротиков, причем часть бегущих была перебита. Поэтому лакедемоняне позволяли себе шутить над союзниками, что они боятся пельтастов, как малые ребята — буки. Лакедемоняне, направившись из Лехея со своим отрядом и коринфскими изгнанниками, расположились лагерем вокруг коринфской городской крепости. Афиняне же, боясь могущества лакедемонян и ожидая, что они пойдут в их страну в виду уничтожения коринфских Длинных стен;¹ считали наиболее целесообразным восстановить разрушенные Пракситом стены. Они прибыли сюда всенародным ополчением с каменщиками и плотниками и в несколько дней выстроили самым тщательным образом западную стену, обращенную к Сикиону, после чего уже гораздо более спокойно сооружали восточную стену.

Лакедемоняне обратили внимание на то, что аргивяне спокойно

¹ Бывших единственной преградой на их пути из Пелопоннеса в Афины.

пожинают плоды своей земли и что война их только радует. Поэтому они пошли походом на аргиев под предводительством Агесилая. Последний опустошил всю их страну, а затем, не теряя времени, перевалил через горы близ Теней, вторгся в Коринфскую область и завладел стенами, которые соорудили афиняне. Ему помогал с моря его брат Телевтий, с флотом из двенадцати триер. Какое счастье выпало на долю их матери, из детей которой в один и тот же день один овладел на суше вражескими стенами, а другой — на море кораблями и доками! Выполнив это, Агесилай распустил союзническое войско, а лакедемонское отвел на родину.

- 5 1 Вскоре после описанных событий лакедемоняне услышали от изгнанников, что весь скот коринфских жителей находится в их владении и согнан в Пирей, а многие также кормятся из запасов, имеющих в самом городе; поэтому они снова отправились походом в Коринф под предводительством того же Агесилая. Прежде всего он прибыл на Истм. Это случилось как раз в том месяце, когда справляют Истмию; поэтому аргиев находились тогда здесь для совершения жертвоприношений Посидону, так как Коринф теперь составлял часть Аргосского государства.¹ Когда они узнали, что Агесилай приближается, они побросали части жертвенных животных и яства и в крайнем замешательстве и страхе отступили к
- 2 городу по дороге, ведущей на Кенхрей. Агесилай, хотя и заметил это, не преследовал их, а расположился в храме, сам принес жертву богу и переждал, пока не окончатся жертвоприношения и состязания, устроенные в честь Посидона под руководством прибывших сюда коринфских изгнанников. Когда же Агесилай удалился, аргиев снова справили Истмию, так что в этом году были такие виды состязаний, на которых каждый участник потерпел поражение дважды, а, с другой стороны, были и такие, на которых те же лица
- 3 были дважды провозглашены победителями. На четвертый день Агесилай подошел с войском к Пирею. Увидя, что он охраняется большим количеством войск, он после завтрака отступил к городской крепости,² желая возбудить в коринфянах подозрение, что среди них имеются изменники, собирающиеся предать город; поэтому коринфяне из страха, чтобы кто-либо не предал города, призвали к себе³ Ификрата с большей частью его пельтастов. Агесилай, заметив, что они ночью перешли в город, на заре повернул обратно и пошел к Пирею. Сам он пошел по дороге, идущей мимо теплых источников, а отдельный отряд послал на вершину хребта. В эту ночь он сам расположился лагерем близ теплых источников, а посланный им отряд ночевал на занятой им вершине.
- 4 В это время Агесилай обнаружил необыкновенную догадливость по очень мелкому поводу, но очень кстати. Из принесших припасы отряду, занявшему вершину, никто не захватил огня, а было холодно, так как место было очень высокое, вдобавок к вечеру

¹ См. гл. 4, § 6.

² Т. е. к Коринфу.

³ Из Пирея.

выпал дождь с градом, а воины взобрались на гору в летнем платье. Холод и мрак лишили их всякого аппетита. Агесилай послал к ним не менее десяти человек с горшками, в которых был огонь. Они расположились в разных местах вершины и развели много больших костров, так как лес здесь был в изобилии. Все войны натерлись маслом,¹ а некоторые только теперь поужинали. В эту ночь было видно, как горит храм Посидона (кто его поджег — никому неизвестно). Когда находившиеся в Пирее узнали, что вершина занята, они не стали и думать о защите, но все устремились в поисках убежища в святилище Геры — мужчины и женщины, рабы и свободные, туда же была согнана и большая часть скота. Агесилай со своим войском отправился вдоль морского берега, отряд же, занимавший вершину, спустился оттуда и овладел Пирейским фортом Эной. Он завладел всеми запасами, находившимися внутри, и все воины в этот день захватили много съестных припасов из окрестных местностей. Спасшиеся в святилище Геры вышли оттуда, отдавшись на милость Агесилая. Он приказал им, чтобы они выдали коринфским беглецам тех из них, которые были в числе убийц.² Все же остальное³ должно было быть продано. После этого из святилища Геры вышла большая масса военнопленных. Со всех сторон прибыли многочисленные посольства по вопросу об условиях мира; в том числе были и беотийцы. Агесилай отнесся к ним очень высокомерно и сделал вид, что не заметил их, несмотря на ходатайство их проксена Фарака, чтобы им дана была аудиенция. Он сидел в круглом сооружении, выстроенном по берегу озера, и смотрел на многочисленных пленных и вывозимые из Пирея запасы. Пленных сопровождали караульные с копьями из лакедемонского лагеря, и на них были устремлены многочисленные взгляды присутствующих: счастливы и победители всегда представляют приятное зрелище. Агесилай еще сидел на своем месте, обнаруживая радость по поводу происшедшего, как вдруг прискакал всадник на совершенно взмыленном коне. Многие задавали ему вопросы, с какой вестью он прибыл, но он никому ничего не ответил. Приблизившись к Агесилаю, он соскочил с коня, подбежал к нему с очень нахмуренным⁴ лицом и сообщил о гибели находившегося в Лехее отряда. Услышав об этом, Агесилай тотчас вскочил с места, схватил копье, приказал глашатаю созвать полемархов, пентеконтэров⁴ и ксенагов. Когда все они сбежались, он приказал войску, наскоро приняв пищу, так как завтрак еще не был готов, следовать за ним как можно скорее, а сам с царскими сотрапезниками, вовсе не позавтракав, двинулся впереди войска. Копьеносцы, неся его доспехи, сопровождали его с величайшей поспешностью, причем один шел впереди, а остальные позади его. Когда они прошли уже мимо теплых источников и

¹ Чтобы размягнуть окоченевшие члены.

² См. гл. 4, § 3.

³ Т. е. как пленные, так и добыча.

⁴ См. ниже коммент. к кн. VI, гл. 4, § 12.

вышли на Лехейскую равнину, к ним подъехали три всадника с известием, что трупы погребены. Услышав это, он приказал снять оружие и устроил короткий отдых;¹ затем он повел войско обратно к святилищу Геры. На следующий день пленные были проданы с публичного торгога.

- 9 Беотийские послы были призваны к Агесилаю и им был задан вопрос, — какова цель их прибытия? Однако они уже ни словом не обмолвились о мире,² а спросили только, не встречается ли с его стороны препятствий к тому, чтобы они прошли в город к своим воинам. При этих их словах Агесилай рассмеялся и сказал: «Я хорошо понимаю, что вы пришли вовсе не за тем, чтобы посмотреть на ваших воинов, а чтобы узнать, не изменяет ли вашим друзьям военное счастье. . . Но погодите, я сам поведу вас, и, находясь со мной, вы лучше узнаете, в каком положении дела». Агесилай не обманул их: на следующий же день он, совершив жертву, повел войско к городу. Исключая только трофея, он все остальные деревья выжег и вырубил, показав этим послам, что, несмотря на такие его поступки, никто из города не решается выйти ему навстречу. После этого он расположился лагерем близ Лехея. Фиванских послов он в город не пропустил, а отправил их назад по морю в Кревсиду. Лакедемоняне же не привыкли к поражениям, подобным происшедшему, и лакедемонское войско было охвачено глубоким горем. Не горевали только те, у которых сыновья отцы или братья погибли, не сходя со своего места; они веселые расказывали по лагерю, с видом победителей, как бы гордясь несчастьем, постигшем их родственников. Обстоятельства же упомянутого поражения лакедемонского отряда таковы. Жители Амика всегда возвращаются на родину на праздник Гиакинфий для пэана, даже если они находятся в походе или вообще вне родины. В тот раз Агесилай оставил амиклейцев, находившихся во всех частях войска, в Лехее. Заведывавший охраной города полемарх поставил на караульные посты в крепости гарнизон союзников, а сам с морей³ всадников и тяжеловооруженных провожал амиклейцев мимо Коринфской городской крепости. На расстоянии приблизительно двадцати или тридцати стадий от Сикиона полемарх с тяжеловооруженными, которых было около шестисот, повернул назад к Лехею, а гиппармосту с отрядом всадников приказал, проводив амиклейцев до того места, до которого они сами прикажут, догонять тяжеловооруженных. Они хорошо знали, что в Коринфе было много и пельтастов и тяжеловооруженных, но, так как прежде на них никто не нападал, они пренебрегли этой опасностью. Их заметили из Коринфской крепости стратег афинских тяжеловооруженных Каллий, сын Гиппоника, и Ификрат, начальник пельтастов. Увидя, что врагов немного, и что при них нет ни пельтастов, ни всадников,
- 10
- 11
- 12
- 13

¹ Так как стало ясно, что битва уже окончилась и он ничем не может помочь.

² Так как весть о поражении спартанцев вдохнула в них новое мужество.

³ См. коммент. к кн. VI, гл. VI, § 12.

афиняне решили, что можно без всякого риска напасть на них с отрядом пельтастов. При этом они рассчитывали, что если противники будут продолжать следовать по тому же пути, то они погибнут, поражаемые дротиками в невооруженные части;¹ если же те попытаются преследовать их, то им со своими подвижными пельтастами без труда удастся убежать от гоплитов. С таким расчетом они выводят войско из крепости; Каллий выстроил гоплитов недалеко от города,² а Ификрат с пельтастами напал на лакедемонян. Последние были осыпаны градом дротиков и кое-кто был ранен, а некоторые убиты. Гипаспистам было приказано подобрать пострадавших и внести их в Лехей, и только они и спаслись в действительности из всего отряда. Полемарх же³ приказал призывным последних десяти лет преследовать неприятеля. Воины бросились преследовать, но не могли, будучи гоплитами, причинить никакого вреда пельтастам, находясь от них на таком расстоянии, какое может пролететь брошенный дротик.⁴ Ификрат приказал своим двинуться назад прежде чем гоплиты соберутся вместе. В то время как лакедемонские гоплиты отступали в беспорядке, так как они нападали с величайшей быстротою, воины Ификрата опять повернули назад и стали метать дротики с фронта, а, кроме того, другие пельтасты подбежали с фланга, поражая невооруженные части. Тотчас же, при первом натиске, они поразили дротиками десять или одиннадцать лакедемонян, после чего стали нападать с еще большей уверенностью. Так как лакедемоняне попали в трудное положение, полемарх приказал на этот раз уже призывным последних пятнадцати лет преследовать врага, но при отступлении они потеряли больше воинов, чем в первый раз. Когда цвет войска уже погиб, к лакедемонянам пришла на помощь конница,⁵ и вместе с ней они снова стали преследовать врага. Но при отступлении пельтастов всадники нападали недостаточно храбро: они не старались настичь кого-нибудь и убить, а только сопровождали пехотные отряды, делающие вылазки, находясь с ними на одной линии, и вместе с ними и преследовали врага и отступали. Поступая так же, как пехотинцы, они несли при каждой вылазке такой же урон, как и те: таким образом лакедемонское войско становилось все более малочисленным и робким, а враг становился все отважнее, и число решавшихся нападать становилось все больше. В полной растерянности лакедемоняне заняли невысокий холм, отстоящий на две стадии от моря и на шестнадцать или семнадцать стадий от Лехея. Заметив это, гарнизон, находившийся в Лехее, разместился на лодках и проплыл морем до места, ближайшего к холму. Но в это время лакедемоняне, и без того уже доведенные до края

¹ Т. е. в правый фланг, так как Коринф находился вправо от дороги, ведущей из Амика в Лехей.

² Коринфа.

³ См. коммент. к кн. VI, гл. 4, § 12.

⁴ Так как гоплиты не имели никаких метательных орудий.

⁵ О которой упоминалось выше, §§ 11—12.

гибели перенесенными ими неудачами, потерями и полной невозможностью применить свои силы, увидели, что из-под Коринфа идут на помощь их врагам гоплиты.¹ Этого было достаточно для того, чтобы они обратились в бегство. Некоторые из них бросились в море, а немногие, в том числе всадники, спаслись в Лехей. Во всех этих битвах и во время бегства погибло около двухсот пятидесяти человек.² Так закончилось это столкновение.

После этого Агесилай ушел, забрав с собой остатки пострадавшего отряда, взамен которого в Лехее был оставлен другой. Двигаясь на родину, он останавливался в попутных городах, прибывая в них как можно позже и выходя из них как можно раньше. Так он, поднявшись рано утром, вышел из Орхомена и прибыл в Мантинею еще в тот же день в сумерки, — так тяжело было его воинам видеть, как мантинейцы будут радоваться их несчастью. После этого и в остальном Ификрата сопровождала удача. Он взял Сидунт и Кроммион, где стоял гарнизон, поставленный Пракситом по взятии этих крепостей,³ и Эною, где Агесилай поставил гарнизон, взяв Пирей.⁴ В Лехее же остался гарнизон лакедемонян и их союзников. Коринфские изгнанники, не имея уже возможности прибыть пешком из Сикиона вследствие поражения, понесенного лакедемонской морой, поплыли по морю в Лехей и, пользуясь им как базой, с переменным счастьем атаковали Коринф.

Калидон, издавна принадлежавший к Этолии, теперь был занят ахейцами, давшими калидонцам право ахейского гражданства. После описанных событий они вынуждены были оставить здесь гарнизон. Акарнанцы пошли походом на Калидон; к ним, согласно союзному договору, присоединились в небольшом числе афиняне и беотийцы. Теснимые врагом, ахейцы послали послов в Лакедемон. Послы прибыли в Лакедемон и заявили, что лакедемоняне несправедливы по отношению к ахейцам. «Мы, — сказали они — по первому вашему зову выставили свои контингенты в союзное войско и следовали за вами, куда вы нас ни вели. Вам же нет никакого дела до нас, когда нас осаждают акарнанцы и их союзники афиняне и беотийцы. Мы не можем допустить, чтобы такое положение продолжалось: нам останется одно из двух — или приказать нашим контингентам оставить союзное войско и, устранившись от участия в пелопоннесской войне, отправиться всей массой для борьбы с акарнанцами и их союзниками, или же заключить с ними мир на таких условиях, на каких будет возможно». Вот что говорили они; при этом они угрожали лакедемонянам расторгнуть союзный договор, если те не придут к ним на помощь. После этих речей эфоры и народное собрание постановили, что необходимо отправить походом вместе с ахейцами против акарнанцев. Был послан Агесилай с двумя

¹ Под командой Каалия. См. § 14.

² Цифра эта, вероятно, преуменьшена, так как в море входило около 600 человек, а спастись удалось только очень немногим.

³ См. гл. 4, § 13.

⁴ См. выше, § 5.

морями лакедемонян и соответственным числом союзников, ахейцы же пошли в этот поход всенародным ополчением. Когда Агесилай переправился в Акарнанию, все сельские жители бежали в города, угнав скот как можно дальше, чтобы он не попал в руки лакедемонян. Подойдя к границе вражеской страны, Агесилай послал в Страт, к правительству Акарнанского союза, посла, который должен был передать, что, если акарнанцы не расторгнут союза с беотийцами и афинянами и не станут на сторону лакедемонян и их союзников, Агесилай предаст систематическому опустошению всю их страну и не оставит ни одного живого места. Так как они не повиновались, он исполнил свою угрозу и систематически вырубал все, что находил в их стране, не проходя в день более десяти или двенадцати стадий. Акарнанцы, полагая вследствие медленности продвижения войска, что они находятся в безопасности, привели обратно с гор в долины стада и вспахали большую часть земли. Когда Агесилай увидел, что они вовсе перестали его бояться, он на пятнадцатый или шестнадцатый день после вторжения в Акарнанию, рано утром, совершив жертвоприношение, отправился в поход, до наступления сумерек прибыл к озеру,¹ около которого находились почти все стада акарнанцев, и захватил огромное количество быков, лошадей, всякого другого скота и рабов. В этом месте он пробыл весь следующий день и продал с публичного торга пленных. Сюда пришли в большом числе акарнанские пельтасты и стали из луков и дротиков стрелять с вершины в войско, расположившееся у подножия горы. Они при этом не понесли никакого урона, но заставили Агесилая перенести лагерь на открытую равнину, несмотря на то, что войско как раз в это время уже садилось за ужин. С наступлением ночи акарнанцы ушли, а воины, оставив гарнизон, легли спать. На следующий день Агесилай с войском вышел из этого места. Равнина и пастбище, примыкавшие к озеру, были со всех сторон окружены горами, через которые вел узкий выход. Акарнанцы заняли вершины гор, метали сверху копья и дротики, по временам нападали на войско, сбегая к подошве гор, и не давали войску никакой возможности пройти. Гоплиты и всадники, выбегая из строя, преследовали их при каждом нападении, но не могли причинить им никакого ущерба, так как акарнанцам достаточно было самого короткого времени, чтобы успеть отступить на неприступные позиции. Агесилай, считая затруднительным пройти через ущелье при таком положении вещей, решил преследовать ахейцев, нападавших на него с левого фланга, хотя они и были очень многочисленны, — в этом месте подъем на гору был легче как для гоплитов, так и для всадников. В то время как он приносил жертву, акарнанцы усиленно наступали, бросая стрелы и дротики, подошли совсем близко и нанесли много ран. Когда было дано приказание взбираться на гору, впереди побежали из числа гоплитов призывные последних пятнадцати лет, за ними всадники,

¹ Нам неизвестно, что это за озеро.

- 11 сам же Агесилай со своим войском следовал сзади. Спустившиеся вниз акарнанцы, осыпаемые градом стрел, быстро были обращены в бегство и погибли, подымаясь на гору. На вершине были выстроены акарнанские гоплиты и большая часть из пельтастов; они сохранили за собой позиции, пока не выпустили всех снарядов, в том числе и копий,¹ при этом они нанесли раны всадникам и убили несколько лошадей. Однако, когда им предстояло уже схватиться с лакедемонскими гоплитами в рукопашную, они обратились в бегство; всего их погибло в этот день около трехсот. После этого Агесилай поставил трофей. Затем он обошел всю страну, предавая ее огню и мечу. На некоторые города он шел также приступом, понуждаемый к тому ахейцами, но не взял ни одного. С наступлением осени он удалился из Акарнании. Ахейцы считали его поход совершенно безрезультатным, так как он не взял ни одного города ни силой, ни увещанием, и просили его по крайней мере хоть подождать до тех пор, пока не придет время посева, и он помешает акарнанцам совершить его. Агесилай же ответил ахейцам, что их совет противоположен тому, что действительно полезно. «Я, — сказал он, — снова приду сюда с наступлением следующего лета; что же касается акарнанцев, то, чем больше они посеют, тем больше они будут желать мира». Сказав это, он отправился по суше через
- 14 Этолию по таким путям, по которым невозможно против воли этолийцев пройти не только большому войску, но даже небольшому отряду. Агесилаю же они предоставили возможность пройти, надеясь, что при его содействии им удастся захватить Навпакт. Дойдя до Рийского хребта, он перевалил через него и пошел домой по суше, так как при переправе из Калидона в Пелопоннес по морю угрожала опасность подвергнуться нападению афинских триэр, имевших базу в Эниадах.
- 7 1 После того как прошла зима, Агесилай, верный своему обещанию, данному ахейцам, с наступлением весны снова объявил поход на Акарнанию. Акарнанцы, узнав об этом и считая, что для них истребление хлеба равносильно блокаде, так как их города расположены вдали от морского берега, отправили послов в Лакедемон и заключили мир с ахейцами и союз с лакедемонянами. Так окончилось столкновение с акарнанцами.
- 2 После этого лакедемоняне объявили поход на Аргос, так как они считали рискованным делом отправиться походом на Афины и Беотию, оставив позади враждебное Лакедемону соседнее с ним и столь крупное государство, как Аргос. Агесиполид, узнав, что ему вверено начальствование в этом походе, после того как диабатеры дали хорошие предзнаменования, отправился в Олимпию к оракулу и спросил бога,² благочестиво ли он поступит, если не примет перемрия, предложенного аргивянами, которые ссылались на наступление праздничных месяцев. По мнению Агесиполида, этот месяц наступал у них не тогда, когда он должен был

¹ Вовсе не предназначенных для метания.

² Зевса Олимпийского.

наступить по календарю, а всякий раз, как¹ они слышали, что лакедемоняне собираются итти на них войной. Божество изъявило ему через свои знаменья, что вполне благочестиво не принимать перемирия, если оно является только придиркой, выставленной без всякого законного основания. Оттуда он немедленно отправился в Дельфы и спросил Аполлона, держится ли и он по поводу перемирия такого же мнения, как его отец. Аполлон в самой решительной форме одобрил поведение Агесиполида. Агесиполид, получив такие ответы от богов, вывел войско из Флиунта, где оно у него собиралось, пока он путешествовал по святыням, и вторгся в Арголиду через Немею. Аргивяне, увидев, что они не в состоянии будут воспрепятствовать вторжению, послали к нему по своему обыкновению двух вестников в венках с заявлением о перемирии. Агесиполид ответил, что боги признали это заявление несправедливым; поэтому он отказался принять перемирие и совершил вторжение, произведя страшный переполох и панику в деревнях и городе. Когда он ужинал в первый вечер своего пребывания в Арголиде, — во время возлияния, совершаемого после ужина, произошло землетрясение. Тогда «обедающие в царской палатке»² запели пэан Посидону, а все прочие вторили им. Воины полагали, что следует уйти из Арголиды, так как и Агис после землетрясения удалился из Элиды.³ Агесиполид возразил на это, что если бы землетрясение произошло тогда, когда он собирался вторгнуться в Арголиду, он бы считал, что божество против похода; если же землетрясение произошло уже после вторжения, то оно только знак божеского одобрения. Поэтому он на следующий же день принес жертву Посидону и продвинулся на некоторое расстояние вглубь страны. В виду того, что Агесилай за короткое время⁴ перед тем также совершил поход на Аргос, Агесиполид, разузнав у солдат, как близко Агесилай подходил к стенам Аргоса и до каких мест он опустошал страну, во всем старался его перецеголять, точно они состязались во всех пяти видах борьбы. Ему случалось, уже перейдя через ров, отступить через него назад под градом стрел, бросаемых с укреплений; зато однажды, когда большинство аргивян отправилось опустошать Лаконию, он подошел так близко к городским воротам, что воины, приставленные аргивянами для охраны ворот, заперли ворота и не дали войти в город беотийским всадникам, боясь, чтобы вместе с ними не вторглись через ворота и лакедемоняне. Поэтому эти всадники были принуждены стоять под бруствером, прижавшись, подобно летучим мышам, плотно к стене, и если бы как раз в это время критяне⁵ не ушли из-под Аргоса для совершения набега на Навплию, много людей и лошадей погибло бы от стрел. После этого, в то время как Агесиполид стоял лагерем перед огра-

¹ См. коммент. к гл. 4, § 19.

² См. коммент. к гл. 5, § 8.

³ См. кн. III, гл. 2, § 24.

⁴ За два года. См. гл. 4, § 19.

⁵ Ср. гл. 2, § 16. Критские стрелки служили в лакедемонском войске.

дой,¹ — в его войско ударила молния, и в войске погибло несколько человек, — одни от страха, а другие — пораженные молнией. Некоторое время спустя он приносил жертву по поводу предполагаемого им сооружения крепости в теснине под Келусой. Жертвоприношения дали дурные предзнаменования;² поэтому он вывел войско из Аргolidы и распустил по домам. Его вторжение, благодаря своей неожиданности, принесло большой вред аргивянам.

- 8 1 Такими событиями ознаменовалась война на суше.³ Теперь я перейду к описанию событий, происшедших в то же время на море и в приморских городах, причем я буду описывать лишь наиболее достопамятные события, пропуская несущественные факты. Фарнабаз и Конон, как только они победили лакедемонян в морской битве,⁴ поплыли по островам и приморским городам, изгоняя лаконских гармостов; они уверяли жителей этих городов, что они не будут оставлять гарнизонов в их крепостях, а предоставят им полную автономию. Услышав это, последние обрадовались, превозносили Фарнабазу и слали ему щедрые дары. Конон поучал Фарнабазу, что, если он будет поступать таким образом, все города будут к нему дружественно расположены; если же обнаружится, что он хочет их поработить, то, говорит Конон, каждый город в отдельности может причинить ему много хлопот, а кроме того возникнет опасность, чтобы греки,⁵ узнав об этом, не возмущались сообща.
- 3 Фарнабаз следовал его советам. Отправившись в Эфес, он дал Конону сорок триер, приказав ему двинуться в Сест, где войска снова встретятся; сам же он направился сухим путем в свою сатрапию. Деркилид, бывший его давнишним врагом,⁶ находился во время морской битвы⁷ в Абидосе; он не покинул города, как другие гармосты, но удержал за собой Абидос и сохранил его
- 4 дружественным лакедемонянам. Он созвал абидосцев и сказал им следующее: «Теперь вы имеете возможность в дополнение к вашей прошлой дружбе к нашему государству проявить себя истинными благодетелями лакедемонян. Нет ничего доблестного в том, что люди верны своим друзьям, когда они счастливы; но такого друга помнят до гроба, который остается верным в несчастье. К тому же дело обстоит вовсе не так, что, вследствие поражения на море, мы потеряли всякую силу: ведь и прежде, когда афиняне властвовали на море, наш город был, само собой разумеется, в силах награждать друзей и мстить врагам. То, что от нас отвернулись в этом несчастье другие города, еще увеличивает значение вашей верности. Если же кто-нибудь из вас боится того, что мы будем осаждены и

¹ Что это за ограда — нам неизвестно.

² Точнее: печень оказалась без одной дольки, что считалось дурным предзнаменованием. Ср. кн. III, гл. 4, § 15.

³ Война эта носит обыкновенно название Коринфской.

⁴ При Книде. См. гл. 3, § 11 и след.

⁵ Имеются в виду греки метрополии, которые в таком случае могут забыть о внутренней вражде и объединиться.

⁶ См. кн. III, гл. 1, § 9.

⁷ При Книде.

с суши и с моря, то пусть он обратит внимание на то, что греческого флота еще нет на море; если же варвары попытаются владычествовать над морем, то Греция этого не допустит и, таким образом, радея о собственной пользе, сделается вашим союзником». Услышав это, абидосцы повиновались по доброй воле и даже с рвением. Они дружелюбно принимали бежавших к ним гармостов и даже зазывали к себе других, не прибывших к ним. Деркилид после того как в город собралось много надежных людей, переправился в Сест, расположенный как раз против Абидоса и отстоящий от него не более чем на восемь стадий. Он собрал к себе всех тех, которые получили земли на Херсоннесе от лакедемонян: он принял также и тех гармостов, которые были изгнаны из европейских городов, увещывая их не унывать и подумать о том, что и в Азии, спокон века принадлежавшей царю, жители маленького городка Темноса, Эг и некоторых других местностей в состоянии просуществовать, не будучи подданными царя. «Вдобавок, — сказал он, — где вы найдете укрепление сильнее и неприступнее Сеста, для осады которого были бы необходимы и корабли и сухопутные силы?». Такими речами он рассеял их страх. Фарнабаз, застав Абидос и Сест в таком положении, объявил жителям этих городов, что, если они не прогонят лакедемонян, он пойдет на них войной. Когда же они не повиновались, он приказал Конону препятствовать их выходу в море, а сам опустошал Абидосскую область. Не добившись этим ничего в деле покорения абидосцев, он ушел на родину, приказав Конону позаботиться о том, чтобы из прилегающих к Геллеспонту городов к весне был собран как можно больший флот. Гневаясь на лакедемонян за все то, что он претерпел, он считал настоятельной необходимостью отправиться походом в их страну и всячески отомстить им. Вся зима прошла в этих приготовлениях. С наступлением весны Фарнабаз экипировал большое количество судов и, собрав наемное войско, поплыл вместе с Кононом между островами (Архипелага. — С. Л.) в Мелос; там они устроили базу и отправились дальше в Лакедемон. Причалив к берегу прежде всего в Ферах, он опустошил окрестности этого города; затем он и в других местах морского побережья сходил с корабля и всячески опустошал страну. Но, опасаясь лакедемонского войска, недостатка в съестных припасах, а также того, что в этой стране не было хорошей гавани, он через короткое время отплыл назад и причалил к Феникунту на Кифере. Те, в чьих руках был город,¹ из страха, что они будут взяты приступом, покинули крепость, заключив с Фарнабазом перемирие, гарантировавшее свободный пропуск в Лаконию. После этого Фарнабаз привел в боевую готовность Киферские укрепления и оставил в Кифере гармостом афинянина Никофема² с гарнизоном. Выполнив это, он причалил к Коринфскому Истму и обратился здесь к союзникам с увещанием храбо

¹ Т. е. киферские аристократы.

² В рукописях Диодора (XIV, 81, 4) он ошибочно назван Никодемом. См. в комментарии цитату из Лисия и там же примечание.

сражаться и выказать себя верными персидскому царю. Затем он оставил им все деньги, которые имел с собой, и отплыл домой. 9 Конон заявил Фарнабазу, что если тот оставит в его распоряжении флот, то он будет добывать провиант при помощи фуражировки с островов, благодаря чему он сможет вернуться на родину и помочь афинянам восстановить их Длинные стены¹ и стены вокруг Пирея. «Я хорошо знаю, — говорил он, — что лакедемонянам это будет крайне тягостно, и таким образом ты в одно и то же время угодишь афинянам и отомстишь лакедемонянам: одним ударом ты уничтожишь плод их долгих усилий».

10 Услышав это, Фарнабаз охотно отправил его в Афины, дав ему с собой денег на восстановление стен. Конон прибыл в Афины и восстановил большую часть стены, причем работа эта производилась как его экипажем, так и нанятыми за плату плотниками и каменщиками: он же выдавал деньги и на все прочие нужды. Над постройкой других частей стены работали, кроме самих афинян, Беотия и другие государства, добровольно присоединившиеся к ним. Коринфяне на те деньги, что им оставил Фарнабаз, экипировали суда; при помощи этого флота, руководимого вновь назначенным навархом Агафином, они господствовали в заливе, омывающем берега Ахеи и Лехей.² 11 Лакедемоняне также экипировали флот под командой Поданема. Последний погиб при каком-то падении; его эпистолей³ Поллид также был ранен и принужден уйти от флота; поэтому начальствование над флотом перенял Гериппид. Преемник Агафина коринфянин Проэн оставил Рий, который был вслед затем занят лакедемонянами. После Гериппида начальство над флотом перешло к Телевтию,⁴ которому удалось снова овладеть заливом.

12 Лакедемоняне слышали, что Конон восстанавливает на царские деньги афинские укрепления и что он им подчиняет острова и приморские материковые города при помощи флота, содержимого на те же средства. Поэтому они решили, что если они познакомят со всем этим Тирибазу, царского старатега, то Тирибаз или перейдет на сторону лакедемонян, или по крайней мере хоть прекратит выдачу субсидий флоту Конона. Приняв такое решение, они послали к Тирибазу Анталкида с поручением действовать в этом направлении и добиваться заключения мира между царем и лакедемонянами. 13 Узнав об этом, и афиняне отправили вместе с Кононом посольство к Тирибазу, состоявшее из Гермогена, Диона, Каллисфена и Каллимедонта. Союзникам было предложено, чтобы и они прислали представителей в это посольство; на этот зов откликнулись представители беотийцев, Коринфа и Аргоса. 14 По прибытии к Тирибазу Анталкид обратился к нему с заявлением, что он прибыл ходатайствовать о мире, условия которого совпадают с

¹ Об их разрушении см. кн. II, гл. 2, § 23.

² Т. е. в Коринфском заливе.

³ См. коммент. к кн. I, гл. 1, § 23.

⁴ Брату Агесилая. См. гл. 4, § 19.

волей царя: лакедемоняне не оспаривают у царя греческих городов, находящихся в Азии; с них достаточно того, чтобы прочие города и все острова были провозглашены автономными. «Поскольку мы согласны на эти условия, — сказал он, — чего ради царь станет всевать с нами и расходовать деньги? Ведь теперь никто уже не сможет итти войной на царя: ни афиняне, так как они не будут руководить нами, ни мы, так как все города станут автономными». Тирибаз пришел в восторг, услышав эти речи Анталкида, но на противников они произвели как раз обратное впечатление.¹ Афиняне не желали согласиться на автономию островов, боясь, что им придется лишиться Лемноса, Имброса и Скироса; фиванцы — из страха, что их заставят признать независимыми беотийские города; аргивяне — полагая, что при таком мирном договоре они теряют всякую возможность владеть Коринфом, как частью Аргосского государства,² что было предметом их постоянных вожделений. Таким образом, мир не удался, и послы разошлись по домам.

Тирибаз считал непрочным формальное соглашение с лакедемонянами без санкции царя; но он дал тайком Анталкиду деньги, чтобы афиняне и их союзники, узнав о снаряжении флота лакедемонянами, сильнее почувствовали необходимость принять эти мирные условия. Он признал, что лакедемоняне были правы, обвиняя Конона в преступлении против царя, и заключил его в темницу. После этого он отправился вглубь страны к царю, чтобы передать ему предложение лакедемонян, сообщить, что Конон арестован как преступник, и спросить, как ему держать себя при всех этих обстоятельствах. В виду того, что Тирибаз был в глубине страны, при дворе, царь прислал Струфа для начальствования над морским побережьем. Этот Струф был ревностным сторонником афинян и их союзников, так как он хорошо помнил, каким бедствиям подверг владения царя Агесилай. Лакедемоняне увидели, что Струф относится к ним враждебно, а к афинянам дружелюбно, и послали для борьбы с ним Фиброна. Фиброн перешел через Гелеспонт и предавал опустошению царские владения, пользуясь, как базами, Эфесом и расположенными в долине Меандра городами Приеной, Левкофрием и Ахиллеем. Прошло немного времени, и Струф заметил, что Фиброн из презрения к противнику при нападениях не выстраивает войска в боевой порядок. Поэтому он приказал всадникам выехать на равнину, совершить набег на греческое войско и, окружив часть его, угнать с собой все, что только будет возможно. Фиброн занимался после завтрака метанием диска в обществе флейтиста Ферсандра (этот Ферсандр был не только хорошим флейтистом, но, как человек с лаконскими привычками, был искусен в физических состязаниях). Струф, увидя, что греки движутся в беспорядке и что в первых рядах очень мало воинов, неожиданно

¹ Место темное и несомненно испорченное. Перезоужу по смыслу.

² См. гл. 4, § 6.

появляется во главе многочисленной и правильно построенной конницы. Первыми были убиты Фиброн и Ферсандр; после их гибели удалось обратить в бегство и все остальное войско. При преследовании очень многие были убиты; лишь некоторым удалось найти спасение в союзных городах, большинство же (погибло),¹ так как слишком поздно заметили, что враг нападает. Струф часто нападал на врага без предупреждения; так он поступил и в этот раз. Таковы были обстоятельства этого столкновения.

- 20 В это же время прибыли в Лакедемон родосские аристократы, изгнанные народом, и убеждали, что недостойно лакедемонян терпеть, чтобы Родос находился под афинской властью и чтобы афиняне настолько увеличили этим свое могущество. Лакедемоняне понимали, что, если верх возьмет демократия, то весь Родос попадет в руки афинян, если же богачи, то он достанется им. Поэтому они снарядили восемь судов, назначив навархом Эдикка. С этим же флотом был послан и Дифрид;² последнему было приказано, переправившись в Азию, идти на защиту городов, открывших ворота Фиброну, а затем присоединить к себе уцелевшую часть войска и, собрав, по мере возможности, новое войско, выступить против Струфа. Дифрид приступил к выполнению этого поручения очень удачно: так, ему удалось захватить в плен Тиграна вместе с женой его, дочерью Струфа, в то время как тот ехал в Сарды. Дифрид взял у него большой выкуп за освобождение, что дало ему возможность тотчас же после этого раздать жалованье воинам.
- 22 Он был способен внушить к себе любовь не в меньшей степени, чем Фиброн, но был более преданным делу и более энергичным полководцем. Он никогда не становился рабом физических удовольствий и посвящал себя целиком тому делу, за которое он брался. Эдикк, приплыв к Книду, узнал, что на Родосе демократия захватила в свои руки всю власть и одержала победу и на море и на суше, обладая триэрами, в два раза превосходящими по численности его флот. Получив эти сведения, Эдикк остался на Книде, ничего не предпринимая. Узнав, что Эдикк не располагает достаточными силами, чтобы помочь друзьям, лакедемоняне приказали Телевтию плыть вокруг Пелопоннеса к Эдикку с теми двенадцатью кораблями, которые находились под его командой в заливе, омывающем Ахею и Лехей,³ и велеть ему вернуться на родину. Телевтию же поручалось позаботиться о тех, которые изъявляли желание быть друзьями лакедемонян, и всячески вредить врагу.
- 23 Прибыв на Самос и присоединив самосские корабли к своей эскадре, Телевтий отплыл в Книд; Эдикк же вернулся на родину. Затем Телевтий поплыл в Родосу, имея уже под командой 27 кораблей. По пути он встретил Филократа, сына Эфиальта; последний плыл с десятью триэрами на Кипр на соединение с флотом Евагора. Все эти десять триэр были захвачены Телевтием. При

¹ Текст искажен. Добавляю это слово для смысла.

² В качестве начальника сухопутной армии.

³ См. выше, § 10.

этом и афиняне и лакедемоняне делали совершенно обратное, по сравнению с тем, что им надлежало делать: афиняне, будучи в дружбе с царем, слали Евагору помощь для борьбы с ним; Телевтий уничтожил силы, шедшие на войну с царем, тогда как лакедемоняне с ним воевали. Затем он снова поплыл на Книд, продал там с аукциона свою добычу и снова вернулся к Родосу на помощь лаконофильской партии. 24

Увидев, что лакедемоняне снова усиливаются на море, афиняне выслали против них Фрасибула стирийца с флотом из сорока кораблей. Выплыв в море, он решил не плыть к Родосу, считая, что нелегко будет наказать лакедемонских союзников, так как в их руках укрепление¹ и вдобавок там же находился их союзник Телевтий с флотом. Кроме того он полагал, что и без его помощи афинская партия устоит против своих противников, так как ее сторонники были более многочисленными, владели городами и вышли уже победителями из битвы. Он поплыл в Геллеспонт, где рассчитывал без сопротивления достичь выгод для отечества. Узнав, что царь одрисов Медок и владыка приморской области Севф² враждовали между собой, он помирил их и убедил вступить в дружественный союз с афинянами; при этом он полагал, что, заручившись их дружбой, ему скорее удастся склонить на сторону афинян греческие города на Фракийском побережье. Во всем этом афиняне имели успех; кроме того, благодаря дружбе персидского царя, и малоазиатские города были расположены к афинянам. Затем Фрасибул поплыл в Византий, где сдал на откуп десятипроцентную пошлину с товаров, вывозимых из Понта. Олигархический строй, бывший в это время в Византии,³ он заменил демократическим; поэтому нахождение в городе очень большого числа афинян не вызывало неудовольствия византийского народа. Выполнив все это и склонив на сторону афинян калхедонцев, он выплыл из Геллеспонта. Все города Лесбоса, исключая Митилену, были на стороне лакедемонян; поэтому он не пристал ни к одному из этих городов, а первым делом высадился в Митилене и составил здесь войско из четырехсот гоплитов, находившихся на его судах, и из бежавших граждан лесбийских городов, нашедших приют в Митилене. Сюда он присоединил еще наилучшую часть митиленского войска. Митиленцам он внушил надежду, что если он возьмет города, то он предоставит им верховную власть над всем Лесбосом. Изгнанников Фрасибул обнадежил, что если они соберутся вместе и всей массой пойдут против каждого города в отдельности, то у всех их хватит сил, чтобы добиться возвращения в отечество. Морских воинов он соблазнил тем, что если им удастся склонить Лесбос на сторону афинян, то в их распоряжении окажется 25 26 27 28 29

¹ Не укрепления самого Родоса, а небольшой укрепленный пункт близ этого города. См. Д и о д о р, XIV, 99, 5.

² См. кн. III, гл. 2, § 2.

³ Он был введен здесь Лисандром, покорившим Византий в 404 г. после битвы при Эгоспотамах (см. выше, кн. II, гл. 2, § 2).

много свободных денег. После таких увещаний он выстроил войско и повел его к Мефимне. Услышав, что Фрасибул приближается. Феримах, бывший в то время лакедемонским гармостом, вышел ему навстречу к границе с войском, составленным из его морских воинов, мефимнских граждан и находившихся в Мефимне митиленских изгнанников. В происшедшем столкновении Феримах погиб, а войско его бежало, причем многие были убиты. После этого Фрасибул принудил часть лесбийских городов перейти на сторону афинян; территорию же тех государств, которых ему не удалось подчинить, он предал разграблению и вырученные от продажи добычи деньги раздал воинам. Затем он поспешно отправился на Родос. Для укрепления духа войска он собрал дань со многих городов и причалил к Аспенду, въехав в русло реки Евримедонта. Он собрал уже дань с аспендийцев, когда жители, разгневавшись за грабежи, произведенные воинами на их полях, ночью напали на его палатку и изрубили его.

Так погиб Фрасибул, стяжавший славу доблестного мужа. Афиняне выбрали ему заместителем во флоте Агиррия. Лакедемоняне же, узнав, что афиняне сдали на откуп десятичную подать в Византии и овладели Калхедоном и что и остальные геллеспонтские города расположены к афинянам вследствие дружбы их с Фарнабазом, решили, что необходимо принять меры. Хотя на Деркилида¹ не было никаких нареканий, однако Анаксибию, благодаря дружбе с эфорами, удалось добиться того, что ему было приказано плыть в Абидос, куда он был назначен гармостом. Он обещал, в случае если ему дадут необходимые средства и корабли, вступить в борьбу с афинянами и добиться того, что дела на Геллеспонте примут для них дурной оборот. Лакедемоняне дали Анаксибию три триэры и ассигновку, достаточную для уплаты тысяче наемников, и он отправился в путь. Прибыв на место, он собрал наемное сухопутное войско, склонил к отложению от Фарнабаза некоторые эолийские города и пошел походом на те государства, войска которых выступили против Абидоса, предавая опустошению их территорию. В Абидосе он экипировал еще три корабля и захватывал все попадавшиеся ему грузовые суда афинян и их союзников. Узнав об этом, афиняне, опасаясь потери того, что им удалось достигнуть на Геллеспонте благодаря Фрасибулу, послали против Анаксибия Ификрата² с флотом из восьми кораблей и тысячею двумястами пельтастов, большая часть которых служила уже под его командой в Коринфе. После того как аргивянам удалось сделать Коринф частью Аргосского государства,³ они заявили, что больше в его войсках не нуждаются. Причиной этого было то, что он казнил нескольких приверженцев аргивской партии. Тогда он отбыл в Афины. Таким образом он оказался в это время на родине. Он отплыл на Херсоннес, и первое время военные

¹ Абидосского гармоста. См. выше, § 3.

² См. выше, гл. 4, § 9, и гл. 5, § 19.

³ См. гл. 4, § 3 и след.

действия заключались лишь в том, что Анаксибий и Ификрат грабили территорию городов, ставших на сторону их противников. Но через некоторое время Ификрат узнал, что Анаксибий во главе войска, состоящего из наемников, лакедемонян его свиты и двухсот абидосских гоплитов, отправился походом на Антандр; до него дошли также слухи, что Анаксибию удалось уже склонить Антандр на сторону лакедемонян. Он рассчитывал, что Анаксибий, оставив там гарнизон, вернется назад и отведет абидосцев на родину. Поэтому он переправился ночью в самое пустынное место Абидосской области и, взобравшись на горы, устроил засаду. Триерам, на которых он переправился, он приказал отплыть на рассвете вверх по Геллеспонту мимо берегов Херсоннеса, чтобы произвести впечатление, что он производит обычную экспедицию для сбора дани. Он не ошибся в своих расчетах: Анаксибий действительно поплыл назад, несмотря на то, что, по слухам, в этот день жертвоприношение не дало ему благоприятных предзнаменований. Он не обратил на это внимания, так как плыть приходилось мимо дружественных областей в дружественный город, и плыл тем беззаботнее, что узнал от встречных об отправлении Ификрата вверх по Геллеспонту по пути в Проконнес. Ификрат же не выходил из засады, пока войско Анаксибия шло по ровной местности. Он выбрал момент, когда передовые отряды абидосцев были уже в равнине близ Кремасты, где находятся их золотые рудники, остальное войско следовало за ними вниз по склону, а Анаксибий со своими лакедемонянами только стал спускаться с горы, — и, выскочив из засады, бегом бросился на войско Анаксибия. Тут Анаксибий понял, что нет уже надежды на спасение, так как он видел, что его войско растянуто по длинному ущелью, и ему было ясно, что передовые отряды не могут взобраться вверх по крутому склону и притти ему на помощь; положение усугублялось еще всеобщей паникой, вызванной неожиданной засадой. Тогда он обратился к воинам со следующими словами: «Мне, о мужи, подобает погибнуть на этом месте; вам же советую искать спасения, не вступая в бой с врагом». С этими словами он взял щит у оруженосцев и, сражаясь, пал, не сходя со своего места. Кроме него, врага встретили лицом к лицу лишь юноша — его возлюбленный — и около двенадцати лаконских гармоств, прибывших из своих городов; все они пали, сражаясь. Прочие же бежали и гибли, отступая, причем афиняне преследовали их до самого города. Тогда погибло около пятидесяти абидосских гоплитов и прочих около двухсот. Выполняя это предприятие, Ификрат отплыл назад на Херсоннес.

К Н И Г А П Я Т А Я

1 1 Такова история борьбы на Геллеспонте между афинянами и лакедемонянами.

До этих пор у эгинцев были оживленные международные отношения с афинянами. Но, когда разразилась открытая морская война, Этеоник¹ снова появился на Эгине и с согласия эфоров разрешил всем желающим совершать грабительские набеги на Атику. Теснимые эгинцами, афиняне послали на Эгину стратега Памфила с гоплитами, окружили Эгину осадными сооружениями и осаждали ее как с суши, так и с моря, располагая флотом из десяти триэр. Телевтий² в это время находился где-то в Архипелаге, куда он отправился взыскивать дань; услыша об этих осадных приготовлениях, он устремился на помощь эгинцам. Он заставил удалиться афинский флот, но в осадных укреплениях Памфила удалось удержаться.

После этого прибыл из Лакедемона новый наварх Гиерак. Он вступил в управление флотом, а Телевтий отплыл на родину, сопровождаемый трогательными знаками уважения. На всем пути его от ставки до морского берега не было война, который бы не подошел пожать ему руку; каждый встречный считал своим долгом украсить его венком или лентой; даже те, которые опоздали и прибыли, когда он уже отчалил от берега, все же бросали венки в воду и посылали ему много добрых пожеланий. Конечно, описываемое мною не представляет собою ничего замечательного: это — не стоящая огромных затрат затея, не опасный подвиг, не хитроумный замысел; однако, клянусь Зевсом, я считаю вполне достойным делом поразмыслить о том, какими средствами удалось Телевтию так расположить к себе подчиненных; в этом заключается истинное мужество, которое выше всяких сокровищ и дерзких подвигов.

5 Гиерак оставил в Эгине гарместом своего эпистолея³ Горгопа с флотом из двенадцати триэр; сам же он с остальной частью флота отплыл назад⁴ на Родос. С этого времени в положении осажденных были скорее засевшие в осадных укреплениях афи-

¹ О нем см. кн. I, гл. 1, § 32, и кн. II, гл. 2, § 5.

² Неоднократно упоминавшийся уже брат царя Агесилая; см. IV, 4, 19.

³ См. коммент. к кн. I, гл. 1, § 15.

⁴ См. кн. IV, гл. 8, § 25.

няне, чем находившиеся в крепости эгинцы. Поэтому на основании постановления народного собрания афиняне снарядили многочисленный флот и на пятый месяц вывели из Эгины всех находившихся в осадных укреплениях воинов. После этого афинянам снова доставили немало хлопот Горгоп и грабительские отряды. Для борьбы с ними был снаряжен флот из тринадцати кораблей, навархом которого был избран Евном. Между тем лакедемоняне отправили Анталкида навархом на Родос, где находился Гиерак. Они полагают, что, поступая так, больше угодят Тирибазу.¹ Анталкид прибыл в Эгину, забрал с собой флот Горгопа и поплыл в Эфес. Оттуда он послал Горгопа назад в Эгину с его двенадцатью кораблями,² начальником же остальных назначил своего эпистолея Николоха. Николох поплыл в Абидос на помощь жителям этого города,³ но по дороге он свернул в Тенедос, опустошил страну, захватил деньги и оттуда уже поплыл в Абидос. Афинские стратеги, собравшись из Самофраки, Фасоса и других соседних местностей, пришли на помощь тенедосцам. Узнав, что Николох поплыл в Абидос, они, имея исходной базой Херсонес, блокировали флот Николоха, состоящий из двадцати пяти кораблей, располагая флотом из тридцати двух кораблей. В это же время Горгоп по пути из Эфеса встретился с Евномом. Он избежал столкновения, пристав пред самым заходом солнца к Эгине; здесь он высадил воинов и приказал расположиться на завтрак. Евном подождал его некоторое время и уплыл в море. С наступлением ночи Евном, как это обыкновенно делается, велел зажечь сигнальный огонь на переднем корабле, чтобы указывать путь остальным. Горгоп тотчас же посадил на корабли воинов и следовал позади, за сигнальным огнем, держась на некотором расстоянии, чтобы не быть ни увиденным, ни услышанным; для того, чтобы враг ничего не услышал, он приказал также давать такт гребцам не голосом, а падением камней и грести как можно тише. Когда же флот Евнома подошел к берегу в Аттике около Зостера,⁴ он велел трубить сигнал к наступлению. В то время как во флоте Евнома с некоторых судов воины только что сошли на берег, некоторые только причаливали к берегу, а иные еще только подплывали, Горгоп напал на афинян, и при лунном свете произошла морская битва, причем Горгопу удалось захватить четыре триэры, которые он привез на буксире в Эгину. Остальные афинские корабли спаслись в Пирей.

После этого Хабрий отправился⁵ на Кипр на помощь Евагору.⁶ Он располагал восемьюстами пельтастами и десятью триэрами; сюда присоединилось еще некоторое количество кораблей и гоплитов из Афин. Ночью он высадился на Эгине и засел в засаду в

¹ См. кн. IV, гл. 8, § 12.

² См. выше, § 5.

³ См. конец 8-й главы IV книги.

⁴ Возвышенность на западном берегу Аттики.

⁵ Из Коринфа. См. коммент. к кн. IV, гл. 8, § 34.

⁶ См. кн. IV, гл. 8, § 24.

лощине близ святилища Геракла; с ним был отряд пельтастов. С наступлением дня прибыли, как было условлено, афинские гоплиты под предводительством Деменета и высадились в шестнадцать стадиях позади святилища Геракла, в местности, именуемой Трипиргией. Услыша об этом, Горгоп выступил против них с войском из его собственных морских воинов и бывших при нем в Эгине восьми спартиатов. Кроме того, он объявил через глашатая, чтобы к походу присоединились те из матросов его экипажа, которые были свободными гражданами;¹ из них явилось очень много людей, причем каждый был вооружен таким оружием, какое смог достать. Как только первые ряды прошли мимо места засады, отряд Хабрия вышел из лощины и стал бросать камни и дротики в противника. Затем к месту битвы подошли и афинские гоплиты, сошедшие с кораблей. Бывшие в первых рядах быстро были перебиты, так как они шли в беспорядке. В числе погибших были Горгоп и лакедемоняне. После их гибели и остальные обратились в бегство. При этом эгинцев погибло около полутора ста, а пришедших им на помощь наемников, метэков и матросов не меньше двухсот. После этого афиняне спокойно поплыли по морю, как бы в мирное время: матросы Этеоника, несмотря на его понуждения, отказывались садиться на суда,² так как он не уплатил им жалованья.

После этого лакедемоняне снова³ назначили навархом Телевтия и послали его к флоту. Когда солдаты увидели его вернувшимся, их ликование не было предела. Телевтий созвал их и обратился к ним с такой речью: «Воины, я прибыл к вам, не имея с собой никаких денег; но если богу так угодно и вы приложите все ваше усердие, — я постараюсь доставить вам в изобилии все необходимое. Вам хорошо известно, что, когда я у вас начальником, я прилагаю все старания, чтобы доставить вам возможность жить не хуже, чем живу я сам; но я прибавляю еще, как это ни покажется вам удивительным, что для меня приятнее, чтобы вы были снабжены всем необходимым, чем я сам, и, кланюсь богами, я предпочел бы голодать два дня, чем знать, что вы голодны один день. Дверь моего жилища до сих пор была всегда открыта для каждого желающего; так будет и теперь. Поэтому, когда у вас самих припасы будут в изобилии, вы увидите, что и мой стол изобилует кушаньями. Если же вы увидите, что я страдаю от холода, жары или от бодрствования, значит, и вы в таком состоянии. Приказывая всем подвергаться всему этому, я не буду иметь целью вас мучить, но буду при этом преследовать вашу же пользу. Ведь наше отечество, воины, несомненно приобрело репутацию счастливого государства потому, что достигло всех благ, не пребывая в беспечности, а всегда готовое в случае нужды подвергаться трудам и опасностям. Вы и прежде были (я никак не сомневался в этом) доблестными му-

¹ Матросы вербовались преимущественно из гелотов, но в числе их были и свободные наемники.

² Так переводит глагол ἐπιβάλλω Эд. Мейер, *Gesch. v. Alt.*, IV, 267.

³ В третий раз. Он был уже навархом в 392/1 и в 390/89 годах.

жами; теперь вы должны попытаться стать еще доблестнее; вместе мы бодро перенесем ратные труды, чтобы затем бодро наслаждаться общим счастьем. Ведь, что может быть приятнее нашего будущего, когда мы не должны будем льстить ни одному человеку в мире — ни греку, ни варвару — ради снискания себе жалования? Мы будем в состоянии сами добыть себе все необходимое и притом из самого славного источника. Изобилие, приобретенное благодаря победе над врагом, доставляет сразу и пропитание и славу среди всего человечества».

Когда он окончил речь, все присутствующие громогласно заявили, что они готовы во всем повиноваться ему; пусть же он приказывает, что им делать. Он как раз в это время совершал жертвоприношения. На заявления воинов он ответил: «Мужички, ужинайте так, как вы предполагали до моего прибытия; запаситесь также припасами на один день, затем, не теряя времени отправляйтесь на корабли, дабы мы поплыли, куда угодно божеству, и прибыли во время». Когда они вернулись с ужина, Телевтий посадил их на корабли и поплыл ночью в афинскую гавань, то делая роздых и приказывая отдыхать, то приказывая налечь на весла. Если кто-нибудь усумнится в целесообразности его предприятия и сочтет безрассудным выступлением с двенадцатью триэрами против Афин, где было множество кораблей, то пусть он вдумается в план Телевтия. Он рассчитывал, что афиняне, после гибели Горгопола, не принимают никаких мер для охраны флота, стоящего в гавани. Но, если там и были триэры, готовые к отплытию, то он все же считал безопаснее напасть в самых Афинах на двадцать кораблей, чем где-нибудь в другом месте на десять: он знал, что, когда афиняне находятся вне родины, моряки ночуют у себя на кораблях, когда же они находятся в Афинах, триэрархи ночуют у себя дома, а моряки в различных местах. На это он рассчитывал. Когда он находился в пяти или шести стадиях от гавани, он велел сложить весла и оставался без движения. На заре его корабль двинулся вперед, а остальные следовали за ним. Он запретил топить коммерческие корабли¹ или вообще причинять им какой-нибудь вред; если же он видел где-либо стоящую на якоре триэру, он приказывал прилагать все усилия к тому, чтобы привести ее в боевую негодность. Транспортные суда, наполненные грузом, он приказал уводить из гавани на буксире. На большие из этих судов он приказывал входить своим воинам и по мере возможности брать в плен экипаж. Некоторые воины даже вышли на берег в Дигму, и, схватив, унесли на корабли несколько купцов и судовладельцев. Так поступил Телевтий; из афинян же одни, узнав об этом, выбежали из домов, чтобы посмотреть, чем был вызван шум, другие бежали с улицы в дома за оружием, третьи направлялись в город, чтобы известить о происшедшем. Тогда вышли на защиту все афиняне, гоплиты и

¹ Дословно: круглые суда. Военные корабли имели заостренную форму, так как спереди они были снабжены острым носом, наносившим удары врагу.

23 всадники, как будто Пирей уже был взят неприятелем. Телевтий же отослал захваченные им грузовые корабли в Эгину, приставив к ним для охраны три или четыре трэры. С остальными судами он поплыл вдоль берега Аттики и, делая вид, что он плывет из гавани,¹ захватил много рыболовных и транспортных судов, шедших с островов и наполненных пассажирами. Затем он подплыл к Сунию и захватил несколько барок, наполненных частью хлебом, 24 частью товарами. После этого он уплыл в Эгину. Здесь он продал добычу и дал солдатам жалование вперед за месяц. И впоследствии он совершал набеги на Аттику и захватывал все, что удавалось. Благодаря этому ему удалось довести экипаж на судах до полного состава и солдаты охотно и расторопно исполняли его приказания.

25 В это время Анталкид² уже возвращался вместе с Тирибазом от царя, добившись у него согласия на союз с лакедемонянами, если афиняне и их союзники не примут мирных условий, предложенных им. Услыша, что Николох³ со своим флотом блокирован в Абидосе Ификратом и Диотимом, Анталкид отправился по суше в Абидос. Там он взял флот и отплыл оттуда ночью, распуслав слух, будто его призвали на помощь калхедоняне; в действительности же он причалил к Перкоте и спокойно стоял на якоре. Деметет, Дионисий, Леонтих, Фаний и прочие, бывшие с ними, услышав 26 об этом, преследовали его, устремившись по направлению к Проконнесу. Как только они проплыли мимо его стоянки, он возвратился в Абидос, так как он слышал, что должен был прибыть Поликсен с двадцатью судами из Сиракуз и Италии, и эти суда он хотел присоединить к своему флоту. Вскоре после этого из Фракии выплыл Фрасибул из Коллита с восемью кораблями с целью соединиться с остальными аттическими кораблями. Когда дозорные сообщили Анталкиду, что подплывает восемь триэр, он велел экипажу двенадцати быстрейших кораблей занять свои места, причем случайно отсутствующих из экипажа заменил моряками с других кораблей. Этим кораблям он велел скрыться в засаду, расположившись так, чтобы быть наименее заметными врагу. Когда неприятельский флот проплывал мимо, они вышли из засады и погнались за ним. Неприятель, заметив их, стал убегать. Лакедемонянам быстро удалось догнать медленно плывущие неприятельские суда своими быстроходными триэрами. Анталкид приказал передовым судам не нападать на задние суда неприятеля, а стараться непременно настичь передовые. Когда эти суда были захвачены, экипаж следовавших за ними кораблей, заметив, что передовые триэры в руках неприятеля, пал духом и без труда⁴ был взят в плен. 27 Таким образом удалось захватить весь флот. Затем к Анталкиду пришли на помощь двадцать сиракузских кораблей и флот из 28

¹ Т. е. внушая встречным мысль, что его суда — афинские.

² См. § 6.

³ См. § 7.

⁴ Здесь я оставляю без перевода непонятные слова: καὶ τῶν βραδυτέρων.

Ионии, которая была подчинена Тирибазу.¹ Экипаж для этих судов был набран в области Ариобарзана,² бывшего с давних пор гостеприимцем Тирибаза. В это время Фарнабаз был уже отозван к царю, так как он должен был вступить в брак с царской дочерью. Анталкид же, имея под своей командой флот, насчитывавший больше восьмидесяти кораблей, господствовал на море, и ему удалось воспрепятствовать кораблям, идущим из Понта, проплыть в Афины, загнав их в гавани союзных с Афинами городов. Афиняне видели, что неприятельский флот многочислен, и боялись, что они будут, как прежде, разбиты, так как и персидский царь стал союзником лакедемонянам. Вдобавок эгинцы терзали их постоянными набегами. Все эти причины заставляли афинян сильно желать мира. Лакедемоняне также крайне тяготились войной: один отряд их стоял гарнизоном в Лехее³, другой в Орхомене⁴; те города, населению которых они доверяли, приходилось охранять от вражеского нашествия; в тех городах, на население которых лакедемоняне не полагались, приходилось оставлять охрану, чтобы они не отложились; в Коринфе военное счастье переходило то на сторону лакедемонян, то на сторону врага. И аргивяне сильно желали мира; они знали, что в Лакедемонне объявлен на них поход и что ссылка на праздничный месяц⁵ уже им не поможет. Поэтому, когда Тирибаз объявил, чтобы все желающие прибыли для выслушания присланных персидским царем условий мира, все немедленно прибыли. Когда послы собрались, Тирибаз, указав на царскую печать,⁶ прочел грамоту. Вот что было в ней написано:

«Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Азии, а из островов — Клазомены и Кипр. Всем прочим же эллинским городам, большим и малым, — должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые попрежнему остаются во власти афинян. Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я вместе с принявшими мир, объявляю войну на суше и на море и воюющим с ними окажу поддержку кораблями и деньгами».

Услышав это, послы разъехались, чтобы известить об этих условиях каждый свое государство. Перед отъездом все дали присягу, что они будут верны условиям мира. Только фиванцы⁷ выразили желание присягнуть от имени всех беотийцев. Но Агесилай отказался принять такую присягу и потребовал, чтобы фиванцы присягнули на точном основании царской грамоты, — что всякий город — большой и малый — станет с этих пор автономным. На это фиванские послы заявили, что такая клятва превышает их полномочия. Тогда

¹ См. кн. IV, гл. 8, § 12.

² См. кн. I, гл. 4, § 7.

³ См. кн. IV, гл. 4, § 7 и гл. 5, § 18.

⁴ См. кн. IV, гл. 3, § 15.

⁵ См. кн. IV, гл. 7, § 2.

⁶ См. кн. I, гл. 4, § 3 с коммент.

⁷ См. кн. IV, гл. 8, § 18.

Агесилай сказал: «Ступайте на родину и попросите соответствующих полномочий. Но передайте также своим согражданам, что, если они откажутся присягнуть так, как от них требуют, то мир не будет распространяться на них». После этого послы удалились, а Агесилай, вследствие враждебного отношения к фиванцам, не стал выжидать их возвращения, а, добившись согласия эфоров, совершил диабатерию.¹ Получив хорошие предзнаменования, он отправился в Тегею и оттуда разослал всадников для вербовки периэков, а в города послал ксенагов² для набора наемников. Прежде чем он двинулся из Тегей, прибыли представители фиванцев и заявили, что они согласны на автономию всех городов. Тогда лакедемоняне вернулись на родину, а фиванцы были принуждены присоединиться к общей присяге и предоставить автономию беотийским городам.

Коринфяне до этого времени все еще не изгоняли из своего города аргосского гарнизона. Агесилай объявил и коринфянам и аргивянам, что он пойдет на них войной, — на первых, если они не заставят удалиться аргивян, на вторых — если они не удалятся из Коринфа. И те и другие испугались этого, и этот город стал независимым. Устроители погрома³ и их соучастники сами покинули Коринф; прочие же граждане добровольно разрешили вернуться прежним изгнанникам.

После того как все это свершилось и все государства дали клятву быть верными присланным царем мирным условиям, были распущены сухопутные и морские контингенты. Это был первый мир между лакедемонянами, афинянами и союзниками их за всю войну, начавшуюся после разрушения афинских стен. В то время как в течение этой борьбы силы противников приблизительно равнялись друг другу, теперь лакедемоняне получили значительное превосходство благодаря этому миру, называемому Анталкидовым. Они стали блюстителями присланных царем мирных условий и добывали автономию греческим городам. Благодаря этому они приобрели нового союзника — Коринф, сделали беотийские города независимыми от Фив, что было уже давно их заветным стремлением, и добились того, что аргивяне признали независимость Коринфа, прежде аннексированного ими; лакедемоняне пригрозили им, что пойдут на них походом, если они не уйдут из Коринфа.

После того как во всем этом лакедемоняне достигли того, чего они желали, они решили приступить к наказанию тех из союзников, которые были в течение войны им враждебны и более сочувствовали их врагам, чем Лакедедону, чтобы сделать невозможным новое их отпадение. Прежде всего они отправили послов к мантинейцам с приказанием снести городские стены; в противном случае лакедемоняне отказывались верить, что они — не на стороне их врагов; вдобавок они утверждали, что до них дошли слухи, будто мантинейцы послали хлеб аргивянам, когда они воевали с Лакеде-

¹ См. коммент. к кн. III, гл. 4, § 3.

² См. коммент. к кн. III, гл. 5, § 7.

³ См. кн. IV, гл. 4, § 2.

моном; что иногда они отказывались сопровождать их в походе, ссылаясь на празднества, запрещавшие воевать; что мантинейцы, даже и сопровождая их в походе, недобросовестно относились к делу. К этому они прибавляли, что, как им известно, мантинейцы завидовали им, если их сопровождала какая-либо удача, и радовались, если их постигало несчастье.¹ Кроме того, они указывали, что в этом году истек срок тридцатилетнего перемирия, заключенного с мантинейцами после битвы при Мантинее. Так как мантинейцы не согласились срыть стены, лакедемоняне объявили сбор войска² для похода против них. Агесилай попросил у государственных властей уволить его от участия в этом походе, ссылаясь на то, что Мантинейское государство оказало значительную помощь его отцу во время Мессенских войн. Во главе похода стал Агесиполид, несмотря на то, что отец его Павсаний был в очень дружественных отношениях с вождями мантинейской демократии. Он вторгся и прежде всего предал разграблению территорию врага. Когда мантинейцы и после этого не срыли городских стен, он стал рыть ров вокруг города, причем половина воинов охраняла с оружием в руках землекопов, а остальная половина выполняла земляные работы. Когда ров был вырыт, он уже в полной безопасности выстроил стену вокруг города. Но он получил известия, что в городе были большие запасы хлеба, так как в предыдущем году был обильный урожай. Считая крайне обременительным в течение долгого времени возлагать на сограждан и союзников тяготы походов, он запрудил очень многоводную реку³, протекавшую сквозь город. Задержанная плотиной река разлилась, причем уровень воды поднялся выше фундамента домов и городской стены. После этого, когда нижние ряды кирпичей размякли⁴ и не могли больше поддерживать верхние, стена прежде всего дала трещины, а затем покосилась. Мантинейцам некоторое время удавалось подпирать стену деревянными брусьями и временными сооружениями удерживать крепостную башню от падения; но, увидев, что им не совладать с силой воды, и опасаясь, в случае падения части стены, сделаться военнопленными, они принуждены были согласиться срыть стену. Но лакедемоняне теперь уже не соглашались заключить мир и на этих условиях и потребовали, чтобы они (уничтожили городское устройство и) образовали отдельные деревни. Мантинейцы, считая, что они попали в безвыходное положение, согласились и на это. Приверженцы аргивян и вожди демократии в числе шестидесяти человек боялись, что они будут казнены, но отец Агесиполида⁵ уговорил его сохранить им жизнь и свободу и позволить им удалиться из города. По обоим сторонам пути за городскими воротами

¹ Пример этого см. в кн. IV, гл. 5, § 18.

² См. коммент. к кн. III, гл. 2, § 23.

³ Офис. См. в коммент. цитату из Павсания.

⁴ Они были, по тогдашнему обыкновению, не обожжены, а только просушены на солнце. См. в коммент. ту же цитату.

⁵ Павсаний. См. § 3.

- стояли шпалерами лакедемонские воины с копьями, глядя вслед уходящим, но, хотя они и пылали ненавистью к изгнанникам, однако же держали себя по отношению к ним лучше, чем мантинейские аристократы. Вот прекрасный образец лакедемонской дисциплины!
- 7 После этого были скрыты городские стены, и Мантинея была превращена в четыре отдельных поселения, как было в прежние времена. На первых порах мантинейцы были недовольны, что им приходилось разрушать уже готовые жилища и строить новые. Но и в новом устройстве оказалось много преимуществ: теперь жилища зажиточных людей оказались недалеко от их земель, лежавших вдали от города; далее было введено аристократическое устройство, и они избавились от назойливых демагогов. Поэтому зажиточные люди были довольны новым устройством. Теперь лакедемоняне каждый раз, как посылали к ним ксенагов¹, посылали уже не одного, а четырех — по одному в каждую из деревень. Из этих деревень гораздо охотнее шли союзные контингенты в войска, чем при демократическом устройстве. Так кончилось мантинейское дело; военный опыт людей обогатился новой истиной — что не следует устраивать крепость так, чтобы через нее протекала река.
- 8 Изгнанники из Флиунта² проведали, что лакедемоняне тщательно исследуют, как держало себя каждое из союзных государств по отношению к ним в минувшей войне. Поэтому они решили воспользоваться подходящим случаем и, отправившись в Лакедемон, указывали там, что, пока они были на родине, их город дружелюбно принимал лакедемонян в крепость и следовал за лакедемонянами во всех их походах; но с тех пор, как они были изгнаны, их сограждане отказывались сопровождать в каком бы то ни было походе лакедемонян и из всех людей только лакедемонянам не открывали городских ворот. Услышав это, эфоры решили, что флиунты за все это заслуживают наказания, и, отправив к ним послов, заявили, что изгнанники — друзья лакедемонского государства и изгнаны без всякой вины. Поэтому, мол, они по справедливости настаивают на том, чтобы изгнанники были возвращены в город — не по принуждению, а по добровольному решению сограждан. Когда флиунты выслушали это, их охватил страх, чтобы, в случае похода лакедемонян на Флиунт, среди их сограждан не оказалось таких, которые откроют им ворота: в городе было много родственников изгнанных и вообще им сочувствующих; вдобавок, как бывает в большинстве случаев, сторонники государственного
- 9 переворота желали возвращения изгнанников. Исходя из таких опасений, народное собрание постановило разрешить изгнанникам вернуться на родину и вернуть им все их имущество, принадлежащее к юридической категории явного имущества³, уплатив из госу-
- 10

¹ См. коммент. кн. III, гл. 5, § 7.

² См. кн. IV, гл. 4 § 15.

³ К этой категории относилась не только недвижимость, как думали раньше со слов Гарпократона (s. v. ἀσφαής ὀβία καὶ φαυρά = ἐμφαής; ср. ἐμφαίσειν τὰ χρήματα, Isaeus, pro Eumat.), но все то имущество, которое допускало правиль-

дарственного казначейства стоимость конфискованного имущества тем, которые его приобрели; в случае же возникновения на этой почве каких-либо недоразумений предоставить разбор их суду. Таков был результат ходатайства за флиунтских изгнанников.¹

Вслед затем прибыли в Лакедемон послы из Аканфа и Аполлонии, значительнейших из городов в окрестностях Олинфа. Узнав о цели их прибытия, эфоры представили их народному собранию и союзникам. Здесь Клиген из Аканфа произнес такую речь: «Лакедемоняне и союзники, вы, повидимому, не замечаете, что в Греции назревает новое событие первостепенной важности. Вероятно, вы все знаете, что Олинф — самый крупный из городов на Фракийском побережьи. Жителям его уже удалось добиться того, что некоторые города стали частью их государства и подчинились их законам; вслед за мелкими к ним присоединились и некоторые более значительные города. Затем они сделали попытку освободить и македонские города из-под власти македонского царя Аминты. После того как им вняли соседние с ними македонские города, они тотчас же отправились походом и на более отдаленные от них и более значительные пункты. В момент нашего отбытия они уже владели, в числе многих других, и Пеллой, величайшим македонским городом. Аминта, как мы слышали, вовсе удалился из городов и вытеснен уже почти из всей Македонии. Олинфяне отправили также послов к нам и аполлонийцам с заявлением, что, если мы не выставим своих контингентов в их войско, то они пойдут на нас войной. Конечно, лакедемоняне, нам бы хотелось, чтобы наши государства были суверенными и управлялись искони установленными законами; но, если вы не придете к нам на помощь, то нам все же придется стать частью их государства: они располагают уж не менее, чем восемьюстами² гоплитов и еще гораздо большим числом пельтастов, численность же их конницы, в случае нашего присоединения, превысит тысячу человек. Когда мы уезжали, в Олинфе находились послы от афинян и беотийцев; кроме того, как мы слышали, и сами олинфяне решили послать послов в эти государства и предложить им союз. Берегитесь: если такие силы присоединятся

ный учет и принималось в соображение при обложении податями и конфискации (Koutorga, Les trapézites, Paris 1859, 7: Cette division... était surtout en usage, lorsqu'il s'agissait de déterminer les redevances à l'état, ou d'estimer des valeurs confiscales), т. е. земля, постройки на ней, рабы, движимость. Деньги, наоборот, почти всегда относились к разряду *οβία ἀφαινή*. Обо всем этом Koutorga, о. с. 6—11.

¹ Прерванный здесь рассказ продолжается в гл. 3, § 10.

² Здесь, вероятно, вкралась ошибка в рукописное предание. Посол, конечно, был более склонен преувеличить, чем преуменьшить число воинов. Эта цифра расходится с прочими историческими источниками (напр. у Демосфена, περί παρατρειβείας, — одни олинфяне без союзников располагают 5000 пехотинцев; еще большую цифру дает Диодор, XV, 21); вдобавок, как мы читаем в этой же фразе, конница олинфян превышала 1000 человек, а она составляла обыкновенно только $\frac{1}{10}$ часть войска. Поэтому Büchschütz и предлагает читать вместо 800—4000. Ср. E. d. Meyer, Gesch. d. Alt., 303.

- к афинским и фиванским, то вам уже нелегко будет с ними справиться. Они уже овладели Потидеей, лежащей на Палленском перешейке; поэтому можете считать несомненным, что все города, отделенные от материка этим перешейком, подчинятся им. Доказательством того, что действительно жителей этих городов охватил панический ужас перед олинфянами, может служить то, что они, при всей их ненависти к Олиффу, не решились отправить вместе с нами
- 16 посольство, чтобы известить вас об этом. Далее заметьте, что было бы крайне непоследовательным с вашей стороны всячески стараться, чтобы Беотия не объединилась воедино, и в то же время пренебрегать возникновением гораздо более внушительной силы из соединения городов, и притом не только на суше, но и на море. Действительно, что может воспрепятствовать ее возникновению? В самой стране растет прекрасный корабельный лес; многочисленные гавани и рынки вызывают обильный приток денег; прекрасные
- 17 урожаи хлеба служат причиной густоты населения. Вдобавок соседи их — фракийцы, не управляющиеся царями, которые уже теперь заискивают у олинфян; если они подчинятся олинфянам, то они увеличат их мощь крупными военными силами. Благодаря содействию фракийцев, Пангейские рудники как бы сами раскрывают пред ними свои золотоносные недра. Все то, что мы здесь говорили, тысячекратно и на все лады уже давно обсуждается в олинфском народе. Нельзя выразить словами, до чего возросло их сомнение: видно, бог уж так устроил, чтобы вместе с ростом могущества росло и людское высокомерие. Итак, лакедемоняне и союзники, мы изложили вам положение дел в наших местах; обсудить же, действительно ли надо принять меры, это — уже ваше дело. При этом примите в соображение и то, что описывая, как возросло могущество олинфян, мы вовсе не хотели этим сказать, что оно уже стало непреодолимым. Нет, пока еще те из городов, которые примкнули к ним против своей воли, как только увидят, что олинфянам противостоит какая-нибудь сила, тотчас же отпадут от них.
- 19 Но если пройдет время, они успеют слиться друг с другом благодаря взаимным бракам и приобретению имущества в соединенных с ними городах, что разрешено состоявшимися уже постановлениями народного собрания, и поймут всю выгоду следования за могущественным соседом, — как мы это видим на примере аркадян, которые, благодаря тому, что примыкают к вам, и свое добро оберегают и грабят чужое, — тогда, пожалуй, уже нелегко будет расторгнуть эту связь».
- 20 По окончании этой речи лакедемоняне предоставили союзникам слово по вопросу о том, какой образ действий кажется им наилучшим для Пелопоннеса и союзников. Вслед затем выступил целый ряд ораторов, предлагавших снарядить поход; такого мнения держались главным образом те, которые хотели угодить лакедемонянам. Было постановлено, чтобы каждое государство послало принадлежащий на его долю контингент в союзное войско, общая численность которого была определена в десять тысяч человек.

Было предложено также, чтобы союзные государства могли по 21
желанию вместо контингентов вносить деньги, вместо каждого
воина три эгинских обола;¹ если же кто-либо из союзников был
обязан выставлять в союзное войско всадников, то выдаваемое
всаднику жалованье считалось равносильным четырем выставлен- 22
ным в войско гоплитам. Если же какое-либо государство вовсе
уклоняется от воинской повинности, лакедемонянам было предо-
ставлено налагать на него штраф в размере одного статера² за
каждого человека в день. После того как эти решения были при- 23
няты, выступили снова послы из Аканфа с заявлением, что все это
хорошие решения, но все они не могут быть немедленно приведены
в исполнение. Было бы лучше, по их мнению, если бы, не дожидаясь,
пока все эти сборы будут закончены, был послан немедленно
же военачальник с войском как из Лакедемона, поскольку удастся
собрать его на скорую руку, так и из других городов. Если это
будет исполнено, то города, не присоединившиеся еще к Олиффу,
останутся в нынешнем состоянии, а вынужденные присоединиться
будут дурно исполнять свои союзнические обязанности. Когда и 24
это предложение было принято, лакедемоняне послали Евдамида
с отрядом в две тысячи человек, состоявшим из неодамодов³, пери-
эков и скирийцев. Пред уходом Евдаמיד просил эфоров, чтобы
оставшаяся часть назначенных ему воинов была собрана и отпра-
влена вслед ему под начальством его брата Фебида. Сам же он
отправился на Фракийское побережье, по прибытии послал гарни-
зоны в те города, которые просили об этом, добровольно присоеди-
нил к себе Потидею, уже вступившую в это время в союз с Олиф-
фом, и, устроив здесь базу, вел войну так, как это делается,
когда численное преимущество на стороне врага.

Фебид, собрав часть отряда Евдамида, не успевшую выступить 25
вместе с последним, двинулся с нею в поход. Отряд этот подошел
к Фивам и расположился лагерем за городом около гимнасия. В это
время в Фивах шла партийная борьба. Должность полемархов за-
нимали Исмений и Леонтиад, бывшие друг другу политическими
врагами: каждый из них стоял во главе одной из борющихся пар-
тий.⁴ Исмений из вражды к лакедемонянам знать не хотел Фебида.
Леонтиад же всячески угрожал ему и, сблизившись с ним, сказал
ему следующее: «Сегодня, Фебид, ты можешь оказать величайшее 26
благодеяние своему отечеству. Если ты со своими гоплитами после-
дуешь за мной, я введу тебя в акрополь. После этого несомненно
Фивы вполне подпадут под власть лакедемонян и нашей партии,
дружественной вам. Теперь, как тебе известно, всем фиванцам за-
прещено участвовать в вашем походе на Олиффу. Если же ты сде-
лаешь с нашей помощью то, что я тебе советую, мы сейчас же 27

¹ В день.

² Статер равен двум драхмам, 1 дррахма равна шести ободам, эгинский обол — около 8 коп.

³ См. коммент. к кн. I, гл. 3, § 15.

⁴ Дословно: гетерий.

пошлем с тобой много гоплитов и всадников. Таким образом ты придешь на помощь брату с большим войском, и в то время, как он только будет собираться покорить Олинф, ты уже покоришь Фивы, город гораздо больший, чем Олинф». Услышав это, Фебид пришел в восторг: это был человек, который, не задумываясь, отдал бы жизнь за то, чтобы совершить какой-нибудь блестящий подвиг, но зато не отличавшийся ни предусмотрительностью, ни благородием. После того как Леонтиад сговорился с Фебидом, он посоветовал последнему, чтобы тот, окончив начатые приготовления, двинулся в дальнейший путь, и прибавил: «Когда настанет пора, я сам приду к тебе сюда и сам введу тебя в город». В полдень, в то время как совет заседал в портике на агоре, так как в Кадмее¹ в это время женщины справляли Фесмофории, и когда, вследствие летней полуденной жары, на всех улицах было совершенное безлюдье, Леонтиад подъехал верхом к Фебиду, сказал ему свернуть с начатого пути и повел войско в акрополь. Там он разместил Фебида с его отрядом, дал ему баланагру² от ворот и, распорядившись, чтобы Фебид впускал в акрополь только лиц, получивших от него разрешение, тотчас же отправился в заседание совета. Прибыв туда, он произнес следующую речь: «Пусть вас, о мужи, не удручает, что лакедемоняне завладели акрополем: они заявили, что они не враждебны ни к кому, кроме тех, которые сами возбуждают сограждан к войне. Закон дает полемарху право арестовывать каждого, кого он подозревает в совершении преступления, караемого смертной казнью. На основании этого закона я арестую вот этого Исмения, как возбуждающего народ к войне. Ступайте сюда, лохаги, с подчиненными вам воинами, арестуйте Исмения и отведите его, куда вам указано».³ Лица, участвовавшие в заговоре, во всем согласились с Леонтиадом и голосовали за арест Исмения. Что же касается тех, которые не участвовали в заговоре и были противниками партии Леонтиада, то часть их удалась из города тотчас же, боясь, что их ждет смертная казнь, другие же сперва разошлись по домам. Когда же стало известно, что Исмений заключен в темницу на Кадмее, бежали и прочие сторонники Андроклида и Исмения.⁴ Все они, в числе около трехсот человек, нашли убежище в Афинах. После этого вместо Исмения был избран полемархом другой⁵, а Леонтиад немедленно отправился в Лакедемон. В момент его прибытия эфоры и народ были крайне недовольны Фебидом за то, что он действовал, не испросив предварительного разрешения государственных властей. При этом Агесилай высказал такое мнение, что, если Фебид действовал во вред Лакедемону, то он достоин наказания; если же его поступок принес государству пользу, то древний закон разрешает в таких случаях поступать на собствен-

¹ Фиванском акрополе.

² Ключ.

³ Т. е. в тюрьму.

⁴ См. кн. III, гл. 5, § 1, и коммент. к этому месту.

⁵ Архий. См. ниже цитаты из Плутарха (к § 36) и гл. 4, § 2.

ный риск и страх. Таким образом, по его мнению, существенное значение имеет только то, вреден или полезен поступок Фебида для государства. Тогда Леонтиад предстал перед экклетами¹ и сказал следующее: 33

«Вы сами не раз заявляли, лакедемоняне, что до настоящего события фиванцы относились к вам враждебно: вы всегда замечали, что они в дружественных отношениях с вашими недругами и во враждебных с вашими друзьями. Они не захотели участвовать в походе на пирейскую демократию,² которая была вашим заклятым врагом, и, с другой стороны, воевали с фокейцами,³ так как они замечали, что фокейцы расположены к вам. Разве это не верно? И теперь, зная, что вы идете войной на олинфиян, они ведут переговоры с олинфиянами о союзе с ними. Вы постоянно напряженно ожидали известия, что фиванцы насильно подчинили себе всю Беотию; теперь же, после того, что случилось, фиванцы не могут вам уже внушать никакого страха. Если вы будете так же блюсти наши интересы, как мы блюди ваши, то вам достаточно будет послать короткое приказание, написанное на скитале,⁴ чтобы все там было устроено по вашему произволу». 34

Услышав это, лакедемоняне решили, чтобы гарнизон, занявший фиванский акрополь, остался там и чтобы Исмений был предан суду. После этого были посланы судьи — три лакедемонянина и по одному от каждого союзного города как большого, так и малого. Когда открылось заседание суда, Исмению было предъявлено обвинение в том, что он сочувствует варварам, что он во вред Греции заключил с персом союз гостеприимства, что он принял подкуп от персидского царя,⁵ что он вместе с Андроклидом — главные виновники охватившей всю Грецию смуты. Исмений защищался против всех обвинений, но однако ему не удалось доказать судьям, что он не был опасным бунтовщиком и злоумышленником. Он был осужден и подвергнут смертной казни; управление же городом пошло в руки партии Леонтиада, оказывавшей лакедемонянам еще больше услуг, чем те от них требовали. После этого лакедемоняне с еще большим воодушевлением отправили войско для борьбы с олинфиянами. Они послали гарместом Телевтия, а с ним всю ту часть десяти тысячного войска,⁶ которая приходилась по раскладке на Лакедемон. В союзные же города были посланы скиталы⁷ с приказанием выставить в войско контингенты согласно постановлению собрания союзников. Все города охотно содействовали Телевтию, рассчитывая, что их труды будут оценены по заслугам. Фиванцы также охотно послали гоплитов и всадников, зная, что Телевтий — 35 36 37

¹ См. коммент. к кн. II, гл. 4, § 38.

² См. кн. II, гл. 4, § 30, и кн. III, гл. 5, § 8.

³ См. кн. III, гл. 5, § 4.

⁴ См. коммент. к кн. III, гл. 3, § 8.

⁵ См. кн. III, гл. 5, § 1.

⁶ См. выше, § 20.

⁷ См. коммент. к кн. III, гл. 3, § 8.

38 брат Агесилая. Телевтий двигался, не спеша, принимая меры, чтобы не причинить вреда союзникам и чтобы собрать как можно большее войско. Он отправил послов к Аминте¹ и предложил ему, если он хочет восстановить свою власть, вербовать наемников и склонить денежными подарками соседних царей к заключению с ним мира. Отправил он послов и к Дерду, правителю Элимии², с заявлением, что олинфяне уже покорили большую часть Македонии и не оставят в покое и остальной, меньшей, части, если не найдется
39 никого, кто укротил бы их высокомерие. После этих приготовлений он с огромным войском прибыл в союзную лакедемонянам область. После прибытия в Потидею, где войско было выстроено в боевой порядок, он вступил во вражескую территорию. На пути к Олинфу он ничего не сжигал и не вырубал, полагая, что это послужит ему помехой как на пути туда, так и на обратном пути. Когда же он будет отходить от города,³ тогда, думал он, наступит время, вырубив деревья, нагромоздить их на пути, чтоб помешать наступлению врага сзади. Когда он был уже на расстоянии менее десяти
40 стадий от города, он приказал войску остановиться.⁴ Сам он со своим войском занимал левый фланг, и таким образом, к его счастью, ему пришлось находиться как раз против ворот, через которые вышли враги. Прочее же войско, ополчение союзников, занимало центр и правый фланг. Из всадников он выставил на правом фланге лакедемонян, фиванцев и тех из македонян, которые явились в его войско. Рядом же со своим отрядом он поместил Дерда с его конницей, насчитывавшей около четырехсот всадников. Так поступил он потому, что был высокого мнения об этой коннице, а также из желания угодить Дерду, который с радостью явился на его зов.
41 После того как противники вышли из города и выстроились под защитой городских стен, конница их сомкнулась и врезалась в ряды лакедемонян и беотийцев. Они сбросили с коня лакедемонского гиппарха Полихарма и нанесли ему, лежащему на земле, много ран. Они убили еще много других и, наконец, обратили в бегство конницу, выстроенную на правом фланге. После того как эти всадники обратились в бегство, дрогнула и стоявшая рядом с ними пехота. Уже всему войску угрожала опасность быть разбитым, если бы Дерд со своей конницей не бросился в этот момент к городским воротам Олинфа. Вслед за ним двинулся и Телевтий со своим войском в полном боевом порядке. Заметив это, олинфские всадники, повернув фронт, стали отходить с величайшей
42 быстротой из страха быть отрезанными от городских ворот. Тогда Дерду удалось перебить очень многих из проезжавших мимо него всадников. Олинфская пехота также отступила в город, но без больших потерь, так как она находилась около самой стены. Таким
43

¹ См. § 12.

² Македонская область.

³ Олинфа.

⁴ Для приготовления к бою.

образом, Телевтий одержал победу и, поставив трофей, стал удаляться, вырубая на пути деревья. Этими военными действиями было занято все лето. Затем Телевтий отпустил домой македонское войско и отряд Дерда. Олинфяне, со своей стороны, также неоднократно совершали набеги на союзные с лакедемонянами города, увозили добычу и убивали людей.

С наступлением весны отряд из шестисот приблизительно олинфских всадников совершил в полдень набег на территорию Аполлонии и, рассеявшись, грабил окрестности. В этот же день в Аполлонию прибыл и Дерд со своими всадниками и расположился на завтрак в этой области. Заметив вторгшегося неприятеля, он выжидал, приказав всадникам взнуздать лошадей и находиться в полном вооружении. Когда олинфяне, в беспечной самоуверенности, вторглись в предместье и подъехали к самым городским воротам, он выступил против них, выстроивши войско. Заметивши его, олинфяне обратились в бегство. Однажды обратив их в бегство, Дерд не прекращал преследования до самых городских стен Олинфа, гоня их и убивая на протяжении девяноста стадий. В этом деле Дерд, как говорят, убил около восьмидесяти всадников. С этих пор враги очень редко выходили из городских стен и обрабатывали лишь очень немного земли. Некоторое время спустя Телевтий двинулся походом на Олинф, чтобы вырубить уцелевшие деревья и опустошить все обработанные участки. При его приближении олинфские всадники, соблюдая тишину, переправились через реку, протекающую мимо их города, и так же бесшумно двинулись против вражеского войска. Телевтий, заметив это, пришел в гнев от дерзости олинфян и приказал Тлемониду, начальнику пельтастов, бегом напасть на них. Увидев, что пельтасты устремились вперед, олинфяне спокойно отступили и переправились назад через реку. Пельтасты храбро устремились вслед за ними и, рассчитывая преследовать их, как убегающих, также переправились через реку. Воспользовавшись тем, что переправившиеся еще не были готовы к бою и легко могли быть разбиты,¹ олинфские всадники повернули фронт и ударили на них, причем убили самого Тлемонида и более ста воинов. Заметив это, Телевтий пришел в страшный гнев; он приказал гоплитам вооружиться, выступить быстрым маршем вместе с пельтастами и всадниками и неотступно преследовать врага. Многочисленные примеры из прошлого учат нас, что чрезмерное приближение преследующего к стенам крепости ведет обыкновенно к отступлению, сопряженному с большими потерями. Так было и на этот раз: осыпаемые с башен градом камней, они принуждены были в беспорядке отступить, чтобы выйти из полосы выстрелов. Тогда олинфская конница снова вышла из стен, на этот раз уже вместе с пельтастами; в довершение к ним вышли на помощь из города и гоплиты, и все они напали на расстроенное лакедемонское

¹ Так как они еще не успели выстроиться и были утомлены переправой через реку.

войско. При этом погиб сражаясь Телевтий, после чего и все лакедемонское войско дрогнуло и обратилось в поголовное бегство, — ни один не удержался на своей позиции. Лакедемоняне бежали частью в Спартол, частью в Аканф, частью в Аполлонию, большинство же в Потидею. Неприятель преследовал их по всем направлениям и перебил массу народа, причем погиб весь цвет войска.

7 Подобные несчастья могут служить для людей прекрасным уроком того, что, находясь во гневе, не следует наказывать даже раба; при этом, как это многократно случалось, господин рискует причинить себе больше беды, чем рабу. Но руководиться гневом, а не доводами рассудка в борьбе с врагом — совсем уж ошибочно. Гнев ослепляет и лишает возможности предвидеть последствия, тогда как спокойное обсуждение позволяет учесть не только тот вред, который мы можем нанести врагу, но и тот риск, которому мы при этом подвергаемся сами.

8 Услышав о происшедшем, лакедемоняне по зрелом размышлении решили, что нужно послать сильное войско, чтобы сломить высокомерие победителей и чтобы все затраченные усилия не оказались напрасными. Приняв такое решение, они послали военачальником царя Агесиполида. При нем, как и при Агесилае во время похода в Азию, находился отряд из тридцати спартиатов.¹ В его войске было также много добровольцев, очень почтенных людей, из числа периеков, были и иностранцы из числа так называемых «воспитанников», а также дети от брака спартиатов с не-спартиатами, люди образцового телосложения и не чуждые тех благ, которые достаются в удел спартиатам. В этом походе приняли также участие и добровольцы из союзных городов, фессалийские всадники, желавшие блеснуть перед Агесиполидом своим искусством, Аминта и Дерд, относившийся к делу с еще большим рвением, чем прежде. Так сложились обстоятельства для Агесиполида, двинувшегося походом на Олинф.²

10 Флиунтцы,³ заслужив похвалу Агесиполида за то, что они без всякого замедления дали ему крупную сумму денег для похода, рассчитывали, что, в виду отлучки из Лакедемона Агесиполида, Агесилай не выступит против них, так как по спартанскому обычаю оба царя никогда не отлучались одновременно из Спарты. Поэтому они без всякой опаски стали причинять обиды вернувшимся из изгнания. Так, бывшие изгнанники требовали, чтобы в спорных случаях дела о них разбирались третьей стороной,⁴ флиунтцы же принуждали их обращаться к народному суду. На заявление бывших изгнанников, что не может быть никакой речи о справедливости, если их будут судить сами обидчики, не было обращено никакого внимания.

11 Тогда вернувшиеся из изгнания отправились в Лакедемон, где выступили с обвинением против сограждан. Их сопровождали

¹ См. кн. III, гл. 4, § 2.

² Рассказ о походе Агесиполида продолжается в § 18.

³ Здесь продолжается рассказ, прерванный в гл. 2, § 10.

⁴ Т. е. судом, составленным из равного числа судей обеих партий.

также некоторые из не бывших изгнанниками граждан, которые заявили лакедемонянам, что очень многие граждане считают, что с возвратившимися изгнанниками поступили несправедливо. Это вызвало негодование во Флиунте, и народное собрание наложило пеню на всех тех, которые без полномочия народного собрания отравились в Лакедемон. Подвергшись наказанию, жалобщики не решались вернуться домой. Они оставались в Лакедемоне, внушая лакедемонянам, что виновники этих несправедливостей — это те лица, которые их некогда изгнали и отказались открыть ворота лакедемонянам; это те, которые скупали их имущество и теперь хотят удержать его насильственным образом; теперь они добились того, что на отпавшихся в Лакедемон была наложена пеня, дабы на будущее время никто не осмеливался обнаружить, что творится в их в городе. Видя во всем этом несомненные признаки насильничанья, эфоры объявили поход на Флиунт. Агесилай был очень доволен всем происшедшим: Поданем и его близкие, находившиеся в числе возвращенных из изгнания, были гостеприимцами Архидама, отца Агесилая, а Прокл, сын Гишпоника, и его друзья были гостеприимцами самого Агесилая. После того как диабатерии¹ дали хорошие предзнаменования, он немедленно двинулся в путь. По дороге он встретился с многочисленными посольствами, предлагавшими ему деньги за то, чтобы он не вторгался во Флиунтскую область. На это он ответил, что он идет не с целью обидеть кого-нибудь, а с тем, чтобы помочь обиженным. В конце концов они изъявили готовность исполнить все, что он от них потребует, лишь бы он не вторгался в их страну. Но Агесилай ответил на это, что, после того как флиунтцы уже раз обманули, он уже не верит их словам, но требует, чтобы они на деле доказали свою верность. На вопрос: «Что же мы должны делать?» Агесилай ответил: «То, что вы уже и прежде однажды сделали, не претерпев при этом от нас никаких обид». Под этими словами он подразумевал передачу лакедемонянам акрополя. Флиунтцы не согласились на это, поэтому Агесилай вторгся в их страну и, быстро соорудив осадные укрепления вокруг Флиунта, осаждал их город. Многие лакедемоняне роптали, что ради кучки людей их заставили затеять вражду с городом, насчитывающим более пяти тысяч граждан;² чтобы это бросалось в глаза, флиунтцы нарочно устраивали народные собрания в месте, которое было видно осаждающим. Но Агесилай нашел средство, чтобы успокоить это недовольство. Каждый раз, когда кто-нибудь из родственников или друзей изгнанников бежал из города, Агесилай внушал им, чтобы они устраивали общие трапезы и отпускали необходимые средства тем, которые хотят заниматься телесными упражнениями. Он внушал им также, чтобы всем этим лицам было роздано оружие, причем советовал без опаски ссужать деньги на это дело. Те послушались Агесилая и вскоре уже вы-

¹ См. коммент. к кн. III, гл. 4, § 3.

² Т. е. годного к военной службе населения.

ставили более тысячи человек с образцовой выправкой и муштровкой и прекрасно вооруженных. Вследствие этого лакедемоняне стали говорить, что стоит иметь таких союзников.¹

18 В то время как Агесилай был занят всем этим, Агесиполид² только что прошел через Македонию и расположился лагерем перед Олинфом. Навстречу ему никто не выходил; поэтому он предал опустошению все, что осталось нетронутым в Олинфской области, и выжег нивы в союзных Олинфу областях. Из этих союзных го-
19 родов ему удалось взять приступом Торону. В это время (дело происходило в середине лета) его схватила жестокая лихорадка. Ему непреодолимо захотелось лежать в тенистых беседках на берегу чудных холодных ключей, которые он видел незадолго перед тем в храме Диониса в Афите. Еще живой, он был доставлен туда, но на седьмой день от начала болезни скончался за оградой храма.³ Его положили в мед и отвезли на родину, где он удостоился царского погребения.⁴

20 Весть о смерти Агесиполида не обрадовала Агесилая, как можно было бы ожидать от соперника; напротив, он плакал и тосковал по своему сотоварищу: спартанские цари, находясь на родине, едят за одним столом, вдобавок Агесиполид был постоянным собеседником Агесилая в воспоминаниях о молодости, разговорах об охоте, верховой езде и любовных увлечениях, причем в этих беседах он чтит Агесилая, как старшего. Вместо Агесиполида лакедемоняне выслали против Олинфа гармоста Полибиада.

21 Агесилай⁵ простоял уже под Флиунтом столько времени, что хлеб, имевшийся в городе, о количестве которого он знал по слухам, уже должен был давно выйти, а между тем флиунтцы все не сдавались. Причиной этого было воздержание в пище флиунтцев: они постановили выдавать половинные пайки хлеба, благодаря чему про-
22 держались в два раза больше, чем можно было ожидать. Иногда мужество горсти людей преодолевает малодушие огромных масс; так и в этом случае некто Дельфион, имевший репутацию храбреца, с отрядом из трехсот флиунтцев был в силах противодействовать партии, желавшей мира, был в силах заключить в темницу не-
23 надежные элементы; у него хватило силы заставить народ исполнять гарнизонную службу, причем он сам совершал обходы и следил за их верностью. Часто он со своим отрядом совершал даже вылазки, удачно выбивая из позиций вражеские кордоны в разных пунктах кольца укреплений. Однако, когда это отборное войско, несмотря на все поиски, вовсе не нашло больше в городе хлеба, флиунтцы отправили к Агесилаю вестника с просьбой о заклю-

¹ И, следовательно, стоит воевать ради этих изгнанников.

² Здесь продолжается рассказ, прерванный в § 9; окончание рассказа о Флиунте ниже, § 21.

³ Так как храм не должен был быть оскверняем присутствием трупа.

⁴ См. коммент. к кн. III, гл. 3, § 1.

⁵ Здесь продолжается рассказ, прерванный в § 17; рассказ об Олинфском походе продолжается в § 26.

чении перемирия для отправки посольства в Лакедемон, так как город решил отдаться на милость лакедемонского правительства. Агесилай был возмущен тем, что флиунты, обойдя его, решили иметь дело непосредственно с Лакедемоном, поэтому он отправил вестника к своим друзьям на родине и добился того, что решение участи Флиунта было предоставлено ему. На перемирии для отправки посольства он согласился, но одновременно с этим усилил караулы вокруг города, чтобы никто не мог ускользнуть. Однако, Дельфиону удалось ночью бежать вместе с каким-то клейменным рабом, похитившим много оружия у осаждающих.¹ Затем вернулись послы и сообщили, что лакедемоняне поручили Агесилаю поступить с Флиунтом по собственному усмотрению. Агесилай поступил так: он устроил судилище из пятидесяти возвращенных изгнанников и пятидесяти граждан, остававшихся на родине, которому предоставил предать казни всех тех, кого оно найдет нужным. Эти же лица должны были составить законы, которыми город должен был управляться. До приведения всего этого в исполнение он оставил в городе гарнизон, выдав для него жалованье на шесть месяцев. После этого он распустил контингенты союзников, а сам с лакедемонянами вернулся на родину. Так закончился флиунтский поход, продолжавшийся год и восемь месяцев.

В это же время и Полибиад² довел олинфян измором до самого ужасного состояния. Они не могли уже ни добывать хлеба с полей, ни подвозить по морю. Поэтому они были вынуждены отправить в Лакедемон посольство с просьбой о мире. Это посольство получило неограниченные полномочия; прибыв в Лакедемон, оно заключило мирный договор на условии считать тех же друзьями и тех же врагами, кого и лакедемоняне, всегда выставлять свой контингент в лакедемонское войско и быть всегда в союзе с Лакедемоном. Дав клятву быть верными этими условиям, послы вернулись на родину.

Итак, лакедемоняне достигли того, что фиванцы и прочие беотийцы всецело им подчинились, коринфяне стали преданнейшими союзниками, аргивяне смирились, уразумев, что больше им уже нельзя надеяться удержать лакедемонян от нападения ссылкой на праздничные месяцы, афиняне остались совершенно изолированными, а те из союзников, которые к ним враждебно относились, были укрощены. Теперь они, наконец, были уверены, что их могущество утверждено прочно и нерушимо.

Можно привести как из истории греков, так и из истории варваров много примеров того, что боги не оставляют без возмездия творящих безбожные и богопротивные дела. То, о чем я сейчас буду говорить, может служить одним из таких примеров. Лакедемоняне поклялись соблюдать независимость всех греческих городов, но, несмотря на это, заняли Фиванскую крепость своим

¹ Значение последней фразы не совсем ясно.

² Продолжение § 20.

гарнизона. И что же? Сами обиженные, без всякой посторонней помощи, оказались в силах отомстить лакедемонянам, которых до тех пор не одолел никто из людей. Всего лишь семеро изгнанников оказались в силах сломить господство тех из граждан, которые ввели лакедемонян в крепость, желая, чтобы Фивы были в рабском подчинении лакедемонянам и чтобы, благодаря этому, они могли властвовать над согражданами. Эти события и будут содержанием дальнейшего.

2 В это время некто Филлид был секретарем полемархов, во главе которых стоял Архий. Он пользовался у них отличной репутацией, как расторопный служака. По какому-то делу он прибыл в Афины и встретился здесь со своим старым знакомым Мелоном, одним из бежавших сюда фиванцев.¹ Мелон стал его расспрашивать о кучке тираннов, во главе которой стояли Филлид и полемарх Архий. Увидев, что Филлид еще более возмущен положением дел на родине, чем он сам, он сговорился с ним о подробностях дальнейших действий, обменявшись взаимными клятвами. После этого Мелон с шестью вернейшими друзьями из числа изгнанников прибыл ночью в Фиванскую область. Заговорщики не имели при себе никакого оружия, кроме кинжалов. Весь день они провели где-то в укромном месте, а вечером, когда возвращаются последние с полевых работ, двинулись к городским воротам, имея вид возвращающихся с поля. Войдя в город, они провели первую ночь у какого-то Харона и там же оставались весь следующий день.

4 В это время полемархи по случаю окончания срока их власти устраивали пир в честь Афродиты.² Филлид всячески помогал им в приготовлениях к пиру и между прочим сказал, что в эту ночь он исполнит свое давнишнее обещание и приведет к ним самых красивых и почтенных фиванских женщин. Те с восторгом приняли предложение провести ночь в наслаждениях такого рода. Такие уж это были люди. Когда они отужинали и, благодаря стараниям Филлида, быстро опьянели, они стали настойчиво требовать, чтобы Филлид привел дам. Он вышел и привел Мелона с товарищами; 5 из них трое были одеты госпожами, а четверо служанками. Филлид провел заговорщиков в помещение казначейства, находившееся в здании полемархейона, а сам вышел в комнату, где пировали полемархи, и сказал Архию и другим полемархам, что женщины отказываются войти, пока в комнате находится кто-нибудь из слуг. Тогда полемархи приказали всем слугам поскорее уйти, а Филлид послал вино в жилище одного из слуг и приказал всем им идти туда угощаться. После этого он ввел дам и посадил каждую около одного из пирующих. Заговорщики заранее условились, как только займут места, раскрыть одежду и, извлеки оружие, нанести удар. 6 Такова одна из версий о смерти полемархов; по другой версии 7

¹ См. гл. 2, § 31.

² Выражение: «в честь Афродиты» указывает только на характер развлечений; пир этот ни в каком случае не носил характера религиозного праздника.

Мелон и его помощники вошли в помеещение, где пировали полемархи, как группа буйно веселящихся гуляк, и перебили их. Взяв с собой троих из числа заговорщиков, Филлид отправился к жилищу Леонтиада, постучал в дверь и сказал, что он пришел с поручением от полемархов. Леонтиад в это время еще возлежал после ужина;¹ с ним не было никого, кроме жены, которая сидела рядом и прядла. Считая Филлида вполне надежным человеком, Леонтиад попросил его зайти. Войдя, заговорщики убили его, а жену угрозами заставили молчать. При выходе они велели ей держать дверь все время на запоре, угрожая, в случае если они найдут дверь отпертой, перебить всех домохозяев. Затем Филлид с еще двумя заговорщиками направился к тюрьме и заявил тюремщику, что он ведет арестованного по приказанию полемархов. Как только дверь была отперта, они убили тюремщика и освободили всех заключенных. Сняв часть военных трофеев, развешанных в портике, они вооружили выпущенных из тюрьмы и велели им занять пост перед Амфеем. После этого они через глашатаев объявили, чтобы все фиванцы — как всадники, так и гоплиты, выходили на улицу, в виду того, что тиранны погибли. Но граждане до самого утра не выходили из дому, не доверяя этому известию. Только когда наступил день и все разъяснилось, и гоплиты и всадники быстро вышли в полном вооружении. Тогда вернувшиеся из изгнания послали конных вестников к двум афинским стратегам, стоявшим со своими отрядами на границе. Последние участвовали в заговоре и.....² Лакедемонский гармоет, находившийся в фиванском акрополе, услышав ночью возгласы глашатаев, немедленно послал за помощью в Платеи и Феспии.³ Заметив приближающихся платейцев, фиванские всадники вышли им навстречу и умертвили из них более двадцати человек. Когда они после этого столкновения вернулись в Фивы и туда же прибыли стоявшие на границе афинские отряды, повстанцы стали атаковать акрополь. Находившиеся в нем увидели, с каким жаром их противники ведут атаку, слышали о крупных наградах, обещанных тем, которые первые ворвутся в крепость. Самих же их было немного. В страхе они согласились добровольно удалиться, если им будет гарантирована безопасность при удалении и разрешено будет уйти с оружием в руках. Осаждающие с удовольствием приняли это предложение, заключили с ними перемирие, подкрепленное взаимными клятвами, и пропустили их. Однако, когда они выходили из крепости, осаждающие захватили всех тех из них, которые принадлежали к числу фиванцев — приверженцев враждебной им партии, и предали казни. Лишь немногие из них были тайком уведены и спасены пришедшим с границы афинским

¹ Греки обедали лежа. Леонтиад еще не успел встать со своего обеденного ложа.

² Пропуск в тексте. См. коммент. к § 3.

³ Здесь также стояли спартанские гарнизоны. См. § 15. Платеи, разрушенные фиванцами в 427 г. (Ф у к и д и д, III, 69), были восстановлены спартацами после Анталкидова мира (П а в с а н и й, IX, 1, 4).

отрядом. Фиванцы арестовали также и всех оказавшихся в городе: детей казненных и предали их смерти.

- 13 Узнав об этом, лакедемоняне казнили фиванского гармоста за то, что он покинул крепость, не дождавшись, пока к нему придут на выручку, и объявили поход на фиванцев. Агесилай сослался на то, что он уже более сорока лет как числится в войске; люди такого возраста не обязаны участвовать в заграничных походах, и этот закон по его мнению сохраняет силу и по отношению к царям. Воспользовавшись этим поводом, он не принял участия в походе. В действительности же он уклонился от участия в нем не по этой причине, но потому, что он не сомневался, что в случае, если он станет во главе похода, сограждане скажут, что он вовлекает государство в авантюры лишь ради того, чтобы помочь тираннам. Вот
- 14 почему он не вмешивался в их решения по этому вопросу. По наущению фиванцев, ускользнувших от избиения, эфоры возложили начальствование в этом походе на Клеомброта,¹ впервые выступившего во главе войска. Дело происходило в суровую зиму. Путь в Беотию через Элевферы охранял Хабрий с афинскими пельтастами. Поэтому Клеомброт стал переходить через горы дорогой, ведущей на Платею. На этом пути лакедемонские пельтасты встретились с засевшим на вершинах фиванским гарнизоном, состоявшим из освобожденных узников,² в числе около ста пятидесяти. Некоторым из них удалось бежать, а всех остальных пельтасты перебили.
- 15 После этого Клеомброт спустился в Платейскую область, еще дружественную лакедемонянам. Затем он отправился в Феспийскую область, а оттуда в Киноскефалы, в Фиванской области, и там расположился лагерем. В этом месте он простоял около шестнадцати дней, а затем вернулся назад в Феспии. Здесь он оставил гармостом Сфодрия с гарнизоном, состоявшим из третьей части воинов каждого союзного контингента, отдал ему все те деньги, которые он привез с собой из Лакедемона, велел ему в дополнение к тому войску, которое он имел, произвести набор наемников. Это было
- 16 исполнено Сфодрием. Клеомброт же двинулся со своим войском назад на родину по дороге на Кревсий. Воины недоумевали, не понимая, в каких же отношениях лакедемоняне с фиванцами, подлинно ли война или мир: на пути туда движение носило характер наступления на Фивы, тогда как на обратном пути Клеомброт старался как можно менее подвергать опустошению область, через
- 17 которую он проходил. Когда войско уходило из Беотии, поднялся ужасный ветер, в котором некоторые видели предзнаменование будущих событий. Этот вихрь причинил много несчастий. Так, когда войско по пути из Кревсия переходило через оконечность хребта по склону, спускающемуся к морю, этот ветер сбросил со склона и расшиб об утесы много ослов, нагруженных кладью; масса оружия была сорвана ветром с воинов и сброшена в море.

¹ См. цитату из Диодора в коммент. к гл. 3, § 20.

² См. § 8.

Наконец, дошло до того, что многие вовсе не могли уже подвигаться вперед с оружием. Поэтому они разложили свои щиты по обе стороны от вершины, повернув вверх оборотной стороной, и наполнили их камнями. В этот день они пообедали чем пришлось в Эгосфенах, городе Мегариды, а на следующий вернулись и забрали оружие. После этого Клеомброт распустил войско, и каждый контингент вернулся к себе на родину.

Афиняне видели теперь воочию могущество лакедемонян: видели, что теперь уже лакедемонянам не приходится, как прежде, вести войну в Коринфской области;¹ что они уже прошли мимо Аттики и вторглись в Фиванскую область. Это навело на афинян такой страх, что они осудили на смерть тех двух стратегов,² которые были соучастниками восстания Мелона против гарнизона Леонтиада. Один из них был казнен, другой, которому удалось скрыться, был объявлен изгнанником.

Фиванцы также были в страхе: их пугала необходимость воевать один-на-один с лакедемонянами. Чтобы не попасть в такое положение, они прибегли к следующей хитрости: феспийского гармоста Сфодрия они убедили — как подозревали, путем подкупа — вторгнуться в Аттику, дабы тем побудить афинян открыть военные действия против лакедемонян. Вняв их просьбам, Сфодрий сделал вид, будто хочет захватить Пирей, который не имел городских ворот и был открыт для нападения. Он велел воинам поужинать ранее обыкновенного и повел их из Феспий, утверждая, что до наступления дня они придут в Пирей. Рассвет застал войско во Фрии.³ Сфодрий не принял никаких мер для того, чтобы не быть замеченным, но, наоборот, уклоняясь от пути, захватывал скот и грабил дома. Некоторые из встретившихся с войском ночью бежали в город и сообщили афинянам, что к ним приближается очень большое войско. Все афиняне — гоплиты и всадники — быстро вооружились и охраняли город от нападения. В это время в Афинах как раз находились лакедемонские послы Этимокл, Аристоклох и Окилл; они остановились у лакедемонского проксена,⁴ Каллия. По получении указанного известия, они были арестованы и заключены под стражу по подозрению в соучастии. Они были крайне поражены случившимся и говорили в свое оправдание, что не могли же они быть такими глупцами, чтобы находиться в городе, зная о том, что Пирей должен быть сейчас же захвачен, и отдать себя в руки афинянам, да притом же еще остановиться у проксена, где их легче всего найти. Скоро, говорили они, афинянам станет ясно также и то, что нападение было совершено без ведома Лакедемонского государства; афиняне, заявляли они, без всякого сомнения скоро узнают о казни Сфодрия по приговору лакеде-

¹ До Анталкидова мира Коринфская война препятствовала вторжению лакедемонян в Среднюю и Северную Грецию.

² См. § 9.

³ В Аттике, близ Элевсина.

⁴ См. коммент. к кн. I, гл. 2, § 10.

24 монян. Афиняне признали, что они не были посвящены в замысел Сфодрия, и выпустили их из заключения. Эфоры вызвали Сфодрия в Лакедемон и привлекли к суду по обвинению в преступлении, караемом смертной казнью. Из страха Сфодрий не явился на суд, однако же был оправдан заочно. Многие лакедемоняне считали этот процесс самым несправедливым из всех, которые велись в Лакедемоне. Случилось же так по следующей причине.

25 У Сфодрия был сын Клеоним, только что вышедший из детского возраста, самый красивый и самый выдающийся из всех своих сверстников. К нему пылал страстью сын Агесилая, Архидам. Приверженцы Клеомброта, к партии которых принадлежал и Сфодрий, стояли за его оправдание, но они боялись Агесилая и его приверженцев, а также и нейтральной партии, по мнению которых
26 Сфодрий совершил ужасное преступление. При таких обстоятельствах Сфодрий сказал Клеониму: «Сын мой, от тебя зависит спасение твоего отца: для этого ты должен попросить Архидам, чтобы он склонил Агесилая быть снисходительным ко мне на суде». Услышав об этом, Клеоним решил пойти к Архидаму и умоляя его быть спасителем отца. Увидя, что Клеоним рыдает, Архидам подошел к нему и заплакал также, но, узнав, о чем он просит, ответил: «Клеоним, да будет тебе известно, что я не решаюсь даже взглянуть прямо в лицо моему отцу; когда же я желаю добиться чего-нибудь в государственных делах, я скорее решусь попросить кого угодно другого, нежели отца. Но раз просишь ты, то будь уверен, что я приложу все усилия и сделаю это для тебя».
27 После этого разговора Архидам пошел из общей столовой домой и лег спать, а на следующее утро он, встав, стал поджидать выхода отца, чтобы тот не мог уйти незаметно от него. Увидев, что отец встал, он переждал, пока тот переговорит со всеми гражданами, имевшими до него дело, а также и с иностранцами; он даже уступил очередь всем слугам, пришедшим с разными нуждами. Наконец, Агесилай, пройдя до Еврота и вернувшись назад, вошел к себе в дом, и Архидам ушел ни с чем, не решившись подойти к отцу. То же произошло и на следующий день. Агесилай догадывался, с какой целью сын бродил вокруг него; однако же, он не задавал ему никаких вопросов и ждал, что будет дальше. Архидам же, само собой разумеется, страстно жаждал свидания с Клеонимом, но он не решался встретиться с ним, не поговорив с отцом о том, о чем тот просил его. Приверженцы Сфодрия, видя, что Архидам перестал посещать Клеонима, тогда как прежде он бывал у него очень часто, были в большом страхе, думая, что Агесилай сурово отказал сыну. Наконец, Архидам решился, подошел к отцу и сказал ему: «Отец, Клеоним обратился ко мне с просьбой, чтобы я просил тебя спасти его отца. Умоляю тебя об этом, если только это возможно.» Агесилай ответил на это: «В твоих устах такая просьба простибельна; однако, как бы государство могло простить меня, если бы я признал невинным человека, который ради собственного обогащения действовал во вред отечеству, — этого я не
28
29
30

могу себе представить». Пораженный справедливостью этих слов Архидам в тот раз не прибавил более ни слова к своей просьбе и удалился. Но некоторое время спустя он — по собственному замыслу или по наущению других — снова подошел к отцу и сказал ему: «Я знаю, что, если бы Сфодрий был невинен, ты бы оправдал его и без моей просьбы. Ныне же, когда он кое в чем прегрешил, прости его ради меня». Отец ответил: «Если это не ляжет пятном на мою честь — я сделаю это». Услышав это, сын удалился, потеряв всякую надежду на успех своего ходатайства. Кто-то из друзей Сфодрия в разговоре с Этимоклом¹ заметил: «Я знаю, что все вы, сторонники Агесилая, будете голосовать за казнь Сфодрия». Этимокл ответил на это: «Клянусь Зевсом, это не так, мы будем поступать так же, как сам Агесилай, а он в разговорах со всеми всегда держится того мнения, что считать Сфодрия не совершившим преступления нельзя; однако же, тяжело предать смертной казни человека, который держал себя, как настоящий спартиат и в детстве, и в отрочестве, и в юности; именно в таких воинах нуждается Спарта». Этот разговор был передан Клеониму. Последний, обрадовавшись, немедленно отправился к Архидаму и сказал: «Нам уже известно, что ты принял участие в нашей судьбе. Будь же уверен, Архидам, что мы приложим все старания, чтобы тебе никогда не пришлось стыдиться нашей дружбы». Он не солгал: в течение всей своей жизни он делал все, что считается доблестным в Спарте; в битве при Левктре он, находясь перед царем, сражался рядом с полемархом Диноном: трижды его сбивали с ног, и он опять подымался, пока не погиб первым из граждан, окруженный со всех сторон неприятелем. Этим он причинил ужасное горе Архидаму, но сдержал свое обещание и не посрамил их дружбы, а наоборот возвеличил ее. Таким способом Сфодрию удалось добиться оправдания.

Между тем друзья беотийцев в Афинах воспользовались этим и указывали афинянам, что лакедемоняне не только не наказали Сфодрия за его злоумышление против Афин, но еще и похвалили. Тогда афиняне снабдили Пирей городскими воротами, стали строить корабли и оказывали беотийцам ревностную поддержку. Лакедемоняне в ответ на это объявили поход на фиванцев и, считая, что Агесилай более предусмотрительный полководец, нежели Клеомброт, просили его принять на себя начальствование в походе. Он ответил, что никогда не станет противоречить желанию всех граждан, и стал готовиться к отправлению. Агесилай понимал, что, если не удастся заранее занять высоту Киферона, то не легко будет вторгнуться в Фиванскую область. Уж до этого он, узнав, что клиторийцы и орхоменцы² во враждебных отношениях между собой и содержат на случай взаимной войны наемные войска, заключил с ними соглашение, что в случае нужды эти наемные войска

¹ Бывшим послом в Афинах. См. § 22.

² В Аркадии.

37 присоединятся к его войску. После того как диабатерии¹ дали хорошие предзнаменования, он выступил и по пути в Тегею отправил вперед гонцов к начальнику клиторийских наемников; Агесилай выдал им вперед жалованье за месяц и приказал заранее занять высоты Киферона. Орхоменцам он приказал прекратить военные действия на все время похода: по постановлению союзников, если один из союзных городов нападает на другой в то время, как его войско находится в заграничном походе, союзному войску надлежит

38 первым делом обрушиться на этот город. Перевалив через Киферон, он устроил базу в Феспиях и оттуда напал на Фиванскую область. Вся равнина, где находились наиболее ценные участки земли, оказалась обнесенной вокруг рвом и частоколом. Агесилай переносил лагерь с одного места на другое, выступал с войском тотчас после завтрака и опустошал ту часть страны, которая лежала между ним и рвом с частоколом. Как только показывался Агесилай, внутри заграждения появлялись и противники, готовые к

39 обороне. Когда однажды Агесилай с войском уже возвращался в лагерь, фиванские всадники, до тех пор никем не замеченные, внезапно выступили из специально проделанных выходов в ограде и напали на пельтастов, возвращающихся и готовящихся к ужину, и на всадников, частью еще не успевших сесть на коней, частью уже садившихся. Фиванские всадники перебили при этом очень много пельтастов, а из всадников спартиатов Клея и Эпикидида, одного периека — Евдика и кое-кого из фиванских изгнанников, еще

40 не успевших сесть на коней. Тогда Агесилай, повернув фронт, пришел им на помощь с гоплитами: конница выступила против вражеских всадников; ее сопровождали бегом гоплиты десяти младших призывных возрастов. Фиванские всадники при этом производили такое впечатление, как будто бы они в полдень² подвыпили: правда, они стойко выдерживали натиск до тех пор, пока не выпустили всех дротиков, однако же ни один из них не попал в цель. После этого они повернули тыл, потеряв при отступлении двенадцать человек, несмотря на то, что они находились в значительном расстоянии от противника. Агесилай, заметив, что и враг, как и он сам,

41 всегда выступает после завтрака, совершив жертвоприношение, выступил на рассвете с величайшей быстротой и, пользуясь отсутствием врага, проник внутрь ограды. После этого он вырубил и выжег всю загороженную местность вплоть до города. Затем он снова вернулся в Феспийскую область и обнес город стеной. Здесь он оставил гармоном Фебида, а сам снова перевалил через горы и прибыл в Мегары, где распустил союзные контингенты, а сам с войском возвратился на родину.

42 После этого Фебид от времени до времени высылал отряды для разграбления Фиванской области и опустошения ее, совершая военные набеги. Желая отомстить ему, фиванцы выступили всенарод-

¹ См. коммент. к кн. III, гл. 1, § 17.

² У греков не было принято пить днем.

ным ополчением и двинулись на Феспийскую область. По их прибытии сюда, им навстречу вышел Фебид с пельтастами и вел такой упорный натиск, что фиванцам ни в одном месте не удавалось отойти от наступающего врага. Измученные этим настойчивым наступлением, фиванцы были вынуждены отступить поспешнее, чем они рассчитывали, причем погонщики мулов бежали на родину, побросав все, что они успели наgrabить, — такой страх охватил войско. Фебид стал тогда наступать еще энергичнее; он двигался во главе пельтастов, приказав гоплитам следовать позади в боевом порядке. Он рассчитывал обратить фиванцев в настоящее бегство и поэтому и сам нападал с величайшим рвением и своим воинам внушал, чтобы они не давали фиванцам отойти ни на пядь от феспийского войска. Феспийским гоплитам он велел следовать позади. При этом отступлении фиванцы попали в непроходимое ущелье; тогда они сгучились и затем, не имея никакой возможности двигаться далее в том же направлении, повернули тыл и устремились на врага. В первых рядах пельтастов, которые были вообще малочисленны, произошло замешательство, и они обратились в бегство. Из этого случая фиванские всадники вывели заключение, что надо продолжать атаку. В этом бою погиб Фебид и еще двое или трое из его боевых товарищей, после чего и все наемники обратились в бегство. Бегущее войско встретилось с феспийскими гоплитами. Последние прежде гордо заявляли, что никогда не уступят фиванцам, но теперь также обратились в бегство, хотя фиванцы в виду позднего времени и не вели упорного преследования. При этом феспийцы потеряли лишь небольшое число людей; однако же они бежали, не останавливаясь, пока не вступили в крепость. После этого у фиванцев снова поднялась бодрость духа, и они предприняли ряд походов на Феспии и другие беотийские города. Сторонники демократической партии бежали из этих городов в Фивы, так как во всех этих городах было введено такое же господство немногих властителей, как прежде в Фивах. Поэтому во всех этих городах лаконофильская партия требовала помощи. После смерти Фебида лакедемоняне послали в Феспии по морю полемарха¹ с отрядом воинов.

С наступлением весны эфоры снова объявили поход на Фивы и, как прежде, попросили Агесилая начальствовать над войском. Будучи такого же мнения о способе проникновения в Беотию,² как и раньше, он, прежде чем совершить диабатерии, послал к феспийскому полемарху гонца с приказом заранее занять вершину господствующую над дорогой через Киферон, и охранять ее до его прихода. Когда Агесилай, перевалив через Киферон, очутился в Платейской области, он сделал вид, что идет, как в первый раз, прежде всего в Феспии. С этой целью он послал туда гонцов с приказанием устроить рынок, а прибывшим посольствам велел дожи-

¹ См. коммент. к кн. VI, гл. 4, § 12.

² См. § 36.

49 даться его в этом городе. Поэтому фиванцы усиленно защищали проход, ведущий к ним из Феспийской области. На следующий день по прибытии Агесилая, совершив жертвоприношение, двинулся на рассвете по дороге на Эрифры. В один день он совершил такой переход, который обыкновенно совершается войском в два дня, и близ Скола проник внутрь ограды прежде, чем фиванцы перевели сюда войска с караульного пункта, расположенного в том месте ограды, чрез которое он проник в первый раз. После этого он предал опустошению всю территорию к востоку от города Фив, вплоть до Танагрской области; в Танагре в это время власть была еще в руках Гипатодора и его приверженцев, т. е. лакнофильской партии. Затем он повернул обратно, оставив слева 50 Танагрскую крепость. В это время фиванское войско подошло к нему и выстроилось на Грайском лоне, опираясь арриергардом на ров с частоколом. Это место фиванцы считали подходящим для сражения, так как площадь была довольно узка, и доступ к ней был затруднителен. Однако, Агесилай заметил это и не вышел им навстречу, а, повернув фронт, двинулся к их городу. Фиванцы испугались за город, оставшийся без защитников, и, покинув свои 51 позиции, устремились туда бегом по дороге на Потнии, которая была наиболее безопасной.¹ Остроумный маневр Агесилая привел к тому, что он заставил врагов удалиться бегом с позиций, хотя он не наступал, а отходил и был далеко от них. В то время как они пробегали мимо войска Агесилая, на них напало несколько полемархов со своими мо- 52 рами.² Фиванцы занимали позиции на холмах, откуда метали копья в противников, причем пал, пораженный копьем, один из полемархов, Алипет. Однако, фиванцы принуждены были оставить эту позицию и уступить ее скирийцам³ и части вражеской конницы, которые, взобравшись сюда, наносили удары в тыл фиванского войска, уходившего к городу. Подойдя близко к городской стене, 53 фиванцы повернули фронт против неприятеля. Заметив это, скирийцы удалились быстрым шагом. Из них никто не был ранен, тем не менее фиванцы поставили трофей, так как их противники удали- 54 лись, несмотря на удобные позиции. После этого Агесилай, так как было уже довольно позднее время года, двинулся назад и расположился лагерем в том месте, где прежде было выстроено неприятельское войско.⁴ На следующий день он удалился по дороге, ведущей на Феспии. Его храбро преследовали пельтастры, фиванские наемники; они звали на помощь Хабрия,⁵ который в этот раз не выступил вместе с ними. Тогда олинфские всадники, примкнувшие

¹ Так как она вела по возвышенной холмистой местности, благодаря чему фиванцы сохраняли преимущество в позиции.

² См. коммент. к кн. VI, гл. 4, § 12.

³ См. коммент. к гл. 2, § 24.

⁴ Т. е. в Грайском лоне. См. выше, § 50.

⁵ См. коммент. к § 34 (в конце).

уже, согласно клятвенному договору,¹ к союзному войску, повернули фронт и стали преследовать фиванцев. На пути у отступающих пельтастов оказался крутой склон, куда их и загнали олинфяне. Здесь было перебито очень много пельтастов, так как на склонах, доступных для верховой езды, пехота бессильна против конницы. Агесилай прибыл в Феспии в то время, как здесь шла между гражданами ожесточенная партийная борьба: партия, слывшая лаконофильской, добивалась истребления своих политических противников, в числе коих был и Мелон. Однако, Агесилай этого не допустил: он примирил между собой обе партии, заставил их обмениваться клятвами и только после этого удалился через Киферон по дороге на Мегары. Здесь он распустил союзников, а лакедемонское войско увел на родину.

Фиванцы были в очень тяжелом положении вследствие недостатка хлеба: уже два года они не могли снимать с полей жатвы. Поэтому они послали на двух триэрах своих уполномоченных в Пагасы за хлебом, ассигновав для этой цели десять талантов. В то время как они скупали хлеб, начальник лакедемонского гарнизона в Орее² Алкет экипировал три триэры, приняв все необходимые меры, чтобы об этом не могли узнать противники. Когда корабли с хлебом вышли в море, Алкет захватил корабли и триэры; весь экипаж, в числе не менее трехсот человек, был взят в плен. Алкет заключил пленных в темницу в городской крепости, где находился и его штаб. С Алкетом был в близких отношениях сын одного из орейских граждан, пользовавшегося безупречнейшей репутацией; поэтому, разместив узников, он спустился из крепости в город и занялся ухаживанием за этим мальчиком. Узнав о его беззаботном легкомыслии, пленники овладели крепостью и склонили город к отложению. После этого фиванцы перевозили хлеб уже без всяких затруднений.

Когда наступила следующая весна, Агесилай не мог уже выступить: он был болен и лежал в постели. На пути из Фив, в то время как его войско находилось в Мегарах, он шел однажды из храма Афродиты в здание правительственных учреждений. Вдруг у него лопнула внутри какая-то жила, и кровь потекла из тела в здоровую, не хроющую ногу.³ Голень необычайно раздулась и причиняла Агесилаю невыносимую боль. Тогда какой-то сиракузский врач вскрыл ему жилу около лодыжки. Кровь брызнула и, не переставая, текла целые сутки. Никакими средствами не удавалось остановить кровотечения, пока Агесилай не впал в беспамятство; тогда кровотечение само собой прекратилось. После этого Агесилай был отвезен в Лакедемон, где проболел все лето и зиму.

С наступлением весны лакедемоняне снова объявили поход, приказав Кломброту стать во главе войска. Когда он со своим войском приблизился к Киферону, пельтасты ушли вперед, чтобы заранее

¹ См. гл. 3, § 26.

² То же, что Гистия, на Евбее. См. кн. II, гл. 2, § 3.

³ Агесилай был хром на одну ногу. См. кн. III, гл. 3, § 3.

занять вершины, господствующие над перевалом. Но эти вершины были уже заняты фиванцами и афинянами. Последние выждали, пока противники взберутся на вершину, а затем устремились на них и, выбив их из позиции, преследовали и перебили около сорока человек. При таком положении дел Клеомброт считал невозможным перевалить в Фиванскую область; поэтому он повернул назад и распустил войско.

60 После этого состоялось собрание союзников в Лакедемоне, причем союзники в своих речах заявляли, что они так долго терпят бедствия войны лишь вследствие нерадивости полководцев. По их словам, возможно было экипировать флот, гораздо более многочисленный, чем афинский, и взять Афины измором. На этих же кораблях можно было, по их мнению, переправить войско в Фиван-
61 скую область, высадив его либо в Фокиде, либо в Кревсии. В расчете на это и было экипировано шестьдесят триер, причем навархом был назначен Поллид.¹ Лакедемоняне не ошиблись в расчете: им действительно удалось организовать блокаду Афин; суда, везшие хлеб, доходили только до Гераста,² а оттуда не решались плыть дальше, так как лакедемонский флот находился близ Эгины, Кеоса и Андроса. Афиняне, увидев, что им остался только один выход, вышли сами³ в море на своих кораблях, сразились с Поллидом под начальством Хабрия и победили его в морской битве. Таким образом афинянам удалось уничтожить препятствия к свободному ввозу хлеба.

62 В виду того, что лакедемоняне готовились к перевозке морем войска в Беотию, фиванцы обратились к афинянам с просьбой послать войско в Пелопоннес. Они полагали, что в этом случае лакедемоняне будут не в состоянии и охранять их собственную страну и защищать соседние с ней союзные государства, и в то же время
63 послать значительное войско для борьбы с фиванцами. Афиняне, раздраженные против лакедемонян за поступок Сфодрия, охотно отправили экспедицию в Пелопоннес, экипировав шестьдесят кораблей и выбрав стратегом флота Тимофея. Так как враги не вторгались в Фиванскую область ни в том году, когда во главе войска стоял Клеомброт, ни в следующем, когда Тимофей со своим флотом обогнул Пелопоннес, фиванцы стали без всяких опасений совершать походы на беотийские города, и им удалось снова присоединить их к себе. Тимофей, обогнув Пелопоннес, тотчас же подчинил себе Керкиру. Он никого не поработал, не удалял в изгнание и не изменял государственного устройства; поэтому ему удалось расположить к себе города, находящиеся в этих местах. Для
64 борьбы с ним лакедемоняне снарядили флот и отправили его под начальством наварха Николоха, очень храброго мужа. Последний,
65

¹ См. выше, кн. IV, гл. 8, § 11 (здесь он фигурирует как эпистолей наварха Поданема под 393 г.). Еще ранее, в 395 г., он был навархом (оксиринхский историк; см. приложение 4,2 и 14,1).

² См. кн. III, гл. 4, § 4.

³ А не экипировали их наемниками, как это делалось обыкновенно.

оказавшись в виду флота Тимофея, решил не терять времени и вступил в бой с шестьюдесятью кораблями Тимофея, хотя шести амбракийских кораблей, входивших в его флот, не было налицо, и он располагал только пятьюдесятью пятью. В этот раз он был разбит, и Тимофей поставил трофей в Ализии; зато в другой раз, когда Тимофей выволок свои корабли на сушу и починял их, он подплыл к Ализии, где находился Тимофей; теперь к нему уже прибыли и шесть амбракийских триэр. Так как Тимофей не вышел ему навстречу, он также поставил трофей на одном из ближайших островов. Тимофей же, починив корабли, которые до тех пор входили в его флот, и присоединив к своему флоту новые, керкирские корабли, стал далеко превосходить флотом противника, так как общее число его кораблей стало более семидесяти. Он настоятельно требовал денег из Афин; такой большой флот нуждался в больших издержках.

К Н И Г А Ш Е С Т А Я

1 1 Таковы главнейшие события в жизни афинян и лакедемонян. Фиванцы же, покорив беотийские города, стали совершать походы на Фокиду. Тогда фокейцы стали отправлять посольства в Лакедемон; послы указывали, что, если лакедемоняне не придут к ним на помощь, они не в силах будут отстоять свою независимость и подчинятся фиванцам. Поэтому лакедемоняне переправили по морю в Фокиду царя Клеомброта с четырьмя морями¹ граждан и соответственным числом союзников.²

2 Приблизительно в это же время прибыл из Фессалии фарсалец Полидамант для переговоров с Лакедемонским государством. Он пользовался большим почетом во всей Фессалии, а в своем родном городе он снискал себе такое уважение, что фарсальцы во время междоусобной борьбы между партиями верили ему городскую крепость, поручили ему взыскивать все то, что причиталось государству по закону, и расходовать взысканные деньги на храмовые
3 нужды и на дела управления, согласно с указаниями закона. Действительно, он на эти деньги охранял и защищал городскую крепость, вел все остальные государственные дела и в конце каждого служебного года представлял отчет. Если обнаруживался дефицит, он покрывал его из собственных средств; если же получалось превышение дохода над расходом, он забирал остаток в свою пользу. Вообще он был хлебосол и славился чисто-фессалийской расточительностью. Этот-то Полидамант прибыл в Лакедемон и выступил со следующей речью:

4 «Лакедемоняне, весь мой род, все мои предки, поскольку простирается моя память, всегда были проксенами и евергетами³ лакедемонян. Поэтому я и считаю правильным обращаться к вам при всяких затруднениях и сообщать вам о всех неприятных событиях, происходящих в Фессалии. Я не сомневаюсь, что и вам хорошо известно имя Ясона. Это — человек именитый и очень могущественный. Заключив со мной перемирие,⁴ он вступил со мной в переговоры и сказал мне следующее: «Полидам! Я думаю, что мои
5

¹ См. коммент. к гл. 4, § 12.

² Рассказ об этой экспедиции продолжается во второй главе.

³ См. коммент. к кн. I, гл. 2, § 10.

⁴ Полидамант ездил с ним, как видно из указания Ксенофонта (в этом же §, ниже).

доводы вынудят тебя признать, что я мог бы и силой заставить ваш город подчиниться мне. Действительно, ныне большая часть Фессалийских городов (и в том числе наиболее значительные) — мои союзники; я их покорил, несмотря на то, что и вы вместе с ними выступили против меня на поле брани. Кроме того, как тебе известно, я имею до шести тысяч иностранцев-наемников, с которыми, как мне кажется, нелегко будет сразиться даже самому могущественному государству. Правда, и мои противники располагают не меньшим числом воинов. Однако же, ополчения граждан включают в свой состав как людей, уже превысивших наиболее подходящий для военной службы возраст, так и еще не совсем возмужавших отроков; и вдобавок во всех городах только незначительное количество людей занимается физическими упражнениями. Я же не принимаю к себе на службу людей, отстающих от меня в физическом развитии». А сам он, сказать по правде, отличается богатырской силой и поразительной неутомимостью. Ежедневно он со своими наемниками устраивает военные упражнения, причем как во время этих упражнений в гимнасии, так и во время сражений сам идет впереди войска в полном вооружении. При этом он удаляет со службы тех из наемников, которые оказываются недостаточно выносливыми, а тех, которые ему кажутся наиболее неутомимыми и наиболее твердыми в опасностях битв, он награждает, увеличивая жалованье в два, три и даже четыре раза, делая им различные подарки, ухаживая за ними во время болезни и устраивая им почетное погребение. Поэтому каждый из его наемников знает, что военная доблесть даст ему в жизни и почет и богатство.

В этом разговоре Ясон указал также на то, что мне и без него было уже давно известно: что ему уже подчинились мараки, долопы и правитель Эпира Алкет.¹ «Итак, — заявил он, — мне нечего опасаться, чтобы при покорении вашего города мне пришлось встретиться с большими затруднениями. Правда, несведущий человек возразил бы мне на это: «Если это так, то к чему же ты медлишь? Почему ты до сих пор не двинулся походом на Фарсал?» Но дело вот в чем: я считаю, клянусь Зевсом, что во всех отношениях будет лучше, если мне удастся подчинить вас себе убеждением, а не силой. Действительно, встретив с моей стороны насилие, вы будете всячески злоумышлять против меня; я также буду желать во что бы то ни стало сокрушить ваши силы. Если же вы подчинитесь мне добровольно, то несомненно и я и вы будем всячески содействовать усилению друг друга. Я знаю, Полидамант, что взоры твоего отечества устремлены на тебя. Если ты убедишь своих сограждан относиться ко мне дружелюбно, я обещаю тебе, что сделаю тебя величайшим после меня самого человеком во всей Греции. Но послушай дальше, и ты увидишь, в каких великих событиях ты будешь играть вторую роль. Притом доверяй мне лишь

¹ См. ниже, гл. 2, § 10, а также коммент. к кн. V, гл. 4, § 66. Мараки и долопы — этолийские народности.

в том, что тебе самому представляется несомненным. Ясно, что в случае присоединения ко мне Фарсала с зависимыми от него городами я без труда стану тагом всей Фессалии. Точно также несомненно, что при объединении всей Фессалии под властью одного тага она располагает шестью тысячами всадников и более чем 9 десятиью тысячами гоплитов. Зная телосложение и храбрость фессалийцев, я не представляю себе, какое племя будет в состоянии владычествовать над ними, если они найдут хорошего руководителя. Фессалия занимает огромное пространство, и если вся власть над страной перейдет к одному тагу, — то этим самым она уже покорит все живущие вокруг нее племена. Почти все народности 10 этих мест искусны в метании дротиков; поэтому вполне естественно, что наше войско будет славиться и своими пельтастами. Беотия и все другие государства, воюющие с Лакедемоном, — со мной в союзе: они обещали выставить свои контингенты в мое войско, если я освобожу их из-под власти лакедемонян. Мне известно, что и афиняне пошли бы на все, лишь бы только добиться союза со мной, но я не желаю заключать с ними дружбу, так как добиваться господства на море по-моему еще легче, чем на суше. Рассуди, не прав ли я и в этом. Если мы овладеем Македонией, откуда и афиняне вывозят к себе лес, мы сможем соорудить себе еще больше 11 кораблей, чем есть у них. А у кого, скажи мне, будет более многочисленный экипаж, у афинян или у нас, располагающих таким большим количеством пенестов,¹ и притом столь прекрасно сложенных? Ну, а кому легче будет содержать флотский экипаж, нам ли, вследствие изобилия вывозящим свой хлеб за границу, или афинянам, которым нехватает своего хлеба и которые должны покупать его у других? Затем наша казна будет иметь гораздо больше 12 доходы: нам не придется рассчитывать на какие-то островки,² мы будем облагать данью народы материка: если Фессалия будет объединена под властью одного тага, то, конечно, все окрестные народы будут приносить ей дань. Ты, ведь, знаешь, что персидский царь — богаче всех людей на свете, и это потому, что он привлекает свои доходы не с островов, а с материка. Впрочем, мне кажется, что его еще легче покорить, чем Грецию. Мне известно, что весь персидский народ, исключая лишь одного человека, это — толпа рабов, чуждая гражданских добродетелей; известно и то, что царь был доведен до края гибели сравнительно незначительными 13 отрядами, шедшими под предводительством Кира и Агесилая».

На эти слова я ему ответил, что его предложения заслуживают внимательного рассмотрения; лишь одно в его речах мне представляется неприемлемым: я не считаю возможным, будучи в дружественных отношениях с лакедемонянами, отложиться от них и пристать к их врагам, несмотря на то, что я не имею никаких оснований быть недовольным ими. Эти мои слова понравились ему, и

¹ См. коммент. к кн. II, гл. 3, § 36.

² Насмешка над афинянами, у которых в эпоху наивысшего процветания большая часть дохода составлялась из дани, вносимой островитянами.

он сказал, что, узнав мой характер, он еще более хотел бы привлечь меня на свою сторону. Затем он позволил мне пойти к вам и сказать вам всю правду, — что, если мы добровольно не подчинимся, то Ясон имеет в виду идти походом на Фарсал. Он советовал мне просить у вас подмоги и прибавил к этому: «Если, с божьей помощью,¹ тебе удастся убедить их, чтобы они послали вспомогательное войско, достаточное для борьбы со мной, — то пусть будет так, пусть все решится в честном бою. Если же их подмога тебе покажется недостаточной, то ты по справедливости не заслужишь уже ни малейшего нареkania, поступив так, как будет полезнее всего для родины, которая наградила тебя таким почетом».² Все это и вынудило меня прийти к вам и рассказать вам обо всем том, что я частью видел собственными глазами, частью же слышал от Ясона. Ныне, лакедемоняне, как мне представляется, дело обстоит так: если вы пошлете туда войско, которое не только мне одному, но и всем фессалийцам покажется³ достаточным для борьбы с Ясоном, подчиненные ему города отпадут от него, так как всех их пугает рост его могущества. Если же вы захотите отделаться отправкой в Фессалию отряда неодамодов под командой одного из граждан,⁴ то я советую вам не мешаться в это дело. Ведь, вам известно, что придется бороться с очень сильным войском и со столь искусным полководцем, который почти никогда не ошибается в своих планах, — хочет ли он обмануть бдительность врага ловким маневром, хочет ли быстротой действий застигнуть его врасплох или же броситься в мужественную атаку. Он умеет делать ночью то, что другие делают лишь днем; если он спешит, то работает даже во время обеда и ужина. Он полагает, что только тогда будет вправе отдыхать, когда он придет к своей цели, выполнив все то, что он имел в виду. Такое же воспитание он дал своим воинам. Он считает правильным, после того как воины потрудились для исполнения его желаний, исполнять и их желания. Поэтому все его подчиненные знают, что после труда их ждут удовольствия. Вдобавок Ясон — самый воздержанный в телесных удовольствиях человек из всех, кого я знаю; поэтому удовлетворение личных потребностей не отнимает у него ни минуты времени и не мешает ему постоянно заниматься необходимыми делами. В виду всего этого обдумайте и дайте мне достойный вас ответ относительно того, что вы в силах выполнить и что вы думаете предпринять».

После этой речи лакедемоняне постановили отложить окончательный ответ. Два следующих дня прошли в обсуждении. Они приняли в расчет все те моры, которые находились в заграничном походе; подумали о тех триэрах,⁵ которые были выстроены близ

¹ Я придерживаюсь чтения: καὶ ἐὰν μὲν θεοὶ ἔφη, διδῶσιν.

² Т. е. вступив в союз со мной.

³ Моя конъектура: εἰ μὲν πέμψετε ἐκείσε δύναμιν (ὥστε) μὴ ἐμοὶ μόνον ἀλλὰ τοῖς ἄλλοις Θεσσαλοῖς ἰκάνην δοκεῖν εἶναι и т. д.

⁴ А не царя.

⁵ См. кн. V, гл. 4, § 63.

Лакедемона против афинского флота; не забыли и о войне с пограничными государствами. После этого они дали Полидаманту ответ, что при настоящем положении вещей они не имеют возможности послать ему достаточную помощь; поэтому они посоветовали ему вернуться на родину и поступить так, как ему покажется наилучшим для его государства. Полидамант похвалил лакедемонян за чистосердечность их ответа и вернулся на родину. Затем он обратился к Ясону с просьбой не принуждать его к выдаче крепости, говоря, что он обязан по отношению к своим верителям сохранять ее неприкосновенной. Взамен этого он послал к Ясону заложниками своих детей, обещал ему убедить своих сограждан добровольно заключить с ним союз и содействовать ему в достижении власти тага. После того как они обменялись клятвами, тотчас же был заключен мир между Ясоном и фарсальцами, и короткое время спустя Ясон был единогласно провозглашен тагом Фессалии. Заняв эту должность, он определил, сколько всадников и сколько гоплитов был в состоянии выставить каждый город. Оказалось, что он вместе с союзниками располагал более нежели восемью тысячами всадников; гоплитов он насчитал не менее двадцати тысяч; пельтастов же оказалось достаточно для борьбы с каким угодно государством. Требовалось много времени для того, чтобы только пересчитать города, посылавшие воинов. На жителей соседних городов он наложил дань в таком же размере, какой был установлен во времена Скопаса. Так было все это устроено. Теперь я продолжу изложение описанных выше событий, прерванное эпизодом о Ясоне.¹

Лакедемоняне со своими союзниками собрались в Фокиде;² тогда фиванцы вернулись в свою область³ для охраны проходов. Афиняне заметили, что благодаря им растет могущество фиванцев, что фиванцы не делают никаких взносов на усиление флота, что им одним приходится нести все бремя военных налогов, грабительских набегов с Эгины⁴ и охраны страны от врага. Поэтому у них явилось сильное желание положить конец войне; они отправили послов в Лакедемон, и был заключен мир.

Двое из послов согласно народному постановлению отправились прямо из Лакедемона морем к Тимофею и передали ему, чтобы он плыл на родину, так как заключен мир. Он повиновался, но по пути на родину высадил изгнанных жителей Закинфа на этот остров. Тогда закинфяне, занимавшие город, отправили послов в Лакедемон, которые передали, как поступил с ними Тимофей. Лакедемоняне нашли, что афиняне поступили неправомерно, и тотчас же снарядили флот, собрав до шестидесяти кораблей как из самого Лакедемона, так и из Коринфа, Левкады, Амбракии, Элиды, Закинфа, Ахайи, Эпидавра, Трезены, Гермियोны и Галий. Навархом

¹ В § 1 этой главы.

² Здесь продолжается рассказ, прерванный после § 1 пред. главы.

³ Из похода на соседние беотийские государства.

⁴ Ср. кн. V, гл. 1, § 1.

был назначен Мнасипп, которому было приказано, имея надзор за всем происходящим на этом море,¹ двинуться против Керкиры. Одновременно было отправлено посольство к Дионисию,² которое имело целью внушить ему, что и для него будет выгодно, если Керкира не будет принадлежать афинянам.³ После того как флот был собран, Мнасипп поплыл против Керкиры. Кроме лакедемонского войска, у него было не менее тысячи пятисот наемников. Высадившись в Керкире, он завладел территорией и принялся опустошать прекрасно обработанную и культивированную страну, разрушать образцово устроенные жилища и расположенные на полях винные погреба. Говорят, что его воины до того избаловались, что не хотели пить никаких вин, кроме старых отборных сортов с приятным букетом. На полях Мнасиппом было захвачено очень большое число рабов и скота. Затем он с сухопутным войском расположился лагерем на холме, отстоящем от города приблизительно на пять стадий. С холма открывался одновременно вид на город и на поля, так что, если бы кто из керкирцев захотел выйти за город, он был бы отрезан от города. Флот расположился по другую сторону от города; эта позиция представлялась Мнасиппу очень удобной для наблюдения за подплывающими судами и для того, чтобы в случае надобности воспрепятствовать морским операциям врага. К тому же суда часто крейсировали пред гаванью, когда позволяла погода.

Таким способом велась осада города. Керкирцы не могли добывать произведений земли, так как неприятель господствовал на суше, не могли также ничего подвозить, так как он владел и на море. Итак они оказались в безвыходном положении; они отправили послов в Афины с просьбой придти к ним на помощь; при этом послы указали, какое великое благо потеряют афиняне, если они лишатся Керкиры, и насколько они увеличат этим силы врагов: ведь, нет ни одного города, кроме самых Афин, который доставлял бы Афинянам столько денег и столько кораблей, как Керкира. Далее Керкира представляет собою наиболее выгодную позицию по отношению к Коринфскому заливу и примыкающим к нему государствам, может служить прекрасной базой для опустошительных набегов на Лаконскую область; особенно же удобно она расположена по отношению к противлежащему Эпиру и при движении из Сицилии в Пелопоннес. Услышав это, афиняне решили, что им следует принять самые серьезные меры, и послали стратегом Ктесикла с отрядом из почти шестисот пельтастов, попросив Алкета⁴ оказать содействие при перевозе этих воинов по морю. Этот отряд, переправившись ночью, высадился в каком-то укромном месте и затем проник в город. В дополнение к этому афинское

¹ Т. е. на Ионическом.

² К Дионисию I, сиракузскому тиранну.

³ Так как она могла служить им удобной базой для операций против Сицилии.

⁴ Царя молоссов. См. гл. 1, § 7.

народное собрание постановило экипировать шестьдесят кораблей, причем стратегом этих кораблей был избран поднятием рук Тимофей.¹ Так как Тимофею не удалось набрать экипажа на родине, то он стал крейсировать между островами и пытался там добрать недостающую часть экипажа, считая нелегким делом двинуться в обход Пелопоннеса с эскадрой, составленной на скорую руку, против флота, закаленного в морском бою. Афиняне решили, что он понапрасну тратит время, пропуская пору, самую удобную для плавания вокруг Пелопоннеса. Они не дали Тимофею никакого снисхождения, но, устранив его от стратегии, выбрали вместо него Ификрата. Последний, получив это назначение, повел дело очень круто, набирая экипаж и принуждая граждан не уклоняться от триэрархии.² Он присоединил к своему флоту также и те корабли, которые крейсировали вдоль берегов Аттики для ее охраны, в том числе «Парал» и «Саламинию»,³ говоря, что, если его дела пойдут хорошо, то он им вернет взамен этих гораздо большее количество кораблей. Таким образом удалось собрать всего около семидесяти кораблей. В это время в Керкире голод достиг таких размеров, что осажденные массами перебежали к врагу; поэтому Мнасипп объявил, что он будет продавать перебежчиков с публичного торгога. Но, так как осажденные, несмотря на это, продолжали перебегать, он стал, наконец, бичевать их и затем отправлять назад в город. Осажденные отказывались принимать в крепость ставших рабами, и многие из них погибли за городскими стенами. Заметив это, Мнасипп решил, что город уже почти что в его руках; поэтому он позволил себе часть наемников распустить, а оставшимся задолжал жалованье за целых два месяца, несмотря на то, что у него, по слухам, не было недостатка в деньгах: большинство союзников прислало вместо воинов деньги,⁴ так как поход этот был заморским. Осажденные, заметив с башен, что гарнизонные воины стали небрежно относиться к своим обязанностям и что вражеское войско рассеялось по стране, совершили вылазку, причем некоторых из воинов взяли в плен, а некоторых изрубили. Узнав об этом, Мнасипп облачился в доспехи и бросился на помощь со всеми своими гоплитами, приказав лохагам и таксиархам вывести в бой находящихся под их командой наемников. Некоторые из лохагов возражали, что трудно заставить повиноваться воинов, не получающих содержания; но он в ответ на это стал ударять их — кого палкой, кого древком копья. В виду этого они вышли в бой унылые, затаив ненависть против Мнасиппа. Такое настроение войска, идущего в бой, всегда сопровождается самыми скверными последствиями. Выстроив войско, Мнасипп повел его против отрядов неприятеля, стоявших у городских ворот и, обратив их в бегство, погнался за ними. Но, приблизившись к стене, преследуемые повернули фронт к не-

¹ См. кн. V, гл. 4, § 63.

² См. коммент. к кн. I, гл. 1, § 2.

³ См. коммент. к кн. II, гл. 1, § 28.

⁴ См. кн. V, гл. 2, § 21.

приятелю и стали метать копьа и дротики с надгробных памятников. В это же время из города вышел еще отряд воинов через другие ворота и напал сплоченным строем на крайний фланг. Лакедемоняне были выстроены в восемь рядов и в виду этого считали, что они слишком слабы для флангового боя; поэтому они пытались сделать маневр поворота.¹ Когда они стали для этой цели маршировать назад, враги решили, что они бегут, и напали на них; спартанцы оказались не в состоянии выполнить маневр, и часть войска, смежная с нападающими, обратилась в бегство. Мнасипп не мог подать помощи потерпевшим в этом деле, так как он должен был обороняться от нападающих с фронта; число его воинов все уменьшалось. Наконец, обоим неприятельским войскам удалось соединиться и напасть на Мнасиппа с его воинами, которых осталось уже очень мало. Увидя происходящее, и граждане вышли им на помощь из городских стен. После того как сам Мнасипп был убит, керкирцы всей своей массой стали преследовать неприятеля. Они, вероятно, взяли бы и обнесенный оградой лагерь, но, заметив вышедшую им навстречу толпу маркитантов, слуг и рабов, они приняли ее за боеспособное войско и повернули назад. Затем керкирцы поставили трофей и выдали трупы на основании заключенного для этого перемирия. После этого случая горожане стали много добрее, а осаждающие были в глубоком унынии, тем более, что доходили слухи, будто со дня на день можно ожидать прибытия Ификрата; керкирцы, действительно, стали экипировать суда. Гипермен, занимавший должность эпистолиафора² при Мнасиппе, экипировал весь флот, бывший в его распоряжении, перевел его на другую сторону острова, к укрепленному лагерю и там наполнил все транспортные суда рабами и вещами, после чего флот отбыл из Керкиры. Сам он с морскими воинами и с остатками сухопутного войска остался для охраны укреплений, но, в конце концов, и этот отряд в большом смятении сел на триеры и отплыл, покинув много хлеба, вина, рабов и больных воинов. Так пугала их возможность быть застигнутыми на острове. Таким образом им удалось спастись, уплыв на Левкаду.

Ификрат, отправившись в путь вокруг Пелопоннеса, в течение всего пути занимался непосредственной подготовкой к тому, что потребно для военно-морского дела. Уже при самом отправлении он оставил на берегу большие паруса,³ имея в виду, что он идет в бой; акатиями⁴ он тоже почти не пользовался, даже когда дул попутный ветер. Все время флот приводился в движение веслами, благодаря чему и гребцы прекрасно закалялись и суда двигались быстрее. Когда предстояло остановиться для завтрака или обеда, он приказывал прежде всего флангу, обращенному к суше, отходить

¹ Целью которого было увеличение длины фланга, ставшего теперь линией соприкосновения обоих войск.

² То же, что эпистолей. См. коммент. к кн. I, гл. 1, § 23.

³ См. коммент. к кн. I, гл. 1, § 13, с подстрочным примечанием.

⁴ См. коммент. к кн. I, гл. 1, § 13, с подстрочным примечанием.

от берега, пока весь фронт не выстроится параллельно берегу. Затем триэры делали маневр поворота и выстраивались носами к земле, после чего Ификрат приказывал по сигналу мчаться вперегонку к берегу. При этом наградой за победу была возможность первым набрать воды, первым удовлетворить какую-нибудь другую потребность или первым позавтракать. Прибывшие же последними были наказываемы тем, что они получали доступ ко всему этому после других, а отчаливать им все же приходилось в одно время с прочими, как только раздавался сигнал. Поэтому первые прибывшие могли удовлетворить все свои потребности спокойно, а последние должны были спешить. Если случилось завтракать во вражеской стране, он не довольствовался обычными караулами на суше, а подымал мачты на кораблях и помещал на них дозорных; они охватывали взором гораздо большее пространство, чем караульные, стоящие на берегу, так как наблюдали с более возвышенного пункта. Ночью, во время ужина или сна, он запрещал разводить костры в лагере, а зажигал огонь на некотором расстоянии от войска перед ним, чтобы никто не мог незаметно приблизиться. Если была хорошая погода, он часто приказывал отчаливать тотчас же после ужина, причем, если дул попутный ветер, — матросы спали, идя на парусах; если же приходилось грести, то гребцы делились на смены и гребли поочередно. Во время передвижения днем он приказывал по сигналу выстраиваться то гуськом, то в ряд. Таким образом, они попутно обучались и упражнялись во всех приемах военноморского дела, пока не прибыли в море, на котором, как они предполагали, господствовали враги. Хотя он завтракал и ужинал на вражеской территории, но ему всегда удавалось отчалить прежде, чем до врагов доходило известие о его высадке, так как он всегда исполнял на берегу только самое необходимое; по этой же причине он совершал переезды в кратчайшее время. Во время смерти Мнасиппа он был в Лаконской области, около Сфагий. Затем он прибыл в Элею и, миновав устье Алфея, причалил у подошвы хребта Ихтии (Рыбы). На следующий день он отбыл отсюда в Кефаллению; флот его был выстроен и двигался с таким расчетом, чтобы, в случае нужды, быть вполне готовым к сражению. Слухи о том, что случилось с Мнасиппом, ему не удалось проверить показаниями очевидца; он опасался, что эти слухи распространяются для того, чтобы ввести его в обман, и был на страже. Прибыв на Кефаллению, он получил точные сведения и дал войску отдых.

Я знаю, что все эти маневры и упражнения — обычная вещь при подготовке к морскому бою. Тем не менее в поведении Ификрата, по моему мнению, заслуживает особой похвалы то, что он, оказавшись вынужденным в кратчайший срок прибыть на место, где ожидалось сражение, изыскал способ, благодаря которому, с одной стороны, быстрое движение к месту назначения не повлекло за собой того, что экипаж остался неопытным в приемах морского боя, а, с другой, постоянные военные упражнения не имели последствием какого-либо замедления в пути.

Покорив города, лежащие на Кефаллени, он поплыл в Керкиру. Там он получил известие, что на помощь лакедемонянам идет десять триэр от Дионисия.¹ Он отправился сам на рекогносцировку и выискал такое место на острове, что оттуда можно было видеть приближающийся флот и в то же время из города был замечен сигнал, подаваемый в этом пункте; здесь он поставил дозорных, условившись с ними, какой сигнал они должны подать в знак того, что враг приближается, и какой в знак того, что враг стал на якорь. Двадцати из числа триэрархов он приказал по зову глашатая следовать за ним на врага; если же кто-нибудь уклонится, то он будет наказан так, что не будет иметь основания обвинять Ификрата в излишней снисходительности. Вскоре был подан сигнал, что вражеские суда приближаются; глашатаи немедленно оповестили об этом. Стоило посмотреть, с каким энтузиазмом было принято это известие. Из тех, кому предстояло плыть на врага, не было никого, кто бы не мчался бегом на свой корабль. Ификрат поплыл к тому месту, где остановились вражеские триэры, и захватил там весь экипаж, вышедший с кораблей на сушу. Только родосец Меланипп еще до прибытия Ификрата успел посадить экипаж на корабль и уплыл, советуя и другим не оставаться на берегу. Хотя он и натолкнулся на флот Ификрата, однако ему удалось благополучно скрыться. Сиракузские же корабли были взяты все в плен вместе с экипажем. Ификрат снял с триэр акротерии² и повел их на буксире в Керкирскую бухту. Пленным было решено выкупиться на свободу, причем для каждого был установлен особый размер выкупа. Только начальнику их Криниппу не была предоставлена эта льгота: его оставили под стражей, имея в виду либо получить за него очень крупный выкуп, либо продать его в рабство. В отчаянии Кринипп покончил самоубийством. Остальных Ификрат отпустил на волю, причем он позволил керкирцам выступить поручителями в том, что деньги будут уплачены. Заставив своих матросов обрабатывать поля керкирцам, он таким образом доставлял им пропитание. Сам же он с пельтастами и с теми гоплитами, которых он привез на кораблях, переправился в Акарнанию. Там он оказывал всяческие услуги дружественным городам, а с фирийцами, имевшими сильную крепость и славившимися своею военною доблестью, вел войну. Присоединив к себе керкирский флот, насчитывающий почти девяносто кораблей, он первым делом поплыл в Кефаллению и взыскал дань с ее жителей; одни города уплатили дань добровольно, с других она была взыскана силой. Затем он стал готовиться к опустошительному набегу на Лакедемонскую область; он имел в виду подчинить себе смежные с этой областью города, враждебные афинянам, по возможности добровольно, если же они не подчинятся, то пойти на них войной.

¹ См. § 4.

² Украшения на носу корабля; они служили знаком победы.

39 По моему мнению, исполнение Ификратом должности стратега в этот раз заслуживает величайшей похвалы. Особенно похвально то, что он просил избрать себе в помощники политического оратора Каллистрата, который был не бог весть каким знатоком военного дела, и Хабрия, пользовавшегося репутацией первоклассного стратега. Если он это сделал с тем расчетом, чтобы иметь мудрых советников, то это был очень благоразумный поступок. Если же он считал их своими соперниками и сделал этот смелый шаг, будучи уверен, что им не удастся поймать его ни в легкомыслии ни в небрежности, — то это обнаруживает в нем человека твердого и уверенного в своих силах.¹ Вот и все, что я хотел рассказать о деятельности Ификрата.

3 1 Между тем друзья афинян платейцы были изгнаны из Беотии и бежали в Афины; феспийцы умоляли афинян сжалиться над ними, лишившимися самостоятельных государственных учреждений. Афиняне видели все это, и их отношение к фиванцам становилось все неприязненнее, однако же воевать с ними они, с одной стороны, считали неблагородным, с другой, политически невыгодным шагом. Однако, они не желали уже участвовать в предприятиях фиванцев, с тех пор как увидели, что они идут походом на фокейцев, связанных с давних пор узами дружбы с афинянами, и лишают государственных учреждений городá, остававшиеся верными в борьбе с варварами и дружественные Афинам. Поэтому народ постановил заключить мир. Прежде всего были отправлены послы к фиванцам с предложением, если им угодно, идти вместе с афинянами в Лакедемон для переговоров о мире. Затем афиняне сами отправили послов в Лакедемон. Избраны были Каллий, сын Гиппоника, Автокл, сын Стромбихида, Демострат, сын Аристофонта, Аристокл, 3 Кефисодот, Меланоп и Ликеф. К ним примкнул еще политический оратор Каллистрат.² Он обещал Ификрату, если тот его отпустит в Афины, добиться либо посылки денег на нужды флота, либо заключения мира. С этой-то целью он и прибыл в Афины и здесь хлопотал о мире. Когда они предстали перед лакедемонскими экклетами³ и союзниками, первым выступил с речью дадух Каллий. Это был такой человек, который не менее охотно сам расточал себе похвалы, чем слушал их из уст других. Он начал приблизительно так: 4 «Лакедемоняне, в моем роде не я только ваш проксен, но уже мой дед получил этот титул по наследству и передал его своим потомкам. Теперь я хотел бы, чтобы вам стало ясно, какую важную роль играет наш род в Афинах. Во время войны из нашего рода афиняне выбирают стратегов; когда же они жаждут покоя, они шлют нас ходатаями о мире. Уже прежде я дважды⁴ приходил к вам, чтобы добиться прекращения войны, и оба мои посольства

¹ См. гл. 2, § 39.

² См. коммент. к кн. II гл. 4, § 38.

³ Место темное; перевожу по смыслу.

⁴ Повидимому, в составе посольств, упомянутых в кн. II, гл. 2, § 17, и кн. II, гл. 4, § 37.

увенчались успехом: я добыл мир и для нас и для вас. Ныне я в третий раз прихожу к вам и считаю, что теперь гораздо больше оснований для примирения. Я вижу, что на этот раз наши взгляды не расходятся — и у нас и у вас вызывает одинаковое негодование исчезновение, как самостоятельных государств, Платей и Феспий. А при одинаковом взгляде на вещи не должно ли нам скорее быть между собою друзьями, чем врагами? Благоразумные люди никогда не затеют войны даже при существовании мелких разногласий; при полном же единогласии было бы крайне удивительно, если бы мы не заключили мира. Было бы справедливее всего, если бы мы вовсе не подымали оружия друг против друга, так как, по сказанию, наш предок Триптолем открыл сокровенные дары Деметры и Коры¹ из всех иностранцев прежде всего вашему родоначальнику Гераклу и вашим согражданам Диоскурам, а семья злака Деметры прежде всего было подарено Пелопоннесу. Так разве же справедливо было, что вы пришли уничтожать посевы тех, у кого вы получили семена, и что мы не желаем, чтобы вы имели в изобилии тот плод, который мы вам когда-то дали? Если же боги предопределили, чтобы между людьми были войны, то наш долг как можно более оттягивать начало войны, а если уж война началась, стараться как можно скорее положить ей конец».

Вслед за ним Автокл, пользовавшийся репутацией очень остроумного оратора, произнес следующую речь: «Лакедемоняне, я прекрасно знаю, что то, что я скажу, придется вам не по душе. Однако, мне кажется что те, которые хотят, чтобы заключаемая между ними дружба была как можно более прочной и долговечной, должны выяснить друг другу причины их вражды. Вы все время говорили: «Все государства должны быть автономными», но сами больше всего препятствовали их автономии. Вы заключали с союзными государствами договоры, в силу которых они были обязаны участвовать во всех ваших походах, куда бы вы ни направлялись. Что общего между этим и автономией? Вы объявляете врагами кого вам угодно, не совещаясь с союзниками, и выступаете против них во главе союзного войска, так что часто эти так называемые автономные государства принуждены идти войной против своих лучших друзей. Но, что более всего противоречит автономии, — вы учреждаете в одних из союзных городов правление десяти,² в других — правление тридцати,³ причем вы заботитесь не о том, чтобы эти правители управляли по законам, а чтобы они были в состоянии силой и принуждением удержать власть в своих руках. Получается такое впечатление, что вам более по душе тирания, чем свободное государственное устройство. Далее царь приказал, чтобы все государства были автономными, и вы тогда прекрасно понимали, что если фиванцы не предоставят каждому беотийскому го-

¹ Т. е. посвятил в элевсинские мистерии. Каллий, как дадук, уделяет этому вопросу особое внимание. См. коммент. к кн. I, гл. 4, § 20.

² См. коммент. к кн. III, гл. 4, § 2.

³ Как было в Афинах после 404 г. (кн. II, гл. 3).

сударству самостоятельно распоряжаться своими делами и руководиться теми законами, какими они сами хотят, они этим нарушают принципы, положенные в основу царской грамоты. Когда же вы захватили Кадмею, вы отняли автономию и у самих фиванцев. Те, которые хотят вступить в дружбу, не могут рассчитывать, что они получат все, что им следует по справедливости, если они сами думают только о том, как бы им получше пожить на счет другого».

10 После этой речи воцарилось всеобщее молчание. Она доставила удовольствие всем недоброжелателям лакедемонян. Вслед за ним выступил Каллистрат и сказал следующее: «Мне кажется, нельзя не признать, что и в наших и в ваших поступках было много ошибок. Однако, вы не придерживаюсь такого мнения, что с человеком, совершившим ошибку, не следует иметь никакого дела: я вижу, что нет никого, кто бы в течение всей своей жизни не допустил ни одной ошибки. Мне даже кажется, что иногда, совершив ошибку, люди становятся разумнее, — особенно же, если они терпят наказание за свои ошибки, — как произошло с нами. Да и вам иногда вследствие неправильного образа действий случалось терпеть крупные неудачи. Примером может служить захваченная вами у фиванцев Кадмея: теперь, как вы ни хлопотали об автономии беотийских городов, они все снова подчинены фиванцам после той несправедливости, которую вы им причинили. Итак вы проучены: насильничанье не приносит желанной выгоды, и поэтому, надеюсь, будете скромнее в нашей взаимной дружбе. Наши недоброжелатели, желая, чтобы мир не состоялся, клеветают на нас, что мы пришли сюда не во имя дружбы, а из страха, что Анталкид, вернувшись от царя, привезет вам много денег. Подумайте, и вы поймете, что это — пустая болтовня. Ведь, царь предписал, чтобы все государства Эллады были автономными. Мы и говорили и поступали в полном согласии с его предначертаниями, — какое же у нас основание бояться царя? Неужели можно поверить, что царь захочет расходовать деньги на усиление чужого могущества, когда все само собой, без всяких расходов, устраивается так, как он признал наилучшим. Но довольно об этом! Какова же цель нашего прибытия? Взгляните, если угодно, на положение дел на море или киньте взор на нынешнее взаимоотношение сил на суше, — и вы увидите, что наш приход отнюдь не вызван военными затруднениями.¹ В благодарность за то, что вы не допустили нас до гибели,² я желаю изложить вам те правильные выводы, к которым мы перешли. 14 Чтобы обнаружить те выгоды, которые сулит нам этот мир, я обращаю ваше внимание на то, что все греческие города стоят либо на нашей, либо на вашей стороне, и что в каждом отдельном городе одна часть населения настроена лаконофильски, другая — симпатизирует афинянам. Поэтому если мы заключим между собою дружбу, то какое у нас будет основание ожидать откуда-либо

¹ Далее следует испорченное место, даже приблизительный смысл которого темен. Я его опускаю.

² См. выше, кн. II, гл. 2, § 20, и кн. II, гл. 3, § 25, 41.

опасности? Кто сможет беспокоить нас на суше, если мы будем иметь вас друзьями, кто может вредить вам на море, если мы будем вашими доброжелателями? Далее мы знаем, что войны постоянно возникают и что каждая из них раньше или позже заканчивается миром, так что, если бы мы не помирились теперь, то раньше или позже все равно пожелали бы мира. Так зачем же ждать того времени, когда мы будем раздавлены обрушившейся на нас массой несчастий, почему не заключить мира сейчас, пока не наступили еще неисцелимые бедствия? По моему мнению, не заслуживают похвалы те атлеты, которые, многократно победив и стяжав себе громкую славу, оказываются настолько честолюбивыми, что не прекращают подвизаться до тех пор, пока не сойдут с арены побежденными; не заслуживают также похвалы те игроки в кости, которые после выигрыша удваивают ставку, — большинство людей такого сорта в конце концов разоряется до нитки. В виду всего этого и нам не следует вступать в такое состязание, в котором предстоит либо все выиграть, либо все потерять; лучше соединимся узами дружбы, пока мы еще сильны телом и духом. Таким образом, благодаря взаимной поддержке, и мы и вы приобретем среди греческих государств еще большее влияние, чем до сих пор».

Слова эти встретили всеобщее одобрение, и лакедемоняне приняли постановление согласиться на мир, по которому стороны обязались вывести из союзных городов гармостов, распустить сухопутные и морские силы и предоставить автономию всем городам. В случае нарушения кем-либо из договаривающихся этих условий каждый желающий имеет право идти на помощь обиженному государству; однако же, клятвенный договор никого не принуждает к подаче помощи. На верность этим условиям мира поклялись лакедемоняне за себя и своих союзников, афиняне же и их союзники поклялись каждый отдельно за то государство, представителями которого они были. Фиванцы были внесены в список государств, давших клятву, но на следующий день их послы¹ вернулись и потребовали, чтобы в списке поклявшихся слово «фиванцы» было зачеркнуто и заменено словом «беотийцы». На это Агесилай отвечал, что он не станет ничего поправлять в документе, на верность которому они уже поклялись и под которым уже подписались. Если же они не хотят участвовать в мирном соглашении, то он может их, если угодно, вычеркнуть. Таким образом, все прочие заключили между собой мир, и только с фиванцами оставались враждебные отношения. Среди афинян господствовало убеждение, что теперь можно надеяться, что с имущества фиванцев, согласно старинному постановлению, будет отчислена десятая часть в пользу богов;¹ фиванцы же удалились в весьма мрачном настроении.

¹ Имени Эпаминонда Ксенофонт умышленно ни здесь, ни во время Левктрской битвы не упоминает. См. коммент.

² Т. е. Фивы будут разрушены и преданы разграблению, а граждане проданы в рабство, так как именно в таких случаях десятая отчисляется в пользу богов. Ср. Геродот, кн. VII, гл. 132, и ниже, гл. 5, § 35.

1 После этого афиняне вывели гарнизоны из союзных городов, приказали Ификрату¹ с флотом вернуться на родину и заставили его возратить все то, что он захватил после заключения клятвенного договора с лакедемонянами.

2 Что же касается лакедемонян, то и они, правда, вывели гармостов и гарнизоны из городов; однако же, когда лакедемонское правительство получило запрос от Клеомброта, стоявшего с войском в Фокиде, относительно его дальнейшего поведения, оно поступило по иному. По получении этого запроса, Профой внес предложение распустить, согласно клятвенному договору, войско; предложить всем городам сделать взносы в казну храма Аполлона,² причем размер их предоставить усмотрению каждого; если же кто-либо будет покушаться на автономию отдельных городов,³ — призвать снова под знамена всех тех, кто захочет выступить в защиту автономии, и с этим войском итти на нарушителей договора.

3 При таких условиях скорее всего удастся снискать расположение богов и симпатии греческих государств. Однако, народное собрание, услыша это предложение, признало его рассуждение нелепым, — очевидно, божественный рок вел лакедемонян по пути к гибели, — и отправило к Клеомброту гонцов с предписанием не распускать войска, а вести его немедленно против фиванцев, если они не согласятся на автономию беотийских городов.⁴

4 Узнав, что фиванцы не только не склонны предоставить городам автономию, но даже не распускают войска и стоят выстроившись против него, Клеомброт повел войско в Беотию. Он не вторгся через то ущелье из Фокиды, где ожидало его стоящее наготове фиванское войско, а прошел по гористой дороге,⁵ ведущей мимо Фисбы, и неожиданно вышел к Кревсии, завладел этой крепостью и захватил двенадцать фиванских триэр.

После этого он двинулся вглубь материка и расположился лагерем в Феспийской области, близ Левктр. Фиванский лагерь находился против них, на холме, в недалеком расстоянии; у фиванцев не было никаких союзников, кроме беотийцев.

5 Друзья Клеомброта стали обращаться к нему с такими заявлениями: «Клеомброт, если ты не согласишься теперь с фиванцами, можно опасаться, что ты подвергнешься самой суровой каре со стороны государства. Они не забыли еще, что ты, прибыв в Киноскефалы, вовсе не опустошал фиванской территории,⁶ и что впоследствии ты был отражен от проходов, ведущих в Беотию,⁷

¹ См. гл. 2, § 13.

² Вероятно, в Дельфах.

³ Здесь подразумеваются фиванцы.

⁴ Далее следуют слова несомненно позднейшего происхождения, содержащие повторение последних двух параграфов: Клеомброт, узнав, что заключен мир, отправил гонца к эфорам и запросил, как ему поступить. Эфоры предписали ему итти походом на фиванцев, если они не согласятся на автономию беотийских городов.

⁵ Дорога эта шла близ морского берега. См. Диодор, кн. XV, гл. 53, § 1, где повторяется в общих чертах этот рассказ Ксенофонта.

⁶ См. кн. V, гл. 4, § 16, и коммент. к этому месту.

⁷ См. кн. V, гл. 4, § 59.

тогда как Агесилаю всегда удавалось вторгнуться через Киферон. Поэтому, если тебе дорого собственное благополучие или если ты печешься о благе государства, ты должен выступить против них». Так говорили ему друзья, противники же замечали друг другу: «Теперь Клеомброт покажет, справедлива ли молва, что он доброжелатель фиванцев». Услыша об этом, Клеомброт пришел в ярость и решил вступить в бой. Главари фиванцев принимали в соображение то, что, если они не выступят в бой, то окрестные города упадут от них, а Фивы будут осаждены; если же фиванский народ будет вынужден голодать, то он может выступить против правительства. Кроме того, многие из них уже прежде были в изгнании и считали, что лучше пасть в бою, чем снова стать изгнанниками. Вдобавок, в них поднимало бодрость духа предсказание, по которому лакедемоняне должны были быть побеждены в том месте, где находится гробница девушек, про которых рассказывают, что они покончили самоубийством, будучи обесчещены лакедемонянами. Пред битвой фиванцы украсили эту гробницу. В это же время к ним пришло известие из города, что двери всех храмов открылись сами собою; и жрецы дали этому такое истолкование, что боги предсказывают победу. Из храма Геракла исчезло священное оружие; это считали признаком того, что и Геракл отправился на это сражение. Некоторые, однако, утверждают, что все это были махинации фиванских заправил. В этой битве, казалось, все соединилось против лакедемонян, тогда как противники их во всем имели удачу. После завтрака Клеомброт созвал последний военный совет; в полдень все подвыпили, полагая, что вино возбуждает отвагу. Затем воины — и спартанские и беотийские — облачились в боевое снаряжение, и стало ясно, что сейчас начнется битва. Заметив это, маркитанты, кое-кто из обозных и те, которые не желали сражаться, стали удаляться из беотийского войска; но наемники, предводимые Иероном, фокейские пельтасты и из числа всадников гераклейские и флиунтские напали на уходящих, заставили их повернуть тыл и бежать обратно к беотийскому войску; таким образом, благодаря им беотийское войско стало гораздо более многочисленным и сплоченным, чем прежде. Так как оба войска были отделены друг от друга равниной, лакедемоняне выставили перед строем конницу; то же сделали и фиванцы. Однако, фиванская конница получила надлежащую муштровку во время походов на Орхомен и Феспии, тогда как лакедемонская конница в это время стояла крайне низко в отношении боеспособности: содержание лошадей поручалось богатейшим из граждан; когда же объявлялся поход, тогда являлись те, кто был назначен в эту часть войска, брали первого попавшегося коня и вооружение и отправлялись на войну без всякой подготовки. Поэтому в конницу шли наименее развитые физически и наименее стремящиеся отличиться люди. Такова была конница тех и других. Пехота же у лакедемонян, как передавали, была выстроена так, что от каждой эмотии находилось по три человека в ряду, следовательно, в глубину лакедемонское войско имело не

больше двенадцати рядов. Строй фиванцев был тесно сомкнут и имел в глубину не менее пятидесяти щитов,¹ так как они полагали, что, если они победят часть войска, группирующуюся вокруг царя, одолеть остальную часть войска уже будет нетрудно. Как только Клеомброт повел войско в атаку, прежде даже чем его войско узнало о переходе в наступление, произошла кавалерийская дуэль, и через самое короткое время лакедемонская конница была разбита. При отступлении она врезалась в ряды своих же гоплитов, а вслед за ними налетела и фиванская пехота. Первоначально верх взяло все же войско Клеомброта. Несомненным доказательством этого может служить то, что лакедемоняне оказались в состоянии подобрать Клеомброта и живым унести с поля битвы; это было бы невозможно, если бы сражавшиеся впереди него в этот момент не одерживали верх. Однако, после того как были сражены сам полемарх Динон, царский сотрапезник² Сфодрий с сыном Клеонимом³ и так называемые конюшие и адъютанты полемарха,⁴ — войско, не выдержав натиска массы врагов, стало отступать; дрогнули и те, которые были на левом фланге лакедемонян, заметив, что враг теснит правый фланг. Но, несмотря на огромный урон и поражение, лакедемоняне, перейдя назад через ров, оказавшийся пред их лагерем, удержали отступление и остановились на тех самых пунктах, откуда начали наступать (лагерь их был сооружен на не совсем ровном месте, у склона горы). Тогда некоторые из лакедемонян, считая, что нельзя примириться с поражением, говорили, что необходимо помешать врагу поставить трофеи и что не следует просить перемирия для уборки трупов, а надо пытаться завладеть ими с боя. Однако же полемархи видели, что весь урон лакедемонян достигает тысячи человек, что из спартиатов, которых всего было в бою около семисот, пало приблизительно четыреста; они замечали также, что союзники крайне не расположены к сражению, а кое-кто из них даже злорадствует. Поэтому они собрали наиболее влиятельных людей и стали советаться, как быть. Единоголосно было постановлено просить перемирия для уборки трупов, и затем был

¹ Т. е. воинов. Никак не могу понять, на каком основании Эд. Мейер (Gesch. d. Alt., V, 412) заключает, что беотийское войско на боевом левом фланге имело 40 щитов в глубину.

² См. коммент. к кн. IV, гл. 5, § 8.

³ См. кн. V, гл. 4, § 25.

⁴ Даю перевод по моей конъектуре текста, так как принятое чтение, по моему мнению, смысла не дает.

Рукописное чтение
(с общепринятой пунктуацией):

ἐπεὶ μὲντοι ἀπέθανε Δείων τε ὁ πολέμαρχος καὶ Σφοδρίας τῶν περὶ δαμοσίαν καὶ Κλεώνυμος ὁ υἱὸς αὐτοῦ (protasis), καὶ οἱ μὲν ἴπποι καὶ οἱ συμφορεῖς τοῦ πολεμάρχου καλούμενοι οἱ τε ἄλλοι ὑπὸ τοῦ ὄχλου ἀθροόμενοι ἀνεχώρουν, οἱ δὲ τοῦ εὐωνύμου ὄντες τῶν Λακεδαιμονίων ὡς εἴρων τὸ δεξιὸν ἀθροόμενον, ἐνέκλιαν (apodosis).

См. мою статью в Журн. мин. нар. просв., июнь 1915, 286.

Моя конъектура и пунктуация:

ἐπεὶ μὲντοι ἀπέθανε Δείων τε ὁ πολέμαρχος καὶ Σφοδρίας τῶν περὶ δαμοσίαν καὶ Κλεώνυμος ὁ υἱὸς αὐτοῦ καὶ οἱ μένἴπποι καὶ οἱ συμφορεῖς τοῦ πολεμάρχου καλούμενοι (protasis), — οἱ τε ἄλλοι ὑπὸ τοῦ ὄχλου ἀθροόμενοι ἀνεχώρουν, οἱ δὲ τοῦ εὐωνύμου ὄντες τῶν Λακεδαιμονίων ὡς εἴρων τὸ δεξιὸν ἀθροόμενον, ἐνέκλιαν (apodosis).

послан вестник с предложением перемирия. После этого фиванцы поставили трофеи и согласились на перемирие для уборки трупов.

Вслед за тем был отправлен вестник в Лакедемон, чтобы известить лакедемонян о постигшем их несчастье. Он прибыл туда в последний день Гимнопедий, когда выступал хор мужчин.¹ Эфоры, узнав о случившейся беде, были, конечно, очень огорчены; тем не менее, они не распустили хора, а дали ему исполнить полагающееся до конца. Имена погибших были сообщены только ближайшим родственникам каждого; при этом женщинам было предписано не подымать крика и переносить горе молча. На следующий день тех женщин, у которых погибли родственники, можно было повсюду видеть на людях наряженными и с сияющими лицами, те же, которые получили известие, что их близкие живы, только изредка показывались вне домов и имели нахмуренный и унылый вид.

После этого эфоры объявили сбор в поход и приказали отправиться двум оставшимся морам, призвав из них под знамена все те призывные категории, которые поступили на военную службу за сорок лет до этого и позже. Из остальных мор призывные последних тридцати пяти лет уже прежде отправлялись походом в Фокею и находились за пределами страны; теперь были призваны и отправлены в поход еще пять возрастных категорий из этих мор. Вместе с ними приказано было отправиться в поход и тем, которые прежде были оставлены в Лакедемонии для занятия государственных должностей. Агесилай еще не оправился от болезни,² поэтому народ назначил военачальником его сына Архидама. В этом походе приняли живое участие тегейцы: здесь были еще в живых³ Стасипп и его приверженцы, которые были лаконофилами и пользовались огромным влиянием в государстве. Мантинейцы, жившие по деревням, также послали сильные вспомогательные отряды, так как у них в это время управление было в руках аристократов.⁴ С большим энтузиазмом отнеслись к этому походу и выслали свои отряды также сикионцы, флиунты и ахейцы; к ним присоединились и другие города. Триэры были экипированы самими лакедемонянами и коринфянами; к сикионцам обратились с просьбой также принять участие в снаряжении экипажа. На этих триэрах предполагалось перевезти войско. После всех приготовлений Архидам совершил диабатерию.⁵

Сейчас после битвы фиванцы послали в Афины увенчанного вестника с известием о блестящей победе и просьбой притти на помощь. При этом они указывали, что теперь наступило время, когда можно отомстить лакедемонянам за все содеянное. Афинский совет в это время заседал в Акрополе. Когда им было доложено

¹ В театре. П л у т а р х, Агесилай, 29.

² См. кн. V, гл. 4, § 58.

³ Впоследствии они были казнены. См. ниже, гл. 5, §§ 6—10.

⁴ См. кн. V, гл. 2, § 7.

⁵ См. коммент. к кн. III, сл. 4, § 3.

о случившемся, для всех стало ясно, что они были очень огорчены полученным известием: они не пригласили вестника даже на казенный обед в пританее и ничего не ответили на вопрос о присылке помощи. Итак, из Афин вестник вернулся ни с чем. Кроме того, фиванцы отправили, не теряя времени, послов к их союзнику Ясону с просьбой о помощи и с изложением своих видов на будущее. Тот немедленно экипировал триэры, чтобы оказать помощь с моря, а сам во главе наемников и окружавшей его конницы прошел через Фокиду, несмотря на то, что фокейцы были с ним в непримиримой вражде, и вступил в Беотию. Во многих городах его видели прежде, чем получалось известие о его вступлении: но и в иных случаях, прежде чем в том или ином пункте успевали собраться против него значительные силы из окрестных мест, он оказывался уже на дальнейшем этапе пути, показывая этим, что часто скоростью движения можно добиться больших результатов, чем силой. Когда он прибыл в Беотию, фиванцы заявили, что наступил самый подходящий момент для нападения на лакедемонян: Ясон мог напасть на них с высот,² а фиванцы нанести им удар с фронта. Но Ясон отклонил их от этого намерения, говоря, что после столь блестящего подвига не стоит подвергать себя опасности: при этом можно, конечно, добиться еще больших успехов, но можно и лишиться всех плодов прошлой победы. «Разве же вы не видите, — говорил он, — что и вы победили, будучи доведены до крайней необходимости? Надо полагать, что и лакедемоняне, принужденные расстаться с надеждой сохранить жизнь, будут сражаться с мужеством отчаяния. Часто божеству, повидимому, приятно возвеличивать малых и повергать во прах великих». Такими словами он отговаривал фиванцев от вступления в бой. К лакедемонянам он также обратился с увещанием, указывая, насколько войско, одержавшее победу, сильнее потерпевшего поражение. «Если, — говорил он, — вы хотите смыть с себя позор³ понесенного поражения, я советую вам дать себе время перевести дух, отдохнуть и только тогда, когда вы станете более сильными, вступить в бой с теми, которых вам ныне не удалось победить. Теперь же, когда, — что да будет вам известно! — некоторые из ваших союзников втихомолку ведут уже с врагами переговоры о мире, не думайте о новом бое: нет, старайтесь, во что бы то ни стало, добиться перемирия. Я принимаю это близко к сердцу и хочу спасти вас потому, что мой отец был вашим другом и я ношу титул проксена вашего государства». Таково было содержание его речей; целью же всех этих хлопот было посеять вражду и между ними,⁴ с тем чтобы и те и другие нуждались в его помощи. Услышав это предложение, лакедемоняне пред-

¹ См. гл. I, § 4.

² У склона которых лежал (§ 14) лакедемонский лагерь.

³ В тексте туманное выражение ἐπιλαδέσθαι. Перевожу по общему смыслу.

⁴ Между кем: между лакедемонянами и их союзниками, или между лакедемонянами и беотийцами, — неясно.

ложили ему взять на себя посредничество для ведения мирных переговоров. Когда было объявлено перемирие, полемархи сделали распоряжение, чтобы все, поужинав, уложились в дорогу, так как ночью предстоит отправление с целью подойти на рассвете к Киферону. После ужина был дан сигнал выступить ранее, чем наступило время сна, и еще вечером войско было поведено по дороге на Кревсий, в надежде более на защиту темноты, чем на перемирие. После крайне трудного перехода, который затруднялся темнотой ночи, страхом и неудобством пути, войско прибыло в Эгосфены, находящиеся в Мегарской области. Там они встретились с войском Архидамы; последний выждал, пока соберутся все союзники, а затем отправился со всем войском в Коринф. Здесь он распустил союзников, а сам с гражданским ополчением вернулся на родину.¹

На обратном пути Ясон, проходя через Фокиду, взял предместье Гиамполя, разграбил территорию этого города и перебил многих граждан. Остальной Фокиде он, проходя, не причинил никакого вреда. Прибыв в Гераклею, он разрушил эту крепость; при этом он, очевидно, нисколько не боялся того, что пойдут войны на его владения, если этот вход будет открыт, но больше заботился о том, чтобы кто-нибудь не захватил Гераклею, господствующей над узким проходом, и таким образом мог бы ему помешать, если бы он вздумал пойти походом на Грецию. Когда Ясон вернулся назад в Фессалию, он достиг высоты могущества; причиной этого было то, что он был удостоен, согласно фессалийскому закону, звания тага,² имел у себя на службе большое количество наемников — пехотинцев и всадников, доведенных постоянной муштровкой до совершенства в военном деле, и, что еще важнее, — что он уже снискал себе многочисленных союзников и, кроме того, еще многие хотели вступить с ним в союз. Главной же причиной его преобладающего влияния над всеми своими современниками было то, что он умел принудить всех считаться с собою. Когда стал близиться Пифийский праздник, он объявил всем подчиненным городам, чтобы они готовили быков, овец, коз и свиней для жертвоприношения. Хотя по его распределению каждому отдельному городу надлежало представить жертвенных животных лишь в очень умеренном количестве, тем не менее, как говорили, всего составилось не менее тысячи быков и более десяти тысяч голов прочих жертвенных животных. Он велел провозгласить, что тот город, который выкормит для бога наилучшего быка, годного для того, чтобы идти во главе процессии, получит в качестве приза золотой венки. Ясон объявил также, чтобы фессалийцы готовились к выступлению в поход,³ предстоящий ко времени Пифийских состязаний. При этом, как говорили, он сам имел в виду распорядиться празднеством и состязаниями. До сих пор неизвестно, какие виды он имел на со-

¹ Продолжение рассказа о событиях в Средней и Южной Греции в 5-й главе.

² См. гл. I, § 18.

³ В Дельфы.

кровища Дельфийского храма; говорят, что, когда дельфийцы во-
 31 просили оракул, как им быть, если Ясон завладеет принадлежа-
 щими богу сокровищами, божество ответило, что оно само за себя
 32 постоит. Таков был этот человек и столь велики и разнообразны
 были его планы. Однажды он производил смотр и испытание фер-
 ской конницы; он уже занял свое место и принимал всех имеющих
 к нему нужду. К нему подошли семеро юношей, как будто по поводу
 какой-то тяжбы между ними, убили его и разрубили на куски.
 Тотчас же на помощь Ясону прибежал его крепкий караул, воору-
 женный копьями. Один из юношей пал, пораженный пикой, в то
 время, как он наносил удар Ясону; другой был схвачен в то время,
 как он садился на лошадь, получил множество ран и испустил дух;
 остальные успели вскочить на стоявших наготове лошадей и
 скрыться. В городах, в которые они прибывали, их по большей
 части встречали с почетом, из чего обнаружилось, что греки очень
 опасались, чтобы Ясон не стал тиранном.

33 После его смерти были избраны на должность тага его братья
 Полидор и Полифрон. Оба они однажды отправились вместе в
 Ларису; ночью, во время сна, Полидор умер — повидимому, от руки
 своего брата Полифрона: смерть его последовала неожиданно и без
 34 всякой видимой причины. Полифрон правил в течение года, сделал
 власть тага почти тираннической. В Фарсале он предал смертной
 казни Полидаманта¹ и еще восемь влиятельнейших граждан; из
 35 Ларисы он многих отправил в изгнание. Так правил Полифрон;
 погиб и он от руки Александра, мстившего за Полидора и желав-
 шего положить предел тираннии. Но, когда он взял власть в свои
 руки, и его правление оказалось очень тягостным для фессалийцев,
 а также и для беотийцев и афинян: он совершал беззаконные гра-
 бительские набеги, нападая с моря и с суши. Таков был этот Але-
 36 ксандр; он также погиб насильственной смертью от козней своей
 жены, причем исполнителями убийства были ее братья. Она ска-
 зала им, что Александр против них злоумышляет, и целый день
 скрывала их в своем доме. Вечером она приняла к себе на ложе
 пьяного Александра и, когда он заснул, оставила гореть светиль-
 ник и вынесла братьям² его меч. Заметив, что братья боятся войти
 в комнату, где находился Александр, она пригрозила им, что, если
 они тотчас же не выполнят ее замысла, она разбудит мужа. Как
 только они вошли, она захлопнула за ними дверь и крепко держала
 73 ее снаружи за кольцо, пока муж не был убит. Некоторые утверж-
 дают, что причиной ее вражды к мужу было то, что Александр
 заключил в темницу своего любовника, красивого мальчика, а когда
 она попросила выпустить юношу, Александр вывел его из темницы
 и предал казни. По мнению некоторых других, причиной убийства
 было то, что Александр послал сватов в Фивы к вдове Ясона, так
 как от этой жены у него не рождалось детей. Таковы ходячие

¹ См. гл. 1, § 2 и след.

² Находившимся, очевидно, в соседней комнате.

мнения о причинах этого коварного убийства по умыслу жены. Что же касается убийц, то старший из братьев, Тисифон, стоял у власти до самого того времени, когда написана эта книга.

Этим я заканчиваю повествование о событиях в Фессалии, о том, что произошло в правление Ясона и после его смерти, до перехода власти к Тисифону. Теперь возвращусь к прерванному рассказу.¹

После возвращения войска Архидамас из Левктрского похода афиняне стали понимать, что пелопоннесцы еще считают своим долгом выставлять союзные контингенты в лакедемонское войско и что лакедемоняне вовсе еще не в таком положении по отношению к своим союзникам, в какое они поставили афинян. Поэтому они созвали представителей от городов, которые хотят присоединиться к условиям мира, присланным царем.² На состоявшемся собрании было вынесено решение, чтобы афиняне и все желающие присоединиться к условиям мира принесли следующую присягу: «Я буду верен присланным царем условиям мира и постановлениям, принятым афинянами и союзниками. Если кто-либо пойдет походом на один из городов, принесших эту присягу, я окажу последнему посильную помощь». Всем пришлось по душе текст; только элейцы возражали, что не следует предоставлять автономии Марганам, Скиллунту и Трифилии, так как эти города принадлежат им. Афиняне же и остальные присутствующие вынесли постановление, чтобы все города — все равно, большие или малые — были автономными согласно предписанию царя. Затем они разослали уполномоченных для принятия клятвы, которые должны были приводить к присяге высших должностных лиц в каждом государстве. Все принесли присягу, кроме элейцев.

После этих событий мантинейцы, воспользовавшись предоставленной им полной автономией, сошлись на общее собрание и постановили сделать Мантинею одним городом³ и обнести ее стеной. Лакедемоняне же считали, что если это произойдет без их одобрения, то это явится крайне нежелательным прецедентом. Поэтому они отправили в Мантинею послом Агесилая, унаследовавшего от своего отца дружбу⁴ с мантинейцами. Когда он прибыл туда, члены правительства отказались созвать для него собрание мантинейцев и предложили ему передать то, что ему нужно, им. Он пообещал им, что, если они повременят с постройкой стены, то он устроит так, что она будет построена с одобрения лакедемонян и без больших затрат. Однако, мантинейцы ответили Агесилаю, что приостановить постройку невозможно, так как соответствующее постановление уже принято народным собранием, и Агесилай в гневе удалился. Тем не менее, выступить походом против мантинейцев лакедемонянам

¹ См. гл. 4, § 26.

² См. кн. V, гл. 1, § 28 и след.

³ Как было прежде, до превращения ее спартакцами в четыре деревни. См. выше, кн. V, гл. 2, §§ 5—7.

⁴ См. кн. V, гл. 2, § 3.

представлялось невозможным, так как мир заключен был под условием автономии городов. Мантинейцам некоторые из аркадских городов прислали людей для участия в постройке стен, а элейцы даже внесли три таланта на расходы по постройке. Вот что происходило в Мантинее.

6 В Тегее партия Каллибия и Проксена вела агитацию за то, чтобы все население Аркадии образовало одно объединенное государство и чтобы постановления большинства общего собрания аркадян имели законную силу во всех аркадских государствах. Противоположная же партия, со Стасиппом во главе, желала, чтобы город остался в прежнем состоянии и управлялся по исконным законам.

7 Приверженцы Проксена и Каллибия, потерпев поражение в коллегии феаров, рассчитывали, что, если соберется весь народ, то они одержат верх, благодаря значительному численному преобладанию; поэтому они вышли на улицу с оружием в руках. Заметив это, вооружились и приверженцы Стасиппа; они оказались не в меньшем числе, чем их противники. Произошла стычка, в которой Проксен и несколько человек из его сторонников были убиты, а остальные обратились в бегство. Их не преследовали: Стасипп был таков, что он всегда стремился избежать напрасной

8 гибели сограждан. Каллибий и его приверженцы бежали к городским стенам и воротам, обращенным к Мантинее, и, освободившись от напора противников, наконец, собрались вместе и перевели дух. Они уже задолго до того отправили посольство к мантинейцам с просьбой о помощи; в то же время они вели с приверженцами Стасиппа переговоры о примирении. Заметив, что призванные ими мантинейцы приближаются, некоторые из них, взобравшись на городские стены, просили мантинейцев двигаться как можно скорее и подгоняли их криками; другие в это же время отпирали ворота и впускали входящих. Сторонники Стасиппа, узнав о случившемся,

9 бежали через ворота, обращенные к Паллантию,¹ и успели, прежде чем их догнали преследователи, забежать в храм Артемиды² и запереться внутри. Преследовавшие их враги тогда взобрались на крышу храма, разобрали потолок и стали бросать в засевших внутри сверху кирпичами. Увидя, что они попали в безвыходное положение, последние просили их прекратить это, обещая выйти из храма. После выхода преследуемых противники схватили их, связали и отвезли на привезенной для этого телеге в Тегею. Там они при участии мантинейцев устроили судилище, присудили их к смерти и предали казни.

10 После этих событий около восьмисот тегейцев, принадлежавших к партии Стасиппа, бежали в Лакедемон. Лакедемоняне решили, согласно присяге,³ отомстить за погибших и изгнанных тегейцев; поэтому они двинулись походом на мантинейцев, так как последние

¹ Ср. указание Диодора в коммент. к § 6.

² В Паллантии.

³ См. выше, гл. 3, § 18 и след.

вопреки присяге¹ выступили с оружием в руках против тегейцев. Эфоры объявили поход, и народное собрание назначило предводителем этого похода Агесилая. Все аркадяне собрались в Асее; только орхоменцы не пожелали участвовать в аркадском единении по причине вражды к мантинейцам и даже приняли в город наемническое войско, собравшееся в Коринфе под командой Политропа; поэтому и мантинейцы были вынуждены оставить свои войска на родине из-за опасения враждебных действий со стороны орхоменцев. Кроме них, не участвовали в аркадском ополчении еще жители Герей и Лепрея; они выставили свои контингенты в лакедемонское войско, выступившее против Мантинеи. Агесилай, как только диабатерии² дали хорошие предзнаменования, тотчас же выступил в поход против Аркадии. Он завладел пограничным городом Евтеей. Здесь он нашел в своих жилищах только стариков, женщин и детей: все годные по своему возрасту для военной службы ушли в аркадское ополчение.³ Тем не менее, он не причинил никакого вреда этому городу, оставил жителей на своих местах и даже платил за все реквизированные продукты; все то, что было награблено воинами при вступлении в город, он отобрал и возвратил гражданам. Сверх того, он еще заставил свое войско, которое несколько дней стояло в этом городе в ожидании Политропа с его наемниками, работать над починкой городской стены в трех местах, где это было необходимо.

В это же время мантинейцы выступили в поход против орхоменцев. Их приступ к городским стенам был отражен, причем они понесли тяжелое поражение и имели некоторый урон в людях. Отступая от Орхомена, мантинейцы прибыли в Элимию; орхоменские гоплиты не преследовали их, но отряды Политропа очень ожесточенно на них нападали. Мантинейцы поняли, что, если они не отразят врага, то очень многие из них падут под градом дротиков; поэтому они повернули фронт и вступили в рукопашный бой с нападающими. В этой битве пал Политроп; войско его обратилось в бегство и потеряло бы массу людей, если бы в тыл мантинейцам не зашла прибывшая сюда флиунтская конница и не заставила бы их прекратить преследование. После этих столкновений мантинейцы удалились на родину.

Услышав об этих событиях, Агесилай решил, что орхоменские наемники уже не придут к нему на помощь, и двинулся вперед без них. В первый день пути он расположился на ужин в Тегейской области, а на следующий перешел в Мантинейскую область и расположился лагерем у подножья гор, лежащих к западу от Мантинеи. Здесь он опустошал страну и уничтожал посевы. В это же время собравшиеся в Асее аркадяне прибыли ночью в Тегею. На следующий день Агесилай расположился лагерем в двадцати стадиях от Мантинеи. В эту же область прибыли из Тегей

¹ См. выше, гл. 3, § 18 и след.

² См. коммент. к кн. III, гл. 5, § 7.

³ Собравшееся в Асее (см. § 11).

и аркадяне, совершившие путь вдоль самого подножья гор, лежащих между Мантинеей и Тегеей; это аркадское войско состояло из очень большого числа гоплитов. Целью их было соединиться с мантинейцами: правда, с ними вместе шли и аргивяне, но это было не всенародное ополчение, а только часть их сил.¹ Некоторые убеждали Агесилая напасть на врагов прежде, чем они соединятся с мантинейцами, но Агесилай опасался, чтобы на него при нападении на аркадян не напали с фланга и с тыла находившиеся в городе мантинейцы, и поэтому счел наиболее выгодным не препятствовать им соединиться и, если они захотят вступить в сражение, сразиться с ними в честном и открытом бою. Таким образом аркадянам удалось соединиться. В это же время орхоменские пельтасты и бывшие с ними флиунтские всадники двинулись ночью в Мантинейскую область и на рассвете — в то время как Агесилай совершал жертвоприношения перед лагерем — неожиданно появились перед лакедемонянами. Это вызвало переполох: воины побежали на свои места в строю, а Агесилай отошел к лагерю. Но затем выяснилось, что это союзники, и, после того как жертвоприношения дали Агесилаю хорошие предзнаменования, он велел войску, позавтракав, двинуться в поход. К вечеру ему удалось пройти незамеченным в самый глуболежащий угол Мантинейской области, окруженный тесным кольцом гор. На следующий день Агесилай, совершая на рассвете жертвоприношения перед войском, заметил, что мантинейцы стали выходить из города и собираться на горах, нависающих над его арриергардом. Он понял, что необходимо как можно скорее вывести войско из теснины. Но если бы он ограничился простым выведением войска, то он подвергся бы опасности вражеского нападения на арриергард. Поэтому он остался на месте, обратившись лицом к неприятелю, и, держа оружие наготове, приказал арриергарду² сделать полуоборот вправо и двигаться по направлению к нему, заходя за авангард. Еще до окончания этого маневра все войско двинулось к выходу из долины, так что по мере выхода из нее войско становилось все сильнее в глубину. Когда сдвоение рядов было закончено, он вывел войско, выстроенное таким образом, на равнину и затем снова растянул его, оставив только девять или десять рядов в глубину. Однако, кроме уже вышедших, никто из мантинейцев больше не выходил из города, так как их союзники в походе, элейцы, склоняли их к тому, чтобы не вступать в сражение до прибытия фиванцев. Они были, по их словам, уверены, что фиванцы придут, так как они ссудили фиванцам десять талантов на поход. Услышав об этом, аркадяне остались в Мантинее, спокойно выжидая хода событий. Агесилаю очень хотелось отвести войско на родину, так как уже была середина зимы; однако же он простоял еще три дня в недалеком расстоянии от города Мантинеи, чтобы не каза-

¹ Смысл: поэтому они не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы сразиться с Агесилаем, и хотели соединиться с мантинейцами.

² Оказавшемуся на левом крыле; см. в коммент.

лось, что он поспешно отступает из страха перед противниками. На следующий день он рано утром позавтракал и повел войско от города, как бы с целью расположиться лагерем в том месте, куда он прежде прибыл из Евтеи. Так как никто из аркадян не выступил против него, он повел войско с величайшей быстротой в Евтею, хотя было уже довольно поздно: он хотел вывести гоплитов из страны прежде, чем будут видны вражеские костры, чтобы никто не мог назвать его отступление бегством.¹ Ему казалось, что он рассеет прежнее уныние и подымет дух своих сограждан все тем, что ему удалось вторгнуться в Аркадию, опустошить всю страну, и тем не менее никто не захотел с ним сражаться. Прибыв в Лаконскую область, он отпустил спартиатов на родину, а периеков по их городам.

После того как Агесилай удалился, и аркадяне узнали, что его войско распущено, они воспользовались тем, что были собраны вместе, и отправились походом на герейцев, не пожелавших участвовать в Аркадском союзе и вторгшихся вместе с лакедемонянами в Аркадию. Поэтому аркадяне вторглись в Герейскую область и стали жечь дома и вырубать деревья.

Получив известие, что на помощь к ним пришли в Мантинейскую область фиванцы, они удалились из Герейской области и соединились с последними. После того как произошло это соединение, фиванцы решили, что обстоятельства сложились для них очень благополучно: они пришли на помощь, но не нашли уже во всей стране ни одного вражеского воина; поэтому они собирались уже возвратиться на родину. Аркадяне, аргивяне и элейцы стали убеждать их двинуть союзное войско с величайшей быстротой в Лаконию. При этом они указывали на многочисленность их ополчения и всячески превозносили фиванское войско. Действительно, сверх того, после победы при Левктрах беотийцы, гордые своим успехом, постоянно занимались военными упражнениями; с другой стороны, их сопровождали подчинившиеся им фокейцы и евбейцы, представленные всеми городами этого острова, те и другие локрийцы, акарнанцы, гераклеяцы и мелийцы, а кроме того еще фессалийские всадники и пельтасты. Видя все это, аркадяне, указывая на незащищенность Лаконии, умоляли фиванцев, прежде чем вернуться на родину, вторгнуться в Лакедемонскую область. Фиванцы охотно выслушали все это, однако же возражали, что Лакония, по слухам, неприступнейшая из всех греческих стран; на более же доступных местах, полагали они, расставлены гарнизоны. Действительно, в Ойе, в области Скиритиде, стоял Исколай с гарнизоном из неодамодов и приблизительно с четырьмястами тегейских изгнанников младших призывных возрастов. Другой гарнизон находился в городе Левктре, господствующем над Малеатидской равниной. Кроме того, фиванцы хорошо понимали, что, если поле битвы будет в Лаконской области, лакедемоняне быстро соберут

¹ Так как ночью отступали обратившиеся в бегство.

25 войско и будут сражаться отважнее, чем где бы то ни было в другом месте. Исходя из всех этих соображений, фиванцы относились не очень сочувственно к идее вторжения в Лаконию. Но вскоре прибыло несколько человек из Карий, уверявших, что Лакония плохо защищена, и предлагавших быть проводниками. При этом они изъявили согласие отвечать своими головами, если окажется, что они в чем-либо солгали. Затем прибыли и некоторые перизки; они приглашали фиванцев вторгнуться в Лаконию и обещали отложиться от лакедемонян, как только фиванцы появятся в их стране; уже ныне, говорили они, перизки не явились на зов спартиатов и не выставили своих контингентов в войско. Слыша со всех сторон такие заверения, фиванцы, наконец, согласились с аркадянами; они вторглись в Лаконию через Карии, а аркадяне — через Ой, лежащий в области Скиритиде. Если бы Исхолай продвинулся вперед и занял позиции на неприступных вершинах, никто из противников, как утверждали, не смог бы подняться на горный кряж. Но, желая располагать содействием жителей Ойя, он остался в этом селении, благодаря чему всему аркадскому войску удалось подняться на горы. Исхолаю удалось одерживать верх, пока сражались лицом к лицу; когда же противники стали наносить ему удары и метать снаряды с тыла, с флангов и сверху, взбираясь на крыши домов, военное счастье перешло к ним; сам Исхолай и все его войско пали, исключая лишь немногих, которым удалось ускользнуть незамеченными. Победив в этой стычке, аркадяне отправились в Карии на соединение с фиванцами. Узнав об успехе аркадян, фиванцы еще более приободрились и спустились в Лаконию. Спустившись, они тотчас же предали огню и мечу Селласию; затем они направились в долину, на священный участок Аполлона; здесь они расположились лагерем, а на следующий день двинулись вперед. Попыток перейти в город по мосту¹ они не делали, так как в храме Алеи, лежащем с противоположной стороны моста, оказались спартанские гоплиты; они оставались на левом берегу Еврота, где жгли и грабили дома, наполненные всяким добром. В городе женщины теряли спокойствие духа, видя дым от этих пожаров, так как они еще никогда не видали врагов; спартиаты же, заняв посты в разных частях своего неукрепленного города, стали на караул; они производили впечатление крайней малочисленности — так было и в самом деле. Правительство постановило объявить гелотам, что те из них, которые вступят с оружием в руках в ряды войска, получат свободу, и дало в этом клятву. Немедленно же, как говорят, внесли свои имена в списки более шести тысяч гелотов; превратившись в организованное войско, они стали внушать страх самим же спартиатам, будучи слишком многочисленными. Страх перед вступившими в войска гелотами отчасти рассеялся после того, как выяснилось, что орхоменские наемники² остаются верными

¹ Т. е. в Спарту, через Еврот.

² См. § 15. Очевидно, Агесилай взял их с собой в Спарту

лакедемонянам и что из союзников пришли на помощь флиунты, коринфяне, эпидаврцы, пелленцы и некоторые другие. Вражеское войско, подвигаясь вперед, достигло области Амикл¹ и здесь перешло через Еврот. Останавливаясь и устраивая лагерь, фиванцы первым делом нагромождали перед собой как можно больше срубленных ими деревьев, чтобы таким образом обезопасить себя от нападения. Аркадяне не принимали никаких таких мер; даже напротив, они оставляли лагерь и отправлялись грабить дома. На третий или четвертый день после этого конница, подвигаясь вперед, прибыла в боевом порядке к гипподрому, расположенному на священном участке Земледержателя. Она состояла из фиванской конницы в полном числе и элейских всадников; к ним присоединились еще бывшие в их войске фокейские, фессалийские и локрийские всадники. Против них выступили лакедемонские всадники, которых на вид было очень мало. Но в доме Тиндаридов сидели в засаде около трехсот гоплитов младших призывных категорий; как только они выбежали из засады и лакедемонская конница ударила на врагов, последние не выдержали натиска и обратились в бегство. При виде этого обратилось в бегство также значительное число неприятельских пехотинцев. Через некоторое время лакедемоняне прекратили преследование, и фиванцы приостановили бегство; обе стороны снова расположились лагерем. Теперь, повидимому, стало меньше оснований опасаться, что фиванцы нападут на город. Войско последних, снявшись, двинулось все же вперед по дороге, ведущей к Гелу и Гифию. Неукрепленные города они сжигали; Гифий, где находились лакедемонские верфи, фиванцы атаковали три дня. В этой атаке фиванцам помогали некоторые периэки.²

Получив известия об этих событиях, афиняне пришли в беспокойство, недоумевая, как им отозваться на события в Лакедедоне. По постановлению совета было созвано народное собрание, на котором как раз присутствовали послы от лакедемонян и от других союзников, сохранивших еще к ним верность. Затем выступили с речами лакедемоняне Арак, Окилл, Фарак, Этимокл и Олонфей, причем содержание их речей было почти одинаковым. Они напоминали афинянам, что в самые критические моменты истории их народы всегда приходили друг другу на помощь; так, лакедемоняне, указывали они, помогли афинянам изгнать тираннов,³ а афиняне, когда они были теснимы мессенцами, великодушно протянули им руку помощи. Говорили они и о том, как хорошо было тогда, когда оба народа действовали сообща, вспоминая, как они сообща отразили варвара, и напоминая при этом, что афиняне были тогда выбраны всеми греками предводителями флота и хранителями общей казны,⁴ на что лакедемоняне изъявили согласие, а последние

¹ В 3 км к югу от Спарты.

² Рассказ о походе Эпаминонда продолжается в § 50.

³ Писистратидов.

⁴ Союзной кассы, находившейся сперва на о. Делосе, а затем в Афинах. Фукидид, I, 96, 2.

единогласно были избраны всеми греками предводителями сухопутного войска, точно также с согласия афинян. Один из лакедемонян сказал еще приблизительно следующее. «Если мы с вами будем теперь действовать солидарно, то теперь может быть осуществлена надежда разрушить Фивы, посвятив десятую часть добычи богам, как гласит старинное постановление». ¹ Однако, афиняне отнеслись к этим речам не очень сочувственно; по толпе прошел ропот. «Теперь только, — говорили недовольные, — они выступают с такими речами, а тогда, когда они были в хорошем положении, они нас всячески теснили». Из всего того, что говорили лакедемоняне, наибольшее впечатление произвело их заявление, что после того, как они победили афинян, фиванцы хотели разрушить Афины, а они, лакедемоняне, воспрепятствовали этому. Однако, больше всего они напирала на то, что афиняне обязаны помочь лакедемонянам в силу присяги: ² ведь аркадяне и их союзники напали на лакедемонян не за какое-либо преступление с их стороны, а за то, что они пришли на помощь тегейцам, на которых, нарушив присягу, напали мантинейцы. ³ Эти речи также вызвали шум в собрании: одни полагали, что мантинейцы справедливо выступили против Тегеи, мстя партии Стасиппа за смерть приверженцев Проксена; ⁴ другие считали преступлением то, что они выступили с оружием в руках против тегейцев.

В то время как в собрании боролись между собой эти противоположные течения, выступил коринфянин Клител и сказал следующее: «Можно спорить о том, афиняне, кто первый начал враждебные действия. . . Но нас-то разве можно упрекнуть, что мы после того, как мир был заключен, пошли на кого-нибудь походом, или захватили чье-либо имущество, или опустошили чужие владения? Однако, фиванцы вторглись в нашу страну, вырубали деревья, сожгли дома, награбили имущество и овец. Тут уж несомненно, что мы обижены; и если вы нам не поможете, то можно ли будет назвать ваше поведение иначе, как клятвопреступлением? Вдобавок вы нарушите этим ту самую присягу, о которой вы так заботились, чтобы она была принесена всеми нашими всем вашим союзникам». После этого в толпе раздались возгласы; все заявили, что замечание Клитела правильно и справедливо. После него выступил флиунтец Прокл со следующей речью: «Афиняне, для всех, думаю я, очевидно, что фиванцы, если им удастся устранить со своего пути лакедемонян, первым делом выступят против вас. Ведь из всех остальных они считают вас единственной помехой к тому, чтобы властвовать над всей Грецией. При таком положении вещей мне кажется, что, выступив в поход, вы станете не на защиту лакедемонян, а скорее на защиту вас самих. Я представляю себе, что вам будет гораздо тяжелее, когда предводителями греков будут фи-

¹ См. коммент. к гл. 3, § 20

² См. гл. 3, § 18.

³ См. § 10.

⁴ См. § 6 и след.

ванцы, враждебные к вам и ваши непосредственные соседи, чем было тогда, когда ваши соперники находились вдали от вас. Вам выгоднее стать на свою защиту теперь, пока еще у вас есть союзники, чем после, когда они будут сокрушены и вы принуждены будете одни без всякой помощи бороться с фиванцами. Если же кто-либо из вас боится, что лакедемоняне, спасшись теперь от гибели, еще причинят когда-нибудь вам заботы, то имейте в виду, что опасаться надо усиления власти не тех, кого вы благодетельствовали, а тех, кого вы обидели. Примите во внимание и то, что и отдельным людям и государствам следует, находясь в расцвете сил и счастья, приберечь себе какое-либо благо, чтобы, оказавшись в нужде, они могли пользоваться плодами прежних трудов. Точно также и ныне кто-то из богов предоставляет вам случай сделать своими вечными и искренними друзьями лакедемонян, если вы, вняв их просьбе, окажете им помощь. К тому же недостатка в свидетелях ваших благодеяний по отношению к ним не будет: об этом будут знать прежде всего боги, от взоров которых ничто не ускользнет ни ныне, ни во веки веков; далее — за всем происходящим напряженно следят как ваши союзники, так и ваши враги, а кроме того и все остальные греки и варвары, — ведь всякий в этом так или иначе заинтересован. Поэтому, если они отплатят вам неблагодарностью, никто и никогда не проявит к ним сочувствия. Впрочем, надо надеяться, что они скорее окажутся благодарными людьми, чем негодяями: ведь, по общему мнению, они, как никто другой, на протяжении всей своей истории стремились к достославным делам и остерегались всякой низости. Кроме того, подумайте еще вот о чем. Если Греция когда-либо снова будет в опасности вследствие вторжения варваров, на кого вы сможете положиться с большей уверенностью, чем на лакедемонян? Кого приятнее иметь своими защитниками, чем тех, которые, стоя на страже Фермопил, пали все до одного, пожелав лучше погибнуть в бою, чем остаться в живых, но своим отступлением открыть врагу доступ в Грецию? Разве не справедливо, что и мы и вы отнеслись с полным сочувствием к ним как за этот подвиг, который сделал их образцом доблести в наших глазах, так и потому, что этот их поступок дает повод надеяться, что они и в будущем окажутся такими же? Вам следует обнаружить свое сочувствие к ним хотя бы ради присутствующих здесь их союзников: те, которые сохранили им верность в таких несчастиях, будьте уверены, постыдятся быть неблагодарными и к вам. Правда, теперь лишь мы, представители мелких государств, выразили готовность подвергнуться общей участи с лакедемонянами; но если ваш город присоединится к нам, то помощь лакедемонянам не будет состоять уже только из войск мелких государств. Афиняне, я уже прежде восхищался вашим государством, слыша, что вы даете прибежище всем приходящим сюда обиженным и предвидящим обиды. Теперь я не только слышу, но и вижу собственными глазами, что именитейшие из лакедемонян, а вместе с ними вернейшие из их союзников, пришли к вам

45 с просьбой о помощи. Вижу я здесь и фиванцев, тех самых фиванцев, которым прежде не удавалось убедить лакедемонян обратить вас в рабство; ныне они просят вас бросить на произвол судьбы ваших спасителей, находящихся на краю гибели. Громкой славой пользуется дело ваших предков: передают, что они не допустили, чтобы погибшие под стенами Кадмеи аргивяне остались непогребенными. Ваш поступок будет еще более славным, если вы спасете от унижения и гибели лакедемонян еще живыми.

47 Рассказывают и о другом благородном вашем поступке: как вы обуздали наглость Еврисфея и спасли детей Геракла. Но ваш поступок будет выше и этого благодеяния: вы спасете не только родоначальников, но и все государство. Ваш поступок будет верхом благородства: тем, которые спасли вас одной подачей голоса, не подвергаясь при этом никакому риску, вы придете на помощь с оружием в руках, готовые на всякую опасность. Если даже наши сердца преисполнились гордостью уже вследствие одного того

48 только, что мы содействуем оказанию помощи доблестным людям, то неужели вам, которые в силах оказать им действительную помощь, не кажется, что вы поступите великодушно, если из всех поступков, совершенных лакедемонянами во время столь частой смены дружбы и вражды, вы забудете ныне все обиды, а вспомните только благодеяния, и отблагодарите их не только за вас самих, но и от имени всей Греции за то, что они проявили к ней истинное благородство?»

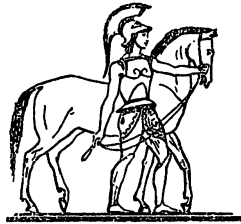
49 После этого афиняне стали совещаться; возражения были встречены несочувственно, и было решено выступить на помощь лакедемонянам всенародным ополчением. Предводителем похода был избран Ификрат. После того как жертвоприношения дали благоприятный результат, Ификрат устроил общий ужин в Академии.¹ Многие, как передавали, двинулись в путь еще раньше, чем Ификрат вышел из города. Затем двинулось все войско, предводимое Ификратом; воины охотно следовали за ним, думая, что их ждут впереди славные дела. По прибытии в Коринф Ификрат промешкал здесь несколько дней, и уже это промедление вызвало на него нарекания. Когда же он, наконец, двинулся отсюда, войско охотно следовало за ним, куда он его ни вел, и охотно шло на штурм при осаде крепостей. Из врагов, напавших на Лакедемонскую область, ушло много аркадян, аргивян и элейцев: будучи непосредственными соседями лакедемонян, они уводили к себе на родину пленных и уносили с собой награбленное добро. Фиванцы и остальные враги хотели уже удалиться из Лакедемонской области. Причиной этого было то, что их войско убывало с каждым днем; они видели это и видели также, что запасы истощаются, будучи частью израсходованы, частью расхищены, частью растеряны или сожжены. Вдобавок наступила зима, побуждавшая всех думать о возвращении. Как только враги удалились из Лакедемонской об-

50

51

¹ См. коммент. к кн. II, гл. 2, § 8.

ласти, и Ификрат увел афинян из Аркадии в Коринф. Я не отрицаю, что во многих других случаях Ификрат проявил себя прекрасным полководцем; однако, все маневры, предпринятые Ификратом в описываемое здесь время, я нахожу частью бессмысленными, частью бесполезными. Так, он задумал поставить гарнизон в Онее, дабы беотийцы не могли вернуться на родину, но в то же время оставил незащищенным самый лучший проход близ Кенхрей. Далее, желая узнать, не прошли ли уже фиванцы мимо Онея, он послал на разведку всю афинскую и коринфскую конницу. Однако же небольшой отряд в состоянии наблюдать с не меньшим успехом, чем большое войско; при необходимости же отступления маленькому отряду гораздо легче и найти пригодную дорогу и уйти, не производя шума. Послать же большой отряд, но тем не менее далеко уступающий силам противника, полнейшая нелепость. Точно также при этом конница, вследствие своей многочисленности, занимала большое пространство; поэтому, когда пришлось отступать, многие были вынуждены двигаться по крайне трудному пути, причем погибло не менее двадцати всадников. Итак, фиванцам удалось уйти по заранее намеченному плану.

КНИГА СЕДЬМАЯ

1 1 В следующем году прибыли в Афины полномочные послы от лакедемонян и их союзников для выработки условий будущего союза лакедемонян с афинянами. После ряда речей, произнесенных как афинянами, так и не-афинянами, в которых указывалось, что в основу соглашения должно быть положено полное равенство договаривающихся, выступил флиунтец Прокл и произнес следующую речь:

2 «Афиняне! В виду того, что вы почли за благо вступить в дружбу с лакедемонянами, нужно, кажется мне, тщательно заботиться о том, чтобы эта дружба была как можно более долговечной. Если условия договора будут таковы, что они окажутся наиболее подходящими для обеих сторон, то и самое соглашение, само собой разумеется, будет наиболее прочным. В особом рассмотрении нуждается только вопрос о гегемонии; в прочих пунктах почти нет разногласий. Ваш совет уже дал свою предварительную санкцию предложению, по которому вам должна принадлежать гегемония на море, а лакедемонянам — на суше.

3 Мне кажется, что это разграничение не есть человеческое установление, — оно предопределено природой и божественным промыслом. Этому в высшей степени соответствует прежде всего географическое положение вашей страны: большая часть городов, нуждающихся в море, расположена вокруг вашего города, и все они слабее вашего отечества. Кроме того, у вас есть гавани, без которых невозможно стать могущественными на море. Далее, у вас большой флот, и из поколения в поколение у вас выработалась привычка постоянно его увеличивать. Все те искусства, которые служат для морского дела, развиты на вашей родине. Опытом в морском деле вы также далеко превосходите всех других греков; ведь, большая часть населения вашей страны находит себе пропитание морскими промыслами. Таким образом, каждый из вас, заботясь о своей личной пользе, одновременно с тем становится опытнее в морских боях. Прибавлю к этому еще то, что нет больше ни одной гавани, откуда могло бы одновременно выплыть так много триер, как из вашей. Это крайне важно для разрешения вопроса о гегемонии, потому что все государства наиболее охотно группируются вокруг того, кто и без них достаточно силен. Вдобавок

4
5

боги даровали вам удачу в морском деле: в целом ряде величайших морских сражений вы одержали, в огромном большинстве случаев, победы, проиграв лишь очень немного боев. Поэтому вполне естественно, что ваши союзники подвергнутся опасности в морском бою охотнее всего под вашим предводительством. То, что верховное попечение о флоте должно принадлежать вам и необходимо вам, ясно из следующего. Когда-то лакедемоняне воевали с вами много лет подряд, но, несмотря на то, что им удалось овладеть вашей страной,¹ они ничуть не приблизили вас этим к окончательному поражению. Но когда случилось так, что боги даровали им победу в морском бою,² тотчас же вы оказались всецело в их власти. Из этого очевидно, что залог вашего спасения в море. При таком положении дел разве справедливо было бы, если бы вы позволили предводительствовать на море лакедемонянам, которые прежде всего и сами соглашаются, что вы опытнее их в морском деле? Далее, идя в морской бой, вы и они подвергаетесь далеко не одинаковой опасности: они рискуют только корабельным экипажем, вы же ставите на карту ваших детей, жен и все ваше государство.

Таково ваше положение в этом деле; теперь рассмотрим, в каком положении лакедемоняне. Прежде всего заметим, что они живут в глубинах материка, поэтому, имея преобладание на суше, они могут прекрасно просуществовать, даже если будут отрезаны от моря. Понимая это, они с самого раннего возраста упражняются в искусстве сухопутной войны. Далее, в военном деле самое важное — это повиновение начальству; и вот у лакедемонян наилучшая дисциплина в сухопутной войске, а у вас в морском. Затем, подобно тому, как у вас во флоте, у них в сухопутной войске все организовано так, что они могут в кратчайшее время двинуть наибольшее количество вооруженных сил. Поэтому естественно, что, присоединяясь к ним, союзники чувствуют себя в наибольшей безопасности. Сверх того, подобно тому как божество даровало вам удачу на море, точно также оно даровало им удачу на суше: участвуя в целом ряде сухопутных сражений, они почти всегда выигрывали их и очень редко терпели поражения.

То, что им руководство сухопутным войском не менее необходимо, чем вам руководство флотом, — ясно из хода исторических событий. Вы вели с ними много лет войну, многократно побеждали на море, и тем не менее вам никогда не удавалось поставить их в безвыходное положение. Но, когда один раз случилось, что они были побеждены на суше,³ им тотчас же пришлось опасаться за своих детей, жен и все государство. Так не ужасно ли было бы для них предоставить другим власть на суше, тогда как они наиболее искусны в сухопутной войне? Таково мое мнение, вполне согласное с предварительным решением совета. Я думаю, что это решение

¹ Благодаря занятию Декелей в 421 г.

² При Эгоспотамах в 404 г. См. кн. II, гл. 1, § 28.

³ При Левктрах; см. кн. VI, гл. 4, § 9 и след.

будет наиболее полезным для вас обоих. Обсудите же и найдите счастливый и наилучший для всех выход».

12 После этой речи раздалось одобрения: она пришлась по душе и афинянам и присутствующим там лакедемонянам. Однако, вслед затем выступил Кефисодот с такими словами:

13 «Афиняне, неужели вы не понимаете, что вас обманывают? Уделите мне немного внимания, и я вам это сейчас же разъясню. Допустим, что вы будете начальствовать на море. Лакедемоняне, будучи вашими союзниками, конечно, пошлют во флот своих граждан начальниками триэр, пожалуй, еще и морскими воинами; матросами же на их судах будут, само собой разумеется, либо гелоты, либо наемники. Вот над ними-то вы и будете предводительствовать. Когда же лакедемоняне прикажут вам выставить свои контингенты в сухопутное войско, вы несомненно пошлете ваших гоплитов и всадников. Таким образом, они окажутся предводителями вас самих, а вы — только их рабов и общественных отбросов. Отвечай-ка мне, лакедемонянин Тимократ, не говорил ли ты только что, что ты прибыл сюда, чтобы хлопотать о союзе на началах полного равноправия сторон?»

14 «Да, — отвечал тот, — я говорил это».

14 «В таком случае, — возразил Кефисодот, — не будет ли более соответствовать идее равенства, если обе стороны будут попеременно начальствовать то над флотом, то над сухопутным войском? При этом вы получите свою долю в тех выгодах, которые представляет начальствование над морем, а мы — в тех, которые связаны с командованием на суше».

Услышав это, афиняне передумали и постановили, чтобы каждой стороне принадлежала верховная команда в течение пяти дней.

15 Затем афиняне, лакедемоняне и их союзники выступили походом в Коринф. Здесь они решили вместе охранять Оней. Когда фиванцы и их союзники выступили в поход, они выстроились с целью охраны в разных местах Онея; при этом лакедемоняне и пелленцы заняли наиболее доступное для нападения место. Фиванцы и их союзники, подойдя на расстояние в тридцать стадий к этим гарнизонам, расположились лагерем на равнине. Затем они выступили против лакедемонского гарнизона с таким расчетом, чтобы 16 подойти к нему вплотную пред рассветом. Они не ошиблись в расчете и напали на лакедемонян и пелленцев, когда уже были сняты ночные караулы и солдаты, только что встав со своих постелей, отправляя разные потребности. В этот момент фиванцы, будучи в 17 полной боевой готовности и выстроенные в боевой порядок, напали на них, не успевших ни приготовиться, ни выстроиться. Те, которым удалось спастись в этом столкновении, бежали на близлежащий холм. При этом лакедемонский полемарх имел полную возможность, присоединив к себе какое угодно количество союзнических гоплитов или пельтастов, удержать за собой эту позицию, — съестные припасы он мог беспрепятственно получать из Кенхрей.

Однако, он не сделал этого, а несмотря на то, что фиванцы были в затруднении, не зная, как им спуститься со склона гор, обращенного к Сикиону, и даже подумывали возвратиться обратно, — заключил перемирие с фиванцами, по общему мнению более выгодное для них, чем для лакедемонян. Затем он отступил и увел с собой своих воинов.

После этого фиванцы в полной безопасности спустились с горы и соединились со своими союзниками аркадянами, аргивянами и элейцами; затем они тотчас же пошли приступом на Сикион и Пеллену, после чего отправились походом на Эпидавр и опустошили всю Эпидаврскую область, и вернулись преисполненные высокомерного презрения ко всем своим противникам. Приблизившись к Коринфской городской крепости, они устремились бегом к воротам, от которых идет дорога на Флиунт, с целью вторгнуться через них, если они окажутся случайно открытыми. Навстречу им вышли из города легковооруженные¹ и встретились с «отборным отрядом» фиванцев на расстоянии менее четырех плефров от городской стены. Коринфяне взобрались на надгробные памятники² и другие возвышенные пункты и стали метать стрелы и дротики в фиванцев, причем в первых рядах было убито очень много людей и фиванцы обратились в бегство. Их преследовали на расстоянии приблизительно трех или четырех стадий. После этого коринфяне унесли все трупы и собрали их около городских стен. Фиванцы просили перемирия и выдачи трупов, коринфяне удовлетворили их просьбу и поставили трофей. Этот случай поднял бодрость духа у лакедемонских союзников.

В это же время к лакедемонянам пришла по морю помощь от Дионисия — более двадцати триэр. На них были кельты, иберы и около пятидесяти всадников. На следующий день фиванцы и прочие их союзники выстроились, заполнив всю равнину моря до смежных с городом³ холмов: при этом они уничтожили все, что находили на равнине. Афинские и коринфские всадники почти не решались близко подходить к этому войску, видя, что противник многочислен и силен. Зато всадники, присланные Дионисием, как мало их ни было, рассеялись по равнине и, подъезжая к фиванскому войску в разных местах, бросали в него дротики, затем, когда враг бросался к ним навстречу, — отступали, затем снова поворачивались к неприятелю и бросали в него дротики. Во время этих нападений они по временам сходили с коней и отдыхали. Если же в это время на них кто-либо нападал, они ловко вскакивали на коня и ускользали. Если же кто-либо решался преследовать их при отступлениях, отходя на большое расстояние от своего войска, они устремлялись против этих людей и наносили им тяжкий урон своими дротиками, вынуждая все фиванское войско ради

¹ Афиняне под предводительством Хабрия. Диодор, XV, 69. См. коммент. к § 15.

² См. коммент. к кн. III гл. 2, § 14.

³ Коринфом.

22 них двигаться вперед и отходить назад. Фиванцы простояли здесь еще несколько дней и вернулись на родину; то же сделали и все их союзники. После этого присланное Дионисием войско вторглось в Сикионскую область, сразилось с сикионянами в открытой равнине и одержало победу, причем сикионян пало около семидесяти. Затем они взяли приступом крепость Дерас. Этот первый вспомогательный¹ отряд Дионисия, выполнив все это, отплыл назад в Сиракузы. Фиванцы и все отложившиеся от Лакедемона до этих пор действовали единодушно, выступая в поход под предводительством фиванцев. Но в это время выступил на политическую сцену некто Ликомед, мантинеец по происхождению, никому не уступающий по знатности, очень богатый и честолюбивый человек. Он преисполнил сердца аркадян высокомерием, уверяя их, что только для них Пелопоннес — настоящее отечество, так как только они природные его жители; кроме того, он указывал им, что аркадяне — самое многочисленное из греческих племен и занимает первое место по телесной силе. Доказательством их мощи он считал то, что нуждающиеся в вооруженной помощи всегда обращаются преимущественно к аркадянам. Без помощи аркадян ни лакедемоняне никогда не вторгались в Аттику, ни фиванцы не шли теперь походом на Лакедемон.

24 «Итак, — добавил он, — если вы хотите вести разумную политику, вы должны перестать следовать за всяким, кто вас ни позовет на помощь: до сих пор вы содействовали росту лакедемонского могущества, выставляя свои контингенты в лакедемонское войско; если вы теперь не остережетесь заблаговременно, будете продолжать войну под руководством фиванцев и не потребуете, чтобы верховное командование войском чередовалось между вами и ими, то смотрите, чтобы они не оказались для вас вторыми лакедемонянами». Эти речи преисполнили гордостью сердца аркадян и послужили к необыкновенной популярности Ликомеда; его одного только считали достойным называться мужем. Затем произошли выборы должностных лиц, и были выбраны те, которых он рекомендовал. Благоприятное стечение обстоятельств также содействовало росту самомнения аркадян.

25 В это время аргивяне вторглись в Эпидаврскую область и, будучи окружены и лишены выхода наемниками Хабрия, афинянами и коринфянами, находились в самом критическом положении. Однако, на помощь к ним пришли аркадяне и вывели их из затруднительного положения, несмотря на то, что им пришлось бороться не только с людьми, но и с самой природой. Далее, аркадяне пошли походом на Асину, лежащую в Лаконской области, победили в бою лакедемонский гарнизон, убили Геранора, занимавшего ранее должность спартанского полемарха, и предали разграблению предместье Асины.

Когда они решали выступить в поход, им не могли помешать

¹ О втором будет рассказано ниже, в § 28.

ни ночь, ни вьюга, ни продолжительность пути, ни непроходимые горы. По всем этим причинам они считали себя в это время самыми храбрыми из греков. Эти же причины вызвали зависть и недоброжелательство фиванцев к аркадянам. Элейцы просили, чтобы аркадяне выдали им города, прежде отнятые у них лакедемонянами,¹ но убедились, что аркадянам нипочем данные ими обещания; что для них дороже всего интересы трифилийцев и других отпавших от элейцев племен, так как последние утверждают, что они — аркадяне. Поэтому и элейцы стали относиться враждебно к аркадянам.

Таким образом, каждый из союзников был преисполнен высокомерия. В это время прибыл от Ариобарзана² абидосец Филиск с большой суммой денег. Он начал с того, что созвал для переговоров о мире в Дельфы фиванцев, их союзников и лакедемонян. Собравшиеся здесь послы не доверили божеству решение вопроса о том, какие условия мира будут наилучшими, а стали обсуждать этот вопрос между собой. Так как фиванцы не соглашались признать господство лакедемонян над Мессеной,³ Филиск собрал большое наемное войско для войны в союзе с лакедемонянами.

Во время этих событий прибыл также второй вспомогательный отряд от Дионисия. Афиняне полагали направить его в Фессалию⁴ против фиванцев, лакедемоняне — в Лаконию. На собрании союзников верх взяло второе мнение, и присланный Дионисием отряд поплыл вокруг Пелопоннеса в Лакедемон и примкнул к Архидаму, который выступил в поход во главе гражданского ополчения. Он взял приступом Карию и перебил всех оставшихся в живых граждан. Оттуда он немедленно отправился походом на Паррасии, лежащие в Аркадии, и вместе с прибывшим от Дионисия отрядом предал разграблению эту область.

Когда на помощь паррасийцам пришли аркадяне и аргивяне, Архидам отступил и расположился лагерем на холмах, господствующих над Медеей. В то время как он занимал эту позицию, начальник присланного Дионисием вспомогательного отряда Кисид заявил, что уже истек срок, на который он был прислан. Заявив это, он немедленно же двинулся по дороге на Спарту. Однако, во время этого похода мессенцы отрезали Кисиду путь, загнав его в ущелье, и он отправил гонца к Архидаму с просьбой о помощи. Последний двинулся на помощь, но когда он прибыл к тому месту дороги, где от нее ответвляется дорога на Евтресии, аркадяне и аргивяне продвинулись по направлению к Лаконской области, также имея в виду отрезать ему отступление на родину. Он вышел на ровную площадку, расположенную при слиянии дорог на Евтресии и Медин, и там выстроил войско для боя.

Рассказывали, что он обошел ряды войск и обращался к вой-

¹ См. кн. III, гл. 2, § 30.

² Фригийского сатрапа. См. кн. V, гл. 1, § 28.

³ См. коммент. к кн. VI, гл. 5, § 32.

⁴ О влиянии беотийцев в Фессалии — см. коммент. к кн. VI, гл. 4, § 35.

нам с такими увещаниями: «Граждане, если мы теперь проявим храбрость, мы снова сможем смотреть друг другу прямо в глаза: мы передадим нашим потомкам отечество в таком же состоянии, в каком получили его от своих отцов. Положим же конец такому положению, при котором нам приходится стыдиться детей, жен, стариков и иностранцев, в глазах которых мы прежде были лучшим образцом храбрости из всех греков».

31 Во время этой речи ясная погода, как передают, внезапно сменилась громом и молнией: в этом видели счастливое предзнаменование для Архидам. Кроме того, случилось так, что у правого фланга войска как раз оказался священный участок и статуя Геракла.¹ Все это, как говорят, придало воинам столько храбрости и смелости, что начальникам трудно было удержать их от стремления броситься вперед. Когда же Архидам вывел войско в бой, лишь немногие из врагов выдержали штыковой натиск и пали на своих позициях, все остальные обратились в бегство и были перебиты при отступлении. Множество их погибло от рук всадников; 32 очень многие также пали под ударами кельтов.² Когда битва окончилась, лакедемоняне водрузили трофей и тотчас же послали на родину гонца Демотела с известием о победе. Они передали обо всем блеске этой победы: из лакедемонян не погибло ни одного, а противников их пало огромное множество. Передают, что, когда спартанцы услышали эту весть, они все залились слезами, включая Агесилая, геронтов и эфоров: настолько одинаково выражается у людей и горе и радость. Этой неудаче аркадян радовались фиванцы и элейцы не многим меньше, чем лакедемоняне, — до такой степени они были недовольны высокомерием аркадян.

33 Фиванцы постоянно думали только о том, как бы им добиться верховного командования над всеми греческими силами. В конце концов они решили, что, отправив посольство к персидскому царю, они добьются от него больших выгод. Поэтому они сделали соответственное предложение своим союзникам, мотивируя свое решение тем, что и лакедемонянин Евтикл находился тогда при дворе царя. Затем отправились в глубь Азии от фиванцев Пелопид, от аркадян Антиох, победитель в Панкратии, от элейцев Архидам. Кроме того, с ними был и представитель аргиев.³ Услышав об этом, и афиняне отправили, со своей стороны, послами Тимагора 34 и Леонта. По прибытии послов ко двору Пелопид удостоился наибольшего почета от перса. Действительно, он мог сослаться на то, что фиванцы одни из всех греков сражались на стороне персов в Платейской битве и что после этого они никогда не выступали против царя, и что лакедемоняне боролись с ними за то, что они не хотели вместе с Агесилаем выступить против персидского 35 царя и не позволили ему принести в Авлиде⁴ жертву Арте-

¹ Потомком которого считался Архидам.

² Из войска, присланного Дионисием. Ср. § 20.

³ Так переводит эту фразу Э. д. Мейер (Gesch. d. Alt., V, 443).

⁴ См. кн. III, гл. 4, § 3 и след.

миде.¹ Очень содействовало успеху Пелопида у царя и то, что фиванцы были победителями в Левктрской битве и предали разграблению Лакедемонскую область. Вдобавок Пелопид утверждал, что аргияне и аркадяне потому были побеждены лакедемонянами, что фиванцы не явились им на помощь. Афинский посол Тимагор засвидетельствовал справедливость всех заверений Пелопида и был почтен царем после Пелопида больше всех остальных греков. После этого царь задал Пелопиду вопрос, какие он желал бы условия мира. Тот ответил, что он считает необходимым, чтобы Мессена была независима от лакедемонян и чтобы афиняне вытащили на сушу свои корабли. Если они не подчинятся этому решению, то против них следует выступить походом, и если какое-нибудь государство не захочет выставить своих контингентов в союзное войско, против него следует выступить прежде всего. Когда все это было занесено в мирный договор и прочтено послам, Леонт произнес так громко, что царь услышал: «Клянусь Зевсом, афиняне, повидимому, вам пришла пора искать вместо царя какого-нибудь другого друга». После того как царский секретарь перевел слова Леонта царю, договор был снова унесен и пренесен назад² со следующей припиской: «Если афиняне останутся на более справедливых условиях мира, то они могут снова явиться к царю с соответствующим заявлением». Когда послы вернулись в свои родные города, Тимагор был казнен афинянами, осужденный по обвинению, возбужденному Леонтом. Последний жаловался на то, что Тимагор не хотел находиться с ним в одной палатке и во всех своих мнениях примыкал к Пелопиду.

Из остальных послов элеец Архидам восхвалял все, что он видел у царя, так как царь отнесся к элейцам лучше, чем к аркадянам. Антиох же, обиженный тем, что царь пренебрег аркадянами, отказался принять подарки и заявил в собрании десяти тысяч,³ что у царя, правда, очень много пекарей, поваров, виночерпиев и привратников, но, однако, при всем старании ему не удалось увидеть людей, которые могли бы сражаться с греками. К этому он прибавил, что рассказы о царских сокровищах он также считает пустым бахвальством: ведь даже пресловутый золотой платан⁴ оказался такой величины, что под тенью его листья не мог бы найти защиты от солнца даже кузнечик.

После этого фиванцы созвали представителей от всех государств для слушания царского послания. Принесший грамоту перс сперва показал царскую печать, а затем прочел грамоту. Вслед за этим фиванцы предложили всем, желающим заключить с ними и царем договор, присягать на верность присланным условиям. Послы возразили на это, что они посланы только для заслушания письма,

¹ Агамемнон взял Трои, совершив перед отплытием в Азию жертвоприношение именно на этом месте.

² Предание смысла не дает. Перевожу по смыслу.

³ См. цитату из Диодора в коммент. к кн. VI, гл. 5, § 6.

⁴ О нем впервые поведал грекам Геродот (VII, 27).

а не для принесения клятвы. Если же фиванцам угодно приводить к присяге, то пусть они пошлют своих представителей по городам. Аркадянин Ликомед¹ прибавил к этому, что местом собрания союзников должны быть вовсе не Фивы, а тот пункт, где вспыхнет война. Когда это вызвало неудовольствие фиванцев и они заявили, что он губит дело союза, он не пожелал далее участвовать в совещании и тотчас же удалился на родину вместе с прочими аркадскими послами.

40 Так как депутаты не захотели принести присяги в Фивах, фиванцы отправили послов ко всем греческим государствам с предложением принести присягу на верность условиям, изложенным в царской грамоте, полагая, что каждый отдельный город будет бояться вооружить против себя сразу и царя и фиванцев. Первым делом эти послы прибыли в Коринф. Коринфяне воспротивились предложению фиванцев и ответили, что они не видят никакой нужды в том, чтобы греки связали себя по отношению к царю общей присягой. Их примеру последовали и прочие города, давшие такой же ответ. Таков был результат затеи Пелопида и фиванцев, имевшей целью доставить им господство.

41 После этого Эпаминонд, желая подчинить себе ахейцев, чтобы внушить этим уважение к себе аркадянам и прочим союзникам, решил отправиться походом на Ахайю. Он уговорил аргивянина Писия, занимавшего в Аргосе должность стратега, предварительно завладеть Онеем. Писий, узнав, что Оней весьма небрежно охраняется Навклом, начальником лакедемонских наемников, и афинянином Тимомахом, двинулся с отрядом из двух тысяч гоплитов и захватил ночью холм, господствующий над Кенхреями, имея при себе припасов на неделю. В течение этой недели фиванцы успели 42 прибыть и, перевалив через Оней, двинулись со всеми союзниками на Ахайю под предводительством Эпаминонда. Ахейские аристократы обратились к нему с мольбой о снисхождении, и ему удалось благодаря своему влиянию настоять на том, чтобы знать не была изгнана и чтобы государственный строй не был насильственно изменен: фиванцы удалились на родину, удовлетворившись клятвенным заверением ахейцев, что они будут воистину союзниками и примут участие во всех походах фиванцев, против кого бы они ни были направлены. Однако, это вызвало со стороны аркадьян 43 и оппозиционных партий в самой Ахайе обвинение в том, что Эпаминонд своим поведением подготовил в Ахайе благоприятную почву для лакедемонян. Поэтому фиванцы решили послать в ахейские города гармостов.² Последние, прибыв на место назначения, при помощи народных масс изгнали аристократов и учредили во всех ахейских городах демократический строй. Изгнанники вскоре объединились и, оказавшись в весьма значительном числе, двинулись поочередно к каждому из городов; им удалось овладеть всеми

¹ См. § 23 и след.

² См. прим. к кн. IV, гл. 8, § 8.

ими и вернуться в свои родные города. Конечно, вернувшись к власти, они уже не держались больше нейтральной политики, но стали ревностными союзниками лакедемонян. Поэтому аркадяне теперь были теснены с двух сторон: с одной — лакедемонянами, с другой — ахейцами.

Сикион до этих пор управлялся по исконным установлениям. Но после этих событий Евфрон, пользовавшийся у лакедемонян наибольшим почетом из всех сикионцев, решил добиться такой же первостепенной роли и у их противников. Он заявляет аргивянам и аркадянам, что если власть в Сикионе будет в руках богачей, то ясно, что при первом удобном случае город снова станет на сторону Лакедемона. «Если же, — добавил он, — власть попадет в руки демократии, то можете не сомневаться, что город останется вам верен навсегда. Поэтому, если вы мне обещаете поддержку, я готов (взять на себя организацию этого переворота и) созвать народ, что послужит доказательством моей преданности вам, и в то же время вы сделаете наш город верным вашим союзником. Я поступаю так потому, что, как и вы, давно уже негодую на высокомерие лакедемонян и был бы очень рад случаю избавиться от их ига». Аркадяне и аргивяне с удовольствием приняли это предложение и обещали ему свою поддержку. Тотчас же после этого он собрал на агоре в присутствии аркадян и аргивян народное собрание, заявляя, что отныне государственный строй преобразуется на началах полного равноправия. Когда собрание открылось, Евфрон предложил народу выбрать стратегов по собственному усмотрению. Были выбраны: сам Евфрон, Гипподам, Клеандр, Акрисий и Лисандр. После этого он назначил начальником наемников своего сына Адея, сместив прежнего начальника Лисимена. Части этих наемников Евфрону удалось внушить к себе преданность подарками; сверх того он набрал новых наемников, не щадя ни казенных денег, ни храмовых сокровищ. Вдобавок он пользовался имуществом тех, которых он изгонял по обвинению в лаконофильстве. Из своих товарищей по должности он часть коварно убил, часть предал изгнанию. Таким образом он подчинил все своей власти и сделался явным тиранном. Чтобы не натолкнуться при этом на сопротивление союзников, он действовал путем взяток, а также располагал их к себе тем, что его наемное войско охотно сопровождало их во всех походах.¹

В это время флиунты оказались в ужасном положении, терпя недостаток в пищевых продуктах. Их теснили с двух сторон: с одной стороны аргивяне воздвигли против них укрепление Трикаран² над храмом Геры, с другой стороны сикионцы укрепили пограничный пункт Фиамию. Тем не менее, флиунты оставались верными своим союзникам.³

Историки никогда не забывают упомянуть о всяком славном

¹ Продолжение истории Сикиона в главе 3.

² На Трикаранских (Трехглавых) высотах.

³ Продолжение этого рассказа в § 17.

деле, совершенном крупными государствами. Мне кажется, что еще более достойно упоминания то государство, которое, будучи незначительным, тем не менее совершило многочисленные и доблестные подвиги.

2 Таковы флиунтцы. Они были друзьями лакедемонян тогда, когда те были величайшим государством Греции, и остались им верными также после того, как их постигла неудача в Левктрской битве, после того, как от них отложилось¹ очень много переизков, еще гелоты и кроме того все союзники, за исключением лишь очень немногих, а против них выступили чуть ли не все греки. Несмотря на то, что врагами их были могущественнейшие племена Пелопоннеса — аргивяне и аркадяне, — они все же отправили свое войско на помощь лакедемонянам. На них выпал жребий двигаться в Прасии в хвосте² союзного вспомогательного войска, состоявшего из коринфян, эпидаврцев, трезенцев, гермионцев, галийцев, сикионцев и пелленцев;³ однако, они не воспользовались этим для отпадения. Мало того: когда ксенаг их оставил и присоединился к передним отрядам, они не только не повернули назад, но, наняв проводника из Прасии, благодаря всевозможным ухищрениям проскользнули в Спарту, несмотря на то, что неприятель стоял близ Амикл.⁴ Лакедемоняне за это осыпали их почестями и послали им быка, как дар гостеприимства. После ухода врагов из Лаконии аргивяне, раздраженные поддержкой, оказанной флиунтцами лакедемонянам, вторглись всенародным ополчением во Флиунтскую область и предали ее опустошению. Однако, флиунтцы не примирились с этим: после того как враги удалились, уничтожив все, что могли, флиунтские всадники погнались за ними и напали на арриергард; несмотря на то, что флиунтцев было всего шестьдесят, а враг поставил в арриергарде всю свою конницу со включением нескольких взводов пехоты, им удалось обратить вражеский арриергард в бегство. Несмотря на то, что они перебили лишь немного врагов, им удалось в виду неприятеля водрузить трофей, — точно-точно, как если бы все неприятельское войско было перебито.

5 После этого⁵ лакедемоняне и их союзники снова охраняли Оней; фиванцы же подошли, намереваясь перевалить через горы. Когда аркадяне и элейцы, двигаясь на соединение с фиванцами, проходили через Немею, флиунтские изгнанники⁶ предложили им завладеть Флиунтом, утверждая, что для этого им стоит только согласиться появиться в виду города. Сговорившись относительно этого, изгнанники засели под самой городской стеною, имея при себе лестницы; кроме них там засело еще около шестисот человек. В то

¹ См. кн. VI, гл. 5, § 32.

² Следовательно, им легче всего было незаметным образом уклониться от похода.

³ Последние тогда еще не отложились.

⁴ См. кн. VI, гл. 5, § 30.

⁵ В 369 г. См. гл. 1, § 15.

⁶ Приверженцы демократической партии.

время как дозорщики на Трикаранских высотах подали сигнал о приближении врага и все внимание горожан было поглощено этим известием, решившие предать город подали сигнал засевающим внизу, чтобы они лезли на стену. Те взобрались наверх, прогнали с постов дневных караульных, которых было десять, а также заняли и те караульные посты, которые оставались без стражи вследствие того, что из каждых пяти караульных днем оставался на своем посту только один. Из этих караульных один был застигнут спящим на своем посту и убит; другой погиб в то время как он искал убежища в храме Геры. Остальные караульные спустились бегом по склону стены, обращенному к городу, после чего взобравшиеся на стены всецело завладели акрополем. Шум достиг до города и граждане выступили против врагов. Последние сначала устремились им навстречу, выйдя из акрополя, и завязали бой перед воротами, ведущими в город, однако, под напором горожан они вскоре отступили назад в акрополь. Туда же ворвались вслед за ними и граждане. Последним удалось тотчас очистить от врагов всю внутреннюю часть акрополя, но противники, взобравшись на стены и башни, оттуда наносили удары и метали снаряды в находящихся внутри. Те отбивались снизу, стремясь получить доступ к лестницам, ведущим на стены. После того как гражданам удалось завладеть башнями, расположенными по обе стороны крепости, они с мужеством отчаяния бросились на противников, занявших стены, и завязали с ними рукопашный бой. Последние под напором храбро наступающих граждан становились все малочисленнее. Как раз в это время аркадяне и аргивяне окружили акрополь и пытались подрывать его стену в ее головной части.¹ В то же время из занявших крепость граждан одни отражали врагов, успевших уже взобраться на стену; другие наносили удары тем из них, которые находились еще на лестницах и старались взобраться наверх снаружи, третьи теснили тех, которые еще удерживали в своих руках некоторые из башен,² и так как в палатках граждан оказался припасенным огонь, они подожгли эти башни,³ обложив их снопами, снятыми с нивы, расположенной внутри акрополя. Приведенные в ужас этим пожаром находившиеся в башнях противники стали прыгать вниз; те же из них, которые стояли на стенах, стали также падать вниз под ударами граждан. Это послужило началом полного поражения, и вскоре вся городская крепость была очищена от врагов. Тотчас вслед за этим выступила из города конница. Увидя ее, враги стали отступать, оставив лестницы и не подобрав павших в бою и даже некоторых из оставшихся в живых, — тех, которые получили ранения, лишившие их возможности уйти.

¹ Смысл этой фразы несколько темен.

² Место безнадежно испорченное. Перевожу по общему смыслу, получающемуся после предложенной Тилльмансом перестановки: τῶν δ' ἐνδοθεν οἱ μὲν τοὺς ἀναβεβηκότας αὐτῶν ἐπὶ τὸ τεῖχος, οἱ δὲ καὶ ἔξωθεν ἐπὶ ἐπιαναβαίνοντες ἐπὶ ταῖς κλιμακῶν ὄντας ἐπαύον, οἱ δὲ πρὸς τοὺς ἐπὶ τῶν πύργων ἐμάχοντο. К третьей группе относятся уже не аркадяне и не аргивяне, а мятежники.

³ Башни имели изнутри деревянную обкладку.

Всего погибло неприятелей, считая как тех, кто пал в бою внутри крепости, так и тех, кто разбился, прыгая наружу, не менее восьмидесяти. В этот момент можно было увидеть трогательное зрелище, как мужчины пожимали друг другу руки, поздравляя с благополучным избавлением, и как женщины, принося им пить, плакали от счастья. На лицах всех этих людей можно было видеть подлинные слезы радости.

10 На следующий год все войско аргиев и аркадцев снова вторглось во Флиунт. Они нападали постоянно на флиунтцев не только по той причине, что были враждебно настроены против них: они всегда надеялись вынудить их к сдаче недостатком съестных припасов, так как Флиунтская область была расположена между владениями тех и других. Конница и отборный отряд флиунтцев и в этот раз выступили против врагов: они напали вместе с находившимися там афинскими всадниками на вторгшихся врагов, когда последние переходили через реку,¹ одержали над ними победу и принудили их всю остальную часть дня подвигаться вплотную у подножий горных хребтов; получалось такое впечатление, как будто они движутся по дружественной стране и опасаются, как бы нечаянно не вытоптать хлеба, растущего на равнине.

11 Был и еще поход на Флиунт, предпринятый начальником фиванского отряда в Сикионе. Он двинулся во главе своих гарнизонных воинов, а также сикионцев и пелленцев, обязавшихся уже в то время участвовать в предпринимаемых фиванцами походах. Его сопровождало также около двух тысяч наемников с Евфроном² во главе. На вершине, расположенной близ ворот, обращенных к Коринфу, он оставил сикионцев и пелленцев, чтобы флиунтцы не могли обойти здесь его войско и занять позицию, господствующую над храмом Геры; все же прочие воины перевалили через Трикаранские высоты и спустились к храму Геры с намерением опустошить равнину. Когда горожане узнали, что враги устремляются к равнине, они выслали против неприятеля всадников и отборный отряд, которым удалось противостать врагу и не допустить его к вторжению в равнину. Большая часть дня прошла в перестрелке; то отряду Евфрона удавалось оттеснить врага настолько вглубь равнины, что становилось возможным ввести в бой конницу, то гражданам удавалось продвинуться до храма Геры. Наконец неприятель счел нужным перейти к решительным действиям и двинулся в обход через Трикаранские высоты, так как узость прохода перед городской стеной не давала ему возможности пройти к пелленцам по этому, кратчайшему, пути. Флиунтцы некоторое время следовали за ними по подъему, а затем свернули в сторону и устремились по дороге, шедшей вдоль городской стены,³ на пеллен-

¹ Асоп.

² См. гл. 1, § 44.

³ Т. е. по тому кратчайшему пути, о котором сказано в предыдущем предложении. Узость дороги и близость городских стен служили защитой флиунтцев, насколько они делали этот путь негодным для их врагов.

цев и других, бывших вместе с ними. Войско, руководимое фиванским начальником, поняв намерения флиунтцев, бросилось также 14.
взапуски вперед, чтобы успеть притти во-время на помощь пелленцам. Флиунтские всадники прибыли, тем не менее, прежде их и врезались в неприятельское расположение. Пелленцы выдержали первый натиск; но когда флиунтцы, отступив, соединились с прибывшей пехотой, снова налетели на врагов и вступили в рукопашную, — последние обратились в бегство, причем погибло несколько сикионцев и очень много пелленцев, в том числе лучшие бойцы. После этого флиунтцы по обычаю поставили трофей и громко за- 15.
пели победную песню. Прибывшее под предводительством фиванского начальника Евфрона войско производило такое впечатление, как будто оно только затем обежало вокруг, чтобы полюбоваться этим зрелищем. После этого враги удалились в Сикион, а флиунтцы вернулись в город.

А вот еще один благородный поступок флиунтцев: когда ими 16.
был взят в плен живым их пелленский проксен, они отпустили его без выкупа, несмотря на то, что были в крайней нужде. Разве можно не назвать людей, совершающих подобные поступки, благородными и великодушными?

Теперь приведу пример, из которого с полной очевидностью 17.
вытекает, что флиунтцы сохраняли верность друзьям даже в минуты самых тяжких лишений. Когда они однажды были отрезаны от своих полей, ¹ они кое-как пробивались, частью добывая припасы во время набегов на вражеские поля, частью покупая их в Коринфе. Путешествие на рынок было сопряжено с большой опасностью; трудно было раздобыть денег для уплаты; еще труднее было найти посредников для получения денег взаймы; невероятных усилий, наконец, стоило найти людей, которые поручились бы за целостность упряжного скота, который отвезет эти продукты во Флиунт. ² Ока- 18.
завшись в таком ужасном и безвыходном положении, флиунтцы добились, чтобы к ним был прислан конвой под командой Харета. Когда последний прибыл во Флиунт, флиунтцы попросили его конвоировать в Пеллену неспособное к ношению оружия население. Прибыв туда, флиунтцы оставили там неспособных к войне граждан, закупили продукты, раздобыли, сколько только можно было, упряжного скота и ночью отправились в обратный путь. Они прекрасно знали, что враги поджидают их в засаде, но считали, что лучше принять бой, чем оставаться без припасов.

Флиунтцы и Харет подвигались вперед, пока не встретились 19.
с врагами. Тогда флиунтцы немедленно устремились на врага, ободря друг друга, завязали битву и громкими криками призывали Харета помочь им. Им удалось одержать победу и прогнать врага с дороги, благодаря чему они получили для себя и для припасов, которые они везли с собой, свободный проход на родину. Так как

¹ См. § 1 настоящей главы.

² Эта фраза в подлиннике не ясна. Перевожу по смыслу.

20 вся ночь прошла без сна, они легли спать утром и спали до довольно позднего часа дня. По пробуждении Харета к нему подошли всадники и доблестнейшие из гоплитов и сказали:

«Сегодня, Харет, тебе представляется случай выполнить славное дело: сикионцы укрепляют один из пунктов¹ на нашей границе; там много рабочих, но совсем немного гоплитов. Вперед двинемся мы, всадники и сильнейшие из гоплитов; ты же с твоим наемным войском будешь следовать за ними сзади. Быть может, к тому времени, как ты прибудешь, дело уже будет сделано, но возможно, что именно твое появление и обратит врага в бегство, как было в Пелленской области. Если же ты затрудняешься исполнить наше предложение, то спроси совета у богов через жертвенное гадание. Мы полагаем, что боги дадут тебе такой совет еще охотнее, чем мы. Не забывай, Харет, и того, что если ты исполнишь это, ты приобретешь укрепленный пункт, откуда ты будешь угрожать врагам; ты принесешь спасение дружественному государству; наконец, ты прославишься больше всех в своем государстве, твое имя прогремит среди союзников и врагов». Харет внял их просьбам и приступил к жертвоприношениям; в это же время флиунтские всадники не медля надели панцыри и взнуздали лошадей, а гоплиты снарядились для пехотного боя. Затем они под оружием отправились к тому месту, где совершались жертвоприношения; их встретили Харет и гадатель и сообщили им, что жертвоприношения дали благоприятные предзнаменования. «Подождите, — прибавил он, — сейчас и наше войско выступит в поход». Как только глашатаи объявили об этом, наемники, как бы подстрекаемые какой-то высшей силой, быстро выбежали в путь. Когда Харет двинулся в путь, флиунтская конница и пехота опередили его; сперва они подвигались быстрым шагом, а затем перешли в бег; наконец, всадники погнались лошадей изо всех сил, пехота также побежала изо всей мочи, поскольку это было возможно, не расстраивая рядов; за ними поспешно следовал Харет. Это произошло за короткое время до захода солнца, и враги в укреплении были застигнуты врасплох: одни в это время умывались, другие готовили обед, третьи месили тесто, четвертые постлали постели. Увидев, с какой стремительностью на них нападают, бывшие в укреплении пришли в ужас и тотчас же бежали, оставив храбрецам все припасы. Эти поужинали продуктами, найденными здесь, а также принесенными ими с родины, совершили по случаю удачи возлияния, пропели победную песню, расставили гарнизоны и погрузились в сон. Прибывшее ночью в Коринф известие о взятии Фиамии было встречено очень сочувственно: глашатаи объявили о поставке всякого рода телег и упряжного скота, телеги эти были наполнены хлебом и отправлены во Флиунт; этот подвоз совершался ежедневно в течение почти всего того времени, пока захваченное укрепление заканчивалось постройкой.

21

22

23

¹ Фиамию. См. выше, § 1, и ниже, § 23.

Этим я заканчиваю повествование о постоянной преданности 1
 друзьям и военной храбрости флиунтцев, которые не нарушили вер-
 ности союзникам, даже испытывая лишения во всем необходимом.
 Приблизительно в это же время стимфалиец Эней, занимавший
 пост аркадского стратега, считая недопустимым создавшееся в Си-
 кионе положение,¹ вступил со своим войском в акрополь этого
 города и призвал к себе оставшихся в городе, а также изгнанных
 без народного постановления² представителей аристократической
 партии. Это привело в страх Евфрона; он бежал в Сикионскую га-
 вань, призвал туда из Коринфа Пасимела³ и при его посредниче-
 стве передал гавань лакедемонянам; таким образом он оказался
 снова в числе их союзников. При этом он утверждал, что все время
 был им верен; по его словам, во время голосования вопроса об
 отложении от лакедемонян он был в числе немногих противников
 этого предложения; после этого он ратовал за введение демокра-
 тического строя, имея единственной целью отомстить изменившим
 ему. «Таким образом, — заметил он, — ныне мною изгнаны все те,
 которые вам изменили. Если бы власть осталась в моих руках, я
 бы отложился к вам вместе со всем городом; ныне же я передаю
 вам только гавань, которой мне удалось овладеть». Многие выслу-
 шали эту речь; однако, неизвестно, многие ли ему поверили.

Раз я уже начал,⁴ я доведу до конца эпизод об Евфроне. В то
 время как в Сикионе шла партийная борьба между аристократией и
 демократией, Евфрон, взяв из Афин наемническое войско, возвра-
 тился с ним на родину. При помощи демократов ему удалось овла-
 деть городом; однако, он прекрасно понимал, что, пока акрополь в
 руках фиванского гармоста, ему не удастся овладеть государством;⁵
 поэтому, раздобыв денег, он отправился в Фивы, чтобы при помо-
 щи подкупа склонить фиванцев изгнать из Сикиона аристократов
 и снова передать город в его руки. Однако, приверженцы бывшей
 прежде в изгнании партии, узнав об его отправлении и предвари-
 тельных мерах,⁶ также отправились в Фивы. Здесь они увидели,
 что Евфрон в коротких отношениях с членами фиванского прави-
 тельства.⁷ Опасаясь, что ему удастся добиться исполнения своих
 замыслов, некоторые из прибывших флиунтцев дерзновенно убили
 Евфрона в акрополе в присутствии совместно заседавших членов
 правительства и совета. Правители привели виновных в совет и
 сказали при этом следующее:

«Граждане, мы выступаем как обвинители убийц Евфрона и
 предлагаем вам осудить их на смертную казнь. При этом мы об-

¹ См. конец главы 1.

² Т. е. незаконным путем, по единоличному приказанию Евфрона.

³ См. кн. IV, гл. 4, § 7.

⁴ Автор извиняется, что он здесь снова (как и в рассказе о Флиунте) отступает в изложении от хронологического порядка.

⁵ См. коммент. к кн. IV, гл. 8, § 8 (ср. также здесь гл. 2, § 11, с коммент.).

⁶ Состоявших в изыскании денег для подкупа.

⁷ Т. е. с беотархами.

ращаем внимание на то, что благоразумные люди никогда не преступают божеских и человеческих законов; злодеи, если и поступают так, то, по крайней мере, стараются скрыть свои поступки. Обвиняемые же настолько превосходят всех остальных людей наглостью и низостью, что они самоуправно убили этого человека в присутствии самих правителей и вас, которым принадлежит неограниченное право решать, кто заслуживает смерти и кто ее не заслуживает. Если эти люди не подвергнутся самой суровой каре, — кто сможет прибыть в наше государство, не подвергаясь риску? Что станет с нашим государством, если каждый сможет здесь по произволу убивать другого даже прежде, чем тот успеет сообщить о цели своего прибытия в наш город? Поэтому мы привлекаем этих людей к суду, как величайших преступников против божеской и человеческой справедливости и против закона, как проявивших самое презрительное отношение к нашему государству.

Итак, выслушайте это дело и наложите на них такое наказание, какого они по вашему мнению достойны».

После того как правители сделали это заявление, обвиняемые заявили, что они отрицают свою виновность в приписываемом им преступлении; только один из них сознался в убийстве и начал свою оправдательную речь приблизительно так:

«Фиванцы, мыслимо ли, чтобы человек, прекрасно сознающий, что в вашей власти сделать с ним все, что вам угодно, мог бы относиться к вам с презрением? Так на что же я в таком случае рассчитывал, убивая этого человека? Будьте уверены, что при этом я прежде всего основывался на том, что я поступаю справедливо; кроме того, я рассчитывал, что вы вынесете справедливый приговор. Ведь, мне было прекрасно известно что когда приверженцы Архия и Гипата¹ поступали подобно тому, как теперь Евфрон, вы не ждали результатов голосования, а отомстили им как только представилась возможность, будучи уверены, что очевидные безбожности, явные предатели и покушающиеся захватить тиранническую власть всеми людьми признаются достойными смертной казни. А ведь Евфрон повинен во всех этих преступлениях! Действительно, когда он захватил власть, святилища были наполнены золотыми и серебряными посвятельными дарами; ныне же он оставил их совершенно пустыми. Далее, кого можно назвать более явным предателем, чем Евфрон? Сперва он был лучшим другом лакедемонян; затем предпочел им вас; затем, обменявшись с вами взаимными клятвами верности, снова вас предал, выдав гавань неприятелям.

И как можно сомневаться в том, что он был тиранном, когда он рабам даровал не только свободу, но и права гражданства, а граждан убивал, изгонял и лишал имущества, и притом не тех, которые совершили какое-либо преступление, но всех, кого ему только ни вздумается? А этими неугодными ему людьми оказались как

¹ См. кн. V, гл. 4, § 2.

раз лучшие. Сверх того, обратите еще внимание на то, что он вернулся в наш город с вашими заклятыми врагами афинянами и обратил оружие против назначенного вами гармоста; когда же ему не удалось вытеснить последнего из акрополя, он, запасшись деньгами, прибыл сюда. Ведь, если бы он явился к вам, собрав войско, вы были бы мне благодарны за то, что я его убил; так неужели же было бы справедливо, если бы вы меня подвергли смертной казни за то, что я наказал человека, который пришел к вам, запасшись деньгами, дабы развратить вас и убедить вас назначить его снова полновластным господином. Ведь те, которые принуждаются силой оружия, терпят ущерб, но не становятся бесчестными; те же, которые развращаются деньгами и совершают благодаря этому несправедливости, не только терпят ущерб, но и становятся предметом позора.

Правда, если бы он был мне врагом, а вам другом, не хорошо было бы, если бы я его убил в вашем городе, — с этим я согласен. Но, ведь, он предал вас; так почему же он мне был большим врагом, чем вам? На это мне могут возразить: однако, ведь он прибыл сюда добровольно.¹ Значит, если бы кто-нибудь убил его не на вашей земле, то заслужил бы похвалы, а теперь убить его преступно, и преступно только потому, что он снова прибыл к вам, готовый присоединить новые злодеяния к уже содеянным. Это ведь нелепо! Где в Греции видано, чтобы чтились договоры и обычаи в отношениях с предателями, обратными перебежчиками и тиранами? Вдобавок вспомните, как вы сами вынесли решение, что изгнанники должны быть подвергнуты аресту и насильственно выводимы из всех союзных городов. Так разве же можно считать несправедливым, что погиб тот изгнанник, который самовольно вернулся на родину без общего постановления союзников? Итак, я утверждаю, что если вы меня казните, то этим вы заступитесь за человека, который был самым заклятым вашим врагом; если же вы признаете, что я поступил справедливо, то вы справедливо отомстите за вас самих и за всех ваших союзников».

Выслушав его речь, фиванцы признали, что Евфрон претерпел справедливую кару. Однако, его сограждане² перевезли его труп на родину, похоронили, как доблестного гражданина, на агоре и почитают как героя — основателя города. Отсюда ясно, что толпа склонна считать доблестными людьми тех, которые ей угождают.

Этим я заканчиваю повествование об Евфроне. Теперь я возвращусь к тому месту моего главного рассказа, где я его прервал.³

В то время как флиунты еще возводили укрепления в Фиамии и Харет еще там находился, Ороп был захвачен изгнанниками. Узнав об этом, афиняне выступили против Оропа всенародным ополчением, призвав также и Харета из Фиамии. В это же время Сики-

¹ Смысл: Он, ведь, сам отдался в руки фиванцев и следовательно, как гость, должен быть защищаем государством.

² Конечно, сторонники демократии.

³ См. гл. 2, § 23.

онская гавань была снова захвачена сикионскими гражданами и аркадянами. Никто из союзников не явился на помощь афинянам, и им пришлось удалиться, оставив Ороп во временной оккупации у фиванцев до третьейского разбирательства.

2 Ликомед,¹ узнав, что афиняне недовольны союзниками за то, что те доставили им много хлопот, а сами ни в чем не помогли, убедил собрание десяти тысяч² вступить в переговоры о союзе с ними. На первых порах некоторые из афинян негодовали, считая несправедливым стать из друзей лакедемонян союзниками их противников. Когда же по зрелом обсуждении они сообразили, что от того, что аркадяне не будут нуждаться в фиванцах, получат не меньшую выгоду лакедемоняне, чем сами афиняне, они приняли союз с аркадянами. Когда Ликомед, закончив эти переговоры, вернулся из Афин на родину, он погиб смертью, явившейся очевиднейшим доказательством божественного промысла. Он имел выбор из большого числа судов при отправлении на родину; он выбрал из них какое сам захотел и приказал корабельщикам высадить его там, где он сам прикажет. И оказалось, что то место, которое он сам выбрал для высадки, было как раз тем пунктом, где собрались изгнанники.³ Таким образом он погиб, но заключенный им союз тем не менее продолжал существовать.

4 Демотион выступил в афинском собрании с предложением, одобряющим дружественный союз с аркадянами и рекомендующим, с другой стороны, предписать стратегам принять меры для того, чтобы обеспечить Коринфскую область за афинским народом. Услышав об этом, коринфяне немедленно же разослали достаточно сильные гарнизоны по всем тем городам, где находилась афинская стража,⁴ и предложили афинским гарнизонам удалиться, говоря, что эти города больше уж не нуждаются в гарнизонах. Афиняне исполнили это. Когда афиняне сошлись из укрепленных мест в город, коринфяне объявили через глашатая, чтобы те из афинян, которые считают себя в чем-либо обиженными, сделали об этом
5 письменное заявление, и их право будет восстановлено. При таких обстоятельствах прибыл в Кенхреи Харет со своим флотом.⁵ Узнав о случившемся, он сказал, что пришел на помощь городу, так как якобы слышал, что замышляется мятеж. Коринфяне удостоили его за это похвалы, но тем не менее не позволили его кораблям войти в гавань, предложив ему уплыть назад; точно также они предложили удалиться и гоплитам⁶ после того, как были удовлетворены все их законные требования. Таким способом афиняне были удалены из Коринфа. С другой стороны, союзный договор

¹ См. гл. 1, § 23.

² См. гл. 1, § 38, с коммент.

³ Очевидно, изгнанные по предложению Ликомеда представители враждебной ему партии.

⁴ На смену ей.

⁵ С целью, согласно предложению Демотиона, при помощи афинских гарнизонов овладеть Коринфской областью.

⁶ Прибывшим из коринфских крепостей, которые они охраняли (см. § 4).

вынуждал их посылать всадников на помощь аркадянам, если кто-либо пойдет войной на Аркадию. Однако, они не открыли военных действий против Лаконии.

Коринфяне были озабочены сохранением своей независимости; теперь это стало особенно трудно: до сих пор они терпели поражения на суше; с этих пор они потеряли вдобавок и симпатии афинян. Поэтому они решили составить и пехоту и конницу из наемников. Имея под своей командой это войско, они одновременно и охраняли город и вдобавок причиняли серьезный ущерб враждебным соседям. У фиванцев коринфяне запросили, согласились ли бы они на мир, если бы к ним были присланы послы с соответствующим предложением. Когда фиванцы ответили, что они согласны на мир, и предложили отправить послов, коринфяне попросили позволить им опросить союзников, чтобы к этому миру могли примкнуть те, кому это по душе; кому же по душе война, пусть продолжают воевать. Фиванцы позволили им выполнить и это. Вслед затем коринфяне явились в Лакедемон и заявили следующее: «Лакедемоняне, мы прибыли к вам как друзья и просим вас, если вы видите для нас какой-нибудь способ сохранить независимость, несмотря на то, что мы будем упорно продолжать эту войну, указать и нам этот способ. Если вы считаете наше положение безвыходным, то заключите вместе с нами мир, если только это и для вас представляет выгоды: нам приятнее, спасаясь, иметь товарищами вас, чем кого-бы то ни было другого. Если же вы считаете, что для вас выгодно продолжать войну, то просим вас позволить нам заключить сепаратный мир. Сохранив независимость, мы, может быть, еще окажемся вам полезными; если же мы теперь погибнем, то, конечно, уж мы никогда не сможем принести вам пользы».

Выслушав это заявление, лакедемоняне посоветовали коринфянам заключить мир; из прочих союзников они позволили прекратить войну всем, кто не желал ее продолжать в союзе с ними. При этом они заявили, что сами будут продолжать войну, готовые претерпеть все, что угодно божеству, но никогда не примирятся с потерей Мессены,¹ которую они получили в наследство от отцов. Услышав это, коринфяне отправились в Фивы для заключения мира. Фиванцы предложили им заключить еще и клятвенный союз; но коринфяне ответили на это, что союз — это не мир, а война при новых условиях, тогда как они прибыли для заключения мира на справедливых условиях, если это угодно фиванцам. Фиванцам понравилось, что они, даже находясь в опасности, не захотели вступить в войну со своими благодетелями,² и они заключили мир с коринфянами, флиунтцами и со всеми прочими, пришедшими вместе с ними в Фивы, на условиях сохранения каждым из государств своей наличной территории. На верность этим-то условиям и были принесены клятвы. После того как было заключено согла-

¹ См. коммент. к кн. VI, гл. 5, § 2.

² Лакедемонянам.

шение на этих условиях, флиунты тотчас же ушли из Фиамии. Однако аргивяне, несмотря на то, что они приняли мир на тех же условиях, как и прочие, и принесли соответствующую клятву, пытались добиться, чтобы в Трикаране¹ остались флиунтские изгнанники, ссылаясь на то, что занимаемый этими изгнанниками пункт якобы находился на аргосской территории. Когда им не удалось этого достичь, они заняли Трикаран своим гарнизоном; при этом они заявили, что участок, на который они претендовали, всегда им принадлежал, несмотря на то, что за короткое время до этого они опустошали эту землю, как вражескую. Флиунты потребовали третейского разбирательства, но им было отказано в этом.

22 Приблизительно в это же время, когда Дионисий I уже скончался, сын его послал на помощь лакедемонянам двенадцать триар под предводительством Тимократа. Прибыв в Грецию, последний помог лакедемонянам покорить Селласию² и, выполнив это дело, отплыл на родину.

Через короткое время после этого элейцы покорили Ласион, который принадлежал им с незапамятных времен, но в это время вступил в число членов Аркадского союза.

13 Аркадяне не остались равнодушными к этому; они тотчас же создали контингенты из государств, входящих в союз, и устремились на выручку Ласиона. Против них выступил элейский «отряд трехсот» и еще четыреста человек. Элейцы еще днем разбили лагерь на равнине против них. Ночью аркадяне взобрались на вершину горы, господствующей над элейским лагерем, и на рассвете спустились и выступили против элейцев. Последние видели, что аркадяне спускаются по склону³ и что, вдобавок, они превосходят их численностью. Тем не менее они считали позорным отступить, пока враг еще находился на значительном расстоянии; они сошлись с неприятелем и, вступив в рукопашную, обратились в бегство. При этом они потеряли много людей и оружия, так как отступали по непроходимым дорогам.

14 Выполнив это, аркадяне выступили против городов акропейцев. Подчинив себе все эти города, кроме лишь Фравста, аркадяне прибыли в Олимпию, обнесли палисадом Кроний, поставили здесь гарнизон и таким образом овладели и Олимпийским холмом. Затем, при помощи предателей, аркадяне овладели и Марганеей. Вследствие этих их успехов элейцы впали в глубокое уныние; аркадяне же пошли приступом на город.⁴ Им удалось даже дойти до агоры, но здесь против них выступили всадники и прочие граждане, вытеснили их из города, убили кое-кого из неприятелей и поставили трофей. Дело обстояло так: уже и до этого в Элиде шла партийная борьба; партия Харопа, Фрасонида и Аргея стре-

¹ Об укреплении Трикарана см. гл. 2, § 1.

² См. кн. VI, гл. 5, § 27, и там же цитату из Дниодора (XV, 64).

³ И, следовательно, занимают в бою лучшую позицию, так как метать снаряды сверху вниз удобнее, чем снизу вверх.

⁴ Элиду.

жилась к установлению демократического строя, а партия Сталка, Гиппия и Стратола — олигархического. Так как аркадяне, располагавшие огромными силами, были по всем видимостям союзниками сторонников демократического строя, — партия Харопа стала действовать смелее и по уговору с аркадянами, обещавшими прислать подмогу, захватила акрополь. Всадники и «отряд трехсот» немедленно взобрались на акрополь и вытеснили оттуда противников, обратив в бегство около четырехсот граждан с Аргеем и Харопом во главе. Присоединив к себе некоторое количество аркадян, последние короткое время спустя захватили Пилос. К ним перебежало из города Элиды много демократов, так как захваченный беглецами Пилос был прекрасным укреплением и вдобавок последние имели своими союзниками могущественных аркадян. Аркадяне делали и еще раз попытку вторгнуться в Элейскую область, так как изгнанники убедили их, что город подчинится им добровольно. Но в этот раз в городе оказались союзники элейцев ахейцы, которые и спасли город.

Поэтому аркадяне предали страну опустошению и затем удалились, не достигнув никаких успехов. Узнав, что пелленцы в Элиде, аркадяне, немедленно по удалении из Элейской области, захватили у них Олур, совершив для этого в течение ночи длиннейший переход (пелленцы тогда уже снова перешли на сторону лакедемонян и вступили с ними в союз¹). Узнав о том, что произошло с Олуrom, пелленцы двинулись оставшимися еще в их распоряжении окольными путями и вернулись на родину в Пеллену. После этого, несмотря на свою крайнюю малочисленность, они вступили в борьбу с засевшими в Олуре аркадянами и со всеми сторонниками демократического строя в их собственном городе; они боролись до тех пор, пока не овладели Олуrom.

В это время аркадяне пошли снова походом на Элиду. Когда они расположились лагерем между Килленой и этим городом, на них напали элейцы; аркадяне сразились с ними и одержали победу. Элейский гиппарх Андромах, который, повидимому, затеял эту стычку, покончил самоубийством, а остальные отступили в город. В этом бою погиб также случайно оказавшийся здесь спартиат Соклид; в это время лакедемоняне были уже союзниками элейцев. Элейцы, терпя неудачи в своей собственной области, отправили к лакедемонянам послов с просьбой напасть на аркадян, полагая, что, будучи вынужденными вести войну на два фронта, аркадяне скорее всего окажутся в безвыходном положении. Архидам, действительно, двинулся в поход с гражданским ополчением и захватил Кромни. Для охраны этого пункта он оставил здесь три из двенадцати ложов сипранского войска² и затем удалился на родину. Аркадское ополчение, еще не распущенное после похода на Элиду, направилось на выручку Кромни, обнесло его двойной оградой и спо-

¹ См. выше, гл. 2, § 18 и коммент.

² См. коммент. к кн. VI, гл. 4, § 12, и ниже, гл. 5, § 10.

коино вело осаду. Лакедемонские государственные власти, крайне огорченные тем, что лакедемонские граждане томятся в осаде, отправили на выручку войско под предводительством того же Архидама. Последний выступил и стал опустошать все, что возможно было, в Аркадии и Скиритиде, делая все, что только было мыслимо, для отвлечения осаждающих. Аркадяне тем не менее пренебрегли всем этим и не двигались с места. Тогда Архидам заметил какой-то холм, по склону которого проходила устроенная аркадянами внешняя ограда. Он полагал, что ему удастся овладеть этим холмом; в этом случае, по его мнению, осаждающие не смогут удержаться на своих местах, находясь ниже его. Он повел войско на холм кружным путем. Его передовой отряд пельтастов, заметив вне ограды вражеских эпаритов, напал на них, конница также пыталась врезаться в ряды противника; однако враг не обратился в бегство, а остался на своих местах. Лакедемоняне возобновили нападение. Однако враг и на этот раз не обратился в бегство, а даже перешел в нападение. Поднялась ужасная суматоха, и Архидам сам устремился на помощь и повернул по большой дороге, ведущей на Кромни, ведя воинов по два в ряд, как они были выстроены до сражения. Оба войска приблизились друг к другу, причем войско Архидама было выстроено длинным флангом, что было сделано для удобства передвижения по узкой дороге, а аркадяне были собраны в тесную группу, щит к щиту.

В этом сражении лакедемонянам не удалось уже одержать верх над аркадянами: вскоре Архидам был ранен в ногу навывлет, пали сражавшиеся перед ним Полиэнид и муж сестры Архидама Хилон; всего погибло их в этом сражении не меньше тридцати.

Когда, пройдя по дороге, лакедемоняне вышли на широкую равнину, они выстроились против аркадян в боевой порядок. В это время аркадяне оставались на месте в боевом порядке; они уступали врагу по численности, но далеко превосходили его бодростью духа, так как нападали на наступающих и уже перебили много людей. В лакедемонском же лагере господствовало глубокое уныние: они видели, что Архидам ранен, и слышали в числе погибших имена храбрых мужей и к тому же как раз самых известных в государстве. Когда враги приблизились, кто-то из воинов старшей призывной категории воскликнул: «Мужички, зачем нам сражаться? Почему нам не прекратить распри и не заключить мира?» Обе стороны с удовольствием выслушали это предложение и заключили между собой мир. Затем лакедемоняне удалились, похоронив трупы, а аркадяне, возвратившись на то место, откуда они начали наступление, поставили трофей.

В то время как аркадяне находились близ Кромна, элейцы, оставшиеся в своем городе,¹ первым делом пошли походом на Пилос. По пути они встретились с пилейцами, отраженными от Фалам. Увидя их, элейские всадники двинулись по направлению к ним и

¹ Элиде.

немедля бросились на них, причем одних перебили, а другим в небольшом числе удалось бежать на какой-то холм. Когда же подошла и пехота, были выбиты из позиций и последние; из них часть была перебита, а остальные были взяты в плен живыми, в числе около двухсот. Из этих пленных те, которые не были прежде элейскими гражданами, были проданы в рабство, а элейские изгнанники были казнены. После этого, так как никто не пришел на помощь пилийцам, элейцы покорили их, завладев их укреплением,¹ и снова подчинили себе марганейцев.²

Некоторое время спустя лакедемоняне, снова напав ночью на Кромни, овладели той частью огады, близ которой стояли аргивские войска, и стали вызывать к себе осажденных лакедемонян. Тем из последних, которые находились к ним ближе всего и энергично взялись за дело, действительно удалось выйти. Прочих успело догнать устремившееся со всех сторон на помощь аркадское войско; они были загнаны внутрь огады, окружены со всех сторон, взяты в плен и поделены между союзниками: часть досталась аргивянам, часть фиванцам, часть аркадянам, часть мессенцам; всего было захвачено в плен более ста спартиатов и перизков.

После того как аркадяне уже окончили дела под Кромном, им снова пришлось иметь дело с элейцами. Они снабдили Олимпию более сильным гарнизоном и, когда наступил Олимпийский год, стали делать приготовления к устройству Олимпийских игр вместе с жителями Писы, утверждавшими, что первоначально им принадлежало заведывание святилищем. Когда наступил тот месяц, в который происходят Олимпийские игры, и те дни, в которые собираются все греки на празднества, элейцы стали делать открытые приготовления и, призвав к себе на помощь ахейцев, двинулись на Олимпию. Аркадяне никогда не ожидали, что элейцы выступят против них, и вместе с жителями Писы руководили всенародным празднеством. Уже окончились конные состязания, а также беговые из числа состязаний пентатла; в это время между состязающимися, сохранившими шансы на победу, шел уже кулачный бой, происходивший не на беговой дорожке, как прочие состязания пентатла, а между нею и алтарем. Вооруженные элейцы проникли уже в священный участок. Аркадяне не вышли навстречу им на далекое расстояние, а выстроились близ реки Кладая, которая течет по границе Альтии³ и впадает в Алфей. Вместе с ними были и их союзники — до двух тысяч аргивских гоплитов и около четырехсот афинских всадников. Элейцы выстроились на другом берегу реки и, совершив жертвоприношения, тотчас же перешли в наступление. Несмотря на то, что в предшествующее время к их военным способностям относились с презрением как аркадяне и аргивяне, так и ахейцы и афиняне, в этот день они руководили действиями союзников, как если бы они были наиболее доблестными; они тотчас же

¹ Пиловом.

² См. выше, § 14.

³ См. коммент. к § 14.

31 обратили в бегство аркадян, с которыми им прежде всего пришлось столкнуться, затем завязали сражение с пришедшими на помощь аркадянам аргивянами, причем одержали победу и над ними. Загнав врага в промежуток между зданием совета, святилищем Гестии и театром, примыкающим к этим зданиям, они продолжали сражаться с меньшей энергией и оттолкнули врагов к алтарю; однако, последние засыпали их снарядами с портиков, со здания совета и с большого храма,¹ а также сражались на равнине, причем убили многих элейцев и в том числе самого начальника «отряда трехсот»² Стратола. После этого элейцы отступили в свой лагерь. Аркадяне и их союзники так боялись следующего дня, что не ложились спать всю ночь, срубая стоившие стольких хлопот временные сооружения³ и устраивая из них ограду. На следующий день элейцы, приблизившись к противнику, увидели крепкую стену и большую массу людей, взобравшихся на крыши храмов; поэтому они отступили в свой город.

В этом столкновении элейцы оказались очень храбрыми: если божеству угодно, оно может в один день прославить людей, вдохнув в них храбрость; людям же даже за очень долгое время не удалось бы сделать доблестными тех, которые таковыми не были.

33 Аркадское правительство распорядилось храмовой казной⁴ и выдавало из нее жалованье эпаритам.⁵ Мантинейцы были первыми, вынесшими постановление, запрещающее пользоваться храмовой казной; причитающуюся на их долю сумму для уплаты эпаритам они пополнили из ресурсов своего государства и отослали назад союзному правительству. Члены правительства заявили, что они оскорбили этим Аркадский союз и вызвали их представителей на суд в собрание десяти тысяч.⁶ Так как те не явились на суд, они были осуждены, и были посланы эпариты для насильственного привода осужденных. Однако, мантинейцы заперли ворота и не 34 впустили их в город. Сейчас же после этого и некоторые другие стали заявлять в собрании десяти тысяч, что не следует расходовать священной казны, чтобы не навлечь на себя на вечные времена обвинения потомства в нечестии. Тогда и общее собрание решило впредь не расходовать священной казны. Вскоре после этого те из эпаритов, которые не могли служить без жалования, ушли со службы; с другой стороны, те люди, которые могли просуществовать без жалования, подбодряя друг друга, становились эпаритами, чтобы не зависеть от своих противников, а чтобы, наоборот, те от них зависели. Члены правительства, распорядившиеся священной казной, понимали, что если им придется давать отчет, то им угрожает опасность погибнуть; поэтому они отправили посло-

¹ Т. е. знаменитого храма Зевса Олимпийского.

² См. коммент. к § 13.

³ Для размещения паломников.

⁴ Храма Зевса Олимпийского.

⁵ См. коммент. к § 22.

⁶ См. цитату из Дюдора в коммент. к кн. VI, гл. 5, § 6.

в Фивы, которые сказали фиванцам, что если они не пойдут походом на аркадян, то можно опасаться, что последние снова перейдут на сторону лакедемонян. Тогда фиванцы стали готовиться к походу.

Люди, желающие добра Пелопоннесу,¹ убедили Аркадский союз отправить в Фивы послов с заявлением, чтобы фиванцы не вступали в Аркадию вооруженные, пока их не позовут. В то же время они решили, что война для них совершенно бесполезна: они считали ни к чему не нужным заведывание святилищем Зевса и, наоборот, полагали, что поступят справедливее и благочестивее и больше угодят богу, если вернут заведывание святилищем обратно элейцам. Так как и элейцы хотели того же, то обе стороны решили заключить мир, и был заключен мирный договор.

Затем были принесены клятвы, причем в числе прочих поклялись также и тегейцы и сам фиванский начальник, находившийся в Тегее с отрядом из трехсот беотийских гоплитов. После этого собравшиеся в Тегее аркадяне остались здесь еще на некоторое время, обедали, благодушевствовали, совершали возлияния и пели песни, как полагается при заключении мира. Фиванский же начальник и те из членов аркадского правительства, которые боялись отчета, вместе с беотийцами и единомышленниками из числа эпаритов заперли ворота тегейской городской стены, отправили воинов к пирующим и арестовали членов аристократической партии. Так как здесь собрались представители всех аркадских государств, причем все они желали мира, пришлось арестовать очень многих людей, так что скоро наполнились ими и тюрьма и здание правительственных установлений. Таким образом многие были арестованы, многим удалось соскочить вниз со стены, некоторые были выпущены даже через ворота, так как враждебно к ним были настроены только сами те, которые боялись собственной гибели.² Фиванский начальник и его соучастники больше всего были недовольны тем, что им удалось арестовать лишь немногих мантинейцев, несмотря на то, что их-то им было желательнее всего захватить. Причиной этого было то, что вследствие близости их города почти все они ушли уже на родину.

Когда наступил день и мантинейцы узнали о случившемся, они отправили тотчас же послов в прочие аркадские города, советуя взяться за оружие и охранять проходы. Кроме того, они отправили послов в Тегею с требованием выдачи всех задержанных мантинейцев, прибавив к этому, что они считают незаконным, чтобы кто бы то ни было из жителей других аркадских городов был арестован или казнен без суда. Если же правители имеют обвинение против кого-либо из них, то послам было поручено заявить, что Мантинейское государство клятвенно ручается представить их на суд Аркадского союза.

Выслушав послов, фиванский начальник не знал, как ему быть,

¹ Т. е. сторонники аристократической партии.

² Если с них потребуют отчета; гарнизонные же войны охотно предоставляли арестованным возможность бежать.

и отпустил всех арестованных. На следующий день он созвал всех аркадян, которые только пожелали явиться, на общее собрание, и выступил с оправданием, ссылаясь на то, что он был введен в заблуждение: он, якобы, слышал, что вооруженные лакедемоняне стоят на границе и что некоторые из аркадян обещали им выдать Тегею. Выслушав его, собрание не подвергло его никакому наказанию, хотя и знало, что он говорит неправду; однако, в Фивы были отправлены послы, которые обвиняли его и требовали смертной казни. Говорили, что Эпаминонд, бывший тогда как раз стратегом, заявил в ответ на это, что обвиняемый гораздо более прав в том, что он арестовал указанных людей, чем в том, что он их выпустил. «В то время как мы, — сказал он, — были вовлечены в войну вами, вы заключаете мир без нашего согласия. Разве после этого вас не следует обвинять в предательстве? Будьте уверены, что мы выступим с войском в Аркадию и будем воевать рука об руку с нашими единомышленниками в вашей стране».

Когда Аркадский союз и отдельные входящие в него государства получили известие об этом ответе, мантинейцы и люди, желавшие добра Пелопоннесу¹ в других аркадских государствах, равно как и элейцы и ахейцы, заключили из него, что фиванцы несомненно стремятся совершенно обессилить Пелопоннес, чтобы его было легче поработить. «Для чего же другого, — говорили они, — фиванцы хотят, чтобы мы воевали, как не для того, чтобы мы взаимно вредили друг другу и чтобы таким образом обе стороны нуждались в них? Иначе почему же они готовят к выступлению, несмотря на то, что мы заявили им, что ныне мы в них не нуждаемся? Не ясно ли, что они затевают поход для того, чтобы принести нам какой-нибудь вред?»

Были отправлены послы в Афины с просьбой о помощи; точно также и в Лакедемон отправились послы от эпаритов, которые должны были обратиться к лакедемонянам с призывом воспрепятствовать общими силами вторжению кого бы то ни было в Пелопоннес с целью его порабощения. Тут же был предрешен и вопрос о гегемонии: предводительствовать союзным войском должен был тот, на чьей территории шла война.

В то время как шли эти переговоры, выступил в поход Эпаминонд с войском, составленным из всенародного ополчения беотийцев, из евбейцев и из большого количества фессалийцев, присланных как Александром,² так и его противниками. Однако, фокейцы отказались выставить свой контингент в это войско, заявляя, что по договору они обязались приходить на помощь, если кто-нибудь пойдет походом на Фивы; участвовать же в наступлениях фиванцев договор их не обязывает. Зато Эпаминонд рассчитывал, что в самом Пелопоннесе к его услугам будут аргивяне, мессеняне и сторонники беотийцев в Аркадии. Это были тегейцы, мегалопольцы,³

¹ См. выше, 4, § 35, примечание.

² Ферским тиранном. См. кн. VI, гл. 4, §§ 34 и 35 и коммент. к ним.

³ См. коммент. к кн. VI, гл. 5, § 8.

асейцы и палланты; такой же политики придерживались и еще некоторые города, вынужденные к этому тем, что они были расположены между этими городами и были сами очень слабы. Эпаминонд выступил с большой поспешностью. Он прибыл в Немею и здесь выжидал, надеясь, что ему удастся захватить афинян, когда они будут проходить мимо этой местности; он считал, что это имело бы большое значение для воодушевления союзников и, наоборот, привело бы в уныние противников; одним словом, поражение афинян, по его мнению, сулило всяческие блага фиванцам. Пока он выжидал в Немее, все его единомышленники сошлись в Мантинею. Когда же Эпаминонд услышал, что афиняне раздумали отправиться по суше и готовятся к морской экспедиции, чтобы помочь аркадянам, проникнув к ним через Лакедемон, он выступил из Немей и прибыл в Тегею. Я не мог бы назвать этот поход счастливым для Эпаминонда; однако, этот муж был безукоризнен во всем том, что достигается предусмотрительностью и мужеством. Прежде всего я одобряю то, что он устроил свой лагерь в самой Тегейской крепости, так как здесь он был в большей безопасности, чем если бы он устроил лагерь вне города, и здесь легче было скрыть свои планы от врага. Кроме того, находясь в городе, легче было заготовлять себе все необходимое. Далее, так как противник расположился вне города, Эпаминонд мог следить за его действиями, — были ли они правильными или ошибочными. Хотя он и считал себя сильнее противников, однако, он не давал убедить себя напасть на врага, пока тот занимал выгодные позиции.

Видя, что ни один город не присоединяется к нему, а время проходит, он полагал, что необходимо перейти к делу; в противном случае он ожидал, что вместо былой славы его постигнет полное бесславие. Вскоре он узнал, что противники стоят укрепленным лагерем близ Мантиней, что на помощь к ним вызван Агесилай со всем лакедемонским войском; до него дошли также известия, что Агесилай уже выступил в поход и находится в Пелленской области. Получив эти известия, он поужинал, а затем дал сигнал к выступлению и повел войско тотчас же на Спарту.

Если бы какой-то критянин по божественному внушению не прибыл к Агесилаю и не сообщил ему о приближении войска, он взял бы город, как беспомощное гнездо, так как он был совершенно лишен защитников. Однако, Агесилай узнал об этом заблаговременно и успел во-время вернуться в город; спартиаты выстроились и охраняли город, но было их очень немного: всей их конницы не было налицо, так как она находилась в Аркадии; отсутствовало также наемное войско и три из двенадцати лохов¹ граждан. Когда Эпаминонд прибыл в Спарту, он не двинул войска ни по такому пути, на котором он принужден был бы принять сражение на ровном месте, причем враг мог бы осыпать его снарядами с крыш домов, ни по такому, на котором его численное

¹ См. коммент. к кн. VI, гл. 4, § 12.

превосходство не дало бы ему никакого преимущества: ему удалось захватить позицию, которую он считал наиболее выгодной; отсюда он спустился, но, тем не менее, овладеть городской крепостью ему не удалось.

12 Виновником дальнейших событий можно считать божество; но можно сказать также, что никакая сила не может противостоять людям, доведенным до отчаяния.

Архидам повел против фиванцев отряд менее чем в сто человек, прошел мимо тех мест, которые могли бы служить естественной защитой против врага, и двинулся по откосу навстречу наступающим. И тут случилось то, что огнедышащие «победители лакедемонян», подавляющие противника численностью и уже занявшие господствующие возвышенности, не выдержали натиска отряда 13 Архидама и обратились в бегство. Находившиеся в первых рядах войска Эпаминонда пали в этом бою; однако, когда горожане, возгордившись одержанной победой, стали преследовать врага дальше предопределенной черты, они в свою очередь пали: повидимому, божество точно определило границу, до которой им может быть дарована победа. Архидам поставил трофей на том месте, где он одержал победу над врагом, и выдал погибших здесь неприятелей, 14 даровав для этого перемирие. Эпаминонд полагал, что аркадяне придут на помощь Лакедемону; он не желал сражаться одновременно и с ними и со всеми лакедемонянами, собравшимися вместе, причем, вдобавок, противники только что одержали победу, а его войска потерпели поражение. Поэтому он отправился назад с величайшей быстротой в Тегейскую область; здесь он позволил гопплитам расположиться на отдых, а конницу послал в Мантинию, обратившись к ней с призывом быть стойкой и указывая, что, по всей вероятности, весь мантинейский скот находится вне города, равно как и все жители; одной из причин этого было то, что это было как раз время уборки хлеба. После этого фиванская конница отпра- 15 вилась в Мантинию. В это время афинские всадники вышли из Элевсина, поужинали на Истме, уже прошли через Клеоны и как раз вошли в Мантинию, где и расположились лагерем внутри городских стен, в домах. Когда мантинейцы заметили, что приближаются враги, они попросили афинскую конницу по мере возможности защитить их, так как весь их скот, люди рабочего возраста, а также огромное количество детей и стариков свободных граждан находились вне городских стен.

16 Выслушав это, афиняне выступили против врагов, хотя еще ни они сами ни их кони не получали завтрака. Можно ли не восторгаться и их доблести, проявленной в этом случае? Они видели, что враг далеко превосходит их численностью; вдобавок их конница только что перенесла поражение под Коринфом; тем не менее афиняне не считались ни с этим, ни с тем, что им предстояло сражаться с фиванцами и фессалийцами, пользовавшимися репутацией лучшей конницы в Греции. Они считали позором, находясь на территории союзников, не оказать им никакой помощи; поэтому

они, как только увидели врагов, ринулись в бой, горя желанием сохранить отцовскую славу. Этой битвой им удалось достигнуть того, что было спасено все, находившееся у мантинейцев вне стен города; правда, у них погибло много доблестных мужей, но несомненно, что и со стороны врагов погибло много таких же, так как у обеих сражающихся сторон не было ни одного копья, которое было бы настолько коротко, чтобы оно не достигало до врага. Они не оставили на поле битвы трупов павших соратников и даже выдали некоторые вражеские трупы, даровав для этого перемирие врагу. Эпаминонд принял в соображение, что через несколько дней ему придется вернуться на родину, так как истекал срок его военной службы; если же он уйдет, оставив на произвол судьбы своих союзников, то противники станут их теснить, и его собственная слава будет покрыта несмываемым позором после того, как его многочисленное тяжеловооруженное войско было разбито в Лакедемоне небольшим отрядом, а конница потерпела поражение под Мантинейей; после того, как он своим походом на Пелопоннес вызвал соединение лакедемонян, аркадян, ахейцев, элейцев и афинян. Поэтому ему казалось невозможным уйти, не дав сражения; при этом он рассчитывал, что в случае победы все это будет искуплено; если же он погибнет в бою, он считал достойной смерть в борьбе за то, чтобы его отечество властвовало над Пелопоннесом. Меня не очень удивляет, что он рассуждал таким образом, — такие размышления свойственны честолюбивым людям; мне кажется гораздо более удивительным то, что ему удалось дать своему войску такое воспитание, что оно не утомлялось ни от каких трудов — ни дневных, ни ночных, что оно не уклонялось от опасностей, что оно охотно повиновалось даже тогда, когда ощущался крайний недостаток в съестных припасах. Точно так же и в этот последний раз, когда он дал приказ воинам готовиться к битве, всадники стали с энтузиазмом покрывать по его приказанию шлемы белой краской; аркадские гоплиты стали рисовать (на щитах) палицы, как будто они были фиванцами; кроме того, все солдаты стали оттачивать копья и мечи и наводить блеск на щиты.

То, что он сделал после того, как вывел в бой воинов снаряженными таким образом, достойно внимательного рассмотрения. Прежде всего он, само собой разумеется, выстроил войско в боевой порядок; этим он, повидимому, обнаруживал, что готовится к бою. Когда же его войско было выстроено так, как он хотел, он не повел его по кратчайшему пути против врага, а двинул его к горам, расположенным к западу, насупротив Тереи. Это произвело на его противников такое впечатление, будто он не собирается вступить в сражение в этот день. Сверх того, подойдя к подножию горы, как только войско удлинило ряды, он приказал остановиться под высотами и снять оружие, так что получилось впечатление, будто он располагается лагерем. Этими приемами он достиг того, что лишил большинство врагов их готовности к немедленному бою — как в душевном настроении, так и в военных снаряжениях. После

этого он перевел свои лохи, следовавшие длинною колонной, во фронтовое расположение, усилив при этом крыло, находившееся под его начальством.¹ Затем он скомандовал снова вооружиться и двинулся вперед, ведя за собой войско. Когда враги сверх ожидания увидели, что войско Эпаминонда наступает, у каждого из них оказалась масса хлопот: одни бежали на свои места в строю, другие выстраивались, третьи взнуздывали лошадей, четвертые одевали панцири; все это производило впечатление скорей надвигающегося поражения, чем победы. Эпаминонд двигал войско вперед узкой частью, как военный корабль, полагая, что в том месте, где ему удастся прорвать линию неприятельского расположения, он нанесет окончательное поражение и всему вражескому войску. Он собирался ввести в дело только самую сильную часть своего войска и отодвинул далеко назад более слабую часть, зная, что поражение какой-либо части войска влечет за собою уныние в смежных частях и подъем духа у врага. Противники Эпаминонда придали коннице такую же глубину, как и строю тяжеловооруженных, выстроили ряды ее тесно один за другим и не приставили к ней пехотинцев, «прикомандированных к коннице».

Эпаминонд же сделал очень сильным также строй конницы и приставил к ней вперемежку «прикомандированных к коннице пехотинцев»; при этом он полагал, что если ему удастся изрубить вражескую конницу, то это решит поражение всего вражеского войска, так как очень трудно найти воинов, которые захотели бы оставаться на своих позициях, видя кого-либо из своего же войска бегущим. Для того же, чтобы афиняне с правого фланга не могли помочь находящимся рядом воинам, он разместил на лежащих против них холмах всадников и гоплитов, которые должны были внушать афинянам опасение, что если они устремятся на помощь союзникам, те нападут на них сзади. Так обставил Эпаминонд это столкновение и, действительно, не ошибся в своих расчетах: одержав победу в том месте, где он врезался в ряды противников, он обратил в бегство и все вражеское войско. Однако, после того как сам Эпаминонд пал в бою, оставшиеся в живых не сумели даже как следует воспользоваться его победой; несмотря на то, что войско неприятеля бежало, гоплиты никого из них не убили и даже не продвинулись вперед с того места, где произошла схватка; несмотря на то, что была обращена в бегство и вражеская конница, также и всадники их, преследуя врага, не убили никого ни из гоплитов ни из всадников, а наоборот, боязливо вернулись через ряды убегающих врагов на свои места, как если бы они были побеждены. Правда, «прикомандированные к коннице» и пельтасты, одержавшие победу вместе с всадниками, прибыли, как победители, на левый фланг врага; но здесь большая часть их пала от рук афинян.

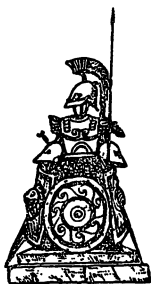
Эти события привели таким образом к последствиям прямо противоположным тем, которые ожидались всеми людьми. Здесь

¹ См. коммент. к кн. VI, гл. 4, § 12.

собралась вместе почти вся Греция и выступила с оружием в руках друг против друга; все ожидали, что, если произойдет сражение, то те, которые победят, получат в свои руки власть над Грецией, а побежденные подчинятся им. Однако, по воле божества случилось так, что обе стороны, как победители, поставили трофей и ни те ни другие не в силах были воспрепятствовать противникам сделать это; обе стороны, как победители, выдали противникам трупы, заключив для этого перемирие, и обе же стороны, как побежденные, согласились на это. Далее, обе стороны утверждали, что они победили, и тем не менее ни одна из сторон не приобрела после этой битвы ни нового города, ни лишней территории или власти по сравнению с тем, что она имела до этого боя. Это сражение внесло еще большую путаницу и замешательство в дела Греции, чем было прежде.

27

На этом я закончу свой рассказ; последующие же события, быть может, заинтересуют какого-нибудь другого автора.

ОТРЫВОК ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ, НАЙДЕННЫЙ В
ОКСИРИНХЕ В 1907 ГОДУ ¹

- ¹ ¹ В это же время из Афин вышла в море триэра.
Отправление ее не было санкционировано народным собранием; это произошло по личной инициативе Деменета, ее начальника, ² как говорят, с тайного одобрения совета. Заручившись сочувствием значительного числа граждан, он отправился в Пирей, спустил корабль из дока в море, снялся и поплыл к Конону. Это вызвало в Афинах взрыв протеста; все почтенные и умеренные афиняне негодовали, указывая, что это бросает тень на государство и может послужить началом войны с лакедемонянами. Испугавшись этого возмущения, члены совета созвали народное собрание, делая вид, будто они совершенно непричастны к совершившемуся событию. Когда народ собрался, выступили представители той афинской партии, во главе которой стояли Фрасибул, Эсим и Анит, с заявлением, что если государство не будет очищено от вины в этой затее, то оно попадет в крайне опасное положение. Почтенные и зажиточные афиняне вообще были довольны существующим положением вещей; но и демократическая масса на этот раз также послушалась их совета из страха перед последствиями. К гармосту Эгины Милону был отправлен вестник с заявлением, что ему предоставляется наказать Деменета каким ему будет угодно способом, так как он совершил свое выступление без ведома государства.
- ² ¹ До этого постановления афиняне все время подготовляли почву для возмущения и многократно поступали во вред лакедемонянам. Так, они посылали во флот Конона корабельные снасти и экипаж; кроме того, к персидскому царю было отправлено посольство с Гиппократом, Агнием и Телесагором во главе. Посольство это было задержано прежним навархом Фараком и отправлено в Лакедемон; здесь эти послы были казнены. К такому противодействию лакедемонянам афинян побуждала партия, руководимая Эпикратом и Кефалом. Эта партия желала во что бы то ни стало [довести

¹ Квадратные скобки [] указывают на слова, читавшиеся прежде, но теперь утраченные в виду фрагментарного характера папируса; круглые скобки () указывают на дополнения переводчика, сделанные для общей связи.

² Начальника — дополнение гадательное.

Афины до открытого разрыва со Спартой]; такого взгляда она держалась не только с тех пор, как ее вожди вступили в переговоры с Тимократом и получили от него золото, но уже гораздо раньше. Правда, некоторые считают, что именно розданные Тимократом деньги вызвали мятеж среди этих лиц и (среди их единомышленников) в Беотии и в других вышеуказанных государствах; но сторонникам такого взгляда (очевидно) неизвестно, что все эти люди с давних пор были враждебны к лакедемонянам и только искали подходящего повода, чтобы вызвать открытый разрыв между этими государствами и Лакедемоном; ведь вожди господствующей партии¹ в Аргосе и Беотии ненавидели лакедемонян за то, что они были в дружественных сношениях с враждебными им партиями в этих государствах; их (единомышленники) в Афинах желали лишить афинян мира и спокойствия и снова опутать их войной и хлопотами, чтобы иметь возможность поживиться на счет казны. В Коринфе все, стремившиеся к государственному перевороту, кроме Тимолая, относились враждебно к лакедемонянам [из тех же соображений], что и аргосцы и беотийцы. Только Тимолай относился к ним враждебно из-за личной обиды; до этого времени он был лучшим другом и самым ярким приверженцем лакедемонян. В этом легко убедиться, вспомнив то, что произошло во время Декелейской войны. Так, во-первых, этот Тимолай с флотом из пяти кораблей предал разграблению некоторые из подвластных афинянам островов; во-вторых, он, приплыв с двумя триэрами в Амфиполь, заставил амфипольцев экипировать еще четыре триэры, и с этим флотом, как я говорил уже выше, разбил в морском бою афинского стратега Симиха, захватив весь вражеский флот, состоявший из пяти триэр и тридцати грузовых кораблей. Затем он поплыл с [этими одиннадцатю] триэрами на Фасос и принудил его отложиться от Афин. Все это было в гораздо большей степени причиной вражды государственных деятелей в вышеуказанных городах к лакедемонянам, чем Фарнабаз и его золото.

Эгинский гармост Милон, услышав о том, что произошло в Афинах, поспешно экипировал триэру и погнался за Деменетом. Последний в это время как раз находился в Аттике, около Форики [испорченное место]. Овладев вражеским [кораблем], он оставил свое судно на месте битвы, так как оно было хуже на ходу, и, пересадив своих моряков на захваченный корабль, продолжал свой путь к войску Конона [испорченное место]. Милон же (вернулся) в Эгину на [корабле, брошенном Деменетом].

Таковы были значительнейшие из событий [испорченное слово] этого [года]. В начале лета, когда наступил восьмой год [лакедемонского владычества], [длинное испорченное место] ко флоту лакедемонян и их [союзников прибыл] из Лакедемона наварх [Поллид], назначенный преемником наварха Архелаида. В это же

¹ Βοιωτοὶ οὐνεστῶτα(ε)ς. — Gr. Hunt; я полагаю: Βοιωτοὶ πρὸς τῶν τ(ε)ς, ср. Xen. Hell. III, 5, 3.

время в Кавн [прибыло девяносто] финикийских судов; из них [десять прибыло из Кили]кии, а остальные [восемьдесят из Финикии] под командой сидонца Актона, [подданного] персидского царя [испорченное место]. Заметив [подплывающих врагов], Коннон [созвал воинов], экипировал [триэры, снялся с якоря и, проплыв] с величайшей быстротой Кавнскую реку, вошел в Кавнское [озеро]. [Испорченное место, в нем упоминается Фарнабаз].

Глава 5 и начало 6 крайне повреждены.¹

... [столько-то] гоплитов и [столько-то] легковооруженных, под начальством спартиата Ксенокла,² приказав им [испорченное место] выстроиться в боевой порядок, когда сражающиеся станут приближаться [испорченное место]. Он поднял свое войско на заре и снова повел его вперед. Варвары, по обыкновению, следовали за ним: одни шли в атаку, другие объезжали кругом на конях, третьи следовали в беспорядке сзади по равнине. Когда Ксенокл решил, что настало время напасть на врагов, он вывел пелопоннесцев из засады и устремился бегом. Каждый из отрядов варваров при приближении греков обращался в бегство, (так что) вся равнина (покрылась бегущими). Увидев, что в войске неприятеля паника, Агесилай послал своих легковооруженных и всадников преследовать врага; они соединились с вышедшими из засады и стали теснить варваров. Однако, они не вели очень продолжительного преследования, так как все равно им не удалось бы поймать врагов, войско которых состояло преимущественно из всадников и легковооруженных. При этом преследовании неприятель потерял около шестисот человек. Прекратив преследование, войско двинулось на лагерь варваров. Он оказался охраняемым лишь очень слабой стражей, которая сейчас же была взята в плен. В этом лагере было захвачено очень много провианта, множество пленных, всевозможная утварь и ценные вещи как самого Тиссаферна, так и других персов.

После того как битва приняла такой оборот, варвары, вместе с самим Тиссаферном, отступили к Сардам, приведенные в ужас греками. Агесилай простоял еще три дня на месте боя; в этот промежуток времени он выдал врагам трупы в силу заключенного для этого перемирия, поставил трофей и подверг опустошению всю страну. Затем он снова повел войско вперед, в Великую Фригию. Во время этого похода он уже не выстроил войска в карре, а позволил воинам³ по собственному усмотрению нападать на те части вражеской страны, на какие им заблагорассудится, разоряя врага.

Узнав, что греки подвигаются вперед, Тиссаферн снова выступил в поход со своими варварами и следовал по пятам за греками, держась от них, однако, на много стадий позади. Пройдя через

¹ Содержание начала 6-й главы см. в комментарии кн. III, гл. 4, § 21.

² Сказуемое: «посадил в засаду» или нечто подобное.

³ Т. е. позволил своим войскам разбрестись в разные стороны.

всю Лидийскую равнину [и не встретив никакого сопротивления], Агесилай повел свое войско через горы, отделяющие Лидию от Фригии. Перевалив их, греки спустились во Фригию (и подвигались вперед), пока не дошли до реки Меандра [истоки этой реки находятся близ Келе]н, самого большого [города] Фригии, а впадает она в море близ Приены и [пропуск]. Здесь он расположился лагерем (со всем своим войском) пелопоннесцами и союзниками и стал приносить жертвоприношения, (чтобы узнать), следует ли не следует перейти через реку; следует ли идти дальше на Келе[ны или же] возвратиться [обратно]. Так как жертвоприношения не дали хороших предзнаменований, он простоял [на этом месте] тот день, в который он прибыл, и следующий, а затем [повел войско назад].

(От 8-й и 9-й глав сохранились только жалкие обрывки).

[Пропуск] ежедневно он выводил [своих воинов] в полном вооружении на смотр в гавань. При этом он [ссылался на то], что, находясь в бездействии, воины забудут военные приемы; действительной же целью его было, не [внушая страха] родосцам, (вести в город) вооруженных воинов, чтобы (заговорщики), увидя их, могли приступить к выполнению своего плана. После того как эти смотры стали для всех [обычным] зрелищем, сам он с флотом из двадцати триер отплыл в Кавн, желая быть в отсутствии во время избиения [диагоровцев]; руководство замыслом он поручил своим помощникам, Иерониму и Никофему. Они переждали один день, а на следующий день, когда солдаты собрались по обыкновению на смотр, часть их в полном вооружении была выведена в гавань, а часть поставлена на большом расстоянии от агоры. Те из родосцев, которые принимали участие в заговоре, заметив, что как раз наступил момент, чтобы приступить к делу, собрались на агору с кинжалами в руках. Один из них, Доримах, взошел на камень, с которого обыкновенно выкрикивал глашатай, и закричал как можно громче: «Граждане! Спешите! Идем на тиранов!» После этого клича прочие заговорщики с кинжалами в руках устремились в помещения, где собрались правители, и перебили диагоровцев и еще одиннадцать граждан. Затем они созвали на народное собрание всех родосцев. Как раз когда они собрались, вернулся из Кавна назад и Конон со своим флотом. Устроившие избиение отменили действовавшее государственное устройство и учредили демократию, отправив в изгнание немногих из граждан. Так окончилось восстание на Родосе.

В это же лето вспыхнула война между беотийцами и фокейцами. Главными виновниками этой вражды были некоторые фиванские (государственные деятели). Дело в том, что за несколько лет до этого в Беотии произошел государственный переворот. В это время в Беотии было такое устройство. В каждом из государств были учреждены четыре совета; быть членами их могли не все граждане, а только владеющие определенным минимумом имуще-

ства. Из этих четырех советов заседал только один поочередно и выносил предварительное решение обо всех государственных делах. Это предварительное решение вносилось на обсуждение остальных трех советов. То, что утверждалось всеми советами,¹ получало силу закона. Таков был порядок решения частных дел отдельных государств; общебеотийские же союзные учреждения были организованы следующим образом. Вся страна делилась на одиннадцать (избирательных единиц), и из них каждая избирала одного беотарха [по следующему расписанию]:

Фиванцы избирали	4
двух за самый город и двух за Платеи, Скол, Эрифры, Скафы и другие селения, прежде составлявшие Платейский союз, а теперь причисленные к Фиванскому государству, с лишением их автономии, но сохранением прав гражданства.	
Феспийцы с Евтресисом и Фисбой	2
Орхоменцы и гиегты	2
Танагряне	1
Галиарты	} по очереди 1
Лебадейцы	
Коронейцы	
Акрефийцы	
Копейцы	} таким же образом 1
Херонейцы	

Так избирали эти единицы главных магистратов; выбирали они и по шестьдесят членов (союзного) совета на каждого беотарха, и (каждая единица) выдавала своим представителям диету в размере необходимых ежедневных расходов. От каждой единицы выставлялось в войско около 1000 гоплитов и 100 всадников; вообще говоря, пропорционально числу беотархов и пользовались общими доходами, и вносили налоги, и посылали членов в союзный суд, и участвовали во всех прибылях и тяготах. Таково было общегосударственное устройство. Местом заседаний общебеотийского совета была Кадмея.

В Фивах в это время, как я сказал уже выше, шла партийная борьба между знатнейшими и влиятельными гражданами. Одной из партий руководили Исмений, Антифей и Андрокл (ид), другой — Леонтиад, Астий и Карратад. Из этих государственных людей сторонники Леонтиада были лаконофилами, а сторонники Исмения обвинялись в «аттилизме», что, как говорили, было причиной их расположения к широким народным массам. В действительности же они вовсе не были сторонниками афинян [«а примыкали к ним только с той целью, чтобы тем легче оттеснить своих противников»].² Таково было настроение умов среди фиванцев. Обе партии были сильны; в борьбе приняли [оживленнейшее] участие также и многие из представителей провинциальных беотийских городов, примыкая к обеим партиям. Тогда³ и небольшое

¹ В подлиннике: всеми советами.

² Так передает смысл этого испорченного места Э д Мейер. Theopompus Hellenika, 82.

³ В 395 г.

время до того сильнее была партия Исмения и Андроклида и в самых Фивах и в беотийском союзном совете. Ранее же в течение долгого времени власть была в руках партии Астия и Леонтиада и [пропуск].

Когда лакедемоняне, во время войны с афинянами, засели в Декелее, собрав большое войско, составленное из их союзников, эта партия имела перевес над своими противниками, во-первых, потому, что по близости находились лакедемоняне, а во-вторых, вследствие того, что государство извлекло большую пользу из ее правления. Уже в самом начале войны афиняне и лакедемоняне фиванцы всячески содействовали благосостоянию своего города: как только афиняне стали угрожать Беотии, они собрали и переселили в Фивы жителей Эрифр, Скаф, Скола, Авлиды, Схэна, Потний и многих других такого же рода местностей, не имевших стен; вследствие этого Фивы увеличились в два раза. Еще больше, однако, увеличилось благосостояние города, когда фиванцы вместе с лакедемонянами засели в Декелее, укрепленной ими для борьбы с афинянами: они [скупали за бесценок] рабов и всякую другую военную добычу, будучи соседями, они перевезли к себе всю движимость из этой страны, начав со строительных материалов — дерева и кирпича. К этому времени Афинское государство достигло высшей степени процветания; во время предшествовавших вторжений лакедемонян оно не потерпело большого ущерба, а афиняне прилагали всевозможные усилия, чтобы украсить и укрепить их страну [испорченное место]. Так обстояли дела в Фивах и остальной Беотии.

Приверженцы партии Андроклида и [Исмения] всячески старались возбудить в беотийском народе вражду к лакедемонянам. Они стремились к уничтожению власти лакедемонян, опасаясь, что в противном случае лакедемоняне погубят их при помощи преданной им партии в Беотии. Они считали, что это нетрудно будет выполнить, так как рассчитывали на субсидию от царя, обещанную им персидским послом. Далее они были уверены, что [коринфяне], аргивяне и афиняне примут участие в этой войне, так как (правители этих государств), будучи враждебными к лакедемонянам, повлияют в соответствующем направлении на своих сограждан и склонят их на сторону Беотии. Задумав этот политический шаг, они считали все же трудным делом открыто выступить против лакедемонян, так как они понимали, что ни фиванцы, ни остальные беотийцы никогда не согласятся начать войну с лакедемонянами, владыками всей Эллады. Поэтому они старались вовлечь беотийцев в войну обманным путем. Они убедили нескольких фокейцев совершить грабительский набег на Западную Локриду. Причина вражды между локрийцами и фокейцами была следующая: близ Парнасса расположена область, бывшая предметом постоянных споров между этими племенами. Из-за нее уже до описываемых событий однажды вспыхнула война. Часто одна из сторон — локрийцы или фокейцы — выгоняла свой мелкий скот на спорную землю;

тогда жители другого государства, узнав об этом, собирались в большом числе и захватывали скот. Подобные случаи случались нередко, причем зачинщиком была то та, то другая сторона; но до этого раза по большей части удавалось уладить дело при помощи третейского разбирательства. Теперь же, когда локрийцы захватили мелкий скот фокейцев в ответ на такой же поступок с их стороны, последние, подстрекаемые теми своими согражданами, которых удалось убедить Андроклиду и Исмению, немедленно же послали войско в Локриду. Локрийцы, увидя, что их страна подвергается опустошению, отправили послов к беотийцам с жалобой на фокейцев и с просьбой прийти им на помощь (между локрийцами и беотийцами всегда были дружественные отношения). Воспользовавшись этим удобным моментом, сторонники Исмения и Андрокли[да убедили бе]отийцев прийти на помощь локрийцам. [Получив известие] о том, что произошло в Фивах, фокейцы принуждены были удалиться из Локриды; но вслед затем они отправили [*пропуск*] послов к лакедемонянам с просьбой, чтобы они запретили беотийцам вступать на фокейскую территорию. Лакедемоняне считали невероятным то, что сообщили им послы, — тем не менее они распорядились через послов, чтобы беотийцы не шли походом на фокейцев; если же они полагают, что фокейцы чем-либо нарушили их права, им предлагалось искать суда и расправы на общем собрании союзников. Однако, беотийцы, подстрекаемые людьми, замыслившими весь этот коварный план, отправили послов назад, не дав им никаких объяснений, а сами вооружились и выступили походом на фокейцев. Они вторглись форсированным маршем в Фокиду, разграбили территорию Парapotамий, Давлии и Фанотеи и пытались атаковать укрепленные города. Но, подойдя к Давлии, они должны были отступить; при этом не только не причинили ей никакого вреда, но даже сами потерпели некоторый урон. Далее, им удалось взять приступом предместье города Фанотеи. После этих успехов они двинулись дальше вглубь Фокиды, предали опустошению часть равнины, прилегающей к Элгее и Педиеям, разорили жителей этих мест и затем повернули назад. Когда они на обратном пути находились близ Гиамполя, они решили попытаться овладеть этим городом, представлявшим собою очень сильную крепость. Они пошли приступом на городские стены, но, несмотря на проявленную ими выдающуюся храбрость, не достигли никаких результатов и принуждены были отступить, потеряв около восьмидесяти воинов. Причинив столь ужасный ущерб фокейцам, беотийцы отступили в свою страну.

14 1 В это время, когда на смену наварху Поллиду уже прибыл Хирикрат и перенял командование флотом лакедемонян и союзников, Конон вышел в море из Родоса на экипированных им двадцати триерах и прибыл в Кавн. Желая свидеться с Фарнабазом и Тифравстом и получить у них деньги, он двинулся из Кавна вглубь страны по направлению к ним. В это время он был в большом долгу перед воинами, так как не уплатил им жалованья за

2

много месяцев; стратеги платили воинам неаккуратно жалованье, как бывает всегда, когда война ведется за (персидского) царя; так, и во время Декелийской войны, когда (персы) были союзниками лакедемонян, они выдавали деньги крайне скупно и неохотно, и много раз положение было таково, что оставалось лишь распустить союзный флот; выручало только содействие Кира. Виновник такого положения дел — (персидский) царь: когда он затевает войну, он только в самом начале препровождает военачальникам небольшую сумму денег, и не заботится о том, что будет дальше. Поэтому иногда лица, которым поручено руководительство делами, не имея возможности вести расходы на собственный счет, принуждены распустить боевые силы. Таково обычное положение вещей.

Конон прибыл к Тифравсту и передал ему, что все предприятие грозит окончиться неудачей из-за недостатка в деньгах, что неразумно отказывать в них сражающимся за (персидского) царя. Тифравст послал несколько варваров из числа его приближенных с поручением выдать жалованье воинам. Им было дано с собой двести двадцать талантов серебром; эти деньги были взяты из имущества¹ Тиссаферна. Тифравст переждал еще некоторое время в Сардах, а затем пошел вглубь страны к царю, передав верховное начальствование Ариею и Пасиферну. Для ведения войны он им вручил все остальное золото и серебро, которого, по слухам, было около семисот талантов.

Кипряне, бывшие в отряде, поплывшем вместе с Кононом в Кави, поверив наветам злонамеренных людей, будто они не получают следуемого жалованья и будто уплата будет произведена только гребцам и морским воинам, пришли в негодование. Они собрались вместе на совещание и выбрали руководителем одного из своей среды, карпасийца по происхождению. Они приставили к нему отряд телохранителей по два воина от кажд. . . [шесть испорченных строк]. [Выслушав] их [заявления], Конон [г опуск] велел им не верить [этим слухам], [так как никому из] греков [не будет оказано предпочтения], но все получают [поровну]. [Дав им] такой [ответ], он заявил, что хочет объ[явить о том же и остальн]ым. Начальник киприан карпасиец пошел вслед за (ним) на общее собрание солдат. Когда они по пути проходили через городские ворота, Конон, шедший впереди, вышел первым за городскую ограду; когда же через ворота проходил упомянутый уже человек из Карпасии, его схватило несколько человек из мессенцев, обычно составлявших свиту Конона. Они сделали это без ведома последнего, с целью задержать карпасийца в городе и привлечь к ответственности за совершенные им преступления. Сопровождавшие карпасийца кипряне стали отбивать его у мессенцев, не давая вести его [в тюрьму]. Узнав о происходящем, и [весь отряд телохранителей] устремился на помощь своему начальнику. Конон, [увидев, что] эти люди [пропуск], вскопчил в [пропуск] город. Кипряне стали осыпать

¹ Конфискованного.

камнями мессенцев, арестовавших карпасийца, и [вскоре отогнали] их. После этого кипряне пришли к убеждению, что Конон собирается при раздаче жалованья [поступить самым несправедливым образом]. В таком положении дел они решили сесть на триэры; целью их было, утверждали некоторые, присоединив к себе находившихся на Родосе (соотечественников), плыть в Кипр. [Им удалось овладеть] Алан[*пропуск*] и присоединить к себе всех кипрян, желавших примкнуть к ним, после чего они двинулись против акрополя, чтобы лишить власти Конона, [которого они считали виновником] всех [их] бедствий. Точно так же как и

[3 испорченные строки]

[пропуск] город *[пропуск]* отплыли от *[пропуск]*, желая воспользоваться находившимися там [. . . из числа] триэр. Когда кипряне причалили к берегу, Конон отправился к [начальнику Кавна] Леониму и сказал ему, что он один может вывести (персидского) царя из тяжелого положения: он обещал положить конец мятежу в войске, если тот согласится предоставить ему весь греческий караул, [охраняющий] Кавн, и большую часть карийцев. Леоним предоставил в распоряжение Конона сколько угодно будет последнему из числа его воинов. Конон в этот день не предпринял никаких действий, так как солнце уже клонилось к закату; но он взял у Леонима большое количество [карийцев] и всех его эллинских воинов и на следующий день вывел их из города до зари. Затем часть их он расставил снаружи вокруг лагеря, а часть [повел] к кораблям и к морскому берегу *[пропуск]*. Сделав это и приказав объявить через глашатая, чтобы каждый из воинов шел к *[пропуск]*, арестовал карпасийца и еще шестьдесят кипрян. Всех их он казнил, предводитель их был распят. Услышав о происшедшем, [кипряне], оставшиеся на Родосе, пришли в негодование. Возмущенные случившимся, они выгнали из лагеря поставленных Кононом начальников, осыпая их градом камней, и вышли из гавани, вызывая своим шумом беспокойство у родосцев. Однако из Кавна прибыл сюда [К]онон; он арестовал вождей (мятежников) и предал их смертной казни, а прочим воинам роздал жалованье. Так, благодаря Конону и проявленной им предусмотрительности, был прекращен мятеж в царском войске, принявший уже крайне опасные размеры.

16 1 Агесилай направился со своим войском из лакедемонян и союзников к побережью Геллеспонта. Пока он проходил через Лидию, он не причинял жителям никаких обид, желая оставаться верным заключенному с Тифравстом договору; когда же он прибыл во владения Фарнабаза, войско его подвигалось вперед, разоряя и грабя [страну. Затем,] пройдя через равнины Фиванскую и так называемую [Апийскую], он вторгся в пределы Мисии, [настоячиво требуя,] чтобы мисяне приняли участие в его походе: многие из мисян автономны и не подчиняются царю. Тем из мисян, которые согласились выставить свои контингенты в его войска, он не причинял никаких обид; землю же остальных предал опустошению. Аге-

силай продолжал подвигаться вперед и достиг приблизительно середины так называемого Мисийского Олимпа. [Увидя], что ведущий через него проход узок и представляет трудности (для передвижения), он, желая сделать этот путь безопасным, отправил кого-то послом к мисянам и, заключив с ними перемирие, повел войско через этот проход. Дав пройти значительной части пелопоннесцев и союзников, мисяне напали на арриергард; при этом они убили некоторое количество воинов, так как, вследствие узости пути, войско шло не выстроившись. Тогда Агесилай приказал войску расположиться лагерем и не предпринимал в этот день никаких военных действий, посвятив его совершенно установленным обрядам над убитыми. Убито же было около пятидесяти воинов. На следующий день он посадил в засаду значительную часть наемников, известных под названием «держкилидовцев», а затем снялся с места и двинулся обратно. Все мисийские отряды заключили отсюда, что Агесилай, вследствие потерь, полученных накануне, решил отступить; поэтому они выступили из своих деревень и погнались за ним с целью напасть на арриергард таким же образом, как и прежде. Но, когда они поровнялись с греками, сидевшими в засаде, последние вышли из-за прикрытия и вступили в рукопашный бой с врагом. Начальники мисян и бывшие в первых рядах преследователей были перебиты греками в первый же момент, как завязалась схватка; вся остальная масса, увидев, что находящиеся в первых рядах терпят поражение, разбежались по своим деревням. Когда Агесилай получил известие об этом, он, повернув фронт, снова повел войско в прежнем направлении, пока не соединился с сидевшими в засаде, а затем расположился на отдых в том же месте, где он и прежде стоял лагерем. После этого мисийские отряды, потерявшие кого-либо из своей среды в этом столкновении, послали своих вестников к А[гесилаю] и исходатайствовали перемирие для погребения трупов. [Всего погибло их более] ста тридцати человек. [Агесилай взял из] (ближних) деревень несколько [проводников и, дав воинам отдохнуть. . .] дней, повел войско вперед и вывел его в область фригийцев, но не в ту часть, куда он вторгся предыдущим летом, а в другую, еще не разоренную. Область эту он предал опустошению; при этом советниками его были Спифрадат с сыном. Этот Спифрадат был по происхождению персом и прежде находился при дворе Фарнабаза, всячески угождая ему. Впоследствии Спифрадат стал его врагом и, из опасения, чтобы его враждебность как-нибудь не обнаружилась и чтобы не претерпеть за это какой-либо кары, он сначала бежал в Кизик, а оттуда пришел к Агесилаю вместе с сыном Мегабатом, юным и прекрасным. Агесилай принял их к себе, главным образом, из-за юноши, так как он, по слухам, был страстно влюблен в Мегабата, а, кроме того, (он дорожил) и самим Спифрадатов (считая), что он будет хорошим советником в военных делах и вообще полезным человеком. Вот почему он охотно принял их в свою свиту. Затем он продолжал подвигаться вперед, опустошая владения Фар-

набаза, пока не пришел к укреплению, именуемому Львиными Головами. Он сделал несколько безуспешных приступов на эту крепость, а затем снялся и двинулся вперед, грабя и опустошая еще не разоренную часть вражеской территории. Прибыв снова к Гордию, укреплению, построенному на земляном валу и прекрасно оборудованному, он велел войску расположиться лагерем и прождал здесь шесть дней, совершая приступы на врагов и поддерживая дисциплину в войске обещанием богатой добычи. Когда же попытки взять крепость приступом окончились неудачей вследствие энергии ее коменданта Рафана, перса по происхождению, он велел войску сняться и двинуться в глубь материка, так как Спифрадат рекомендовал идти в Пафлагонию.

- 17 1 После этого он повел пелопоннесцев и союзников к [границам] Фригии и Пафлагонии. Здесь он приказал войску расположиться лагерем; [один лишь] Спифрадат [был послан вперед]. Последний отправился, склонив пафлагонцев (к соглашению), и вскоре 2 явился с послами от них. Заключив с ними [мирный договор], Агесилай форсированным маршем вывел [войско] из Пафлагонии к морю, опасаясь, что с наступлением зимы войско [останется без провианта]. Повел войско он уже не по прежнему пути, а по другому, полагая, что путь через [Вифинию] будет менее утомительным для [воинов]. Ему прислал [вспомогательные войска] Тий¹ [пропуск] [около тысячи] всадников и больше [двух] 3 тысяч пехотинцев. Агесилай повел войско через мисийский Кий; здесь он простоял десять дней, предавая опустошению владения мисийцев за их прежние злоумышления против него близ Олимпа.² Затем он повел войско вперед через Приморскую Фригию; по пути он шел приступом на крепость, известную под названием Милетских Стен, но ему не удалось овладеть ею и пришлось снять осаду. Далее он подвигался вдоль берега реки Риндака, пока не прибыл к Даскилийскому озеру, на котором стоит Даскилий, очень сильная крепость, оборудованная по приказу царя; в ней, по слухам, хранилось все золото и серебро, принадлежащее Фарнабазу. 4 Велел воинам расположиться здесь лагерем, он позвал туда Панкала, морского офицера наварха Хирикрата, который в это время отплыл с пятью триерами для надзора за Геллеспонтном. Панкал прибыл на всех парусах и ввел свои триеры в озеро. Агесилай приказал ему, нагрузив на свои суда более ценные предметы из [похищенного] имущества, плыть в [укрепленный пункт] близ Кизика, чтобы таким образом (создать фонд для) выдачи жалованья [войску]. Мисийских воинов [он распустил], приказав им вернуться весной, так как он собирался наступающей зимой совершить поход в Каппадокию; он слышал, что эта страна тянется узкой полоской от Понтийского моря до Киликии и Финикии, а длина ее такова, что если идти из Синопа...

¹ В рукописи Гий.

² См. выше, гл. 16, § 2.

КОММЕНТАРИЙ

ВВЕДЕНИЕ¹

Начало «Греческой истории» Ксенофонта совершенно необычно. Здесь мы читаем: «После этого, спустя немного дней, пришел из Афин Фимохар с немногими кораблями. И тотчас же снова произошел морской бой между лакедемонянами и афинянами».

Читатель остается в недоумении. Что значит: «после этого»? После чего: «этого»? И что значит: «снова произошел морской бой»?

Нельзя объяснять это странное начало тем, что изложение Ксенофонта непосредственно примыкало к неоконченному труду Фукидида. Прежде всего Ксенофонт в этом случае так или иначе сослался бы на Фукидида и объяснил бы, какие события он имеет в виду. Считать же «Греческую историю» вместе с Брейтенбахом набросками, сделанными для самого себя, как мы говорили уже, невозможно ввиду ее тенденциозного характера, умолчаний и хорошо продуманного отбора материала. Далее труд Ксенофонта можно было бы рассматривать как непосредственное продолжение труда Фукидида (непосредственное в том смысле, что Ксенофонт просто доводит до конца незаконченную Фукидидом VIII книгу его труда), если бы труд Фукидида кончался морским боем и если бы Фукидид в конце своего труда оставил спартанского полководца Агесандрида и афинского Фимохара в Геллеспонте, где, очевидно, происходит сражение, упоминаемое в начале труда Ксенофонта. Между тем, труд Фукидида кончается сообщением о политике и поведении Тиссаферна; Фимохара и Агесандрида Фукидид оставляет на Евбее после поражения, нанесенного лакедемонянами афинянам (гл. 95). Правда в гл. 107 сообщается, что спартанский начальник флота в Геллеспонте Миндар послал за кораблями, находящимися у Евбеи, но о прибытии этих кораблей Фукидид не говорит ничего.

Мы считаем поэтому наиболее вероятным предположение Бюксеншютца, по которому вводная глава первой книги «Греческой истории» утрачена или умышленно отброшена позднейшим редакто-

¹ В дальнейшем тексте при ссылке на авторов (напр. VIII, 5, 3) первая цифра (римская) указывает на книгу, вторая — на главу, третья — на параграф.

ром, стремившимся превратить I книгу «Истории» Ксенофонта в непосредственное продолжение VIII книги Фукидида.

Очень возможно, что это начало было утрачено лишь в очень позднее время. Правда, у Диодора (XIII, 42,5) мы читаем: «Ксенофонт и Феопомп начинают с того места, на котором остановился Фукидид». Однако Диодор мог выразиться так и в том случае, если бы в начале «Истории» Ксенофонта была краткая ссылка на события, описанные уже в труде Фукидида.

В самом деле, как мы узнаем из Диодора (XIV, 84, 7), Феопомп начинал свою историю с битвы при Киносемате, уже описанной Фукидидом, а между тем Диодор считает его непосредственным продолжателем Фукидида.

Но любопытно, что лучший издатель текста Ксенофонта Келлер показал, что все дошедшие до нас рукописи «Греческой истории» восходят к одной и той же, уже испорченной, поврежденной и снабженной нитерполяциями;¹ так что единство рукописной традиции не может служить доводом против предположения Бюксеншютца.

Интересное свидетельство анонимной биографии Фукидида² (привлекаемое нами для этой цели впервые) показывает, что та битва, о которой вкратце сообщает Ксенофонт в начале своего труда, произошла там же, где афиняне одержали одну из своих наиболее блестящих побед над лакедемонянами — при Киносемате, — и что она была более подробно описана в «Греческой истории» другого продолжателя Фукидида, Феопомпа:

«А то, что произошло после этого (μετὰ ταῦτα) (ср. начальные слова дошедшего до нас рассказа Ксенофонта!) Фукидид предоставил (κατέλιπε) написать Ксенофонту и Феопомпу, — именно следующие непосредственно одно за другим сражения, которых он не описал: второе сражение при Киносемате, о котором рассказывает Феопомп, морскую битву при Кизике, в которой победили Фрасибул, Ферамен и Алкивиад, морской бой при Аргинусах, где афиняне одержали победу над лакедемонянами, и, наконец, вершину афинских бедствий — битву при Эгоспотамах».

Считать вместе с Эд. Мейером,³ что «вторая битва при Киносемате» — только другое название для битвы при Абидосе, описанной несколько ниже у Ксенофонта (I, 1, 5), нет ни малейших оснований: Киносемат и Абидос лежат на разных берегах Геллеспонта, и бой при Абидосе, который велся от части с берега, никак не может быть в то же время и боем при Киносемате. Наоборот, если имеется в виду бой, описанный в первых строках «Греческой истории», то становится ясным выражение «сразились снова»: непосредственно перед этим было описано сражение, про-

¹ Такие интерполяции (вставки) взяты в нашем тексте в квадратные скобки [].

² Vita Thucydidis, 5.

³ Theopomps Hellenika, Halle, 1909, стр. 159.

исшедшее на этом же месте, в Киноссамате, в котором победителями были афиняне. Желая ослабить впечатление от этой победы, Ксенофонт прибегает к обычному своему приему: он упоминает о незначительной стычке на этом же месте, окончившейся победой лакедемонян, уравнивая таким образом второй битвой первую. Феопомп, живший поколением позже и настроенный также спартафильски, повидимому, впоследствии разукрасил эту стычку и превратил ее в целый «второй морской бой при Киноссамате».

Таким образом «после этого», по нашему мнению, означает после первой битвы при Киноссамате, описанной у Фукидида в 105—106 главах последней книги, о которой Ксенофонт, следовательно, вкратце сообщал в утерянной вступительной главе.

Далее лаконическое упоминание о Фимохаре и Агесандриде, как о находящихся уже в Геллеспонте, делает вероятным, что в этой вводной главе говорилось уже о Евбейском сражении между теми же Фимохаром и Агесандридом, описанном у Фукидида (VIII, 95), и о путешествии Агесандрида и Фимохара из Евбеи в Геллеспонт, о чем Фукидид не успел сообщить. При таком предположении труд Ксенофонта начинался бы со спартанской победы, а краткое сообщение о спартанской неудаче при Киноссамате было бы уравновешено сообщением о «второй битве при Киноссамате», дошедшим до нас.

Я позволю себе теперь процитировать те места из Фукидида и Диодора, которые описывают события, предполагающиеся у Ксенофонта известными и непосредственно предшествующими 1 главе I книги «Греческой истории»; возможно, что эти события и составляли содержание утраченной вводной главы.

Фукидид, VIII, 91, 2: «Вышедшие из Пелопоннеса по требованию евбеян¹ сорок два корабля, в числе которых были италийские из Таранта и Локров и несколько сицилийских, стали на якорь подле Ласа, в Лаконике, и готовились итти к Евбее: командовал ими спартиат Агесандрид, сын Агесандра...» Фукидид, VIII, 94, 1: «(В Афинах) получено было известие, что сорок два корабля под командою Агесандрида идут от Мегар вдоль Саламина... Афиняне, лишь только получили упомянутое известие, тотчас устремились бегом всею массою в Пирей... Одни сажались на готовые уже корабли, другие тащили корабли на воду, третьи спешили на защиту стен и входа в гавань. Но пелопоннеский флот прошел мимо, обогнул Суний и стал на якорь между Фориком и Прасиями, а потом подошел к Оропу. Афиняне вынуждены были спешно... употребить в дело неиспытанные в бою команды, так как желали возможно скорее защитити важнейшую часть своих владений: после блокады Аттики Евбея была для них все. Поэтому они отправили стратега Фимохара с флотом к Эретрии. Прибывших сюда кораблей вместе с прежними, находившимися у Евбеи, было тридцать шесть. Афиняне вынуждены были немедленно вступить в

¹ Желавших отпасть от Афин.

битву, так как Агесандрид после обеда снял флот свой с якоря у Оропа, отделенного от Эретрии полосой моря стадий в шестьдесят ширины. . . Афиняне вышли в море и вступили в битву перед эретрийской гаванью. Некоторое время они выдерживали бой, но потом обращены были в бегство, и неприятель преследовал их до берега. Все те из афинян, которые бежали в Эретрию, как в дружественный город, подверглись жесточайшей участи, так как были перебиты эретриями; спаслись те, которые укрылись в эретрийское укрепление, занимаемое самими афинянами; уцелели также и прибывшие в Халкиду корабли. Пелопоннесцы захватили двадцать два афинских корабля, команду частью перебили, частью взяли в плен и водрузили трофей». ¹

Отсюда Агесандрид направляется в Геллеспонт по требованию спартанского полководца Миндара.

Фукидид, VIII, 107, 2: «От Абидоса к Элеунту подошли пелопоннесцы, взяли назад все годные к плаванию корабли. . . а к Евбее за тамошними кораблями послали Гиппократу и Эпикла».

О злополучном путешествии Эпикла с Агесандридом из Евбеи в Геллеспонт Фукидид уже не сообщает. О нем мы читаем у Диодора.

Диодор, XIII, 41: «Лакедемонский наварх ² Миндар, бежавший после поражения ³ в Абидос, починил поврежденные корабли, а за триэрами, находившимися в Евбее, послал спартиата Эпикла, приказав ему привести их как можно скорее. Прибыв в Евбею, Эпикл собрал пятьдесят судов и спешно ушел в море. Когда его флот подошел к Афону, разразилась такая буря, что все корабли погибли, а из людей спаслось только двенадцать человек. Как утверждает Эфор, это видно из посвящения, сделанного этими людьми в Коронейский храм, ⁴ на котором имеется такая надпись:

С пятьдесят кораблей разбились о скалы Афона —
Только двенадцати нам вплавь удалось спастись.
Всех остальных погубила пучина широкого моря,
Ветра свирепый порыв в щепы разбил корабли.

Как мы видим из этого места, Эфор, живший полстолетия спустя после описываемых здесь событий, сделал из обнаруженной им надписи вывод, что весь еврейский флот состоял из 50 кораблей и погиб близ Афона. Однако, из надписи этого заключить нельзя: здесь сказано только, что пятьдесят кораблей были разбиты вдребезги и с них спаслось только 12 человек, а весь флот мог состоять из большего числа судов. В самом деле, как мы видели, этот флот состоял из 64 кораблей — 42 пелопоннесских и 12 взятых в плен у Афин; 50 кораблей были разбиты у Афона: стало быть 14 прибыло в Геллеспонт. Очевидно, Эпикл погиб у Афона; поэтому во главе этого флота снова стоит Агесандрид.

¹ Цитирую в переводе Ф. Мищенки (под ред. акад. С. А. Жебелева).

² Начальник флота.

³ При Киносемате, о котором мы скажем ниже.

⁴ В Беотии.

После поражения при Евбее афиняне также снарядили новый флот.

Фукидид, VIII, 97: «Афиняне, по получении известия о событиях на Евбее, занялись вооружением двадцати кораблей».

Эти-то «немногие» корабли и отправились, повидимому, вслед за спартанским флотом в Геллеспонт.

Во времени прибытия Агесандрида и Фимохара в Геллеспонт афиняне под предводительством Фрасибула и Фрасилла одержали блестящую победу над лакедемонянами и сиракузянами у Киноссмата. Фукидид подробно описывает это сражение в 104—106 главах своего труда. Поскольку это сражение окончилось победой афинян, Ксенофонт мог, по своему обыкновению, коснуться его только вкратце, подчеркнув то обстоятельство, что афинянам удалось захватить в плен небольшое число кораблей.

Вводя без всяких объяснений в § 5 в свой рассказ Алквиада, Ксенофонт имеет в виду соответствующее место в конце труда Фукидида.

Фукидид, VIII, 81—82: «Стоявшие во главе афинского войска на Самосе, главным образом, Фрасибул... склонили к возвращению из изгнания Алквиада большинство войска... Воины тотчас избрали Алквиада стратегом в дополнение к прежним и возложили на него все дела...» 97: «Афиняне, по получении известия о событиях на Евбее... решили возвратитъ Алквиада и изгнанных вместе с ним. Было отправлено посольство к Алквиаду, а также к войску на Самосе с приказанием взяться за дело...» 107: «Около того же времени возвратился на Самос от Кавна и Фаселида Алквиад с тринадцатью кораблями... В дополнение к своим кораблям он немедленно вооружил еще девять».

Точно также и лаконичное упоминание о Тиссаферне имеет в виду соответствующее указание Фукидида. Фукидид сообщает о двойственной политике Тиссаферна: он поддерживал то спартанцев (финикийский флот поддерживал спартанский), то афинян, желая ослабить и тех и других. В результате он потерял популярность у обеих сторон: спартанцы сблизилась с его врагом Фарнабазом, а из дружественного Афинам Антандра был изгнан наместник Тиссаферна Арсак. «Поэтому Тиссаферн решился отправиться к афинянам на Геллеспонт пожаловаться на случившееся в Антандре и представить благовиднейшие оправдания по поводу и финикийского флота и возводимых на него клевет и всего прочего образа действий» (Фукидид, VIII, 109). Самое перенесение театра военных действий с побережья Ионии в Геллеспонт объяснялось желанием спартанцев иметь поддержку с суши; побережье Ионии входило в сатрапию Тиссаферна, а побережье Геллеспонта в сатрапию Фарнабаза. Разумеется, и желание прекратить подвоз хлеба из Черного моря в Аттику сыграло здесь большую роль.

К КНИГЕ ПЕРВОЙ¹

1 О предшествующих событиях, на которые ссылается здесь Ксенофонт, и месте этой битвы я говорил уже выше, во введении к комментарию.

С несколькими кораблями — вероятно, теми двадцатью, которые снарядили афиняне после поражения в морском бою при Эретрии, как сообщает Фукидид (VIII, 97, 1).

2 В начале зимы — техническое выражение, означающее «осеннее равноденствие». Имеется в виду сентябрь 411 г. до н. э. Этот же эпизод — у Диодора (XIII, 45—46): «Родосец Дорией, начальник прибывшего из Италии флота,² усмирив смуту на Родосе, выплыл в Геллеспонт, спеша на соединение с Миндаром. Последний пребывал в бездействии в Абидосе, собирая со всех сторон корабли союзных с пелопоннесцами государств. В то время как Дорией был уже в Трояде около Сигея, афиняне, находившиеся в окрестностях Сеста, заметив, что он проплывает мимо них, выступили против него со всем своим флотом, насчитывавшим восемьдесят четыре корабля. Дорией некоторое время не замечал этого и продолжал плыть по открытому морю; однако, заметив многочисленность врагов, он испугался и, не видя никакого другого исхода, бежал в Дардан.³ Высадив на берег своих воинов, присоединив к ним гарнизон города и быстро раздобыв массу оружия, он расставил часть воинов на носках кораблей, а часть в надлежащем порядке на берегу. Афиняне подплыли, с большим ожесточением пытаясь вырвать из строя корабли Дориея; устремляясь большими массами со всех сторон, они держали противников в крайнем напряжении. Узнав об этом, пелопоннесский наварх (начальник флота) Миндар тотчас же отчалил из Абидоса со всем своим флотом и прибыл в Дарданскую область на восьмидесяти четырех кораблях, устремляясь на помощь флоту Дориея. С ним вместе действовала также и пехота Фарнабаза, пришедшая на помощь лакедемонянам. Когда армии приблизились друг к другу,

¹ Из двух цифр на полях первая указывает на соответствующую главу текста, вторая — на параграф.

² Флот города Фурий. О Дориее см. ниже, гл. 5, § 19 и коммент. к кн. IV, гл. 8, § 20.

³ Ср. Ретий в соответствующем месте у нашего автора.

обе стороны выстроили триэры для морского боя. Флот Миндара состоял из девятиста семи кораблей; на левом фланге он выстроил сиракузян, а правым предводительствовал сам. У афинян правым крылом предводительствовал Фрасибул, а левым Фрасилл (там же, 46). Долгое время битва велась с одинаковым успехом обеими сторонами, так как ни у тех, ни у других не было недостатка в честолюбии. Но через некоторое время неожиданно показался Алкивиад, прибывший из Самоса с двадцатью¹ кораблями и как раз случайно плавший в Геллеспонт. Когда его флот показался вдали, обе стороны питали надежду, что это идет им подмога; это внушило им больше уверенности и подняло их мужество. Когда же прибывающий флот приблизился и лакедемоняне не получили никакого ответа на свой сигнал, а афиняне заметили поднятую Алкивиадом на его собственном корабле красную эмблему, которая была условным ответным сигналом, — лакедемоняне были приведены в ужас и обратились в бегство; а афиняне, ободренные успехом, стали энергично преследовать убегающих. Им удалось тотчас же овладеть десятью из числа кораблей (но дальше им помешала буря). Наконец, лакедемоняне причалили к берегу и бежали в сухопутный лагерь Фарнабаза, а афиняне сперва пытались захватить корабли, пригнанные к берегу, действуя с большой отвагой и решимостью, но затем, получив тяжелый урон от персидского войска, отплыли назад в Сест».

Стратеги — верховная военная коллегия в Афинах, состоявшая из 10 человек. Члены ее избирались на год и первоначально имели назначение командовать войсками; позднее обязанности главнокомандующего исполняли только 1—3 из них, а остальные оставались в городе, где заведывали также и государственными делами, пользуясь очень большим влиянием.

Триэра — военный корабль с тремя ярусами гребцов. Начальник триэры назывался триэрархом. Он избирался из богатых граждан и обязан был на свой счет снарядить триэру.²

«Эта победа увеличила шансы на победоносный исход сражения, но, конечно, нечего было и думать о том, чтобы воспользоваться вполне ее плодами: прежде всего, и это самое важное, ощущалась настоящая нужда в деньгах. . . Поэтому-то большая часть стратегов и отправилась в Эгейское море для взыскания контрибуции с подвластных городов» (Ed. Meyer, *Gesch. d. Alt.*, IV, 605).

Эпизод об аресте Алкивиада у Плутарха (Алкивиад, 27) изложен так: «Тиссаферн давно уже пользовался дурной репутацией у лакедемонян; теперь он опасался, что будет обривнен также и царем. Поэтому прибытие Алкивиада было ему как раз кстати:

¹ У нашего автора: «с двадцатью кораблями без двух», т. е. с восемнадцатью. Выражение «без двух» (δυσὶν δεοῦσαις), может быть, опущено Диодором по недосмотру при пользовании источником.

² Такого рода почетная общественная служба, сопряженная с огромными издержками, называлась в Афинах литургией (литургией была, напр., постановка театрального зрелища).

он заключил Алкивиада в тюрьму в Сардах, желая, чтобы эта несправедливость была искуплением за возведенную на него клевету».

111 Из шестидесяти кораблей — по Диодору (XIII, 50, 2) из восьмидесяти.

Эпактрида — небольшое судно, несущее береговую службу.

В Кизик. Кизик, бывший прежде в союзе с афинянами, за короткое время до этого, как рассказывает Диодор (XIII, 49, 4), подвергся нападению Миндара (с моря) и Фарнабаза (с суши) и был ими взят приступом.

112 *Ферамен и Фрасибул*. Ферамен был отправлен афинянами с флотом из 30 кораблей, чтобы помешать постройке мола, который должен был соединить Евбею с противолежащим материком, но ему это не удалось. Затем он отправился на помощь к Архелаю, осаждающему Пидну, а отсюда к Фрасибулу во Фракию; после этого они оба вместе направились в Геллеспонт (Диодор, XIII, 47, 49).

Из-под Фасоса — см. § 32.

113 *Убрал большие паруса*. Большие паруса¹ снимали перед боем, чтобы они не затрудняли маневрирования судов, и оставляли на берегу.

Во время завтрака — около полудня.

116 Это столкновение описывает совсем по иному Диодор (XIII, 50—51): «Они разделили флот на три части: одну предводительствовал Алкивиад, другую — Ферамен, третьей Фрасибул. Алкивиад со своей частью уплыл далеко вперед от остальных, желая вызвать лакедемонян на морской бой. В то же время Ферамен и Фрасибул замыслили обойти врага и отрезать уплывшим в море возвращение в город. Миндар, заметив приближающийся флот, состоящий исключительно из кораблей Алкивиада, отнесся к нему пренебрежительно, не зная о том, что у врага имеются еще суда, и смело выплыл из города с восьмьюдесятью кораблями. Когда он приблизился ко флоту Алкивиада, афиняне, согласно данному им заранее приказанию, сделали вид, будто они обратились в бегство; это очень обрадовало пелопоннесцев, и они погнались за ними, чувствуя себя победителями. Завлекши противников на значительное расстояние от города, Алкивиад поднял сигнальный знак, и немедленно же все его триэры одновременно повернулись носом к врагам, тогда как Ферамен и Фрасибул поплыли против города и отрезали лакедемонянам отступление. Соратники Миндара, заметив многочисленность вражеских судов и поняв, что они стали жертвой военной хитрости, пришли в ужас. Наконец, когда афиняне стали нападать со всех сторон и отступление в город было отрезано пелопоннесцам, Миндар был вынужден бежать к берегу и высадился близ так называемых Клеров, где находилось также войско Фарнабаза. Алкивиад, ведя энергично преследование, часть

¹ Так назывались два паруса, прикрепленные к большой мачте. К малой мачте также прикреплялись два паруса, называвшиеся акатиями.

кораблей потопил, другим нанес повреждения, после чего они были взяты в плен; однако, большую часть кораблей Алкивиад застиг стоящими уже на якоре у самого берега; он набросил на них железные абордажные крючья и пытался таким образом оттащить их от берега. На помощь лакедемонянам пришла пехота с берега, и началась ужасная сеча, причем афиняне, упоенные одержанной победой, проявляли больше храбрости, чем здравого смысла, пелопоннесцы же значительно превосходили их численностью, так как им помогало также войско Фарнабаза, которое, сражаясь с суши, имело гораздо более прочную базу. Видя, что врагам помогает пехота, Фрасибул высадил на сушу и остальную часть своих морских воинов, спеша оказать помощь войску Алкивиада; Ферамена он побуждал, чтобы тот, соединившись с пехотинцами Херея, прибыл, как можно скорее, на поле битвы и сразился бы на суше». Там же, 51 : «В то время как афиняне были поглощены всем этим, лакедемонский военачальник Миндар сам продолжал оборонять корабли, которые Алкивиад пытался сорвать с якорей, а спартиата Клеарха с частью пелопоннесцев отправил против войска Фрасибула. Вместе с ним он отправил и наемников из войска Фарнабаза. На первых порах Фрасибулу во главе морских воинов и стрелков удавалось мужественно противостоять врагам: многих из их числа он убил, хотя ему пришлось быть свидетелем смерти и немалого числа своих. Однако, вскоре прибыли наемники Фарнабаза, и им удалось окружить афинян, устремляясь на них со всех сторон огромными массами. Но в это время показался Ферамен во главе собственных пехотинцев и пехотинцев Херея. Измученное и потерявшее всякую надежду на спасение войско Фрасибула снова воспрянуло духом, узнав о прибытии такой подмоги. Долгое время продолжалось кровопролитное сражение; первыми обратились в бегство наемники Фарнабаза, затем афиняне последовательно расстранивали ряды неприятелей в смежных частях; наконец, были выбиты с позиций и пелопоннесцы, руководимые Клеархом, которые удержались дольше всех остальных и вели продолжительный бой с переменным успехом. Совершив это дело, войско Ферамена устремилось на помощь отважно сражающемуся отряду Алкивиада. Однако и теперь, когда все военные действия сосредоточились в одном месте, Миндар не потерял присутствия духа вследствие нападения войска Ферамена, но, разделив своих пелопоннесцев на две части, выслал одну из них против наступающих с суши, а сам во главе другой боролся с войском Алкивиада, увещевая каждого из солдат не покрыть позором славы Спарты, тем более в сухопутном бою. Находясь впереди всех и подвергаясь наибольшей опасности, он сразил в этой героической борьбе за корабли много противников, но, наконец, и сам был убит солдатами Алкивиада, приняв смерть, достойную его отечества. После его смерти пелопоннесцы и все их союзники бежали в одно место и, приведенные в ужас, обратились в бегство. Афиняне некоторое время преследовали врагов, но затем, узнав, что Фарнабаз с многочисленной конницей поспешно устрем-

ляется на них, повернули назад к кораблям, захватили город и поставили два трофея¹ в честь двух одержанных ими побед: трофеев в честь победы на море был поставлен на так называемом острове Полидора, а трофеев в честь сухопутной — на том месте, где враг впервые обратился в бегство... Афинские стратеги овладели в этой битве всеми кораблями, большим количеством пленных и захватили неисчислимую массу добычи, так как они одновременно победили два таких огромных войска».

Плутарх (Алкивиад, 28) и Полиэн (I, 40, 9) не вносят ничего нового в повествование об этой битве. Дата этого сражения по Эд. Мейеру (Gesch. d. Alt. IV, 3, 608) — март, по Белоху (Griech. Gesch., II, 75) — май 410 г.

1 18 Кроме флота сиракузян. Победив афинян в Сицилии, сиракузяне послали в 412 г. на помощь лакедемонянам флот из 20 сиракузских и 2 селинунтских кораблей под начальством Гермократа. Фукидид (VIII, 26).

1 19 Жители Кизика впустили в город афинян. По свидетельству Фукидида (VIII, 107, 2) и Диодора (XIII, 40, 6) этот город не имел стен.

1 22 О Хрисопольской таможне рассказывает также Диодор (XIII, 64, 2): «Афинские стратеги, бывшие у Кизика, поплыли в Калхедонскую область и основали здесь укрепление Хрисополь, оставив в нем потребное количество войска. Специальным должностным лицам было приказано взимать десятипроцентный сбор с кораблей, приплывающих из Понта».

1 23 Эпистолей — помощник начальника лакедемонского флота, к которому, в случае смерти последнего, переходили его обязанности.

1 25 В Антандре. Недалеко от Антандра, на склоне горы Иды, находились лесорубочные участки (Фукидид, IV, 52; Страбон, XIII, 606).

1 27 Об объявлении Гермократа сиракузским изгнанником рассказывает также Диодор (XIII, 63, 1): «В то время, как он был отправлен на помощь лакедемонянам во главе флота из тридцати пяти триер, против него был составлен заговор сторонниками противной² партии, и он был осужден на изгнание. Главноначальствование геллеспонтской экспедицией он передал присланным вместо него преемникам». Причиной его изгнания послужил его олигархический образ мыслей; ближайший повод, вызвавший это незаконное, по мнению Ксенофонта, постановление, нам неизвестен.

1 31 Тиссаферн был обвинен Гермократом в том, что он имел сношения с Алкивиадом, вследствие чего лакедемоняне были отчасти лишены персидской поддержки (Фукидид, VIII, 85). О неудачной попытке Гермократа вернуться на родину с оружием в руках рассказывает Диодор (XIII, 63, 3).

1 32 Гармосты — наместники, которых спартанцы посылали в под-

¹ См. ниже, коммент. к гл. 2, § 3.

² Т. е. демократической.

властные города, для того чтобы они во главе спартанских гарнизонов защищали преданные спартанцам олигархические партии.

Для ясности даю картину общего хода событий на Фасосе. В 411 г. власть в Афинах перешла в руки олигархической партии. В связи с этим в мае этого года хиосец Диитреф, которому была вверена верховная власть во Фракии, произвел в Фасосе олигархический переворот. Ставшая у власти олигархия использовала свою роль для подготовки отпадения к Спарте. Как только Диитреф ушел из Фасоса, олигархи начали постройку стены и выстроили ее за два месяца; затем они вступили в переговоры с фасосскими изгнанниками, сторонниками спартанцев. Эти изгнанники добились в Лакедемонне того, что в Фасос был отправлен флот (Ф у к и д и д, VIII, 64, 2—4). Осенью 411 г. коринфянин Тимолой «с одиннадцатью (?) триэрами приплыл в Фасос и принудил его к отпадению от Афин» (Hell. Охуг., II, 4). Как мы видим из нашего места, здесь был поставлен лаконский гарнизон с гармостом Этеоником во главе. После этого Фасос пытался отторгнуть у афинян соседнюю часть фракийского побережья с городом Неополем (Inscriptiones Graecae, I, ed. minor. № 108); но эта попытка была отражена с помощью флота Фрасибула (ср. выше, § 12). Вскоре на Фасосе стала снова поднимать голову демократическая партия, подстрекаемая с одной стороны афинянами, с другой — Тиссаферном, при помощи подкупа убедившим лакедемонского наварха Пасиппида оставаться в бездействии. Зачинщиком упоминаемого здесь восстания был, как указывает Демосфен (против Лептина, § 59), Экфант, изгнавший спартанский гарнизон и впоследствии впустивший в город Фрасибула. Это восстание имело место в 409 г., после чего Фасос пожелал остаться нейтральным (Э д. Мейер), и только в следующем 408 г. Фрасибулу удалось взять его взмором (см. ниже 4, 9).

И он перенял флот в Хиосе — это кратенькое замечание заменяет у Ксенофонта описание событий на Хиосе, и Э д. Мейер (Gesch. d. Alt. IV, 623, прим.) не без основания полагает, что лаконофильски настроенный Ксенофонт умышленно умолчал об этих событиях, ложившихся пятном на честь Спарты. Вот как их излагает Диодор (XIII, 65, 3): «Получив посул от хиосских изгнанников,¹ он (Кратесиппид) силой возвратил их в родной город, заняв при этом хиосский акрополь. Возвращенные изгнанники отправили в изгнание приверженцев противной им² партии (повинных в) их изгнании, числом до шестисот». Ср. также Исократ (VIII, 98): «Они (спартанцы) изгнали самых видных хиосских граждан».

Вылазку из Декелии. Этот пункт, расположенный в северной Аттике, в 120 стадиях от Афин, по совету Алкивиада заняли в 413 г. спартанцы под предводительством царя Агиса, чтобы от-

¹ Приверженцев олигархической партии.

² Демократической.

сюда препятствовать афинянам собирать урожай. (Ф у к и д и д, VIII, 18). Сюда бежали 20 000 рабов из Афин.

Ликейский гимнасий — был расположен к востоку от Афин перед воротами Диохара и представлял собою парк и сад при храме Аполлона Ликей. Впоследствии здесь преподавал Аристотель. Вообще гимнасии были местом гимнастических упражнений и ученых бесед; существенными частями их были большой обнесенный колоннадой двор, купальня и парк.

1 36 *Клеарх*. Этого Клеарха упоминает в роли византийского гармоста *Диодор* (XIII, 66, 6) и наш автор (ниже, гл. 3, § 15).

36 *В Сест* — это указание неверно, так как Сест был тогда в руках афинян (выше § 11 и гл. 2, § 13). Следовало бы здесь ожидать Абидос, который был местом стоянки пелопоннесских кораблей.

1 37 Об этом походе Ганнибала на Сицилию рассказывает *Диодор* (XIII, 54) под 409/8 годом.

2 1 *Заключенные в квадратные скобки хронологические указания несомненно представляют собою позднейшую интерполяцию. Следующим, т. е. 21-м годом войны, был 410/9.¹ т. е. 3-й год 92-й Олимпиады, а не 1-й, 93-й, как указано здесь. Олимпийские игры представляли собой серию различных гимнастических состязаний и происходили раз в 4 года в Элейской Олимпии, священном округе при храме Олимпийского Зевса. Промежутки в четыре года между играми назывался Олимпиадой; первая Олимпиада, от которой велось летоисчисление, Олимпиада 776 года. В эпоху Ксенофонта летоисчисление по Олимпиадам еще не велось; его ввел впервые сицилийский историк Тимей около 264 г. до н. э.*

Эфоры — коллегия сановников в Спарте, состоявшая из пяти лиц, ежегодно выбиравшихся всем народом; первый из них назывался эпонимом, и именем его обозначался год. В историческое время власть эфоров была весьма значительной: их контролю подлежали все прочие власти, даже сами цари. Они могли налагать всякие наказания, за исключением смертной казни; кроме того они принимали участие в надзоре за публичной нравственностью и воспитанием, могли собирать народ и не только заменяли на суде царей, но являлись уполномоченными представителями эkkлeсии и во внешних сношениях, вследствие чего они сильно влияли также на войско и на полководцев.

Архонт — высшее правительственное лицо в Афинах, избиравшееся на год. Влияния на государственные дела архонты в это время уже не имели. Архонтов было 9; здесь разумеется первый из них, именем которого обозначался год и который назывался эпонимом.

Пельтасты занимали среднее место между тяжеловооруженными

¹ Греческий год начинался в июле и захватывал конец предыдущего и начало следующего года по нашему счету.

(гоплитами) и легковооруженными. Их вооружение состояло из малого легкого щита, обтянутого козьей или овечьей кожей (вместо тяжелого щита гоплитов, обтянутого бычачьей кожей и покрытого медными пластинками).

В начале лета, т. е. в начале апреля.

Легковооруженные вовсе не имели тяжелых доспехов, т. е. панцыря, шлема, поножей и большого щита, и были вооружены только метательным оружием. Они делились по роду оружия на метателей дротиков, стрелков и пращников.

Гоплитами назывались тяжеловооруженные, составлявшие главную силу греческого войска. Они носили тяжелые доспехи (причем их щит был настолько велик, что закрывал их тело от плеч до колен), короткий меч и длинное, тяжелое копье.

Лох — отряд пехотного войска, рота; численность каждого лоха не была постоянной. Лохом управлял лохаг.

Трофей — буквально «памятник бегства», знак, ставившийся на том месте, где враг был обращен в бегство. Он состоял из части захваченных доспехов врага, нанизанных на сучья деревьев и песты. В случае морской победы доспехи заменялись носами вражеских кораблей.

Когда хлеб на полях уже созрел — в июне 410 или 409 года (спорно).

На помощь Артемиде. Храм Артемиды в Эфесе был одним из наиболее знаменитых античных храмов, считаясь одним из семи чудес света. Он был построен кносским архитектором Херсифроном и впоследствии (по преданию в ту ночь, когда родился Александр Великий — 21 июля 356 г.) был сожжен Геростратом, после чего был снова выстроен в еще более роскошном виде. Как указывает наш автор («Анабасис», 1, 6, 7), он пользовался религиозным почитанием также и у персов. Здесь Тиссаферн изображает дело так, как будто бы враги непосредственно угрожают храму.

Об этом поражении под Эфесом *Диодор* (XIII, 64, 1—2) рассказывает в таких словах: «Фрасилл, посланный афинянами с тридцатью кораблями, большим количеством гоплитов и ставсадниками, приплыл в Эфес. Он высадил свое войско в двух пунктах и пошел приступом на город. Горожане сделали вылазку, и завязалась жестокая сеча: не выдержав натиска всенародного ополчения эфесцев, афиняне отступили, потеряв четыреста человек; остальных Фрасилл успел усадить на корабли и отплыл в Лесбос».

По поводу привилегий, предоставленных эфесцами сиракузцам и селинунтцам, необходимо заметить следующее. Гражданин одного греческого государства в принципе не пользовался защитой закона в других государствах. Вытекавшие отсюда неудобства для сношений между гражданами различных государств устранялись заключавшимися между гражданами различных государств союзами гостеприимства, причем каждый из гостеприимцев (ксенов) брал на себя защиту интересов другого в своем государстве. Развитие отношений между городами-государствами послу-

жило причиной дальнейшего развития этого института: появился институт проксенов и евергетов («благодетелей»); в этом случае иностранец, оказавший какое-либо «благодетельное» государству, заключал союз гостеприимства не с отдельным гражданином, а с целым государством. При этом обе стороны брали на себя такие условия: 1) проксен обязывался защищать в своем городе интересы прибывающих сюда граждан государства, давшего ему звание проксена, т. е. представлял собой нечто вроде нынешнего консула; 2) государство обязывалось, со своей стороны, предоставить проксену, в случае если он пожелает прибыть или поселиться в нем, все гражданские права, исключая, политических, т. е. право приобретать землю и недвижимость, освобождение от специальных податей, установленных для иностранцев, проживающих в государстве (метэков), и право судиться в общем порядке. Сюда присоединялись часто еще особые привилегии, как-то: освобождение от всех вообще налогов, право занимать почетное место в театре и на состязаниях и т. д. Часто права, предоставляемые проксенам, давались всем гражданам дружественного государства; такой случай имеем в нашем месте. Точно также и награды за храбрость, золотые венки и т. д. часто присуждаются не только отдельным лицам, но и целым государствам.¹ Звания ксенов и проксенов были наследственными и переходили из рода в род.

211 *Заклучив перемирие для уборки трупов.* У греков считалось недопустимым оставить трупы павших в бою непогребенными. После сражения, конечно, оставалось за победителем, и в его распоряжении оказывались и свои и вражеские трупы; просьба о перемирии для уборки трупов считалась равносильной признанию себя побежденными и служила для другой стороны достаточным основанием, чтобы поставить трофей.

214 *Каменоломни играли в Афинах роль нынешних каторжных тюрем.* Работа в них была крайне мучительной. Сюда часто посылали провинившихся рабов (впрочем, и ни в чем не провинившиеся рабы часто работали в каменоломнях).

215 Ср. описание этого эпизода у Плутарха (Алкивиад, 29): «Соратники Алкивиада так возгордились и возомнили о себе, что не захотели, не будучи ни разу побежденными, общаться с другими воинами, неоднократно терпевшими поражения. Действительно, за короткое время до этого Фрасиллу пришлось претерпеть неудачу под Эфесом, после чего эфесцы поставили медный трофей — памятник афинского позора. Воины Алкивиада поносили за это воинов Фрасилла, превознося себя и своего военачальника; они отказывались бывать в гимнасиях и тех местах лагеря, где находились воины Фрасилла. Когда же во время вторжения афинян в Абидосскую область на них напал Фарнабаз с многочисленной конницей и пехотой, и Алкивиад, выйдя против него вместе с Фрасиллом,

¹ Перевод, даваемый Бюксеншютцем выражению *κοινῆ καὶ ἰδίᾳ*: «von Seiten des Staates und einzelner Bürger», я считаю, таким образом, безусловно неверным.

обратил его в бегство и преследовал до наступления сумерек, войны завязали между собой дружественные отношения и возвратились вместе в лагерь, радостно поздравляя друг друга. На следующий день Алкивиад поставил трофей и предал опустошению область Фарнабаза; никто не осмелился ему воспрепятствовать. Он захватил в плен жрецов и жриц, но отпустил их без выкупа».

Гелоты не имели ни личной свободы, ни права владения недвижимым имуществом и отличались от рабов только тем, что господа не могли ни предавать их смертной казни, ни продавать. Некоторые ученые считают их государственными крепостными,¹ переданными частным лицам лишь во временное пользование, а греческие писатели их называли рабами. Они жили отдельно и обязаны были доставлять своим господам хлеб, масло и вино, всячески обслуживать их и выступать (обыкновенно легковооруженными) в случае войны. За участие в войске (особенно тяжеловооруженными) они получали свободу; вольноотпущенные гелоты вступали в особый класс неодамодов, пользовавшихся личной свободой, но не имевших гражданских прав. Гелоты, подвергавшиеся неслыханной эксплуатации, часто устраивали восстания и даже становились на сторону врагов Спарты; так было и в нашем случае. Гелоты, о которых здесь идет речь, — мессенцы.

Корифасий — возвышенный выступ, на котором расположен Пилос, захваченный афинянами в 425 году. О дальнейшей судьбе его рассказывает Дидор (XIII, 64, 5 и сл.): «Узнав, что все афинские силы находятся в Геллеспонте, лакедемоняне пошли походом на Пилос, который был занят мессенским гарнизоном. Окружив это укрепление лагерными сооружениями, они стали совершать грабительские набеги с суши и с моря... Узнав об этом, афинское народное собрание послало на помощь осажденным тридцать кораблей под командой стратега Анита, сына Анфемииона. Флот этот выплыл, но вследствие бурь не мог обогнуть Малейского мыса и поплыл назад в Афины. Осажденные в Пилосе мессеняне некоторое время удачно противостояли врагу, ожидая афинской подмоги. Однако, вскоре их положение сделалось невыносимым, так как враги, разделившись на несколько смен, непрерывно атаковали крепость, а из осажденных часть умерла от ран, часть погибла мучительной смертью от голода. Поэтому они заключили мир с лакедемонянами, сдав им крепость и получив взамен этого возможность беспрепятственно удалиться. Так овладели лакедемоняне Пилосом, после того как он находился пятнадцать лет в афинских руках с того времени, как его укрепил Демосфен».

Колонисты в Геракле Трахинской появились около 426 г.; они были присланы лакедемонянами по просьбе трахинцев (ахейцев), теснимых их соседями — этейцами, и состояли из предста-

¹ Энгельс характеризует их как *leibeigene Heloten*. См. немецкое издание «Происхождения семьи» (Изд. иностранных рабочих в СССР, 1934), стр. 48. В русских изданиях это переводится «крепостные гелоты». О. Крюгер.

вителей всех греческих государств, исключая ионийцев и ахейцев (Ф у к и д и д, III, 92). Это было одной из причин вражды коренных жителей Гераклеи ахейцев к гераклейским колонистам. О дальнейшей судьбе Гераклеи см. ниже коммент. к III, 21, 5, § 6.

311 В следующем году, т. е. в 490/8 г. Этот же эпизод у Плу-
тарха (Алкивиад, 29; в тех же выражениях).

32 Заложили все имущество. У греков существовал обычай, по которому, если враг нападал на одно из союзных государств, жители его препровождали скот и движимость в другое союзное государство, где они и оставались до тех пор, пока не пройдет внешняя опасность. Это имущество и называлось «закладом». Ср. элатейскую (в Фокиде) надпись, Inscriptiones Graecae IX, 97: «Если беотийцы и фокейцы желают что-либо друг у друга заложить, — они свободны от ввозных пошлин; если же они продают что-нибудь из заложенных вещей на территории другой договаривающейся стороны, то они должны уплатить установленную пошлину. Эти правила касаются как заложенного, так и приплода от него».

34 От моря до моря — от Босфора до Пропонтиды. Диодор (XIII, 66, 1 — 3) рассказывает об этих событиях, не упоминая о Фарнабазе: «Алкивиад и Фрасилл... поплыли к Ферамену, который опустошал Калхедонскую область, имея в своем распоряжении семьдесят кораблей и пять тысяч солдат. После того как оба войска собрались вместе, они загородили город деревянной стеной от моря до моря. В городе находился назначенный лакедемонянами военачальник Гиппократ или, как его называют лакедемоняне, гармост. Он вывел в бой своих воинов и всех калхедонцев. Произошла кровопролитная битва; войска Алкивиада мужественно сражались. Наконец, пал Гиппократ, а из его воинов часть погибла, а часть, получив ранения, бежала назад в город. После этого Алкивиад уплыл в Геллеспонт и Херсонес, желая собрать здесь контрибуцию, а Ферамен заключил с калхедонянами соглашение на условии уплаты дани в том же размере, как и прежде». Плутарх (Алкивиад, 30) прибавляет еще кое-какие подробности: «После того как Халкедон был отгорожен стеной от моря, пришел Фарнабаз с целью принудить афинян снять осаду. В то же время гармост Гиппократ, выведя свое войско из города, напал на афинян. Алкивиад выстроил войско одновременно на два фронта — против тех и других, Фарнабаза он принудил к позорному бегству, а Гиппократ был убит вместе с большим числом его воинов».

310 Алкивиад был близ Селимбрии. Подробнее об этом Диодор (XIII, 66, 4): «Выступив со всем войском, он взял Селимбрию при помощи предателей, взыскал с нее большую контрибуцию и оставил здесь гарнизон». Еще детальнее рассказ Плутарха (Алкивиад, 30); по словам этого автора предатели подали условный знак слишком рано, опасаясь, что иначе их измена будет раскрыта. Алкивиад не успел приготовиться и ворвался в город

только с тридцатью пельтастами. Оказавшись в безвыходном положении, он громко провозгласил, чтобы селимбрийцы не подымали оружия против афинян. Это произвело впечатление и, пока перепуганные граждане обсуждали свое дальнейшее поведение, на помощь Алкивиаду подошло остальное афинское войско. Затем Алкивиад усла из города прибывших с ним фракийцев,¹ чтобы они не предали Селимбрии разграблению, и удалился сам, взыскав контрибуцию и оставив в городе гарнизон. — Договор, заключенный Алкивиадом с селимбрийцами, содержал, между прочим, пункт, по которому «селимбрийцы признаются автономными, и могут вести у себя такой строй, какой сочтут наилучшим». Впоследствии этот договор был санкционирован афинским народом по предложению Алкивиада: «Алкивиад сказал: договор афинян с селимбрийцами пусть вступит в законную силу. Клятвы и формулы договора под наблюдением секретаря совета должны быть начертаны на их счет на каменной стеле и поставлены в городе» (*Inscriptiones Graecae I, № 61a, suppl., p. 18*).

Обменялись клятвами, как частные люди — вероятно, клятвами гостеприимства, см. выше, к гл. 2, § 10.

О взятии Византия рассказывает значительно подробнее Диодор (XIII, 66, 3—67): «Войско Ферамена ушло из Калхедона к Византию и осаждало город, прилагая большие усилия, чтобы обнести его осадными укреплениями. Собрав контрибуцию, Алкивиад убедил принять участие в его походе большое число фракийцев и, захватив с собой также всенародное ополчение жителей Херсонеса... поспешно двинулся в Византий на помощь Ферамену. Когда все силы собрались вместе, стали готовить все необходимое для осады, так как им предстояло победить значительный город, в котором находилось множество защитников: кроме многочисленных византийцев, здесь находился лакедемонский гармоист Клеарх с большим количеством пелопоннесцев и наемников. Некоторое время они совершали приступы, не причинив осажденным никакого сколько-нибудь значительного ущерба. Когда же начальник города отправился к Фарнабазу за деньгами, несколько человек византийцев, тяготясь его суровым управлением (он, действительно, был человеком крутого нрава), предали город войску Алкивиада (67). Афиняне, сделав вид, что они желают прекратить осаду и увести войско в Ионию, выплыли в сумерки на всех своих кораблях, а также отвели на некоторое расстояние от города сухопутное войско. С наступлением ночи они повернули назад и приблизительно в полночь подошли к городу. Оставшимся на триерах было приказано... поднять такой крик, чтобы казалось, что все войско находится на кораблях; в действительности же морские войны вместе с сухопутным войском находились у стен города, ожидая, пока предатели подадут условный сигнал. Оставшиеся на триерах поступили так, как им было приказано. Пелопон-

¹ См. Диодор, (XIII, 66, 3) — цитировано к § 14.

несцы и все прочие, находившиеся в городе, не зная об обмане, выступили против врага в гавань. В это время предатели подняли на стене сигнальный знак и впустили войско Алкивиада по лестницам в город; они были при этом в полной безопасности, так как весь народ сбежался в гавань. Узнав о случившемся, пелопоннесцы первоначально оставили половину войска в гавани, а с остальной половиной поспешно выступили против врага, завладевшего стенами. Несмотря на то, что уже почти все афинское войско успело ворваться в город, пелопоннесцы не уstraшили и долгое время мужественно противостояли афинянам, отражая их нападения при содействии византийцев. И вряд ли бы афиняне овладели городом с боя, если бы Алкивиад не проявил удивительной находчивости и не объявил, что против византийцев не будет принято никаких карательных мер. Тогда горожане, переменяя фронт, стали сражаться с пелопоннесцами. После этого большая часть последних пала в честном бою, а около пятисот¹ человек оставшихся в живых бежали к священным алтарям. Афиняне передали город византийцам, заключив с ними союз, с теми же, которые бежали к алтарям, как просители богов, афиняне заключили соглашение на условии, чтобы они выдали оружие, а сами были отвезены в Афины и преданы суду народного собрания».

Об этих событиях рассказывают также Плутарх (Алкивиад, 31) и Полиэн (I, 40, 2 — Фронтин, III, 11, 3, I, 47, 2), прибавляя ничего нового к повествованию Ксенофонта и Диодора.

3 20 *Фракийское поле* — большая открытая площадь внутри стен Византия. Ср. указание нашего автора в «Анабасисе» (VII, 1, 24): «Так называемое Фракийское поле — прекрасное место для маневров войска, ровное и незастроенное домами».

3 21 *Агора* — главная городская площадь, на которой греки проводили большую часть дня. Здесь был рынок; здесь же находились храмы богов, портики, всевозможные общественные сооружения, здесь заключались всякого рода сделки; здесь устраивались народные собрания и сюда же сходились просто поболтать. Таким образом агора играла одновременно роль клуба и рынка.

4 2 *В начале весны* — 408/7 г.

4 3 *Приморская полоса*. Точнее перечисляет входящие в нее области наш автор в Анабасисе (I, 9, 7): «(Кир) был отправлен своим отцом к месту службы, будучи назначен сатрапом Лидии, Великой Фригии, Каппадокии и военачальником всех тех войск, которым надлежит собираться (на военный смотр) в Кастольскую равнину». Кастол — город в Лидии; сюда должны были ежегодно собираться на военный смотр все обязанные военной службой жители Передней Азии, лежащей к западу от Галиса (Киропедия, VI, 2, 11 и Демострой, 4, 6).

Царская печать служила доказательством подлинности документа. Античный комментатор к Фукидиду (I, 129) так описывает эту

¹ По Плутарху — триста.

печать: «Печать персидского царя, по одним источникам, представляла собой царский портрет, по другим — портрет первого персидского царя Кира, по третьим — изображение лошади Дария, благодаря которой он достиг царской власти».

Фрасибул отправился во Фракию и т. д. Диодор (XIII, 64) сообщает об этом уже под 409 г.: «Фрасибул, посланный во Фракию, подчинил расположенные в этих местах города», о покорении же Фасоса (ср. выше коммент. к I, 32) он говорит отдельно (XIII, 72) под 408 г.: «Афинский стратег Фрасибул поплыл с эскадрой в пятнадцать кораблей на Фасос, победил в бою выступивших навстречу ему граждан, перебив около двухсот человек, заставил их вернуться в город, повел осаду и в конце концов добился от них разрешения вернуться в город изгнанным сторонникам афинян; они должны были принять гарнизон и вступить в союз с афинянами».

Изгнанный Алкивиад — это указание не вполне соответствует истине, так как постановление об изгнании Алкивиада было отменено уже в 411 году (Фукидид, VIII, 97; Плутарх, Алкивиад, 33).

Плнтерии праздновались в Афинах, начиная с 19 фаргелия (июня). При этом архаическая деревянная статуя Афины Полиады закутывалась в покрывала и скрывалась от взора народа. Роду Праксиргидов поручалось совершать таинственные обряды в честь богини, состоявшие в обмывании идола и его одежды (пеплоса). 25 фаргелия был установлен по этому поводу всенародный траур и запрещено было заниматься делами. Ср. Плутарх, (Алкивиад, 34): «Этот день афиняне считают одним из наиболее тяжелых, в который нельзя заниматься делами. Казалось, что богиня закуталась и скрыла себя от взоров Алкивиада, чтобы выказать ему свое недружелюбие и неблагоприятность при встрече».

Рассказ о возвращении Алкивиада дошел до нас в передаче целого ряда авторов: Диодора (XIII, 68—69), Плутарха (Алкивиад, 32—34), Непота (Алкивиад, 7) и др. Приведу только рассказ Диодора, вносящий некоторые интересные подробности: «Афинские стратеги вместе с флотом и добычей поплыли в Афины, совершив блестящие подвиги во славу отечества. Их встретил весь народ, ликующий по поводу их успехов. Кроме того, в Пирей сбежалось много иностранцев, а также детей и женщин. Действительно возвращение стратегов представляло собою чрезвычайное зрелище: они вели за собой не менее двухсот взятых в плен судов и огромное количество пленных и добычи; их собственные триеры были тщательно разукрашены золоченым оружием, венками, добычей и всяким другим убранством. Огромные толпы сбежались к гаваням посмотреть на Алкивиада, так что город совсем обезлюдел, — даже рабы проявили не меньшую горячность, чем свободные. Действительно, к этому времени этот человек окружил себя ореолом, и господствующие элементы в Афинах считали,

что наконец-то им удалось найти человека, способного открыто и смело противостать демократии; низшие же слои думали, что он будет их наилучшим соратником, с беззаветной решимостью будет потрясать основы государства и будет опорой нуждающихся. Он в самом деле далеко превосходил остальных храбростью, был первым по красноречию и наилучшим стратегом, выделяясь своей предприимчивостью. Он далеко превосходил других также красотой тела, величием души и широтой замыслов. Одним словом, почти все были о нем очень высокого мнения и думали, что вместе с его возвращением к ним придет и удача в делах; кроме того, они надеялись, что точно так же, как лакедемоняне взяли верх, когда он стал их соратником, и они снова станут преуспевать, заполучив в союзники этого мужа (69). Когда флот причалил к гавани, вся толпа устремилась к кораблю Алкивиада; когда же последний сошел на берег, все приветствовали его, радуясь одновременно и его успехам и его возвращению. Обратившись с ласковым приветом к толпе, он созвал народное собрание; здесь он выступил с длинной оправдательной речью по своему собственному делу и так расположил к себе толпу, что все признали государство виновным в вынесенных против него постановлениях; поэтому ему было возвращено его конфискованное имущество,¹ были брошены в море стелы, на которых был вырезан обвинительный акт и другие вынесенные против него решения; далее было постановлено, чтобы Евмолпиды уничтожили проклятия, которые они произнесли против него в то время, как он был обвинен в кощунственном оскорблении мистерий. Наконец, его назначили стратегом с неограниченными полномочиями — как над сухопутными, так и над морскими силами, вверив ему все войско. Другие стратеги были выбраны по его указанию. Это были Адимант и Фрасибул». Для характеристики отношения умеренных слоев афинского населения к Алкивиаду любопытно указание Аристофана (Лягушки, стих 1431). Здесь (дело происходит в Аду) покойник Эсхил на вопрос, как нужно относиться к Алкивиаду, отвечает, что «не следовало дать возрасти в государстве львенку, но, вскормив его однажды, следует уже приноровляться к его нраву».

4 15 Рабом своих злейших врагов — спартанцев и персов. В Персии все, кроме царя, назывались рабами; см. ниже VI, 1, 12 и «Анабасис», I, 1, 4; I, 9, 29.

4 20 Элевсинские мистерии совершались в честь Деметры и Персефоны, главным центром культа которых был расположенный в 14 верстах от Афин Элевсин. Эти мистерии произошли из сельских празднеств и символизировали пахоту, посев и жатву, как все религии воскресающих и умирающих богов. С течением времени они получили мистический, таинственный характер; отдельные лица могли принимать участие в отправлении этого культа только после посвящения, состоявшего из особых мистических обрядов,

¹ Это подтверждает также Исократ (XVI, 46).

причем они должны были свято хранить тайну этих обрядов. Ежегодное празднество элевсинских богинь происходило частью в Афинах, частью в Элевсине, причем Элевсин сохранял роль главного центра. Празднества эти отражали переменчивую судьбу Персефоны: весной праздновались *Малые Элевсинии* в честь возвращения Персефоны на землю к матери и обручения ее с Дионисом; осенью, между жатвой и посевом, с 15 боедромия (сентябрь — октябрь) справлялся девятидневный праздник *Больших Элевсиний* (о которых и идет речь в нашем месте) в честь нисхождения Персефоны в подземное царство и обручения ее с Аидом. На шестой день этого празднества из Афин в Элевсин двигалась по «священной дороге» процессия, в которой, кроме жрецов и магистратов, принимали участие тысячи мистов, увенчанных миртой и плющем, с колосьями в руках. В последнее время пред прибытием Алкивиада мистерии перевозились из Афин в Элевсин по морю, так как засевшие в Декелее спартанцы угрожали «священной дороге». Ср. Плутарх (Алкивиад, 34): «С тех пор, как враги укрепились в Декелее и завладела проходами, ведущими к Элевсину, мистическая церемония стала совершаться по морю и потеряла всю свою торжественность: по необходимости отпали жертвоприношения, пляски и многие другие священнодействия, совершавшиеся по пути. Алкивиад показалось справедливым и богоугодным делом, могущим прославить его среди людей, — возвращение священнодействиям их исконного вида; он решил провести процессию по суше, защитив ее военной силой от вражеского нападения».

Он выступил против Андроса — о причинах его отъезда из Афин говорит Плутарх (Алкивиад, 35): «Неизвестно, питали он сам какие-нибудь стремления к тираннии; но наиболее могущественные из граждан, опасаясь этого, приложили все старания к тому, чтобы его отплытие произошло как можно скорее».

Аристократ и Адимант — по Диодору (XIII, 69, 3, см. выше коммент., к §12) — Адимант и Фрасибул.

Поход на Андрос описывает также Диодор (XIII, 69, 4): «Экипировав сто кораблей, Алкивиад поплыл на Андрос и, завладев сторожевым постом Гаврием, укрепил его. Андросцы выступили из города всенародным ополчением вместе с охранявшими город пелопоннесцами; произошла битва, в которой победили афиняне; из защитников города очень многие погибли, а остальные частью рассеялись по стране, а частью сбежали назад, в город. Сделав несколько приступов к городу, Алкивиад уплыл со своим войском, оставив в занятом укреплении сильный гарнизон и назначив начальником войска Фрасибула».

Наварх — начальник спартанского флота. Обычно над спартанской армией начальствовали цари; но так как один из царей должен был стоять во главе сухопутного войска, а, по традиции, оба царя никогда не выступали одновременно из Спарты, — во главе флота всегда стояло выборное лицо.

О встрече Лисандра с Киром рассказывает также Диодор

(XIII, 70, 3): «Услышав, что Кир, сын царя Дария, послан своим отцом для оказания помощи лакедемонянам, Лисандр прибыл к нему в Сарды и, возбудив в сердце юноши желание воевать с афинянами, получил от него немедленно десять тысяч дариков для уплаты жалованья солдатам. Кир предложил ему и на будущее время обращаться к нему с просьбами, не умалчивая ни о чем, так как он имел поручение от отца выдавать лакедемонянам субсидии по каждому их требованию». О том же рассказывает Плутарх (Лисандр, 4).

О поведении Тиссаферна — имеются в виду его колебания между афинянами и спартамцами. Ср. выше, гл. 1 § 9. Подробнее об этом рассказывает в указанном месте Плутарх: «Узнав, что Кир, сын царя, прибыл в Сарды, Лисандр отправился к нему для беседы с ним и для обвинения Тиссаферна: последний, несмотря на полученное предписание помогать лакедемонянам и вытеснить афинян из моря, повидимому, по наущению Алкивиада, относился несочувственно к лакедемонянам и, неаккуратно уплачивая жалованье морякам, вел лакедемонский флот к гибели». О цели такого поведения Тиссаферна см. ниже § 9.

5 4 *Аттическая монета*: обол = ок. 8 коп. золотом; драхма = 6 оболам = ок. 50 коп.; мина = 100 драхмам = ок. 50 руб.; талант = 60 минам = ок. 3000 руб. Прежнее жалованье морякам, об увеличении которого хлопотал Лисандр, равнялось 3 оболам в день. Царь предписал Киру выдавать на каждый корабль 30 мин жалованья в месяц или мину в день; считая по 200 моряков на корабль, это и выходит по 3 обола каждому. Конечно, Кир выдал Лисандру субсидию не аттической, а персидской монетой — золотыми дариками, имевшими на одной стороне изображение царя, на другой — стрелку. Цифра Ксенофонта (500 талантов) дана в переводе на аттическую монету (сумма эта равна 117 000 дариков).¹ Как мы видим из указаний Диодора, из этой суммы Лисандр получил 10 000 дариков немедленно. Эта цифра несомненно представляет собою округление месячного жалованья флоту Лисандра; действительно (ср. ниже § 7) на каждого моряка Кир выдал по 4 обола, т. е. по 40 мин на корабль; на 70 кораблей (см. § 1) выйдет $46\frac{2}{3}$ таланта, или 10 920 дариков.

5 5 *Договор* — он был заключен зимою 412/11 года (Фукидид VIII, 29, 45, 2).

5 6 *Подарок* — у греков и персов был обычай делать подарки тому, за здоровье которого пили (наш автор, «Анабасис», VII, 3, 6 и сл., «Киропедия», VIII, 3, 35).

5 7 *Четыре обола* — каковы были последствия этой прибавки, рассказывает Плутарх (Лисандр, 4): «В короткое время, благодаря этому, корабли противников обезлюдели. Большая часть перешла туда, где лучше платили, а оставшиеся неохотно повиновались, буянили и постоянно причиняли неприятности стратегам».

¹ Эд. Мейер, Theopomp's Hellenika, 45 с прим. 1.

Повидимому, это — преувеличение: правда, Конону удалось экипировать только 70 триэр вместо прежних 100 или больше (ниже § 20), но это объясняется полным обнищанием афинской казны, а не прибавкой обола к жалованью спартанских моряков.

По наущению Алкивиада — ср. Фукидид (VIII, 46) и Плутарх (Лисандр, 4, цитировано к § 2). Диодор рассказывает о битве при Нотии следующее (XIII, 71): «Узнав, что Лисандр находится в Эфесе и снаряжается в поход, Алкивиад отплыл со всем своим флотом в Эфес. Он подплыл к самым гаваням, но никто не вышел ему навстречу; поэтому он большую часть своих кораблей поставил на якорь у Нотия, вверив команду над ними кормчему своего корабля Антиоху. Отдав ему приказание не вступать в бой до своего возвращения, он поспешно двинулся на Клазомены, взяв с собой транспортные корабли. Этот город, бывший в союзе с Афинами, находился в тяжелом положении, подвергаясь грабегам кучки изгнанников. Антиох, будучи по натуре легкомысленным человеком и горя нетерпением самостоятельно совершить какой-нибудь блестящий подвиг, пренебрег приказаниями Алкивиада и экипировал десять лучших кораблей, одновременно приказав триэрархам быть готовыми на случай морского боя. Затем он вышел против врага, вызывая его на морской бой. Узнав от каких-то перебежчиков об отбытии Алкивиада вместе с лучшими солдатами, Лисандр решил, что настало время совершить что-либо достойное Спарты. Поэтому он вышел против врага со всем своим флотом и потопил один из десяти подплывающих кораблей, на котором находился сам Антиох, а остальные обратил в бегство и преследовал до тех пор, пока афинские триэрархи, экипировав остальные суда, не пришли им на помощь беспорядочной массой. Произошел бой при полном составе обоих флотов в небольшом расстоянии от берега, и афиняне, вследствие беспорядочного расположения их судов, были побеждены, потеряв двадцать два корабля; из бывшего на них экипажа немногие были взяты в плен, а остальным удалось выплыть на берег. Узнав о происшедшем, Алкивиад поспешно вернулся в Нотий и, экипировав все триэры, подплыл к гаваням противника. Однако, Лисандр не решился выступить против него; поэтому Алкивиад уплыл в Самос».

Мимо самых носов кораблей Лисандра. Это имело целью пренебрежительным отношением ко врагу вызвать его на бой, по мнению Плутарха (Алкивиад, 35 и Лисандр, 5).

Дельфиний и Эйон. — Как указывает Диодор (XIII, 76, 3—4), эти пункты были захвачены лакедемонянами только в следующем году в навархию Калликратиды, преемника Лисандра. Вместо Эйона Диодор называет Теос.

Известие об этой битве — как оно получилось в Афины, рассказывает Плутарх (Алкивиад, 36): «Из числа бывших в лагере ненавистников Алкивиада его личный враг Фрасибул, сын Фрасона, отправился в Афины, где и выступил с обвинением против него. Возбудив общественное мнение, он заявил в народном

собрании, что Алкивиад погубил все дело и потерял корабли... так как вверил команду своим собутыльникам... чтобы самому безнаказанно пьянствовать и весело проводить время в обществе абидосских и ионийских гетер».

По Диодору (XII, 73, 4 и сл.) главной причиной смещения Алкивиада было разбойничье нападение на союзную Киму; но Эд. Мейер (Gesch. d. Alt. IV, 3, 634) считает эту историю тенденциозным вымыслом. Далее Диодор рассказывает следующее: «В народном собрании обвинили Алкивиада в том, что он сочувствует лакедемонянам и находится в дружественных отношениях с Фарнабазом;¹ опираясь на эти отношения, он надеется по окончании войны захватить тиранническую власть.² Видя высокомерие этого человека, афинский народ выбрал десять стратегов: Конона, Лисия (у Ксенофонта вместо Лисия Леонт), Диомедонта, Перикла, Эрасинида (и далее, как в нашем списке). Из этих стратегов Конон был выбран заместителем Алкивиада, и ему было поручено немедленно отплыть ко флоту». С обвинением против Алкивиада выступил Клеофонт (Фотий, Библиотека, стр. 377а, 18).

5 17 В замок — замок этот был расположен близ Пактия в Херсонесе (наш автор здесь и ниже, II, 1, 25; Диодор. XIII, 74 и Непот, Алкивиад, 7); противоречащему указанию Плутарха (Алкивиад, 36 — в Пропонтиде, около Визанфа) нельзя придавать никакого значения.

5 18 Конон — по Диодору, Алкивиада сменил на Андросе не Конон, а Фрасибул (XIII, 69, цитировано к I, 4, 21).

Назначение андросца Фаносфена военачальником (наряду с указаниями Платона, Ион, 514d) может служить примером того, что афиняне назначали военачальниками также и иностранцев.

5 19 Заключение в тюрьму — военнопленные содержались в тюрьмах до выкупа или обмена пленными. Ср. выше, гл. 2, § 14.

Изгнанного афинянами из Афин и Родоса — в афинском морском союзе афиняне присвоили себе юрисдикцию над жителями всех союзных городов.

Сжалившись над ним. Об этом подробно рассказывает Пасаний (VI, 7): «Дорией три раза подряд победил во всех видах состязаний. («панкратий») на Олимпийских играх... Кроме олимпийских, он одержал восемь побед на Истмийских играх, а на Немейских ему нехватило только одной победы до полных восьми. Говорят, что также и на Пифийских он без труда одержал победу... Он обнаружил себя самым горячим сторонником лакедемонян, сражаясь с афинянами на кораблях своего отечества³ до тех пор, пока он не был взят в плен аттическими триэрами и привезен живым в Афины. Прежде чем Дорией прибыл в Афины, афиняне

¹ Фарнабаз указан по ошибке, вместо Тиссаферна (Эд. Мейер).

² О стремлении Алкивиада к тираннии говорит также Исократ (XVI, 38).

³ Нового отечества — Фурий.

расточали по его адресу гневные угрозы; но, когда они сошлись на народное собрание и увидели этого великого и славного человека в жалком образе пленника, они переменили свое отношение к нему и позволили ему удалиться, не причинив ему никакого вреда, хотя они могли по справедливости подвергнуть его тяжкому наказанию». О смерти Дориея рассказывается у *А н д р о т и о н а* в его «Атфиде». Царский флот был в Кавне, и стратегом на нем был Конон. Конон склонил родосский народ к тому, чтобы отпасть от лакедемонян и вступить в союз с царем и афинянами. Дориея не было тогда на Родосе, — он находился где-то внутри Пелопоннеса, где он был арестован лакедемонянами и приведен в Спарту. Здесь он был обвинен лакедемонянами и приговорен к смертной казни».

С прочими стратегами, т. е. с Леонтом, Эрасинидом и Архестратом, которые прибыли к нему на Самос (см. ниже, гл. 6, § 16, и *Л и с и й*, XXI, 8). Аристократ остался на Самосе, а остальные пять стратегов находились в Афинах.

О взятии Акраганта рассказывает очень подробно *Д и о д о р* (XIII, 80—90). Я принужден ограничиться только кратким изложением сообщаемых им фактов. Ободренные легким успехом, которого они достигли в предыдущем походе на Сицилию, карфагеняне снарядили новый поход с целью овладеть всем островом. Предводителями этого похода были Ганнибал и Гамилькон, сын Ганнона. Сиракузцы старались воспрепятствовать переправе неприятельского войска и разбили одну из карфагенских эскадр, состоящую из 40 кораблей, около Дрепан; однако, другой эскадре, состоявшей из пятидесяти триер и руководимой Ганнибалом, удалось высадить войско в Сицилии. После этого Ганнибал двинулся к стенам Акраганта, оказавшегося после взятия Селинунта и Гимеры на границе карфагенских владений. Но крепкие природные и искусственные укрепления города оказывали сильное сопротивление осаждающим. Кроме того, к осажденным вскоре прибыла сильная подмога: из всех городов Сицилии устремились контингенты к Сиракузам. Составилось войско из 30 000 человек под предводительством сиракузского военачальника Дафнея. Войско это по пути овладело Камариной и Гелой, разбило наголову выступивший ему навстречу карфагенский корпус и расчистило себе свободный проход в Акрагант. Однако, изгнать карфагенян из их сильно укрепленного лагеря не удалось. Война затянулась на долгое время, и в переполненном жителями городе стали иссякать припасы. Посланный по морю из Сиракуз провиант был перехвачен врагами. Дальнейшее сопротивление было признано бесполезным, и решено было очистить город. Под защитой войск удалось перевести жителей в полной безопасности в Гелу, после чего Акрагант был занят без боя карфагенянами.

На следующий год — под этой датой здесь рассказываются не только события, происшедшие на 26 году войны, в 406/5 г. в архонтат Каллия, но также и некоторые события, происшедшие на исходе 407/6 г. (25-го года войны, как здесь ошибочно назван

позднейшим интерполятором 406/5 год), в архонтат Антигена, как то: лунное затмение (случившееся 15 апреля 406 г.) и назначение Калликратида преемником Лисандра.

Древний храм — вероятно, храм Афины Полиады, уничтоженный в 480 г. персами; к восстановлению его приступил Перикл. «Древним» он назван, повидимому, в отличие от Парфенона.

6 3 О вступлении в должность Калликратида Диодор (XIII, 76, 2) рассказывает следующее: ¹ «Спартиаты, по истечении срока навархии Лисандра, послали к нему преемником Калликратида. Это был еще совсем молодой человек, благородный и прямодушный, правда, не успевший еще познакомиться с бытом наемников, но зато справедливейший из спартиатов. Находясь в должности, он, по единодушным свидетельствам всех, не причинил никакой несправедливости ни целому городу, ни частному человеку; он давал суровый отпор пытавшимся подкупить его деньгами, привлекая к суду».

6 6 *Стал просить жалованья для экипажа* — ср. Плутарх (Лисандр, 6): «Лисандр отослал назад в Сарды остаток данных ему Киrom на содержание флота денег, дабы Калликратид был вынужден (снова) просить их у Кира». Плутарх там же передает еще следующие подробности: «Вынужденный к этому отсутствием средств, Калликратид отправился в Лидию, во дворец Кира, и велел доложить, что наварх Калликратид прибыл и желает получить аудиенцию. Кто-то из привратников возразил ему: «Кир теперь занят, иностранец: он пьет». «Ничего, ответил тот наивно: я постою здесь и подожду, пока он напьется». Варвары сочли это невоспитанностью и расхохотались; он принужден был удалиться. Когда он вторично явился во дворец и снова не был принят, он удалился в Эфес, преисполненный негодования». Этому рассказу предшествует такая характеристика Калликратида: «Это был чуждый всякой угодливости, гордый и независимый человек; он считал, что потерпеть самое тяжкое поражение от греков — меньший позор, чем льстить и обивать пороги варваров, единственное достоинство которых — их богатства».

6 12 *По пять драм* — считая, что на каждом из 140 кораблей было в среднем 200 чел. экипажа, получим всего около 23 талантов (70 000 р.).

О взятии Мефимны рассказывает несколько по иному Диодор (XIII, 76, 5): «Затем он поплыл на Лесбос и со всем своим войском пошел приступом на Мефимну, в которой находился афинский гарнизон. Он совершил подряд несколько приступов, на первых порах совершенно безрезультатных; только некоторое время спустя, благодаря содействию нескольких лиц, предавших ему город, он вторгся внутрь крепости. Он предал разграблению все

¹ Источником Диодора здесь, как и всюду, был Эфор, но сам Эфор пользовался для этого места Ксенофонтом, что видно из выражения «в виду истечения срока службы Лисандра», дословно взятого у Ксенофонта (Эд. Мейер).

имуущество, но людям была дарована пощада, и управление городом возвращено его гражданам».

Рассказ Ксенофонта о борьбе под Митиленой представляет собою лаконофильскую версию; афинофильская версия дошла до нас в передаче Диодора (XIII, 77 и сл.) и совершенно не сходится с изложением Ксенофонта. Поэтому позволяю себе привести подробный рассказ Диодора целиком: «Афинский стратег Конон имел в своем распоряжении семьдесят кораблей, снабженных всем необходимым для морского боя; в отношении боевой готовности он превосходил всех своих прешественников. Со всем этим флотом он двинулся на помощь Мефимне, но, так как она оказалась уже взятой, он причалил к одному из так называемых Ста Островов (Гекатоннесы). На рассвете он заметил, что к нему приближается вражеский флот; он считал, что в том месте, где он находился, рискованно было сражаться с неприятелем, вдвое превосходящим его числом триэр, и решил отступить, выплыть из архипелага, увлечь за собой несколько вражеских триэр и дать им сражение у Митилены. В этом случае, по его мнению, он, одержав победу, мог бы перейти в преследование, а, потерпев поражение, мог бы спастись в гавань. Поэтому он посадил воинов на корабли и отплыл, дав команду медленно грести, чтобы пелопоннесские суда могли приблизиться. Лакедемоняне погнались за ним со все возрастающей быстротой, надеясь захватить крайние вражеские суда. Конон все отступал; его изо всех сил преследовали пелопоннесские суда, снабженные наилучшими гребцами. Напряженная гребля совершенно измучила экипаж этих судов, а сами эти корабли далеко ушли от остального флота. Заметив это, Конон, находившийся уже недалеко от Митилены, поднял со своего корабля красный сигнальный знак. Это было сигналом для триэрархов: дав врагу непосредственно приблизиться, все суда одновременно повернулись к врагу, экипаж запел пэан и трубачи заиграли к наступлению. Приведенные в ужас случившимся пелопоннесцы пытались проворно выстроить свои корабли, но так как в их положении маневрировать было уже невозможно, они пришли в крайнее замешательство, тем более что опоздавшие корабли потеряли свои обычные места в строю. Искусно пользуясь создавшимся положением. Конон тотчас же напал на врагов и помешал им выстроиться, нанося повреждения одним и ломая весла у других. Из кораблей, выстроенных под командой Конона, ни один не обратился в бегство: они стойко выдерживали натиск неприятеля, медленно двигаясь назад, причем носы были все время обращены к неприятелю, и поджидая опоздавшие корабли; левому афинскому флангу даже удалось обратить в бегство противостоящего неприятеля и ожесточенно преследовать его продолжительное время, но к этому времени собрались уже все пелопоннесские суда; опасаясь многочисленности врага, Конон прекратил преследование и отплыл с сорока кораблями в Митилену. На тех афинян, которые были заняты преследованием, напал весь пелопоннесский флот, окружил их со всех сто-

рон и отрезал им отступление в город; поэтому они были вынуждены причалить к близлежащему берегу; но и здесь, подвергаясь нападению неприятельского флота, они не видели никакого спасения. Поэтому они высадились на сушу и бежали в Митилену. Калликратид овладел 30 афинскими кораблями и видел, что с вражеским флотом покончено; на суше он также надеялся одержать верх. Поэтому он поплыл против города; Конон также, как только он приплыл в город, стал готовиться к осаде и делать соответственные приготовления для закрытия входа в гавань. На более мелких местах он потопил небольшие корабли, наполнив их камнем; в более глубоких он поставил на якорь груженные камнем транспортные суда. В то же время афиняне и митиленский народ, сошедшийся в город с полей по причине войны, также стали поспешно готовиться к осаде. Калликратид высадил воинов на берег около города, выстроил их в боевой порядок и поставил трофей в ознаменование морской победы. На следующий день он выбрал лучшие из кораблей и, дав наставления морякам, чтобы они не отставали от адмиральского судна, вышел в море, спеша проникнуть в гавань и разрушить сооруженное врагами заграждение. В то же время Конон часть своих воинов посадил на триэры, выстроенные носами вперед, для маневра, называемого *δίσκλους*; ¹ часть воинов он выстроил на больших транспортных судах, ² а часть послал на мол гавани, чтобы быть повсюду хорошо огражденным — и с суши и с моря. Сам он сражался во главе своих триэр, заполняя весь промежуток между заграждениями; стоявшие на больших транспортных судах в то же время бросали камни с рей во вражеские корабли, а занявшие позиции на моле гавани боролись со смельчаками, решавшимися высадиться на берег... Когда прошло уже много времени с начала битвы и с обеих сторон пало много народа, Калликратид созвал трубным сигналом своих солдат, желая дать им передышку. Через некоторое время он снова посадил экипаж на корабли и после продолжительного сражения, благодаря превосходству в численности судов и мужеству морских солдат, принудил, наконец, афинян к отступлению. После того как они все бежали и собрались в городскую гавань, ему удалось проплыть внутрь заграждений и причалить вблизи города Митилены... Высадив на берег свои войска, Калликратид окружил город осадными сооружениями и атаковал его со всех сторон». ³

617 На 170 кораблях. Согласно цитированному месту Диодора

¹ См. коммент. к § 30.

² О которых сказано уже было выше («груженные камнем транспортные суда»).

³ Для лучшего уразумения описанных здесь фактов интересно описание расположения Митилены, данное Диодором (XIII, 7 9): «Вход в гавань, из-за которого шла борьба, открывал собой прекрасную бухту, находясь вне самого города. Старый город лежит на маленьком островке; возникшая же позже часть города лежит на противоположном берегу, на Лесбосе. Между ними находится узкий пролив, значительно усиливающий город».

и § 3 их было 140; очевидно, автор, по недосмотру, присчитал к ним и те 30 кораблей, которые были позже отобраны у афинян.

Весь день и т. д. — все это делалось для того, чтобы обмануть бдительность врагов. 6 2

Об экспедиции и неудаче Диомедонта, кроме Ксенофонта, никто более не сообщает. 6 2

Ср. Диодор (XIII, 97): «Испытав подряд столько неудач, афиняне даровали право гражданства метэкам и всем вообще иностранцам, пожелавшим вступить в ряды войск. Когда огромное множество народа было внесено в списки граждан, стратеги записали в воины всех годных к военной службе. Было снаряжено шестьдесят кораблей, снабженных всем необходимым; эта эскадра выплыла в Самос и здесь соединилась с остальными стратегами, собравшими с остальных (т. е. не считая Самоса) островов восемьдесят триер. Затем они убедили самосцев экипировать еще десять триер и со всем этим флотом, насчитывавшим полтораста кораблей, приплыли на Аргинусские острова, горя нетерпением снять осаду с Митилены». 6 2

Из всех взрослых — граждане подлежали воинской повинности с 18 до 60 лет.

Рабов — рабы призывались на военную службу только в исключительных случаях. На этот раз за участие в сражении им была обещана свобода и предоставление прав гражданства на тех же условиях, на которых оно было за некоторое время до того предоставлено платейцам. Ср. Аристотель, *Лягушки*, 33; здесь раб говорит своему господину:

Зачем, несчастный, не был я в морском бою,
Тогда бы ты от боли у меня завыл.

Там же, 693:

Ведь, позор, что те, кто были с вами раз в морском бою, —
Только раз, — тотчас же стали господами из рабов
И платейцами...

Всадники — здесь разумеются всадники не как часть войска, а как категория населения; в числе их, как думает Эд. Мейер, был и сам Ксенофонт.

Общая численность флота (150 кораблей) у Ксенофонта и Диодора приблизительно одинаковая, но составляется из разных слагаемых: 6 23

у Ксенофонта: 110 афинских, 10 самосских и более 30 от прочих союзников,

у Диодора — 60 афинских, 10 самосских и 80 от прочих союзников.

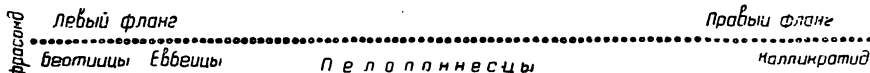
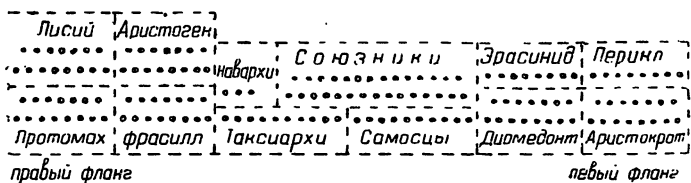
Битву при Аргинусах описывает также Диодор (XIII, 97 и сл.). Его изложение, очевидно, основано на рассказе Ксенофонта, но крайне его искажает; особенно неудачно обращение заявления Калликратиды в пророчество, предвещающее ему смерть и, с другой стороны, соответствующий этому сон Фрасилла, которого 6 23

Диодор всегда называет Фрасибулом (см. Ed. Meuser, *Gesch. d. Ak.*, IV, 646).

6 29 *Управляемые таксиархами* — таксиархи были пехотные командиры, стоявшие ступенью ниже стратега и непосредственно ему подчиненные; отделение, которым командовал таксиарх, соответствовало одной филе афинского народа.

6 30 *Навархи*: о них больше не упоминается и функции их неизвестны. *Лисий* — в списке стратегов (I, 5, 16) не упоминается. Вероятно, он был избран впоследствии взамен Архестрата, погибшего под Митиленой (Лисий, речь XXI; стр. 318, русск. пер. С. И. Соболевского).

Маневр δεικνους состоял в прорыве линии неприятельских кораблей, причем одновременно наносились повреждения бортам неприятельских судов и обрубались весла.

Примерная схема расположения кораблей в битве при Аргинусах.

6 31 *Маневр обхода* мог выполнить тот из сражающихся, кто имел более длинный фронт. Поворотом выступающего за ряды врага фланга заходили в тыл противнику и нападали на него одновременно с тыла и с фронта.

6 33 *Левый фланг лакедемонян* — здесь находились беотийцы, евбеицы «и прочие, отложившиеся от афинян» под предводительством фиванца Фрасонда; левое крыло подалось только после того, как правое было разбито (Диодор, XIII, 98, 4 и 99, 6).

7 1 Для подробностей процесса аргинусских стратегов единственным источником является наше место. Рассказ Диодора (XIII, 101 и сл.) всецело основан на изложении Ксенофонта, но крайне искажает его, частью из политических соображений (с целью оправдать Ферамена, как полагает Эд. Мейер). Таким образом, рассказ Диодора и в этом случае не имеет никакой цены, и я не буду его приводить. Об этом же процессе рассказывает и Аристотель (*Афинская полиция*, 34), но преувеличивает: «десять стратегов... были осуждены одним поднятием рук, причем в том числе были и вовсе не участвовавшие в сражении (Конон; указание неверное) и спасшиеся на чужом корабле (ср. гл. 7, § 32); народ был обманут людьми, разжегшими его низменные инстинкты»..

Диобелия — по Бекку (Staatshaush. der Athener I, 311 и сл.) то же, что феорикон, т. е. суммы, выдававшиеся нуждающимся гражданам для того, чтобы они имели возможность внести плату за вход в театр. Сумма эта равнялась 15 коп. золотом. Таким образом, Архедем, как заведывающий одним из отделов государственной кассы, мог выступить с обвинением в ее расхищении.

Совет подверг их аресту. Это не превышало компетенции совета; афинский совет, правда, давал клятву «не подвергать аресту никого из афинян, кроме тех, которые будут уличены в предательстве государству или в попытке уничтожить демократический строй», но, как мы увидим из дальнейшего (§§ 20 и 22), поступок стратегв квалифицировался как именно такого рода преступление.

По предварительном обсуждении. Порядок принятия постановлений был такой: докладчик вносил писаное предложение в совет в форме готового постановления народного собрания. Совет снабжал предложение своими примечаниями и обязан был внести его на обсуждение народного собрания, хотя бы он сам и не одобрял его (пробулема). Юридически единственным решающим органом было народное собрание; совет играл лишь роль президиума и подготовительной комиссии народного собрания.

Апатурии — трехдневный праздник в месяце ПIANEПCиONE (прибл. октябрь); в этот праздник сородичи — члены фратрий — собирались вместе для отправления родового культа; здесь же вносились новорожденные в списки членов фратрий. На этом празднике особенно тяжело ощущалась потеря близких, погибших в Аргинусском бою.

Филы — афинский народ для выборов членов совета, набора войска и других целей был разделен Клисфеном на 10 политических единиц, территориальных групп, называвшихся филами.¹

Две урны — конечно, это крайне несовершенный способ закрытого голосования, так как каждый мог видеть, куда голосующий бросает свой камешек; впоследствии он был видоизменен так, что каждый афинянин бросал камешки в обе урны, причем один из них при подсчете не принимался в соображение.

Коллегия одиннадцати состояла из 10 членов, избравшихся по одному от каждой филы, и секретаря; им принадлежал надзор за тюрьмами и за исполнением смертных приговоров. К прислуге этой коллегии принадлежал и палач.

Выступил человек — повидимому, это выступление было инсценировано враждебной стратегам партией.

Незаконность этого предложения состояла в том, что предлагалось нескольких лиц осудить одним голосованием.

Пританы — совет состоял из 500 членов, разделенных соответственно 10 избирающим их филам на 10 пританий, по 50 человек в каждой. В промежутках между пленарными заседаниями совета

¹ См. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, гл. V. О. Крюгер.

заседали только 50 пританов, чередуясь каждые 35—36 дней ($\frac{1}{10}$ часть года). Им принадлежало заведывание текущими делами и председательствование в народном собрании.

7¹⁶ О поведении Сократа мы узнаем из его собственных слов у Платона (Апология, 32B): «Когда вы вынесли постановление, противозаконность которого была признана вами самими впоследствии,—судить одним голосованием десятерых стратегов, не подобравших жертв морского боя, я один из всех пританов воспротивился вам».

В Канноновом постановлении указывалось еще, что дело каждого обвиняемого должно разбираться отдельно (ниже, §§ 23 и 34). Аристофан, Женщины в народном собрании, 1089:

Со мной хотят, я вижу, ныне поступить.
Согласно псефизме Каннона: должен я
На части разорваться, улаждая их.

7²⁰ Баракфр — пропасть за чертой города Афин, за акрополем, куда бросали присужденного к смертной казни (впоследствии эта казнь была заменена поднесением ядовитой цикуты).

7²⁵ Клятва эта гласила: «Я буду, по крайнему моему разумению, повиноваться всем выходящим постановлениям; буду верен существующим законам, а также и тем, которые народ издаст в будущем. Если же кто-либо захочет уничтожить законы или не будет повиноваться им, я не допущу этого и ополчусь на него со всеми вместе или даже один».

7³⁰ Выше (6,34) было сказано, что погибло 25, а не 12 кораблей; очевидно, 13 уже успели окончательно затонуть и спасти их было уже невозможно.

7³² Одного из стратегов — по Диодору (XIII, 99, 3) это — Лисий.

7³⁵ Раскалялись — см. цитату из Платона, выше, к § 15. Причиной такого решения не было раскаляние; оно вытекало из общей политической ситуации и было одним из проявлений реакции против демократии (Ed. Meyer, Gesch. d. Alt., IV, стр. 649).

Калликсен впоследствии получил возможность — в 405 г.

О привлечении к суду Калликсена рассказывает также Диодор (XIII, 103, 2): «Калликсен, обманувший народ и внесший предложение, был привлечен к суду; ему не удалось добиться оправдания, — он был лишен свободы и заключен в тюрьму. При помощи нескольких сообщников он сделал подкоп и бежал к врагам в Декелею. Как человек, спасшийся от смертной казни, он был в течение всей своей жизни предметом позора не только в Афинах, но и во всей Греции: на него указывали пальцами».

О смерти Калликсена рассказывает и античный комментатор к «Панафинейской речи» Аристиды (III, 245, Dind.): «Впоследствии афиняне, признав Калликсена виновным в том, что он убедил их несправедливо обвинить стратегов, уморили его голодом».

К КНИГЕ ВТОРОЙ

Лечебница — греческие врачи посещали больных на дому, а также принимали у себя в приемной или лечебнице, служившей и аптекой, так как отдельных аптек тогда не было. Кроме врача, здесь находились также его помощники и ученики, в том числе часто рабы (рабов преимущественно лечили рабы).

О событиях, предшествовавших назначению во флот Лисандра, рассказывают почти в тех же словах *Диодор* (XIII, 100, 7) и *Плутарх* (Лисандр, 7). По Диодору собрание, пославшее депутацию в Спарту, происходило в Эфесе: «Лакедемонские союзники в эолийских и ионийских колониях и на островах собрались в Эфесе и решили отправить депутацию в Спарту с просьбой назначить навархом Лисандра».

Действительная команда — ср. *Диодор* (XIII, 100, 8): «Они выбрали навархом Арака, а Лисандра прикомандировали к нему, как частного человека, приказав Араку во всем ему повиноваться», *Плутарх* (Лисандр, 7): «Номинально должность наварха была вверена некоему Араку, Лисандра же отправили формально в качестве эписголея, в действительности же в качестве полновластного главнокомандующего».

Прошло уже двадцать пять лет: отрывок от этих слов и далее до § 10 Эд. Мейер в виду хронологических (прошло 26, а не 25 лет) и исторических несообразностей (*Дарий* был сыном *Артакеркса*, а не *Ксеркса*) считает позднейшей интерполяцией (*Gesch. d. Alt.*, стр. 653).

О сношениях Лисандра с *Киром* рассказывают почти в тех же словах *Диодор* (XIII, 104) и *Плутарх* (Лисандр, 9). Общая сумма выданных персами спартамцам субсидий по *Исократу* (8, 179) превышает 5000 талантов (15 миллионов рублей).

О взятии *Лампсак* сообщает также *Диодор* (XIII, 104, 8): «Взяв *Лампсак*, Лисандр заключил мирный договор с афинским гарнизоном на условии, чтобы он ушел из города; затем он разграбил все имущество и отдал город назад во власть его жителей».

Кроме *Ксенофонта*, бой при *Эгоспотамах* описывают *Диодор* (XIII, 105 и сл.) и *Плутарх* (Лисандр, 10—12). Основным

источником и здесь является наш автор. Необходимо заметить, что рассказ Диодора имеет специальною целью реабилитировать афинских стратегов (Эд. Мейер).

1 21 Пятнадцать стадий ширины — так же Плутарх (Лисандр, 11).

1 25 О вмешательстве Алкивиада Плутарх (Лисандр, 10) рассказывает то же, что и Ксенофонт; зато Диодор (XIII, 105, 3—4) передает совершенно иную, фантастическую историю: «Алкивиад пришел к афинянам и сказал им, что фракийские цари Медок и Севф, состоя с ним в дружественных отношениях, обещали предоставить в его распоряжение большое войско, если он захочет воевать с лакедемонянами. Поэтому он просил допустить его к участию в начальствовании над войском, обещая афинянам одно из двух — или вынудить врагов принять морской бой, или сразиться с ними на суше, имея союзниками фракийцев. Алкивиад, поступая так, имел в виду совершить славный подвиг для отечества и за свою помощь приобрести прежнее расположение народа. Однако, афинские стратеги, считая, что за неудачи придется расплачиваться им самим, тогда как все удачи будут приписаны Алкивиаду, приказали ему удалиться и впредь не приближаться к лагерю».

1 27 В изложении событий, предшествующих выступлению Лисандра, наши источники расходятся: по Ксенофону, Лисандр воспользовался тем, что афиняне вышли из гавани и рассеялись по Херсонесу для покупки хлеба; Диодор (XIII, 106, 1—3) рассказывает следующее: «Бывший в этот день главнокомандующим Филокл приказал триэраρχам экипировать триэры и следовать за ним, а сам, так как его тридцать триэр стояли уже наготове, выплыл вперед. Узнав об этом от каких-то перебежчиков, Лисандр вышел в море со всем своим флотом, заставил Филокла повернуть к остальным кораблям и преследовал его. У афинян экипаж еще не успел сесть на триэры, и все были приведены в крайнее замешательство неожиданным появлением врагов». Наконец, Плутарх (Лисандр, 11) вовсе не указывает, чтобы выбранный Лисандром момент для нападения представлял какое-либо особенное удобство; Лисандр воспользовался лишь тем, что афиняне, имея уже четыре дня опыта, совершенно не ожидали его нападения, «а так как они не ожидали, то делали покупки на рынке, гуляли по окрестностям, спали в палатках, завтракали, даже не подозревая, вследствие неопытности военачальников, о надвигающейся беде».

1 28 Лисандр дал сигнал флоту... Полный список военачальников, руководивших флотом Лисандра, дает Павлиний (X, 9, 9) при описании статуй, посвященных в Дельфийский храм: «Позади перечисленных посвящений находятся статуи сотрудников Лисандра в битве при Эгоспотамах, — как спартиатов, так и союзников. Это следующие лица: Арак и Эрианф, первый из Лакедемона, второй — беотиец, оттуда же (?) Астикрат; хиосцы — Кефисокл, Гермофант и Гикесий, родосцы — Тимарх и Диагор, книдиец

Феодам, Киммерий из Эфеса, милетянин Эантид... миндиец Феопомп, самосец Клеомед; из Евбеи — каристиец Аристокл и эретриец Автоном; коринфянин Аристофант, трезенец Аполлодор, Дион из Эпидавра в Арголиде... ахейцы Аксионик из Пеллены и Феар из Гермiona, фокеец Пиррий, мегарец Комон, сикониец Агасимен; из Амбракии, Коринфа и Левкады: Теликрат, коринфянин Пифодор и амбракиец Евантид; наконец лакедемоняне Эпикурид и Этеоник».

«Паралия». У афинян в это время было два парадных корабля: «Паралия» и «Саламиния». Они служили для праздничных процессий, для перевозки посольств, для передачи приказаний правительства военачальникам.

Большую часть экипажа он захватил в плен — по Плутарху (Лисандр, 11) — 3000, по Павсанию (IX, 32, 9) — 4000 чел.

В крепость — в Сест, ср. Диодор (XIII, 106, 6 и 8): «Из воинов большинство бежало по берегу и спаслось в Сест... Лисандр пошел походом на афинян, запершихся в Сесте, взял город, а с афинянами заключил перемирие на условии, чтобы они удалились из крепости». Конечно, прав Диодор, а Ксенофонт ошибается — умышленно или неумышленно: экипаж состоял приблизительно из 18 000—20 000 чел., так что 3000—4000 пленных составляют не большинство, а незначительное меньшинство.

Отправился к Евагору. Античные писатели объясняют этот поступок различно. Диодор (XIII, 106, 6): «Он решил не возвращаться в Афины, боясь народного гнева, и бежал к Евагору, правителю Кипра». Плутарх (Артакеркс, 21): «После морского боя при Эгоспотамах он находился на Кипре, не из стремления к личной безопасности, а выжидая перемены событий». Исократ (Евагор, 52): «Он отправился к Евагору, считая, что и жизнь его будет там в наибольшей безопасности и что он сможет скорее всего прийти на помощь своему государству».

Послал пирата — суда пиратов отличались быстроходностью.

Правая рука — ср. Плутарх (Лисандр, 9): «В числе афинских стратегов был и Филокл, убедивший за некоторое время до того народное собрание отрубить большой палец правой руки всем взятым в плен на войне, чтобы они не могли носить копья, но могли бы грести».

Он именно предал афинские корабли — рассказ о предательстве повторяется у целого ряда авторов. Плутарх (Лисандр, 11) заканчивает рассказ о вмешательстве Алкивиада так: «Алкивиад удалился, подозревая, что здесь пахнет предательством». Лисий (14, 38), наоборот, считает предателями Алкивиада и Адиманта. Павсаний (IV, 17, 3) нравоучительно замечает: «Поскольку мы знаем, лакедемоняне были первыми, поднесшими дары неприятельскому полководцу и применившими подкуп в военном деле... Лакедемоняне проявили себя и впоследствии, когда они выступили против афинского флота при Эгоспотамах, подкупив Адиманта, а также и прочих афинских стратегов»; ниже (X, 9, 11) он же

говорит: «Афиняне утверждают, что поражение при Эгоспотамах они претерпели незаслуженно, — они были преданы подкупленными стратегами; имена взявших подкуп у Лисандра — Тидей и Адимант». Наконец, у Демосфена (19, 191) Конон обвиняет Адиманта в предательстве.

За вопросом Лисандра в одной из рукописей следует такой ответ Филокла: «Будучи победителем, поступай так, как поступили бы с тобой, если бы ты был побежден». Эта интерполяция (позднейшая вставка), вероятно, имеет источником Плутарха (Лисандр, 13), в свою очередь цитирующего здесь Феофраста: «Филокл, ничуть не упавши духом от постигшего его несчастья, заявил, что нечего предьявлять обвинения там, где нет (беспристрастного) судьи; победив, подвергни меня тому, что бы ты претерпел сам, если бы был побежден. Затем он умылся, надел чистый плащ и двинулся на казнь первый, впереди своих сограждан. Так рассказывает Феофраст».

2 2 *Дав им гарантию* и т. д. Ср. Плутарх (Лисандр, 13): «После этого Лисандр поплыл по городам и всем встречным афинянам велел отправляться в Афины; при этом он заявлял, что он без всякой пощады казнит всех тех афинян, которых он застигнет вне их города».

2 3 *Длинные стены* связывали город с гаванью Пиреем; длина их достигала $7\frac{1}{2}$ килом.

Мелийцев, гистийцев и т. д. В 416 г. афиняне, покорив после долгой осады мелийцев, по совету Алкивиада перебили мужчин, а женщин и детей продали в рабство (Фукидид, V, 116. Плутарх, Лисандр, 14). Гистийцы (на Евбее) были вынуждены покинуть свой город после покорения его в 446 г. афинянами (Фукидид, I, 114. Диодор, XII, 7. Плутарх, Перикл, 23). Халкидские города Скиона и Торона отпали от афинян; покорив их в 421 г., афиняне продали в рабство женщин и детей; мужчины-торонейцы были отведены военнопленными в Афины, а мужчины-скионейцы казнены (Фукидид, V, 3 и 32). Эгинцы были в начале Пелопоннесской войны выселены из Эгины из страха, чтобы они не примкнули к врагу (Фукидид, II, 27).

2 4 *Гавани* — Афины имели следующие гавани: 1) главная гавань — Пирей, состоявшая из военной (Канфар) и коммерческой (Эмпорий), 2) к востоку от Пирея — Мунихия и 3) Зея; 4) заброшенная со времен Фемистокла Фалерская гавань.

2 6 Относительно Самоса сравни афинскую надпись в честь самосцев, *Inscriptiones Graecae* II, № 1b, suppl. p. 1.

2 7 *Кроме аргиевн.* Аргиевн были с 420 г. в союзе с афинянами.

2 8 *Академия* — гимнасий, расположенный к северу от Афин.

2 10 *Амнистия.* Она была предоставлена в силу постановления, внесенного Патроклидом (Андокид, 1, 77 и сл.; ср. Лисий, 25 речь, 27).

2 11 О дальнейших событиях, излагаемых в этой главе, мы имеем также свидетельство современника — Лисия (13 речь, 5—14):

«Через короткое время после того, как были уничтожены наши корабли и основы нашего государственного строя заколебались, в Пирей прибыл лакедемонский флот, и одновременно с этим начались переговоры с лакедемонянами о мире. В то же время стали злоумышлять сторонники государственного переворота; они находили момент наиболее подходящим, полагая, что при создавшихся обстоятельствах легче всего добиться введения того государственного строя, который был им желателен. Единственной преградой для достижения намеченной цели они считали главарей народа, стратегов и таксиархов. Поэтому они старались устранить этих людей тем или иным способом, чтобы облегчить себе достижение желанной цели. Прежде всего они повели кампанию против Клеофонта. Действовали они при этом следующим образом. Когда собралось первое народное собрание по вопросу о мире, пред вами выступили ваши послы, прибывшие от лакедемонян с заявлением об условиях, на которых лакедемоняне были готовы заключить мир; они требовали, чтобы была срыта часть Длинных стен — на десять стадий, с каждой стороны. Вы, афиняне, не могли тогда даже спокойно слушать о том, чтобы стены были срыты, и Клеофонт, выступив от имени всех вас, ответил лакедемонянам, что ничего подобного вы не допустите. После этого Ферамен, втайне злоумышлявший против нашего народа, выступил с заявлением, что, если вы выберете его полномочным послом для ведения переговоров о мире, то он добьется того, что стены не будут срыты и вообще городу не придется претерпеть никакого ущерба. Сверх того он, по его словам, полагал, что ему удастся добиться от лакедемонян для города и еще кой-каких выгод. Вы поверили ему и выбрали его полномочным послом несмотря на то, что в предыдущем году вы не утвердили его, когда он был избран на должность стратега, считая, что он настроен недоброжелательно к демократии. Отправившись в Лакедемон, он пробыл там долгое время, оставив вас осажденными неприятелем: он знал, что весь ваш народ находится в тяжелом положении, лишенный вследствие войны и бедствий большей части предметов первой необходимости, и рассчитывал, что, когда он доведет народ до такого состояния, до какого он его и довел в действительности, — афиняне с радостью примут какие угодно условия мира. Оставшиеся в городе его единомышленники, замислившие уничтожить демократический строй, привлекли Клеофонта к суду под тем предлогом, что он не явился на свой военный пост; действительной же причиной было то, что он выступил от вашего имени с протестом против того, чтобы стены были срыты. Лица, стремившиеся к введению олигархического строя, добились того, что для него было устроено специальное судилище; здесь они выступили с обвинением против него, и он был присужден к смертной казни, причем предлогом было указанное выше преступление. Затем вернулся из Лакедемона Ферамен. С ним вступили в беседу некоторые из стратегов и таксиархов, в том числе Стромбихид и Дионисодор, и еще несколько граждан, наот-

роенных благожелательно к демократии; как выяснилось впоследствии, они крайне возмущались его поведением; действительно, он принес с собой такой мир, все прелести которого мы узнали впоследствии: мы лишились многих добрых граждан, а сами были изгнаны тридцатью правителями. Вместо прежнего требования срыть Длинные стены на десять стадий, теперь по принесенным Фераменом условиям мира мы должны были совершенно уничтожить стены; вместо обещанных Фераменом «еще кой-каких выгод» мы нашли в этих условиях пункт, по которому мы должны были выдать лакедемонянам корабли и срыть стену вокруг Пирея».

Если принять в соображение, что Лисий, хотя и писал свои речи лишь короткое время спустя после описываемых событий, но тем не менее часто искажает правду там, где это выгодно его клиенту,¹ то мы увидим, насколько близок к истине и объективен рассказ Ксенофонта. Имени Клеофонта наш автор не упоминает умышленно, не желая, чтобы оно было увековечено историей. В этом он следует примеру Фукидида, поступившего так же с Клеоном и другими демагогами.

231 *Вблизи Лаконии* — это, конечно, вставка позднейшего интерполятора, вдобавок ошибочная: Селласия находится в самой Лаконии. Как видно из приведенного выше указания Лисия, эфоры требовали от них срытия Длинных стен на 10 стадий с каждой стороны. См. также ниже, § 15.

216 *К Лисандру* — последний находился в это время в Азии. См. Плутарх (Лисандр, 14): «Так как афиняне оказали сопротивление, Лисандр переплыл со своим флотом назад в Азию».

219 *Разрушения Афин* — ср. Исократ (Платейская речь, 31): «Из всех союзников одни лишь фиванцы подали голос за то, чтобы все афиняне были обращены в рабство, а место, на котором стоит город, было превращено навеки в пастбище для скота». По Плутарху (Лисандр, 15) это предложение было внесено фиванцем Эрианфом. Далее Плутарх рассказывает следующее: «Когда после этого военачальники собрались на общую попойку, кто-то из фокейцев запел парод из еврипидовой «Электры», которая начинается так: «О, Электра, дочь Агамемнона, я пришел к твоей деревенской хижине. . .». Это вызвало у всех слезы, и всем показалось ужасным предать разрушению и уничтожению такой славный город, давший Греции столько выдающихся людей». Эти подробности Эд. Мейер считает историческими (Gesch. d. Alt., IV, 665); во всяком случае, вмешательство в пользу афинян фокейцев, бывших исконными врагами фиванцев. (Ср. Павсаний, III, 10: «афиняне помнили о благодеянии, оказанном им некогда фокейцами».)

220 Надо думать, что причиной такого великодушия спартанцев была боязнь усиления влияния Беотии в Северной Греции и желание противопоставить ей сильного противника.

¹ Так, он умышленно соединяет воедино первое посольство Ферамена к Лисандру и его поездку в Спарту в качестве полномочного посла.

В эпоху тяжких бедствий — во время персидских войн. Точный текст постановления лакедемонского правительства по поводу мира с афинянами приведен у Плутарха (Лисандр, 14): «Постановили лакедемонские власти: Вы должны срыть укрепления Пирея и Длинные стены; вы должны удалиться из всех подчиненных вам городов, сохранив только вашу собственную территорию. Выполнив эти условия, вы можете, если вам угодно, получить мир, но вы должны еще принять назад изгнанников. Относительно количества кораблей вы должны поступить согласно нашим указаниям». Диодор (XIV, 3, 2), Аристотель (Афинская политика, 34, 3) и Юстин (V, 8) прибавляют к этим условиям еще требование ввести «исконный», т. е. олигархический строй, но вряд ли это верно.

Лисий (XII, 71—76) умышленно смешивает описываемое здесь народное собрание с собранием, состоявшимся в следующем году, на котором было решено выбрать 30 правителей (см. ниже, к гл. 3, § 2).

Дату вступления Лисандра в Афины дает Плутарх (Лисандр, 15): 16 мунихиона (в конце апреля 404 г.), в тот самый день, когда греки в Саламинской битве победили варваров» (при Саламине на Кипре, в 449 г.).

Как Дионисий стал сиракузским тиранном, подробно рассказывает Диодор (XIII, 91—96); он относит это событие уже к 406 г. О дальнейших излагаемых здесь исторических фактах Ксенофонт говорит, очевидно, по недосмотру; он уже упоминал о них в I кн., гл. 5, § 21; см. также комментарий к этому месту.

На следующий год — в 404/3 г. до н. э. Далее следует интерполяция.

Народ постановил — об этом постановлении, внесенном Драконтидом, рассказывает подробно Лисий (XII, 71—76); приведу его рассказ целиком: «Ферамен допустил созыв народного собрания не прежде, чем наступил тщательно подготовленный заговорщиками заранее условленный момент. К этому времени он призвал из Самоса Лисандра с его флотом; кроме того и все вражеское войско находилось в Аттике. При таких обстоятельствах и было создано народное собрание по вопросу о государственном устройстве, в присутствии Лисандра, Филохара и Мильтиада. При этом заговорщики преследовали ту цель, чтобы ни один оратор не выступил против них и не угрожал им и чтобы вы не могли свободно выбирать полезное для государства, а должны были бы голосовать за все то, что они предложат. На этом собрании выступил Ферамен с предложением вернуть управление городом тридцати правителям и принять государственный строй, предложенный Драконтидом. Несмотря на все принятые заговорщиками меры, вы, однако, подняли неодобрительный шум и отказывались последовать их советам: вы знали, что на этом собрании решается вопрос о том, быть ли вам свободными или рабами. Но Ферамен, (чему вы сами, судьи, можете быть свидетелями) заявил, что

ему мало дела до вашего неудовольствия, так как у него много соучастников из среды афинян, а кроме того его предложение внесено им с одобрения Лисандра и лакедемонян. После этого выступил Лисандр с длинной речью. Он, между прочим, указал, что вы уже нарушили условия мира¹ и что поэтому, если вы не согласитесь на предложение Ферамена, возникнет уже вопрос не о государственном устройстве, а о вашей жизни и свободе. Добрые граждане, присутствовавшие на этом собрании, поняв, что все это подстроено заранее и что выхода уже нет, частью остались в полном безмолвии, а частью удалились; совесть их была чиста, так как они во всяком случае не голосовали за вредное для интересов народа предложение. Лишь немногие из присутствующих — люди низких нравственных качеств и дурного образа мыслей — подняли руку за внесенное Фераменом предложение. Им было объявлено, чтоб они выбрали десять человек из лиц, указанных Фераменом, десять из лиц, предложенных эфорами,² и десять из своей среды. Заговорщики настолько были уверены в вашей слабости и так верили в свою силу, что заранее знали все, что произойдет в народном собрании».

Об этом же собрании рассказывает и Д и о д о р (XIV, 3); но его³ пристрастие к Ферамену приводит к тому, что Ферамен становится у него вождем оппозиции против Лисандра и вводимого им олигархического строя, так что последний даже угрожает его убить! Собрание это состоялось в театре в Мунихии (Л и с и й, XIII 32), вероятно, уже в июле 404 г. Действительно, с одной стороны, из § 1 мы узнаем, что постановление это было принято «в следующем году» (аттический год начинается 7 июля); с другой стороны, в § 11 Ксенофонт сообщает, что «тридцать правителей были избраны тотчас же по срытии Длинных стен» (в конце апреля; см. гл. 1, § 23).

Для составления свода законов в духе традиции — дословно — «отцовские законы», это не должно означать возвращения к каким-нибудь прежним законам, а просто введение олигархического строя, который, в общем, был, конечно, ближе к отжившим порядкам старины.

3 4 Солнечное затмение это произошло, по выкладкам нынешних астрономов, 3 сентября 404 года.

3 5 Описание событий сицилийской истории, судя по бессвязности изложения, представляет собой, быть может, позднейшую интерполяцию (так думает напр. Эд. Мейер, *Gesch. d. Alt.* V, 84). Подробно эти события излагает Д и о д о р (XIII, 108 и сл.). Приведу, вкратце содержание его рассказа. После того как Акрагант был разрушен, Гимилькон двинулся на Гелу и осадил ее. На

¹ Так как истек уже срок, в течение которого афиняне обязались срыть стены. Д и о д о р (XIV, 3).

² Так назывались члены состоящего из 5 лиц тайного исполнительного комитета, выбранного олигархическими клубами. Л и с и й XII, 43.

³ Точнее: его источника — Эфора.

помощь городу пришел Дионисий с 30 000 пехоты, 1000 всадников и 50 военными кораблями. Он имел в виду при помощи сложного маневра взять верх над карфагенянами, но ему не удалось осуществить свой план и он был разбит, потеряв 1600 человек. Дальше бороться не было никакой возможности: ночью Дионисий вывел население из Гелы и смежной Камарины, которая после падения Гелы не могла уже сопротивляться, и уступил эти города карфагенянам. Неудача Дионисия вызвала брожение в войске. Против него выступили всадники, ряды которых состояли из сиракузской аристократии. Они двинулись на Сиракузы и овладели городом; но вскоре город был взят Дионисием, и им пришлось бежать в Этну.¹ В это же время от Дионисия отпали бывшие в его войске жители Гелы и Камарины и удалились в Леонтины.

О взятии Самоса рассказывает также Плутарх (Лисандр, 14): «(Лисандр) изгнал всех самосцев и передал город прежним изгнанникам». О судьбе изгнанных мы узнаем из афинской надписи *Inscriptiones Graecae*, II, № 1b (см. выше), где афинское народное собрание постановляет «похвалить жителей Эфеса и Нотия за то, что они радушно приняли оказавшихся на чужбине самосцев».

Прежним его жителям — четыремстам аристократам, изгнанным демократией в 412 году при помощи афинян (Фукидид, VIII, 21).

Акротерии — украшения на носу корабля.

Здесь мы имеем дело с позднейшей интерполяцией; Пелопоннесская война продолжалась (если ее считать до этого пункта) не 28¹/₂, а 27¹/₂ лет; такой счет и принят у Фукидида. Ксенофонт, вероятно, считал концом войны свержение олигархии и реставрацию демократии; по крайней мере, он заканчивает на этом пункте вторую книгу, после чего следует хронологический перерыв в 1¹/₂ года (см. коммент. к III, 1, 1). При таком счете война продолжалась, действительно, 28¹/₂ лет. Этот счет несомненно лег в основание *Hellenica Oxyhynchia*» (см. вступительную статью и приложение). Действительно, здесь (IV, 1) 395/394 г. назван «восьмым годом лакедемонского владычества». Значит, этот счет велся с 402/1 года, а счет по годам Пелопоннесской войны заканчивался 403/2 годом. Отсюда, вероятно, и позаимствовал это числение интерполятор, но по небрежности сделал вставку в ненадлежащем месте.²

За взятием Евбеи — это произошло в 446 г., а тридцатилетнее перемирие было заключено в следующем, 445 г. (Фукидид I, 114).

По Плутарху (Лисандр, 16) он поручил отвезти добычу в Спарту начальнику сицилийской экспедиции Гилиппу, а сам отправился во Фракию. По Диодору (XIII, 106, 8—9) Гилипп был отправлен с добычей в Спарту еще до взятия Самоса. Ед.

¹ А где в Катану, куда их, по Ксенофонту, «отправил» Дионисий.

² Эд. Мейер, *Theopomp's Hellenika*, стр. 62 и сл.

Меуер (Gesch. d. Alt., 27) полагает, что здесь правы и Ксенофонт и Диодор: в 405 году был послан в Спарту Гиллип с 1500 талантами (Диодор, XIII, 106, 8); в 402/1 г. прибыл сам Лисандр с остальными 470 талантами.

§ 11 В изложении дальнейших событий главнейшим источником служил Диодору (XIV, 4 и сл.) наш автор.

§ 12 Промышляют политическими доносами, т. е. с одной стороны получают часть штрафов, а с другой — вымогают деньги угрозами.

§ 13 Эсхина и Аристотеля — оба они входили в число 30 правителей (см. выше, § 2). Этот Аристотель во время войны бежал из Афин в лакедемонский лагерь (см. кн. II, гл. 2, § 18). По Аристотелю (Афинская полития, 37) лакедемонский гарнизон был приглашен только после казни Ферамена; но при этом он искажает действительность с целью обелить Ферамена (Эд. Мейер, Gesch. d. Alt. V, 23 — 24).

§ 19 Эта речь Ферамена приведена почти в тех же словах у Аристотеля (Афин. полития, 36, 2).

§ 21 Казнены ради денег — по Аристотелю (Афин. полития 37) и Диодору (XIV, 5, 5) эти казни начались только после смерти Ферамена (ср. коммент. к § 13): «Был казнен Никерат, сын Никия, бывшего стратегом в Сиракузском походе, известный своей гуманностью и отзывчивостью ко всем, почти что первый по популярности и богатству из всех греков... Затем правители казнили шестьдесят богатейших иностранцев¹ с целью овладеть их деньгами... Убили они и Автолика, победителя во всех видах состязаний». Имена других погибших (Леонта и Антифонта) см. ниже, §§ 39 и 40.

Одного метэка. Метэками назывались иностранцы, поселившиеся в Афинах. Они пользовались личной свободой; должны были платить особую подать; были лишены политических прав, права выступать на суде (за них выступал их покровитель — протат) и права владеть домом и недвижимостью. Они занимались, главным образом, торговлей, ремеслами и ростовщичеством. Метэки были сплошь и рядом очень богатыми людьми. О репрессиях против метэков рассказывает Лисий (в 12 речи, написанной против Эратосфена, одного из тридцати правителей — § 6 и сл.), бывший сам в числе преследуемых метэков: «Феогнид и Писон на собрании тридцати правителей заявили, что среди метэков есть враги существующего строя. Это будет, заявили они, благовидным предлогом, для того, чтобы обогащаться под видом политического возмездия; ведь, граждане крайне обеднели, а правительство нуждается в деньгах. Им не трудно было убедить присутствующих: убить человека они считали пустяком, важнее всего для них было приобретение денег. Поэтому было решено арестовать десять метэков, в том числе двух бедняков, для того чтобы у них было оправдание

¹ Вероятно, речь идет о метэках, но их было казнено гораздо меньше. См. ниже.

перед другими, что они поступили так не ради денег, а для блага отечества». Далее следует описание возмутительной жестокости, жадности, вероломства и продажности, проявленных при этих арестах. Самому Лисию удалось бежать в Мегары, но брат его Полемарх принужден был исполнить «обычное приказание правителей — выпить цикуту, причем ему не сказали даже, за что его казнят, — что и говорить уже о судебном процессе и возможности оправдаться».

По Диодору (XIV, 4, 5) причиной вражды правителей к Ферамену было то, что «он угрожал выступить против них во главе тех, кому дорого спасение отечества».

Руководящую роль — ср. Лисий (XII, 65): «Уже раньше он был главным виновником олигархического переворота; он убедил вас принять государственный строй, при котором во главе правления были поставлены «четыреста». Отец его также содействовал этому перевороту, будучи одним из пробулов; сам же он был выбран правителями на должность стратега, так как считался наиболее ревностным приверженцем нового строя. Однако, он был верен правительству только до тех пор, пока он был в почете; когда же он увидел, что Писандр, Каллесхр и другие превзошли его во влиянии и что вы, народ, больше не желаете подчиняться, он из зависти к соперникам и из страха перед вами вступил в заговор Аристократа». Ср. также Фукидид (VIII, 68, 4, 89 и сл.).

Котурн — ботинки на высоких каблуках, употреблявшиеся охотниками; в них же выступали артисты.

Критий был ревностным приверженцем спартанского строя; он даже написал трактат, посвященный спартанскому государственному устройству.

Заявление Ферамена не соответствует действительности, см. выше, кн. I, гл. 7. Не Ферамен, а сами стратеги ссылались на бурю; не стратеги, а Ферамен выступил первый с обвинением.

В Фессалию Критий отправился после того, как был изгнан из Афин (см. выше, § 15).

Пенестами назывались фессалийские крепостные, бывшие в таком же положении, как гелоты в Спарте.

Леонт Саламинец — начальник афинского флота, подписавший вместе с другими мир, заключенный Никием со спартамцами (Фукидид, V, 19, 24). Затем он активно выступил против правления четырехсот (Фукидид, VIII, 73, 3), чем и навлек, вероятно, впоследствии на себя гнев тридцати правителей. Далее он был одним из военачальников в Аргинусском бою (см. выше). Когда в Афинах власть захватили тридцать правителей, он удалился на Саламин. Сократу было приказано правителями привести его из Саламина в Афины на казнь, но он отказался исполнить это противозаконное приказание («Воспоминания о Сократе», IV, 4, 3; Платон, Апология Сократа, р. 32 С). Леонт был, тем не менее, казнен без суда (Андокид, «О мистериях», 94).

Никерат — сын Никия, военачальника Сицилийского похода. Ср. выше, коммент. к § 10 и Лисий, XVIII, 6.

3 42 *Анит* — впоследствии прославился как один из обвинителей Сократа. Вместе с Фрасибулом он руководил восстанием против тридцати правителей (Лисий, XIII, 78); по свержении правителей оба они стали играть руководящую роль в Афинах (Исократ, XVIII, 23).

Алкивиад, после того как был объявлен изгнанником, был убит Фарнабазом по наущению Лисандра, желавшего угодить Критию (Плутарх, Алкивиад, 38 и сл.). Однако, Эфор (у Диодора, XIV, 11) в XVII кн. своей «Истории» сообщал, что Фарнабаз убил его совсем из других соображений.

3 46 *На городском рву*. Когда афинское войско, находившееся на Самосе, стало угрожать правительству четырехсот и готово было двинуться на Афины для восстановления демократии, правители устроили укрепление на мысе Этионее, господствовавшем над Пиреем, затеяв измену. Это укрепление было уничтожено повстанцами с Фераменом во главе (Фукидид, VIII, 90—92).

Государственное устройство, при котором политические права были бы предоставлены всем тем (и только тем), которые в состоянии на свой счет приобрести себе тяжелое вооружение (такой строй был в это время в соседней Беотии) — действительно, было политическим идеалом Ферамена. . . Под его влиянием такой строй был введен в Афинах в 411 г. (Фукидид, VIII, 97, 1); в 404 г. он снова добивался, однако безуспешно, введения такого строя (§ 19).

3 51 *По своему усмотрению* — это неверно; Ферамен был вычеркнут из списка на законном основании, так как по «новым законам» политических прав были лишены «все те, которые принимали участие в срывити укрепления на Этионее или вообще в чем-либо поступали во вред интересам правительства четырехсот» (Аристотель, Афин. полития, 37, 1). Ферамен был, как известно, как раз в числе этих лиц (см. коммент. к § 46).

3 52 *Гестия* — богиня домашнего очага.

3 54 *Коллегия одиннадцати* см. выше, кн. I, гл. 7, § 10. В правление тридцати их власть была, повидимому, значительно расширена. Ср. Платон (письмо VII, р. 424): «во главе государства стоял 51 правитель: коллегия одиннадцати в городе, коллегия десяти в Пирее (этим двум коллегиям был поручен надзор за рынком и за городскими делами) и тридцать верховных правителей с неограниченными полномочиями».

Привожу трогательно-наивный (и, конечно, не соответствующий действительности) рассказ Диодора (XIV, 5, 1—4) о последних минутах жизни Ферамена. «Ферамен мужественно переносил несчастье, так как он усвоил от Сократа глубоко-философский взгляд на вещи, но вся остальная толпа сострадала несчастьем Ферамена. Однако, никто не решился ему помочь, так как со всех сторон его окружала масса вооруженных. Только философ Сократ с

двумя из своих учеников подбежал к нему и пытался вырвать его из рук служителей. Ферамен просил его не делать этого. «Конечно, заметил он, я глубоко тронут вашей дружбой и мужеством; но для меня самого будет величайшим несчастьем, если я окажусь виновником смерти столь преданных мне людей». Сократ и его ученики, видя, что никто не приходит к ним на помощь и что надменность их торжествующих противников увеличивается, прекратили свою попытку».

Коттаб — веселая игра, которою развлекались на попойках. Игра состояла в том, что вино, находившееся в одной чаше, надлежало выплеснуть в другую, находившуюся на более или менее значительном расстоянии, так, чтобы вино не разбрызгалось, а влилось в чашу одной струею. Если это было сделано удачно, то раздавался звонкий плеск. При этом играющий произносил имя своего возлюбленного или возлюбленной, которому он и дарил «выигравшую» чашу: это, по поверию, сулило удачу в любви. Этот же эпизод рассказывает Ц и ц е р о н (Тускуланские беседы, I, 40, § 96): «Остаток он выплеснул так, что раздался звонкий плеск. При этом плеске он воскликнул: «За здоровье моего ненаглядного Крития».

Бежали в Пирей — об изгнании в Пирей всех, невнесенных в список трех тысяч, сообщает ряд авторов (Аристотель, Афинская политика; Диодор, XIV, 32, 4; Лисий, 13, 47. 25, 22. 26, 2. 31, 8; Исократ, VII, 67; Юстин, V, 9, 12).

Мегара и Фивы наполнились беглецами. Ср. Диодор (XIV, 6): «Лакедемоняне издали постановление, по которому приспешникам тридцати правителей разрешалось арестовывать афинских беглецов во всяком греческом городе. Всякий, кто станет им препятствовать, должен заплатить пять талантов штрафа. Как ни жестоко было это постановление, почти все греческие государства повиновались ему из страха пред могуществом спартанцев. Только аргивяне, ненавидевшие бессердечность лакедемонян, первые сжалились над бесприютными изгнанниками, выразили им сочувствие и дали убежище. Фиванцы же кроме того еще и наложили штраф на того, кто допустит, чтобы беглецы были насильно уводимы и не окажет им посильного заступничества». Постановление фиванцев приведено целиком у Плутарха (Лисандр, 27): «Всякий дом и всякий город в Беотии должен быть открыт для нуждающихся афинян. Кто не заступится за насильно уводимого афинского беглеца, должен заплатить талант штрафа. Если кто-нибудь будет провозить через Беотию в Афины оружие для борьбы с тираном, — ни один фиванец не должен ни видеть этого, ни слышать об этом».¹ В Мегарах нашел убежище Лисий (Лисий, XII, 17;

¹ Внезапная перемена отношения беотийцев к афинянам (ср. выше, гл. 2, § 19) объясняется тем, что в 404 г. в Беотии власть перешла в руки более демократической партии, стоявшей в оппозиции к Спарте (см. С. Я. Лурье, Беотийский союз, стр. 36).

см. выше, к гл. 3, § 21). Кроме этих государств убежище беглецам дали Халкида (Л и с и й, XXIV, 25: «во время правления тридцати... я бежал вместе с вашим народом в Халкиду») и Ороп (Л и с и й, XXXI, 9), находившийся под беотийским влиянием.

4 2 *Фрасибул* — во главе повстанцев был, кроме Фрасибула, еще Анит (Л и с и й, XIII, 78). Ср. коммент. к III, 5, 2.

Семидесяти человек — по П а в с а н и ю (I, 38, 3) их было только 60.

Филу — ср. Д и о д о р (XIV, 32, 1): «Фрасибул, по прозванию Стириец, афинянин по национальности, изгнанный тридцатью правителями, при тайном содействии фиванцев, захватил аттическое местечко Филу. Это было очень сильное укрепление, находившееся в 100 стадиях (17 километрах) от Афин». Фила находилась на большой дороге, ведущей из Фив в Афины.

Неудачное выступление афинян против повстанцев, занявших Филу, почти в тех же словах описывает Д и о д о р (XIV, 32, 2 и сл.); он прибавляет еще сюда анекдот о паническом страхе, якобы охватившем войско тридцати правителей. После неудачи под Филой, как сообщает тот же Д и о д о р (XIV, 32, 5), правители отправили послов к Фрасибулу. «Официальным поводом этого посольства были переговоры о каких-то пленных, но втайне правители предлагали Фрасибулу расстроить заговор беглецов и зато вступить на место Ферамена в число правителей, причем ему будет предоставлено вернуть в отечество десять изгнанников по своему выбору». Фрасибул ответил категорическим отказом на это предложение.

4 4 *Филы* — афинские граждане делились на 10 фил; соответственно этому и войско делилось на 10 частей.

4 5 *Достиг почти семисот человек* — по Д и о д о р у (XIV, 33, 1) их было 1200

4 6 *Устремились на гарнизон* — по Д и о д о р у (XIV, 32, 6) это столкновение произошло в Ахарнах.

4 8 *Гиппарх* — начальник конницы.

4 9 *Одеон* — общественное здание, куда собирались послушать музыку и декламацию.

Открыто класть свой камешек — подробно описывает эту процедуру Л и с и й (XIII, 37): «Тридцать правителей сидели на тех местах, на которых обыкновенно сидят пританы. Пред правителями стояло два стола. Камешки бросали не в урны, а их полагалось открыто класть на столе: оправдательные — на первый стол, обвинительные — на второй. При таком способе голосования мог ли кто-либо быть оправданным?»

4 11 *Мунихия* — холм на восточной стороне того мыса, на котором находится Пирей.

Гипподамов рынок — рынок, построенный по новой системе архитектором Гипподамом Милетским, современником Перикла.

Бендидий — храм фракийской богини Артемиды Бендиды.

Пэан — военная песня, обращенная к Аполлону-целителю. Бог войны Эниалий призывался в ней возгласом «аляля!»

Об элевсинских мистериях см. выше, коммент. к кн. I, 4, § 20. *Глашатай мистов* — очень почетная должность, которую могли занимать только члены старинного рода Евмолпидов.

Больше афинян. Всего было убито правителями 1500 граждан (Аристотель, Афин. пол., 35, 4; Исократ, XII, 67; XX, 11; Эсхин III, 23, 5).

Десять лет войны. Имеется в виду последняя часть Пелопонесской — Декелейская война, которая велась непрерывно с 414 до 405 года.

Десять человек — каждый из них назывался *декадухом* (Гарпократион, s. v. *δέκα*). О характере правления декадухов рассказывает Диодор (XIV, 33,5): «Граждане, находившиеся в Афинах, лишили власти тридцать правителей и изгнали их из города; вместо них они избрали десять человек с неограниченными полномочиями для изыскания способа прекращения войны и примирения с противниками. Но, захватив власть, последние и не думали делать того, для чего они были избраны, стали сами тираннами и призвали из Лакедемона войско из 40 кораблей и 1000 солдат с Лисандром во главе». Еще определеннее говорит о них Лисий (XII, 54 и сл.): «Они изгнали тридцать правителей, исключая Фидона и Эратосфена, и выбрали правителями их злейших врагов, ожидая, что они будут относиться со справедливой ненавистью к тридцати правителям и с симпатией к находившимся в Пирее гражданам. Однако, те самые... которых считали злейшими врагами Харакла, Крития и всей их компании, оказавшись сами во главе правления, только раздули среди горожан еще большую вражду к пирейским изгнанникам. Этим они явно обнаружили, что боролись они не за пирейских изгнанников и не за убитых без вины, что им было мало дела до совершенных уже правителями казней и до тех казней, которые они могли совершить еще в будущем... Нет, их удручало то, что были люди, имевшие большую власть и быстрее обогащающиеся, чем они сами». Повидимому, декадухи принадлежали к умеренно-олигархической партии, одинаково враждебной и к демократам и к тираннам. Нет основания обвинять их в беззакониях: по возвращении изгнанников они представили отчет о своей деятельности междупартийной комиссии, и он был утвержден (Юстин, V, 10, 7; Непот, биография Фрасибула, 3, 1). Поэтому они не упомянуты (ниже, § 38) в числе лиц, на которых амнистия не распространяется (см. коммент. к § 43). Аристотелю, как полагает Эд. Мейер (Gesch. d. Alt. V, 40), должно было казаться странным, что эти десять лиц, с одной стороны, боролись с демократами в Пирее и казнили крайних демократов, обнаруженных в городе; с другой, в среде были столь симпатичные этому ученому люди, как Ринон и Фаилл, и отчет, представленный ими, был утвержден народом. Поэтому он и сделал (Афин. пол., 38) несоответствующее действительности допущение, что выбранная

после свержения тридцати правителей коллегия десяти была вскоре лишена полномочий, так как она правила в духе своих предшественников и была заменена другой такой же коллегией, уже лояльной и либеральной.

4 24 *Щиты* — обыкновенно всадники щитов не носили; но в данном случае они должны были быть готовы выступить и как всадники и как гоплиты.

4 26 *Эксонейцы* — жители прибрежного аттического дема Эксоны.

4 28 *Послы из Элевсина* — по Д и о д о р у (XIV, 32, 6) тридцать правителей отправили своих послов еще до смерти Крития; А р и с т о т е л ь (Афин. пол., 37,2) смешивает это посольство с посольством, призвавшим Каллибия (см. выше, гл. 3, § 13).

Из города — об этом посольстве подробно рассказывает Л и с и й (XII, 58): «Фидон (один из десяти правителей), отправившись в Лакедемон, стал убеждать лакедемонян идти походом на Афины, ложно утверждая, что иначе город попадет в руки беотийцев, и приводя другие доводы, которые он считал наиболее убедительными для них. Однако, ему не удалось добиться этого — потому ли, что жертвоприношения не давали благоприятных предзнаменований, или просто потому, что лакедемоняне не желали вмешиваться. Зато ему удалось получить ссуду в сто талантов для найма охотников и согласие на то, чтобы во главе этого наемного войска стал Лисандр, благосклонно относившийся к олигархии». Призванное войско состояло из 1000 воинов и 40 кораблей, см. коммент. к § 23.

Сто талантов. О том, как эти деньги были впоследствии возвращены лакедемонянам, рассказывает Д е м о с ф е н (XX, 11 — 12): «Когда граждане примирились между собой и был водворен прочный порядок в государстве, лакедемоняне прислали послов с требованием возврата денег. Произошел спор: одни говорили, что эти деньги должны вернуть те, кто их занимал, т. е. партия, в руках которой был город; другие же полагали, что надо выплатить эти деньги из общих — казенных — сумм, дабы это было первым проявлением общего согласия. И народ, как говорят, склонился на сторону того, чтобы внести эти деньги из казенных сумм, и таким образом, согласился участвовать в этом расходе, чтобы ничем не расстраивать установившейся солидарности». Ср. также И с о к р а т, VII, 68.

4 29 *Стал завидовать Лисандру* — другие писатели объясняют поведение Павсания мотивами гуманности. Так, Ю с т и н (V, 10) говорит, что Павсанием руководило сострадание к изгнанникам и ему хотелось вернуть их на родину. П е р и э т о г П а в с а н и й (III, 5, 2), говорит, что «он не желал, усиливая тиранническую власть безбожных людей, покрыть Спарту несмываемым позором». Д и о д о р (XIV, 33, 6) контаминирует обе причины: «Лакедемонский царь Павсаний, с одной стороны, завидовал Лисандру, с другой — видел, что Спарта приобретает печальную репутацию у греков».

Галипед — прибрежная низменность между Пиреем и Афинами.

Мора — все лакедемонское войско делилось на шесть мор; численность каждой моры не была постоянной.

Тихая гавань — часть Пирейской гавани; точное положение ее неизвестно.

Оба полемарха — в сражении участвовали только две моры (§ 31), следовательно и только два полемарха, так как во главе каждой моры стоял полемарх (см. ниже, коммент. к VI, 4, 12).

Керамик — северозападная часть Афин.

Экклеты. В Спарте часто упоминается народное собрание — экклесия. В экклесии могли принимать участие все спартиаты; с другой стороны, наш автор (III, 3, 8) упоминает малую экклесию, в которой, вероятно,¹ принимали участие только «гомеи» (равноправные см. ниже, комм. кн. III, гл. 3, § 5), да и из них, вероятно, только достигшие определенного возраста. Кто назывались экклетами — члены большой или малой экклесии, — при современном состоянии наших знаний решить невозможно.

Имеется в виду закон Солона «о вреде, причиненном четвероногими», по которому полагалось «кусающуюся собаку выдать пострадавшему, посадив ее на цепь длиной в четыре фута». (Плутарх, Солон, 24).

С этих пор — возвращение Пирейских изгнанников произошло 12 боэдромия (4 октября) 403 года.

Через некоторое время — на третий год (Аристотель, Афин. пол., 40).

Не помнить прошлого зла. Этому закону впоследствии (Плутарх, Цицерон, 42, Геродот, V, 4, 18) было дано столь распространенное теперь название — амнистия, т. е. «забвение» («oblivio» у Непота, биография Фрасибула, 3, 2). Формула клятвы сохранилась у Андокида («О мистериях», 90): «Я не буду помнить зла и мстить никому из граждан, кроме тридцати правителей и коллегии одиннадцати; из последних я не буду мстить тем, кто согласится дать отчет в своей деятельности во время власти».

¹ Так думают Schoemann—Lipsius Griech Altertümer, 240.

К КНИГЕ ТРЕТЬЕЙ

1 1 *Через короткое время после этого* — в 402/1 году. Поход Кира произошел летом 401 года; полуторагодичный промежуток с осени 403 года по весну 401 года Ксенофонт опускает совершенно.

Отправив послов — об этом посольстве упоминают также Диодор (XIV, 19) и Плутарх (Артаксеркс, 6). Ксенофонт в «Анабасисе» умалчивает о нем, см. коммент. к § 2.

Самию — см. коммент. к § 2.

1 2 *В книге сиракузца Фемистогена:* речь идет о знаменитом «Анабасисе» того же Ксенофонта, где описывается этот поход. По господствующему ныне в науке мнению, уже до выхода в свет «Анабасиса» появилось несколько мемуаров об этом походе, и в них, по мнению Ксенофонта, его роль была недостаточно подчеркнута. Действительно, источник Диодора, как доказал Месс (Rhein. Mus. LXI, 360 и сл.), главным образом пользовался при описании похода Кира (XIV, 19 и сл.) ксенофоновым «Анабасисом»; однако, из того факта, что имя Ксенофонта здесь умышленно не упоминается до 37 главы, когда остатки участников похода прибыли во Фракию, можно заключить, что источник Диодора не верил сообщениям Ксенофонта о его роли в этом походе и исправлял эти известия на основании труда, восходящего к другому первоисточнику, быть может к мемуарам Софенета Стиμφалийского. Появлением в свет таких мемуаров и обусловлено возникновение «Анабасиса», носящего таким образом апологетический характер. Чтобы внушить больше доверия к своему рассказу, Ксенофонт выпустил этот труд от имени сиракузца Фемистогена. Ср. Плутарх («О славе афинян», стр 345 E.): «Ксенофонт был собственным историком, так как он описал свое командование, увенчавшееся успехом. Он приписал это повествование сиракузцу Фемистогену, уступив другому славу написания этого труда, чтобы рассказ его, трактующий как бы не о самом авторе, а о другом лице, казался достовернее». Вообще, как указывает Эд. Мейер (Gesch. d. Alt., V, 185), Ксенофонт в «Анабасисе» охотно заменяет исторические лица псевдонимами: так, упоминаемый в кн. II, гл. 1, § 12 «юный философ Феопомп из Афин» не кто иной, как сам Ксенофонт. Далее «Анабасис» был написан между 379 и 371 годами (Gesch. d.

Alt., III, 278), когда Спарта еще была в хороших отношениях с Персией, и поэтому выгодно было затушевывать ее бывшую связь с повстанцем Киrom; поэтому Ксенофонт в «Анабасисе» ничего не упоминает об официальных сношениях Кира со Спартой, а лакедемонский наварх Самий (о нем рассказывает также Диодор, XIV, 19) фигурирует здесь под псевдонимом Пифагора («Анабасис», 1, 4, 2). Наша «Греческая история» (см. вступит. статью) написана уже после 367 г., когда Персия стала на сторону Фив; поэтому здесь открыто рассказывается о посольстве Кира к лакедемонянам, и Самий назван собственным именем.

Желали сохранить свободу... отпали от Тиссаферна. Здесь мы имеем дело с лицемерным, односторонним изложением фактов: под властью Кира эти города, разумеется, были не более свободными, чем под властью Тиссаферна. Далее города эти не «отпали от Тиссаферна к Киру»,¹ а были отторгнуты Лисандром, который ввел в них олигархический строй в самой тяжелой форме, в форме правления десяти. Теперь, после подавления мятежа Кира, персидское правительство естественно становится на сторону враждебных ему демократий и, где только может, свергает олигархов. Такой переворот произвел за некоторое время до этого Тиссаферн в Милете (Полэн, VII, 18, 2). Поэтому эти «города», т. е. господствующие в них олигархии, обратились за помощью к Спарте не из любви к «свободе», а ради своих шкурных интересов. Точно так же и Спарта, решившись открыто выступить против персов, не руководилась патриотизмом; спартанское правительство понимало, что ряд демократических переворотов в городах Малой Азии подымет дух его политических врагов и подорвет его престиж. Однако, несмотря на такое положение вещей, лакедемонянам был очень нежелателен открытый разрыв с царем; поэтому, как сообщает Диодор (XIV, 35, 6), они прежде чем открыть военные действия и отправили к Тиссаферну послов с заявлением, чтобы он не выступал с вооруженной силой против греческих городов, но это посольство осталось безрезультатным: Тиссаферн первый открыл военные действия, осадив Киму. Однако, зима уже надвигалась, а взять этого города он все не мог; поэтому он, сняв осаду, выдал военнопленных за большой выкуп.

Неодамодов — по Диодору (XIV, 36, 1) была послана тысяча граждан; но здесь «граждане» простой синоним слова «лакедемоняне»² и противопоставляются пелопоннесцам. Действительно, спартиаты вообще никогда не вербовались в солдаты для экспедиций в Азии и участвовали в них только в качестве высших полководцев. Неодамоды (см. выше, стр. 207 к 2, 18) хотя и не имели политических прав, но тем не менее подводились под понятие лакедемонян.

Служили в коннице — см. выше кн. II, гл. 4 §§ 2, 8, 24 и 31; эти всадники были главной опорой олигархов. Как мы узнаем из

¹ Об этом «отпадении» Ксенофонт сообщает также в «Анабасисе» (I, 1, 6).

² Э. д. Мейер, *Theopomp's Hellenica*, 107, пр. 1.

Л и с и я (XVI, 6), после свержения олигархов они были удалены со службы, и у них было взыскано назад выданное им жалованье.

1 5 Когда он прибыл в Азию — не раньше начала 399 года, так как осада Кима была снята только поздней осенью 400 г. (см. выше).

Даже и с таким войском — по Диодору (XIV, 3) в нем было более 7000 человек (не считая наемников Кира).

1 6 Когда наемники Кира присоединились к нему — описание операций Фиброна мы имеем в двух различных версиях: Ксенофонта, стремящегося всячески возвеличить роль этих людей в этих операциях, и Диодора (XIV, 36), источник которого, как я говорил уже в коммент. к § 2, относится с плохо скрытой завистью к своему сопернику Ксенофонту и не доверяет его сообщениям о подвигах руководимых им наемников Кира. По Ксенофонту, операции Фиброна были безрезультатными до присоединения к нему наемников, после этого он, наоборот, имел ряд успехов в эолийских городах. По Диодору же Фиброн выполнил ряд удачных предприятий в Карию, и только после его возвращения в Эфес (см. § 8) к нему присоединились наемники. Что касается дальнейших военных действий, то здесь Диодор умышленно ограничивается кратким замечанием (XIV, 37, 4), что Ксенофонт со своими наемниками «вместе с лакедемонянами продолжали войну с персами». Эд. Мейер (Theoromps Hellenica, 108—112) показал, что описанные у Диодора операции в Карию (как, например, перенесение города Магнесии на новое место) должны были потребовать долгого времени, тогда как всего он находился у власти немногим более полугода. Поэтому они не могли иметь места в эту войну; как показал тот же ученый, они относятся ко второму походу Фиброна в 381 г. (ниже, IV, 8, 17) и помещены на надлежащем месте. Факты же, упоминаемые у Ксенофонта, безусловно имели место в эту войну; однако, значительная часть их, как видно из указаний нашего же автора в «Анабасисе», произошла еще до присоединения отряда Кира к Фиброну; следовательно, эти события отнесены здесь ко времени их присоединения для вящего прославления боевых товарищей Ксенофонта и из личного нерасположения последнего к Фиброну. Действительно, из «Анабасиса» (VII, 8, 24) мы узнаем, что наемники Кира соединились с войском Фиброна в Пергаме и что, следовательно, Пергам был уже в это время лакедемонским. Точно также Тевфрания, Алисарна, Гамбрий, Палегамбрий, Мирина и Гриний («Анабасис», VII, 8 и 17) отпали к лакедемонянам еще до соединения наемников с Фиброном. Остальными описываемыми здесь успехами (особенно взятием Лариссы Египетской) лакедемоняне, вероятно, были действительно обязаны содействию наемников. Отрядом последних в войске Фиброна руководил Ксенофонт. Об этом прямо говорит враждебный Ксенофонту источник Диодора (Диодор, XIV, 37, 3). Указание самого Ксенофонта в «Анабасисе» (VII, 7, 57) не опровергает, а только подтверждает это: действительно, Ксенофонт говорит здесь, что он хотел, передав войско Фиброну, вернуться на родину, «так как

он еще не знал о состоявшемся постановлении об его изгнании». Отсюда ясно, что, когда он узнал об этом постановлении, он отказался от своего намерения (вдобавок как раз в это время был казнен учитель Ксенофонта — Сократ). О причинах, по которым Ксенофонт не упоминает, что он был предводителем наемников, см. ниже к гл. 2, § 7.

Демарата: как сообщает Геродот (VI, 65 и сл.), Демарат был признан плодом прелюбодеяния, а не законным сыном царя Аристона и лишен престола. Он бежал к Дарию и затем участвовал в походе Ксеркса на Грецию.

Гонгилу — о предательстве этого Гонгила во время похода Ксеркса сообщает Фукидид (I, 128): он служил посредником между Ксерксом и Павсанием, желавшим предать Грецию персам.

Египетской — такое название сна получила потому, что здесь, по преданию, были поселены Киром Старшим пленные египтяне.

С приказанием отправиться в *Карию* — такие предписания лакедемонское правительство давало и преемнику Фиброна (см. II, 2, 12). До Спарты уже доходили слухи о снаряжении флота персами, покорение Эолиды имело большое военное значение, которого бы оно совершенно лишилось, если бы персам удалось одержать верх на море, тогда как покорение Карики лишило бы персов их морских баз и отняло бы у них всякую надежду утвердиться на Эгейском море.¹

Его настиг Деркилид — в конце лета 399 года.

Ловкий и изобретательный человек и т. д. — Эфор (у Афиня, XI, 500 с) переложил это замечание в длинный, широковетвистый период.

Он позволял своему войску грабить дружественные города — ср. Диодор (XIV, 38, 2): «Лакедемоняне узнали, что Фиброн ведет войну ненадлежащим образом», а также ниже к гл. 2, § 7.

Будучи гармостом как указывает Фукидид (VIII, 61), Деркилид был гармостом Абидоса также в 411 году.

Писидов — непонятное указание: область писидов вовсе не граничила с владениями Фарнабаза.

Задущил ее — об этом злодеянии рассказывает также Полиэн (VIII, 54).

Ларису и т. д. — ср. Диодор (XIV, 38, 3): «Деркилид пошел походом на города Трояды и взял Гамаксит, Колоны и Арисбу». . . Арисба, вероятно, попала сюда по недосмотру вместо Ларисы.

Не получил благоприятных предзнаменований — вероятно, весь этот фокус с жертвоприношениями имел целью дожидаться результатов деятельности тайных агентов Деркилида в Кебрене, увенчавшейся, как видим, полным успехом.

Об этом эпизоде несколько по иному сообщает Полиэн (VIII, 54): «Деркилид дал клятву Мидию, тиранну Скепсия, что

¹ Эд. Мейер, Theopomp's Hellenika, 9,

он предоставит ему возможность после того, как тот выйдет к нему из крепости и переговорит с ним, вернуться тотчас же назад в город. Тиранн вышел к нему. Тогда Деркилид приказал Мидию немедленно открыть ему городские ворота; в противном случае он угрожал ему смертью. Мидий испугался и открыл ворота. Тогда Деркилид сказал: «Теперь я тебе позволяю вернуться в город — в этом-то, ведь, я и поклялся — но и я со своим войском также войду туда». Д и о д о р упоминает об этом вскользь (XIV, 38 3): «Он покорил Илион, Кебрению и все другие города Трояды частью — хитростью, частью — силой.

1 24 *Приносивший жертву* — был обычай, по которому совершавшие жертвоприношение угощали своих друзей мясом жертвенных животных.

1 26 *Чьей была Мания* — у персов подданные считались собственностью государя, и он был единственным свободным человеком в стране. Ср. ниже, VI, 1, 12; «Мне известно, что весь персидский народ, исключая лишь одного человека, это — толпа рабов, чуждая гражданских добродетелей» и Е в р и п и д («Елена», 276):

Все варвары — рабы; свободен лишь — один.

1 28 *При восьми тысячах воинов* — по Д и о д о р у (XIV, 3, 9, 5) «во всем войске Деркилида насчитывалось не больше семи тысяч солдат». По И с о к р а т у (Панегирик, 144) их было лишь 1000, 2 1 но это — явное преуменьшение.

Фригии, т. е. Малой Фригии с главным городом Даскилием, ср. ниже. II, 4, 13.

Предпочел перемирие — оно было заключено, как мы увидим ниже (§ 9), на зиму, а затем возобновлено. По Д и о д о р у (XIV, 2 2 38, 3) оно было заключено на 8 месяцев.

Одрисы (царем которых и был Севф) — фракийское племя, жившее на европейском берегу Геллеспонта.

2 6 Сопоставив § 8 главы 1, мы увидим, что дело обстояло так. Войско Фиброна стояло лагерем на территории союзника. При тогдашнем несовершенстве коммуникации это было н е р а з р ы в н о с в я з а н о с безвозмездной реквизицией и другими притеснениями местного населения. Недаром Деркилид, не желавший обижать союзников «для того, чтобы не ложиться тяжким бременем на союзников, оставаясь на зимовку в дружественной стране, как было с Фиброном», нашел один только выход — перейти на территорию враждебных вифинцев (выше, § 1). Однако, насильничанье Фиброна превысило всякую меру; терпение союзников истощилось, и они отправились с жалобой в Лакедемон, результатом чего было отрешение от должности и бегство Фиброна (выше, гл. 1, § 8). Деркилид имел пред собой печальный пример своего предшественника и поэтому всячески старался щадить союзников; за это эфоры и выражают здесь благодарность войску. Каково же было в отношении к союзникам поведение наемников Кира, представлявших со-

бой почти автономную боевую группу? Несомненно, что попытка Ксенофонта свалить всю вину на Фиброна — довольно сомнительный и непорядочный прием. Из того факта, что «Ксенофонт вообще неохотно говорит об этих вещах» и что он стесняется назвать себя по имени и скрывается под титулом «вождь наемников Кира» (§ 7), Эд. Мейер (Theoromp Hellenika, 107 с прим. 3) правильно заключает, что и сами наемники были крайне скомпрометированы в деле о притеснении союзников.

Одиннадцать или двенадцать — ниже Ксенофонт точно указывает, что этих городов было одиннадцать.

Стена через Херсоннеский перешеек строилась неоднократно. Впервые ее соорудил Мильтиад: «Он преградил Херсоннеский перешеек стеной, шедшей от города Кардии до Пактии, чтобы апсинфийцы не могли разорять жителей полуострова, вторгаясь в их страну». Ширина перешейка тридцать шесть стадиев. Затем эта стена была возобновлена Периклом». (Плутарх, Перикл, 19). Длина стены, по указанию нашего автора, — 37 стадий т. е. прибл. 6,88 км. Плиний (Естественная история, IV, 11) определяет длину этой стены в 5 римских миль, что равно 40 стадиям, но это, вероятно, округленная цифра. О постройке этой стены сообщает также Дидор (XIV, 38, 5—7): «В это время фракийцы большими полчищами вторглись в Херсоннес, опустошали всю область и заставляли жителей закрываться в городах. Изнуряемые этой войной херсоннесцы призвали к себе из Азии лакедемонянина Деркилида. Он перешел со своим войском через Геллеспонт, изгнал фракийцев из этой области и преградил Херсоннес стеной от моря до моря. Таким образом ему удалось положить конец набегам фракийцев; получив щедрые почетные дары, он переправил свое войско назад в Азию».

Как Атарней попал в руки изгнанных из Хиоса демократов, рассказывает также Дидор (XVIII, 65, 4). Сообщив о том, как демократы были изгнаны из Хиоса (XVIII, 3; см. коммент. к кн. I, гл. 1, § 32), он прибавляет: «Они заняли Атарней, расположенный на материке против Хиоса, очень сильную природную крепость, и с этого времени стали выступать отсюда против хиосцев, делая вылазки». О том же Исократ (Панегирик, 144). Как указывает Эд. Мейер (Theoromp Hellenika, 113, прим. 2), «Атарней был занят при содействии персов, ставших в это время ревностными защитниками греческих демократий».

Драконта — ср. Исократ (Панегирик, 40): «Драконт занял Атарней и, собрав войско из 3000 пельтастов, принудил к отпадению Мисийскую равнину».

До этого времени — до 397 г.

В мире — таким образом Тиссаферн считал себя обязанным соблюдать мир, заключенный Фарнабазом (выше, гл. 2, §§ 1 и 9).

Об этом — т. е. о том, как бы выгнать греков из владений царя.

- 2¹⁵ Оба полководца — Тиссаферн и Фарнабаз.
- 2¹⁸ Что все эллины похожи на наемников Кира. Ксенофонт при всяком удобном случае рекламирует себя и своих бывших подчиненных.
- 2²¹ В то же время — неточное выражение, поставленное 2, 21 исключительно для того, чтобы придать изложению связность. Диодор (XIV 17, 1) относит начало этого похода к архонтату Микона, т. е. к 402 г. По выкладкам нынешних ученых (Ed. Meyer, *Gesch. d. Alt.*, V, 52; *Forschungen zur alten Geschichte*, II, 506 и сл.) эта война началась в 401 г. На те же причины этой войны указывает Павсаний (III, 17,4); но у последнего при описании этой войны вместо Агиса всюду ошибочно назван Павсаний. Союз этот был заключен в 420 г. и носил враждебный лакедемонянам характер.
- Штрафа:* вооруженные силы лакедемонян вторглись во время олимпийских торжеств в Элиду; за это они были присуждены элейцами к штрафу в 2000 мин. Лакедемоняне отказались уплатить этот штраф, и за это в 420 г. не были допущены к участию в олимпийских состязаниях.
- Вышел, чтобы венчать возницу* — «чтобы показать, что он является действительным владельцем колесницы» (Фукидид, V, 50) и что фиванцы — только подставное лицо. О том же Павсаний в указ. месте.
- 2²³ Диодор (XIV, 17,5) передает еще следующие маловероятные подробности: «Они отправили десять послов с требованием, во-первых, даровать автономию подчиненным городам, а, во-вторых, взять на себя соответственную часть расходов по войне с афинянами». На это, по Диодору, элейцы ответили, что «лакедемоняне хотят поработить себе всех эллинов», и отказались выполнить их требования; по Павсанию (III, 8,3), «элейцы ответили, что они не замедлят даровать автономию этим городам, как только они узнают об освобождении городов, подчиненных Спарте». Но это просто переделка заявления Эпаминонда на конгрессе 371 г. в Спарте (Павсаний, IX, 13, 2).
- Сбор войска* — термин этот, выражаясь нынешним языком, означает и «объявление мобилизации» и «открытие военных действий».
- 2²⁴ Отправили послов — см. ниже прим. на стр. 269. Об этом первом, неудачном походе рассказывает и Павсаний (III, 8,4): «В этот раз войско, пройдя до Олимпии и Алфея, отошло назад, так как случилось землетрясение».
- 2²⁵ Рассказ Диодора (XIV, 17, 6—9) об этом вторжении почти ни в чем не совпадает с изложением нашего автора: «Они послали второго из царей, Павсания, против элейцев с войском из 4000 человек. С ним вместе выступили также значительные отряды, посланные почти всеми союзниками, исключая беотийцев и коринфян (последние были недовольны действиями лакедемонян и поэтому не участвовали в походе на Элиду). Павсаний вторгся в

Элиду из Аркадии, одним ударом взял крепость Ласион, а затем повел войско по Акрорее и присоединил к себе четыре города: Фрест, Алий, Эпиталий и Опунт. Затем он пошел приступом на Пилос и овладел и этим пунктом, отстоящим приблизительно на семьдесят стадий от Элиды». Этот рассказ Диодора возбуждает недоумение; Павсаний, конечно, указан по ошибке вместо Агиса, но нельзя допустить, чтобы весь этот рассказ был позднейшим домыслом. Мне кажется правильной догадка Эд. Мейера (Theophrastus Hellenika, 115): «(В рассказе Диодора) речь идет о вторжении аркадян (и ахейцев), которые, получив известие об успехах Агиса, «по собственной воле вторглись в Элиду и приняли участие в разграблении страны» (ниже, § 26). Как раз теперь они и захватил Ласион (ср. ниже, § 30: «Ласиону, оспариваемому аркадянами») . . . В этом походе могли принимать участие и спартанцы. . .»

Гимнасии — здания, в которых занимались гимнастическими упражнениями. В Элиде они наполнялись главным образом теми, которые тренировались перед выступлением на Олимпийских состязаниях.

Скорее не хотел его взять, чем не мог. О событиях, затушеваемых здесь Ксенофонтom, мы узнаем из Диодора (XIV, 17, 9—10): «После этого он пошел на Элиду и расположился лагерем на холмах, находившихся на другом берегу реки. Элейцы за короткое время до этого призвали к себе на помощь отборный отряд из тысячи союзных этолийцев,¹ которому было поручено охранять местность близ гимнасия. Павсаний пошел было приступом на эту местность, не приняв необходимых мер предосторожности: он был убежден, что элейцы никогда не отважатся на вылазку. Вдруг из города вышли и ринулись на лакедемонян этолийцы и большая толпа граждан; при этом они убили около тридцати человек. Павсаний сперва прекратил осаду, а затем, увидя, что взятие города — трудное дело, двинулся по стране, грабя и опустошая ее, хотя она и была священной».

Приверженцы Ксения — об этом мятеже П а в с а н и й (III, 8, 4) рассказывает следующее: «Элеец Ксений, бывший лично в союзе гостеприимства с Агисом и кроме того носивший титул проксена Лакедемонского государства, вместе с заправилами в государстве выступил против демократии; но прежде чем прибыл Агис со своим войском, чтобы поддержать их восстание, Фрасидей, бывший в то время вождем элидской демократии, победил в бою Ксения и его соратников и принудил их бежать из города».

Измерять медимном серебро — поговорка, вероятно, означающая неизмеримое богатство. Медимн — мера сыпучих тел, равная 59 литрам.

¹ Ср. выше, § 24: «Отправили послов в государства, которые, по их сведениям, были враждебны лакедемонянам».

2 29 *Гармоста Лисиппа* — этот рассказ повторяется у П а в с а н и я (II, 8, 5); только Лисиппа он ошибочно называет Лисистратом.

На родину — несколько по иному рассказывает об этом Д и о д о р (XIV, 17, 12): «Так как приближалась уже зима, он усилил элидские укрепления, оставил в них потребное количество войска, а сам с остальным войском отправился на зимовку в Диму».

2 30 По П а в с а н и ю (III, 8, 5) элейцы обязались еще срыть стены их города (по нашему автору, выше § 27, он их никогда не имел), по Д и о д о р у (XIV, 34, 1) — выдать свои триэры.

Не принадлежал элейцам — первоначально руководство Олимпийскими празднествами принадлежало жителям Писы; они не имели крупных поселений и жили в деревнях, тогда как Элида с 471 г. уже была крупным городом. Около 580 г. руководство Олимпийскими празднествами перешло к элейцам.

3 1 *Десятина* — десятая часть добычи обыкновенно посвящалась богам.

Бóльшие почести, чем воздаются смертным, т. е. божеские почести. Ср. трактат нашего автора «О государственном устройстве лакедемонян» (XV, 9): «Воздаваемыми покойному царю почестями законы Ликурга имеют целью обнаружить, что лакедемонские цари почитаются не как люди, а как полубоги». Способ погребения спартанских царей подробно описывает Геродот (VI, 58). Основной труд, посвященный вопросу о «божественном» характере царской власти в Спарте, U. Kahrstedt, Griechisches Staatsrecht, I, Göttingen, 1922. См. также мою книгу: История античной общественной мысли, Москва, Гиз, 1929, стр. 35 и 174 и указанную в примечаниях к этим местам литературу.

Публично траура — ср. Геродот, (VI, 58). «После погребения царя, в течение десяти дней не совершается никаких дел на агоре¹ и не производятся выборы должностных лиц, но все эти дни посвящены трауру».

3 2 *Твоего настоящего отца* — слово «настоящего» добавлено мною для смысла, так как обыкновенно под «твоим отцом» здесь разумеют Агиса.² Эта ошибка очень стара и освящена авторитетом древности: уже Плутарх именно так понял это место. При этом в дальнейшем получается бессмыслица; не будучи в силах справиться с нею, Плутарх в одном месте (А г е с и л а й, III, 6) слова «на десятый месяц» заменил выражением: «более чем через десять месяцев», в другом (А л к и в и а д, 23): «по истечении которых (десяти месяцев)». Вслед за Плутархом и новейшие комментаторы видят в «твоем отце» Агиса, а чтобы получить смысл, предлагают всевозможные «поправки» к дошедшему до нас тексту Ксенофонта. Настоящим отцом Леотихида, по сообщению самосского историка IV в. перепатетика Дурида (очень доверять которому не

¹ Т. е. торго, коммерческих сделок, суда, собраний.

² Впервые правильно понял это место О. Келлер (в его издании «Греческой истории» Ксенофонта).

стоит, так как он большой любитель сенсационных анекдотов)¹, был якобы Алкивиад (Плутарх, Агесилай, 3, со ссылкой на Дурида; Алкивиад, 20; Лисандр, 22; Павсаний, III, 8, 7 — 10, сообщая об этих событиях, имени Алкивиада не упоминает). Алкивиад якобы соблазнил Тимею, жену Агиса, не удовольствия и озорства ради, а из честолюбия, желая, чтобы его потомки царствовали в Спарте. Наряду с версией, дружественной Агесилаю, имевшей источником Ксенофонта, существовала и другая, дружественная Леотихиду. К ней восходит сообщение Павсания (III, 8, 7). В противоположность Дуриду, Павсаний не верит сплетне об Алкивиаде. По его словам, Агис совершил необдуманнный шаг по отношению к своему сыну Леотихиду; какой-то злой демон внушил ему заявить в присутствии эфоров, что он не считает Леотихида своим сыном. Впоследствии Агисом овладело раскаяние; когда его больного несли на родину из Аркадии, во время нахождения его в Герее он поклялся в присутствии многочисленных свидетелей, что Леотихид — его настоящий сын, и просил их с мольбой и слезами довести об этом до сведения лакедемонян. Надо, однако, думать, что рассказ о заявлении Агиса в присутствии эфоров создан под влиянием точь в точь такого же рассказа Геродота (VI, 63 и 69) о спартанском царе Аристоне и его сыне Демарате, на что указывает и сам Павсаний. Достаточно сравнить свидетельства Геродота (VI, 63) и Павсания (III, 8, 7). Поэтому — быть уверенным в правильности сообщения, будто Агис когда-то сам отрекся от своего сына, нельзя. Как я показал в своей статье «Zum politischen Kampf in Sparta gegen Ende des V Jahrhunderts» («Klio», 21 (1927, стр. 404 — 420), обвинение спартанского царя в незаконном рождении было шаблонным приемом, которым пользовались для устранения царей неугодного направления.

Выступление Диопифа, разумеется, инспирировано партией Леотихида. Относительно приводимого здесь прорицания Плутарх (Агесилай, 3) рассказывает следующее: «В Спарте жил в это время прорицатель Диопиф, ум его был преисполнен всякими старинными прорицаниями, и вообще он считался в божественных делах мудрым выдающимся человеком. Он заявил, что будет грехом, если спартанцы выберут царем хромого,² и прочел во время разбора этого дела следующее прорицание:

Гордая Спарта! Хотя у тебя и здоровые ноги,
Бойся: ты можешь взрости на престоле хромоe царенье;
Долго ты будешь тогда изнывать от нежданной болезни,
Долго ты будешь носиться по волнам убийственной брани.

Это же прорицание приведено в плутарховой биографии Лисандра, 22, и у Павсания (III, 8, 9).

¹ Эд. Мейер, *Gesch. d. Alt.* III, 258, § 152; IV, 64, § 422 с прим. Основные свидетельства о нем: Jacoby, *Fragmente der Griechischen Historiker*, 76, T. 8, T. 11, F. 67, 70. Ср. также В. Бузескул, *Введение в историю Греции*, 3-е изд., П. 1915, 174.

² Агесилай был хромым,

К потомству Геракла — обе царские фамилии в Спарте считались потомками Гилла, сына Геракла.

3 4 *Богам-спасителям и отвратителям несчастий* — именно Гераклу, Зевсу, и Диоскурам.

Еще не прошло и года. — Бесправные спартанцы, ждавшие, со дня на день своей эмансипации, не могли не видеть в избрании царем Агесилая прямого вызова; вот почему Ксенофонт и рассказывает о восстании Кинадона в непосредственной связи с воцарением Агесилая. Предвещание жреца — конечно, обычная в Спарте инсценировка.

3 5 *К ословию гомеев (равноправных)* — ср. трактат нашего автора о государственном устройстве лакедемонян, X, 7: «(Ликург) сделал равноправными в государственных делах всех, исполняющих его постановления, не принимая во внимание ни бедности, ни физических недостатков; он постановил, чтобы только те не считались в числе равноправных граждан, которые уклоняются от исполнения его суровых постановлений». Таким образом, из числа гомеев (равноправных) исключались прежде всего те, которые при воспитании детей или в собственной жизни не соблюдали сурового режима, установленного по преданию Ликургом. Кроме того, как мы узнаем из Аристотеля (Политика, II, 6), сюда принадлежала еще одна категория лиц — все те, кто по бедности не мог делать установленных взносов на содержание общего стола (сисситий). Все эти лица исключались из категории гомеев и составляли особый разряд неполноправных гипомейонов (см. ниже § 6.) Они лишались всех политических прав (Плутарх, Лаконские изречения, стр. 235, Varia, 51)¹ но пользовались всеми личными и имущественными правами. К этому разряду и принадлежал Кинадон (см. Schömann — Lipsius, Griechische Altertümer, 224 — 227).

3 6 *Периэками* назывались (по мнению некоторых ученых, некогда покоренные) жители лаконских городов, составлявшие большинство населения спартанского государства. Они пользовались личной свободой и гражданскими правами, но были лишены всех политических прав. В войске они служили большей частью в качестве тяжеловооруженных, составляя его главную силу. Им были предоставлены лишь очень небольшие участки земли, и поэтому они занимались преимущественно ремеслами, занятие которыми было запрещено спартиатам.

3 7 *Геронтов*, т. е. членов совета старейшин (герусии). Это был верховный совет, разделявший с царями их государственную власть; он состоял из 28 членов, выбиравшихся пожизненно из «равноправных» граждан не моложе 50 лет.

3 8 *Младших призывных возрастов.* В Греции молодые люди по выходе из эфебии, во время прохождения которой они получали военное образование, двадцати лет от роду, зачислялись в войска.

¹ Кроме, может быть, права участия в народном собрании.

Возрасты от 20 до 40 лет назывались «младшими призывными возрастными» (нечто вроде «запаса»), а от 40 до 60 лет — «старшими» (нечто вроде «ополчения»).

Скитала. Когда какой-либо спартанский военачальник или вообще магистрат отправлялся на службу за границу, ему давался с собой деревянный жезл с винтовой нарезкой, называвшийся «скиталой». Как раз такой же экземпляр скиталы оставался на родине. Если заграничному представителю нужно было передать важное секретное поручение, на оставшуюся на родине скиталу по нарезке наворачивалась полоса кожи и затем на ней писали вдоль скиталы. Затем ремень снимали, написанное на нем мог прочесть только адресат, снова накрутив ремень тем же способом на свою скиталу (Плутарх, Лисандр, 19).

Гиппареты — три лица, назначаемые эфорами; они стояли во главе царской гвардии, состоявшей из трехсот отборных юношей. Ср. Фукидид (V, 72), Геродот (VIII, 124). 3 9

По поводу заговора Кинадона Эд. Мейер (Gesch. d. Alt., V, 52) справедливо замечает: «Рассказ Ксенофонта о заговоре Кинадона представляет собой во всех деталях официозную версию, мы не можем даже приблизительно представить себе, какую роль играли в этом заговоре те или иные партии из среды полноправных граждан».

Сообщил лакедемонянам. Известие Ксенофонта, будто лакедемоняне из этого источника впервые узнали о снаряжении персами флота, не совсем верно. Фарнабаз после заключенного перемирия (выше, гл. 2, § 20) отправился к царю и убедил его снарядить флот под руководством афинянина Конона. Главной базой этого флота должен был быть Саламин на Кипре, где царствовал союзник персов Евагор. Царь принял предложение Фарнабаза и дал ему с собой 500 талантов серебра (Диодор, XIV, 39, Павсаний I, 3, 2). При этом велись оживленные переговоры между царем, Фарнабазом, Евагором и Кононом (Фотий, эксцерпт из Ктесия § 63, Плутарх, Артаксеркс, 23). Из тех же источников мы узнаем, что по совету Конона (переданному через Ктесия) спартанское посольство при царском дворе было арестовано; впоследствии эти же послы арестовали Ктесия на Родосе. Таким образом ясно, что известие нашего автора о том, что спартанцы ничего не знали о снаряжении персов, может относиться только к последним, решительным мероприятиям; все эти переговоры не могли не быть известны спартанцам. Далее, как я уже указывал выше (в коммент. к § 7, гл. 1), неоднократные предписания главнокомандующим сухопутной армии итти на Карию объяснялись именно желанием воспрепятствовать начавшемуся усилению Персии на море. 4 1

Триста — по Диодору (XIV, 39, 2) на выданные царем 500 талантов было построено только 100 триер.

Царем и Тиссаферном — фактически руководящую роль играл Фарнабаз, но, как мы видели выше (гл. 2, § 13), он был подчи-

нен Тиссаферну, назначенному главноначальствующим всех боевых сил; вот почему Ксенофонт выражается таким образом.

4 2 *Греки и флотом будут превосходить персов* — отсюда нетрудно понять, что и спартанцы снарядили сильный флот. Ксенофонт ограничивается этим брошенным мимоходом замечанием, так как он умышленно умалчивает обо всем, что происходило на море до битвы при Книде, включая и эту битву, так как эти события не вплетали новых лавров в победный венок спартанцев.

Тридцать спартиатов — это не были рядовые воины (в заграничных экспедициях спартиаты в качестве рядовых воинов не участвовали), а верховный военный совет, прикомандированный государством к войску для надзора за действиями царя. Плутарх называет их «руководителями и советниками» (Агесилай, 6, Лисандр, 23), Диодор — «верховным советом» (XIV, 79, 1). В число их входил и Лисандр; он был как бы первым лицом в этой коллегии (ниже § 20, Плутарх, Лисандр, 23). Этот совет был учрежден в 418 г. первоначально в числе 10 человек, причем без их санкции царь не мог принимать важных решений (Фукидид, V, 6, 3, 4, Диодор, XII, 78, 6).

До двух тысяч неодамодов — по Диодору (XIV, 79, 1) все войско насчитывало только 6000 чел. Уже в Эфесе к нему присоединились еще 4000.

Участвовать в этом походе. В последние годы царствования Агиса Лисандр потерял большую часть своего прежнего влияния. Главной его опорой были олигархические партии в малоазиатских городах, которым он отдал всю власть в них, учредив здесь декархии (правление спартанского гармоста и десяти местных олигархов). Эти декархии были уничтожены царем Павсанием и эфорами отчасти из желания ослабить Лисандра, отчасти под давлением местных жителей. Желая вернуть себе потерянное могущество, Лисандр содействовал воцарению Агесилая, думая, что ему удастся сделать последнего послушным исполнителем своих желаний (Плутарх, Лисандр, 23). Далее, когда зашла речь о походе в Азию, он содействовал тому, чтобы военачальником был избран Агесилай, рассчитывая, что, благодаря своему опыту и связям в малоазиатском мире, ему удастся взять в свои руки фактическую власть, а Агесилай будет только подставным лицом (как прежде Арак). Он устроил даже, что преданные ему олигархи (большой частью изгнанные из родных городов) послали в Спарту депутации от имени малоазиатских греков, с просьбой назначить военачальником Агесилая (Плутарх, Агесилай, 6; Лисандр, 23). Однако, как мы увидим, Агесилай оказался слишком самостоятельным и слишком честолюбивым человеком для того, чтобы чаяния Лисандра могли осуществиться.

Прежнее правление — т. е. умеренные олигархии, которые здесь существовали ранее владычества афинян.

4 3 *Диабатерии* — т. е. жертвоприношения о благополучном переходе через границу. Как указывает наш автор («Трактат о госу-

дарственным устройстве Лакедемонян», XIII, 2), они состояли в следующем: «... Как выступает царь с войском. Сперва он совершает в свеем дворце жертвоприношение Зевсу-Водителю и соприсушим богам. Если эта жертва дает хорошие знаменья, жрец-огненосец берет с алтаря пылающую головню и идет вперед войска к границе страны. Здесь царь приносит жертву Зевсу и Афине. Если жертвоприношения обоим божествам дают хорошие предзнаменования, — войско переходит границы страны».

Каждое государство — эти посольства были отправлены во все государства, кроме Аргоса (Павсаний, III, 9, 1). Однако, коринфяне и беотийцы отказались прислать свои контингенты (см. ниже гл. 5, § 5).

По Плутарху (Лисандр, 6, Пелопид, 21) он решил совершить это жертвоприношение вследствие якобы виденного им сновидения. Я не вижу основания сомневаться в этом: такой кунштюк был бы как раз в духе людей со взглядами Агесилая и Ксенофонта. Неудивительно и то, что наш автор ничего не упоминает об этом сновидении: неудача жертвоприношения, предписанного богами, могла бы привести читателя к самым печальным заключениям, к которым и приходит Плутарх в указанном месте. Рассказ Павсания (III, 9, 3—4) вполне совпадает с рассказом Ксенофонта.

Беотархи — см. в приложении «Отрывок из греческой истории» 11, 3, стр. 204. 4 4

С запрещением продолжать жертвоприношения — Ксенофонт не сообщает, что этот отказ имел законный предлог: жертвоприношения предполагалось совершить не по установленному в Беотии ритуалу, устранив беотийского жреца (Плутарх, Агесилай, 6).

Как только он прибыл туда — весной 396 г. Действительно, в § 16 мы читаем: «с наступлением весны», а в 20: «в это время, как раз окончился год с тех пор, как Агесилай отплыл из Лакедемона.» 4 5

И Агесилай не нарушил клятв — как сообщает наш автор в «Агесилае» (1,10), Агесилай прибавил к этому, что перемирие заключается только на три месяца. Это очень важно для суждения о дальнейших событиях. 4 6

Настоящий хаос — здесь Ксенофонт становится на точку зрения устранившихся от власти олигархов, обивавших пороги Лисандра. Как мы видели в § 20 гл. 2 и др. местах, спартанские гармо-сты остались; политический строй представлял собой большей частью умеренную олигархию (см. коммент. к § 2), но эта олигархия была вполне независимой, что не могло нравиться ни Лисандру, ни любимцу Ксенофонта Агесилаю. Как можно заключить из «Агесилая» (1, 37), последний поставил у власти преданных ему людей.¹ Плутарх (Агесилай, 8, Лисандр, 23) прибавляет к этому еще совершенно невероятную подробность — будто Агеси- 4 7 4 8

¹ Как мы видим из того же произведения (1, 18—19), Агесилай умел угождать своим друзьям законными и незаконными путями.

лай, чтобы окончательно унижить Лисандра, назначил его своим креодетом (собств. «прислужник, разделявший мясо гостям»; придворная должность; ср. виночерпий). Просителям он будто бы говорил: «Ступайте и унижайтесь перед моим креодетом».

4 9 «Что же, может быть, ты действительно поступишь справедливее» — горькая ирония: Лисандр намекает здесь на то, что Агесилай обязан ему престолом.

4 10 Был оскорблен Фарнабазом — об этом подробнее рассказывает наш автор в «Агесилае» (III, 3): «Перс Спифридат, узнав, что Фарнабаз ведет переговоры о вступлении в брак с царской дочерью, а его дочь хочет держать у себя без брака, был возмущен этим оскорблением и передался Агесилаю вместе с женой, детьми и войском». В нашем труде Ксенофонт не упоминает об этомумышленно, так как иначе его сообщение (ниже, кн. IV, гл. 1 §§ 4 — 15) о том, как Агесилай сватал дочь Спифридата, получило бы совсем другой привкус. Автор нового отрывка (см. приложение, 16, 4) относит присоединение Спифридата лишь к осени 395 г.

С сыном Мегабатом, см. ниже, кн. IV, гл. 1, § 28 и «Отрывок из греч. истории» (приложение) 16, 4.

К Агесилаю — в Эфес.

4 11 Клятвопреступление. Теперь понятно, почему Ксенофонт выше, в § 6, не упомянул, что перемирие было заключено только на 3 месяца (см. коммент. к этому месту). С тех пор до объявления войны Тиссаферном срок этот уже истек, и, следовательно, только путем такого умолчания можно было превратить поступок Тиссаферна в клятвопреступление.

Рынки. В древности воинам не выдавалось казенного пайка; они получали жалованье, на которое они сами должны были себя прокармливать. Поэтому в обязанности полководцев входило, чтобы на местах стоянок можно было купить провиант.

4 12 Таким образом, если верить Ксенофону, Тиссаферн оказался круглым дураком; наш автор так и заявляет в своем «Агесилае» (1, 17): «он показал, что и в искусстве обманывать Тиссаферн — настоящее дитя» (по сравнению с ним). Однако, Эд. Мейер (Theopomp's Hellenika, 11 — 13 и другие места) показал, что такое впечатление создается только вследствие искажений и умолчаний нашего автора. Действительно, Ксенофонт указывает две причины, вследствие которых Агесилая можно было ждать в Карии: 1) желание отмстить Тиссаферну, 2) особенное удобство операций в Карии, так как тут главная сила персов — конница — не могла развернуться. Первое соображение, конечно, могло играть лишь второстепенную роль. Что же касается второго, то оно прямо противоречит действительности: для того, чтобы пройти в южную, гористую часть Карии, неудобную для конницы, надо было прежде пройти долину Меандра и всю северную Карию, где поступательное движение Агесилая легко могло быть остановлено персидской конницей (здесь действительно ждал Агесилая Тиссаферн). Итак, поход в Карию отнюдь не представлял особого удобства, а наобо-

рот был чрезвычайно труден. Почему же Тиссаферн ждал Агесилая сюда? Как я уже указывал выше, Кария была единственной удобной морской базой, и здесь Конон снаряжал персидский флот. Опыт предыдущего показал, что сухопутной войне не суждено увенчаться решительным результатом; все зависело от исхода будущего морского боя. Таким образом победа в Карии была бы полным поражением Персии; сюда и только сюда должны были направляться усилия Агесилая. Недаром спартанское правительство постоянно понуждало своих полководцев итти на Карию (см. выше). Поэтому, куда бы ни направлялся Агесилай, Тиссаферн должен был делать только одно — защищать Карию от возможного вторжения. Поход Агесилая во Фригию не мог иметь никакого значения для общего хода войны и, таким образом, являлся не «ловкой военной хитростью», а только признанием в своей слабости: Агесилай чувствовал, что у него не хватает сил для того, чтобы делать то, что было целью его поездки, и для отвода глаз он предпринял грабительский набег на Фригию. Все это весьма поучительно для знакомства с писательскими приемами Ксенофонта.

Даскилия — в этом фригийском городе была резиденция Фарнабаза. По *Диодору* (XIV, 79, 2) он дошел не до Даскилия, а до Кимы, но это известие, как указывает Эд. Мейер, не заслуживает доверия. 4 13

Рафином — в «Отрывке из греческой истории» (приложение, 16, 6) он назван Рафаном.

Дерновыми дротиками — о преимуществах этого способа вооружения говорит наш автор в трактате о коннице, 12, 12: «Вместо нашего копья, представляющего собой простой кол, тяжелого и неуклюжего, мы рекомендуем лучше носить по два дерновых дротика». 4 14

Без одной дольки — всякое отступление от нормального строения (вида, цвета и т. д.) во внутренностях жертвенных животных считалось дурным предзнаменованием. В действительности Агесилай, конечно, отступил, не выдержав напора неприятельской конницы и легковооруженных, причем, как указывает *Полиэн* (II, 1, 30, *Фронтин*, 1, 4, 2), он оказался в очень тяжелом положении: чтобы защитить свое войско и богатую добычу от упорных нападений неприятеля, он заставил обнаженных и закованных в цепи пленных итти с обеих сторон его войска; после этого враги не решились уже метать в его войско дротики.¹ Вероятно, это же мучительное отступление имеется в виду в туманной заключительной фразе нашего места: «приходилось... бороться с врагом, отступая шаг за шагом». 4 15

К морю — в Эфес (Агесилай, 1, 18, 25; *Плутарх*, Агесилай, 9; *Диодор*, XIV, 79, 3).

С наступлением весны — 395 года.

¹ Сопоставь этот рассказ с повествованием нашего автора (Агесилай, 21—22) о мягкости Агесилая к пленным, о его заботах и внимательности к их нуждам.

4 17 Живописцы — щиты часто разрисовывались геральдическими изображениями.

4 18 Артемида — в Эфесе находился ее знаменитый храм.

4 20 Ксенокла — он упоминается также в «Отрывке из греч. истории» (см. приложение 6, 4) и у Диодора, в приводимом ниже месте (XIV, 80, 2).

Гериппида — начальником наемников Кира. Таким образом наш автор уже не командует наемниками. Вероятно (Эд. Мейер, Theopomp's Hellenika, 6), он был куда-либо командирован Агесилаем. Следовательно, дальнейшие события переданы им из третьих рук и имеют не больше цены, чем другие дошедшие до нас известия об этих фактах.

В плодороднейшие места — в Лидию.

4 21 Поэтому и т. д. — сюда относится все то, что было сказано в комментарии к § 12.

Об этом походе совсем иное рассказывает Диодор (XIV, 80, 1): «После этого Агесилай, выведя войско в долину Каистра и местность, прилежавшую к Сипилу, опустошал усадьбы жителей этих мест. Тиссаферн шел по следам лакедемонян, собрав под свои знамена 10 000 всадников и 50 000 пехотинцев; при этом он убивал тех, которые отставали, удаляясь из строя, для фуражировки. Тогда Агесилай выстроил войско в карре и стал подвигаться, плотно держась подножья Сипила, выжидая удобного момента для нападения на врага. Так он шел до самых Сард». (Далее описывается опустошение парка Тиссаферна). Почти то же самое рассказывалось и в испорченном месте «Отрывка из греч. истории» (6, 1—3), который и был в этом случае источником Диодора. Здесь изложение гораздо подробнее, чем у Диодора. Эд. Мейер (Gesch. d. Alt., 5, 6, 13) показал, что рассказ в «Отрывке» (у Диодора) заслуживает предпочтения: если конница и могла прибыть из долины Меандра в окрестности Сард за три дня, то для пехоты и обоза переход такой быстрый невозможен. Ксенофонт понимал это: у него пехота не успевает притти на поле сражения; однако, обоз по его сообщению, приходит во время. Ксенофонт строит свой рассказ так для того, чтобы иметь возможность сообщить о богатой добыче, захваченной Агесилаем в персидском лагере: «Итак, замечает Эд. Мейер, рассказ Ксенофонта здесь внутренне несостоятелен и тенденциозен; повидимому, Агесилай подвигался к Сардам гораздо медленнее, чем передает Ксенофонт. Вполне допустимо, конечно, что он на четвертый день после своего выступления из Эфеса был достигнут преследовавшей его персидской армией (и как раз конницей); но Ксенофонт извращает события, непосредственно пристегивая сюда битву при Сардах. Скорее прав автор (отрывка), который рассказывает, что Агесилай под напором вражеских войск должен был прекратить ограбление и подвигаться по возможности по защищенной местности, выстроившись в карре (Эд. Мейер, Theopomp's Hellenika, 13).

Пактол — по Павсанию (III, 9, 6) эта битва произошла в долине реки Герма; по Диодору (XIV, 80, 2) — между Сардами и Фибарнами.¹ 4 2

Греческих обозных — Ксенофонт и автор «Отрывка греч. истории» постоянно называют войско Агесилая «греками», а Диодор (XIV, 80, 1 и 5) и др. — лакедемонянами. Это — не случайность: первые рассматривают этот поход как предприятие различных полисов Эллады, Диодор — как частное дело лакедемонян.

В описании этой битвы Плутарх (Агесилай, 10) точно придерживается Ксенофонта, Диодор (XIV, 80, 2—4) в общем следует рассказу «Отрывка» (см. приложение, 6, 4—5), но кое-что заимствует и у Ксенофонта: «(Дойдя до Сард) он повернул назад² и, когда он дошел до середины пути между Сардами и Фибарнами, послал ночью спартиата Ксенокла с 1400 воинами в густозаросшее место, желая устроить там засаду. На рассвете он сам двинулся со своим войском; когда он миновал уже место засады и варвары беспорядочными массами стали нападать на его арриергард, он вдруг неожиданно повернул фронт против персов. Произошла жестокая сеча; был подан сигнал сидевшим в засаде, и они с пением пэана понеслись на врагов. Персы, увидев, что они оказались между двух огней, пришли в ужас и тотчас же обратились в бегство. Войско Агесилая некоторое время преследовало их, причем было убито свыше шести тысяч (sic!), захватили огромное количество пленных и разграбили лагерь, в изобилии наполненный всяким добром». Павсаний (III, 8, 6) также следует «Отрывку»: «Агесилай победил персидскую конницу, а также и пехоту: последняя была очень многочисленной, уступая в этом отношении только персидскому войску во время похода Ксеркса и предшествовавших ему походов Дария на скифов и на Афины». Обе версии — и Ксенофонта и «Отрывка» — внутренних противоречий не содержат и вполне мыслимы; однако в виду того, что, как мы доказали, описание похода Агесилая в Лидию у Ксенофонта противоречит общей исторической картине, мы должны и здесь отдать предпочтение «Отрывку».

Приказал всадникам — ср. Плутарх (Агесилай, 10): «Расставив пельтастов попережку с всадниками, он приказал им с величайшей быстротой нестись на противника и врезаться в его ряды; сам же он двинулся вслед за ними во главе тяжеловооруженных».

Тиссаферн находился в Сардах — даже если принять версию Ксенофонта, это сообщение не представляется вероятным. Действительно, в этом случае придется допустить, что Тиссаферн, после того как он прибыл со своей конницей из долины Меандра в окрестности Сард, бросил свое войско и спрятался в Сардах. Но это вообще невероятно, и вдобавок несомненно Ксенофонт прямо ука-

¹ Месторасположение Фибарн нам неизвестно.

² Маневр, имевший целью запутать врага.

зал бы на это в соответствующем месте. Даже у Плутарха (Агесилай, 10), примыкающего во всем к рассказу Ксенофонта, Тиссаферн принимает непосредственное участие в сражении. По «Отрывку» и Дiodору он удалился в Сарды (вместе с войском) лишь по окончании боя.

Последствия этой битвы свелись исключительно к грабежу; как мы видим из «Отрывка» (см. приложение 7, 1), Агесилай три дня грабил окрестности Сард (см. выше § 24),¹ затем он опустошил всю Лидийскую равнину (7, 2), вступил во Фригию, дошел до Меандра, но проникнуть в Карию он все же не решился даже и теперь, «так как жертвоприношения не дали хороших предзнаменований» («Отрывок», 7, 4; так же Дiodор, XIV, 80, 5). Итак, как бы ни была велика военная добыча Агесилая, нужно признать, что он не сумел использовать эту победу.

Тиссаферн повинен в его неудачах — так же Дiodор (XIV, 80, 6): «Царь Азии Артаксеркс, узнав о поражениях и приведенный в ужас ходом войны с греками, гневался на Тиссаферна». В действительности, вероятно, в умах современников-греков временная связь, как это часто бывает, превратилась в причинную: слишком мал промежуток между битвой близ Сард и смертью Тиссаферна, чтобы одно могло быть причиной другого. Об обстоятельствах смерти Тиссаферна подробнее всего рассказывает Полиэн (VII, 16, 1): «Артаксеркс послал Тифравста с поручением арестовать Тиссаферна и дал ему с собой два письма — одно к самому Тиссаферну — относительно войны с греками, в котором все поручалось его усмотрению, другое к Ариэю с поручением помочь Тифравсту арестовать Тиссаферна. Ариэй находился во фригийском городе Колоссах; прочтя это письмо, он призвал к себе Тиссаферна на совещание по разным вопросам, главным же образом относительно греков. Последний, ничего не подозревая, оставил свое войско в Сардах, прибыл с тридцатью телохранителями-аркадянами и милетцами и заехал во дворец Ариэя. Собираясь принять ванну, он стал раздеваться, но, как только он снял кинжал, Ариэй при помощи служителей схватил его, запер в закрытую дорожную коляску, обшитую со всех сторон, и поручил везти его к Тифравсту. Тот вез его таким образом до Келен; здесь он отрубил ему голову и отослал ее царю. Царь послал эту голову своей матери Парисатиде, которая горела жаждой мщения к Тиссаферну за смерть Кира». Так же Дiodор (XIV, 80, 68), судя по сохранившимся сбрыкам, автор даваемой в приложении «Греческой истории» (в гл. 8) и Плутарх (Агесилай, 10, Артаксеркс, 23). По Непоту (Конон, 2 и сл.), ср. Павсаний III (9, 2), эта казнь была вызвана агитацией Конона при дворе, но это сообщение неверно: как доказал Эд. Мейер (ук. соч. 79), поездка Конона ко

¹ К этому Ксенофонт (Агесилай, 1, 33) прибавляет еще, что Агесилай пытался взять Сарды, разорил предместья, но города взять не смог,

двору имела место только зимой 395/4 г. (ср. Диодор, XIV, 81, 4 и сл.).

Соглашение это носило, в сущности, характер временного перемирия, так как обеим сторонам было ясно, что лакедемонское правительство не согласится на предложенные Тифравстом условия. Ср. Диодор (XIV, 80, 8): «Тифравст убедил Агесилая вступить с ним в переговоры и заключил с ним перемирие на шесть месяцев». По Исократу (Панегирик, 41) это перемирие было заключено на 8 мес. Об этом перемирии упоминается и в «Отрывке» (см. приложение 16, 1).

Тридцать талантов — так же Плутарх (Агесилай, 10), ср. Исократ, ук. м.

Управлять флотом. По «Отрывку» (см. прил. 14, 1; 17, 4) еще зимой 395/394 г. навархом был Хирикрат, и, следовательно, назначение Агесилая навархом последовало гораздо позднее. Эд. Мейер (ук. соч., 33) отдает здесь предпочтение известию, содержащемуся в новом отрывке. За этим почетным предложением скрывается упрек и указание на необходимость немедленно перейти в Карию на помощь флоту (Эд. Мейер, ук. соч. 18). «Такая честь из всех смертных выпала на долю одного Агесилая» (Плутарх, Агесилай, 10). Агесилай, однако, и на этот раз не пошел в Карию; о причинах см. выше, а также вступительную статью.

Он шлет в Грецию — как мы видим, по Ксенофону (так же Павсаний, III, 9, 8, Плутарх, Артаксеркс, 20), Тимократ был послан в Грецию уже после битвы при Сардах Тифравстом. В таком случае этот подкуп не мог быть причиной локро-фокидской войны, так как она разразилась в то время, как хлеб еще был на корню (т. е. в мае, Павсаний III, 9, 9), а Тифравст прибыл в Малую Азию лишь в конце лета 395 г. Несомненно, Ксенофонт вместе со своими современниками ошибался, относя этот подкуп лишь к тому времени, когда он дал видимые результаты и слухи о нем получили широкое распространение. Как справедливо указывает автор «Отрывка» (см. приложение 2, 5), деньги эти были присланы уже в конце 396 г. и не Тифравстом, а Фарнабазом. Так же Полиэн (1, 48, 3): «В то время, как Агесилай грабил Азию (т. е. в 396 г.), Конон, будучи союзником Фарнабаза, убедил перса послать золото для подкупа демагогов в греческих государствах». Диодор, будучи врагом Спарты, совсем не упоминает об этом подкупе, считая его, повидимому, злостной выдумкой.

Приблизительно пятидесяти талантам — по Плутарху (Агесилай, 15) — 10 тысяч дариков, что равно 43 талантам. Он же (Артаксеркс, 2 — Лаконские изречения, 211 В) дает противоречащую цифру — 30 тысяч дариков; здесь, вероятно, простой недосмотр.

Из всех дошедших до нас известий о начале Беотийской войны вполне очевидно, что обе стороны ее желали (ср. ниже, § 5); разногласие существует только в вопросе о том, кто был зачинщиком войны. Так, Диодор (XIV, 81, 1) говорит: «Фокейцы вследствие

каких-то претензий вступили в войну с беотийцами и убедили лакедемонян быть их союзниками». Ясно, что его источник (Эфор) считал единственным виновником этой войны спартанское правительство (в лице руководителя тогдашней спартанской политики Лисандра). В то, что беотийцы подстрекнули локрийцев к нападению, он не верил. Автор «Отрывка» (см. приложение 11, 1; 13, 1—7) стоит на той же точке зрения что и Ксенофонт, но дает гораздо более подробный, хотя и более поверхностный, рассказ. К этому взгляду примыкает и источник П а в с а н и я (III, 9, 9), если это только не тот же автор «Отрывка». П л у т а р х (Агесилай, 27) приводит оба взгляда: «Есть два взгляда. Одни считают виновником (этой войны) Лисандра, другие — фиванцев, третьи — обе стороны». Вероятно, Ксенофонт прав и формальный повод подали фиванцы. С другой стороны, прав и автор «Отрывка», указывая (2, 2) на то, что персидский подкуп, вопреки мнению нашего автора, был лишь одной из второстепенных причин поворота в политической ориентации беотийцев, афинян, коринфян и аргивян; но выставляемая в «Отрывке» (13, 1) причина — личные соображения и честолюбие политических вождей — еще более маловажная причина. На настоящую причину этого поворота — стремление к политическому равновесию в Греции Ксенофонт справедливо указывает ниже, в § 10 — 13.

Рассказ нашего автора о начале войны резко отличается от изложения автора «Отрывка» (см. приложение 13, 3—5). Однако, при первом же взгляде видно,¹ что следует отдать предпочтение рассказу Ксенофонта: слишком уже искусственно изложение в «Отрывке»; беотийцы, конечно, подстрекнули к войне своих друзей-локрийцев, а не врагов-фокейцев. Западные (озольские) локрийцы попали в труд автора «Отрывка», как думает Эд. Мейер, вследствие бессознательной аналогии с событиями «священной войны» 356 г. Рассказ о всемогуществе и миролюбии Спарты крайне тенденциозен и противоречит действительности. П а в с а н и й (III, 9, 9—11) контаминирует оба рассказа: у него выступают, как в «Отрывке», озольские (амфисские) локрийцы; однако, ход войны изложен по нашему автору. Для вящего прославления Афин он вкладывает в их уста приписываемое «Отрывком» спартамцам предложение передать спор на разрешение собрания союзников.

5 4 *Фиванцы ответили вторжением* — этот поход подробно описан в «Отрывке» (13, 6—7).

5 5 *Предъявили притязания* — т. е. хотели, чтобы десятина добычи была посвящена не только от имени лакедемонян, но и от их имени. Требование это не было удовлетворено, ср. ниже, § 12. Ср. П л у т а р х, Лисандр, 27: «Говорят, что Лисандр гневался на фиванцев за то, что они одни только осмелились предъявить притязания на десятину военной добычи, тогда как остальные союзники и не зай-

¹ Эд. Мейер, ук. соч., 85—90.

кались об этом, и посмели роптать на то, что Лисандр отослал добычу в Спарту». Главной же причиной вражды спартанцев к беотийцам была, как указывает в том же месте Плутарх, помощь, оказанная ими афинянам для свержения власти тридцати правителей (см. коммент. к кн. II, гл. 4, § 1).

Не хотели сопровождать — см. кн. II, гл. 4, § 30.

Не позволили совершить жертвоприношений — см. выше, гл. 4, § 4.

Не сопровождали Агесилая — см. коммент. к гл. 4, § 3.

Объявили сбор войскам — см. выше, коммент. к гл. 2, § 23.

5 6

Этейцев, гераклейцев и т. д. — см. выше, кн. I, гл. 2, § 18 и коммент. После того как в 410 году гераклейцы во время борьбы с этейцами предали лакедемонских колонистов, Спарта долго медлила с мщением. Только в 399 г. представился случай расправиться с ними. Вот что сообщает об этом Диодор (XIV, 38, 4—5): «В Гераклее, что близ Трахина, произошел какой-то мятеж, и лакедемоняне послали туда Герипсида, чтобы он привел государственные дела гераклейцев в порядок. Прибыв в Гераклею, он собрал весь народ на собрание и, окружив всех собравшихся вооруженным отрядом, арестовал виновников мятежа¹ и всех их, в числе около пятисот, казнил. Затем он повел войну против жителей местностей, прилегающих к Эте,² отправших от лакедемонян; поставив их в самое тяжелое положение, он принудил их оставить свою область. Большая часть их вместе с детьми и женами бежала в Фессалию и лишь через пять лет могла вернуться назад благодаря содействию беотийцев». (По понятным причинам наш автор умалчивает об этих жестокостях лакедемонян). Таким образом ко времени нашего рассказа эти племена были уж окончательно усмирены, и поэтому мы видим их контингенты в спартанском войске.

Склонил орхоменцев к отложению. Причиной этого было прежде всего то, что узко-олигархическая партия, по всей вероятности продолжавшая стоять здесь у власти, не желала признавать главенства Фив, где бразды правления захватили теперь их политические противники («Отрывок», см. приложение, 11, 12, 1, 2). Далее еще более они были недовольны отделением от их государства Херонеи, происшедшим за короткое время до этого (действительно в 426 г. Херонея еще принадлежит Орхомену — Фукидид, IV, 76, 3, — тогда как в 395 г. она уже независимое государство, «Отрывок» см. приложение, 11, 3).³

Диабатерии см., коммент. к гл. 4, § 3.

Засел в Тегее — так же П а в с а н и й (III, 5, 4). По Плутарху (Лисандр, 28) Павсаний не пришел на помощь Лисандру потому, что это письмо, отправленное последним из Галиарта в Платею, где находился Павсаний, было перехвачено фиванцами и не

5 7

¹ По Полиэну (II, 21.) были арестованы все трахинцы, т. е. коренные жители Гераклеи, противоставлявшиеся лакедемонским колонистам.

² Этейцев.

³ С. Я. Лурье, Беотийский союз, 239—240, ср. 94.

могло дойти по назначению. Как мы видим из предъявленного к Павсанию обвинения (ниже, § 25), существовала также версия, что он опоздал умышленно.

Ксенагов — так назывались чиновники, посылавшиеся лакедемонянами в союзные города для вербовки контингентов. Они же предводительствовали этими контингентами во время боя.

5 8 *Один наш гражданин* — именно фиванец Эрианф (Плутарх, Лисандр, 15).

5 12 *Своих гелотов* — умышленная неточность для усиления впечатления; лакедемоняне действительно назначали гармостами мофактов, но это не гелоты, а незаконнорожденные: дети отцов-спартиатов и матерей-гелотов; они воспитывались вместе с детьми спартиатов и часто получали не только свободу, но и гражданские права.¹

5 18 *Какие-то фиванцы* — по Плутарху (Лисандр, 28) и Павсанию (III, 5, 3) часть фиванского войска успела войти в крепость еще до прибытия спартанцев;² поэтому, когда Лисандр пошел приступом на Галиарт, беотийцы напали на него и с тыла и с фронта. Сообщение же нашего автора, подтверждаемое указанием Диодора (XIV, 81, 2), можно понять только в том смысле, что Лисандр подошел к Галиарту раньше, чем фиванское войско, и что, следовательно, фиванский гарнизон был помещен в Галиарт заблаговременно.

5 22 *Выстроились вместе* — Павсаний (III, 5, 5) рассказывает об этом несколько по-иному: «Фиванцы выстроились напротив (т. е. против лакедемонян); кроме того (Павсаний) получил известие, что Фрасибул находится неподалеку во главе приближающегося афинского войска. Последний выжидал, пока лакедемоняне не начнут бой, чтобы напасть на них с тыла, когда завяжется бой. Павсаний испугался, что ему придется выдерживать натиск врагов и с тыла и с фронта, заключил с фиванцами перемирие и предал погребению тела погибших под стенами Галиарта».

Пентеконтэры — см. ниже, коммент. к кн. VI, гл. 4, § 12.

5 25 *Отпустил их* — по Павсанию (III, 5, 2) за этот проступок он привлекался к суду отдельно, гораздо раньше — тотчас по возвращении из похода на Пирей, и был оправдан голосами 14 геронтов и 5 эфоров против голосов остальных 14 геронтов и второго царя.

В Тегею — здесь он нашел убежище в храме Афины Алеи (Павсаний, III, 5, 6; Плутарх, Лисандр, 30).

¹ Schömann-Lipsius, Griechische Altertümer, 1, 206 с прим. 5.

² Неверно в моей книге «Беотийский союз», 1927.

К КНИГЕ ЧЕТВЕРТОЙ

Для осеннего похода 395 г. в нашем распоряжении имеются только два источника: рассказ нашего автора и 16—17 главы «Отрывка» (см. приложение). С первого взгляда может показаться, что труд автора «Отрывка» в этом отношении более ценен: он подробно описывает военные операции, тогда как наш автор вовсе опускает их и занимается преимущественно описанием дружеских союзов и любовных историй. Но более вдумчивое отношение показывает, что здесь причина не только в том, что Ксенофонт, как я указал уже выше, не находился уже при войске (он лишился военной команды и, повидимому, исполнял поручения дипломатического характера) и поэтому был лучше осведомлен об этих историях, чем о военных предприятиях. Дело в том, что все, даже удачные, операции этого похода имели ничтожное значение для общего хода дел, тогда как отпадение Спифридата и Отия к Агесилаю, тесное соединение их между собой брачными узами и т. д. могло в случае удачи послужить прецедентом для других персидских магнатов и иметь результатом полное падение персидского могущества без всякого кровопролития. Таким образом, рассказ нашего автора имеет большую историческую ценность.¹

Прибыв в Фарнабазову Фригию — здесь наш автор возвращается к рассказу, прерванному в кн. III, гл. 4, § 29. События этого трудного похода он не описывает; они описаны подробно в «Отрывке» (см. приложение, 16, 1—3).

Присоединил к себе города — сильное преувеличение. Здесь речь может идти только о неукрепленных пунктах: как мы видим из «Отрывка» (см. прил. 16, 3—6), все попытки его атаковать укрепленные города окончились неудачей.

Спифридат — см. кн. III, гл. 4 § 10 с коммент. Автор «Отрывка» (см. приложение) относит присоединению Спифридата только к этому времени (он называет его Спифрадатов).^{1 2}

По «Отрывку» (см. прил. 17, 1—2). Отий не явился лично в ставку Агесилая; к нему был отправлен Спифридат, и он прислал к Агесилаю своих послов, с которыми и заключен был

¹ Эд. Мейер, ук. соч., 22—23, 28—29.

договор. Детальный рассказ нашего автора показывает, что он был очевидцем, и поэтому его рассказ заслуживает большего доверия.

Отий. Имя это транскрибируется очень различно в различных источниках.

1 6 *Как он красив* — по слухам Агесилай был в связи с этим красивым юношей (Мегабатом, «Отрывок», 16, 4; Плутарх, Агесилай, 11); наш автор (Агесилай, 4—7) считает эти слухи злостной выдумкой (Агесилай даже не позволил Мегабату по персидскому обычаю поцеловать его).

1 16 *Река* — Одрис, вытекающий из Даскилийского озера и впадающий в Риндак. Относительно зимовки Агесилая в Даскилии ср. рассказ в «Отрывке» (приложение 17, 3—4).

1 17 *Боевые колесницы.* Подробное описание этих смертоносных колесниц, вооруженных косами, прикрепленными к осям, — у нашего автора в «Анабасисе» (1, 8, 10) и «Киропедии» (VI, 1, 30) и у Диодора (XVII, 53).

1 20 *Сто шестьдесят стадий* — 28 километров.

1 26 *Отобрать у них* — ср. Плутарх (Агесилай, 11): «Гериппид установил строгий надзор за расхищенной добычей; он заставлял варваров возвращать ее, произведя при этом самый тщательный допрос и следствие. Этими мерами он вывел из себя Спифридата».

Лафирополы — вся военная добыча спартанцев считалась достоянием казны. Лафирополы — это должностные лица, хранившие военную добычу и продававшие ее с аукциона в пользу государства.

1 27 *Когда-то отложился от царя* — во время восстания Кира Младшего («Анабасис», I, 8, 5, II, 4, 2 и сл.). В описываемое время Ариэй (вместе с Пасаферном) занимал должность верховного военачальника персидского царя, взамен казненного Тиссаферна («Отрывок», см. приложение 14, 4).

1 28 *Ничто так не огорчило* — прежде всего по политическим соображениям, см. вступит. комментарий к § 1. Почему здесь упомянут также Мегабат, ясно из сказанного в коммент. к § 6.

1 38 С потерей всех союзников Агесилай не мог уже надеяться удержаться в Даскилии; поэтому перемирие с Фарнабазом и очищение Фригии было необходимостью (а не актом великодушия, как хочет нас уверить Ксенофонт).

1 40 *Крупнее всех прочих детей* — место это толкуется двояко. Естественнее всего понимать его в том смысле, что Евалк не достиг еще минимального возраста, дающего право принимать участие в состязании (взрослых) в Олимпии; но, так как он отличался огромным ростом и богатырским телосложением, Агесилаю удалось исходатайствовать ему разрешение участвовать в беге. Однако Плутарх (Агесилай, 13) понимает это место иначе: «(Сын Фарнабаза) был влюблен в мальчика-атлета из Афин. Он имел очень крупную и массивную фигуру; поэтому ему угрожало не быть допущенным к состязаниям (подразумевается: детей) в Олимпии».

1 41 *Весны* — 394 г.

Вглубь страны — по «Отрывку» (17, 5) — в Каппадокию, но это маловероятно.

Эпикидид, так же *Плутарх* (Агесилай, 15).

Лохаги — начальники отрядов пехоты (лохов), гиппархи — начальники конных ополчений.

Никетерий — приз, награда за победу в состязании.

По тому же пути — ср. у нашего автора, Агесилай 2, 1: «Перейдя через Геллеспонт, он двинулся по территории тех же племен, мимо которых проходил персидский царь со своим огромным войском; и тот путь, который был пройден варваром за год, отнял у него меньше месяца» (несомненное преувеличение).

Агесиполида — сына приговоренного к смерти царя Павсания (см. выше, кн. III, 5, 25).

Ксенофонт ни словом не упомянул об образовании антиспартанской коалиции, о чем мы узнаем из *Диодора* (XIV, 82). Ядром этой коалиции были беотийцы, афиняне, коринфяне и аргивяне; далее к этому союзу примкнула вся Евбея, левкадяне, акарнанцы, амбракийцы и жители фракийской Халкиды. Из жителей Пелопоннеса к этому союзу никто не присоединился. Коалиция эта вступила в союз с одной из враждовавших между собой партий в Фессалии и помогла ей отобрать у лакедемонян Фарсал. Затем беотийцы с аргивянами захватили Гераклею Трахинскую и возвратили сюда прежних ее жителей. После этого беотийский полководец Исмений с войском из беотийцев, энианцев и афаманов разбил наголову фокейцев, чем окончательно утвердил господство коалиции в Северной Греции.

Обойти войско с флангов — чем глубже построение войска, тем короче фланг. Если фронт неприятеля длиннее, то он получит возможность, повернув вперед оба крыла, напасть одновременно с фронта и с обоих флангов.

Данные о числе сражающихся с той и другой стороны очень разнятся от данных *Диодора* (XIV, 82, 10; 83, 1) и представляют собою результат умышленной подтасовки.¹

Вот эти данные:

	Пелопоннесцы		Коринфский союз	
	Пехота	Конница	Пехота	Конница
Наш автор	14 200	600	25 000	1 550
Диодор	23 000	500	15 000	500

Что касается пелопоннесцев, то цифра 14 200 получается путем

¹ Если бы войско коринфского союза действительно значительно превосходило численностью пелопоннесцев, то первые не могли бы опасаться быть окруженными врагом с фронта и флангов, а об этом их опасении свидетельствует наш же автор (§§ 13 и 18; на это обратил внимание Брейтенбах).

очень простого приема: Ксенофонт забыл о тегейцах, мантинейцах и ахейцах, хотя он же (§ 13, 18, 20) указывает, что они участвовали в этом походе. Что же касается членов Коринфского союза, то наш автор (это видно уже из округленности цифр) просто приводит здесь официальные данные о числе лиц, подлежащих призыву в каждом из государств, безотносительно к числу лиц, принимавших действительное участие в походе (сравни, напр., официальные контингенты в 11 главе «Отрывка»). Этим и объясняется его двукратное указание: «так как орхоменцы не явились»: он просто из общей цифры призывных по беотийскому закону вычел число призывных, приходящееся на Орхомен. Заметим, что наш автор не хочет производить впечатления сознательного фальсификатора и поэтому скрывается под осторожным выражением: «как передавали» (§ 17).

Флиунты — здесь в это время взяла верх демократическая партия.

219 *Из уст в уста.* В спартанском войске приказания военачальников не передавались звуками трубы или поднятием сигнала, что могли бы легко заметить враги. Каждый воин устно передавал команду своему соседу, и таким образом она обходила все войско.

Фил — все гражданское население Аттики делилось на десять фил. В войске призванные каждой филы выстраивались отдельно; таким образом афинская пехота и конница также разделялись каждая на десять фил.

222 *Полемарх* — высшее должностное лицо на войне после царя, начальник моры (см. коммент. к кн. VI, гл. 4, § 12). Полемархов было шесть. Эти лица избирались не только в военное, но и в мирное время, так как Спарта представляла собою и в мирное время вооруженный лагерь. Полемархам в мирное время принадлежало верховное наблюдение за общими трапезами спартиатов.¹

Диодор (XIV, 83, 2) рассказывает об этой битве следующее: «Битва произошла на берегу реки Немеи и продолжалась до ночи. В каждом войске одна часть победила;² при этом со стороны лакедемонян и их союзников пало 1100 человек, со стороны беотийцев и прочих членов союза — около 2800». Итак, по Диодору битва не имела решительного результата. В данном случае, однако, прав Ксенофонт: в окончательном результате союзники потерпели решительное поражение. О решительном поражении афинян свидетельствует *Лисий* (XVI, 15; III, 45); отсюда мы узнаем, что афинским войском предводительствовал *Фрасибул*. Как указывает *Эд. Мейер* (Gesch. d. Alt., V, 236), война эта произошла уже в год архонства *Евбулида*, начавшийся 17 июля 394 г. Это видно из свидетельства *Аристида* (речь 44, р. 370, Dindorf) и надгробной надписи над могилой погибшего в этой битве *Дексила* (Inscriptiones Graecae, II, 2084). Вероятно, она произошла в первые дни правления этого архонта.

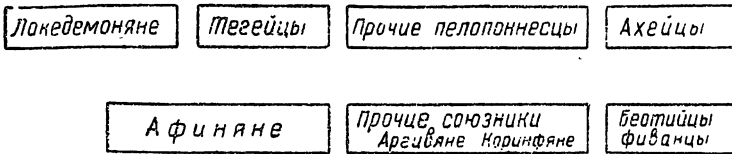
¹ Schömann-Lipsius, ук. соч., 253.

² А другая — была побеждена.

Коринфяне не впустили их — как указывает Демосфен (против Лептина, 53), лаконофильской партии удалось добиться того, что бежавшие с поля битвы не были впущены в город. Через некоторое время, однако, верх взяла противная партия, и союзники были впущены в город.

Восьмеро — речь идет, повидимому, только о спартиатах. Число убитых точнее в «Агесилае» (VII, 5): «в сражении близ Коринфа пало восьмеро лакедемонян и около десяти тысяч врагов». Цифра

I в начале битвы

II в дальнейшем

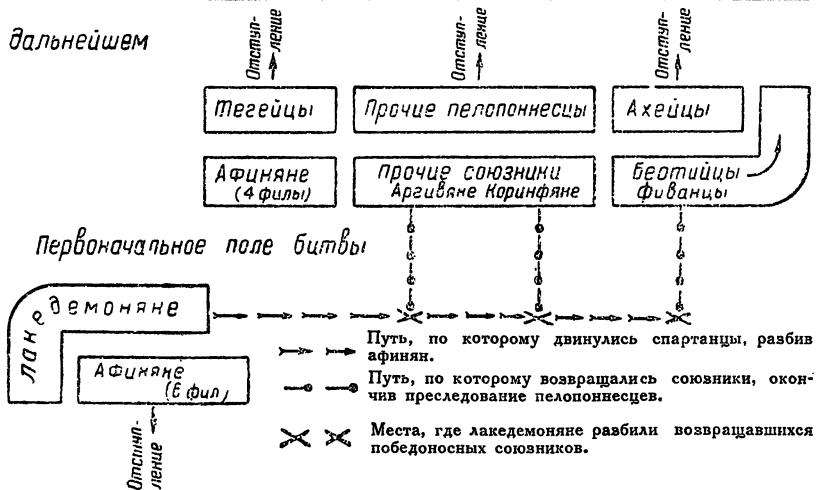

Схема расположения войск в Немейской битве.

эта преувеличена; ср. указание Д и о д о р а в коммент. к § 22 предыдущей гл.

Любил путешествовать — в кн. III, гл. 4, § 6 он также выступает как член посольства.

Прежде, чем вступить в Македонию, Агесилаю пришлось сразиться с фракийцами. Д и о д о р (XIV, 83, 3): «Агесилай, переправив войско из Азии в Европу, прежде всего победил в бою какое-то фракийское племя, вышедшее ему навстречу с большим войском, причем перебил большую часть варваров». Плутарх (Агесилай, 16) называет это фракийское племя траллами.

Его личную гвардию — см. коммент. к кн. III, гл. 3, § 9.

Сражаться на конях против тяжеловооруженных — фессалийцы

ошибочно полагали, что против них выступила не только конница, но и все войско Агесилая.

По Плутарху (Агесилай, 16) в этом бою из фессалийцев участвовали только фарсалийцы; число всадников, вступивших с ними в бой, равнялось пятистам. Трофеем был поставлен под горой Нарфакием.

3 9 До границы Беотии — ср. Плутарх (Агесилай, 17): «Здесь (в Нарфакии) его настиг прибывший с родины эфор Дифрид и передал ему приказание немедленно вторгнуться в Беотию. Хотя Агесилай рассчитывал сделать это позже, когда увеличатся его боевые силы, тем не менее он решил повиноваться властям».

3 10 Солнце показалось в форме лунного серпа — это затмение произошло 14 августа 394 г.

3 11 Конон — о нем см. выше, кн. II, гл. 1, § 29 и коммент. к кн. III, гл. 4, § 1. Зимой 395/4 г. после битвы при Галиарте он отправился в Вавилон, в зимнюю резиденцию персидского царя. Его поездка увенчалась полным успехом. Он получил большую сумму денег и по его представлению главноначальствование на море было передано Фарнабазу. В феврале или марте 394 г. Конон вернулся к своему флоту (Диодор XIV, 81, 4—6).

С греческим флотом — контингент его состоял преимущественно из наемников. Однако, ср. «Отрывок» (в приложении) 1, 1; 3, 2.

Диодор (XIV, 83, 4—7) дает такое описание этой битвы: «Афинянин Конон и Фарнабаз командовали царским флотом, стоявшим в Херсоннесе, близ Лорим, и состоявшим более чем из девяноста триер. Узнав, что вражеский флот стоит в Книде, они стали готовиться к морскому бою. Лакедемонский наварх Лисандр выплыл из Книды с флотом из восьмидесяти пяти триер и причалил к Фиску на Херсоннесе. Выплывши оттуда, он столкнулся с царским флотом. В происшедшем столкновении с передовыми судами неприятеля ему удалось одержать верх; но, когда к месту боя подошли персидские триеры во всем своем составе, все союзники лакедемонян бежали на сушу. Тогда Лисандр повернул свой корабль носом к врагу, считая, что низкое бегство позорно и недостойно Спарты. Он сражался отважно и сразил многих врагов, но в конце концов пал, сражаясь, не посрамив своего отечества. Эскадра Конона преследовала лакедемонян до берега, при чем овладела пятьюдесятью триерами. Из экипажа большей части удалось выплыть на берег и спастись бегством; однако, около пятисот было взято в плен. Остальные триеры спаслись бегством в Книд».

3 15 Беотийцы и т. д. — это войско прибыло сюда из-под Коринфа. Ср. Лисий (XVI, 16): «После этого, когда в Коринфской области были заняты укрепленные пункты, так что удалось обезопасить себя от вражеского нападения, а в Беотию вторгся Агесилай, было принято внесенное архонтами предложение отделить те части войска, которые выступают для борьбы с ним в Беотию».

Мора лакедемонян — устройство спартанского войска описано ниже, кн. VI, гл. 4, § 12. По Плутарху (Агесилай, 17) лакедемо-

нян было больше: «Он призвал к себе две моры из числа участвовавших в деле под Коринфом. Лакедемоняне, оставшиеся на родине, преисполненные уважения к Агесилаю, открыли среди граждан младших призывных категорий запись желающих присоединиться к войску царя. Все с большой охотой записывались; правительство выбрало из них пятьдесят наиболее цветущих и сильных и послало к Агесилаю».

Пельтастов было гораздо больше — гоплитов, по Ксенофону, было одинаково у обеих сторон. Ср. «Агесилай» (2, 9): «Стало видно, что фаланги обеих сторон как раз равны друг другу по силе; точно так же и обе конницы по численности были равны друг другу».

Величайшая из всех бывших на нашей памяти битв — «Ксенофонт преувеличил военное значение этой битвы, так как это было величайшее из сражений, в котором он сам участвовал» (Эд. Мейер, *Gesch. d. Alt.*, V, 237). См. Плутарх (Агесилай, 18): «Ксенофонт называет эту битву величайшей из всех бывших когда-либо битв: он сам принимал в ней участие, переправившись вместе с Агесилаем из Азии и сражаясь на его стороне».

Ионийцы, эоляне и жители Геллеспонта — возможно, что они также были под командой Гериппида. Ср. недостаточно ясное указание нашего автора в «Агесилае», 2, 11: «Им осталось пробежать еще около трех плэфров, когда из строя войска Агесилая также выбежали наемники под начальством Гериппида. Это были кое-кто из отправившихся с ним в поход с родины и из наемников Кира, а вместе с ними ионийцы, эолийцы и жители Геллеспонта».

Маневр поворота — он состоял в том, что войско, оставаясь на той же площади, при помощи внутренних перемещений перестраивалось так, что фронт его оказывался обращенным против врага, напавшего с фланга или с тыла. В нашем случае фронт занял место прежнего тыла, а тыл — фронта. См. Ксенофонт, Киропедия, VIII, 5, 15.

Встретился лицом к лицу с фиванцами — Агесилай поступил так, потому что хотел извлечь всю возможную пользу из этой победы и окончательно уничтожить фиванцев (Эд. Мейер, *Gesch. d. Alt.*, V, 237).

Совсем по иному описывает эту битву беотиец Плутарх (Агесилай, 18).

Жаркая и кровопролитная — в «Агесилае» (2, 12) Ксенофонт прибавляет еще: «Не слышно было яростных криков, но не было и полной тишины: был тот шум, который так характерен для ожесточения и битвы».

Лишь некоторым удалось прорваться — совсем по иному описывает эту битву беотиец Плутарх (Агесилай, 18): «Лакедемоняне боролись на жизнь и на смерть с крайним ожесточением. Им не удалось уберечь от ран Агесилая: он получил сквозь панцырь целый ряд ударов копьями и кинжалами, и его с трудом удалось вынести живым из сражения. Они выстроились перед ним

плотной стеной и убили много врагов, причем и сами потеряли очень много людей. Когда обнаружилось, что разбить фиванцев с фронта — очень трудная задача, они принуждены были принять план, отвергнутый ими в начале сражения. Они нарочно расступились перед фиванцами и дали им пройти между своими рядами, а затем, когда последние, увидев, что прорыв уже совершен, стали подвигаться более беспорядочными массами, погнались за ними и, поровнявшись, напали на них с флангов. Однако, им не удалось обратить врагов в бегство: фиванцы отошли к Геликону, причем эта битва преисполнила их самомнением, так как им удалось остаться непобедимыми, несмотря на то, что они были одни, без союзников».

320 *Агесилай, несмотря на полученные раны и т. д.* — подробнее в «Агесилае» (2, 13 — 15): «Агесилай, несмотря на полученные им во все места тела и всевозможным оружием многочисленные раны, не забыл долга перед богами и приказал позволить скрывшимся в храме уйти, куда им будет угодно, строго запретив обижать их и приказав всадникам своей гвардии сопровождать их до тех пор, пока они не прибудут в безопасное место. Когда окончилась битва, в том месте, где произошла схватка, можно было видеть ужасное зрелище: вся земля была напоена кровью, трупы — свои и вражеские — кучами лежали вместе; здесь же валялись пробитые щиты, сломанные копья и кинжалы без ножен, — частью на земле, частью вонзенные в тела, а частью еще в руках. В этот день (так как было уже поздно) они ограничились тем, что стащили трупы в одно место внутри расположения войск, поужинали и легли спать».

321 *Добычи* — речь идет, конечно, не о добыче, отобранной у беотийцев, а о той, которую Агесилай награбил еще в Азии. Это понял уже Плутарх (Агесилай, 19).

По Дидорудору (XIV, 84, 1 — 2) битва эта окончилась вничью. «Когда произошел бой, фиванцы обратили в бегство стоящую против них часть неприятельского войска и преследовали до самого лагеря; остальная часть фиванского войска некоторое время выдерживала натиск Агесилая и его воинов, а затем была вынуждена бежать. Поэтому-то лакедемоняне и решили, что (они — победители) в этой битве и поставили трофей, а затем выдали трупы врагам. В этой битве со стороны беотийцев и их союзников погибло более шестисот, со стороны же лакедемонян и их соратников — триста пятьдесят. Сам Агесилай также был весь покрыт ранами; его отвезли в Дельфы, и здесь он посвятил себя заботам о своем здоровье».

4 2 *Евклеийские празднества* — в честь Артемиды Евклеи (т. е. Достославной). Во время этих празднеств происходили публичные сценические состязания в театре (ниже и Дидорудор, XIV, 86, 1).

4 4 *В Кранею* — Кранею назывался расположенный близ Коринфа гимнасий с кипарисовой рощей.

4 6 *Некоторые из них* — остальные, как можно заключить из § 8, бежали в Сикион. Такое изменение государственного строя, когда

государство лишается всех своих установлений и всякой самостоятельности, а граждане его входят, как полноправные члены, в другой государственный организм, называлось в Греции с и н т е л и е й.

Метэки (поселившиеся в государстве иностранцы, не получавшие никаких политических прав, а также стесненные и в гражданских правах) — точнее, бывшие метэки. Речь идет об аргивянах.

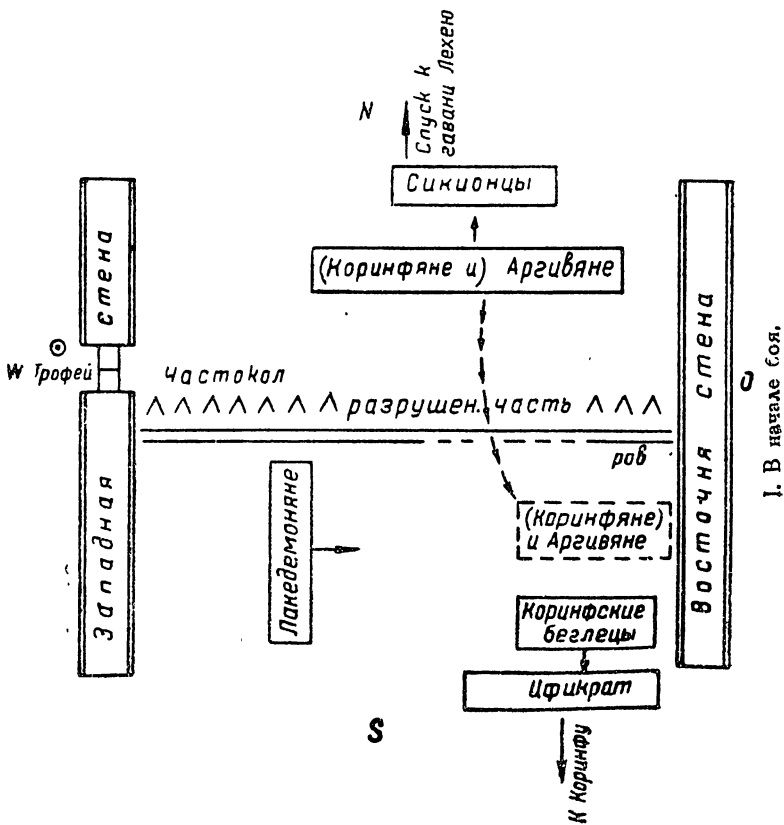
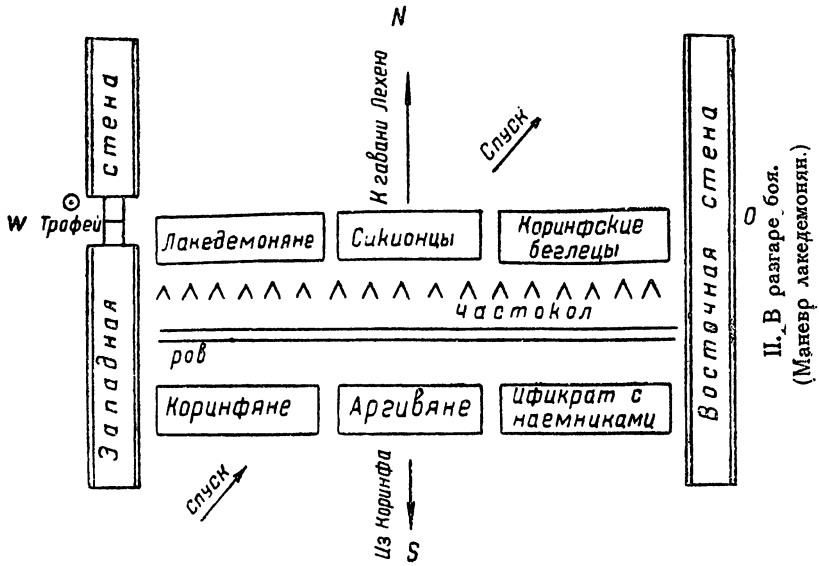
Внутри стен — дорога из города в гавань в Коринфе (как и в Афинах и многих других городах) была огорожена с обеих сторон параллельными друг другу стенами. Размещение войск изображено на прилагаемой схеме (см. стр. 294).

Коринфские изгнанники — их было только 150 чел. (§ 9); однако, отсюда еще нельзя заключать, что и стоявшие против них наемники с Ификратом во главе были также малочисленны: повидимому, это был только что собранный, плохо обученный сброд; выше эти наемники нигде не упоминаются.

На невооруженный фланг — щиты аргивян были обращены к Коринфу, так что к лакедемонянам были обращены их ничем не прикрытые правые бока.

Теперь приведу рассказ Диодора (XIV, §6) об описанных событиях: «Некоторые приверженцы правящей партии в Коринфе, руководимые личными соображениями, составили заговор и устроили погром в то время, как в театре шли публичные сценические состязания, посеяв в городе братоубийственную рознь, причем в этом дерзком замысле приняли участие и аргивяне. Во время этого погрома было убито сто двадцать граждан, и пятьсот было отправлено в изгнание. В то время как лакедемоняне готовились к тому, чтобы вооруженной силой заставить коринфян впустить назад в город изгнанников, афиняне и беотийцы пришли на помощь убийцам, желая сделать Коринф своим владением. Коринфские беглецы вместе с лакедемонянами и их союзниками напали ночью на Лехей и пристань и овладели ими с боя. На следующий день выступило войско горожан под предводительством Ификрата, и произошла битва, в которой победили лакедемоняне, перебив немало людей. После этого беотийцы и афиняне, а вместе с ними аргивяне и коринфяне подвели все свое войско к Лехею. Сперва им удалось осадить город и даже прорваться внутрь стен; но лакедемоняне и коринфские изгнанники дали им мужественный отпор и вытеснили из крепости беотийцев и всех их союзников. Последние, потеряв около тысячи воинов, принуждены были отступить в город» (Коринф).

Присоединение Коринфа к аргосскому государству произошло по Диодору значительно позже — лишь в следующем, 392 году. Он рассказывает об этом событии в 92 главе, после победы Ификрата над амиклейским гарнизоном (ниже, гл. 5, §§ 11 — 17) и его похода на Флиунт (ниже, гл. 4, § 15): «После этого аргивяне всенародным ополчением выступили против Коринфа, захватили акрополь и, овладев городом, сделали Коринф частью аргосского

государства». Этот рассказ неверен; несомненно прав наш автор: Коринф присоединился к Аргосу тотчас после избиения злоумышлявших аристократов, по свободному решению правившей здесь демократии.

О нападении на Флиунт рассказывает также Диодор (XIV, 91, 3): «Ификрат с отрядом пельтастов отправился походом на Флиунтскую область и, вступив в бой с войском, вышедшим из города, перебил более трехсот флиунтцев». 41

Пельтастов — Ификрат довел этот род войск до высокой степени боевого совершенства. В отличие от легковооруженных, он дал им полное боевое снаряжение, но доспехи их были много легче и удобнее гоплитского вооружения, благодаря чему пельтасты отличались большой удобоподвижностью. С течением времени, благодаря реформе Ификрата, пельтасты вытеснили и гоплитов и легковооруженных (Диодор, XV—44). 41

Восстановление этих стен Эд. Мейер относит к 392 г. 41

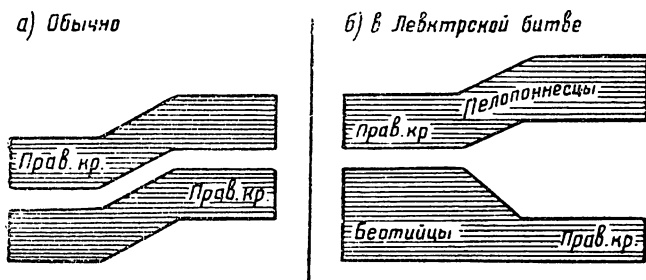

Схема расположения войск в Левктрском сражении (см. стр. 332).

Описанные в этом параграфе события Эд. Мейер относит к 391 г. Аргивяне, как мы узнаем из Андокида (3, 27), при вести о приближении спартанцев подтасовали календарь так, что как раз в это время наступил священный месяц Карней, в который, согласно общедорийскому обычаю, запрещалось воевать; таким образом оказалось невозможным итти войной на Аргос. Агесилай, однако, как мы видим, не захотел считаться с этим (о чем умышленно умалчивает наш автор).

Истмий — речь идет, как указывает Эд. Мейер (Gesch. d. Alt., V, 284, 255), об Истмиях 390 года. 51

Ср. Плутарх (Агесилай, 21): «В это время аргивяне овладели Коринфом и справляли Истмийские празднества. Появившись в Коринфской области в то время, как они только что приступили к жертвоприношению, Агесилай заставил их бежать, оставив все снаряжения для празднества. Бывшие с ним коринфские изгнанники обратились к нему с просьбой взять на себя распорядительство в состязании, но он отказался от этого и переждал, пока не окончатся жертвоприношения и состязания, устроенные под председательством самих коринфских изгнанников, чтобы обезопасить

их от нападения. Некоторое время спустя, когда он удалился, аргивяне снова устроили Истмий под своим председательством. При этом из числа состязавшихся оказались такие, которые дважды были провозглашены победителями; были и такие, которые в первый раз победили, а во второй — были внесены в список побежденных».

5 8 С царскими соградезниками. Чести обедать в царской палатке удостоивались только полемархи и еще три лица из сословия гомеров («равноправных»), на обязанности которых лежали заботы о довольствии царя и полемархов (Трактат нашего автора о лакед. гос. устр., 13, 1).

5 10 Трофея — трофеей считался предметом, посвященным богам. Об этом поражении Д и о д о р (XIV, 91, 2) рассказывает в следующих словах: «Часть лакедемонского войска проходила через Коринфскую область. Ификрат с кое-кем из союзников напал на них и перебил большую часть».

5 11 На праздник Гиакинфий. Гиакинфии справлялись в память об ужасной смерти красавца Гиакинфа, сына Амикла, основателя Амикл. Торжества эти устраивались спартанцами в Амиклах и продолжались три дня: первый день праздника носил тяжелый, мрачный характер и был посвящен трауру; два следующих, наоборот, были веселым празднеством, которое состояло из процессий и состязаний.

Пэана — чаще всего это слово употребляется в значении вообще победного гимна, но здесь это слово употреблено в тесном смысле гимна в честь Аполлона-Целителя, культ которого играл важную роль на празднестве Гиакинфий.

5 14 Гипасписты — рабы, шедшие в сражение вместе с тяжеловооруженными как оруженосцы и оказывавшие им всяческие услуги. Правда, из § 17 мы видим, что в действительности спаслось еще некоторое количество бежавших с поля сражения, но такие люди лишались всех прав и потому, со спартанской точки зрения, не могли считаться спасшимися.

5 18 Так тяжело было видеть — мантинейцы, хотя и были союзниками спартанцев, но в душе ненавидели их. Ср. кн. III, гл. 2, § 21; кн. V, гл. 2, § 1. Спартанцы платили им за это презрением. См. выше, гл. 4, § 1.

7 2 Такого же мнения, как его отец, — вопрос умышленно задан в такой форме, чтобы поставить Аполлона в затруднительное положение. Ср. А р и с т о т е л ь «Реторика», II, стр. 1398 в. 31.

7 4 Пэан Посейдону — так как по религиозным верованиям греков он производил землетрясения.

7 6 Во всех пяти видах борьбы — этими пятью видами борьбы были: прыгание, бег, кулачный бой, метание дротика и метание диска.

8 3 Деркилид — о нем см. гл. 3, §§ 1—3.

8 7 С наступлением весны — в конце 7 главы рассказ о событиях на суше оборвался на 390 году; 8 глава перенесла нас снова ко

времени битвы при Книде (394/3 г.). Упоминаемая здесь весна есть весна 393 г.

Гармостом — в широком смысле; собственно так назывались только спартанские коменданты.

Об изложенных здесь событиях Диодор (XIV, 84, 3—6) рассказывает следующее: «После морского боя Фарнабаз и Конон двинулись со всем своим флотом на союзников лакедемонян. Прежде всего им удалось склонить к отложению Кос, затем Нисир и Теос. После этих успехов хиосцы изгнали лакедемонский гарнизон и перешли на сторону Конона; точно также к ним перешли Митилена, Эфес и Эрифры. Один за другим союзные города отпадали от лакедемонян: одни, изгнав лакедемонский гарнизон, сохранили полную свободу, другие — переходили к Конону. С этого времени лакедемоняне потеряли всю свою власть на море. Конон решил плыть со всем своим флотом к Аттике. Он пустился в путь и, подчинив Киклады, причалил к острову Кифере. Он овладел этим городом с первого же натиска; с киферцами было заключено перемирие, в силу которого им предоставлено было уйти в Лаконию. В городе был оставлен достаточный гарнизон, а флот поплыл к Коринфу. Приплыв сюда, начальники флота вели переговоры с членами совета союзников по интересовавшим их вопросам, заключили с ним союз, оставили им деньги и затем уплыли в Азию».

О блокаде побережья Лаконии источник Диодора, повидимому, умышленно ничего не упоминал; об этом имеется указание у Лисия (19, 12—13): «Когда Конон был стратегом пелопоннесской экспедиции, а мой отец, бывший его давнишним другом, триэрархом, тот попросил отца выдать мою сестру за сватавшегося к ней сына Никофема. Отец мой видел, что эти люди пользуются доверием Конона,¹ а также в то время и симпатиями нашего государства». Отсюда видно, что в этой экспедиции принимали косвенное участие и Афины, что и стремится затушевать источник Диодора. О восстановлении афинских стен рассказывает также Диодор (XIV, 85, 2—4): «В это время Конон, адмирал царского флота, приплыл с флотом из 80 триэр в Пирей и предложил гражданам восстановить окружавшие город стены. . . Наняв за плату большое число мастеров и дав им в помощь весь свой экипаж, он в короткое время выстроил большую часть стен. Фиванцы также прислали пятисот мастеров и каменщиков, равно как и некоторые другие государства».

Поллид — он был уже навархом в 395 г. Имя его читается в «Отрывке», 14, 1 и дополняется 4, 2 (см. приложение).

Впоследствии, в 376 г., он был снова навархом (кн. V, гл. 4, § 61).

Тирибаз — прежде он занимал должность сатрапа Армении («Анабасис», IV, 4, 4), затем сатрапа Ионии (ниже, кн. V, гл. 1, § 28).

¹ Никофем был ближайшим доверенным лицом Конона. Так, ему Конон поручил в 396 г. руководить избиением аристократов на Родосе («Отрывок», см. приложение, гл. 10).

Эти переговоры велись во всяком случае ранее 392 г. В этом году была поставлена на сцену комедия Аристофана «Женщины в народном собрании»; здесь слова: «появилась надежда на спасение» (ст. 202) содержат намек на эти переговоры (Эд. Мейер, *Gesch. d. Alt.*, V, 250); следовательно, факты, излагаемые в § 12, хронологически предшествуют § 11.

§ 15 *Признать независимыми беотийские города.* Беотия представляла собою юридически союз равноправных государств, но фактически фиванцы были полновластными хозяевами в союзе. Впрочем, Ксенофонт — заклятый враг Фив и все его указания на взаимоотношения между фиванцами и остальными беотийцами грешат односторонностью: распадение союза отнюдь не было в интересах беотийских провинциалов, и они никогда этого не добивались.

События, описываемые в следующих параграфах, относятся к 391 году.

§ 16 *И заключил его в темницу* — ср. Д и о д о р (XIV, 85, 4): «Тирибаз, начальник царской пехоты в Азии, завидовал удачам Конона; под тем предлогом, что Конон якобы пользуется царскими войсками для расширения владений афинян, он отвел его в Сарды, где арестовал и бросил в темницу». Впоследствии Конону удалось бежать из заключения; он нашел убежище у тирана Евагора на Кипре, где вскоре и умер от болезни. Непот (Конон, 5). Ср. указание Л и с и я (XIX 39, 40): «Смерть Конона и его завещание, составленное на Кипре... Своему племяннику, заведывавшему всем его имуществом на Кипре и охранявшему его».

§ 17 *Для начальствования* — официальное наименование Струфа было: сатрап Ионии (см. милетскую надпись того времени, опубликованную Кекуле в *Berichte der Berliner Akademie der Wiss.* 1900, 112 и сл.).

Ф и б р о н — см. III, 1, 4—8. Таким образом, к этому времени он уже был возвращен из ссылки.

§ 18 *С лаконскими привычками* — Ферсандр был ионийцем. См. П о л и э н (VI, 10): «Он пригласил к себе на службу лучших артистов из Ионии: флейтистов Ферсандра и Филоксена» и т. д.

§ 19 Об этой экспедиции Фиброна рассказывает и Д и о д о р (XIV, 99, 1—3): «В то же время Артаксеркс, назначив Струфа военачальником, послал его с войском к морю для войны с лакедемонянами. Узнав о его прибытии, спартанцы послали в Азию военачальником Фиброна. Он овладел укреплением Ионд и высокой горой Коресс, стоящей на сорок стадий от Эфеса. Войско его, вместе с набранными в Азии, насчитывало в своих рядах восемь тысяч воинов. Фиброн двинулся по царским владениям, предавая их опустошению; в то же время Струф с многочисленной варварской конницей, пятью тысячами гоплитов и более чем с двадцатью тысячами легковооруженных расположился лагерем недалеко от лакедемонян. Когда, наконец, Фиброн с частью своего войска выступил из лагеря и захватил большое количество добычи, Струф напал на него; в сражении был убит сам Фиброн и большая часть воинов,

остальные были живыми захвачены в плен. Лишь немногим удалось спастись в укреплении Книдиний». К этому же походу Эд. Мейер (Theopomp's Hellenika, 108—112) относит операции Фиброна, описанные Диодором (XIV, 36, 3) под 399 годом, где Фиброн, как и в нашем месте Ксенофонта, направляется из Эфеса в Магнесию (Левкофрий).

Изгнанные народом — родосские аристократы неоднократно злоумышляли против демократии, за что и были избиваемы и изгоняемы. Так было, например, в 396 г. («Отрывок», гл. 10, см. приложение), так было и в настоящем случае. Впрочем, в нашем месте «изгнанные народом» — неточное выражение: эти послы отправились в Лакедемон как представители правящей партии и только некоторое время спустя были объявлены заочно изгнанниками.¹ Так толкую я это выражение, так как только таким путем можно устранить противоречие этого места с § 22 (согласно которому захват власти на Родосе демократией оказался для Эдикки неприятным сюрпризом) и с рассказом Диодора (XIV, 97): «Лаконофильская партия на Родосе восстала против демократии и изгнала из города сторонников Афин. Последние собрались вместе, выступили против них вооруженной массой и пытались снова захватить власть, но верх одержали союзники лакедемонян: многие были перебиты, а успевшие бежать были объявлены изгнанниками. Тотчас же вслед затем (родосские аристократы) отправили послов в Лакедемон с просьбой о помощи из опасения, чтобы их сограждане не организовали нового переворота». Переворот этот, как видно из нашего места и § 22, произошел прежде, чем лакедемоняне успели притти на помощь; таким образом указание Диодора (§§ 3 и 4) будто Родос сделался одной из баз прибывших в Азию лакедемонян, несомненно ошибочно.

Эдикки... Дифрида — ср. Диодор (XIV 97, 3): «Лакедемоняне послали к ним семь триэр и трех лиц, которым надлежало взять в руки бразды правления: Евдокима, Филодика (оба эти имени представляют собою позднейшее искажение вместо первоначального «Эдикки») и Дифила (искажено из «Дифрида»)».

Телевтий был назначен навархом летом 390 г. Как мы видели, он уже был навархом в 392/1 г.; очевидно, к этому времени был уже отменен закон, воспрещавший одному и тому же лицу дважды занимать должность наварха (выше, кн. II, гл. 1, § 7).

Евагор (см. II 1, 29), властитель Саламина и ряда других горсдов на Кипре, до этого (390/89) года был преданным союзником Персии; все переговоры между афинянами, Кононом и персидским двором велись при его посредстве. Но в этом году, как сообщает Диодор (XIV, 98), между Евагором и персидским царем произошел разрыв: Евагор стал подчинять себе персидские

¹ По Брейтенбаху (Xenophontis Hellenika, II, 153) они здесь названы так потому, что были изгнанниками ранее 391 г.

города на Кипре. Часть ему удалось подчинить силой или убеждением, но жители Амафунта, Сол и Кития не захотели подчиниться ему и отправили посольство к персидскому царю с просьбой о помощи. Царь, конечно, не мог отказать им в этом. Афиняне, в силу союзного договора, пришли на помощь Евагору, и получилась та невероятная политическая неразбериха, на которую обращает внимание Ксенофонт в этом параграфе.

§ 25 Датировать поход Фрасибула мы можем довольно точно на основании замечания Аристофана в «Богатстве», ст. 550:

„...Прослывет у вас так Фразибул Дмонисию рбвней!“

Этот стих мог быть произнесен перед зрителями только после отъезда Фрасибула, но ранее его гибели, а «Богатство», как известно, поставлено на сцену в начале 388 года (Эд. Мейер, *Gesch. d. Alt. V, 263*).

Стирии — аттический дем (поселок и административный округ). Фрасибул здесь назван стирийцем для того, чтобы ясно было, что речь идет о Фрасибуле, освободившем Афины от господства «тридцати» (см. выше), а не о другом известном Фрасибуле из Коллита (кн. V, гл. 1, § 26). Экспедиция Фрасибула была снаряжена в силу внесенного им же предложения (Л и с и й, XXVIII, 4).

§ 30 Приведу рассказ Диодора (XIV, 94) об экспедиции Фрасибула: «Афиняне выбрали стратегом Фрасибула; он отправился в поход с флотом из сорока триэр. Прежде всего он поплыл в Ионию, взыскал дань с союзников и затем двинулся дальше. На некоторое время он задержался в Херсоннесе: здесь ему удалось склонить к союзу с афинянами фракийских царей Медска и Севфа. Некоторое время спустя он поплыл из Геллеспонта на Лесбос и причалил к берегу близ Эреса. Здесь вследствие страшной бури из его триэр погибло двадцать три. Во главе уцелевших триэр он двинулся с целью подчинить лесбийские города Афинам, так как все они, за исключением Митилены, отпали от Афин. Прежде всего он подошел к Мефимне и вступил в бой с войском, выступившим из города под предводительством спартиата Феримаха. Солдаты Фрасибула отважно сражались: убит был сам Феримах и значительное количество мефимнцев; остальные заперлись внутри стен, а всю их область Фрасибул предал опустошению. Эрес и Антиссу удалось присоединить путем дипломатических переговоров. После этого он составил флот из кораблей союзных хиосцев и митиленцев и отплыл к Родосу». О дальнейших событиях Ксенофонт умалчивает из уважения к памяти Фрасибула; о них мы узнаем из XXVIII речи Лисия. Чтобы содержать свое войско, Фрасибул прибегал к поборам с союзных городов. Города эти отправили своих представителей в Афины с жалобами на притеснения Фрасибула и его ставленников. Кроме того против них было возбуждено обвинение в том, что они присвоили себе взысканные ими с союзников деньги. По постановлению народного собрания Фраси-

бул и его товарищи были вызваны немедленно в Афины: они обязаны были представить точный счет всех взысканных ими с союзников денег и отчет о произведенных ими расходах. Фрасибул игнорировал это решение и двинулся со своим войском против Аспенда.

Изрубили его. Ср. Диодор (XIV, 99, 4): «Афинский стратег Фрасибул, прибыв со своим флотом из Лесбоса в Аспенд, вошел в устье реки Евримедонта. Несмотря на то, что аспендийцы уплатили ему положенную дань, некоторые из его солдат грабили страну. Выведенные из себя этими беззакониями аспендийцы напали ночью на афинян, причем убили Фрасибула и еще нескольких человек.» Корнелий Непот (Фрасибул, 4, 4): «Некоторое время спустя этот полководец причалил со своим флотом к берегам Киликии. Так как лагерь недостаточно тщательно охранялся караулом, он был убит ночью в палатке во время вылазки, совершенной варварами из города.»

Так погиб Фрасибул — несмотря на полную противоположность во взглядах, Ксенофонт уважает Фрасибула, составлявшего столь резкий контраст с демагогами того времени. Ср. слова Лисия (XXVIII, 8) по тому же поводу: «Итак, афиняне, Фрасибул умер — ограничимся этим замечанием о нем. Эта смерть была наилучшим выходом из его положения: с одной стороны, ему не следовало продолжать жить, раз у него были такие умыслы¹ с другой нехорошо бы было, если бы он умер по приговору того же государства, которому он, по общему мнению, сделал много добра. Но теперь государство избавилось от него наилучшим образом.»

Агиррия — так же Диодор (XIV, 99, 5).

Он отбыл в Афины — однако, афинский гарнизон продолжал стоять в Коринфе; он стоял здесь еще в 388 г.: Аристофан, «Богатство», 173. По Диодору (XIV, 92, 2) заместителем Ификрата в Коринфе был Хабрий.

Описываемые здесь события относятся к 388 г.

Не дало благоприятных предзнаменований — несомненное измышление Ксенофонта.

¹ Его обвиняли в стремлении к тирании.

К КНИГЕ ПЯТОЙ

Здесь автор, закончивший предыдущую книгу концом 388 г., прерывает хронологическую нить и возвращается к событиям середины 389 г.

1 1 *Снова* — о том, при каких условиях Этеоник был в первый раз на Эгине, Ксенофонт выше ничего не сообщал. Прибыл Гиерак — поздней осенью 389 г.

1 6 *Анталкида* — поздней осенью 388 г.

После удачной битвы на Эгине Хабрий отправился к Евагору; военное счастье не изменило ему и здесь: он покорил Евагору почти весь Кипр. См. *Диодор* (XIV, 110, 5): «Евагор покорил себе почти весь Кипр и собрал большие военные силы, так как Артаксеркс был отвлечен войной с греками». Ср. также XV, 2, 2—3. *Корнелий Непот* (*Хабрий*, 2, 2): «Он был послан афинским государством на помощь Евагору и удалился с Кипра не раньше, чем покорил весь остров».

1 13 *Снова назначили навархом Телевтия* — осенью 387 г.

1 18 *Куда угодно божеству* — так как жертвоприношение относительно морского похода на Афины дало благоприятные предзнаменования.

1 21 *Дигма* — рынок, на котором выставлялись предназначенные к продаже товары.

1 25 *Уже возвращался* — о его пребывании в Сузах, при дворе Артаксеркса рассказывают *Диодор* и *Плутарх*. *Диодор* (XIV, 110, 2): «Лакедемоняне, терпя неудачи в войне с персами и греками, послали наварха Анталкида в Сузы, ко двору Артаксеркса для переговоров о мире. Получив аудиенцию у царя, Анталкид передал ему в надлежащей форме то, что ему было поручено». *Плутарх* (*Артаксеркс*, 22): «Считая спартанцев (как утверждает Дионий) самыми бессовестными из всех людей, Артаксеркс относился, однако, с большой симпатией к Анталкиду, прибывшему к его двору. Так, во время ужина он взял один из своих сплетенных из цветов венков, погрузил его в драгоценнейшие благовония и послал Анталкиду. Все поражались такому расположению царя к Анталкиду.» Тот же анекдот у него же, *Пелопид*, 30.

1 26 *Деменет* — в § 10 мы его видели на Эгине; очевидно, он отпра-

вился оттуда на помощь Ификрату в Геллеспонт. См. также «Отрывок», гл. 1, § 1.

Из Коллита — Коллит поселение и округ (дем) в Аттике. Фрасибул назван так в отличие от Фрасибула Стирийца (см. кн. IV, гл. 8, §§ 25—30). Фарнабаз — был главным представителем анτισпартанской партии в Персии; поэтому его отозвание так существенно для хода дел.

Из Понта — суда, груженные хлебом (Византий был тогда в руках афинян. См. кн. IV, гл. 8, § 27).

Условия этого мира в общих чертах переданы так же у Д и о д о р а (XIV, 110, 3); никаких новых подробностей его рассказ не содержит. Характеристику этого мира дает П л у т а р х (Артаксеркс, 21): «Спартанец Анталкид, сын Леонта, желая угодить царю, добился того, что лакедемоняне предоставили ему власть над всеми находящимися в Азии греческими городами и близлежащими островами с правом взимать с них дань. На таких условиях греки получили мир — если только позволительно назвать миром предательство и поношение Греции; ни одна война не налагала на побежденных более позорной дани, чем этот мир».

Кипр — принадлежавший в это время афинскому союзнику Евагору, воевавшему с царем.

Лемноса, Имброса и Скироса, принадлежавших афинянам с середины V века. Ср. кн. IV, гл. 8, § 15.

От имени всех беотийцев. С конца VIII века Беотия представляла собою в политическом отношении единый государственный организм, и таким образом претензия фиванцев (т. е. беотийцев, так как на собрании могли присутствовать только официальные представители Беотийского союза, хотя они и были преимущественно фиванцами) — вполне справедлива. Уничтожение союза влекло за собой коренную ломку векового беотийского уклада, что не было в интересах какого бы то ни было из беотийских государств.

Покинули Коринф — они нашли радушный прием в Афинах в благодарность за их прежние услуги афинянам. Д е м о с ф е н, против Лептина, 54.

Добровольно — это неверно и опровергается самим же Ксенофонтom; возвращение изгнанников было включено в условия мира. К с е н о ф о н т (Агесилай, 2, 21): «Когда противники, желая мира, отправили послов, Агесилай отказался заключить мир иначе, как под условием, чтобы Коринф и Фивы приняли назад своих сограждан, изгнанных за сочувствие лакедемонянам». Ср. коммент. к § 36.

*Анталкидовым*¹ — впоследствии это название получило всеобщее распространение. Ср. Плутарх (Артаксеркс, 23: «Пресловутый мир, называемый Анталкидовым»); Д и о д о р (XI, 5, 1) и др. Современники называли его обыкновенно его официальным наименованием: «Царский мир».

¹ Принятый перевод «Анталкидов мир» не точен. Точнее: «Мир, заключенный через Анталкида».

Превосходную характеристику создавшегося положения вещей дает Эд. Мейер (Gesch. d. Alt. V, 293): «[Автономия служила Спарте только предлогом для прочного восстановления своей/былой гегемонии]. Автономия, т. е. независимость отдельных государств, ни в каком случае не лишала их права заключать союзы с государством, руководящим всей Грецией и взявшим на себя защиту мира, и принимать на себя обязательства выставлять в их войско свои контингенты. Кроме того Спарта теперь, как и прежде, считала своим правом контролировать, соответствует ли строй греческих государств «нормальному правовому порядку»¹ (ср. выше, коммент. к § 34.), и в случае необходимости вводить этот порядок насильственно, оставляя для защиты его гармов и гарнизоны (см. Исократ, 4, 117; трактат нашего автора о лакедемонском государственном устройстве, 14, 2, 4; ниже, кн. VI, гл. 3, § 18 и гл. 4, § 2). Мало того: она теперь, как во время Лисандра, облагала податью островитян, вероятно, под видом взносов для поддержания порядка на море» (Исократ, 4, 132, ср. 175).

2 1 *Решили приступить к наказанию* — более подробно описывает положение вещей Диодор (XV, 5, 1—3): «Несмотря на то, что перед этим был заключен всеобщий Анталкидов мир, в силу которого все государства удалили гарнизоны и стали по взаимному соглашению автономными, — лакедемоняне, будучи от природы властолюбивыми и отличаясь воинственным характером, считали мир тяжелой обузой и не соблюдали его. Они желали восстановления бывшей прежде в Греции деспотии и поэтому сочувствовали государственным переворотам. Не тратя времени, они стали мутить в греческих государствах и при посредстве преданных им людей устраивать в них мятежи. Некоторые из этих мятежей и послужили им удобным предлогом для вмешательства. Дело в том, что как только эти города снова получили автономию, правительства их стали привлекать к суду людей, бывших у власти во время спартанской гегемонии. Вследствие злобы демократических элементов к этим людям следствие велось очень сурово: многие были изгнаны. Тогда-то лакедемоняне и обнаружили, что они пособники повстанцев; они приняли этих изгнанников к себе и затем дали им войска, чтобы они могли, опираясь на них, вернуться на родину. Таким образом, они сперва поработили более слабые города, а затем — еще прежде чем истекло два года от заключения всеобщего мира — стали совершать походы и на более значительные города и подчинять их себе».

2 2 *Тридцатилетнего перемирия* — см. Фукидид (V, 66—81). Перемирие это было заключено в начале 417 г. после битвы при Мантинее, происшедшей в 418 г. и, следовательно, указание Ксенофонта не точно: тридцать лет истекло не в 385 г., когда началась война с Мантинеей, а уже за два года до этого.

2 3 *Его отцу* — Архидаму. В 466 г. во время Третьей Мессенской

¹ Кавычки мои.

войны, когда против лакедемонян восстали гелоты и мессенцы и они оказались в тяжелом положении, мантинейцы пришли к ним на помощь: Фукидид, I, 101.

Павсаний см. кн. III, гл. 5, § 25. В это время он жил в изгнании в Тегее.

Четыре отдельных селения — по Диодору (см. ниже) — пять. Исконно также было не четыре, а пять селений (Страбон, VIII, р. 337). Современные ученые хотят примирить это разногласие ссылкой на то, что Ксенофонт не принял в расчет небольшого поселения, оставшегося на месте прежнего города (см. цитату из Павсания).

О походе на Мантинею рассказывают также Диодор и Павсаний. Диодор (XV, 5, 1, 3 и 4; 12, 1 и 2): «Не считаясь с состоявшимся примирением, лакедемоняне приняли решение отправиться походом на Мантинею. Причины этого похода были следующие... Мантинейцы были непосредственными соседями лакедемонян; это было государство с многочисленным и храбрым населением. Усиление этого государства, причиной которого был мир, было не по душе лакедемонянам; они решили поубавить спеси у мантинейцев. Прежде всего они отправили послов в Мантинею с требованием, чтобы стены были срыты, а сами мантинейцы расселились в прежние пять деревень, в которых они некогда жили, — прежде чем они соединились в один город путем синэкизма. Мантинейцы игнорировали это требование. Тогда лакедемоняне отправили к ним войско и стали осаждать город. В ответ на это мантинейцы послали послов в Афины с просьбой притти к ним на помощь. Но афиняне не пожелали нарушить всеобщего мирного договора. Тогда они стали бороться собственными силами и мужественно выдерживали осаду... Лакедемоняне предавали опустошению мантинейскую область; мантинейцы же в течение всего лета стойко выдерживали натиск врагов. Недаром они считались первыми по храбрости из всех аркадян, почему лакедемоняне до этих событий и ставили их рядом с собою в сражениях, считая их самыми надежными из союзников. Когда же наступила зима, и уровень реки, протекающей мимо Мантиней, вследствие дождей значительно повысился, лакедемоняне преградили ее течение огромными плотинами: вследствие этого река повернула к городу и запрудила всю прилегающую к нему местность. Стали падать дома. Мантинейцы пришли в ужас и принуждены были сдать свой город лакедемонянам. Овладев городом, лакедемоняне не причинили ему никакого зла, но приказали жителям расселиться в исконные деревни. Они принуждены были срыть свой родной город и переселиться в деревни». Павсаний (VIII, 8, 7, 9): «Сын Павсания Агесиполид с лакедемонским войском вторгся в Мантинейскую область. Он разбил в происшедшем сражении мантинейцев и заставил их запереться в городе. Спустя некоторое время был взят и город, но не осадой, не силою, а искусством: Агесиполид направил течение реки Офиса внутрь городских стен, построенных из необожженного кирпича...

Взяв Мантинейю, он лишь небольшой части жителей позволил остаться жить в городе; бóльшая же часть города была разрушена до основания, а жителей он переселил в деревни». Мантинейя сдалась в 384 г.; переговоры с Флиунтом относятся к 383 г., прибытие послов из Аканфа и Аполлонии — к 382 году.

2 12 *Аминты* — ради него-то и велась эта война; Ксенофонт умышленно выдвигает на первый план просьбу о помощи лакедемонских союзников — Аканфа и Аполлонии, чтобы придать спартанскому вмешательству более закономерный вид (Эд. Мейер, *Gesch. d. Alt.*, V, 305). Ср. Диодор (XV, 19, 3): «Поэтому Аминта, во-первых, сформировал собственную армию, а, во-вторых, вступив в союз с лакедемонянами, он убедил их послать против олинфян стратега с значительными военными силами». Точно также умышленно извращены взаимоотношения между Олинфом и Аминтой, так что получается впечатление, будто олинфяне захватили македонские области силой. См. Диодор (XIV, 92, 3): «В Македонии произошло следующее: отец Филиппа Аминта был вытеснен из своей страны вторгшимися в нее иллирийцами. Он отказался от престола и подарил олинфянам пограничную область. Однако, через короткое время при содействии фессалийцев ему удалось вернуть себе прежнюю власть». . . XV, 19, 2: «Царь Аминта. . . отказался от престола и поэтому подарил олинфскому народу большое пространство пограничной земли. . . Некоторое время олинфский народ извлекал доходы из дарованной ему земли. Но через некоторое время этот царь снова почувствовал почву под ногами и вернул себе все прежние владения. Он попросил назад у олинфян дарованную им землю, но они оказались не в состоянии исполнить это требование».

2 17 *Фракийцы* — не управляющиеся царями — см. Фукидид (II, 29).

Пангейские рудники — они находились на материке, во Фракии, против острова Фасоса.

2 19 *Что разрешено постановлениями* — вообще в Греции дети, рожденные от брака гражданина с иностранцем, считались незаконно-рожденными (*vóthoi*); равным образом правом владеть недвижимостью пользовались только граждане. Однако, при заключении тесных союзов и конфедераций часто каждому из граждан было предоставлено право вступать в законный брак с гражданами всех городов союза (эпигамия) и приобретать во всех этих городах недвижимость (энктесис).

Скирийцы представляли собою особую группу периеков: «Они составляли в войске отдельный отряд легкой пехоты, служивший в лагере, главным образом на передовых постах, а во время похода исполнявший авангардную и арриергардную службу. В сражениях они занимали постоянно определенную позицию на левом фланге» (Schömann-Lipsius, *Griech. Altertümer*, 4 изд., стр. 210).

По Диодору раньше был послан Фебид, а после него уже Евдаמיד (XV, 19, 3): «Лакедемоняне решили обратиться уси-

ленное внимание на Фракийское побережье и наняли из своих граждан и союзников больше десяти тысяч солдат; начальствование над этим войском было вверено Фебиду, которому было поручено в союзе с Аминтой воевать с олинфянами». XV, 20, 3: «(В следующем году) лакедемоняне устранили от власти Фебида и назначили военачальником его брата Евдамида. Ему были даны три тысячи гоплитов; с ними он выступил против олинфян.» Рассказу Диодора доверять не следует; это — искаженный пересказ Ксенофонта (Эд. Мейер, *Gesch. d. Alt.* V, 305). Источник Диодора неправильно понимал под «назначенными Евдамиду воинами» воигированные десять тысяч, между тем, это войско прибыло не с Фебидом, а под начальством Телевтия, который и перенял начальствование над всеми десятью тысячами (ниже §§ 37 и 39).

Гимназия — см. П а в с а н и й (IX, 23, 1): «В Фиванской области, близ Притовых городских ворот, расположен так называемый Иолаев гимнасий».

Партийная борьба — о политических партиях и устройстве Беотии, а в частности о полемархах, см. в приложении — («Отрывок», 11, 12 и комментарий к этому месту).

Гегерии — политические клубы, игравшие роль центров политических партий.

Запрещено участвовать — как мы видели выше, в § 15, между Фивами и Олинфом шли в это время оживленные переговоры.

Фесмофории — справлявшийся исключительно женщинами празник в честь Деметры. Это были мистерии, т. е. участвовали в них только посвященные.

Баланагру — так назывался ключ, которым вытягивали дверные засовы из колец, через которые они были продеты.

Совета — см. приложение («Отрывок», гл. 11 с коммент.).

Возбуждают сограждан к войне. Исмений был одним из зачинщиков Коринфской войны; вероятно, также современные описываемым событиям переговоры с Олинфом велись под его руководством.

В числе около трехсот — так же Д и о д о р (см. цитату ниже). Но Аристид в Панафинейской речи передает со слов историка Андриотона, что их было четыреста (Breitenbach, ук. соч., II, 190).

Посланы судьи — в Фивы. По Плутарху суд происходил в Спарте. См. цитату в коммент. к след. параграфу.

Нельзя не заметить, что, если Ксенофонт в рассказе о борьбе между спартанцами и афинянами еще старается соблюсти известную объективность, то при рассказе о ненавистных ему беотийцах он совершенно теряет беспристрастие и превращается в официального спартанского историкографа. Точно также и ксенофонов рассказ о занятии Фив есть официальная спартанская версия. Действительно, если верить ему, то инициатива в этом деле принадлежала одной из фиванских партий; осуществлено оно было Фебидом по легкомыслию и притом на собственный риск и страх, причем он не встретил никакого сопротивления со стороны фиванцев.

Спартанское же правительство только примирилось с совершившимся фактом перехода власти в руки лаконофильской партии, тем более, что другая партия запятнала себя изменническими сношениями с Олинфом. В действительности же все обстояло как раз наоборот: 1) Кадмея была занята по конфиденциальному предписанию спартанского правительства; наоборот, фиванцы встретили лакедемонян с оружием в руках. 2) Всеобщее возмущение было так велико и придать этому делу закономерный вид было так трудно, что спартанцы не сочли возможным просто примириться с совершившимся фактом, а для отвода глаз наложили крупный штраф на Фебида, хотя, конечно, гарнизона из Кадмеи не вывели. Это подтверждается Диодором и Плутархом. Диодор (XV, 20, 1 — 2): «Лакедемоняне опасались, чтобы фиванцы при первой возможности не восстановили своей власти в Беотии. Поэтому они дали тайное предписание военачальникам при первом удобном случае захватить Кадмею. Вследствие такого предписания спартанец Фебид... занял Кадмею. Это вызвало возмущение фиванцев: они выбежали ему навстречу с оружием в руках, но были разбиты в завязавшейся битве... Этот поступок вызвал в Греции возмущение против лакедемонян; поэтому они наложили на Фебида денежный штраф, но гарнизона из Фив не вывели».

Плутарх (Агесилай, 23): «Когда Фебид осуществил возмутительное предприятие, захватив Кадмею в мирное время, все греки были охвачены негодованием; возмущались и сами спартанцы — главным образом противники Агесилая. Они задавали Фебиду в резкой форме вопрос, по чьему приказанию он так поступил; в этом они подозревали Агесилая.¹ Последний на словах считал справедливость высшей добродетелью... однако, своими поступками он снискал себе совсем иную репутацию... Особенно ясно это обнаружилось в истории с занятием Фив: он не только спас жизнь Фебиду, но и убедил свое государство принять на себя это преступление и дать свою санкцию занятию Кадмеи... Уже в первую же минуту у всех явилась мысль, что Фебид был только исполнителем этого дела, а интеллектуальным виновником его был Агесилай. Дальнейшие события сделали это предположение несомненным».

Плутарх (Пелопид, 5): «Архий, Леонтид² и Филипп, богатые люди, олигархического образа мыслей и необузданного характера, убедили лакедемонянина Фебида, проходившего мимо города со своим войском, внезапно захватить Кадмею... Тот послушал их, напал во время Фесмофорий на ничего не ожидающих фиванцев и завладел твердыней. Исмений был схвачен, отправлен в Лакедемон и через короткое время казнен; Пелопид, Ференик и Андроклид (принадлежавшие к партии Исмения) бежали и были объявлены изгнанниками. Эпаминонд остался в городе: его не тронули, так как вследствие его научных занятий его считали неспособным

¹ Ср. ниже § 37 и коммент. к нему.

² Плутарх ошибочно называет Леонтиада Леонтидом (здесь и всюду).

к деятельности, а вследствие бедности — не имеющим влияния». Когда вслед за тем лакедемоняне, с одной стороны, лишили Фебида власти и наложили на него штраф в миллион драхм (= 400 000 руб.), с другой стороны, оставили гарнизон в Кадмее, все греки поражались их непоследовательности: они наказывали виновника преступления, а самое преступление санкционировали. Осуждение Фебида — несомненный исторический факт; о нем сообщают также Корнелий Непот (Пелопид, 1, 3) и Полибий (IV, 27, 6). См. Эд. Мейер (Gesch. d. Alt. V, 299). Занятие Фебидом Кадмеи произошло летом 382 г.

Брат Агесилая — таким образом и наш автор проговаривается, что занятие Фебидом Фив и переход власти в этом городе к Леонтиаду и его присным — были интригой Агесилая, чем подтверждается указание Плутарха.

Прерванный нами в комментарии к § 24 рассказ Диодора об олинфской экспедиции он продолжает (XV, 21) так: «(Фебид), вторгшись во владения олинфян, воевал с ними, имея союзником Аминту. После этого олинфяне собрали значительные военные силы и одерживали верх в сражениях, благодаря своему численному превосходству. Тогда лакедемоняне собрали достаточно многочисленное войско и назначили предводителем его Телевтия. Он был братом Агесилая и славился среди граждан военной доблестью. Со своим войском он отправился из Пелопоннеса, близ Олинфской области соединился с солдатами Евдамида и принял командование над ними. Затем Телевтий, почувствовав, что он в силах сразиться с врагом, первым делом предал опустошению Олинфскую область, захватил много добычи и распределил ее между своими воинами». Телевтий прибыл в Олинфскую область в конце лета 382 года и убит в мае 381 года.

Воспитанников (трофимов) — в виду того, что воспитание во многих греческих государствах приняло демократический и софистический характер, многие богатые и аристократически настроенные родители отправляли своих детей для воспитания в Спарту. Если они и получали гражданские права, то это было только почетным званием и не давало реальных прав. Число их было, вероятно, крайне незначительно; Ксенофонт упоминает о них только потому, что в их числе были его собственные сыновья (Диоген Лаэртий, II, 54). Плутарх (Агесилай, 20): «Агесилай посоветовал мудрецу Ксенофону воспитывать своих детей в Лакедемонне, чтобы они изучили лучшую из наук — повиноваться и властвовать» (Schömann-Lipsius, Griechische Altertümer, 4 изд., 216).

Дети от брака спартиатов с не спартиатами — так называемые «мофаки» или «мофоны». Если они получали такое же воспитание, как спартиаты, и имели достаточно средств, чтобы подобающе содержать себя и снарядить себя на войну, то могли быть узаконены родителями и получали те же права, что и спартиаты. «Мофаком» был например Лисандр.

Теперь снова вернемся к рассказу Диодора (XV, 21).

2—3): «(Телевтий) вступил в бой с олинфянами, вышедшими всенародным ополчением вместе со своими союзниками. Сперва ни один из противников не мог достигнуть перевеса, и войска разошлись. Затем снова завязалась жаркая битва, в которой пал, храбро сражаясь, сам Телевтий и более тысячи двухсот лакедемонян. Такое счастье выпало на долю олинфян; лакедемоняне же, желая загладить понесенное ими поражение, стали готовить к отправке еще более многочисленное войско, чем раньше. Олинфяне, ожидая, что спартанцы придут с очень значительным войском и что война затянется, стали делать значительные запасы хлеба и вербовать воинов в союзных городах».

XV, 22, 1: «(В следующем году) лакедемоняне назначили военачальником царя Агесиполида, дали ему достаточно сильное войско и приняли решение продолжать войну с олинфянами». Агесиполид выступил в конце лета 381 года.

3 10 *Третейским судом* — регулярные суды в греческих государствах обыкновенно были односторонними. Поэтому было очень принято приглашать судей иностранцев (по рекомендации народного собрания их родины) для разбора более важных дел. Судьи эти обыкновенно избирались «из богатых и знатных граждан» и исправляли свои обязанности безвозмездно, получая в награду только почетные титулы и венки. В тех случаях, когда должником было государство (как в нашем примере), обыкновенно заимодавец заранее выговаривал себе право судиться в «беспристрастном суде» (напр. в Аркесинских надписях о займе государством у частного лица, *Recueil des inscriptions juridiques grecques*, 313 и след.), так как считалось само собой понятным, что государственные суды будут блюсти интересы казны.

3 20 Вернемся к рассказу *Диодора* (XV, 22, 2): «(Агесиполид) прибыл в Олинфскую область, присоединил к себе оставшихся в прежнем войске воинов и продолжал войну с олинфянами. В течение этого года (381/380) олинфяне не дали спартанцам ни одного крупного сражения, но из страха перед войском царя ограничивались перестрелкой и небольшими стычками». XV, 23, 2: «(В следующем году) скончался от болезни лакедемонский царь Агесиполид, процарствовав четырнадцать лет. Ему наследовал его брат Клеомброт, который царствовал девять лет. Начальником же войска, действовавшего против олинфян, лакедемоняне назначили *Полибиада*. Агесиполид умер летом 380 года.

3 25 *Оставшихся на родине* — конечно, приверженцев олигархической партии.

О покорении *Флиунта* вкратце рассказывает *Диодор* (XV, 19, 3): «Другое войско лакедемоняне отправили против флиунтцев, разбили их в бою и принудили к подчинению». Падение *Флиунта* произошло летом 379 года.

3 26 Ср. *Диодор* (XV, 23, 3): «(*Полибиад*), переняв власть над войском, стал вести войну энергично и с большим знанием дела, благодаря чему и достигал значительных успехов. Со дня на

день его дела шли все лучше; он в целом ряде битв разбил олинфян, заставил их запереться в своем городе и стал осаждать их. В конце концов, они были доведены до ужаса и принуждены подчиниться лакедемонянам. После того как олинфяне были внесены в список спартанских союзников, и многие другие города стали наперерыв изъявлять желание стать под главенство лакедемонян. Олинф пал осенью 379 г.

Эта тирада пересказана у Диодора (XV, 3, 27 23, 3—4).

Как указывает наш автор (ниже, § 7), в его время существовали две версии истории освобождения Фив. Одну версию сообщает нам Ксенофонт; другая также, к счастью, дошла до нас в произведениях Плутарха («О божественном духе Сократа» и «Пелопид»). Впрочем обширный рассказ Плутарха разукрашен анекдотами и романтическими прибавками позднейшего происхождения. Я не имею возможности привести его здесь целиком и буду цитировать только отдельными отрывками. Точно так же я не стану приводить краткого рассказа Диодора (XV, 25, 1—2), так как он не содержит никаких новых подробностей.

Филлид был секретарем полемархов — о коллегии полемархов см. приложение (коммент. к гл. 11 «Отрывка»). Коллегия эта состояла из трех полемархов и секретаря. Этими полемархами были: Архий, Леонтиад (Плутарх, Агесилай, 24; ср. ниже, § 19) и Гипат (ниже, кн. VII, гл. 3, § 7; Плутарх, Пелопид, 11). Филипп не был полемархом; это видно из выражения нашего автора в настоящем параграфе: «Кучка тираннов, во главе которой стояли Филипп и полемарх Архий» (τὴν περὶ Ἀρχίαν πολεμαρχοῦντα καὶ τὴν περὶ Φίλιππον τυραννίδα); тем не менее он играл важную роль, занимая, повидимому, одну из высших государственных должностей (может быть, синдика; так назывались в Беотии четыре члена совета полемархов, не занимавшие этого поста, но прикомандированные к последним для участия в обсуждении невоенных дел).¹ По Плутарху (Пелопид, 7) Филлид добился поста секретаря полемархов, имея в виду надвигающиеся события: «Филлид добился того, что он стал секретарем полемархов, во главе которых стояли Архий и Филипп». Тому, что Плутарх называет Филиппа полемархом, не следует придавать значения: как это с ним случается неоднократно, он, повидимому, имел источником наше же место Ксенофонта, но просто не понял его.

Мелон — здесь и Ксенофонт и Плутарх умышленно извращают истину, каждый в другом направлении; Плутарх (Пелопид, 8): «Во главе этого предприятия стоял прежде всего Пелопид, затем также Мелон, Дамоклид и Феопомп,² принадлежавшие к лучшим беотийским семействам». Ясно, что Плутарх преувеличивает роль своего любимца Пелопида; с другой стороны, Ксенофонт

¹ С. Я. Лурье, Беотийский союз, 168—169.

² Надгробный камень последнего с упоминанием о событиях этого времени сохранился до нашего времени. Inscriptiones Graecae, VII, 2462.

из ненависти к фиванцам умышленно избегает всякого упоминания об их видных деятелях, Эпаминонде и Пелопиде: имя Эпаминонды мы встречаем у него впервые только под 367 г. (VII, 1, 41); Пелопид упомянут только однажды, под тем же годом (VII, 1, 33 — 55) как посол к персидскому царю; выставлен он здесь в самом неприглядном свете.

С шестью друзьями — по Плутарху (Пелопид, 8; «О божественном духе Сократа», 2 р. 576 С) и Корнелию Непоту (Пелопид, 2) — заговорщиков было двенадцать. Это число — конечно, результат переработки этого события в романтическом, легендарном духе. Зато другое указание Плутарха (Пелопид, 8), — что главная масса заговорщиков под предводительством Ференика стояла наготове, в полном вооружении в Аттике, в Фриасийской равнине — несомненный исторический факт. Повидимому, они действовали сообща с двумя афинскими стратегами, принявшими участие в заговоре и под каким-то благовидным предлогом получившими разрешение находиться со своими войсками на беотийской границе (см. §§ 9 и 19), и были под их командой (см. коммент. к § 9). Вероятно, об этих заговорщиках упоминал и Ксенофонт в утраченном при переписке конце § 9.

В каком-то укромном месте — по Плутарху («О божественном духе Сократа», р. 587, F 594 E) — на Кифероне.

Имея вид возвращающихся из-за города — по Плутарху (Пелопид, 8) они имели при себе силки и гончих собак, чтобы думали, что они — охотники.

Какого-то Харона — по Плутарху (Пелопид, §§ 7—11) он был душою заговора и одним из виднейших деятелей этого времени. В его доме происходили все совещания заговорщиков (там же, 9): «Пелопид со своими товарищами перерядились в одежды земледельцев, отделились друг от друга и таким образом проникли еще днем в разные части города. В это время ветер начинал менять направление; поэтому разразилась снежная буря; почти все спрятались по домам, вследствие чего заговорщикам легче было остаться незамеченными. Все те, кого волновали судьбы заговора, присоединяли к себе сочувствующих и вели их в дом Харона; всего, вместе с изгнанниками, собралось сорок восемь человек».

4 6 В здании полемархейона — сообщения Ксенофонта и беотийские надписи дают нам возможность реконструировать устройство полемархейона. Он состоял, повидимому, из трех главных помещений: 1) Залы совета. Здесь заседало высшее административное учреждение — совет полемархов, состоявший из трех военных магистратов (полемархов) и четырех гражданских (синдиков). Здесь же происходила упоминаемая в нашем рассказе веселая оргия полемархов. Протоколы заседания вел секретарь полемархов. 2) Канцелярии — здесь работал секретарь полемархов, несколько его помощников и, может быть другие, низшие канцелярские чиновники. 3) Казначейство — здесь находилась прежде всего касса. Ею непосредственно заведывал один из трех выбиравшихся на год казна-

чеев, поочередно в течение 4 мес. Ему вносились всякие поступления в пользу казны: налоги, долги, штрафы и т. д. Он же выдавал деньги кредиторам казны по ордерам полемархов и по постановлениям народного собрания. В казначействе же находился архив, состоящий из казенных бумаг финансового содержания; поэтому тогда, как ключ от кассы находился у казначея, ключ от казначейства (как мы видим из нашего места) находился не у него, а у секретаря полемархов. В числе пирующих был убит также фиванский архонт Кабирих, высшее духовное лицо в Фивах; он выбирался жребием на год из числа наиболее почтенных граждан П л у т а р х, (О «божественном духе» Сократа, 31 р. 597): «Ты уже не будешь больше приносить жертв богам, молясь за врагов отечества и тем наклякая беду на родину».

По другой версии — эта версия приведена у П л у т а р х а (в его сочинении «О божественном духе Сократа», 30, р. 596 D): «Они надели полупанцыри, убрались густыми венками, одни — еловыми, другие — сосновыми, некоторые даже надели женские платья, желая произвести впечатление веселой толпы гуляк, развлекающихся в обществе женщин». Рассказ П л у т а р х а в «Пелопиде» 11, представляет собою контаминацию обеих версий.

Филлид отправился — по П л у т а р х у (Пелопид, 11) убийство Леонтиада не было совершено Филлидом и его переодетыми товарищами: заговорщики с самого начала разделились на две группы, из которых одна направилась в полемархейон, а другая, предводительствуемая Пелопидом и Дамоклидом, в жилище Леонтиада (= Леонтиада). Последний, по П л у т а р х у, мужественно защищался и даже убил одного из заговорщиков — Кефисодора. Затем Пелопид с товарищами отправились к жилищу полемарха Гипата и умертвили его.

Сняв часть военных трофеев, ср. П л у т а р х («О божественном духе Сократа», 34, р. 580 D): «Чернь добыла себе оружие с алтарей, где в изобилии висела разнообразная военная добыча, и из находившихся поблизости оружейных мастерских». Так же «Пелопид», 12.

Амфей — храм или надгробный памятник беотийского героя Амфиона; он находился близ Кадмеи, около Притовых ворот.

К двум афинским стратегам — ср. П л у т а р х (Пелопид, 12): «Выполнив это (убийство Леонтиада и Гипата) и соединившись с отрядом Мелона, они отправили послов в Атикику, к оставшимся там изгнанникам». Надо полагать, что они также стояли под командой упомянутых стратегов. Ср. коммент. к § 3.

Приверженцы враждебной им партии — ср. П л у т а р х («О божественном духе Сократа», 34, р. 598 E): «Приверженцы лаконофильской партии вместе с так называемыми «лучшими людьми» (т. е. знатью. — С. Л.) бежали в Кадмею». О поведении и судьбе спартанского гарнизона мы имеем два свидетельства: Диодора, разукрашенное позднейшими добавками, которому особенно доверять

нельзя (см. коммент. к § 19), и Плутарха, содержащее некоторые новые подробности.

Диодор (XV, 25 3; XV, 26, 3—4; 27, 1—4): «С наступлением дня (фиванцы) приступили к осаде Кадмеи. В ней находился спартанский гарнизон, число спартанцев вместе с союзниками было не менее 1 500. Был послан вестник в Спарту с извещением о происшедшем в Фивах перевороте и просьбой немедленно прислать подмогу; сами же они, защищаясь с возвышенных мест, убили многих из осаждавших, а еще большее число их ранили. (Явились афиняне), кроме того сбежалось много народу из других беотийских городов, и скоро в Фивах собралось большое войско. Общее число гоплитов было не менее двенадцати тысяч. . . (Осажденные сражались мужественно и с ожесточением), но когда стал ощущаться недостаток в припасах, а лакедемоняне медлили с приготовлениями к походу, между ними начались разногласия. Лакедемоняне считали своим долгом держаться до смерти, а контингенты союзных государств, во много раз превосходившие их численностью, требовали сдачи Кадмеи. Спартанцев было немного, и потому они принуждены были согласиться на сдачу акрополя. С ними заключено было перемирие на условии свободного прохода в Пелопоннес. Три начальника гарнизона¹ были привлечены к суду; из них двое были осуждены на смертную казнь, а на третьего наложен такой штраф, что для уплаты нехватило всего его имущества». Плутарх (Пелопид, 12—13): «Начальники лакедемонян сделали ошибку, не напав тотчас же (на мятежников): их гарнизон состоял из 1 500 солдат, и кроме того к ним прибежало много народу из города. Крики, сигнальные огни и сбегающая со всех сторон многочисленная чернь наводили на них страх, и они не выходили из Кадмеи. С наступлением дня из Аттики прибыли вооруженные изгнанники, и было созвано народное собрание². . . После этого Пелопид, избранный беотархом (см. приложение, «Отрывок», коммент. к гл. 11), вместе с Мелоном и Хароном, тотчас же обнес акрополь осадными сооружениями и вел приступ со всех сторон, желая поскорее вынудить лакедемонян к сдаче, чтобы освободить Кадмею прежде, чем придет войско из Спарты. Он добился того, что они попросили перемирия для свободного выхода, и это произошло настолько своевременно, что этот гарнизон уже в Мегарах встретил Клеомброта, идущего с большим войском на

¹ По остроумному предположению Брейтенбаха (ук. соч., II, 214) это были фиванский гармост и два гармоста других беотийских городов. Первый обвинялся в сдаче крепости, остальные два в том, что не пришли своевременно на помощь. В каждом городе находится всегда только один спартанский гармост. Плутарх (Пелопид, 13), говоря: «из трех фиванских гармостов», вероятно, восходит к тому же источнику, что и Диодор, но по обыкновению не понял его.

² Далее Плутарх рассказывает, как предводители вернувшихся изгнанников — Эпаминонд и Горгид — торжественно ввели убийц тираннов в собрание; эти тиранноубийцы были приняты как «благодетели и спасители».

Фивы. Спартанцы из трех фиванских¹ гармостов двоих, Гериппида и Аркисса, осудили на казнь, а третий, Лисандрид, присужденный к огромному штрафу, бежал из Пелопоннеса». Афиной (XIII, 609, 3): «В пятьдесят шестой книге своей «Истории» Феопомп рассказывает, что мать Лисандрида Ксенопифия была самой красивой женщиной в Пелопоннесе. Она была казнена вместе со своей сестрой Хрисой лакедемонянами, — тогда же, когда Лисандр, враг и политический противник царя Агесилая, был изгнан из Спарты по проискам последнего». По Плутарху («О божественном духе Сократа», 34, р. 598) Лисандрида во время осады в Фивах не было: он находился в Галиарте. Надо думать, что в действительности он был галиартским гармостом. Плутарх (Агесилай, 24) объясняет нежелание Агесилая стать во главе этого похода теми же причинами: он уже раз подвергался нареканиям за то, что выступил на защиту флиунтских олигархов.

Среди зимы — в ноябре-декабре 379 г.

Подлинно ли война или мир — ловкий прием, при помощи которого Ксенофонт хочет заронить в душу читателя подозрение в том, что Клеомброт был подкуплен фиванцами. Отсюда ясно, что и Агесилай уклонился от участия в этом походе из-за каких-то личных счетов с Клеомбротом. Этот нечистоплотный намек, странная история с оправданием Сфодрия (см. комм. к § 33) и много других мелких фактов — отголоски борьбы между двумя партиями, каждая из которых возглавлялась одним из царей (см. выше, коммент. к кн. III, 3, 1). В этой борьбе Агесилай не брезговал никакими средствами: ни происками, ни интригами, ни даже клеветой. Ксенофонт «придворный певец Агесилая», конечно, тщательно затушевывал истинную суть вещей, облекая злостную клевету Агесилая личиной прекраснодушия и исторического беспристрастия.

Которые были соучастниками восстания Мелона — таким образом эта помощь была оказана беотийцам во всяком случае без официальной санкции афинского правительства; такое же известие находим мы и у Плутарха (см. цитату в коммент. к § 33). Диодор, весь рассказ которого основан на позднейшей афинской версии, для вящего прославления Афин совершенно искажающей историческую правду, — сообщает (XV, 26, 1—2) совершенно иное: «Афинский народ, выслушав (фиванских) послов (сообщивших о перевороте в Фивах), постановил немедленно же отправить войско в как можно большем числе для освобождения Фив... Собрание окончилось назначением стратегом Демофонта; тотчас вслед затем было набрано пять тысяч гоплитов и пятьсот всадников, и на следующий день Демофонт вывел это войско из города, заставляя воинов все время передвигаться бегом, чтобы притти в Фивы раньше лакедемонян. В то же время народ готовился к тому, чтобы, если представится надобность, вы-

¹ См. прим. 2 на стр. 314.

ступить в Беотию всенародным ополчением. Двинувшись по кратчайшему пути, Демофонт неожиданно для фиванцев появился пред их городом».

420 Фиванцы также были в страхе — они даже отправили в Спарту посольство с заявлением, что готовы попрежнему признавать гегемонию Спарты и автономию беотийских государств. Исократ (XIV, 29): «Спасенные при помощи нашего афинского войска и возвращенные из изгнания на родину, они, не медля ни минуты, отправили послов в Лакедемон, выражая готовность оставаться в рабстве и ни в чем не преступать прежнего соглашения».

Не имел городских ворот — начатая Кононом постройка стен еще не была закончена со стороны суши, не были вделаны ворота.

432 Эпизод с оправданием Сфодрия крайне темен; Ксенофонт, по-видимому, сделал все возможное для того, чтобы он остался навсегда загадкой для исследователей. Вряд ли можно сомневаться в том, что Сфодрий не предпринял бы этого рискованного похода, не получив определенных заверений из Спарты. Вот как передан этот эпизод у Диодора (XV, 29, 5): «Спартаец Сфодриад занимал должность военачальника. Это был человек легкомысленный и неуравновешенный. Царь Клеомброт убедил его без ведома и согласия лакедемонских эфоров захватить Пирей. Сфодриад, располагая более чем десятью тысячами солдат, решился захватить ночью Пирей. Но афиняне его заметили, замысел не удался, и он принужден был вернуться, не достигнув никаких успехов. Против него было возбуждено обвинение, и он принужден был предстать пред спартанским советом; но, так как оба царя выступили на защиту его, то он был противозаконно оправдан. Возмущенные этим афиняне постановили считать мир со спартацами расторгнутым». Плутарх (Пелопид, 14) также не думает, чтобы Сфодрий пошел на Пирей исключительно в угоду фиванцам, вследствие подкупа: «Когда большое спартанское войско вторглось в Беотию, афиняне пришли в ужас: они порвали союз с фиванцами; сочувствовавших беотийцам они привлекли к суду, и частью казнили, частью изгнали, частью присудили к уплате денежного штрафа. В виду всего этого фиванцы поняли, что они попали в затруднительное положение, оказавшись без союзников. Тогда Пелопид и Горгид, занимавшие посты беотархов, замыслили вызвать войну между афинянами и лакедемонянами и для этого придумали следующее. Спартаец Сфодрий, храбрый и прославившийся военными подвигами человек, в то же время легкомысленный, преисполненный пустых надежд и честолюбия, был оставлен с войском в Феспиях; ему было поручено принимать под свою защиту всех отпадающих от фиванцев и помогать им. К нему же и подослали единомышленники Пелопида одного из своих друзей — Диэмпора¹, который и явился к Сфодрию с деньгами и убедительными речами;

¹ Поправка Кейля. В рукописи читается: какого-то купца, который явился к Сфодрию от своего имени с деньгами и т. д.

эти речи подействовали на него еще больше денег. Он убеждал Сфодрия, чтобы тот предпринял важный шаг, именно захватил Пирей, напав врасплох на афинян, совершенно не ожидающих нападения. Ничто не будет так приятно лакедемонянам, как взятие Афин: «фиванцы же недовольны афинянами и считают их предателями и поэтому не придут к ним на помощь. Все эти доводы убедили в конце концов Сфодрия, и он со своим войском вторгся ночью в Аттику. Они дошли до Элевсина, но здесь его воинов охватил страх, и он был замечен врагом». В «Агесилае» (24) версия Плутарха еще более отличается от версии Ксенофонта. Здесь он передает, что Сфодрий, снедаемый честолюбием и завистью к Фебиду, сам пришел к мысли захватить Пирей и только добавляет: «Передают также, что это была проделка беотархов, с Пелопидом и Мелоном во главе. Они подослали к Сфодрию людей, прикинувшихся спартацами»...

Постараемся разобраться в этом эпизоде.

1. Мог ли поход на Афины быть совершен по наущению фиванцев?

Эд. Мейер (Gesch. d. Alt. V, 378) справедливо замечает, что «Пелопид и его товарищи не могли быть уверены в том, что предприятие Сфодрия потерпит неудачу, а если бы он достиг цели, они были бы обречены на верную гибель». Поэтому мне кажется недостаточно, как делает этот ученый, только усомниться в правдивости этой версии: ее необходимо совершенно откинуть, как исторически несостоятельную.

2. Мог ли поход на Афины быть предпринят по наущению Клеомброта, как думает Диодор?

На такой шаг можно решиться, только имея прочную опору в спартанском обществе, а партия Клеомброта никакой роли в Спарте не играла. Известие же Диодора — только позднейший вывод из указаний Ксенофонта о партийном положении Сфодрия и Клеомброта (Эд. Мейер, Gesch. d. Altertums, V, 379).

Теперь вспомним о характере и взглядах Агесилая. Что он не останавливался перед предательским нарушением мира и охотно, опираясь на кучку аристократов, производил перевороты в дружественных со Спартой государствах, что это именно было целью его политики — не может подлежать сомнению. Вспомним хотя бы инспирированный Агесилаем и проведенный Фебидом переворот в Фивах (выше, гл. 2, 25 и сл.). По меткому выражению Эд. Мейера (Gesch. d. Altertums, V, 205) у Агесилая была только одна цель — «усиливать власть Спарты и тем самым свою собственную, не брезгуя никакими средствами... Зато он был большим специалистом в искусстве облекать свои честолюбивые замашки и рискованные приемы покровом добропорядочности и слащавой прописной морали». Далее, в противоположность Клеомброту, и престиж Агесилая в Спарте был очень большим. «Положение его, — говорит тот же автор (там же V, 294), — было настолько прочным, что он сам выступал только в самые решительные минуты, а во всех прочих

случаях даже отказывался от поручений, которые возлагало на него правительство, и под тем или иным предлогом поручал их своему коллеге или другому военачальнику; но не может быть сомнения в том, что в действительности он держал все нити политики в своих руках». Итак, Агесилай в последнее время перед этими событиями отказывался от открытых политических выступлений. Ксенофонт считает причиной этого те упреки, которые сыпались на него со стороны его политических противников, не склонных, не считаясь ни с чем, помогать олигархам всего мира (выше, § 13). Вдобавок такое положение имело особое удобство: ответственным за внешнюю политику становился Клеомброт, а Агесилай мог, фактически руководя ею, делать вид, что находится в стороне, и спокойно критиковать соперника, обливая его грязью и клеветой. А клеветой, как мы видели (коммент. к § 16), Агесилай не брезговал.

После всего сказанного я предложу следующую (пусть несколько фантастическую) гипотезу для объяснения похода Сфодрия. Прибывшие к нему и склонившие его к походу на Пирей спартанцы были подосланы Агесилаем. При этом последний, конечно, надеялся, что предприятие удастся: день захвата Афин был бы днем общего праздника, и ни о каком расследовании и суде не было бы и речи. Если же бы замысел не удался, то он прекрасно понимал, что у всех (как и у информаторов Диодора, см. цитату выше) должна явиться мысль, что Сфодрий действовал по наущению Клеомброта и других его единомышленников; никому не могло притти в голову подозревать Агесилая, принадлежавшего к враждебной Сфодрию партии и ушедшего от политики. Так и произошло, и естественно, что «клеомбротовцам» не оставалось ничего другого, как просить милосердия у Агесилая и прибегнуть к протекции его сына. Но Агесилай, уверенный в своей неуязвимости, ответил гордым отказом (§ 30). Но теперь представим себе, что противникам Агесилая удалось наткнуться на факты, изобличающие Агесилая в подстрекательстве Сфодрия к походу... Это должно было вынудить Агесилая к примирению с противником для спасения своей репутации. Широким массам была предложена версия, которой угощает нас Ксенофонт: Агесилай пошел на уступки потому, что он-де был очень самолюбив, да вдобавок и Сфодрий был примерным гражданином. Но у всех на языке вертелся вопрос: кто же подбил Сфодрия на его поступки? Не мог же он сам решиться на такой шаг? На это «правительственное сообщение» отвечало: конечно, Сфодрия подбили не Агесилай и не Клеомброт, а должно быть фиванцы. Заметим, что Ксенофонт именно в такой проблематической форме сообщает об этом. Пущенная Агесилаем из самосохранения легенда о беотийской интриге делала честь дипломатическому искусству фиванцев: неудивительно, что беотийская историография ухватилась за нее, разукрасила ее, и отсюда ее позаимствовал уже Плутарх.

Поход Сфодрия имел место в январе-феврале 378 г.

Оказывали беотийцам ревностную поддержку — ср. Диодор (XV, 29, 6, 4, 34): «Они экипировали двести кораблей и привлекли фиванцев в члены союза на равных условиях со всеми прочими» (речь идет о втором афинском морском союзе, о котором Диодор сообщает в главе 28. Союз этот был основан на принципах «полного равенства»; всякое мероприятие должно было быть санкционировано и афинянами и союзным советом, в который афиняне не входили). Здесь Диодор ошибается. Союз афинян с фиванцами предшествовал образованию второго морского союза, хотя и был основан на тех же принципах. Это видно из дошедшего до нас на камне учредительного статута этого союза, относящегося к 378/377 г. (Inscriptiones Graecae, II, 17). Здесь мы читаем: «Всякое греческое или варварское государство, на материке или на острове, не подчиненное царю¹, если желает стать союзником афинян и их союзников, может это сделать, оставаясь свободным и автономным, сохраняя у себя какой угодно политический строй, не принимая к себе (афинского) гарнизона или военачальника, не платя никаких податей, — на тех же условиях, на каких с нами вступили в союз хиосцы и фиванцы». Как указывает Диодор (XV, 29, 6), начальствование над союзными силами было вверено Тимофею, Хабрию и Каллистрату. Численность союзного войска была определена в 20 000 гоплитов и 500 всадников. При вести о вторжении Агесилая в Беотию на помощь афинянам двинулся Хабрий с 5 000 пехотинцев (преимущественно пельтастов) и 200 всадников (Диодор, XV, 32, 2).

Он выступил — летом 378 г. Ср. Диодор (XV, 32, 1): «Агесилай выступил со своим войском и прибыл в Беотию. Войско его насчитывало более 18 000 воинов в том числе пять мор² лакедемонян, а каждая мора состоит из пятисот человек... Всадников в войске Агесилая было 1 500».

В Феспиях — ср. Диодор (XV, 32, 2): «Прибыв в город Феспии, в котором стоял лакедемонский гарнизон, он расположился лагерем близ него».

Проник внутрь ограды — близ Киноскефал, в Фиванской области (Ксенофонт, Агесилай, 2, 22; ср. выше, § 15). Он пытался вынудить врага принять сражение в открытом месте, но тщетно. Диодор (XV, 32, 3—6): «Фиванцы заняли какой-то продолговатый холм, отстоявший на 20 стадий (около 3 километров) от их города; место это было удобно своей неприступностью, и здесь они ждали врага. Наслышавшись об Агесилае, они не решились принять битву на открытом месте на равных условиях. Агесилай... повел против них свое войско... Афинянин Хабрий, начальник наемников, приказал воинам встретить напор врага... став на колени, закрывшись щитами и выставив вперед копья. Они исполнили приказание... Агесилай не считал возможным напасть на занимающих высоты...»

¹ Ср. положения Анталкидова мира.

² См. коммент. к кн. VI, гл. 4, § 12.

Вырубил и выжег — ср. Д и о д о р (XV, 32, 6): «Так как фиванцы не выходили на бой, он увел пехоту; конница же его и легковооруженные, находясь в полной безопасности, опустошали по его приказанию страну и захватили богатую добычу».

4 45 Несколько иначе рассказывает о боях под Феспиями и смерти Фебида Д и о д о р (XV, 33, 5—6): «После отбытия Агесилая фиванцы выступили в поход на Феспии; передовая стража, состоявшая из двухсот человек, была перебита, но упорные приступы к городу не дали никаких результатов, и войско вернулось в Фивы. Лакедемонянин Фебид, находившийся с значительным гарнизоном в Феспиях, сделал вылазку из города и совершил легкомысленное нападение на отступающих фиванцев. При этом он потерял более пятисот солдат и сам, отважно сражаясь лицом к лицу с врагом и получив много ран, погиб, как герой».

4 17 С наступлением весны — 377 г.

4 48 Ср. Полиэн (II, 1, 11): «Агесилай, узнав, что фиванцы охраняют проход, ведущий к Сколу, приказал всем посольствам, прибывшим из разных греческих государств, ждать его в Феспиях. Узнав об этом, афинское войско, оставив прежние позиции, направилось к проходу, ведущему к Феспиям, и охраняло его. Агесилай же, совершив в один день путь, на который обыкновенно тратят два дня, прибыл к неохраямому никем проходу, ведущему на Скол, и прошел этим путем без всякой борьбы».

4 50 На *Грайском лоне* — какой-то холм в Танагрской области; Полиэн (II, 1, 12) называет его «Изваяние Реи». Вероятно, и ксенофонтово (Γράδος στῆδος) и полиэново (Ρεας ἔδος) чтения основаны на описке переписчика (или самого Полиэна); возможно, что правильное чтение Γραίας ἔδος — «изваяние Грайи» (Грайя — одно из имен героини — основательницы Танагры). Холм этот мог быть назван так потому, что на нем находилось изваяние Грайи (Шнейдер).

4 51 Этот же эпизод у Полиэна (II, 1, 12).

4 53 «Та крайне жеманная манера, с которою Ксенофонт описывает эти события, показывает, насколько ощутительно было это поражение для Агесилая» (Эд. Мейер, ук. соч., V, 390): «Несмотря на незначительную потерю в людях, это поражение было крайне ощутительно для Спарты: оно доказывало, что спартанцы не могут уже быть уверены в своем тактическом превосходстве» (там же, 388). Д и о д о р (XV, 34, 1—2) говорит об этой победе в более определенном тоне (хотя в подробностях, конечно, надо отдать предпочтение Ксенофону): «Некоторое время спустя лакедемоняне с тем же войском снова двинулись в поход на Фивы. Фиванцы заняли какие-то другие неприступные местности; им удавалось мешать врагу грабить страну, но все же они не решались выступить в бой со всем вражеским войском лицом к лицу на открытом месте. Однако, когда Агесилай пошел на них приступом, они стали постепенно спускаться со своих позиций и завязывать с ним сражение. Долгое время шел ожесточенный бой; сперва преоб-

ладание было на стороне войска Агесилая. Но затем из города высыпало всенародное ополчение фиванцев; Агесилай, видя многочисленность выбегающих, подал своим воинам сигнал трубой прекратить сражение. Фиванцы увидели, что теперь они впервые оказались не слабее лакедемонян; они поставили трофей и с этого времени смело вступали в бой со спартанским войском».

Двинулся назад — может быть, причиною этого отступления было недовольство союзников, о котором рассказывает Плутарх (Агесилай, 26), хотя, как справедливо указал Эд. Мейер (ук. соч., II, 389), невозможно считать историческим фактом анекдот, сообщаемый по этому поводу Плутархом (Агесилай 26): Агесилай якобы ответил союзникам, указывавшим, что их во много раз больше, чем спартанцев, что они в мирное время занимаются ремеслами, а спартанцы — воины по призванию, и поэтому только последние могут приниматься в расчет как настоящие воины.

Когда наступила следующая весна — 376 г. Рассказ о болезни Агесилая повторяется у Плутарха (Агесилай, 27).

В течение этого и ближайшего времени фиванцы одержали ряд мелких, но важных для общего положения дел побед над спартанцами: Харон со своей конницей разбил близ Платей их конницу, предводимую Герондом, убив 40 человек (Плутарх, Пелопид, 25); удалось наконец овладеть Феспиями; в 375 г. Пелопид пытался овладеть Орхоменом; правда, это ему не удалось, но зато близ Тегиры он разбил на голову в открытом бою две спартанские моры, предводимые полемархами Горголеонтом и Феопомпом, несмотря на значительное численное превосходство неприятеля; в бою пали оба полемарха (Плутарх, Пелопид, 16—17). Это была первая бесспорная победа над спартанцами в открытом бою.

И победили в морской битве — битва эта влетает мало лавров в победный венок спартанцев; поэтому Ксенофонт и обходит ее молчанием. Более подробное описание ее у Диодора (XV, 34, 3—6, 35): «В это же время произошла большая битва между Наксосом и Паросом. . . Афинский наварх Хабрий со всем своим флотом поплыл к Наксосу и стал его осаждать. Он подвез к крепости машины и потрясал ими стены, прилагая все старания к тому, чтобы взять город силой. В это время лакедемонский наварх Поллид приплыл на помощь наксосцам. . . Оба флота выстроились и поплыли друг против друга. Во флоте Поллида было 65 триер, у Хабрия же — 83. Как только корабли подплыли друг к другу, тотчас же Поллид, командовавший правым флангом, врезался в находящийся против него левый фланг врага, которым командовал афинянин Кедон. Поллид храбро сражался, убил самого Кедона и потопил его корабль; равным образом он нападал и на другие триеры, наносил им пробоины корабельными носами и частью топил, частью принуждал к бегству. Увидя это, Хабрий выслал против него часть бывших с ним кораблей. Они устремились на помощь попавшим в затруднительное положение и уравнили шансы обеих сторон. В то же время сам Хабрий с лучшей частью флота

отважно сражался и погубил много неприятельских кораблей; немало взял он также в плен. Однако, несмотря на то, что он одержал победу и обратил в бегство все неприятельские корабли, он совершенно воздержался от преследования. Он хорошо помнил, что после Аргинусской битвы народ в награду за благодеяние осудил стратегов на смертную казнь, обвинив их в том, что они не предали погребению тела погибших в морском бою. Он боялся, чтобы в виду полной тожественности обстоятельств не претерпеть такой же судьбы. Поэтому он прекратил преследование и занялся спасением граждан, еще удержавшихся на воде: живых он взял на борт, а умерших предал погребению. Если бы он не должен был думать об этом, он без труда уничтожил бы весь вражеский флот. В этой битве у афинян погибло 18 триэр, у лакедемонян — 24, и кроме того восемь было взято в плен вместе с экипажем. Победив в этой славной битве, Хабрий поплыл с богатой добычей в Пирей и встретил восторженный прием». После этой битвы к Афинам стали присоединяться один за другим Кикладские острова (в афинской надписи *Inscriptiones Graecae*, II, № 17, содержащей список союзников, упомянуты Парос и целый ряд уничтоженных временем имен; кроме того Афины на Евбее); они доставляли афинскому союзу суда и деньги. Отовсюду были изгнаны спартанские гарнизоны. Удалось захватить еще 20 вражеских кораблей. Вся привезенная Хабрием в Афины добыча состояла из 49 триэр, 3000 пленных и 160 талантов. Битва при Наксосе произошла 16 боэдромия (9 октября) 376 г. (П л у т а р х, Фокион, 6, также Камилл, 19). В следующем 375 г. Хабрий выступает уже как начальник сухопутного войска. Жители Абдеры во Фракии попросили у афинян помощи против напавших на них диких жителей Дуная — трибаллов. Хабрий отправился в Абдеру, разбил трибаллов и для защиты от новых вторжений оставил здесь гарнизон (Диодор, XV, 36, 1—4).

О походе Тимофея Диодор (XV, 36, 5) сообщает следующее: «Тимофей, вступив в командование флотом, поплыл на Кефаллению и присоединил к Афинам находящийся на ней город; точно также он убедил перейти на сторону афинян и акарнанские города. Далее он заключил дружественный союз с Алкетом, царем молоссов, и вообще присоединил к себе большую часть находящихся в этих местах городов. Затем он победил лакедемонян в морской битве близ Левкады». Договор с Керкирой дошел до нас (афинская надпись, *Inscriptiones Graecae*, II, № 49). В дошедшем до нас официальном списке союзников Афин (упомянутая уже афинская надпись *Inscriptiones Graecae* II, № 17) из названных народов и местностей мы встречаем: Керкиру, акарнанцев, пронцев на Кефаллени (очевидно, вопреки сообщению Диодора, прочие города Кефаллени не присоединились к афинянам. Они присоединились только в 373 г., см. кн. VI, гл. 2, § 33), царя молоссов Алкета и его сына Неоптолема.

О затруднительном денежном положении флота Тимофея говорит

также Исократ (XV, 109): «Отправив его вокруг Пелопоннеса, государство ассигновало ему только 13 талантов и дало флот из 50 триэр; несмотря на это, он взял Керкиру — город, владеющий 80 триэрами». Там же (XV, 120): «(Соучастники его похода) знают, что он уже с самого начала войны находится в крайней нужде, так как он ничего не взял у города». Тимофей, сын Конона, ученик Исократа, пользовался огромным влиянием в Афинах, как наследник славы и крупного состояния своего отца.¹

¹ Род Конона вообще был очень влиятельным. До нас дошли: посвященный дар в храм от имени отца Конона — Тимофея Старшего (Inscriptiones Graecae, I, ed. minor, 651), подножия статуй Конона и Тимофея, воздвигнутых в честь их (Dittenberger, Sylloge, 2 изд., 85) надпись, в которой указывается, что сын Тимофея — Конон Младший — был триэрархом (Inscriptiones Graecae, II, 804).

К КНИГЕ ШЕСТОЙ

1 3 Славилась чисто-фессалийской расточительностью — фессалийская роскошь, обусловленная необыкновенным плодородием страны, вошла в поговорку. Ср. Афиной (XIV, р. 662): «По общему мнению фессалийцы превосходят всех греков роскошью в одежде и пище».

1 6 Ксенофонт никогда не упускает случая прочесть читателю нравоучительную лекцию о военном искусстве.

1 8 Фессалия состояла из целого ряда самостоятельных, но объединенных между собою в союз государств. В случае необходимости вести войну, сообща выбирался диктатор, называвшийся тагом.

В Греции нормальное отношение числа всадников к числу пехотинцев было 1 : 10 (ср. «Отрывок», приложение, гл. 11); но в Фессалии было чрезвычайно развито коневодство, и вдобавок люди аристократического происхождения здесь служили только в коннице. Поэтому здесь пропорция была иная.

Вполне естественно, что Ксенофонт, участник (а потом и руководитель) похода 10 000 греков с Киром Младшим против персидского царя, был одним из носителей идеи объединения Греции под сильной властью с целью покорения персидского царства. Идея эта зародилась в умах греков в конце V века. Так, уже в 411 году Аристофан устами своей Лисистраты («Лисистрата», 1133—1134) говорил:

... Общий враг
У всех вас есть заклятый — перс, и все же вы
Ведете войско на свои же города
И, греков убивая, губите нас всех.

В IV веке эта идея была главной темой вдохновенных речей Исократы, и наконец Александр Македонский претворил эту мечту в жизнь. Ксенофонт не напрасно влагает свои мысли в уста Ясона: он действительно думал о походе на персидское царство; это подтверждает Исократ в речи к Филиппу (119): «(Ясон) заявлял, что он перейдет на материк Азии и будет воевать с царем».

1 19 Скопас — кранносский властитель, был фессалийским тагом во время персидских войн.

Не делают никаких взносов — установленных для членов афинского морского союза.

Был заключен мир в 374 г. По Диодору (XV, 38, 1) посредником и на этот раз был персидский царь. Хотя вообще Диодор путает мир 374 г. с миром 371 г., сообщая два раза одни и те же факты, но в этом ему, кажется, можно верить (Эд. Мейер, *Gesch. d. Alt.*, V, 398).

На этот остров — в укрепленный пункт Нелл, как мы видим из афинской надписи *Inscriptiones Graecae*, II 17, где в числе афинских союзников названы «закинфские демократы, находящиеся в Нелле». Диодор называет этот пункт Аркадией; см. цитату ниже.

Занимавшие город — т. е. аристократы; они противопоставляются демократам, занимавшим Нелл.

Ксенофонт рассказывает о событиях 374 и 373 гг. лишь вкратце и без необходимейших подробностей; «ясно, что ему многое надо затушевать, и потому он нарочно многое замалчивает» (Эд. Мейер, *ук. соч.*, V, 400). Приведем для сравнения рассказ Диодора (XV, 45, 46, 1—3): «Во всех государствах Греции вследствие необычайного положения вещей начались волнения; общая анархия послужила причиной для многочисленных переворотов. При этом лакедемоняне оказывали вооруженную поддержку приверженцам олигархического строя, а афиняне — сторонникам демократии. Оба эти государства лишь короткое время соблюдали мир, а затем стали воевать, содействуя близким им по мыслям правительствам и совершенно не считаясь с заключенным ими всеобщим миром. Так, на Закинфе демократия относилась враждебно к лицам, захватившим власть во время спартанской гегемонии, и мстя им за прежнее, изгнала их всех из города». Здесь в тексте пропуск; очевидно, олигархам удалось вернуться в город, как можно заключить из диодоровского вступления, — при тайном содействии лакедемонян. Вернувшись, они в свою очередь изгнали демократов. «Последние, продолжает Диодор, бежали к начальнику афинского флота Тимофею, вступили в его экипаж и сражались вместе с ним. Заручившись таким образом его содействием, они уговорили его высадить их на свой остров; здесь они захватили приморское укрепление, носившее название Аркадии, и сделали его своей базой. При содействии Тимофея они наносили всяческий ущерб сидевшим в городе. Закинфяне обратились с просьбой о помощи к лакедемонянам. Последние сперва отправили послов в Афины, которые выступили с обвинением против Тимофея, но затем, убедившись, что симпатии афинского народа на стороне изгнанников, приступили к снаряжению флота. Экипировав двадцать пять триэр, они послали их под начальством Аристократа на помощь закинфянам».

Одновременно с этими событиями группа сторонников лакедемонян из Керкиры¹ восстала против демократии и обратилась к

¹ Изгнанников, см. ниже.

спартанцам с просьбой прислать флот, обещая им, что Керкира будет передана в их руки. Лакедемоняне, зная, что обладание Керкирой имеет решающее значение в борьбе за владычество на море, не захотели упустить случая овладеть этим городом. Они тотчас же послали в Керкиру двадцать две триэры под командой Алкида. Они сделали вид, будто этот флот направляется в Сицилию, дабы керкирцы приняли их, как друзей; таким способом они надеялись, действуя вместе с изгнанниками, захватить город. Но керкирцы, узнав о замысле спартанцев, усилили охрану города, а также отправили послов в Афины с просьбой о помощи. Афиняне постановили послать подмогу керкирцам и закинфским изгнанникам и в Закинф отправили стратега Ктесикла, а в Керкиру собирались отправить значительные морские силы.

2 12 Он стал крeйсировать — Тимофей выехал из Афин в мунихионе (апреле) 373 г.

Подробнее об этом процессе рассказывает нам Псевдо-Демосфен (49, 9 и сл. 22). Обвинителями Тимофея выступили политический оратор Каллистрат (ср. ниже, § 89 и гл. 3, § 3) и знаменитый полководец Ификрат. С другой стороны, в Афины прибыли в качестве свидетелей защиты могущественные друзья Тимофея — царь Алкет Молосский и Ясон Ферский. Из уважения к этим защитникам, а также в виду общепризнанных заслуг своего отца Конона, Тимофей был оправдан и только устранен от должности; казначей его Антиммах был обвинен в хищениях и казнен; имущество его было конфисковано. Известие Диодора (см. цитату ниже, к § 26), будто Тимофей остался в должности стратега, не соответствует действительности.

2 26 Привожу для сравнения не имеющий большой исторической ценности рассказ Диодора (XV, 47, 1—6) об осаде Керкиры: «Лакедемоняне назначили стратегом Мнасиппа и отправили его на Керкиру с флотом из 65 триэр и 1500 солдат. Мнасипп поплыл в Керкиру и, соединившись с изгнанниками, проник в гавань. Ему удалось захватить четыре вражеских корабля; остальные три корабля успели приплыть к берегу, где были сожжены самими керкирцами, не желавшими, чтобы они достались врагу. Мнасипп разбил и на суше керкирское войско, занявшее какой-то холм. Всем этим он навел на керкирцев страшную панику. Афиняне уже задолго до этого послали сына Конона, Тимофея, с флотом из шестидесяти кораблей на помощь керкирцам. Прежде чем отправиться на помощь к Керкире, Тимофей поплыл со своим флотом во Фракию; он склонил много городов к союзу с афинянами и увеличил здесь свой флот на 30 триэр.¹ Вследствие этого он не прибыл своевременно на помощь к Керкире. Это вызвало неудовольствие афинского народа, и Тимофей был сперва устранен от долж-

¹ Это — несомненно ошибка. Диодор спутал здесь Тимофея с Хабрием, действительно совершившим в 375 г. поход на Фракию, см. коммент. к кн. V, гл. 4, § 61, с ссылкой на Диодора (XV, 36, 1—4).

ности стратега; но, когда он приплыл в Афины с целой свитой послов от союзных государств и с тридцатью новыми триэрами, причем весь его флот был блестяще оборудован для войны, афинский народ отменил свое решение и снова назначил его стратегом.¹ Затем было снаряжено еще 40 триэр, так что общее число их достигло ста тридцати. Кроме того были сделаны достаточные запасы хлеба, оружия и прочих необходимых в войне вещей. Непосредственное начальствование в предстоящем предприятии афиняне возложили на Ктесикла, выбрав его стратегом и отправив его с 500 воинами на помощь керкирцам. Ему удалось обмануть бдительность врага и приплыть ночью к Керкире. Во время его прибытия среди граждан шла партийная борьба, а военные дела были в крайнем нерадении. Ктесикл заставил керкирцев прекратить внутреннюю рознь, принял все необходимые меры для обороны города и вдохнул мужество в осажденных. Он начал с того, что неожиданно напал на осаждающих и перебил из них около 200 человек. Затем он завязал большое сражение с врагом, в котором пал сам Мнасих и кроме того еще значительное число воинов. Наконец, он совершил дело, достойное высших похвал: «превратил осаждающих в осажденных».

Сагии — три маленьких острова перед мессенским Пилосом.

2 31

О взятии в плен флота Дионисия рассказывает также *Диодор* (XV, 47, 7): «В то время как война на Керкире почти уже закончилась, сюда приплыл афинский флот под командой стратегов Тимофея² и Ификрата. Они прибыли слишком поздно и в них уже не было нужды; единственное достойное упоминания их дело — это захват настигнутых ими сицилийских триэр, посланных Дионисием на помощь лакедемонянам под командой Киссида и Криниппа. Триэры эти в числе девяти были захвачены вместе с экипажем; от продажи пленных было выручено более шестидесяти талантов, которые пошли на уплату жалованья войску». Рассказ этот в подробностях не совпадает с рассказом нашего автора, и, конечно, мы отдадим предпочтение последнему. Зато нет никакого основания не доверять следующему известию *Диодора* (XVI, 57, 2—3): «В то время как Ификрат находился со своим флотом на Керкире, он настиг в море сиракузские корабли и овладел ими. Корабли эти везли изваяния из золота и слоновой кости, посланные властителем Сиракуз Дионисием в Олимпию и Дельфы. Не зная, как поступить с захваченной добычей, Ификрат отправил запрос в афинское народное собрание. Афиняне приказали ему оставить религиозные умствования и подумать о том, как бы накормить воинов. Вняв решению своих соотечественников, Ификрат продал с публичного торга драгоценности, принадлежавшие богам. Тирани же был крайне разгневан на афинян и написал им

2 36

¹ Это — неверно. См. коммент. к § 12.

² Неверное известие. См. коммент. к § 26, прим. 1 на стр. 326.

такое письмо: «Дионисий афинскому совету и народу...¹ здравствовать. Нет! Так писать грешно, после того, как вы оказались святотатцами и на суше и на море, после того, как вы захватили и изрубили статуи, посланные нами для посвящения богам; после того, как вы кощунственно оскорбили величайших богов — Аполлона Дельфийского и Зевса Олимпийского».

3 1 О разрушении Платей и Феспий Диодор (XV, 46, 4—6) рассказывает следующее: «Платейцы, будучи ревностными приверженцами союза с афинянами и желая отдать свой город последним,² призывали к себе афинских воинов. Вследствие этого безтархи негодовали на платейцев; желая поспеть в Платею прежде, чем придет помощь от Афин, они немедленно двинулись с значительным войском на платейцев и подошли близко к стенам города. Так как платейцы не ожидали этого нападения, то большая часть их оказалась на полях и была захвачена в плен всадниками;³ остальные бежали в город. Однако, не имея никаких союзников, они принуждены были принять угодные врагам условия: именно, взяв с собой всю движимость,⁴ удалиться из города, обязавшись никогда больше не вступать на беотийскую землю. Затем фиванцы разрушили Платей и предали разграблению Феспии, настроенные враждебно к фиванцам. После этого платейцы бежали вместе с детьми и женами в Афины; здесь за свое благородство они получили права гражданства».⁵ Сопоставляя указания Диодора (XV, 46, 4) и Павсания (IX, 1, 8), разрушение Платей следует отнести к лету 373 г. О возмущении афинян этим поступком беотийцев свидетельствует дошедшая до нас «Платейская речь» Исократ. Это — политическая брошюра, имеющая форму речи, обращенной к афинянам и вложенная в уста платейцам; она содержит исполненную возмущения критику поведения фиванцев. Указанию Диодора, будто Феспии были разрушены, не следует доверять.⁶ Он (или его прототип) имел источником наше же место Ксенофонта, но, вследствие незнакомства с государственно-правовой терминологией эллинов (и в частности Ксенофонта), просто не понял его...⁷

Лишившимися самостоятельных учреждений. Беотийский союз представлял собою в эту эпоху чисто-демократическое госу-

¹ Греческие письма начинались стереотипной фразой: А (автор письма), (желает) здравствовать В (адресату).

² Так как иначе они бы вынуждены были вступить в Беотийский союз (Исократ, Платейская речь), чего они не желали.

³ По Павсанию (IX, 1, 5) платейцы были вполне готовы к приближению фиванцев, но последним при помощи военной хитрости удалось выманить их из города, после чего город был захвачен фиванцами, а жителей обратно в город уже не впустили.

⁴ По Павсанию (IX, 1, 7) им позволено было только взять — мужчинам по одному, а женщинам по два платья.

⁵ В действительности право гражданства в Афинах было предоставлено платейцам уже после событий 427 г. (ср. Аристофан, «Лягушки», 693).

⁶ Эд. Мейер, ук. соч., V, 391.

⁷ Ошибку эту повторил я — «Беотийский союз», 244, пр. 1.

дарство. Но, с другой стороны, он был преобразован на началах строгой централизации, по образцу Аттики: отдельные государства лишились своих учреждений, их граждане могли осуществлять свои права, только прибывая в Фивы.

Оставшиеся верными в борьбе с варварами — платейцы и феспийцы, подвергшиеся теперь репрессиям, во время персидских войн были единственными беотийскими государствами, стоявшими на стороне эллинов; сами фиванцы были на стороне персов.

Дадух — жрец, державший факел при жертвоприношении во время элевсинских таинств (см. кн. I, гл. 4, § 20.). Это была самая почетная должность на этом празднестве после гиерофанта: она была наследственной в фамилии Каллия.

Вернувшись от царя — очевидно, Ксенофонт не считал удобным упомянуть об этой второй поездке Анталкида в Сузы своевременно, не мимоходом.

По старинному постановлению — во время персидских войн собрание греков наложило такую кару на всех тех своих соплеменников, которые были на стороне персов (Геродот, VII, 132), в числе последних были и фиванцы.

Диодор (XV, 50, 4) так рассказывает об этом конгрессе: «Царь Артаксеркс, видя, что в Греции опять начались смуты, отправил послов, приглашая их прекратить междоусобную войну и заключить общий мир, положив в основу те же принципы, что и в предыдущий раз. Все греки охотно приняли его предложение, и общий мир был заключен всеми государствами, исключая Фив: одних только фиванцев греки не приняли в число участников общего соглашения, так как они хотели превратить всю Беотию в одну синтелию (см. коммент. к кн. IV, гл. 4, § 6), а все были такого мнения, что в мире и клятвах должны участвовать все отдельные города, как самостоятельные члены. Поэтому теперь, как и прежде, они были объявлены вне покровительства мирного договора; Беотия же осталась одной руководимой ими синтелией». Еще интереснее рассказ Плутарха (Агесилай, 27—28): «Все были склонны к заключению мира. Поэтому в Лакедемон сошлись послы от всей Греции для заключения мирного договора. В числе их был Эпаминонд, муж, выдающийся по образованию и научным знаниям, но тогда не проявивший еще себя как стратег. Видя, что все прочие пресмыкаются перед Агесилаем, он один решился выступить с открытой речью, посвятив ее не только интересам фиванцев, но общему благу всей Греции. Он указал на то, что война только увеличивает могущество Спарты, отчего все остальные терпят ущерб; что мир, чтобы быть прочным, должен быть основан на принципах всеобщего равенства и справедливости.

Агесилай, заметив, что Эпаминонд пользуется вниманием и горячими симпатиями присутствующих,¹ задал ему вопрос, считает

¹ Вряд ли это верно. Из того факта, что союзники согласились на исключение фиванцев из списка договаривающихся, можно с большой вероятностью

ли он правильным с точки зрения «всеобщего равенства и справедливости», чтобы беотийские города пользовались автономией. Эпаминонд, не задумываясь и не смущаясь, ответил Агесилаю вопросом же, не считает ли тот справедливым, чтобы и города Лаконии получили автономию.¹ Тогда Агесилай в страшном гневе вскочил с места и потребовал, чтобы Эпаминонд заявил определенно, предоставят ли фиванцы автономию беотийским городам. Эпаминонд таким же образом спросил его, предоставят ли спартанцы автономию городам Лаконии. Агесилай был возмущен и охотно ухватился за удобный предлог для того, чтобы немедленно вычеркнуть фиванцев из списка заключивших мирный договор и объявить им войну. Всем прочим грекам он предложил, заключив мир, разойтись по домам; дела, поддающиеся мирному решению, он рекомендовал им разрешить мирным путем, а неподдающиеся — войной, так как очень трудно было найти выход, чтобы уничтожить все трения. . . Мир этот был заключен в Лакедемонe 14 Скирофорона (16 июля 371 г.)»

Рассказ Диодора (XV, 51, 3), будто Клеомброт с свеженабранным войском двинулся в Беотию из Спарты, не заслуживает доверия. О численности войска Клеомброта мы узнаем из Плутарха (Пелопид, 20): «Клеомброт вторгся с 10 000 гоплитов и 1000 всадников». Беотийским войском, пытавшимся не пропустить Клеомброта в Беотию, командовал Эпаминонд (имени которого Ксенофонт умышленно нигде не упоминает). См. Павсаний, IX, 13, 3: 2 «Эпаминонд с частью войска засел позади Кефисского (то же, что Копайдское. — С. Л.) озера, полагая, что пелопоннесцы вторгнутся именно по этому пути. Но лакедемонский царь Клеомброт двинулся по дороге, ведущей на фокейский Амброс, и, убив Херея, которому было поручено охранять здесь проходы, перебил бывший с ним фиванский отряд, перешел через горы и прибыл в беотийские Левктры». Диодор (XV, 52, 2, 7): «Эпаминонд. . . двинулся со своим отрядом из Фив, имея всего не более 6 000 воинов. . . Заняв расположенные близ Короней ущелья, он расположился здесь лагерем».

4 5 *Противники же* — т. е. приверженцы партии, руководимой

предположить, что Агесилай с Каллистратом и прочими послами еще до открытия конгресса заключил тайное соглашение, направленное против фиванцев, и таким образом блестящая речь Эпаминонда не имела ожидавшегося успеха (ср. Эд. Мейер, ук. с.ч., V, 407). Недаром наш автор замечает, что «фиванцы удалились в полном отчаянии: они, конечно, не могли ожидать такого вероломства со стороны афинян» (Грот, История Греции, стр. 444).

¹ Ср. Павсаний (IX, 13, 2): «Мы позволим беотийским городам приносить клятву каждому от своего имени только тогда, когда и вы позволите вашим перикам (см. коммент. к кн. III, гл. 3, § 6) приносить клятву от имени каждого отдельного их города».

² По мнению Вилламовица источником послужила здесь Павсанию утраченная плутархова библиография Эпаминонда. Если это так, то его данные очень ценны (Эд. Мейер, ук соч., V, 410).

Агесилаем, которой симпатизировал и сам Ксенофонт (ср. коммент. к кн. V гл. 3, § 1 и гл. 4, § 16).

Главари фиванцев — о совещании беотархов, на котором было вынесено решение вступить в бой со спартамцами, рассказывают Диодор (XV, 53, 3), Павсаний (IX, 13, 6—7) и Плутарх (Пелопид, 20). Диодор: «Беотархи собрались на совет и обсуждали, остаться ли им на том же месте и вступить в бой с войском, во много раз превосходящим их численностью,¹ или отступить, чтобы принять бой в более удобном месте. При этом голоса военачальников разделились пополам: из шести присутствовавших беотархов трое полагали, что нужно удалиться, а остальные трое, что нужно остаться на месте и принять бой. В числе последних был и Эпаминонд. Таким образом беотархи попали в затруднительное положение, и вопрос оставался открытым до тех пор, пока не прибыл седьмой беотарх; Эпаминонд убедил его подать свой голос за поддерживаемое им предложение, и таким образом его мнение было принято». Павсаний приводит имена беотархов: «Эпаминонд, Малекид и Ксенократ² держались того взгляда, что надо намеренно вступить в бой, а Дамоклид, Дамофил и Симангел были против того, чтобы вступить в бой: они предлагали, «заложив»³ детей и жен в Аттике, готовиться к осаде. К голосам партии Эпаминонда присоединился и голос седьмого беотарха; последний, по имени Вакхилид, до этого времени стоял с гарнизоном на страже проходов через Киферон и только теперь вернулся в лагерь».

Миф этот подробнее излагают Павсаний (IX, 13, 5—6), Диодор (XI, 54, 1—2) и Плутарх (Пелопид, 20). Девуц этих звали Молпия и Иппо; не добившись правосудия в Лакедемоне, отец их Скедас также покончил самоубийством.

Исчезло священное оружие — об этом же рассказывает Диодор (XV, 53, 4).

Махинации фиванских заправил — конечно, все эти предзнаменования сочинены уже после Левктрской битвы беотийскими историографами, и только еще позднее они были приняты на веру греческими рационалистами и истолкованы как «махинации фиванских заправил» (Эд. Мейер, V, 414). Этой рационалистической версии придерживается Диодор, причем он считает все эти предзнаменования делом рук Эпаминонда.

¹ Преувеличение.

² Надгробный камень Ксенократа с начертанной на нем эпитафией сохранился до нашего времени (Inscriptiones Graecae, VII, № 2462).

Вот перевод этой эпитафии:

«Зеву трофей водрузить досталось в удел Ксенократу
В час, когда Спарты копье всюду царило вокруг.
Грозных спартанских щитов и с Еврота пришедшего войска
Не убоившись, он рек: «Мы их отважней в бою».
В Левктрах победный трофей о великой вещает победе...
Нас даже Эпаминонд в доблести не превзошел!»

³ См. коммент. к кн. I, гл. 3, § 2.

4 9 Те, которые не желали сражаться — ср. Павсаний (IX, 13, 8): «Эпаминонд относился подозрительно к своим беотийским союзникам, в особенности же к феспийцам; опасаясь, чтобы они не изменили во время боя, он позволил всем желающим удалиться из лагеря на родину. После этого удалились всей массой феспийцы, а из прочих беотийцев все те, кто был настроен враждебно к фиванцам».

4 10 *Лакедемонская конница* — она впервые возникла только в 424 г. (Фукидид, IV, 55) и всегда пользовалась дурной репутацией.

4 12 Деление на боевые единицы собственно-лакедемонского войска может быть представлено следующей схемой (по Schömann-Lipsius, Griech. Altertümer, 4 изд., 287 и след):

Войско, под командой царя.					
6 ¹	мор, каждая под командой полемарха.				
12 ¹	2	лохов, каждый под ком. лохага.			
48	8 ¹	4	пентекостий, каждая под ком. пентеконтера.		
96	16 ¹	8	2	эномотий, » » » эномотарха.	
3456	576	288	72	36	воинов. ²

В Левктрском сражении приняли участие 4 лакедемонских моры (выше, гл. I, § 1), т. е. 2300 чел., а вместе с командирами более 2400 человек. Из них только 700 были спартиаты (ниже, § 15; около $\frac{1}{5}$ их служили командирами: «царские сотрапезники», 4 полемарха, конюшие и адъютанты полемарха, кавалерийские командиры и 104 низших пехотных командира). Вся остальная масса собственно-лакедемонской пехоты, свыше 1700 человек, состояла из гипомейонов, неодамодов и периэков.

Если они победят часть войска — Ксенофонт умышленно не упоминает о новом блестящем построении войска, введенном Эпаминондом, которому беотийцы и обязаны главным образом победой. Но уже из этой фразы видно, что Эпаминонд не собирался вести войну по принятому шаблону, по которому каждая из сторон выстраивала лучшие свои силы на правом фланге с целью первым делом разбить левое крыло врага и уже после этого напасть на

¹ Ксенофонт, О государственном устройстве Лакедемона, 11, 4; Гарпократион, s. v. μόρα.

² Число воинов в каждой боевой единице менялось в зависимости от числа призванных на военную службу. Поэтому, напр., в нашем месте число воинов в эномотии определено в (12×3) 36 человек, т. е. 576 чел. в море. Такое же число находим выше (кн. IV, гл. 5, § 12): ок. 600 человек (точнее 602 чел. — 576 рядовых и 26 командиров). Плутарх (Пелопид, 17) определяет мору в 900 чел., Диодор (XV, 32, 1) — в 500 чел.

Схему расположения войск см. на стр. 295.

правое с тыла и с фланга: он начинает с нападения на «часть войска, группирующуюся вокруг царя», т. е. на правое крыло врага и, следовательно, сам с отборными фиванцами находится на левом фланге. О введенном им новом строе войска рассказывают Диодор и Плутарх. Диодор (XV, 55, 2): «Отобрав из всего войска наилучших солдат, он их поставил на одну сторону войска, причем он сам взял на себя командование ими в бою. Более слабых воинов он выстроил на противоположной стороне войска и приказал им избегать сражения и при наступлении врага отступать. Поэтому-то он и выстроил войско косым фронтом: он решил, что судьбу боя решит то крыло, на котором были выстроены отборные воины». Там же, § 4: «Войско Эпаминонда одержало верх благодаря доблести и тесной сомкнутости».

Плутарх (Пелопид, 23): «В этом бою Эпаминонд выстроил свое войско косым фронтом, стянув всю массу на левое крыло».

Во всех боях древности фронты войск выстраивались косо; в данном случае фронт назван косым еще и потому, что войско имело на обоих флангах очень различную глубину.

Подобрать Клеомброта — смерть царя в бою была чем-то неслыханным в истории Спарты, так как особа царя усиленно охранялась: наш случай — единственный (Плутарх, Агид, 21).

Ход Левктрской битвы описан у нашего автора крайне одно-сторонне и неверно. Чтобы рассеять впечатление от поражения, он умышленно отвлекает внимание читателя совершенно несущественным для всего положения дел вопросом, был ли во время боя такой момент, когда верх был на стороне лакедемонян. Из того, что лакедемоняне оказались в состоянии подобрать Клеомброта, можно заключить только то, что они некоторое время удерживались на своих местах, но это еще не значит, что они побеждали. Умышленный пропуск Ксенофонта восполняется указанием Плутарха (Пелопид, 23): «Увидя происшедшее (т. е. как Эпаминонд выстроил войско), противники стали перестраиваться: они загибали правый фланг и вели его полукругом, чтобы окружить войско Эпаминонда и обрушиться на него своей массой. В это время из рядов беотийского войска выступил вперед Пелопид со своим отрядом и, приказав своим «тремстам»¹ сомкнуть ряды, устремился бегом и настиг Клеомброта прежде, чем тот успел развернуть свой фланг или снова собрать войско на прежние места и сомкнуть строй; он напал на лакедемонян в то время, когда они еще не заняли своих мест, задвигались и перемещались». Как справедливо замечает Эд. Мейер (ук. соч., V, 414), отряд Пелопида не мог представлять собой отдельно оперирующей боевой единицы; здесь Плутарх, вследствие незнания с военным делом, впадает в ошибку. Несомненно, его отряд представлял собой ядро беотийского фланга, который и предпринял описанную у Плутарха победоносную атаку на перестраивавшихся спартацев.

¹ Так назывался отряд из 300 отборных воинов, набиравшихся из фиванских аристократов («священный отряд»).

Рассказ Диодора (XV, 55—56) совершенно невозможен и не соответствует действительности; прибытие Архидамы и Ясона, по его рассказу, предшествует Левктрской битве.

4 14 Так называемые конюшие (мефиппы) и адъютанты (симфореи) полемарха — о них нам ничего более не известно.

Лакедемонян — т. е. спартиатов и периеков.

4 15 Тысячи человек — то же число у Плутарха (Агесилай, 28) и Павсания (IX, 13, 12); по Диодору (XV, 56) их погибло более четырех тысяч, но это несомненно преувеличение. Поставили трофей — битва произошла 5 гекатомбеона (5 августа 371 г.; Плутарх, Агесилай, 28, Камилл, 19).

4 16 Гимнопедии — спартанский праздник в честь Дельфийской троицы (Аполлона, Артемиды и Латоны), в который юноши пели, танцевали и занимались гимнастическими состязаниями.

4 17 Все те призывные классы — т. е. вообще всех обязанных военной службой лиц, так как лица, пробывшие в войске (т. е. по нашему в запасе) 40 лет, совершенно освобождались от военной службы.

4 20 Не пригласили вестника — вестник считался гостем государства; поэтому он обычно приглашался на устраиваемый государством в честь его торжественный обед.

4 22 О прибытии Ясона и Архидамы Диодор (XV, 54, 5—6) рассказывает следующее (он ошибочно считает, что эти события произошли до Левктрской битвы, а следовательно и до смерти Клеомброта): «В это же время на помощь беотийцам прибыло фессалийское союзное войско под командой Ясона, состоявшее из 1 500 пехотинцев и 500 всадников. Он убедил беотийцев и лакедемонян заключить перемирие и не вверять себя капризной судьбе.

По заключении перемирия Клеомброт двинулся со своим войском из Беотии и встретился здесь с другим большим войском под командой сына Агесилая Архидамы, состоявшим из лакедемонян и их союзников».

4 27 Над узким проходом — горы подходили почти к самым берегам Малийского залива: для прохода оставалась лишь узкая дорожка.

Источник Диодора, как мы видели уже, считал поход Ясона в Беотию предшествовавшим Левктрской битве; поэтому разрушение Гераклеи ему пришлось приурочить к походу Ясона в Локриду (XV, 57, 2): «Тиранн Фер Ясон, могущество которого все возросло, отправился походом в Локриду. Он взял, благодаря предательству, Гераклею Трахинскую и выселил ее жителей; территория была отдана в дар этейцам и мелиейцам».

4 29 Пифийский праздник — один из самых популярных греческих праздников. Он справлялся каждые 4 года в Дельфах в честь Аполлона и состоял из состязаний (гимнастических, музыкальных и литературных) и жертвоприношений. Первая Пифиада совпадает с 3-м годом 48-й Олимпиады 586 г., поэтому и последующие Пифиады падают на 3-й год по Олимпийскому летоисчислению.

Он сам — т. е.: устранив амфикионов, которым принадлежало право распорядителей на Пифийских состязаниях.

О смерти Ясона рассказывает также Диодор (XV, 60, 5): «Ясон Ферский... был коварно убит, по свидетельству Эфора, семью юношами, устроившими заговор с целью прославиться, — по свидетельству других писателей, родным братом Полидором».

В течение года — Плутарх (Гальба, 1) дает более точную дату: «Ферского властителя, правившего Фессалией десять месяцев, а затем убитого, Дионисий называл «трагическим тиранном», намекая этим на быструю перемену его счастья».

От руки Александра, сына убитого им Полидора: «То копье, которым он убил своего дядю Полифрона, он освятил и убрал венками; он приносил этому копью жертвы, как богу, и нарек его Тихоном» (Плутарх, Пелопид, 29). Противоречащее всему этому указание Диодора (XV, 61, 2) не должно быть принимаемо во внимание, так как здесь мы имеем дело с несомненной ошибкой рукописной традиции (Beloch, Griech. Geschichte, II, 257).

Таков был Александр — о правлении этого безнравственного человека, но одного из могущественнейших людей своего времени, мы узнаем много интересного из трудов Плутарха (Пелопид, 27—29, 31—35) и Диодора (XV, 71, 80). Из Лариссы была изгнана вся аристократия с Алевадами во главе. Беглецы обратились за помощью к правительству Беотии. Пелопид, шедший походом в Македонию, безрезультатно пытался примирить обе партии; во время второго похода в Македонию (на обратном пути) он был, вместе с Исмением, отправлен послом в лагерь Александра и захвачен последним в плен. Передают, что в плену его навещала жена Александра, дочь Ясона, Фива; она восхищалась мужеством Пелопида, и якобы уже тогда у нее созрел план убить мужа. Некоторое время спустя Эпаминонду, прибывшему с войском в Фессалию, удалось путем мирных переговоров убедить Александра освободить пленников. Впоследствии Пелопид снова двинулся с войском в Фессалию, при Киноскефалах он одержал решительную победу над противником, но сам пал в единоборстве с Александром. Это принудило беотийцев прибегнуть к решительным мерам: было выслано большое войско под командой беотархов Малекида и Диогитона. Александр был разбит на голову, принужден стать в подчиненное положение к Беотии и ограничиться Ферами и прилегающими к ним землями; Магнесия и Фтиотида отошли к Беотии; остальная Фессалия превратилась в федеративное государство и вступила в тесный союз с Беотией, причем обязалась выставлять свои контингенты в беотийское войско. Но такое положение вещей продолжалось недолго: вскоре Александр снова приобрел независимость, овладел Магнесией и снова стал предпринимать разбойные набеги на соседние государства.

Рассказ об убиении Александра мы находим также у Плутарха (Пелопид, 35); он не прибавляет никаких интересных подробностей, кроме того, что убийц звали Тисифон, Пифолай и Ли-

кофрон. Александр вступил на престол в 369 г.; как сообщает Диодор (XV, 61, 2), он правил 11 лет; следовательно, его убийство произошло в 358 г. Убийцы были не сыновьями, а пасынками Ясона (Эд. Мейер, ук. соч., V, 480).

4 37 Своего любовника — по свидетельству Плутарха (Пелопид, 28) он был младшим братом Фивы.

5 1 Пелопоннесцы считают своим долгом — иными словами, спартанцы, не взирая на постановления Анталкидова мира, продолжали смотреть на союзников как на своих подданных, несмотря на то, что афиняне они заставили даровать своим союзникам полную независимость. После Левктрской битвы положение совершенно изменилось; во всем Пелопоннесе — в Фигалии, Аргосе и др. городах (Диодор, XV, 40, 58) вспыхнули ожесточенные восстания; бывшее могущество Спарты отошло в область предания. Афиняне воспользовались создавшимся положением вещей, чтобы занять освободившееся место руководящей державы. Поэтому (вероятно, уже в том же 371 году) они созвали под своим председательством упоминаемый здесь конгресс, на котором присутствовали, повидимому, и представители Спарты.

5 2 Афинянами и союзниками — должно быть, здесь разумеются не только прежние афинские союзники, но вообще все государства, оставшиеся верными условиям Анталкидова мира; афиняне упомянуты отдельно, как руководящая держава.

Марганам и т. д. — в 399 г. спартанцы заставили элейцев даровать независимость этим городам; после Левктрской битвы элейцы снова подчинили или хотели подчинить себе эти города.

5 6 О восстании в Тегее Диодор (XV, 59) рассказывает следующее: «...Тегеец¹ Ликомед убедил аркадян устроить общие государственные учреждения и общее народное собрание, состоящее из десяти тысяч человек, предоставив последнему неограниченные полномочия при решении вопросов войны и мира. В Аркадии произошло жестокое междоусобие; для решения разногласий прибегли к оружию, причем много народу погибло и более 1400 бежало частью в Спарту, частью в Паллантий (последних паллантийцы выдали, и они были преданы смертной казни победителями). Бежавшие в Спарту убедили лакедемонян выступить походом на Аркадию».

5 7 Феары — высшая правительственная коллегия, игравшая роль высшей административной власти в Тегее.

5 8 Здесь изложение нашего автора явно тенденциозно: немисливо, чтобы партийный вожак в роде Стасиппа стал терять плоды своей победы из сострадания к врагу. Допустимы два предположения: либо ко времени прибытия мантинейцев партия Стасиппа еще не одержала решительной победы (Ю. Белок), либо побежденные не остались в городе, а бежали в Мантинею (Эд. Мейер).

¹ Это обмолвка. Ниже, в гл. 62, § 2, Диодор его правильно называет мантинейцем.

Приблизительно в то же время, когда был основан Аркадский союз, была построена и его новая столица Мегалополь («Большой город»). Ксенофонт умышленно умалчивает об этом городе, основанном Эпаминондом; мы узнаем об основании его из Павсания (VIII, 27—28) и Диодора (XV, 72, 4). Павсаний рассказывает следующее: «Мегалополь — самый молодой не только из аркадских, но и вообще из всех греческих городов... Сюда насильно были поселены с разных концов аркадяне... Основателем города по справедливости может быть назван фиванец Эпаминонд, он склонил аркадян к синэкизму и отправил Паммена с тысячью отборных воинов для защиты аркадян на тот случай, если лакедемоняне попытаются воспрепятствовать основанию города. Уполномоченными по постройке города были избраны... Проксен из Тегей, Ликомед из Мантиней (и еще 8 лиц). Следующие города были оставлены их жителями по решению Аркадского союза, вследствие рвения к общему делу и вражды к лакедемонянам: (10 городов) Маналии, (6 городов) Евтресии, (5 городов) области эгитов (?), (8 городов) Паррасии, (4 города) аркадской Кинурии, (3 города) объединенных в одно государство с Орхоменом; кроме того так называемая Триполис... Все эти аркадские города, за отдельными исключениями, не нарушили общего постановления и охотно переселились сообща в Мегалополь... Мегалополь был основан путем синэкизма в том же году, когда лакедемоняне потерпели поражение близ Левктр,¹ лишь на несколько месяцев позже этого события». Диодор (XV, 72, 4) ошибочно относит основание Мегалополя к 368/7 г.

Поход Агесилая в Аркадию, совершенно ничтожный, не принесший Спарте ни славы, ни выгоды, размалеван Ксенофонтом на одиннадцати параграфах (тогда как поход Эпаминонда в Пелопоннес занимает у него только десять параграфов). Здесь мы находим ряд никому ненужных подробностей, а между тем важнейших, как напр. точного списка племен, сражавшихся с каждой стороны, Ксенофонт не дает. Как видно из намеков нашего же автора (§§ 20, 21), поход этот был простой демонстрацией, имевшей целью поднять упавший дух спартанцев, на что справедливо указывает Плутарх (Агесилай, 30). Много содержательнее краткий рассказ Диодора (XV, 59, 4; 62, 1—3): «Царь Агесилай с войском и изгнанниками вторгся в Тегейскую область, считая тегейцев виновниками мятежа и изгнания. Он опустошил их страну и шел приступом на городскую крепость, навевая таким образом страх на тех аркадян, которые были против него... В Аркадию лакедемоняне отправили тысячу гоплитов и беотийских изгнанников; всем этим войском предводительствовал Политроп. Последний, прибыв в аркадский Орхомен, охранял этот город, дружественно расположенный к Спарте. Военачальник аркадского войска, мантинеец Ликомед, с войском из пяти тысяч так называемых эпилек-

¹ Т. е. в 371 году.

тов,¹ прибыл в Орхомен. Лакедемоняне вывели ему навстречу войско из города; произошло кровопролитное сражение, в котором погиб лакедемонский военачальник и еще около двухсот человек, — остальные, преследуемые врагом, сбежались в город. Несмотря на эту победу, аркадяне, из страха пред могуществом Спарты, не считали себя в силах сразиться с лакедемонянами один на один. Поэтому они присоединили к себе аргивян и элейцев; затем, прежде всего, были отправлены в Афины послы с предложением заключить враждебный Спарте военный союз. Здесь это посольство не имело успеха, и оно отправилось дальше, в Фивы. Фиванцы согласились заключить с ними союз, направленный против Спарты; тотчас же выступило в поход беотийское войско, присоединив к себе союзных локрийцев и фокейцев. Войско это двинулось в Пелопоннес, под предводительством беотархов Эпаминонда и Пелопида; остальные беотархи добровольно уступили им командование над войском, зная военный гений и доблесть этих мужей».

5 23 Поход Эпаминонда в Пелопоннес произошел зимой 370/69 г. (а не 369/368 г., как вытекает из Диодора). Ср. Плутарх (Пелопид, 24): «Было как раз время зимнего солнцеворота (т. е. около 22 декабря), осталось немного дней до конца последнего месяца года». И здесь рассказ Ксенофонта страдает излишней сжатостью в существенных фактах и обилием ненужных подробностей. Много содержательнее повествование Диодора (XV, 62, 5; 63, 3, 4; 64, 1—5): «Когда (беотийцы) прибыли в Аркадию, на соединение с ними двинулись всенародным ополчением аркадяне, элейцы, аргивяне и все прочие союзники; собралось больше семидесяти тысяч.² Начальники войска, собравшись на совещание, решили идти на самую Спарту и предать опустошению всю Лаконию... Лакедемоняне же, видя, что враги расположились лагерем близ границ Лаконии, также выступили из Спарты всенародным ополчением и двинулись навстречу противнику; их военные силы были ослаблены, но не ослабели их храбрость и духовная мощь. Противники, с Эпаминондом во главе, видя, что страна лакедемонян недоступна и неудобна для вторжения, сочли неразумным, имея такое огромное войско, вторгнуться сплошной массой; они решили разделиться на четыре части и проникнуть в страну по различным путям. Первая часть, состоявшая из беотийцев, отправилась прямым путем на город, именуемый Селласией, и склонила жителей этого города к отложению от лакедемонян. Аргивяне вторглись через границы Тегейской области. Вступив в бой с гарнизоном, охранявшим здесь проходы, они перебили до двухсот человек, в том числе начальника гарнизона спартанца Александра; среди убитых были и беотийские изгнанники. Третья часть, состоявшая из аркадян и имевшая наибольшее число воинов, вторглась в область,

¹ Вернее, эпаритов. См. ниже, кн. VII, гл. 4, §§ 22, 33 и сл., гл. 5, § 2.

² Конъектура на основании гл. 81, § 2, и Плутарх, (Агесилай, 31.) — см. ниже в тексте 50 000.

называемую Скиритидой, которую охранял Исхолай (в тексте: Исхол), отличавшийся доблестью и военным гением, во главе большого войска... Видя, что вследствие многочисленности врага всякий, который вступит в бой, будет убит... он отобрал воинов младших призывных категорий и отослал их в Спарту, (считая), что они будут полезны отечеству, подвергающемуся смертельной опасности. Сам же он с воинами старших возрастов оставался в строю. Перебив множество врагов, он, наконец, пал вместе со всеми своими воинами, окруженный аркадянами. Четвертую группу составляли элейцы; они проникли через различные другие места и прибыли в Селласию: здесь было приказано сойтись всем отрядам. После того как все войско собралось в Селласии, оно двинулось на самую Спарту, предавая всю страну разграблению и сожжению».

Евбейцы — в 377 г. они принадлежали к афинскому морскому союзу; после Левктрской битвы они, повидимому, стали союзниками беотийцев.

Рассказ Диодора (XV, 65) об обороне Спарты преувеличенно разукрашен в ущерб истине. Зато Плутарх (Агесилай, 31—33) сообщает много ценных подробностей (наряду с ничего не стоящими анекдотами). Прежде всего, он дает точное число вторгшихся врагов: «не менее сорока тысяч гоплитов; кроме того, войско сопровождало много легковооруженных и даже невооруженных, — с целью грабежа, так что всего вторгло в Лаконию семьдесят тысяч человек». Далее мы узнаем, что переправа через Еврот на виду у Спарты не удалась потому, что «вследствие обилия снегов на горах Еврот выступил из берегов и разлился, как никогда, его ледяная вода делала крайне затруднительной переправу фиванцев вброд». Положение спартанцев, оказывается, усугублялось тем, что, по случаю вторжения фиванцев, в городе поднялись восстания (21, 22). По справедливому замечанию Плутарха, своим спасением Спарта обязана тому, что Агесилай не поддавался провокации фиванцев и, несмотря на свое честолюбие, уклонился от решительного боя.

Алея — какое-то старинное спартанское божество, впоследствии (уже на заре греческой истории) отождествленное с Афиной, так что «Алея» стало эпитетом Афины в Спарте. Упомянутый здесь храм, повидимому, находился на дороге из Спарты в Феропуну (Павсаний, III, 19, 7).

О поведении спартанских женщин рассказывает также Аристотель (Политика, II, 6, 7): «Они не приносили никакой пользы, которую обычно оказывают женщины в других (теснимых неприятелем) городах, но вносили еще большую сумятицу, чем враги».

Правительство постановило объявить гелотам — эта мера объясняется тем, что периеки, составлявшие главную массу войска, отпали к врагу.

Эпидавры, пелленцы и некоторые другие — полный список союзников Спарты дан ниже, кн. VII, гл. 2, § 2.

- 5 30 *Земледержитель* — эпитет Посейдона.
- 5 31 *Дом Тиндаридов* — старинное здание в Спарте, в котором, по преданию, некогда жили сыновья Тиндарея, Кастор и Полидевк.
- 5 32 Подобно тому как по пути в Лаконию, находясь в Аркадии, Эпаминонд содействовал организации Аркадского союза и основанию Мегалополя, точно так же, узнав об отпадении от спартанцев периеков и гелотов, он воспользовался случаем вторгнуться в Мессению, восстановить утраченную ею в незапамятные времена независимость и основал новую, крепкую столицу, получившую название этой страны, на месте прежней Ифомы (Д и о д о р, XV, 66). Ксенофонт умышленно умалчивает об этом.
- 5 33 *На котором как раз присутствовали* — умышленное извращение, которое опровергается указанием нашего же автора в § 46: спартанские послы прибыли специально с просьбой о помощи. Ср. также указание Д и о д о р а (XV, 63, 1): «Лакедемоняне потеряли многих из граждан младших призывных категорий в злополучной Левктрской битве, а также лишились значительного количества их в других неудачных битвах; они были принуждены ограничиться немногочисленным гражданским ополчением. Вдобавок из их союзников одни отпали, а другие ощущали недостаток в людях вследствие тех же причин. Поэтому они попали в безвыходное положение и принуждены были обратиться за помощью к афинянам... Нельзя себе представить более тяжелой нужды и несчастья, чем то, которое смогло вынудить лакедемонян обратиться за помощью к их злейшим врагам».
- Были теснимы мессенянами — во время 3-й Мессенской войны, в 464-55 г. (Ф у к и д и д, 1,102).
- 5 46 *Не допустили, чтобы аргивяне остались непогребенными.* Сыновья Эдипа, Этеокл и Полиник, после изгнания отца стали спорить за фиванский престол. Младшему удалось захватить царскую власть.
- Старший бежал в Аргос и во главе аргосского войска обложил фиванский акрополь Кадмею. В происшедшей схватке аргивяне были разбиты; оба брата пали в поединке. По распоряжению нового фиванского царя Креонта предан погребению был только Этеокл. Полиника и его войско запрещено было хоронить под страхом смерти. Полиник был похоронен своей сестрой Антигоной, а относительно аргивян это запрещение было снято под давлением афинского царя Фесея, приславшего по просьбе аргосского царя Адраста свое войско к стенам Фив.
- 5 47 *Вы обуздали наглость Еврисфея.* Родоначальники спартанских царских родов, сыновья Геракла, были всячески преследуемы Еврисфеем; он изгнал их из Пелопоннеса. Их радушно приняли афиняне; они вступили в бой с Еврисфеем и благодаря афинской помощи разбили его на голову (Д и о д о р, IV, 57).
- 5 49 *Афиняне стали совещаться* — одним из представителей антиспартанской партии был поэт Ксеноклид, главным сторонником союза со Спартой был упомянутый уже оратор Каллистрат («вы

послушались Каллистрата и спасли лакедемонян». Псевдодемосфенова речь против Неэры, 27).

Было решено и т. д. ср. Диодор (63, 2): «Великодушный и человеколюбивый афинский народ, не убоявшись фиванского могущества, решил притти всенародным ополчением на помощь лакедемонянам, которым грозила опасность быть поработенными. Они назначили военачальником Ификрата и послали его с войском из граждан младших призывных категорий в числе двенадцати тысяч».

Вызвало нарекания — см. коммент. к § 51.

К числу причин, заставивших Эпаминонда отказаться от мысли разрушить Спарту и удалиться из Пелопоннеса, надо отнести, во-первых, то, что разрушение ее было невыгодно Беотии, так как чересчур усиливало Аркадский союз (Полиэн, II, 3, 5); во-вторых, к Спарте уже прибыли значительные подкрепления и ожидалось прибытие афинян. Диодор (XV, 65, 5): «На помощь лакедемонянам прибыло 4000 воинов от союзников. Сюда надо еще прибавить тысячу только что освобожденных гелотов, двести беотийских изгнанников; кроме того, лакедемоняне призвали немало народу из соседних городов, и таким образом составилось войско, готовое выйти против врага. Они собрали и обучали все это войско; со дня на день они становились все смелее и готовились вступить в бой за существование своего государства». Весь пелопоннесский поход Эпаминонда продолжался 85 дней. Диодор, (XV, 67, 1); по Плутарху (Пелопид, 25) — 4 месяца, но это неверно, так как он и начался и кончился зимою.

Все это рассуждение об Ификрате сплошной сарказм: Ксенофонт хочет дать понять читателю, что Ификрат имел в виду только продемонстрировать содействие, а не оказывать действительную помощь спартанцам. Вероятно, Ификрат действовал так не по собственному усмотрению, а по тайному предписанию афинского правительства (Эд. Мейер, ук. соч., V, 426). Эта политика, действительно, принесла желанные плоды: лакедемоняне принуждены были вторично «отправить в Афины посольство из виднейших спартиатов и заключить соглашение относительно гегемонии, — чтобы на море властвовали афиняне, а на суше лакедемоняне. Но вскоре после этого гегемония была сделана общим достоянием обоих государств» (Диодор, XV, 67, 1); подробнее об этом совещании в кн. VII, гл. I, §§ 1—14. Указание того же автора (XV, 65, 5), будто афиняне пришли в Пелопоннес слишком поздно и им нечего уже было делать, безусловно ошибочно.

Близ Кенхрей — ср. Плутарх (Пелопид, 24): «Возвращаясь на родину и проходя мимо Кенхрей, они победили афинян, пытавшихся защищать теснины и препятствовать их продвижению».

К КНИГЕ СЕДЬМОЙ

1 1 Об этом совещании рассказывает и Диодор (XV, 67, 1). Его указание процитировано в коммент. к кн. VI, гл. 5, § 51.

В следующем году — в 369/8 г. Это не совсем точно; описываемые здесь события охватывают все лето, следовательно, и последние месяцы 370/369 г.

1 2 *Ваш совет уже дал одобрение* — всякое предложение, внесенное в народное собрание, должно было быть предварительно внесено на рассмотрение совета, снабжавшего его своими замечаниями и резолюцией, не обязательной, однако, для народного собрания, бывшего единственным решающим органом.

1 12 *Кефисодот* — вероятно, знаменитый оратор, происходивший из дема Керамы, бывший наиболее популярным политическим оратором до Демосфена (Демосфен, прот. Лептина, 150).

1 13 *Гоплитов и всадников, набравшихся исключительно из полныхправных граждан.*

1 15 *Выступили походом в Коринф* — ср. Диодор (XV, 68, 1—3): «Аркадяне, аргивяне и элейцы на общем совещании решили идти походом на лакедемонян; они отправили посольство к беотийцам с предложением принять участие в этой войне. Беотийцы послали семь тысяч пехотинцев и двести всадников под предводительством Эпаминонда и других беотархов. Узнав, что беотийское войско идет в Пелопоннес, афиняне также послали свое войско, назначив стратегом Хабрия. Он двинулся в Коринф, присоединил к себе мегарские,¹ пелленские, а затем и коринфские контингенты и, таким образом, составил войско из десяти тысяч человек. Вскоре прибыли в Коринф лакедемоняне и прочие союзники, так что всего собралось не менее двадцати тысяч воинов. Было решено укрепить проходы, чтобы воспрепятствовать беотийцам вторгнуться в Пелопоннес. Вся местность, начиная от Кенхрей и кончая Лехеем, была перегорожена частоколами и глубокими рвами. Работа быстро двигалась вперед, благодаря обилию рабочих рук и усердию воинов; вся местность была перегорожена прежде, чем беотийцы успели прибыть».

¹ Вряд ли это верно. Вероятно, Мегара была нейтральна, так как она давала свободный проход и афинским и беотийским войскам. Эд. Мейер, ук. соч., V, 429, прим.

Затем они выступили против лакедемонского гарнизона — рассказ Ксенофонта здесь заслуживает полного доверия, несмотря на то, что он значительно расходится с повествованием Диодора (XV, 68, 4—5) и Павсания (IX, 15, 4). Так, Павсаний рассказывает следующее: «...Эпаминонд победил лакедемонян в битве близ Лехея, а вместе с ними ахейских пелленцев и афинян, прибывших из Афин под предводительством Хабрия». По Диодору, Эпаминонд вызывал противников выйти с ним в открытый бой, но они убоялись: тогда он перешагнул через заграждения, сразился лицом к лицу с врагом и разбил его на голову.

Пошли приступом на Сикион и Пеллену. Ксенофонт умалчивает о том, что эти города не только подверглись приступу, но и были взяты; это ясно из его дальнейшего рассказа (§§ 22 и 44 этой главы; гл. 2, §§ 1 и сл., 11 и сл.). Ср. также Диодор (XV, 69): «Эпаминонд тотчас же выступил в поход на Трезену и Эпидавр; ему не удалось овладеть этими городами, так как в них был очень сильный гарнизон, территорию же их он предал разграблению. Кроме того, ему удалось покорить Сикион, Флиунт¹ и еще некоторые города, наведя на них панику».

О бое под Коринфом рассказывает также Диодор (XV, 69); по его версии в первой стычке беотийцы разбили коринфян и даже вторглись вслед за ними в город, откуда были изгнаны Хабрием; в дальнейшем рассказ Диодора совпадает с рассказом нашего автора.

С «отборным отрядом» — то же, что «триста», см. коммент. к VI, 4, 13, прим. 1.

Помощь от Дионисия — Диодор (XV, 70, 1) рассказывает об этом следующее: «Из Сицилии приплыло в Коринф две тысячи кельтов и иберов, посланных на помощь лакедемонянам тиранном Дионисием; они получили жалование вперед за пять месяцев».

Вернулись на родину: — в сентябре 369 года, Диодор (XV, 70, 1): «Удостоившись почестей от лакедемонян, они отплыли на исходе лета назад в Сицилию».

Ликомед — о нем см. коммент. к кн. VI, гл. 5, § 4.

Природные жители — ср. Геродот (V, 8, 73): «Пелопоннес населен семью племенами. Из них только два — природные племена этой страны и живут в ней искони — аркадяне и кинурияне».

В вооруженной помощи — т. е. в наемниках. Значительная часть аркадян служила наемниками в разных греческих государствах. Это даже вошло в пословицу — про человека, который работает на других (по русски: «льет воду на чужую мельницу»), говорили, что он «поступает как аркадяне».

Что они аркадяне — таковыми они, действительно, были, по генеалогии их героев — родоначальников (Трифил был сыном Аркада, Полбий, IV, 77).

¹ Относительно Флиунта Диодор ошибается.

1 27 *Ариобарзана* — по Диодору (XV, 70, 2) Филиск был прислан самим царем Артаксерксом.

Господство над Мессеной — Диодор (в том же месте) заблуждается, говоря, что мир не состоялся, так как фиванцы не хотели признать независимости беотийцев: он спутал этот конгресс с конгрессами, бывшими до Левктрской битвы, после которой, конечно, никто не осмелился бы предъявлять фиванцам такие требования.

Большое наемное войско. Диодор (там же): «Филиск оставил лакедемонянам две тысячи отборных наемников, выдал им жалованье вперед и удалился в Азию.

1 28 *К Архидаму* — ср. Плутарх (Агесилай, 33): «Сам Агесилай из-за старости отказался уже от участия в походах. Поэтому его сын Архидам» и т. д.

1 29 *С просьбой о помощи* — в действительности причиной отступления Архидам было, конечно, не только это заявление, но и желание уклониться от решительного сражения.

1 30 *Смотреть друг другу прямо в глаза* — ср. Плутарх (Агесилай, 33): «Говорят, что до этой битвы мужья не решались прямо взглянуть на жен, стыдясь своего поражения».

1 31 Об этой битве рассказывают также Плутарх и Диодор. Плутарх (Агесилай, 33): «С войском, пришедшим ему на помощь от тиранна из Сицилии, Архидам победил аркадян в так называемой Бесслезной битве (в ней из воинов Архидам не было убито ни одного, а врагов было уничтожено очень много)». Диодор (XV, 72, 3): «Между лакедемонянами и аркадянами произошла большая битва, в которой лакедемоняне одержали блестящую победу. После Левктрского поражения это был их первый, неожиданный успех: в этой битве аркадян пало более десяти тысяч, а из лакедемонян — ни одного. Додонские жрицы заранее предсказали, что эта битва будет бесслезной для лакедемонян». Гром и молния при ясном небе считались важнейшим предзнаменованием; точно также всякие предзнаменования, появлявшиеся с правой руки, считались счастливыми, с левой — несчастными.

[*Потомком которого считался Архидам*]. Это — безусловно вставка читателя поздней эпохи: для греков эпохи нашего автора Архидам не «считался», а был потомком Геракла, наравне с прочими спартанскими царями; Ксенофонт не стал бы сообщать о таком общеизвестном факте.

1 32 *Все залились слезами* — ср. Плутарх (Агесилай, 33): «Эта победа была самым лучшим доказательством того, как обессилела Спарта. Прежде победа над врагами считалась таким естественным и обычным делом, что в честь ее не приносили никаких жертв, кроме петуха; пришедшие из сражения не испытывали особенной гордости, и весть о победе никого даже чересчур не радовала... В этот же раз, когда получилась весть о победе, а затем прибыл Архидам, никто уж не мог удержаться от выражения своих чувств: первым встретил его отец в слезах радости вместе со всем прави-

тельством; множество стариков и женщин спустилось к реке, подымая руки и благодаря богов».

О посольстве Пелопида в Сүзы рассказывают также Диодор (XV, 81, 3; некролог Пелопиду) и Плутарх (Пелопид, 30). Известие Диодора — лишь краткая ремарка; рассказ Плутарха — малоинтересный панегирик Пелопиду; здесь рассказывается, как персы восхищались и прославляли его.

Мотивируя свое решение — несколько иначе рассказывает об этом Плутарх (Пелопид, 30): «Узнав, что от лакедемонян и афинян отправились послы к великому царю для соглашения о военном союзе, фиванцы также отправили к царю послом Пелопида».

Лакедемонянин Евтикл — вместе с ним при дворе царя находился и Анталкид; с Пелопидом же в качестве посла от Беотии отправился также фиванец Исмений (Плутарх, Артаксеркс, 22).

Панкратий — сложное состязание, в котором кулачный бой соединялся с борьбою.

Весь этот параграф дышит сарказмом по адресу беотийцев «Пред персами им было чем похвалиться, говорит Ксенофонт, в деле измены греческому делу они не имели соперников».

По Плутарху (Пелопид, 30) предложенные Пелопидом условия были следующие: 1) чтобы все греки были автономными, 2) чтобы Мессена продолжала существовать, 3) чтобы фиванцы носили титул исконных друзей персидского царя.

Плутарх в «Артаксерксе», 22, стоит на той же точке зрения, что и Ксенофонт, считая причиной казни Тимагора полученные им в Персии взятки: «(Артаксеркс), получив от афинянина Тимагора через своего секретаря Белурида секретное письмо, обрадовался и дал ему десять тысяч дариков и т. д. За взяточничество афиняне осудили Тимагора на казнь». В «Пелопиде», 30, он становится на более правильную точку зрения, указывая, что если Тимагор и взял посул от персидского царя, то, во всяком случае, не это было причиной его казни: «Афиняне предали Тимагора смерти. Если бы причиной приговора было чрезмерное изобилие полученных им даров, то это было бы правильно и справедливо... Но, повидимому, афинян возмутило здесь не взяточничество... им было тягостно, что фиванцы имели во всем успех».

Царь пренебрег аркадянами — Из § 26 вы видели, что, с одной стороны, между аркадянами и элейцами шел спор из-за пограничных областей; с другой, отношения между аркадянами и фиванцами были крайне недоброжелательными. Очевидно, решение спора о границах было передано царю, и он, в угоду фиванцам, решил его в пользу элейцев (Эд. Мейер, ук. соч., 444).

Дипломатическая победа фиванцев была причиной смерти не только афинянина Тимагора, но и спартамца Анталкида (Плутарх, Артаксеркс, 22): «(Царь) так пренебрежительно отнесся к Анталкиду, так уничтожил и оскорблял его, что на обратном пути он, из-за насмешек врагов и страха пред эфорами, лишил себя жизни».

- 1 41 Описываемые здесь события произошли в 367 г.
Третий поход Эпаминонда в Пелопоннес Д и о д о р (XV, 75, 1) справедливо считает событием одновременным с посольством в Сузы и рассказывает о нем следующее: «Фиванец Эпаминонд, вторгшись с войском в Пелопоннес, подчинил Ахайю и еще некоторые государства и освободил от ахейских гарнизонов Димы, Навпакт и Калидон.»¹
- 1 44 О событиях в Сикионе Д и о д о р (XV, 70, 3) сообщает следующее: «В то же время (т. е. в 369/8 г.) сикионец Евфрон, человек отважный и отчаянный, решил при содействии аргивян захватить тиранническую власть. Удачно устроив государственный переворот, он отправил в изгнание сорок самых богатых сикионян, конфисковав в казну их имущество. Получив таким образом в свое распоряжение огромную сумму денег, он нанял наемников и сделался полновластным господином города.»
- 2 1 Вся эта глава посвящена событиям из истории Флиунта с Левктрской битвы до 366 г. Эти события играли весьма второстепенную роль в общем ходе войны; Ксенофонт рассказывает о них с дидактической целью.
- 2 5 Д и о д о р (XV, 69, 1) сообщает, что Флиунт был взят в этот раз; из нашего места мы видим, что это неверно.
- 2 7 *Внутреннюю часть акрополя* — эта внутренняя часть имела весьма значительное пространство: кроме нивы, о которой говорится ниже (§ 8), здесь находилась также священная роща с храмом Ганимеды-Гебы и святилище Деметры (П а в с а н и й, II, 13, 3—5).
- 2 8 В § 5 были названы аркадяне и элейцы и не были упомянуты аргивяне; здесь, наоборот, указаны аркадяне и аргивяне и не названы элейцы. Вероятно, в обоих случаях мы имеем дело с простым пропуском.
- 2 10 В следующем году — т. е. в 368 г.
- 2 11 Был и еще поход на Флиунт — в 367 г.
- 2 15 Начальником фиванского отряда, т. е. одним из тех лиц, которых выше, гл. 1, § 43, Ксенофонт по аналогии называет гармостами.
- 2 18 Под командой Харета — ср. Д и о д о р (XV, 75, 3): «Флиунтцы воевали с аргивянами и были лишены подвоза продуктов. На помощь им пришел посланный афинянами стратег Харет с войском. В двух битвах он разбил аргивян; флиунтцы снова оказались в безопасности, и Харет вернулся в Афины».
- До сих пор пелленцы фигурировали в числе врагов лакедемонян; ниже (4, 17) указано, что они перешли на сторону последних. Из нашего места ясно, что этот переход произошел уже до 367 года.
- 3 12 На агоре — хоронить внутри городской черты воспрещалось. Такой чести удоставались лишь в особо исключительных случаях самые популярные граждане (с разрешения Дельфийского оракула, как было при смерти знаменитого согражданина Евфрона, Арата, П л у т а р х, Арат, 53).

¹ Эти атолийские города были присоединены к Ахайе за 20 лет до описываемых событий.

Ороп, лежавший между Аттикой и Беотией, был предметом постоянных споров между этими двумя государствами.

4 1

Изгнанниками — изгнанными в 377 г. аристократами, нашедшими приют у эретрийского тирана Фемисона. Рассказ Ксенофонта здесь грешит умышленной туманностью; гораздо яснее Диодор (XV, 76, 1): «Тиранн Эретрии Фемисон захватил Ороп. Этот город, принадлежавший до тех пор афинянам, он потерял самым неожиданным образом: когда афиняне пошли на Ороп с войском, много превышающим силы Фемисона, фиванцы пришли к нему на помощь, и он позволил им временно оккупировать Ороп; но затем они не отдали его обратно». Произошло это в 367/66 г.

Недовольны союзниками — весьма правдоподобное толкование конца § 1 у Эд. Мейер (ук. соч. V, 447): «(В войне за возвращение Оропа) афиняне рассчитывали на помощь своих пелопоннесских союзников. Однако, последние не имели ни желания, ни достаточных сил для наступления на Беотию; поэтому они утешили афинян тем, что в будущем они потребуют третейского суда, а до тех пор пусть Ороп остается в руках Фив. Афиняне совершенно разочаровались в своих союзниках: они, ведь, так ревностно поддерживали пелопоннессцев в течение всего предыдущего времени, а теперь те не помогли им в крайней нужде».

4 2

К этому миру, несомненно, примкнули и афиняне с их союзниками. Только лакедемоняне оставили открытым вопрос о мире: они не могли подписать мирного договора, так как не желали санкционировать отложения Мессены. Таким образом наступил всеобщий мир; посредником и на этот раз выступил персидский царь. Вот что рассказывает об этом мире Диодор (XV, 76, 3): «В это же время (в 366/5 г.) персидский царь отправил посольство в Грецию и убедил греков прекратить военные действия и заключить между собой всеобщий мир. Так окончились войны, известные под названием Лаконской и Беотийской и продолжавшиеся более пяти лет, если относить начало их ко времени Левктской битвы». О поведении Спарты рассказывает также Плутарх (Агесилай, 34): «(Лакедемонянам было очень тяжело то, что отложилась Мессения). Вот почему Агесилай не принял предложенного фиванцами мира».

Приблизительно в это же время — в конце 366 или в начале 365 г.

4 12

Дионисий I скончался в 367 г., и на престол вступил его сын Дионисий II.

Покорили Ласион — об этом столкновении элейцев с аркадянами рассказывает также Диодор (XV, 77, 1—4): «(В 365/4 г.) в то время, как вся Эллада наслаждалась благами мира, снова вспыхнули между некоторыми из государств войны и неожиданные государственные перевороты. Аркадские изгнанники, отправившись в поход из Элиды, захватили в так называемой Трифилии укрепленный пункт, известный под названием Ласиона. Уже с давних пор аркадяне и элейцы враждовали из-за Трифилии. Власть

над Трифилией переходила поочередно из одних рук в другие, в зависимости от того, на чью сторону склонялось военное счастье. В это время Трифилией владели аркадяне, но элейцы отобрали ее у них под предлогом заступничества за изгнанников. Выведенные этим из себя аркадяне сперва отправили посольство с требованием вернуть укрепление; когда же никто не обратил внимания на их заявление, они призвали на помощь отряд союзных афинян и вместе с ним выступили походом на Ласион. Элейцы со своей стороны выступили на помощь изгнанникам. Вблизи Ласиона произошла битва; так как аркадяне во много раз превосходили численностью противников, элейцы были разбиты и потеряли более двухсот воинов. Это было только начало, после которого вражда между аркадянами и элейцами получила еще более ожесточенный характер: аркадяне, воодушевленные успехом, тотчас же пошли походом на Элейскую область и овладели городами Марганями и Кронием, а также Кипариссией и Корифасием».

Ласион уже в 399 г. оспаривался аркадянами у элейцев; см. кн. III, гл. 2, § 30.

4 12 *Отряд трехсот* — очевидно это был, как и фиванский «отряд трехсот», отряд отборной гвардии.

4 14 *Акрорейцев* — жителей гористой местности в северной Элиде, вблизи границ Аркадии и Ахайи.

Кроний, т. е. холм Кроноса, примыкает с севера к Альтии, священному участку Олимпийского Зевса.

4 18 *Сторонниками демократического строя* — очевидно, и пелленские демократы были в союзе с аркадянами.

4 19 *В это время* — в 364 году.

4 21 *Скиритиде* — очевидно принадлежащей теперь к Аркадскому союзу. Прежде она принадлежала Лакедемону (кн. V, гл. 2, § 24 и кн. VI, гл. 5, § 24).

4 22 *Внешняя ограда* — аркадяне обнесли город двумя рядами осадных сооружений: внутренняя окружала непосредственно холм, на котором находился город; внешняя ограда служила для защиты осаждающих от нападения извне. Она окружала лагерь осаждающих, проходя всюду по равнине и только в одном месте поднимаясь на обращенный к Кромну склон лежащего недалеко от города холма. Если бы Архидам овладел оградой в этом месте, то он занял бы позицию, господствующую над лагерем осаждающих.

Эпаритов — так называлось состоявшее из 5000 чел. (по Диодору, XV, 62 и 67) отборное наемное войско Аркадского союза.

4 23 *Длинным флангом* — в каких случаях надо выстраивать войско таким образом, указывает наш автор в своем трактате о коннице («Гиппархике», IV, 3).

4 28 О праздновании 104-й Олимпиады под руководством жителей Писы рассказывает несколько по иному Диодор (XV, 78; предпочтению следует отдать рассказу Ксенофонта): «(В 364/3 г.) 104-я Олимпиада праздновалась под руководством жителей Писы и аркадян; в ней победителем в беге оказался афинянин

Фокид. В этом году жители Писы, вспомнив о былом величии их отечества и опираясь на старинные мифологические сказания, объявили, что им по праву принадлежит руководство общеэллинскими олимпийскими торжествами. Считая указанное время наиболее подходящим для того, чтобы оспаривать руководство состязаниями, они заключили союз с аркадянами, бывшими во вражде с элейцами, и при их содействии выступили против элейцев, только что приступивших к устройству состязаний. Элейцы выступили против них всенародным ополчением, и завязалась жаркая битва. Свидетелями ее были собравшиеся на торжество греки. Находясь в полной безопасности, они восседали с венками на головах и спокойно приветствовали подвиги доблести, проявляемые обеими сторонами. Наконец, победили жители Писы и стали руководить состязанием. Впоследствии элейцы не упоминали этой Олимпиады в списке Олимпиад, так как, по их мнению, руководство в ней было захвачено противозаконно, насильственным путем». Последнее указание встречаем и у П а в с а н и я (VI, 4, 2): «Сто четвертой Олимпиады, в которой впервые оказался победителем Сострат, элейцы не упоминают в списке Олимпиад, так как не они были распорядителями в этом состязании, а вместо них — жители Писы и аркадяне». Ср. там же, 22, 3.

Олимпийский год — 104-я Олимпиада, см. вышеприведенные цитаты. Олимпийские состязания начинались в первое полнолуние после летнего солнцеворота.

Им принадлежало заведывание святилищем. По Страбону (VIII, р. 355) и первоначально святилищем заведывали элейцы; в руках жителей Писы заведывание находилось лишь с 676 по 572 г. (прибл.).

Пентатла — пентатл представляет собою цикл из пяти видов состязаний, из которых первые четыре были различными видами бега, а пятый — кулачный бой. Победителем в пентатле считался тот, кто выиграл наибольшее число из 5 состязаний. Поэтому пред началом пятого состязания шансы конкурентов уже более или менее определялись; напр., если были кандидаты, имевшие 3 выигранные состязания, то выигравшие только одно устранялись и не принимали участия в пятом состязании, так как даже в случае победы в этом состязании они не догнали бы своих соперников.

Между нею и алтарем — подробное описание этого огромного алтаря, сооруженного из прессованной золы сожженных жертвенных животных, дает П а в с а н и й (V, 13, 8 и сл.).

Альтии — так называлась внутренняя часть участка, посвященная непосредственно Зевсу (храм Зевса с примыкающею рощею, дворами и службами). Ср. П а в с а н и й (V, 10, 1).

О распадении Аркадского союза на две враждебные партии рассказывает также Д и о д о р (XV, 82, 1 — 4; пользование сокровищами Олимпийского храма он ошибочно приписывает мантинейской, а не тегейской партии): «(В 363/2 г.) аркадяне с жителями Писы сообща руководили олимпийскими состязаниями, взяв

в свои руки власть над святилищем и находившимися в нем сокровищами. Немало вкладов мантинейцы употребили на собственные нужды; поэтому виновники этого беззакония прилагали все старания, чтобы война с элейцами продлилась, так как в случае наступления мира им пришлось бы дать отчет в истраченных суммах. Так как остальные аркадяне желали заключения мира, — они вступили в междоусобную борьбу со своими одноплеменниками. Возникли две партии; во главе одной из них стали тегейцы, во главе другой — мантинейцы. Вражда между обеими партиями все увеличивалась, дойдя, наконец, до вооруженного столкновения. Тегейцы отправили послов к беотийцам с просьбой прислать им подмогу, и беотийцы послали им на помощь значительное войско под предводительством Эпаминонда. Тогда мантинейцы, убоавшись войска и прославленного военной доблестью Эпаминонда, отправили послов с просьбой о союзе к самым заклятым врагам беотийцев — к афинянам и лакедемонянам; это посольство имело успех». Мы видим, что и олигархический Ксенофонт и демократически настроенный источник Диодора не ищут более глубоких, внутренних причин для объяснения распада Аркадского союза; Ксенофонт видит единственную причину в сребролюбии вожаков демократии и боязни их за собственную жизнь; источник Диодора, искажая факты, бросает это же обвинение мантинейцам, главарям аристократической партии.

5 3 *Послы от эпаритов* — как указывал наш автор в гл. 4, § 34, теперь эпариты состояли уже преимущественно не из наемников, а из влиятельнейших граждан. О походе Эпаминонда в Спарту рассказывают также Диодор (XV, 82 и сл.), Плутарх (Агесилай, 34), Юстин (VI, 7) и Полибий.

5 4 *Выступив в поход* — в 362 г.

Его противниками — т. е. жителями прежде порабощенных Александром, а затем освобожденных беотийцами городов.

5 7 *Выступил из Немей* — Диодор (XV, 72, 5) ничего не знает о стоянках Эпаминонда в Немее и Тегее; по его версии Эпаминонд двинулся на Спарту из Мантинейской области: «Лакедемоняне, как ближайшие соседи, тотчас же выступили походом в Аркадию; в то же время и Эпаминонд, выступив вперед со своим войском и находясь в небольшом расстоянии от Мантинеи, узнал от местных жителей, что всенародное ополчение лакедемонян предают опустошению Тегейскую область».

5 *Счастливым* — ср. Диодор (XV, 82, 6): «Он замыслил славный подвиг, но судьба противодействовала ему».

5 9 *Повел войско* — ср. Полибий (IX, 8): «Приказав войску пообедать в обычное время, Эпаминонд с наступлением сумерек двинулся в поход».

5 10 *Критянин* — ср. Плутарх (Агесилай, 34): «Агесилаю донес об этом, по словам Каллисфена, феспиец Евтин, по Ксенофону же какой-то критянин. Агесилай немедленно послал в Спарту конного гонца с этим известием, а через короткое время явился туда

и сам». Гораздо фантастичнее рассказ Диодора (XV, 82, 6), по словам которого Агесилай остался в Спарте, а предводителем выступившего в Аркадию спартанского войска был Агис (sic! так звали предшественника Агесилая, умершего уже в 399 году). «Лакедемонский царь Агис, подозревая хитрый замысел Эпаминонда и хорошо умея предвидеть будущее, отправил в Спарту критян-курьеров; они опередили Эпаминонда и известили оставшихся в Спарте, что беотийцы идут напрямик в Лакедемон, желая разорить город, и что сам царь с величайшей поспешностью идет на помощь отечеству. Он предложил оставшимся в Спарте охранять город и ничего не страшиться, так как скоро он явится на помощь».

Он взял бы город — ср. Диодор (XV, 83, 1): «Если бы нападение Эпаминонда не было обнаружено заранее, ему удалось бы незамеченным вторгнуться в Спарту.»

На ровном месте — здесь Ксенофонт в своем стремлении прославить доблесть Спарты, повидимому, впадает в преувеличение. 51
Правдоподобнее рассказ Диодора (XV, 83, 2—4): «Агесилай... со всевозможным тщанием позаботился об охране города. Детей старшего возраста и стариков он расставил на крышах домов, приказав им отражать пытающихся напасть на город; сам же он выстроил под своей командой воинов цветущего возраста и распределил их по проходам и теснинам, ведущим к городу; он преградил все те места, через которые можно было подойти к городу, и спокойно ждал наступления врага. Разделив на много частей свое войско, Эпаминонд вел нападение в одно и то же время в разных местах; увидев настроение спартанского войска, он сразу понял, что спартанцы были предупреждены о его прибытии; однако, он по очереди сражался со всеми отрядами и ввязывался в рукопашный бой, терпя поражение вследствие неудобства своих позиций».

Архидам — о его мужестве рассказывает также Плутарх (Агесилай, 34); больше всех отличался в этом бою, по словам этого автора, спартанец Исид, сын Фебида. 51

Победители лакедемонян — в Левктрской битве.

Эпаминонд полагал — Диодор (XV, 83, 5) ошибается, говоря, что Эпаминонд отступил, узнав о приближении спартанского войска, якобы только теперь вернувшегося в Спарту под предводительством царя Агиса (см. коммент. к § 10). 51

Афинские всадники — ср. Диодор (XV, 82, 2): «Посланные союзными афинянами воины в числе шести тысяч под командой стратега Гегелоха (имя искажено; его звали Гегесилей — Эфору Диог. V, II, 54; Ксеноф. о доходах, 3,7)». 51

Поражение под Коринфом — о каком поражении здесь идет речь — неизвестно; может быть, по пути на афинян напали коринфяне. 51

Как только увидели врагов — по словам Полибия (IX, 8, 11) войско Эпаминонда было замечено, когда оно находилось в семи стадиях (1 км) от Мантиней.

- 5¹⁷ Много доблестных мужей — в числе их был и Грилл, сын нашего автора, Диоген, Лаэртий, II, 54; по нелепой позднейшей афинской традиции (у Павсания, VIII, 11, 6; IX, 15, 5), Эпаминонда убивает Грилл.
- 5²⁰ Дал приказ готовиться к битве — 12 скирофорiona (5 июля) 362 г. (Плутарх, О славе афинян, 7). Точно так же Диодор (XV, 82, 1) и автор «Жизнеописания десяти ораторов» (Демосфен, 27) датируют эту битву архонтом Хариклидом, т. е. 363/2 г.
- 5²¹ Палицы — повидимому, палицы Геракла, фиванского героя. «Главные моменты Мантинейской битвы ярко освещены Ксенофонтом; известие Диодора (XV, 84 и сл.) не только невероятно с точки зрения военной науки, но написано исключительно с точки зрения афинских интересов» (Эд. Мейер, ук. соч. 471).
- 5²² Длинною колонной по два в ряд выстраивалось войско в пути; фронтовое расположение (глубокими и широкими массами) придавалось войску в бою.
- 5²³ Он нанесет окончательное поражение — таким образом, Эпаминонд повторил здесь маневр, примененный им в Левктрской битве: скопление всей ударной массы на левом крыле с целью решить всю битву нападением на правое, боевое крыло врага и, по возможности, совершенное устранение от боя отодвинутого далеко назад правого крыла; однако, этот маневр здесь был гораздо более разработан.
- 5²⁴ Строй конницы — конница стояла в обеих армиях на флангах (Диодор, XV, 85, 2). Эпаминонд сделал из конницы центр тяжести всех своих боевых сил; чтобы сделать ее удобоподвижной и годной для нападения на пехоту, он применил и развил издавна применявшееся в Беотии чередование всадников с «прикомандированными к коннице пехотинцами» (ср. Фукидид, V, 57, 2). Теперь гоплиты были почти совершенно вытеснены пельтастами, и потому конница приобрела большое значение, тогда как прежде она была бессильна против гоплитов. Военные приемы Эпаминонда имеют крупное историческое значение; «в том, что правое крыло в сущности вовсе не принимает действительного участия в сражении, мы видим зародыш битв македонской эпохи, в которых бой обычно решался только кавалерийской дуэлью, а ядро армии — фаланга — часто совершенно не участвовало в деле» (Эд. Мейер, ук. соч. V, 470).
- Афиняне с правого фланга — известие о численности и расположении отдельных контингентов мы имеем у Диодора (XV, 84, 4 и сл.; его цифрам, впрочем, доверять не следует): «Мантинейцам помогали элейцы, лакедемоняне, афиняне и некоторые другие; общее число всех их было более двадцати тысяч пехотинцев и около двух тысяч всадников. Соратниками тегейцев была большая часть (и в этом числе самые могущественные) из аркадских государств, ахейцы, беотийцы, аргивяне и некоторые другие из пелопоннесских и внепелопоннесских союзников; всего на

их стороне собралось более тридцати тысяч пехотинцев и не менее трех тысяч всадников. . . В виду их военной доблести мантинейцы с прочими аркадянами занимали правый фланг; их соседями и соратниками были лакедемоняне, вслед за ними стояли элейцы и ахейцы, остальные места занимали еще более слабые контингенты; левый фланг заполняли афиняне. Фиванцы же сами занимали левый фланг; рядом с ними стояли аркадяне, правый же фланг был отдан артивянам. Остальное войско — евбейцы, локрийцы, сикионцы, а также мессеняне, малиейцы и энианы, фессалийцы и прочие союзники — занимало средние места; всадников же обе стороны расставили на обоих флангах».

Эпаминонд пал в бою — смерть его подробно описана и украшена легендарными подробностями у Диодора (XV, 87). Убийцей Эпаминонда, по Диоскуриду (Плутарх, Агесилай, 35), был спартанец Антикрат. Ср. Павсаний, VIII, 11, 5 и сл.

Пала от рук афинян — это произошло, вероятно, еще в начале сражения (ср. Диодор, XV, 85, 6).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

Абарнида — мыс около Лампсака II, 1, 29.

Абидос — город на азиатском берегу Геллеспонта I, 1, 5—6; 1, 11; I, 2, 15; II, 1, 18; III, 1, 9; IV, 8, 3; IV, 8, 6; IV, 8, 32; V, 1, 6; V, 1, 25; область А. IV, 8, 35; жители А. II, 1, 18; VII, 1, 27.

Авлида — беотийский город на Еврипе III, 4, 3; III, 5, 5; VII, 1, 34.

Авлон — город на границе Мессени и Элиды III, 2, 25; III, 3, 8; жители А. III, 3, 8.

Автобэсак — перс II, 1, 8.

Автокл — афинянин, сын Стромбихида VI, 3, 2; речь А. в Спарте VI, 3, 7 и сл.

Агамемнон — его жертвоприношение в Авлиде III, 4, 3.

Агафин — командующий коринфским флотом IV, 8, 10.

Агесандрид — полководец лакедемонян; победа А. над афинянами при Эретрии: I, 1, 1; А. с флотом у Фракии I, 3, 17.

Агесилай — спартаец, сын Архидама V, 3, 13; брат царя Агиса III, 3, 1; А. становится царем III, 3, 4; отношения А. с Лисандром III, 4, 7, и сл.: отношение А. к царю Агесиполиду V, 3, 20.

Война А. в Азии с персами (396—394 гг. до н. э.) III, 4, 2—29; IV, 1, 1—41; получение А. приказа о возвращении в Спарту IV, 2, 2; путь А. через Фракию, Фессалию, до Беотии IV, 3, 1—9; битва при Коронее (394 г. до н. э.) IV, 3, 15—21; возвращение А. на родину IV, 4, 1; поход А. в Арголиду (393 г. до н. э.) IV, 4, 19; поход против Коринфа (392 г. до н. э.) IV, 5, 1—18; поход А. против акарнян (391 г. до н. э.) IV, 6, 3—14; А. принуждает Фивы и Аргос принять Анталкидов мир (387 г. до н. э.) V, 1, 32—34.

Отказ А. принять командование против мантинейцев (387 г. до н. э.) V, 2, 3; поход против Флиунта (381—380 г. до н. э.) V, 3, 13—25; отказ А. выступить против Фив (387 г. до н. э.) V, 4, 13; принятие А. на себя командования в борьбе с Фивами V, 4, 35—41; участие в войне в 377 г. до н. э.) V, 4, 47—55.

Болезнь А. V, 4, 58.

Его обращение с фиванцами на мирном конгрессе (371 г. до н. э.) VI, 3, 19 и сл.; попытка А. воспрепятствовать в качестве посланника восставлению Мантинеи VI, 5, 4 и сл., руководство войной против Мантинеи

¹ Составлен студентом К. Лампсаковым.

(360 г. до н. э.) VI, 5, 10—12; VI, 5, 15—21; выступление А. против Эпаминонда (362 г. до н. э.) VII, 5, 9 и сл.

Агесиполид — сын Павзания, царь Спарты под опекой Аристодема (394 г.) IV, 2, 9; поход А. против Аргоса (388 г.) IV, 7, 2—7; поход против Мантиннеи (386 г.) V, 2, 3—6; поход А. против Олинфа (381 г.) V, 3, 8—18; болезнь А. и смерть в Афитии (380 г.) V, 3, 19.

Агесистрат — эфор 426 г. до н. э. в Спарте II, 3, 10.

Агис — царь спартанский; А. в Декелее I, 1, 33 и сл.; II, 2, 7 и 11; А. похищает Декелею (404 г. до н. э.) II, 3, 3; элейцы не позволили А. совершить жертвоприношение в Олимпии; ведет против них войну III, 2, 22—29 (400—399 г. до н. э.); болезнь А. в Дельфах и смерть его в Спарте (398 г. до н. э.) III, 3, 1.

Агиррий — афинянин IV, 8, 31.

Адей — сикионец VII, 1, 45.

Адимант — афинянин, сын Левколофида I, 4, 21; А. стратег I, 7, 1; II, 1, 30; II, 1, 32.

Азия — гл. обр. Малая Азия II, 1, 8; III, 1, 5; IV, 2, 4; V, 1, 31 и др.

Академия — гимнасий к сев.-зап. от Афин II, 2, 8; VI, 5, 49.

Аканф — город в Халкидике V, 2, 11; V, 3, 6; жители А. V, 2, 12 и 23.

Акарнания — зап. область Ср. Греции VI, 2, 37; население А. IV, 2, 17; IV, 6, 1 и сл.; IV, 7, 1; VI, 5, 23.

Агригент — сицилийский город, завоеванный Карфагеном, I, 5, 21; II, 2, 24.

Акрисий — сикионец VII, 1, 45.

Акрокоринф — Коринфская крепость IV, 4, 4.

Акрореи — город в Трифилии; жители А. III, 2, 30; IV, 2, 16; VII, 4, 14.

Александр — царь Фессалии VI, 4, 35 и сл.; VII, 5, 4.

Алексий — архонт 405 г. в Афинах II, 1, 10.

Алея — Афина VI, 5, 27.

Ализия — город в Акарнании V, 4, 65 и сл.

Алипет — спартанец V, 4, 52.

Алкет — спартанец V, 4, 56.

Алкет — правитель Эпира VI, 1, 7; VI, 2, 10.

Алкивиад — афинянин I, 1, 5 и сл.; избрание А. стратегом I, 4, 10; возвращение его в Афины I, 4, 11—23; А. оставляет войско и удаляется в свою крепость в Херсонесе I, 5, 17; А. предостерегает афинян при Эгоспотамах II, 1, 25; ср. II, 3, 42.

Алкивиад — одноименный племянник его I, 2, 13.

Алкимен — коринфянин IV, 4, 7.

Алтия — священная область в Олимпии VII, 4, 29.

Алфей — река в Элиде III, 2, 29; VI, 2, 31; VII, 4, 29.

Амбракия — город в Акарнании V, 4, 65 и сл.; VI, 2, 3.

Амиклы — город в Лаконике, недалеко от Спарты VI, 5, 30; VII, 2, 3; жители А. IV, 5, 11 и сл.

Аминта — царь Македонии V, 2, 12 и сл.; V, 2, 38; V, 3, 9.

- Амфидолы — город в Трифилии III, 2, 30; жители А. III, 2, 25; IV, 2, 16.
- Амфей — храм в Фивах V, 4, 8.
- Амфиполь — греческая колония в Македонии IV, 3, 1.
- Анаксибий — спартанец IV, 8, 32; наместник в Абидосе IV, 8, 33—39.
- Анаксикрат — византиец I, 3, 18 и сл.
- Анаксилай — византиец I, 3, 18 и сл.
- Ангенид — эфор 425 г. до н. э. в Спарте — II, 3, 10.
- Андроклид — фиванец III, 5, 1; III, 5, 4; бегство А. в Афины V, 2, 31; V, 2, 36.
- Андромах — гиппарх (нач-к конницы) элейцев VII, 4, 19.
- Андрос — один из Кикладских о-вов I, 4, 21—22; I, 5, 18; V, 4, 61; жители А. I, 4, 22; II, 1, 32; корабль А. II, 1, 31.
- Анит — афинянин II, 3, 42; II, 3, 44.
- Анталкид — спартанец IV, 8, 12; переговоры А. с Тирибазом IV, 8, 14—16; А. нач-к флота V, 1, 6; VI, 3—12.
- Анталкидов мир — V, 1, 31; ср. V, 1, 25; V, 1, 36.
- Антандр — город в Троеде, у подножия Иды I, 1, 25; I, 3, 17; II, 1, 10; IV, 8, 35; жители А. I, 1, 26.
- Антиген — архонт 407 г. в Афинах I, 3, 1.
- Антиох — афинянин, кормчий Алквиада I, 5, 11 и сл.
- Антиох — аркадянин VII, 1, 33; VII, 1, 38.
- Антисфен — спартанец III, 2, 6.
- Антифонт — афинянин II, 3, 40.
- Анэтий — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.
- Апатури — празднество в Афинах I, 7, 8.
- Аполлон — бог III, 5, 5; храмы А. VI, 4, 2; VI, 5, 27; храм А. в Дельфах IV, 7, 2; оракул А. III, 3, 3.
- Аполлония — город в Македонии V, 2, 11; V, 3, 1 и 6; население А. V, 2, 13.
- Аполлофан — кизикиец IV, 1, 29.
- Арак — спартанец, морской начальник II, 1, 7; эфор 408 г. II, 3, 10; посольство А. у Деркилида — III, 2, 8; А. посланником в Афинах VI, 5, 33.
- Аргей — элеец VII, 1, 33; VII, 4, 15 и сл.
- Аргинусы — остров между Lesbosом и материком I, 6, 27; битва при А. I, 6, 28—34.
- Арголида — область Греции IV, 7, 4.
- Аргос — III, 5, 1; IV, 4, 6; IV, 7, 2; VII, 1, 41; жители А. I, 3, 13; II, 2, 7; постоянная вражда А. со спартанцами III, 5, 11; участие А. в Коринфской войне IV, 2, 17; IV, 3, 15 и сл.; IV, 4, 1; IV, 7, 2; завоевание А. Коринфа IV, 4, 2 и сл.; IV, 8, 34; вынужденное его возвращение V, 1, 34; союз А. с аркадянами VI, 5, 16; VI, 5, 23; VII, 1, 25; VII, 1, 28; VII, 2, 1 и сл.
- Аресий — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.
- Арибарзан — персидский сатрап в М. Азии I, 4, 7; V, 1, 28; VII, 1, 27.

- Аристарх — афинянин I, 7, 28; участие А. в правлении «400» II, 3, 46.
- Аристоген — афинянин, стратег I, 5, 16; I, 6, 30; I, 7, 1.
- Аристоген — сиракузянин I, 2, 8.
- Аристокдем — спартанец, опекун Агесиполида IV, 2, 9.
- Аристокл — афинянин VI, 3, 2.
- Аристократ — афинянин I, 4, 21; А. стратег I, 51, 16; I, 6, 29; А. обвинен I, 7, 2.
- Аристолох — спартанец V, 4, 22.
- Аристон — византиец I, 3, 8.
- Аристотель — афинянин II, 2, 18; принадлежность А. к «четыремстам» II, 3, 46; принадлежность А. к «тридцати» II, 3, 2 и 13.
- Аристофонт — афинянин VI, 3, 2.
- Аркадия — область Пелопоннеса IV, 4, 16; VI, 5, 12; VII, 4, 35 и 40; жители А. III, 2, 26; 5, 12; IV, 4, 16; V, 2, 19; образование Аркадского союза VI, 5, 11; VI, 5, 15 и сл.; VI, 5, 22; VII, 4, 33; объединение А. с фиванцами VI, 5, 23; VII, 1, 18; война А. с элейцами VII, 4, 13—32; мир между ними VII, 4, 33 и сл.; города А. VII, 4, 38.
- Арнап — перс I, 3, 12.
- Артаксеркс — царь персов V, 1, 31.
- Артемиды — богиня IV, 2, 29; VI, 5, 9; VII, 1, 3, 4; храмы А.: в Астирене IV, 1, 41; в Левкофрии III, 2, 19; в Эфесе I, 2, 6; III, 4, 18; в Мунихии II, 4, 11.
- Архедем — афинянин I, 7, 2.
- Архестрат — афинянин II, 2, 15; А. стратег I, 5, 16.
- Архидам — спартанец, отец Агесилая V, 3, 13.
- Архидам — спартанец, сын Агесилая V, 4, 25 и сл.; поход А. против фиванцев (371 г. до н. э.) VI, 4, 18; VI, 4, 26; VI, 5, 1; поход А. против аркадцев (368 г.) VII, 1, 28; выступление А. на помощь элейцам (364 г.) VII, 4, 20—24; А. защищает Спарту от Эпаминонда (362 г.) VII, 5, 12 и сл.
- Архидам — элеец VII, 1, 33 и 38.
- Архий — полемарх в Фивах V, 4, 2 и 6; VII, 3, 7.
- Архит — эфор 404 г. в Спарте II, 1, 10; II, 3, 10.
- Асея — местечко в южн. Аркадии VI, 5, 11; VI, 5, 15; жители А. VII, 5, 5.
- Асина — город в Лакедемонии VII, 1, 25.
- Аспенд — город в Памфилиде IV, 8, 30.
- Астиох — спартанец I, 1, 31.
- Астирена — Артемиды, называемая так по Мисийскому городу Астира IV, 1, 41.
- Атарней — город в Эолиде III, 2, 11.
- Аттика — область в Греции I, 7, 22; V, 1, 1; V, 1, 9; V, 4, 19 и сл.; VI, 2, 14.
- Аттическая монета — I, 5, 4; А. флот V, 1, 26.
- Афина — богиня I, 1, 4; I, 4, 12; II, 4, 39; III, 1, 21; III, 1, 2, 3; А.-Алея VI, 5, 27; храмы А. в Фокее I, 3, 1; в Афинах I, 6, 1.
- Афинад — сикионец III, 1, 18.
- Афины — город I, 1, 33; I, 2, 1; II, 1, 10; III, 1, 1; III, 5, 7; IV, 8,

24—34; V, 1, 10, 20, 28, 35; V, 4, 2, 22, 66; V, 2 9; VI, 3, 3; 4, 20; 5, 33, 35; VII, 1, 1, 23; 3, 4; 4, 3; VII, 5, 3 и др.; граждане А. афиняне II, 2, 1; их отношение к полководцам, побежденным при Аргинусах, I, 7, 1—35; поражение А. при Эгоспотамах II, 1, 21—29; осада А. спартацами II, 2, 3—23; господство «тридцати» II, 3, 11—56; II, 4, 1—24; восстановление в А. конституции Фрасибулом II, 4, 24—43; участие А. в военном походе спартанцев III, 1, 4 и III, 2, 25; помощь А. фиванцам в 395 г. до н. э. III, 5, 16 и сл.; участие А. в Коринфской войне IV, 2, 17; IV, 3, 15; IV, 4, 1; участие А. в морской войне IV, 8, 20; IV, 8, 25—39; А. по Анталкидову миру V, 1, 31 и 35; присоединение афинян в 378 г. к фиванцам V, 4, 34; заключение мира со спартацами (374 г.) VI, 2, 1; война у Керкиры VI, 2, 2—39; участие А. в мирном конгрессе 371 г. до н. э. VI, 3, 1—20; А. содействует отпадению союзников от Спарты VI, 5, 1—3; помощь А. спартацам (360 г. до н. э.) VI, 5, 33—39; переговоры А. со Спартой о союзе VII, 1, 1—14; заключение союза с аркадянами VII, 4, 2 и сл.; попытка А. овладеть Карфагеном VII, 4, 4—6; посылка А. конницы аркадянам VII, 5, 6 и сл. и 15 и сл.

А ф и т и с — город в Паллене V, 3, 19.

А ф р о д и с и и — празднества в честь Афродиты V, 4, 4.

А х а й я — область в Пелопоннесе III, 2, 23; IV, 8, 10; VI, 2, 3; VII, 1, 41.

А х е й ц ы — жители А. III, 26; IV, 6, 1; война А. с афинянами IV, 6, 1; IV, 6, 3—7; А. на стороне спартанцев (371 г. до н. э.) VI, 4, 18; присоединение А. к фиванцам (367 г.) VII, 1, 41 и сл.; помощь элейцам против аркадян VII, 4, 17 и 28; А. во Фтиотиде I, 2, 18; IV, 2, 18, ахейские границы Фтии IV, 3, 9.

А х и л л е и — город в Мал. Азии, вероятно близости от Приены III, 2, 17; IV, 8, 17.

Б а г е й — перс III, 4, 13.

Б е н д и д и й — храм Артемиды Бендиды в Пирее II, 4, 11.

Б е о т и й — лакедемонянин I, 4, 2.

Б е о т и я — область средней Греции III, 5, 17, 24; V, 2, 16; V, 2, 34; VI, 4, 3; беотийцы I, 3, 15; II, 4, 30; III, 2, 25; война Б. с Коринфом IV, 2, 17; IV, 3, 3 и сл.; IV, 4, 1; V, 1, 32; VI, 5, 23; города Б. IV, 8, 15; V, 1, 33 и 36.

Б р а с и д — эфор 430 г. в Спарте II, 3, 10.

В и з а н т и й — город у Босфора I, 1, 35 и сл.; I, 3, 10 и сл.; I, 4, 1; II, 2, 1 и сл.; IV, 8, 27 и 31.

В и з а н т и й ц ы — I, 3, 16, 18—19; IV, 8, 27.

В и ф и н и я — Фракийская область в сев. части М. Азии III, 2, 2.

Г а в р и й — крепость на Андросе I, 4, 22.

Г а г н о н — афинянин II, 3, 30.

Г а л а к с и д о р — фиванец III, 5, 1.

Г а л и а р т — город в Беотии III, 5, 6; III, 5, 17 и 25; жители Г. III, 5, 18—9.

Г а л и и — город в Арголиде VI, 2, 3; жители Г. IV, 2, 16; VII, 2, 2.

Г а л и п е д — равнина вблизи Пирея II, 4, 30.

Г а л и с а р н а — город в Троаде III, 1, 6.

- Г а л ы — аттический дем II, 4, 34.
- Г а м а к с и т — город в Троаде III, 1, 13 и 16.
- Г а м б р и й — город в Ионии III, 1, 6.
- Г а н н и б а л — карфагенянин, сын Гискона I, 1, 37.
- Г е л а — сицилийский город, завоеванный Карфагеном, II, 3, 5.
- Г е л и к о н — гора в Беотии IV, 3, 16 и сл.
- Г е л и к с — мегарец I, 3, 15 и сл.; I, 3, 21.
- Г е л л е с п о н т — I, 1, 2 и сл.; I, 3, 8; ширина Г. II, 1, 21; живущие у Г. III, 4, 11; IV, 3, 17; геллеспонтские города IV, 8, 31.
- Г е л о с — местность у Лаконского залива VI, 5, 32.
- Г е р а к л — бог VI, 3, 6; VI, 4, 7; VII, 1, 31; потомки Г. III, 3, 3; VI, 5, 47; святилища Г.: в Эгине V, 1, 10; в Калхедоне I, 3, 7; в Фивах VI, 4, 7.
- Г е р а к л е я Т р а х и й с к а я — город во Фтиотиде I, 2, 18; VI, 4, 27; жители Г. III, 5, 6; VI, 4, 9 и 27; VI, 5, 23.
- Г е р а к л и д — сын Аристогена, сиракузец I, 2, 8.
- Г е р а н о р — полемарх спартанцев VII, 1, 25.
- Г е р е с т — мыс у южной оконечности Евбеи III, 4, 4; V, 4, 61.
- Г е р е й — храм Геры: на Истме IV, 5, 5 и сл.; в Флиасии VII, 2, 1; VII, 2, 6 и сл.
- Г е р е я — город в восточной Аркадии, у Алфея III, 2, 30; III, 3, 1; VI, 5, 22; герейцы VI, 5, 11 и 22.
- Г е р и п п и д — спартиат; с Агесилаем в Азии III, 4, 6 и 20; IV, 1, 11 и сл.; IV, 2, 20 и сл.; IV, 2, 8, IV, 3, 15 и сл.; во флоте IV, 8, 11.
- Г е р м и о н а — приморский город в Арголиде VI, 2, 3; жители Г. IV, 2, 16; VIII, 2, 2.
- Г е р о д — сиракузец III, 4, 1.
- Г е с т и я — богиня; алтарь Г. в здании Афинского совета II, 3, 52; алтарь Г. в Олимпии VII, 4, 31.
- Г и а к и н ф и и — празднество спартанцев IV, 5, 11.
- Г и а м п о л и й ц ы — жители фокийского города Гиамполя VI, 4, 27.
- Г и е р а м е н — перс II, 1, 9.
- Г и е р а к с — нач-к флота лакедемонян V, 1, 3—6.
- Г и е р о н — 1) один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2; 2) лакедемонянин VI, 4, 9.
- Г и м е р а — сицилийский город I, 1, 37.
- Г и п а т — фиванец VII, 3, 7.
- Г и п а т о д о р — танагрин V, 4, 49.
- Г и п е р м е н — спартанец VI, 2, 25.
- Г и п п е й — предводитель самосцев при Аргинусах I, 6, 29.
- Г и п п и й — элвец VII, 4, 15.
- Г и п п о д а м — сицилиец VII, 1, 45.
- Г и п п о д а м о в а п л о щ а д ь в Пирее — II, 4, 11.
- Г и п п о к р а т — младший полководец Миндара I, 1, 23; Г. заместником в Халхедоне I, 3, 5 и сл.
- Г и п п о л о х — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.
- Г и п п о м а х — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2; II, 4, 19.
- Г и п п о н — сиракузец I, 2, 8.

- Гиппоник — 1) афинянин IV, 5, 13; VI, 3, 2; 2) флиунтец V, 3, 13.
- Гистиейцы — жители евбейского города Гистиеи II, 2, 3.
- Гифий — гавань на южном берегу Лаконики I, 4, 11; VI, 5, 32.
- Главкон — афинянин II, 4, 19.
- Гносий — сиракузец I, 1, 29.
- Гонгий — эретриец III, 1, 6.
- Горгион — брат Гонгила III, 1, 6.
- Горгоп — лакедемонеец V, 1, 5—12.
- Гордий — город во Фригии I, 4, 1.
- Грайское лоно — холм у Фив V, 4, 50.
- Греки — I, 5, 9 и др.; Г. в Азии III, 1, 3; Г. в армии младшего Кира III, 1, 1; Г. на персидской службе III, 1, 13 и 16; греческие города II, 2, 20; III, 1, 5 и др.; греческое войско III, 2, 15; IV, 3, 11.
- Греция — II, 2, 6; II, 2, 20 и др.; III, 1, 3 и др.
- Гриний — город в Эолиде III, 1, 6.
- Дарданцы — жители гор. Дардана в Троаде III, 1, 10.
- Дарий — царь персидский I, 2, 19; II, 1, 8.
- Даскилея — резиденция Фернабаза III, 4, 13; IV; IV, 1, 15.
- Декелея — местечко в Аттике, занятое спартамцами I, 1, 33 и 35; 2, 14; 3, 22; II, 2, 7; III, 5, 5; оставление Д. спартамцами II, 3, 3.
- Дельфиний — крепость на Хиосе I, 5, 15.
- Дельфион — флиунтец V, 3, 22 и 24.
- Дельфы — город в Фокиде III, 3, 1; IV, 3, 2; IV, 7, 2; VII, 1, 27; жители Д. VI, 4, 30.
- Демарат — царь Спарты III, 1, 6.
- Демарх — сын Ебдока, сиракузского полководца I, 1, 29.
- Деменет — афинянин V, 1, 10 и 26.
- Деметра — богиня VI, 3, 6.
- Демострат — афинянин, сын Аристофонта VI, 3, 2.
- Демотел — лакедемонянин VII, 1, 32.
- Демотион — афинянин VII, 4, 4.
- Дерас — крепость в Сикионии VII, 1, 22.
- Дерд — властитель Элимии V, 2, 38 и сл.; V, 3, 1 и сл.; V, 3, 9.
- Дерклид — спартаец, гармост в Абидосе в 407 г. III, 1, 9; Д. ведет войну в Азии (394—397 г. до н. э.) II, 1, 8—28; 2, 1—20; 4, 6; Д. приносит Агесилаю в Амфиполь известие о победе при Коринфе IV, 3, 1; Агесилай отсылает Д. на Геллеспонт IV, 3, 2 и сл.; после битвы при Книде Д. сохраняет для лакедемонян Абидос IV, 8, 3—5; Д. в Абидосе (до 389 г.) IV, 8, 32.
- Дигма — площадь в Пирее V, 1, 21.
- Диноп — спартанский полемарх V, 4, 33; VI, 4, 14.
- Диокл — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.
- Диомедонт — стратег афинян I, 5, 16; Д. приходит на помощь Кону в Митилене I, 6, 22 и сл.; Д. при Аргинусах I, 6, 29; Д. обвинен в Афинах I, 7, 2; I, 7, 16 и 29.
- Дион — афинянин I, 3, 13.
- Диониса — храм в Афитии V, 3, 19.

- Дионисий — 1) афинянин V, 1, 26; 2) сын Гермократа, тиран Сиракузский II, 2, 24; 3, 5; VI, 2, 4 и 33; VII, 1, 20 и сл.; 3) сын его VIII, 4, 12.
- Диопиф — лакедемонянин III, 3, 3.
- Диоскуры — Кастор и Полидевк VI, 3, 6.
- Диотим — афинянин I, 3, 12; V, 1, 25.
- Дифрид — лакедемонянин IV, 8, 21.
- Долопы — народность в Эпире VI, 1, 7.
- Доризэй — родосец I, 1, 2; 5, 19.
- Дорофей — афинянин I, 3, 13.
- Драконт — пелленец III, 2, 11.
- Драконтид — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.
- Евагор — 1) элеец, победитель в Олимпии I, 2, 1; 2) правитель Саламина, на Кипре II, 1, 29; IV, 8, 24; V, 1, 10.
- Евалк — афинянин IV, 1, 40.
- Евархипп — эфор 407 г. в Спарте I, 2, 1; II, 3, 10.
- Евбея — IV, 2, 17; завоевание Е. афинянами в 446 г. II, 3, 9; жители Е. IV, 3, 15; 5, 23; VII, 5, 4.
- Евбот — киренец, победитель в Олимпии I, 2, 1
- Евдамид — лакедемонянин V, 2, 24 и сл.
- Евдик — лакедемонянин V, 4, 39.
- Евклеи — праздник в честь Артемиды в Коринфе IV, 4, 2.
- Евклея — сиракузец, сын Гиппона I, 2, 8.
- Евклид — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.
- Евктемон — архонт 408 г. в Афинах I, 2, 1.
- Евксений — лакедемонянин IV, 2, 5.
- Евмафий — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.
- Евмах — стратег афинян I, 1, 22.
- Евном — нач-к флота афинян V, 1, 5 и сл.
- Евримедон — река в Памфилии IV, 8, 30.
- Ев*риптолем — афинянин I, 3, 12 и сл.; сын Писанакса, двоюродный брат Алкивиада I, 4, 19; Е. защищает полководцев, сражавшихся при Аргинусах, от обвинения I, 7, 12, 16—26.
- Еврисфей — VI, 5, 47.
- Еврисфен — потомок царя Демарата III, 1, 6.
- Европа — III, 2, 9; IV, 2, 6; 3, 15; 8, 5.
- Еврот — река в Лаконике V, 4, 28; VI, 5, 27 и 30.
- Евтея — аркадский город, поблизости от Мантиней VI, 5, 12, 20 и сл.
- Евтресии — область в Аркадии VII, 1, 29.
- Евфикл — лакедемонянин VII, 1, 33.
- Евфрон — сикионец VII, 1, 44; назначение Е. стратегом VII, 1, 45; власть Е. в Сикионе VII, 1, 46; 2, 11—15; бегство Е. VII, 3, 2; возвращение Е. обратно VII, 3, 4; убийство Е. в Фивах VII, 3, 5.
- Заклиф — остров в Ионическом море VI, 2, 3.
- Зевксипп — эфор 423 г. до н. э. в Спарте II, 3, 10.
- Зевс — бог в Олимпии III, 2, 22, 26, 31; IV, 7, 2; VII, 4, 35.
- Зений — дарданец, персидский сатрап в Эолиде III, 1, 10.
- Зостер — мыс на западном берегу Аттики V, 1, 9.
- Иберийцы — в Сиракузском войске VII, 1, 20.

И да — гора в Троаде I, 1, 25.

И дий — писец Агесилая IV, 1, 39.

И лар х — эфор 419 г. в Спарте II, 3, 10.

И ли он — город в Троаде I, 1, 4; жители И. III, 1, 16.

И м б р о с — остров в северной части Эгейского моря IV, 8, 15; V, 1, 31.

И о н и я — береговая область в М. Азии II, 1, 17; III, 2, 11 и 14; V, 1, 28; жители И. III, 4, 11; IV, 3, 17; И. город III, 2, 12, 17.

И с а н о р — эфор 429 г. до н. э. в Спарте II, 3, 10.

И с и й — эфор 409 г. до н. э. в Спарте II, 3, 10.

И с м е н и й — фиванец III, 5, 1; V, 2, 25; присужден к смерти V, 2, 30—36.

И с т м — у Коринфа IV, 5, 1; 8, 8; VII, 5, 15; у Паллены V, 2, 15; фракийский III, 2, 10.

И с т м и и — игры на Истме IV, 5, 1 и сл.

И т а л и я — V, 1, 26.

И ф и к р а т — афинянин, предводитель наемников в Коринфе IV, 4, 9; вторжение И. во Флиунтскую область IV, 4, 15; в Аркадию IV, 4, 16; 5, 3; И. уничтожает при Лехее спартанский отряд IV, 5, 13—17; отправляется на Геллеспонт IV, 8, 34—39; И. осаждает Абидос V, 1, 25; И. стратег афинян VI, 2, 13 и 24; экспедиция И. в Пелопоннес VI, 2, 27 и сл.: в Керкиру VI, 2, 33 и 36; ср. VI, 3, 3; его отзывают обратно VI, 4, 1; его посылают в должности стратега в Пелопоннес в 370 г. до н. э. VI, 5, 49.

И х ф и й — мыс в Элиде VI, 2, 31.

К а в а — местечко во Фригии IV, 1, 20.

К а д м е я — крепость (акрополь) города Фив, занятая спартанцем Фебидом V, 2, 29 и 31; VI, 3, 9 и 11; 5, 46.

К а д у с и й ц ы — народ около Каспийского моря II, 1, 13.

К а л и д о н — город в Этолии IV, 6, 1 и 14; жители К. IV, 6, 1.

К а л л и й — 1) архонт 406 г. до н. э. в Афинах I, 6, 1; 2) сын Гиппоника, предводитель афинян в Коринфской войне IV, 5, 13 и сл.; VI, 3, 2; К. дадух VI, 3, 3; речь К. в Спарте на мирном конгрессе VI, 3, 4 и сл.; К. спартанский проксен в Афинах V, 4, 22; 3) спартанец V, 1, 15.

К а л л и б и й — 1) гармоист спартанцев в Афинах II, 3, 14; 2) тегеец VI, 5, 6 и сл.

К а л л и к р а т и д — лакедемонский наварх I, 6, 1 и сл.; К. осаждает Конона в Митилене I, 6, 16 и сл.; участвует в битве при Аргинусах I, 6, 31.

К а л л и к с е н — афинянин I, 7, 8, 15, 26 и 35.

К а л л и м е д о н т — афинянин IV, 8, 13.

К а л л и с т р а т — афинянин II, 4, 26; оратор VI, 2, 39; VI, 3, 3; речь К. в Спарте на мирном конгрессе VI, 3, 10 и сл.

К а л х е д о н — город в Малой Азии у Босфора I, 1, 26 и 35; I, 3, 2 и сл.; II, 2, 1 и сл.; IV, 8, 31; Калхедонская область I, 1, 22.

К а л х е д о н я н е — I, 3, 2 и сл.; IV, 8, 28; V, 1, 25.

К а м а р и н а — сицилийский город, завоеванный карфагенянами, II, 3, 5.

К а н н о н — афинянин; постановление К. I, 7, 20 и 34.

К а р д и я — город на Фракийском Херсонесе I, 1, 11.

К а р и и — город в Лаконии VI, 5, 25 и 27; VII, 2, 28.

К а р и я — область в южн. части М. Азии I, 1, 10; I, 4, 8; II, 1, 15;

- III, 1, 7 и сл.; III, 2, 15 и сл.; III, 4, 11; неудобство К. для конницы 1, 4, 12; жители К. III, 2, 15.
- Карфагеняне — I, 1, 37; I, 5, 21; II, 2, 24; 3, 5.
- Кастол — город в Лидии. К-ская долина I, 4, 3.
- Катана — сицилийский город II, 3, 5.
- Кеврен — город в Троаде III, 1, 17.
- Кедрей — город в Карии II, 1, 15.
- Кельты — в Сиракузском войске VII, 1, 20 и 31.
- Келуса — гора поблизости от Флиунта IV, 7, 7.
- Кенхрей — гавань Коринфа в Сароническом заливе IV, 5, 2; VI, 5, 51; VII, 1, 17, 41; 4, 5.
- Кеос — один из Кикладских о-вов V, 4, 61.
- Керамик — часть города Афин II, 4, 33.
- Керамический — залив в Карии I, 4, 8; II, 1, 15.
- Кератад — беотиец I, 3, 15 и сл.
- Керкира — о-в в Ионич. море V, 4, 64, 66; VI, 2, 4, 9 и 33.
- Керкирия — VI, 2, 7, 15; VI, 2, 24, 36 и сл.
- Кефалония — остров в Ионическом море VI, 2, 31 и 33.
- Кефис — река: 1) в Аттике II, 4, 19; 2) в Беотии IV, 3, 16.
- Кефисодот — афинский стратег II, 1, 16; VI, 3, 2; VII, 1, 12 и 14.
- Кефисофонт — афинянин II, 4, 36.
- Кидон — византиец I, 3, 18.
- Кизик — морской город в Миссии I, 1, 11, 16 и 19; I, 3, 13; III, 4, 10.
- Кизикийцы — I, 1, 19; IV, 1, 29.
- Киликия — область в южной части Малой Азии III, 1, 1.
- Киллена — приморский город с гаванью в Элиде III, 2, 27 и 30; VII, 4, 19.
- Килон — аргивянин III, 5, 1.
- Кима — город в Эолии III, 4, 27.
- Кинадон — спартаец, заговор К. III, 3, 5—11.
- Киноскефалы («собачьи головы») — местность в Беотии V, 4, 15; VI, 4, 5.
- Киос — местность в Мисии I, 4, 7.
- Киссид — сиракузец VII, 1, 28.
- Кипр — остров IV, 8, 24; V, 1, 10 и 31.
- Кир — перс, сын Дария. К. наместник Лидии I, 4, 3 и сл.; К. в Сардах I, 5, 1 и сл.; связь К. с Лисандром I, 5, 5 и сл.; с Калликратидом — I, 6, 6, 10 и 18; К. убивает двух знатных персов II, 1, 8; поддержка, оказанная Ки-ром Лисандру II, 1, 13 и 18; II, 3, 8; возвращение К. в Персию II, 1, 14 и сл.; поход К. против Артаксеркса III, 1, 1 и сл.; греч. наемники на службе у К. III, 2, 7 и 18; III, 4, 2 и 20.
- Кифера — остров у южной оконечности Пелопоннеса IV, 8, 8; К-ская область IV, 8, 7; жители К. IV, 8, 8.
- Киферон — область на границе Аттики и Беотии V, 4, 36 и сл.; V, 4, 47; V, 4, 55, 59; VI, 4, 5.
- Кладай — правый приток Алфея, у Олимпии VII, 4, 29.
- Клазомены — ионический город в Мал. Азии I, 1, 10; V, 1, 31.
- Клеандр — сикионец VII, 1, 45.

Клеарх — спартанец, сын Рамфия I, 1, 35; наместник Византия I, 3, 15.

Клей — спартанец V, 4, 39.

Клеокрит — афинянин II, 4, 20.

Клеомброт — спартанский царь; К. послан против Фив, 378 г. V, 4, 14—16; 59; К. в Фокиде 374—371 г. до н. э. VI, 1, 1; VI, 4, 2; поход К. в Беотию VI, 4, 3 и сл.; смерть К. в битве при Левктре VI, 4, 13.

Клеомед — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.

Клеоним — спартанец, сын Сфодрия, V, 4, 25; смерть К. при Левктре VI, 4, 14.

Клеоны — город в Арголиде VII, 5, 15.

Клеострат — аргивянин I, 3, 13.

Клеосфен — эфор 415 г. в Спарте II, 3, 10.

Клеофонт — афинянин I, 7, 35.

Клиген — аканфянин V, 2, 12.

Клиномах — эфор 420 г. в Спарте II, 3, 10.

Клител — коринфянин VI, 5, 37.

Клиторийцы — жители города Клитора в Аркадии V, 4, 36 сл.

Коклитяне — жители города в Эолиде III, 1, 16.

Коллитеец — принадлежащий к аттическому дему Коллиту V, 1, 26.

Колофон — ионический город в Малой Азии I, 2, 4.

Колоны — город в Троаде II, 1, 13 и 16.

Конон — афинянин, стратег, 407 г. до н. э. I, 4, 10; в 406 г. до н. э. I, 5, 16 и сл.; К. окружен при Митилене I, 6, 15 и сл. и 38; К. остается стратегом I, 7, 1; К. при Эгоспотамах I, 1, 28; К. бежит к Евагору I, 7, 29; победа К. над спартанцами при Книде IV, 3, 11; К. прогоняет спартанских гармостов IV, 8, 1; К. опустошает берега Лаконики IV, 8, 7; К. восстанавливает афинские стены IV, 8, 9; К. направлен афинянами к Тирибазу IV, 8, 13; К. заточен Тирибазом в Сардах IV, 8, 16.

Кора-Персефона — богиня VI, 3, 6.

Коресс — гора у Эфеса I, 2, 7 и 9 и сл.

Коринф — III, 5, 1; К-ская война IV, 4, 1; союз К. с Аргосом IV, 4, 6 и 14; IV, 5, 1; V, 1, 34; VI, 2, 3; VI, 5, и 11 и 49; VII, 5, 16; К. область IV, 4, 5; К. гавань VI, 2, 9.

Коринфяне — II, 1, 32; II, 2, 19; II, 4, 30; III, 2, 35; III, 5, 5 и 12; К. отказываются следовать за спартанцами III, 5, 17 и 23; битва К. со спартанцами при Немее IV, 2, 14; IV, 2, 17—23; битва при Коронее IV, 3, 15; К. устраняют сторонников партии мира IV, 4, 2; IV, 5, 4; V, 3, 27; К. на стороне спартанцев (371 г.) VI, 4, 18; VI, 5, 29; К. сопротивляются заключению мира (367 г. до н. э.) VII, 1, 40; заключение К. мира с фиванцами в 366 г. VII, 4, 6 и сл.

Корифасий — мыс у Пилоса в Мессении I, 2, 18.

Коронейя — город в Беотии IV, 3, 16 и сл.

Кос — остров у карийского берега I, 5, 1.

Ксений — элеец III, 2, 27.

Ксенокл — спартанец III, 4, 30.

Ксеркс — царь персидский II, I, 8.

Краний — гимнасий около Коринфа IV, 4, 4.

Кр анно н ц ы — жители фессалийского города Кранны IV, 3, 3.

К р а т е с и п п и д — спартанский наварх I, 1, 32; I, 5, 1.

К р е в с и й — беотийская гавань в Коринфском заливе IV, 5, 10; V, 4, 16 и сл.; V, 4, 60; VI, 4, 3 и 25.

К р е м а с т а — местность у Абидоса IV, 8, 37.

К р и н и п п — сиракузец VI, 2, 36.

К р и т и й — афинянин; К. в Фессалии в 411 г. II, 3, 36; К. в числе «тридцати» в Афинах II, 3, 2; ссора К. с Фераменом II, 3, 15 и сл.; речь К. против Ферамена в совете II, 3, 24—34; К. присуждает Ферамена к смерти II, 3, 51 и сл.; К. в Элевсине II, 4, 8; падение К. II, 4, 19.

К р и т я н е — жители о-ва Крита IV, 2, 16; IV, 7, 6; VII, 5, 10.

К р о к и н — фессалиец, победитель в Олимпии II, 3, 1.

К р о м м и о н — город на Истме, у Саронического залива IV, 4, 13; IV, 5, 19.

К р о м — город в Аркадии VII, 4, 20 и сл.

К р о н и о н — холм в Олимпии VII, 4, 14.

К э р а т а д — беотиец I, 3, 15 и сл.

Л а б е т — спартанский гармоет (наместник) в Гераклее I, 2, 18.

Л а к е д е м о н — область в Пелопоннесе I, 2, 18; I, 3, 19; I, 5, 2; I, 6, 8 и сл.; II, 1, 6 и 30; II, 2, 7; II, 4, 28; V, 3, 11; VII, 1, 25; главный город Л. I, 1, 31.

Л а к е д е м о н я н е — жители Л. I, 2, 18 и др.; Л. завоевывают Дельфины и Эйон I, 5, 15; победа над Л. при Аргинусах I, 6, 31; Л. не хотят уничтожать Афины II, 2, 20; Л. «защитники Эллады» III, 1, 3; Л. начинают войну с персами III, 1, 4; война Л. с Элидой III, 2, 21—31; Л. посылают Лисандра в Фокиду III, 5, 6; победа Л. при Коринфе IV, 2, 15 и сл.; битва при Книде IV, 3, 10; война с Мантинеей V, 2, 1; война Л. с Олинфом V, 2, 23; Л. заключают мир в 371 г. VI, 3, 19; Л. в битве при Левктре VI, 4, 13; при Мантинее VII, 5, 21 и сл.

Л а к о н и к а — Лакедемон II, 2, 12; IV, 7, 6; IV, 8, 8; VI, 2, 9, 31; VI, 5, 21; недоступность Л. для вражеских вторжений VI, 5, 24; Лаконский флот I, 6, 34.

Л а к р а т — лакедемонянин II, 4, 33.

Л а м п с а к — город в Малой Азии у Геллеспонта I, 2, 15; II, 1, 18 и сл.; II, 1, 29; II, 2, 1; III, 2, 6.

Л а р и с а — 1) город в Фессалии VI, 4, 35; 2) город в Трое III, 1, 13 и 16; 3) Египетская — город в Элиде III, 1, 7; жители Л. II, 3, 4; IV, 3, 3.

Л а с и й — город на границе Элиды и Аркадии III, 2, 30; VII, 4, 12; жители Л. IV, 2, 16.

Л е в к а д и я — остров у берегов Акарнании VI, 2, 3 и 26.

Л е в к о л о ф и д и й — афинянин I, 4, 21.

Л е в к о ф р и й — город в Ионии III, 2, 19; IV, 8, 17.

Л е в к т р а — 1) город в Беотии V, 4, 33; VI, 4, 4 и 9 и сл.; VI, 5, 1 и 23; VII, 1, 35; VII, 2, 2; 2) город в Аркадии VI, 5, 24.

Л е м н о с — остров в сев. части Эгейского моря IV, 8, 15; V, 1, 31.

- Леонт — 1) афинянин, стратег I, 5, 16; I, 6, 16; VII, 1, 33 и сл.;
 2) эфор 418 г. в Спарте II, 3, 10; 3) саламинец II, 3, 39.
- Леонтиад — фиванец, вступает в союз со спартанцем Фебидом V, 2, 25 и сл.; передает Фебиду Кадмею V, 2, 29; Л. обвиняет в Спарте Исмению V, 2, 32 и сл.; смерть Л. V, 4, 7.
- Леонтида — фила в Афинах II, 4, 27.
- Леонтинцы — жители сицилийского города Леонтины II, 3, 5.
- Леонтих — афинянин V, 1, 26.
- Леотихид — сын спартанского царя Агиса III, 3, 1 и сл.
- Леприиды — жители трифилийского города Лепрея III, 2, 25; VI, 5, 11.
- Лесбос — остров у берегов Эолии I, 2, 11; I, 6, 12, 16 и 27; II, 2, 5; II, 3, 32, 35; IV, 8, 28.
- Летрины — город в Элиде III, 2, 30; жители Л. III, 2, 25; IV, 2, 16.
- Лехей — Коринфская гавань в Коринфском заливе IV, 4, 7; соединен с Коринфом стенами IV, 4, 9, 17; IV, 5, 7, 11 и сл.; IV, 8, 10; V, 1, 29.
- Лидия — область в восточн. части М. Азии I, 2, 4.
- Ликарий — эфор 414 г. в Спарте II, 3, 10.
- Ликей — гимнасий около Афин I, 1, 33; II, 4, 27.
- Ликейф — афинянин VI, 3, 2.
- Ликиск — афинянин I, 7, 13.
- Ликомед — мантинеец VII, 1, 23, 39; VII, 4, 2.
- Ликург — византиец I, 3, 18.
- Ликофрон — из Фер, правитель в Фессалии II, 3, 4.
- Лисандр — 1) спартанец, наварх 407 г. I, 5, 1—6; ср. III, 1, 9; II, 1, 6; союзники в Азии требуют, чтобы он был назначен полководцем, II, 1, 6; Л. подчинен Араку II, 1, 7; способ ведения войны 405 г. II, 1, 10 и сл.; Л. уничтожает афинский флот при Эгоспотамах II, 1, 22—32; последующие мероприятия Л. в приморских городах — II, 2, 1, 5—8; Л. осаждает Афины II, 2, 9 и сл.; Л. срывает городские стены в Афинах — II, 2, 23; завоевание Л. Самоса II, 3, 3 и 6; возвращение Л. в Спарту II, 3, 8; Л. послан в 403 г. в Аттику II, 4, 28; Л. поддерживает притязания Агесилая на царское достоинство III, 3, 3; Л. побуждает Агесилая к походу в Азию III, 4, 2; Л. в Азии III, 4, 7—20; Л. послан в 395 г. до н. э. в Фокиду III, 5, 6; Л. вступает в Беотию III, 5, 17; смерть Л. при Галиарте III, 5, 18 и сл.;
 2) сикионец VII, 1, 45.
- Лисий — стратег афинян I, 6, 30; обвинен в Афинах I, 7, 2.
- Лисимах — афинянин, гиппарх (нач-к конницы) во время «тридцати» II, 4, 8 и сл.
- Лисимен — сикионец VII, 1, 5.
- Лисипп — спартанский гармост в Эпироталии III, 2, 29 и сл.
- Лихас — спартанец III, 2, 21.
- Локрида — область в средней Греции III, 5, 3 и сл.; IV, 3, 21; жители Л. IV, 3, 22; опунтские локрийцы III, 5, 3 и сл.; IV, 2, 17; озольские у Коринфского залива IV, 2, 17, ср. IV, 5, 23.
- Македония — I, 1, 2; IV, 3, 3; V, 2, 12 и сл.; V, 3, 18; VI, 1, 11; македонское войско V, 2, 43; македоняне V, 2, 12 и 40.
- Макист — город в Трифилии III, 2, 30; жители М. III, 2, 25.
- Малея — 1) местность в Лаконике I, 2, 18; М. область VI, 5, 24;

2) мыс на южн. оконечн. Лесбоса I, 6, 26.

М а н и я из Дардана, правительница Эолии III, 1, 10—14.

М а н т и н е я — город в Аркадии IV, 5, 18; V, 22; М. разделена на 4 селения V, 2, 7; вновь соединена вместе VI, 5, 3 и сл.; VII, 5, 9; конные стычки при М. VII, 5, 16; битва при М. VII, 5, 20 и сл.; М. область VI 5, 15 и 17; жители М. III, 2, 21; IV, 2, 13; IV, 4, 17; подверглись нападению лакедемонян в 386 г. V, 2, 1 и сл.; выставляют контингент в лакедемонское войско VI, 4, 18; м-цы вновь самостоятельны VI, 5, 3 и сл.; выступают против Орхомена VI, 5, 13 и сл.; участие М. в войне в Терее VI, 5, 15 и сл.; конфликт с аркадянами VII, 4, 33; М. против фиванцев VII, 5, 1.

М а р а к и — народность в Этолии VI, 1, 7.

М а р г а н е й ц ы — жители трифилийского города Марган III, 2, 25 и 30; IV, 2, 16; VI, 5, 2; VII, 4, 14 и 26.

М е а н д р — река во Фригии и в Кари, III, 2, 14 и 17; III, 4, 12 и 21; IV, 8, 17.

М е г а б а т — перс, сын Спифридата IV, 1, 28.

М е г а л о п о л ь ц ы — жители города Мегалополя в Аркадии VII, 5, 5.

М е г а р ы — город на Истме I, 1, 36; I, 2, 14; II, 4, 1; IV, 4, 13; V, 4, 41; V, 4, 55 и 58; жители М. I, 3, 15; М-ская область V, 4, 18; V, 4, 26.

М е г и л л — спартанец III, 4, 6.

М е д е я — местность в Арголиде VII, 1, 28 и 29.

М е д о к — одрисский царь IV, 8, 26.

М е л а н и п п — родосец VI, 2, 35.

М е л а н о п — афинянин VI, 32.

М е л а н ф и й — афинянин II, 3, 46.

М е л ь ц ы — народность в сев. части Ср. Греции III, 5, 6; IV, 2, 17; VI, 5, 23.

М е л о б и й — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.

М е л о н — фиванец V, 4, 2 и сл.; 19.

М е л о с — один из Кикладских островов IV, 8, 7.

М е л о с ц ы — II, 2, 3 и 9.

М е н а н д р — афинянин I, 2, 16; в должности стратега II, 1, 16 и 26.

М е н а с к — спартанец IV, 2, 8.

М е н е к л — афинянин I, 7, 34.

М е н е к р а т — сиракузец I, 1, 29.

М е н о н — феспиец V, 4, 55.

М е с с е н а — главный город Мессении V, 11, 1, 27 и 36.

М е с с е н ц ы — VI, 5, 33; VII, 1, 29; VII, 5, 5.

М е ф и м н а — город на Лесбосе I, 2, 11; I, 6, 12 и 38; IV, 8, 28; жители М. I, 6, 13 и сл.; I, 6, 18; VI, 8, 29.

М и г д о н — спартанец III, 4, 20.

М и д и я — страна в Передней Азии II, 1, 13; жители М. I, 2, 19.

М и л е т — ионический город в М. Азии I, 1, 31; I, 2, 2 и сл.; I, 5, 1; I, 6, 2 и 7; жители М. I, 6, 8; II, 1, 30.

М и н д а р — спартанец I, 1, 4 и сл.; смерть М. при Кизике I, 1, 8; I, 3, 17.

М и р и н а — город в Эолиде III, 1, 6.

- Мисголайд — эфор 410 г. до н. э. в Спарте II, 3, 10.
 Мисия — область в М. Азии I, 4, 8; жители М. III, 1, 13; IV, 1, 24.
 Мискон — сиракузец, сын Менекрата I, 1, 29.
 Митилена — город на Лесбосе I, 6, 16, 26 и сл.; I, 7, 29; II, 2, 5; IV, 8, 28.
 Митиленцы — I, 6, 22; IV, 8, 28.
 Митрей — перс II, 1, 8.
 Митробат — перс I, 3, 12.
 Мнасипп — спартанский наварх VI, 2, 4—23.
 Мнесилох — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.
 Мнесифид — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.
 Мунихия — гавань в Афинах II, 4, 11 и 37.
 Навбат — спартанец III, 2, 6.
 Навкл — полководец спартанцев VII, 1, 41.
 Навклид — эфор в Спарте II, 4, 36.
 Навпакт — город в Этолии у Коринфского залива IV, 6, 14.
 Навплия — приморский город с гаванью в Арголиде IV, 7, 6.
 Нарфакий — гора в Фессалии IV, 3, 8 и сл.
 Неандрийцы — жители эолийского города Неандрии III, 1, 16.
 Неменя — город в Арголиде IV, 2, 14; IV, 7, 3; VII, 2, 5; VII, 5, 6.
 Никерат — афинянин, сын Никия II, 3, 39.
 Никий — афинянин II, 3, 39.
 Николох — спартанец V, 1, 6, 25; в должности наварха V, 4, 65.
 Никострат — афинянин II, 4, 6.
 Никофем — афинянин IV, 8, 8.
 Нотий — гавань Колофона I, 2, 4 и 11; I, 5, 12 и сл.; II, 1, 6.
 Одеон — в Афинах II, 4, 9 и сл.; II, 4, 24.
 Одрисы — фракийская народность III, 2, 2, 5; IV, 8, 26.
 Окилл — спартанец V, 4, 22; VI, 5, 33.
 Олимпия — город в Элиде III, 2, 26; IV, 1, 40; IV, 7, 2; VII, 4, 14; VII, 4, 29 и сл.; О-ские игры VII, 4, 28; О-ский год — там же; О-ская до-
 рога — там же; О-ская гора VII, 4, 14.
 Олинф — город на Халкидском полуострове V, 2, 11 и сл.; V, 2, 27; V, 3, 4; V, 3, 9; жители О. V, 2, 2; 13 и сл.; V, 2, 27; V, 2, 38; V, 3, 1 и сл.; V, 3, 26; V, 4, 54.
 Олонфей — спартанец VI, 5, 33.
 Олур — крепость в Ахее VII, 4, 17 и сл.
 Оней — гора на Истме VI, 5, 51 и сл.; VII, 1, 15; VII, 1, 41 и сл.; VII, 2, 5.
 Ономакл — 1) один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2; 2) эфор 424 г. до н. э. в Спарте II, 3, 10.
 Ономантий — эфор 412 г. в Спарте II, 3, 10.
 Опунт, Опунты — см. Локрида.
 Орей — город в Сев. части Евбеи V, 4, 56; жители О. V, 4, 57.
 Ороп — город на Евбейском море, на границе между Аттикой и Беотией VII, 4, 1.
 Орсипп — спартанец IV, 2, 8.
 Орхомен — 1) город в Беотии III, 5, 17; IV, 3, 15; жители О. III, 5, 6;

IV, 2, 17; IV, 3, 15 и сл.; V, 4, 36 и сл.; VI, 4, 10; 2) город в Аркадии IV, 5, 18; V, 1, 29; VI, 5, 15, 17 и 29; жители О. VI, 5, 11 и 13.

Оттий—царь пафлагонцев IV, 1, 3 и сл.

Павсаний—царь спартанский II, 2, 7; П. выступает против Афин II, 4, 29—39; против фиванцев III, 5, 17—24; П. удаляется в изгнание в Тегею III, 5, 25; П. друг мантинейцев V, 2, 3.

Пагасы—приморский город в Фессалии, гавань гор. Фер V, 4, 56.

Пактол—река в Лидии III, 4, 22 и сл.

Палегамбрий—город в Эолиде III, 1, 6.

Паллантий—город в Аркадии VI, 5, 9; жители П. VII, 5, 5.

Паллена—полуостров Халкидики V, 2, 15.

Памфил—стратег афинский V, 1, 2.

Пангей—гора в Македонии V, 2, 17.

Пантакл—эфор 406 г. в Спарте I, 3, 1; II, 3, 10.

Парал—афинский казенный корабль II, 1, 28; II, 2, 3; VI, 2, 14.

Парапита—жена Фарнабаза IV, 1, 39 и сл.

Парий—город у Геллеспонта I, 1, 13.

Парос—один из Кикладских островов I, 4, 11.

Паррасийцы—жители аркадского города Паррасия VII, 1, 28.

Пасимах—спартанец IV, 4, 10.

Пасимел—коринфянин IV, 4, 4 и 7; VII, 3, 2.

Пасиппид—спартанец I, 1, 32; I, 3, 13 и 17.

Патесиад—эфор 416 г. в Спарте II, 3, 10.

Пафлагония—область в Мал. Азии IV, 1, 2 и сл.; жители П. IV, 1, 2; IV, 1, 21 и сл.

Пелла—главный город Македонии V, 2, 13.

Пеллена—1) город в Ахее VII, 1, 18; VII, 2, 18 и 20; жители П. IV, 2, 20; VI, 5, 29; VII, 1, 15 и сл.; VII, 2, 2; VII, 4, 17; 2) город в Лаконике VII, 5, 9; жители П. III, 2, 11.

Пелопид—фиванец, отправлен посланником в Персию VII, 1, 33—40.

Пелопоннес—III, 2, 17; III, 5, 17; IV, 6, 14; VI, 2, 9; VI, 3, 6; VII, 1, 23; VII, 2, 2 и др.; жители П. I, 1, 19; I, 6, 33; II, 2, 7; II, 4, 21; II, 4, 29; III, 5, 6 и 14; VI, 5, 1 и др.

Пергам—город в Эолии III, 1, 6.

Перикл—стратег афинян I, 5, 16; I, 6, 29; П. обвинен I, 7, 2; I, 7, 16 и 21.

Перинф—фракийский город у Пропонтиды—I, 1, 21.

Перкота—город в Троаде V, 1, 25.

Персы—I, 2, 19; III, 4, 14, 23 и сл.; IV, 1, 5 и 30; V, 2, 35; VI, 1, 12; П. войско III, 2, 15.

Пигела—гавань в Ионии I, 2, 7; жители П.—там же.

Пилос—город в Элиде VII, 4, 16 и 26; жители П. VII, 4, 26.

Пирей—гавань Афин I, 1, 35; I, 3, 22; I, 4, 12 и сл.; II, 2, 2 и сл.; II, 3, 10; II, 4, 1; III, 5, 5; V, 1, 9; V, 2, 33; срытие укреплений П. II, 2, 23; П. неукрепленный III, 5, 16; вновь укреплен Кононом IV, 8, 9 и сл.; П. не заперт никакими воротами V, 4, 20; снабжен воротами V, 4, 34; театр в П. II, 4, 32; каменоломни в П. I, 2, 14; десять архонтов в П. II, 4, 19.

- Пирей — на Истме IV, 3, 5 и 19; IV, 5, 1.
 Пирролох — аргивянин I, 3, 13.
 Писандр — спартанец, наварх III, 4, 29; смерть П. при Книде IV, 3, 10 и 12.
 Писа — элейский город; его жители VII, 4, 28 и сл.
 Писианакт — афинянин I, 4, 19; I, 7, 12.
 Писиды — народность в М. Азии III, 1, 13.
 Писий — стратег аргивян VII, 1, 41.
 Писон — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.
 Питий — эфор 422 г. и 405 г. до н. э. в Спарте I, 6, 1; II, 3, 10.
 Пифийский праздник состязания в Дельфах VI, 4, 29 и сл.
 Пифодор — архонт 404 г. до н. э. в Афинах II, 3, 1.
 Платея — город в Беотии V, 4, 10 и сл.; V, 4, 48.
 Платейцы — жители П. V, 4, 10; 3, 1 и 5.
 Плинтерии — праздник Афины в Афинах 1, 4, 12.
 Плистол — эфор 421 г. до н. э. в Спарте II, 3, 10.
 Поданем — 1) спартанец IV, 8, 11; 2) флиунтец V, 3, 13.
 Полибиад — спартанец, был послан против Олифа V, 3, 20 и 26.
 Полидамант — фарсалец VI, 1, 2 и сл.; VI, 4, 34.
 Поликсен — сиракузец V, 1, 26.
 Политроп — полководец в Пелопоннесе VI, 5, 11 и сл.
 Полифрон — фессалиец VI, 4, 33 и сл.
 Полихарм — 1) спартанец V, 2, 41; 2) фарсалец IV, 3, 8.
 Полиэнид — спартанец VII, 4, 23.
 Поллий — спартанец IV, 8, 11; П. в должности наварха V, 4, 61.
 Понт — Черное море I, 1, 22; II, 2, 1; IV, 8, 27; IV, 8, 31; V, 1, 28.
 Посейдон — бог моря IV, 5, 1 и 4; III, 3, 2; IV, 7, 4 и 5.
 Потамид — сын Гносия, предводитель сиракузцев I, 1, 29.
 Потидея — город на Паллене V, 2, 15; V, 2, 24; V, 2, 39; V, 3, 6.
 Потнии — город в Беотии V, 4, 41.
 Праксит — полемарх лакедемонян IV, 4, 7 и сл.; IV, 5, 19.
 Прант — город в Фессалии IV, 3, 9.
 Прасии — город в Лаконике VII, 2, 2 и сл.
 Приена — ионический город в М. Азии III, 2, 17; IV, 8, 17.
 Прокл — 1) потомок царя Демарата III, 1, 6; 2) флиунтец V, 3, 13; VI, 5, 38; VII, 1, 1.
 Промефей — фессалиец II, 3, 36.
 Проксен — 1) пелленец VII, 2, 16; 2) сиракузец 1, 3, 13; 3) тегеец VI, 5, 6 и сл.; 36.
 Проконнес — остров в Пропонтиде I, 1, 13; I, 1, 18; I, 3, 1; IV, 8, 36; V, 1, 26.
 Протомах — стратег афинян I, 5, 16; I, 6, 30 и 33; I, 7, 1.
 Профой — спартанец VI, 4, 2.
 Проэн — коринфянин IV, 8, 11.
 Рамфий — спартанец 1, 1, 35.
 Рафин — перс III, 4, 13.
 Ретий — город в Троаде I, 1, 2.

- Родос — остров у берегов Карики I, 5, 1; I, 5, 19; I, 6, 3; II, 1, 15, 17; IV, 8, 20; V, 1, 5.
- Родосцы — жители Р. I, 5, 19; IV, 8, 20.
- Саламин — остров близ Афин II, 2, 9.
- Саламиния — афинский казенный корабль VI, 2, 14.
- Самий — спартанский наварх III, 1, 1.
- Самос — остров у берегов Ионии I, 2, 1; I, 4, 8; I, 5, 14 и сл.; I, 6, 2, 15, 25 и сл.; II, 1, 12; II, 3, 3 и 6; IV, 8, 24; С-ский флот — I, 6, 25; I, 7, 30.
- Самосцы — жители Самоса I, 6, 29; II, 2, 6.
- Самофрака — остров у берегов Фракии V, 1, 7.
- Сарды — столица Лидии I, 1, 9 и 10; I, 5, 1; III, 2, 11; III, 4, 25; IV, 1, 27; IV, 8, 21.
- Сатир — служитель при «тридцати» в Афинах II, 3, 54.
- Свеннесий — киликийский властитель III, 1, 1.
- Севф — царь одрисов III, 2, 2 и 9; IV, 8, 26.
- Селимбрия — город во Фракии у Пропонтиды I, 1, 21; I, 3, 10; жители С. I, 1, 21.
- Селинунт — город в Сицилии I, 1, 37; жители С. I, 2, 10; С-ский флот I, 2, 8.
- Селласия — город в Лаконике — II, 2, 13 и 19; VI, 5, 27; VII, 4, 12.
- Сест — город на фракийском Херсонесе, у Геллеспонта — I, 1, 7 и 11; I, 1, 36; I, 2, 13; II, 1, 20; II, 1, 25; IV, 8, 3 и 5.
- Сидунт — укрепленное место на Истме, у Саронического залива IV, 4, 13; IV, 5, 19.
- Сикион — город в сев. части Пелопоннеса IV, 2, 14; IV, 4, 1 и сл.; IV, 5, 12; VII, 1, 17 и сл.; VII, 1, 44 и сл.
- Сикионцы — жители Сикиона — IV, 2, 16; IV, 4, 8 и сл.; VI, 4, 18; VII, 1, 22.
- Сиракузы — город в Сицилии V, 1, 26, 28; VI, 2, 35; VII, 1, 22; жители С. I, 1, 18, 26; I, 2, 8 и сл.; II, 2, 24; II, 3, 5; III, 5, 14; V, 4, 58.
- Сисиф — прозвище Деркилида III, 1, 8.
- Сицилия — I, 1, 37; I, 5, 21; VI, 2, 9; жители С. II, 2, 24.
- Скепсий — город в Троаде III, 1, 15 и сл.; III, 1, 20; жители С. III, 1, 21.
- Скиллунтяне — жители трифилийского города Скиллунта VI, 5, 2.
- Скионейцы — жители города Скионы, на Паллене II, 2, 3.
- Скиритида — область на границе Лаконики и Аркадии VI, 5, 24 и сл.
- Скиритийцы — жители Скиритиды V, 2, 24; V, 4, 52 и сл.
- Скирос — остров в Фракийском море, один из Спорадских о-вов IV, 8, 15; V, 1, 31.
- Скифий — спартаец III, 4, 20.
- Скол — место в Беотии V, 4, 49.
- Скопас — фессалиец VI, 1, 19.
- Скотуссийцы — жители фессалийского города Скотуссы IV, 3, 3.
- Соклид — спартиат VII, 4, 19.

- Сократ—афинянин, сын Софрониска I, 7, 15.
Состратид—эфор 428 г. в Спарте II, 3, 10.
Софокл—один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.
Спарта—главный город Лаконики I, 1, 32; I, 6, 32; II, 3, 1; V, 3, 10; VII, 1, 29; VII, 1, 33; VII, 2, 3; VII, 5, 9 и сл.
Спартиаты—правящий класс в Спарте III, 3, 5 и сл.; III, 4, 2; V, 1, 11; V, 3, 8 и сл.; V, 4, 39; VI, 5, 21; VII, 5, 9.
Спартол—город в Македонии V, 3, 6.
Спифридат—перс, союзник Агесилая, III, 4, 10; IV, 1, 2 и сл.; 20 и 27.
Стаг—перс I, 2, 5.
Сталк—элеец VII, 4, 15 и 31.
Стасипп—тегеец VI, 4, 18; VI, 5, 6 и сл.; 36.
Стесикл—стратег афинян VI, 2, 10.
Стириец—принадлежащий к аттическому дему Стиррия IV, 8, 25.
Стимфалиец—житель аркадского города Стимфала VII, 3, 1.
Страт—главный город Аркарнании IV, 6, 4.
Стратол—элеец VII, 4, 15 и 31.
Стромбихид—афинянин VI, 3, 2.
Струф—персидский сатрап в Мал. Азии IV, 8, 17 и сл.
Суний—мыс на южной оконечности Аттики V, 1, 23.
Сфагии—остров у берегов Мессении VI, 2, 31.
Сфенелай—спартанский гармост в Византии II, 2, 2.
Сфодрий—спартанец, гармост в Феспии, V, 1, 15; С. вторгается в Аттику V, 4, 20; обвинен за это в Спарте V, 4, 24; оправдан V, 4, 33 и сл.; V, 4, 63; смерть С. при Левктре VI, 4, 14.
Танагра—город в Беотии V, 4, 49; жители Т.—там же.
Тевфрания—город в Мисии III, 1, 6.
Тегея—город в Аркадии III, 5, 7 и 25; V, 1, 33; VI, 5, 6 и сл.; VI, 5, 36; VII, 4, 36; VII, 5, 7; область Т., Тегеатида VI, 5, 15; жители Т., тегейцы IV, 2, 13 и сл.; VI, 4, 18; VI, 5, 6, 10, 24; VII, 4, 36; VII, 5, 8.
Телевтий—спартанец, брат Агесилая IV, 4, 19; IV, 8, 11, 23 и сл.; Т. в Эгине V, 1, 2 и сл.; Т. в должности наварха V, 1, 13; Т. проникает в Пирей V, 1, 19—24 и сл.; Т. послан против Олинфа V, 2, 37, 41 и сл.; V, 3, 3; смерть Т. V, 3, 6.
Темнос—город в Эолиде IV, 8, 5.
Тенедос—остров у берегов Эолии V, 1, 6; тенедосцы—жители Т. V, 1, 7.
Тенея—город к югу от Коринфа IV, 4, 19.
Тидей—стратег афинян II, 1, 16 и 26.
Тигран—перс IV, 8, 21.
Тимагор—афинянин VII, 1, 33, 35, 38.
Тимократ—1) афинянин I, 7, 3; 2) лакедемонянин VII, 1, 13;
3) родосец III, 5, 1; 4) сиракузец VII, 4, 12.
Тимолай—коринфянин III, 5, 1; IV, 2, 11.
Тимомах—афинянин VII, 1, 41.
Тимофей—афинянин, стратег V, 4, 63; отправляется в Керкиру V.

4, 64 и сл.; его отзывают назад VI, 2, 2 и сл.; Т. снова стратег VI, 2, 11; смещен VI, 2, 13.

Тиндари́ды — Диоскуры VI, 5, 31.

Тириба́з — персидский наместник в Ионии IV, 8, 12; V, 1, 28; Т. ведет переговоры с Анталкидом IV, 8, 14 и сл.; Т. задерживает Конона IV, 8, 16; объявляет Анталкидов мир V, 1, 30.

Тиса́мен — лакедемонянин III, 3, 11.

Тисифо́н — фессалиец VI, 4, 57.; VI, 5, 1.

Тиссафе́рн — персидский правитель в М. Азии III, 1, 3; Т. враг Фарнабаза III, 1, 9; участие Т. в Пелопоннесской войне. I, 1, 9; I, 2, 6 и сл.; I, 5, 2 и сл.; главный полководец персидского войска в Мал. Азии III, 2, 13; война против Деркиида III, 2, 14 и сл.; ведение войны III, 4, 1; война против Агесилая III, 4, 5 и сл.; казнь Т. III, 4, 25.

Тлемони́д — спартанец V, 3, 3 и сл.

Торо́на — город в Халкидике V, 3, 18; торонийцы — жители Т. II, 2, 3.

Траллы́ — город в Карии III, 2, 19.

Трахини́я — см. Гераклея.

Трезена́ — город в Арголиде VI, 2, 3; жители Т. IV, 2, 16; VII, 2, 2.

Трикара́н — город и крепость во Флиунтской области VII, 2, 1; VII, 2, 5 и 13; VII, 4, 11.

Трипи́ргия — местность в Эгине V, 1, 10.

Трипто́лем — аттический герой VI, 3, 6.

Трифиле́йцы — народность в Элиде IV, 2, 16; VI, 5, 2; VII, 1, 26; городá Т. III, 2, 30.

Тро́я — III, 4, 3; VII, 1, 34.

Фала́мы — крепость в Элиде VII, 4, 26.

Фамне́рия — местность в Мидии II, 1, 13.

Фаний — афинянин V, 1, 26.

Фаносфе́н — стратег афинский на Андросе I, 5, 18.

Фара́к — спартанец, наварх III, 2, 12 и 14; проксен беотийцев IV, 5, 6; VI, 5, 33.

Фарнаба́з — перс; участие Ф. в Пелопоннесской войне I, 1, 6, 19 и 24; I, 2, 16; I, 3, 5 и сл.; I, 4, 5 и сл.; вражда Ф. с Тиссаферном III, 1, 5; союз с Тиссаферном III, 2, 13; заключение договоров с Деркиидом III, 2, 1, 9; походы против Агесилая III, 4, 13 и сл.; IV, 1, 1; IV, 1, 17 и сл.; переговоры с Агесилаем IV, 1, 29 и сл.; участие Ф. в морском сражении при Книде IV, 3, 11; Ф. прогоняет спартанских гармостов IV, 3, 1; Ф. опустошает окрестности Абидоса IV, 8, 6; опустошает лаконские берега IV, 8, 7; Ф. при дворе царя V, 1, 28.

Фарса́л — город в Фессалии VI, 1, 8; VI, 4, 34. Фарсальцы — жители Ф. IV, 3, 3; VI, 1, 2; VI, 1, 7 и 13.

Фасо́с — остров против Фракийского берега I, 1, 12, 32; I, 4, 9; V, 1, 7.

Феби́д — спартанец V, 2, 24; вступает в союз с фиванцами V, 2, 25 и сл.; занимает Кадмею V, 2, 29; гармост в Феспии V, 4, 41 и сл.; смерть Ф. V, 4, 45.

Феба — в Троаде IV, I, 41.

Федрий — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 7.

Фемистоген — сиракузец, псевдоним Ксенофонта — III, I, 7.

Феникунт — гавань на восточном берегу о. Киферы IV, 8, 7.

Феоген — афинянин I, 3, 13; Ф. в числе «тридцати» II, 3, 7.

Феогирид — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.

Феопомп — милетянин II, 1, 30.

Ферамен — афинянин, сын Гагнона II, 3, 30; шуточное прозвище Ф. — «Котурн» (сапог, годящийся и для правой и для левой ноги) II, 3, 31; Ф. полководец у Геллеспонта I, 1, 12 и сл.; триэрарх при Аргинусах I, 6, 35; I, 7, 16 и 31; Ф. обвиняет стратегов в Афинах I, 7, 4 и сл.; пытается быть посредником при заключении перемирия между осажденными афинянами и спартамцами в 405 г. II, 2, 16—22; его выбирают в число «тридцати» II, 3, 2; вражда Ф. с Критием II, 3, 15 и сл.; Ф. обвинен Критием II, 3, 24; его защитительная речь II, 3, 35—49; осуждение Ф. и казнь II, 3, 51—56.

Феримах — спартанский гармост в Мефимне IV, 8, 29.

Феропилы — горный проход у горы Эты VI, 5, 43.

Ферсандр — флейтист Фиброна IV, 8, 18 и сл.

Феры — город в Фессалии IV, 8, 7; жители Ф. II, 3, 4; VI, 4, 31.

Фесния — беотийский город, на склоне Геликона V, 4, 15; V, 4, 20, 38 и сл.; область Ф. V, 4, 4; жители Ф. IV, 2, 20; V, 4, 22; VI, 3, 1; VI, 4, 10.

Фессалия — область в Сев. Греции II, 3, 4, 36; IV, 3, 3; VI, 1, 2 и сл.; VI, 4, 28; VI, 5, 23; жители Ф. — фессалийцы II, 3, 4; IV, 3, 3; V, 3, 9; VI, 1, 8 и сл.; VI, 4, 28; VII, 5, 4.

Фея — город в Элиде III, 2, 30.

Фибрах — лакедемонянин II, 4, 33.

Фиброн — спартаец, ведет войну в Азии в 400 г. до н. э. III, 1, 4—7; Ф. изгнан III, 1, 8; послан спартамцами против Струфа в 397 г. IV, 8, 17; смерть Ф. IV, 8, 19; ср. также IV, 8, 22.

Фивы — II, 4, 1; III, 5, 1; V, 2, 25; V, 4, 19; VI, 3, 2; VII, 4, 34; жители Ф. — фиванцы I, 7, 28; II, 2, 19; III, 2, 21; поднимают войну против лакедемонян III, 5, 3 и сл.; побеждают при Галиарте (395 г.) III, 5, 18 и сл.; Ф. дают битву при Коронее IV, 3, 15 и сл.; участие Ф. в Коринфской войне IV, 5, 10; Ф. вынуждены принять Анталкидов мир V, 1, 32 и сл.; попадают под власть спартанцев в 384 г. V, 2, 25 и сл.; 37 и сл.; снова свободны V, 4, 2—10; Ф. покоряют себе беотийские города V, 1, 1; VI, 3, 1; Ф. исключены из числа участников мира 371 г. VI, 3, 10; победа Ф. при Левктре VI, 4, 13—15; первый поход Ф. в Пелопоннес VI, 5, 22 и сл.; второй поход VII, 1, 15 и сл.; VII, 2, 5; третий поход VII, 1, 41; Ф. посылают гармостов в ахейские города VII, 1, 43; четвертый поход в Пелопоннес VII, 5, 4 и сл.

Фила — крепость в сев. части Аттики II, 4, 2 и сл.; II, 4, 10 и сл.

Филипп — фиванец V, 4, 2 и сл.

Филиск — абидосец VII, 1, 27.

Филлид — фиванец V, 4, 2 и сл.

Филодик — афинянин I, 3, 13.

Филокл — стратег афинян I, 7, 1; II, 1, 30 и сл.

Филократ — афинянин, сын Эфиальта IV, 8, 23.

Фимохар — афинянин I, 1, 1.

Финикия — III, 4, 1; ф-ские триэры III, 4, VI; IV, 3, 11.

Фириец — житель города Фирия в Акарнании VI, 2, 37.

Фисбы — город в Беотии VI, 4, 3.

Флиунт — город в сев. части Пелопоннеса IV, 4, 15; IV, 7, 3; V, 2, 8; VII, 1, 18; VII, 2, 1; флиунтцы IV, 2, 16; принимают лакедемонян в свой город IV, 4, 15; должи снова принять своих изгнанников V, 2, 9; разрыв с лакедемонянами V, 3, 10; фл-цы побеждены Агесилаем V, 3, 13—17; подчиняются ему V, 3, 10; фл. при Левктре VI, 4, 9 и 18; фл. — ам помогают орхоменцы VI, 5, 14; VI, 5, 17 и 29; верность и храбрость фл. VII, 2, 2 и сл.; фл. заключают мир с фиванцами VII, 4, 10.

Фокея — город в Ионии I, 3, 1; I, 5, 11; I, 6, 33.

Фокида — область в Средн. Греции III, 5, 4; VI, 1, 4 и 27; жители Ф. — фокийцы III, 5, 3 и сл.; IV, 3, 15, 21; V, 2, 33; V, 4, 60; VI, 1, 1; VI, 2, 1; V, 3, 1; VI, 4, 2 и 9.

Форик — спартанец II, 1, 18 и 28.

Форик — поселение в южн. части Аттики I, 2, 1.

Фравст — местность в Элиде VII, 4, 14.

Фракия — I, 3, 10 и 17; I, 4, 9; II, 2, 5; III, 2, 9; IV, 8, 26; V, 1, 26; V, 2, 12; VI, 2, 24; жители Ф. — фракийцы III, 2, 8 и 10.

Фракийцы, живущие без царей, V, 2, 17; одрисы III, 2, 5.

Фрасибул — афинянин: 1) из стирийского дема IV, 8, 25; I, 1, 12; I, 4, 9; выбран в стратеги I, 4, 10; Фр. при Фокее I, 5, 11; триэрарх при Аргинусах I, 6, 35; I, 7, 5; I, 7, 17 и 31; Фр. изгнан «тридцатью» II, 3, 4; занимает Филу II, 4, 2—7; борется с «тридцатью», имея базой Пирей, II, 4, 10—34; речь Фр. к афинянам II, 4, 40 и сл.; III, 5, 16; послан с флотом против Телевтия в 390 г. IV, 8, 25; убит аспендийцами IV, 8, 30; 2) из Коллитского дема V, 1, 26.

Фрасидей — элеец в Киллене III, 2, 27 и сл.

Фрасилл — афинянин I, 1, 8; отражает нападение Агиса на Афины I, 1, 33; ведет войну у малоазийских берегов I, 2, 1 и сл.; I, 2, 3 и 6; возвращается в Афины I, 4, 10; Фр. — стратег I, 5, 16; Фр. при Аргинусах I, 6, 30; обвинен в Афинах I, 7, 2 и 29.

Фрасонид — элеец VII, 4, 15.

Фрия — аттический дем V, 4, 21.

Фригия — область в Мал. Азии I, 4, 1; III, 2, 1; III, 4, 12, 26; IV, 1, 1.

Фрикса — город в Трифилии III, 2, 30.

Фтия — область в южной части Фессалии IV, 3, 9.

Фурийские триэры — из Фурий в Италии I, 5, 19.

Хабрий — афинянин; отправляется к Евагору V, 1, 10; в Эгине V, 1, 10—12; охраняет горный проход у Элевфер — V, 4, 14 и 54; Х. побеждает спартанца Поллия V, 4, 61; Х. в войске Ификрата в Керкире VI, 2, 39; Х. с наемниками в Пелопоннесе — VII, 1, 25.

Халкидяне — жители свбейского города Халкиды IV, 2, 17.

- Харет — афинянин; помогает флиунтцам VII, 2, 18 и сл.; VII, 4, 1; предводитель флота VII, 4, 5.
- Харикл — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.
- Хармид — афинянин II, 4, 19.
- Харон — фиванец V, 4, 3.
- Харон — элеец VII, 4, 15 и сл.
- Херелей — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.
- Херил — эфор 417 г. до н. э. в Спарте II, 3, 10.
- Херон — спартанец II, 4, 33.
- Херсонес — полуостров у Геллеспонта I, 3, 8; I, 5, 17; II, 1, 20, 27; IV, 2, 6; IV, 8, 5, 35; V, 1, 7; III, 2, 8; X. защищен стеной от Фракии III, 2, 9 и сл.; жители X. I, 3, 10.
- Хилон — спартанец VII, 4, 23.
- Хиос — остров у ионического берега I, 1, 32; I, 6, 3 и сл.; II, 1, 1; II, 1, 10 и сл.; жители X. — хиосцы II, 1, 5 и сл.; III, 2, 11.
- Хремон — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.
- Хрисополь — город в Вифинии на Босфоре I, 1, 22; I, 3, 12.
- Эги — город в Эолии IV, 8, 5.
- Эгина — остров в Сароническом заливе II, 2, 9; V, 1, 1 и сл.; V, 4, 61; VI, 2, 1; жители Э. — эгинцы — прогнаны афинянами II, 2, 3; приведены обратно Лисандром II, 2, 9; эгинские «три обола» V, 2, 21.
- Эгоспотамы — местность во Фракийском Херсонесе II, 1, 21.
- Эгосфена — город в Мегариде V, 4, 18; VI, 4, 26.
- Экдик — наварх спартанцев IV, 8, 20 и сл.
- Экзарх — эфор 427 г. в Спарте II, 3, 10.
- Эксонеец — житель аттического дема Эксоны II, 4, 26.
- Элевсин — город в Аттике, выбранный «тридцатью» в качестве убежища II, 4, 8 и сл.; занят «тридцатью» II, 4, 24, 28 и 43; VII, 5, 15; жители Э. элевсинцы II, 4, 8.
- Элеунт — город на Фракийском Херсонесе II, 1, 20.
- Элевферы — город на южном склоне Киферы V, 4, 14.
- Элида — город в сев.-зап. части Пелопоннеса III, 2, 23; IV, 7, 4; VI, 2, 3; VII, 1, 38; область Э. III, 2, 23; VI, 2, 31; VII, 4, 17; жители Э. элейцы — враги лакедемонян III, 2, 21; побеждены лакедемонянами III, 2, 21—31; Э. участвуют в Коринфской войне III, 5, 12; IV, 2, 16; не участвуют в мире, заключенном в 370 г. VI, 5, 2; Э. объединяются с мантинейцами VI, 5, 5, 19 и сл.; разрыв Э. с аркадянами VII, 1, 26; Э. в борьбе с аркадянами VII, 4, 12 и сл.; VII, 4, 15—35; Э. объединяются с остальными пелопоннесцами против фиванцев VII, 5, 1 и 18.
- Элимия — сев.-западная область Македонии V, 2, 38.
- Элимия — местность в Аркадии VI, 5, 13.
- Эндий — эфор 403 г. в Спарте II, 3, 1 и 10.
- Эней — стимфалиец, полководец аркадян VII, 3, 1.
- Энесий — эфор 431 г. до н. э. в Спарте II, 3, 9.
- Энианы — народность в Южной Фессалии III, 5, 6; IV, 3, 15.
- Эолия — область на зап. берегу Малой Азии III, 1, 10 и 17; III, 7, 1 и 13; жители Э. III, 4, 11; IV, 3, 17; эолийские города III, 1, 16; IV, 8, 33.

Э п а м и н о н д — фиванец VII, 4, 39; выступает в Пелопоннес VII, 1, 41; в Ахею VII, 1, 42; вторично выступает в Пелопоннес V, 5, 4 и сл.; в Немею VII, 5, 6; Э. выступает в Тегею VII, 5, 7; поход Э. на Спарту VII, 5, 9—14; Э. решает дать сражение VII, 5, 18; смерть Э. при Мантинее VII, 5, 25.

Э п а р и т ы — сборные военные силы аркадян VII, 4, 33 и 36; VII, 5, 3.

Э п е р а т — эфор 413 г. до н. э. в Спарте II, 3, 10.

Э п и д а в р — город в Арголиде VI, 2, 3; VII, 1, 18 и 25; жители Э. IV, 2, 16; VI, 29; VII, 2, 2.

Э п и д о к — сиракузец I, 1, 29.

Э п и к и я — местность близ Сикиона IV, 2, 14; IV, 4, 13.

Э п и к и д и д — спартанец IV, 2, 2; V, 4, 39.

Э п и т а л и й — город в Трифилии III, 2, 24 и сл.; жители Э. III, 2, 25.

Э п и р — область в Сев. Греции VI, 1, 7; VI, 2, 9.

Э р а с и н и д — стратег афинян I, 5, 16; I, 6, 16 и 29; I, 7, 29.

Э р а с и с т р а т — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.

Э р а т о с ф е н — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2.

Э р е т р и й ц ы — жители евбейского города Эретрии III, 1, 6.

Э р и ф р ы — беотийский город у Киферы V, 4, 49.

Э с х и н — один из «тридцати» в Афинах II, 3, 2 и 13.

Э т е о н и к — лакедемонянин; гармост на Фасосе I, 1, 32; Э. у Калликратида под Митиленой I, 6, 26, 35; отправляется обратно в Мефимну I, 6, 38; на Хиосе II, 1, 1 и сл.; отозван Лисандром в Эфес II, 1, 10; послан во Фракию II, 2, 5; в Эгине V, 1, 1 и 13.

Э т и м о к л — лакедемонянин V, 4, 22 и 32; VI, 5, 33.

Э т о л и я — область в Средней Греции IV, 6, 1; жители Э. — этолийцы IV, 6, 14.

Э ф е с — ионический город в Малой Азии I, 2, 6 и сл.; I, 5, 1, 10 и сл.; I, 6, 7; II, 1, 6; III, 1, 8; III, 2, 9; III, 4, 4; IV, 8, 3; V, 1, 6; область Э. III, 2, 14; жители Э. эфесцы I, 2, 10; I, 5, 12.

Э ф и а л ь т — афинянин IV, 8, 23.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>С. Лурье. Ксенофонт и его «Греческая история»</i>	III
<i>Греческая история</i>	
Книга первая	1
Книга вторая	24
Книга третья	48
Книга четвертая	72
Книга пятая	104
Книга шестая	136
Книга седьмая	168
<i>Приложение</i>	
Отрывок из «Греческой истории», найденный в Оксирихе в 1907 г.	200
<i>Комментарий</i>	
Введение	213
К книге первой	218
К книге второй	245
К книге третьей	262
К книге четвертой	285
К книге пятой	302
К книге шестой	324
К книге седьмой	342
<i>Указатель имен и географических названий</i>	355

*Ответственный редактор О. Крюгер.
Технич. редактор Л. Вакуленко. Переплет, заставки и концовки работы худ.
В. П. Белкина. Корректор О. Я. Яковлев.*

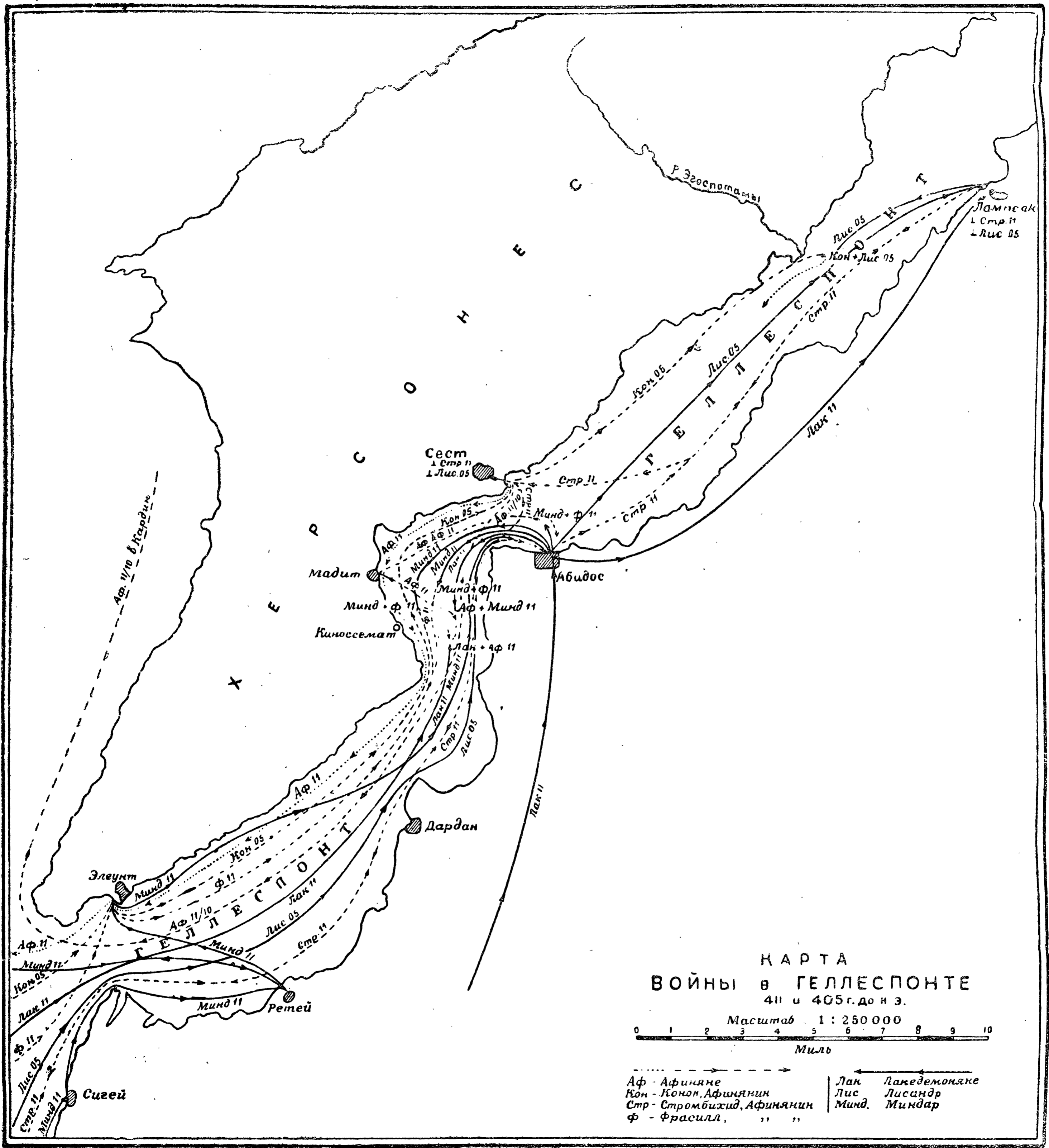
★

Сдано в набор 30.IV.35. Подписано к печати 10.IX.35. Тираж 10 250. Заказ № 2666. Ленкорлит № 23148. Инд. С-43. Союзкиз № 1093. 28,62 авт. л., 24 п. л. Бумага 62×94 см, 11³/₄ бум. лист. по 49422 тип. зн. в 1 листе.

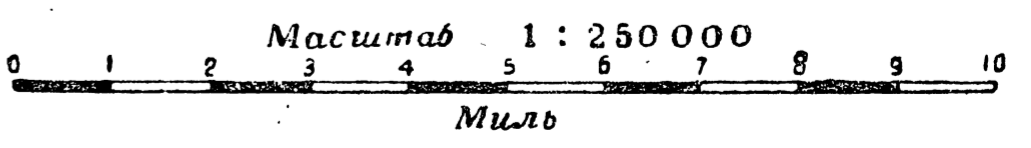
Цена книги 6 р. 25 к., перепл. 1 р.

★

Отпечатано 2-й тип. «Печатный Двор» треста «Полиграфкииз». Ленинград, Гатчинская, 26.

КАРТА
 ВОЙНЫ В ГЕЛЕСПОНТЕ
 411 и 405 г. до н. э.

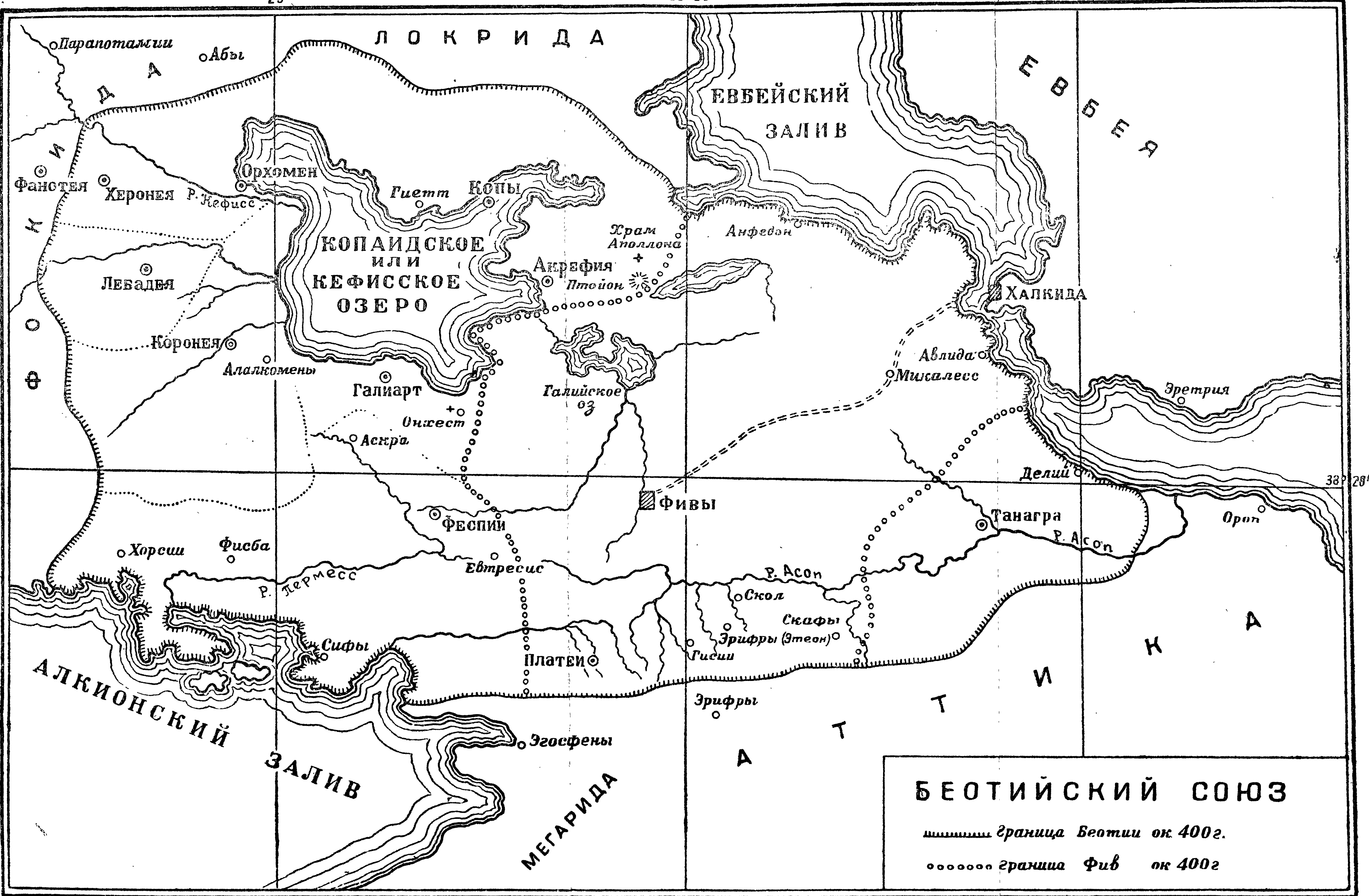

Аф - Афиняне	Лак - Лакедемоняне
Кон - Конон, Афинянин	Лис - Лисандр
Стр - Стромбихид, Афинянин	Минд. - Миндар
Ф - Фрасилл, " "	

23°

23°20'

23°40'

Парапотамии
А

Абы

ЛОКРИДА

ЕВБЕЙСКИЙ
ЗАЛИВ

ЭВ
Б
Т
Я

Фанстия

Херонея

Р. Кефисс

Орхомен

Гиетт

Копы

КОПАИДСКОЕ
или
КЕФИССКОЕ
ОЗЕРО

Храм
Аполлона

Анфебан

Акрефия

Птойон

Халкида

Левадея

Коронея

Алалкомены

Галиарт

Галийское
оз

Авлида

Мисалесс

Эретрия

Оижест

Аскра

Делии

Фивы

Феспии

Танагра

Орон

Хорсии

Фисба

Р. Термесс

Евтресис

Р. Асон

Скол

Скафы

Эрифры (Этеон)

Гисии

Сифы

Платеи

АЛКИОНСКИЙ
ЗАЛИВ

Эгосфены

Эрифры

А

Т

Т

И

К

А

МЕГАРИДА

38° 28'

ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА

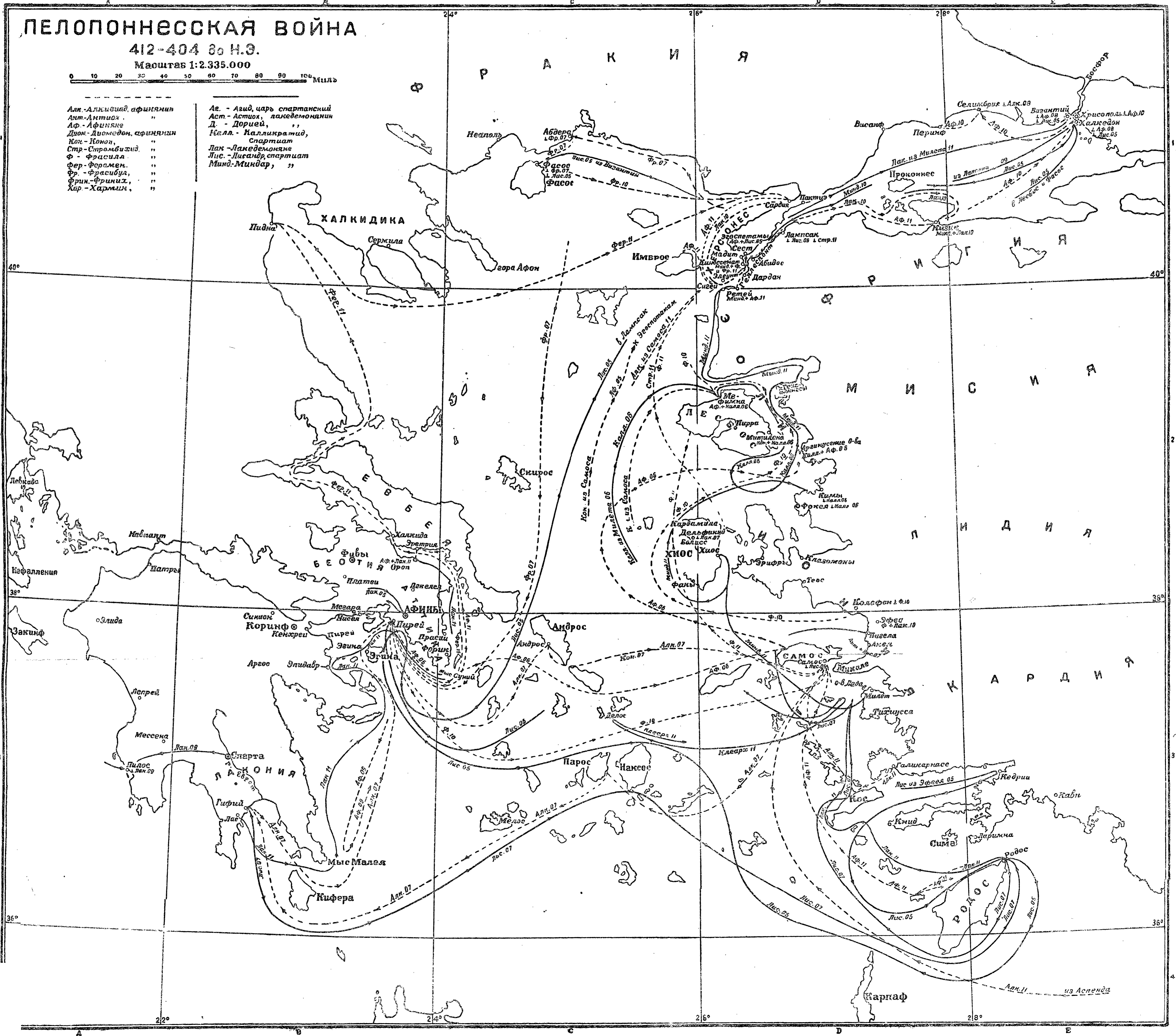
412-404 до н.э.

Масштаб 1:2.335.000

- Алк. - Алкивиад, афинянин
- Ант. - Антиох, "
- Аф. - Афиняне
- Диом. - Диомедон, афинянин
- Нок. - Нокон, "
- Стр. - Стромбизид, "
- Ф. - Фрасила, "
- Фер. - Феромен, "
- Фр. - Фрасибул, "
- Фрин. - Фриних, "
- Хар. - Хармих, "

- Аг. - Агид, царь спартанский
- Аст. - Астиох, лакедемонянин
- Д. - Дорией, "
- Калл. - Калликратид, спартиат
- Лак. - Лакедемоняне
- Лис. - Лисандр, спартиат
- Минд. - Миндар, "

752

КОЛЛЕКЦИЯ
ГОРНОГО
ИСТОРИЯ